Н.Н.ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Вашингтон
Преступившие грань

Н.Н.ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Москва
«Молодая гвардия»
1989

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения

Вашингтон
Преступившие грань

Москва
«Молодая гвардия»
1989

ББК 63.3(7США)
Я 47

Я $\frac{4702010201-065}{078(02)-89}$ КБ—040—039—88

ISBN 5-235-00378-0

© Издательство «Молодая гвардия», 1989 г.

Вашингтон

И У НЕГО БЫЛИ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

СОЛДАТ ГРАНИЦЫ

ПЛАНТАТОР И ПАТРИОТ

ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН

ПОЧЕМУ НЕ ДИКТАТОР?

ПРЕЗИДЕНТ США

ТЕПЕРЬ О ЛЕГЕНДЕ

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

И У НЕГО БЫЛИ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

По прихоти судьбы портрет шестидесятилетнего Вашингтона, написанный Стюартом, идеализированный и величественный, но в то же время сверхторжественный и безжизненный, стал самым популярным. В этом году он возведен в ранг «официального» портрета и красуется в каждой школе США; следовательно, грядущие поколения американских школьников будут воспитаны в представлении о Вашингтоне как о нудном старце.

С. МОРИСОН. Молодой Вашингтон, 1932 год

В наши дни обычно не заботятся о том, чтобы знать свою родословную дальше третьего поколения. Был дед, и ладно.

Жизнь стремительно летит вперед.

Иное дело век XVIII. Время не торопилось. Вечера при свечах располагали к обстоятельной беседе о ближних и дальних родственниках, можно было повздыхать по старине, когда люди были лучше и чище. Во всяком случае, крепче телом и душой, жили несравненно дольше. То, что это было совершенно неверно, во внимание не принималось. Тогда много легче верили. Вероятно, этим особенностям века мы обязаны подробному, хотя и не всегда достоверному представлению о генеалогическом древе Джорджа Вашингтона.

Предки его были англичанами и попали в Новый Свет, гонимые бурей Английской революции. В середине XVII столетия в графстве Эссекс жил в скромном достатке английский священник, преподобный отец Лоуренс Вашингтон. Он славил бога своего и любил крепкий эль. Круглоголовые пуритане, приступившие под водительством О. Кромвеля к развернутому строительству града господнего на земле, не могли допустить и мысли, чтобы «завсегдатай таверны», «скандальный, мерзостный священник» служил богу. В 1643 году во имя чистоты идеалов они изгнали распутника из прихода. Принципы восторжествовали, а Лоуренс, лишившийся средств к жизни, умер в нищете.

Впоследствии утверждали, что круглоголовые покарали Лоуренса не за пьянство, а за ортодоксальность, расходившуюся с их собственной и, естественно, как бывает в периоды революции, единственно правильную в глазах имеющих силу. Для оставшихся детей независимо от того, что судьба отца была все же лучше удела многих тысяч бедняков, результат был один — безысходная бедность. В середине пя-

тидесятых годов двое сыновей решили искать счастья за океаном, в Америке.

В 1657 году старший из них, двадцатипятилетний Джон, ступил на землю Вирджинии, где и обосновался вместе с братом. Капитан торгового судна, на котором служил Джон, не имевший иных средств на переезд в Америку, попытался вернуть его через суд. В ответ Джон предъявил капитану обвинение в том, что тот в пути вздернул на рее женщину, объявленную без достаточных оснований ведьмой. На процесс капитана Джон не явился, сославшись на занятость — он крестил первенца Лоуренса (деда Вашингтона). Пока раскручивался маховик судебной машины, он успел жениться на дочери богатых родителей Анне Поп и пустить корни в колонии.

Джон довольно быстро достиг в Вирджинии примерно такого же социального положения, какое имел его отец в Англии. Он стал мировым судьей и берджессом — членом нижней палаты ассамблеи Вирджинии. Обзавелся недвижимой и движимой собственностью, а по смерти первой жены еще дважды сочетался браком. Вторую жену Джон знал отлично задолго до обмена с ней обручальными кольцами. Он, как мировой судья, вел ее процесс — женщина обвинялась в содержании дома терпимости. Когда умерла и вторая жена, он вступил в брак с ее сестрой, также доброй знакомой. Он судил ее по обвинению в непристойном поведении — она была пресловутой любовницей губернатора колонии. До брака с Джоном она успела овдоветь трижды. В те времена в Новом Свете женились многократно и умирали рано. Джон скончался в 1677 году, едва достигнув сорока пяти лет.

Он оставил о себе память как о цепком человеке, неуклонно стремившемся вверх и только вверх. Иногда Джон умудрялся выступить истцом в суде, где сам председательствовал. Умел вчинить иск и индейцам — хитроумным юридическим маневром он оттягал землю у целой индейской деревушки. Краснокожие от души прозвали Джона Канотакариусом, что примерно означало «похититель деревень». Непомерно злопамятные были склонны в порыве досады распространять прозвище на правнука. Джон считался полковником вирджинского ополчения, на его совести, помимо иных деяний, участие в хладнокровном убийстве пяти индейских послов.

Едва ли по этому поводу он испытывал серьезные угрызения совести — колония росла, нужны были новые земли, а краснокожие с их смехотворными претензиями на охотничьи угодья и прочее считались досадной помехой. В высших интересах бога и Вирджинии их надлежало изгонять — судом белого человека или с мушкетом в руках. В зависимости от обстоятельств. Во всяком случае, жизнь Джона не выходила за рамки этики, принятой в Америке XVII столетия.

Лоуренс Вашингтон, по профессии юрист, представлял в колонии интересы лондонских купцов. Он продолжил семейную традицию, заложенную Джоном в первом браке, и взял в жены женщину, стоявшую выше на социальной лестнице. Милдрер Уорнер была дочерью члена Королевского совета, верхней палаты вирджинской ассамблеи. Лоуренс округлил состояние семьи, и, когда в 1698 году, тридцати девяти лет, он ушел в лучший мир, Вашингтоны считались по масштабам Вирджинии довольно состоятельными людьми. Августину, второму сыну Лоуренса, отцу первого президента США, было тогда три года.

Вдова с двумя сыновьями и дочерью отправилась в Англию. Там по обычаям того времени она вскоре вышла замуж, а сыновей поместили в известную школу Аплби, Вестморленд. При очередных родах последовала смерть матери, неясность с наследством, юридические споры, и, наконец, Августин Вашингтон вернулся в Вирджинию и вступил в права полагавшейся ему частью имущества — примерно треть от общих земельных владений в 2000 гектаров. В 1715 году Августин, которому исполнился двадцать один год — по воззрениям вирджинцев, зрелый мужчина, — женился на Анне Батлер, принесшей порядочное приданое. От этого брака у него было трое детей — сыновья Лоуренс, Августин и дочь Джейн.

По преданиям, Августин был человеком громадного роста, сказочной физической силы и удивительной кротости. Внешний облик не так существен, как деловые качества Августина, а о них можно судить точно — биографы раскопали в архивах множество деловых бумаг. Предстает отнюдь не кроткий гигант, а делец с бульдожьей хваткой.

Земельные владения Августина, по ним-то в Вирджинии и оценивалось богатство человека, к моменту его брака занимали что-то около 700 гектаров, к исходу жизни ему принадлежало 4000 гектаров. Спекуляции землей нежданно-негаданно принесли новую выгоду — на его участке около деревни Фридриксбург были открыты залежи железной руды. Августин съездил в Англию, заинтересовал лондонских предпринимателей в деле, и с середины двадцатых годов у реки Потомак заработал рудник и было налажено доменное производство. Компания, получившая название «Принсипиа», выплавляла в год 300 тонн чугуна, вывозившегося в Англию. Ежегодный английский импорт чугуна в то время едва достигал 20 тысяч тонн. Это происходило в то время, когда выплавка чугуна была строжайшим образом запрещена в колониях. Августин Вашингтон и его лондонские друзья, видимо, знали, как обходиться с запретами британской короны.

Компания процветала, в 1726 году Августин выкупил у сестры плантацию Хантинг-Крик на Потомаке за 180 фунтов стерлингов (стоимость 200 тонн чугуна). Плантация за-

нимала ровно половину из 2000 гектаров земли, в свое время пожалованных полковнику Джону Вашингтону и полковнику Николасу Спенсеру за ввоз в Вирджинию из Англии 100 каторжников для особо тяжелых работ. Именно эта плантация со временем стала домом Джорджа Вашингтона — Маунт-Вернон.

Современник, образованный вирджинец, У. Бирд оставил живое описание чугуполитейного дела, поставленного на американской земле предприимчивым Августином. Побывав в окрестностях Фридриксбурга, он писал: «Обитатели деревни немногочисленны. Помимо полковника Уиллиса (который впоследствии женился на тетке Джорджа Милрид), в деревне живут торговец, портной, кузнец и трактирщик... Через реку находится рудник Инглянд, названный по имени главного управляющего, хотя земля принадлежит мистеру Вашингтону. Рудники в двух милях от плавильни, куда мистер Вашингтон доставляет на телегах руду, чугун обходится в 20 шиллингов за тонну. Плавильня стоит на ручье, впадающем в Потомак. А когда слитки готовы, их везут на телеге еще шесть миль к пристани на этой реке. Кроме мистера Вашингтона и мистера Инглянда, еще несколько человек в Англии заинтересованы в этом предприятии. Дело поставлено очень хорошо, и не щадят никаких усилий, чтобы вести его с прибылью».

В 1729 году Августин овдовел. Сыновья подросли, и он повез их в Англию, где по уже начавшей складываться семейной традиции определил в школу Аплби. В Англии Августина постигло несчастье — он выпал из экипажа, получил ранения и был вынужден отлеживаться в доме знакомых. Среди живших тогда в доме внимание Августина привлекла высокая сильная девушка, двадцатилетняя Мэри, приехавшая из Америки погостить в Англию к родственникам. Он вспомнил, что знает ее давным-давно: она жила в том же приходе в Вирджинии, что и семья Вашингтонов.

Преуспевающие Вашингтоны купили место в приходской церкви и торжественно появлялись на богослужениях — благополучный Августин, разряженная Джейн, одетые как джентльмены сыновья Лоуренс и Августин-младший. В толпе жалась сирота Мэри, потерявшая к 12 годам родителей. Ее опекун, адвокат Джордж Эскридж, был достойным человеком, а следовательно, стеснен в средствах. Девочка не получила даже того скудного образования, которое почиталось достаточным для дочерей из «приличного» общества Вирджинии. Она, в сущности, росла неграмотным, заброшенным ребенком, хотя Эскридж никогда не скупился на добрые советы.

С младых ногтей Мэри почувствовала себя хозяйкой. Отец оставил ей 160 гектаров земли, пятнадцать голов скота, трех чернокожих рабов и достаточно перьев для роскошной перины. Девочка получила в наследство еще пять плать-

ев и отделанное шелком седло, которое пришлось очень кстати — Мэри была прекрасной наездницей. Постепенно в ней выработались незаурядная твердость и уверенность в себе. Мэри твердой рукой могла привести в расстройство и загубить любое хорошо поставленное хозяйство. Попросту она была суетной, бестолковой женщиной, донельзя упрямой и неизменно уверенной в своей правоте.

В 1731 году Августин ввел 23-летнюю Мэри в свой дом на плантации в графстве Вестморленд, опустевший после смерти Анны. То, что Августин был вдовцом целых два года, по тогдашним виргинским понятиям необычайно длительный срок. Еще удивительней представлялся более чем зрелый возраст невесты, считалось, что в 23 года девушка почти безнадежно «засиделась».

У троих детей Августина появилась энергичная мачеха. Дочь от первого брака вскоре умерла, а материнская ласка для сыновей пока не была необходима — оба находились далеко в Англии.

11 февраля 1732 года родился сын. Вероятно, в честь опекуна Мэри назвала его Джорджем. В 1752 году была проведена реформа календаря, все даты сдвинулись на 11 дней вперед. С тех пор 22 февраля считается днем рождения Джорджа Вашингтона.

* * *

Мэри Болл после Джорджа в быстрой последовательности родила еще пятерых детей. Хотя одна девочка умерла, Августин и во втором браке оказался многодетным отцом. Детьми занималась Мэри, супруг — делами. Вероятно, для Джорджа в раннем детстве отец представлялся фигурой загадочной — частые отлучки, иногда многомесячные — ему приходилось регулярно ездить в Англию. Радость встреч, томительное ожидание подарков, которые добрый и щедрый отец привозил детям из-за моря.

Когда Джорджу было три года, Августин перевез семью километров за семьдесят, на плантацию Хантинг-Крик, где она прожила около трех лет. Конечно, дом не имел ничего общего с позднейшей прославленной резиденцией Маунт-Вернон. Места раннего детства запали Джорджу на всю жизнь — холм, избранный Августином для сооружения дома, с которого открывался вид на величественный Потомак, достигающий здесь почти двухкилометровой ширины. В Хантинг-Крик жилось привольно и дышалось легко.

Бесконечные дела заставили Августина расстаться с полюбившимся маленькому Джорджу местом. В 1738 году он с семьей переехал на пятьдесят километров южнее, на плантацию Ферри-Фарм. Поблизости находился рудник, истощение которого вызвало беспокойство Августина. Вашингтоны теснились в восьмикомнатном деревянном доме,

стоявшем на берегу Раппаханнок, которая, конечно, не шла ни в какое сравнение с Потомаком. Сведения о детстве Джорджа самые скудные, но, если бы прославившийся благостными выдумками первый биограф Вашингтона Уимс был прав, Ферри-Фарм была подходящим местом для одного из мифологических подвигов юного героя — он, конечно, с известным усилием мог бы перебросить серебряный доллар или камень через реку.

В отличие от редко заселенных мест, где находилась плантация Хантинг-Крик, Вашингтоны теперь жили в одном из самых оживленных районов Вирджинии. Ее жизнь Джордж мог легко наблюдать, стоило выйти из дому. К пристани, находившейся чуть ли не у дверей, подходили океанские суда, с величайшим трудом маневрировавшие в узкой реке. Рядом — паром, неизбежное скопление людей, лошадей и повозок. По ту сторону реки Фридриксбург, первый «город», увиденный Джорджем. Единственный каменный дом — тюрьма. Склады табака, причалы, у которых стояли корабли из далекой Англии.

На Ферри-Фарм было все необходимое для идиллического детства. В лесу поблизости он воевал с воображаемыми индейцами, на Раппаханноке удил рыбу, плавал и греб. У хижин негров (Августин держал на плантации двадцать невольников) молодого хозяина встречали подобострастные поклоны.

По всей вероятности, грамоте и начаткам счета его научил каторжник, которого отец взял домашним учителем. В этом не было ничего странного, в партиях кандальников, прибывавших из Англии, бывали прекрасные люди, по каким-то причинам попавшие в беспощадный механизм английской карательной системы. Быть может, обучение Джорджа было не только домашним, он посещал начальную школу в Фридриксбурге.

С шести лет в жизнь Джорджа вошел человек, которого он боготворил. Сводный брат Лоуренс неожиданно оказал решающее влияние на формирование его характера. Лоуренсу было двадцать лет. Он приехал из Англии, завершив образование в Аплби. На сохранившихся портретах Лоуренс выглядит высоким стройным человеком, с лицом, которое в XX веке назвали бы интеллектуальным, глазами, глядевшими в мир с большим чувством юмора. Таким, вероятно, он был в жизни, впитав самое лучшее, что могло дать либеральное привилегированное учебное заведение.

Джордж, замирая, слушал рассказы Лоуренса о школе, со временем и он должен был отправиться за океан, в Аплби. В 1741 году Лоуренс вырос в глазах мальчика в исполинскую фигуру — не пробыв дома и года, он уехал воевать донов.

Разразилась очередная война Англии, каких было множество в XVIII веке, на этот раз с Испанией. Англичане

поднимались на войну разъяренные, ибо доны дали ужасный повод к ней. Испанский корабль остановил в открытом море британский бриг «Ребекка», заподозрив, что англичане везут товары, незаконно закупленные в испанской Вест-Индии. Товары конфисковали, а в назидание другим контрабандистам испанцы отрезали ухо капитану «Ребекки» Дженкинсу.

«Ужасающая, неслыханная жестокость!» — восклицали потрясенные члены английской палаты общин. Презренные доны поставили под угрозу не только прибыльную торговлю, но и уши британских моряков. Бравый адмирал королевского флота Вернон поклялся палате: «Дайте мне шесть кораблей, и я возьму Порто-Белло!» Слова флотоводца покрыла буря аплодисментов. Вернону выделили потребные суда.

В Вирджинии кровь закипела от негодования в жилах плантаторов — контрабандная торговля с испанскими владениями в Америке была давним занятием благочестивых колонистов. Маленький Джордж Вашингтон муштровал своих одноклассников, готовя их к схватке с донами. Плантаторы пили за успех оружия его величества. Ухо капитана Дженкинса взывало о возмездии, и губернатор Вирджинии Гуч заявил, что готов выдать каперские свидетельства «для задержания, захвата судов и барок, принадлежащих королю Испании, его вассалам и подданным». Это подняло патриотизм вирджинских судовладельцев на новую высоту.

Для содействия британскому флоту против кровожадных донов было решено собрать полк бравых вирджинцев. Тут встретились трудности — белые бедняки предпочитали трудиться на своих участках, а не воевать за ухо Дженкинса. Пришлось ассамблее принять закон — насильственно включать в полк всех мужчин, не имеющих «законных занятий». Таковыми в основном оказались каторжники, трудившиеся как «кабальные слуги».

Под угрозой судебной расправы набрали квоту, выделенную Вирджинии, — 400 человек. К ним назначили четырех капитанов, одним из них был Лоуренс Вашингтон. В сентябре 1741 года вирджинское воинство отплыло в южные моря воевать испанца.

Попытка Вернона овладеть Картахеной была отбита с сокрушительными потерями. На Ферри-Фарм места себе не находили, беспокоясь о судьбе Лоуренса. Наконец он объявился в родных местах, в восторге от адмирала Вернона и полный негодования по поводу английского генерала, который продержал вирджинских воинов на судах, где они порядком намучились, а некоторые умерли от желтой лихорадки. Воинских лавров Лоуренс не снискал, разве что вывез от стен Картахены туберкулез, убивший его через двенадцать лет. Первого Джордж не понимал, о втором не мог знать — ему было достаточно видеть обожаемого брата в

блестящем офицерском мундире. Каждое слово, исходившее из его уст, приобретало для мальчика глубокий смысл.

12 апреля 1743 года разразилась беда — умер отец. Джорджу было одиннадцать лет.

Как и было принято тогда, львиная доля наследства пошла Лоуренсу, прежде всего плантация в Хантинг-Крик и рудник. Лоуренс немедленно переименовал ее в Маунт-Вернон, в честь обожаемого адмирала, и повесил в доме громадный портрет флотоводца. Вторая, большая доля имущества, включая плантацию Поп-Крик в графстве Вестморленд, где родился Джордж, досталась Августину.

Из всего имущества отца — 4000 гектаров земли и 49 рабов — на долю второй семьи осталось немногое — плантация Ферри-Фарм, 10 негров и кое-какое имущество. Едва ли утешало невероятное условие, все же оговоренное в завещании: если Лоуренс умрет бездетным, ему наследует Джордж.

Одиннадцатилетний Джордж, старший из пяти детей, остался лицом к лицу с матерью под требовательными взорами малышей — трех братьев и сестры.

* * *

Она была всегда суровой женщиной, Мэри Болл, а оставшись вдовой с ограниченными средствами, проявила еще дикую гордыню. Мягкий Лоуренс, умевший легко смотреть на жизнь, попытался наладить отношения с мачехой. Но очень скоро отступился. Мэри была неопрятна, невежественна, скандальна, превыше всего на свете ставила Библию и в довершение всего, заподозрил Лоуренс, тайком покуривала трубку.

Мэри с мученическим сладострастием взялась нести свой крест. Она не вышла снова замуж, как можно было бы ожидать по нравам тогдашней Виргинии, а посвятила себя семье, выполняя долг по собственному разумению. Наставляя детей на путь истинный, она подкрепляла увещевания увесистыми затрещинами и добрыми пинками. Все, что дошло до нас о Мэри, неопровержимо свидетельствует, что эта женщина повергала в панический ужас знавших ее. Один из друзей детства Джорджа вспоминал: «Я боялся ее в десять раз больше моих родителей». Другой рассказывал: «Я часто бывал с ее сыновьями, здоровыми парнями, и мы все при ней помалкивали как мыши».

При всей вспыльчивости и своеволии Мэри сообразила, что на Ферри-Фарм трудно поднять пятерых детей. Спустя несколько месяцев после смерти мужа она согласилась, чтобы Джордж жил у сводных братьев. Осенью 1743 года он отправился к Августину, а через два года к Лоуренсу. Ноги самой Мэри в этих домах никогда не было.

Хотя Мэри считала естественным возложить выполнение

родительского долга на сводных братьев, она не желала, чтобы Джордж покинул родные края. По всей вероятности, именно она воспрепятствовала его отъезду в Англию, в Аплби. Это, несомненно, нанесло непоправимый ущерб его образованию, но упрямство Мэри, проявленное в другом случае, американские историки задним числом благословляют. Когда Джорджу было лет четырнадцать, она не сдалась на упорные уговоры Лоуренса и его друзей определить сына в королевский флот.

Ее упрямство, возможно продиктованное родительским инстинктом, опиралось и на совет брата, жившего в Англии. Достойный родственник в ответ на просьбу Мэри сообщить свое мнение высказался с обескураживающей откровенностью: «Я думаю, что лучше отдать в подмастерье к меднику, где его обломают, будут обращаться как с негром или скорее как с собакой. Если бы он выбился в капитаны вирджинского судна (что чрезвычайно трудно), то плантатор, имеющий 120—160 гектаров земли, трех-четырех рабов, при надлежащем прилежании лучший добытчик для семьи, чем такой капитан».

Годам к шестнадцати отношения Джорджа с матерью приобрели холодный и формальный характер. Трагедия Мэри заключалась в том, что, высоко ценя свою деспотическую родительскую любовь, она полагала, что дети перед ней в неоплатном долгу, и пыталась властно взыскать все. Джордж (не без содействия Лоуренса) вырвался из ее рук, других детей она просто сломала. Чарлз спился и умер, Самюэль скончался, подорвав силы развратом. Последний сын — безвольный Джон — не видел никаких недостатков у Мэри. В 1772 году она переехала с Ферри-Фарм в Фридриксбург к дочери и жила с ее семьей.

Только Джордж вышел на большую дорогу жизни, и Мэри никогда не простила ему этого. Отношения между прославленным генералом и его матерью приобрели столь скандальный характер, что современники стыдливо умалчивали о существовании Мэри. После смерти Вашингтона бойкие биографы попытались изобразить Мэри в духе матерей древней Спарты — она-де много ожидала от своего сына и поэтому никогда не удовлетворялась его достижениями.

Мэри действительно никогда не выражала ни малейшего удовлетворения по поводу побед, одержанных под предводительством Вашингтона. «Ему слишком много льстят», — во всеуслышание повторяла она. Рассказывают, что в годы войны за независимость Мэри выражала твердую уверенность желавшим слушать, что «Джорджа все равно поймают и вздернут». Но она никогда не упускала случая напомнить сыну, что живет в страшной нужде, и постоянно требовала денег. Он был щедр, но требования Мэри все возрастали.

В 1781 году жалобы Мэри растопили даже каменные сердца джентльменов, заседавших в вирджинской ассамблее, и они принялись обсуждать вопрос о назначении пенсии матери Вашингтона. Когда он узнал об этом, то написал конфиденциальное письмо спикеру ассамблеи, решительно высказавшись против, ибо жадность Мэри клала пятно и на его репутацию. Вашингтон указал, что купил матери дом, обстановку, она имеет рабов, живет в полном довольстве. «Я, — добавил Вашингтон, — уверен, что все ее дети готовы разделить с ней последнюю полушку, если бы было нужно избавить ее от настоящей нищеты. Я неоднократно заверял ее в том, и все мы были бы смертельно обижены, зная, что мать получает пенсию в то время, как мы в состоянии содержать ее. Она имеет более чем достаточный собственный доход».

Для вирджинской ассамблеи объяснений было достаточно. Мэри тем не менее продолжала плакаться. Тогда Вашингтон пишет брату Джону: «Из надежных рук я узнал, что она при каждом случае и в любом обществе жалуется на трудные времена, что она в нужде и если не прямо, то достаточно прозрачными намеками выпрашивает подачки, что выставляет в неблагоприятном свете не только ее, но и всех связанных с ней. Что у нее нет неудовлетворенных нужд, я уверен. Воображаемые же нужды понять невозможно, и часто их нельзя удовлетворить, ибо они беспричинны и всегда изменчивы. Выясни, в чем же она действительно нуждается, чтобы удовлетворить ее».

По сохранившимся шести письмам Джорджа к матери (четыре написаны в 1755 году, а два в 1787 году) видно, что Мэри постоянно выставляла абсурдные претензии, которые сын отклонял, ссылаясь на собственные стесненные обстоятельства. Самое большое письмо (от 15 февраля 1787 года) выглядит как пространная бухгалтерская справка о доходах плантаций и о том, почему он не может сделать для матери большего.

Известно, что Мэри никогда не бывала в доме сына после его брака. Это можно только частично отнести за счет ее характера. Прославленный генерал предупредил мать, что его дом напоминает «многолюдную таверну». Вследствие этого «если тебе придется быть в нем, то перед тобой встанет выбор: 1) всегда быть одетой, чтобы появиться в обществе; 2) выходить... неприбранной; 3) сидеть узником в спальне. Первое не понравится тебе... второе не понравится мне... а третье... будет неприятно нам обоим».

В 1789 году Мэри мучительно долго и трудно умирала от рака на восемьдесят третьем году жизни. На смертном одре она пробормотала: «Мне бы только весточку, писанную его рукой, о том, что он жив и здоров». Письма она не получила, сын — первый президент США — был в Нью-Йорке. Она скончалась в Фридриксбурге 25 августа 1789 года, завещав

Джорджу негритенка-раба, кровать, зеркало, туалетный столик, подушку, две простыни, одеяло и участок земли, который Вашингтон так и не получил.

* * *

Образование, полученное Вашингтоном, если его можно назвать таковым, носило узкоприкладной характер. Он проявил большое прилежание в математике, особенно геометрии. Дошедшие до биографов школьные тетрадки Джорджа — свидетельство упорства в выработке почерка, умения чертить. В этом отношении он достиг внушительных успехов, но одновременно они, увы, доказывают, что уже тогда вступил в борьбу с орфографией, которую вел с переменным успехом всю жизнь, так и не добившись конечной победы. Настойчивость Джорджа в овладении начатками математических знаний понятна — вероятно, в ранней юности он по необходимости задумывался о куске хлеба и готовил себя к профессии нужной и почетной в колониальной Вирджинии — землемера.

Помимо аккуратно исполненных чертежей, решения задач и упражнений по измерению площадей, тетрадки Джорджа заполняли тщательно переписанные образцы разнообразных деловых документов. Договоры о купле и продаже, сдаче в аренду и расписки о займах, свидетельства о праве владения участками, закладные, документы на «кабальных слуг» и негров-рабов и т. д. На первый взгляд может создаться впечатление, что он готовился стать приказчиком у купца или клерком в конторе нотариуса. Дело объяснялось много проще — Джордж понимал, что каждый плантатор обязан сам вести свое хозяйство, и, видимо, готовил себя к этой роли.

Все же большую часть детства и ранней юности Джордж провел не в душных классах, а на воздухе. Один из первых биографов Вашингтона, Д. Хэмфри, проливал горькие слезы по поводу того, что смерть отца помешала Джорджу учиться в Аплби. Хэмфри сокрушался, однако, не потому, что мальчик недополучил знаний, а потому, что рухнул благороднейший замысел отца — уберечь сына от развращающего воспитания в среде плантаторов, где вошло в обычай «давать мальчику лошадь и слугу, как только он мог взобраться в седло», в результате отпрыски состоятельных семей «подвергались угрозе стать своевольными и беспомощными». Страшная опасность во всем объеме наверняка настигла Джорджа, ибо о нем известно, что он был великолепным наездником. Правда, никто не находил его «беспомощным».

За расчищенными и обработанными полями в Вирджинии поднималась стена девственных лесов, совсем недавно охотничьих угодьев индейцев. Хотя краснокожих в обжитых пределах колонии больше не было — индеец не мог по-

явиться здесь без пропуска, леса изобиловали зверьем, встречались даже медведи. Джордж должен был охотиться на оленей, фазанов. Он был неплохим стрелком, неутомимым охотником и ходоком.

Едва ли Джордж занимался собственно работой по хозяйству, помогая матери, для этого были рабы и слуги. Конечно, он отдавал распоряжения ломающимся голосом, и жизнь плантации не проходила мимо него. Из достоверных источников мы знаем, что Джордж, будучи подростком, объезжая жеребца, загнал его до смерти. Биографы умилились — парень тут же правдиво рассказал матери, как именно он нанес ущерб скромному хозяйству. Поступить иначе Джордж не мог, ибо мужи в Древнем Риме, о которых он уже понаслышался, говорили правду. Подросток стал воспитывать в себе качества джентльмена, благо под рукой нашлось надлежащее руководство.

В 1888 году были опубликованы «Правила приличного поведения», писанные рукой четырнадцатилетнего Вашингтона. Сначала восторженные биографы сочли, что 110 подробно изложенных правил принадлежали юному Джорджу, способному уже тогда проявить преждевременную зрелость и мудрость. Кой-какая исследовательская работа привела к обоснованному заключению: «Правила поведения» были небольшим перефразом книжки монаха иезуитского ордена, появившейся во французском переводе в 1617 году, либо, что более вероятно, взяты из переведенного на английский язык Фрэнсисом Хоукинсом в 1640 году французского наставления «Как надлежит отроку вести себя, или Приличие в беседах среди господ». Каков бы ни был источник аккуратной рукописи, она проливает свет на то, о чем думал молодой Вашингтон, и, помимо прочего, ставит его в должной перспективе как человека, вступившего в мир XVIII века, а отнюдь не предвосхитившего буржуазную мораль XIX века, что ему приписывали с легкой руки Уимса.

Из 110 истин, вероятно, только три правила, заключающие пространный перечень, заслужили бы одобрение Уимса: «108. Говори о боге серьезно и почтительно. Чти и повинуйся родителям, хотя бы они были бедны. 109. Развлекайся как подобает мужу, а не грешнику. 110. Трудись, чтобы сохранить в груди искру небесного огня, именуемого совестью». Все остальные 107 правил направлены к доказательству немудреного тезиса — должное поведение будет вознаграждено должным образом на земле, а не в царстве небесном. Советов, как попасть в рай, не дается, как не рекомендуется говорить правду, хотя и предлагается умело симулировать ее в надлежащих случаях. Действовать «вопреки моральным правилам» запрещается только в присутствии нижестоящих.

В сумме наставления сводятся к тому, чтобы быть обходительным: «любое действие в обществе должно произво-

диться с определенным уважением к присутствующим», «не делай ничего другому, что могло бы обидеть его», «в присутствии других не напевай под нос, не стучи пальцами и ногами», «будучи на людях, не клади руки на те части тела, которые прикрыты одеждой», «не тряси головой, не качай ногами, не вращай глазами, не поднимай одну бровь выше другой, не допускай, чтобы твоя слюна попала в лицо другому, поэтому не приближайся к нему вплотную во время беседы», «если нужно дать совет или сделать упрек, подумай, как поступить — сказать на людях или с глазу на глаз, когда и в каких выражениях, а говоря, не показывай раздражения, будь кроток и мягок в выражениях», «когда видишь наказание преступника, ты можешь быть внутренне рад, но всегда внешне вырази сострадание к несчастному» и т. д. и т. п.

Зачем все это и стоит ли руководствоваться похвальными правилами? Биограф Шелби Литтл с женской наблюдательностью схватила только внешнюю сторону, сообщив в 1929 году: «Их было 110 правил, и он пытался помнить все без изъятия. Вероятно, он перестарался. Замечали, что Джордж Вашингтон был немпого, всегда немного, напряжен». Историка С. Морисона все же недаром ставили в пример за то, что он глубже других проник в юношескую психологию. В очерке о молодом Вашингтоне Морисон писал: «Одно из самых трогательных и человечных представлений о Вашингтоне — переросший школьник со священным трепетом чеканит древние наставления Хоукинса — «не чешись за столом, не ковыряй вилкой в зубах, не дави блох на людях, в противном случае донельзя опрохвостишься в домах сильных мира сего».

Джорджу не было еще шестнадцати лет, как он попал в дом человека, сильного в масштабах Вирджинии. Лоуренс пригласил его жить в Маунт-Вернон. Под школьным образованием была подведена черта, начинались университеты жизни.

* * *

Лоуренс Вашингтон женился в 1743 году, спустя три месяца после смерти отца. Он сделал партию, о которой мог только мечтать: ему отдала руку Анна Фэрфакс, старшая дочь богатейшего соседа У. Фэрфакса. Плантация Фэрфакса Бельвуар была поблизости от Маунт-Вернона. Отец Анны входил в Королевский Совет, верхнюю палату ассамблеи Вирджинии, состоявший из двенадцати человек. Брак открыл Лоуренсу двери в высший свет колонии.

Хорошенькая Анна внесла в дом такое веселье, которое едва ли было по плечу занятому по горло Лоуренсу. На нем лежало большое хозяйство, он серьезно относился к обязанностям члена нижней палаты вирджинской ас-

самблеи и чину майора ополчения, заработанному в злополучной экспедиции Вернона. Положительный во всех отношениях муж раздражал развеселую, как все Фэрфаксы, Анну. Ему не нравилась ее безалаберная жизнь, она жаловалась на все ухудшающееся здоровье супруга. Вечный бал в Маунт-Верноне, разъезды по гостям прерывались только частыми родами Анны. Дети вскоре умирали.

В этом доме появился Джордж. Анна нашла юношу забавным увальнем. Громадного роста, сильный («таких больших рук я не видел больше ни у кого», — вспоминал Лафайет), в гостиных он жался к стенам и вспыхивал, когда к нему обращались. Анна быстро научила его танцевать, веселые друзья посвятили Джорджа в тайны виста и объяснили, как джентльмены играют на бильярде. Анна постоянно таскала Джорджа по домам соседних плантаторов. Если представлялась возможность, он старался избегать опасных знакомств с разбитными юными леди, предпочитая молча сопровождать Лоуренса в частых разъездах по хозяйству. Джордж порой чувствовал себя одиноким, тосковал по прежним приятелям и в глубочайшей тайне занялся рифмоплетством. Он вообразил, что несколько раз испытал сильнейшие муки любви, оставшиеся без взаимности. Наверное, потому, что о любви Джордж рассказал только бумаге, на которой царапал юношеские стихи, а в заученных им назубок 110 правилах поведения ничего не говорилось о женском обществе.

Сероглазый, атлетически сложенный гигант, рассудительно и медленно говоривший, отпугивал беззаботных вирджинок, над которыми он возвышался по крайней мере на полторы головы. Для плантаторов независимо от возраста он олицетворял идеал мужчины, вступающего в жизнь. Не только Лоуренс, но и многие другие были готовы протянуть руку юноше, о котором знали, что он хорошего происхождения и почти не имеет средств. Сословная солидарность делала свое дело, тем более что цвет вирджинского общества слышал и читал — так поступали древние римляне.

Если молодой человек был мужествен, смел, был прекрасным наездником, умел проявить скромность и исполненное достоинства почтение к старшим, тогда о разрыве поколений не могло быть и речи. Достаточно суровый быт Вирджинии создавал известное братство между плантаторами, невзирая на возраст. Вся их жизнь проходила на вольном воздухе в поле, в лесу. Спорт — травля лисиц, охота выделяли и делали самыми достойными сильнейших. Джордж — превосходный наездник, гордый и почтительный юноша — отвечал всем требованиям, необходимым для хорошего старта в жизни. Он полностью завоевал сердце отца Анны Уильямса Фэрфакса, которому было пятьдесят шесть лет, когда Лоуренс представил ему Джорджа.

В лице У. Фэрфакса зеленый вирджинец впервые столк-

нулся с родовитой английской аристократией и накрепко выучил правила игры, которых надлежало придерживаться юноше, чтобы преуспеть в англосаксонском мире XVIII века. Много позднее, когда его благодетель и наставник давно ушел из жизни, Вашингтон с негодованием отзывался об этих правилах как о «проклятом состоянии прислужничества и зависимости». Опыт приходит с годами, а тогда Джордж жадно впитывал мудрость жизни аристократии, тем более что ее источником был чуть ли не самый могущественный человек Вирджинии.

Главный урок — найти патрона, имеющего «интерес» к молодому человеку. Патрону нужно служить беззаветно, не огрызаясь на пинки, дабы «не замутить свой разум». Именно так, наставлял Уильям Фэрфакс в задушевных беседах, вели себя в Древнем Риме, дающем вечный пример. Семья Фэрфаксов принадлежала к тому поколению английских джентри (помещиков средней руки) — вигов, которые по нормам, принятым в обществе, исповедовали принципы христианской морали, но черпали свое вдохновение у Марка Аврелия, Плутарха и философов-стоиков. Наилучший идеал им дали стоики — благородная простота жизни, спокойное принятие ее, долг перед родиной, щедрость к соотечественникам, неизменное мужество и непоколебимая честность. Философия стоиков, конечно, в большей степени, чем что-либо другое у древних, совпадала, хотя далеко не полностью, с христианской этикой.

Стоик, учил Фэрфакс Джорджа, не бежит от жизни, а встречает ее лицом к лицу. Он не избегает ответственности, а берет ее на себя. Высший долг — благородными делами заслужить уважение соотечественников. Лицо Джорджа каменело, а глаза приобретали стальной оттенок, когда он слушал неторопливые речи старика.

Если устных убеждений было недостаточно, Джордж мог обратиться к библиотеке Бельвуара, где был Плутарх в переводе Норса, сборник трудов древних и, конечно, любимый Фэрфаксом Сенека. Хотя Вашингтон никогда не был прилежным читателем, он купил основные «Диалоги» Сенеки. Названия глав книги, несомненно, были созвучны настроению Джорджа после бесед с Фэрфаксом: «Честного человека нельзя превзойти в учтивости. Хороший человек никогда не может быть несчастным, а плохой человек — счастливым. Чувственная жизнь — несчастная жизнь. Презрение к смерти дает возможность преодолеть все тяготы жизни».

Философские экскурсы Фэрфакса заканчивались тем, с чего начинались, — нужно верно служить патрону. Джорджу не требовалось большей догадливости, чтобы понять: Уильям Фэрфакс, полюбивший его как сына, считал себя таковым. Сын Фэрфакса — Джордж Уильям Фэрфакс, хотя был на семь лет старше Вашингтона, стал его ближайшим другом. Он приехал в Вирджинию из Англии двадцати одно-

го года и постоянно вздыхал по оставленной прекрасной стране. Фэрфакс-младший рассказывал пораженному Джорджу о великолепии жизни английской аристократии. Отцовский Бельвуар, который Вашингтон считал верхом роскоши, по словам приятеля, был «сносным коттеджем в лесном крае». Иногда он намекал, что если смерти родственников последуют в надлежащем порядке, то ему титула лорда Фэрфакса не миновать!

Имя Томаса Фэрфакса, шестого лорда Фэрфакса Камеронского, для вирджинцев было овеяно легендой. Ровно за сто лет до описываемых событий Карл II пожаловал своему верному слуге, предку Т. Фэрфакса, обширные земли в Вирджинии между Потомаком и Раппаханноком. Ни король, ни облагодетельствованный им в глаза не видели дара, да и серьезно отнестись к королевской милости было трудно — она была проявлена через несколько месяцев после казни Карла I. Потомок Томас Фэрфакс оказался настойчивым человеком — в 1737 году он побывал в Вирджинии, частично осмотрел земли, которые считал своими, и, вернувшись в Лондон, подал прошение в Тайный Совет. Он претендовал на два миллиона гектаров, примерно четверть от тогдашней Вирджинии, значительно расширяя ее территорию на запад.

Хотя губернатор и ассамблея Вирджинии усомнились в столь далеко идущих претензиях — они признавали за Фэрфаксом примерно 600 тысяч гектаров, — он сумел добиться своего: в 1745 году Тайный Совет полностью подтвердил его права. Оставалось вступить во владение землями, и ради этого его сиятельство в 1748 году приехал в Вирджинию, поселившись сначала в Бельвуаре, доме двоюродного брата Уильямса Фэрфакса.

Джорджу Вашингтону он должен был казаться королем, а многочисленные причуды лорда выдавали высочайшее происхождение. Его светлость имел только две страсти в жизни — травлю лис и ненависть к женщинам. Первое было великолепно организовано, и Томас Фэрфакс получил все возможное удовольствие — Джордж Вашингтон, во всяком случае, научился незаметно придерживать лошадь, чтобы трофеи доставались лорду. Его сиятельство изволил показать, как надлежит увеселять женщин — прямо к дверям Маунт-Вернон Томас Фэрфакс приносил в мешке лису и давал ее на растерзание воющей своре псов.

Просиживая долгими часами за бутылкой старого портвейна, лорд стремился обратить Джорджа в свою веру — ненавидеть женщин. Он любил размахивать перед носом неловко съежившегося громадного парня брачным контрактом, куда было внесено имя его светлости, а имя невесты вырезано. «Эта», следовал длинный ряд эпитетов, после того как были улажены все условия относительно имущества, предпочла его некоему герцогу! Что, по словам лорда, достаточно изобличало великое непостоянство женщин, их ко-

варство, и настоящий мужчина должен остерегаться смазливого личика. Полюбить прелестницу — значит угодить прямо в лапы дьявола, который, как известно, мастер перевоплощений.

В положении Джорджа нельзя было не соглашаться — он проходил упрощенный курс «проклятого прислужничества и зависимости», приспособленный к простому, по лондонской мерке, быту королевской колонии. Он не мог не видеть, что близкие ему, включая Лоуренса и Уильяма Фэрфакса, столь возвышенно толковавшего о добродетелях античного Рима, взяли лорда в тесное кольцо. Они относились к его светлости как к своей собственности, расставив локти, чтобы к Томасу Фэрфаксу не проскользнул никто из просителей и сомнительных родственников, домогавшихся теплых местечек, а главное, земли.

Решение Тайного Совета, даровавшего лорду 2 миллиона гектаров, положительно свело с ума испытывавших ненасытный земельный голод плантаторов. Они приветствовали дальнейшее продвижение границы на запад, а скваттеры (колонисты, занимавшие свободные участки земли) уже перевалили хребет Блю-Ридж и селились в плодородной долине Шенанда. Там было, по приблизительным подсчетам, до 300 семей. Эти земли как раз и были закреплены за лордом Фэрфаксом. Далеко не все скваттеры были готовы признать право англичанина, гонявшегося в Вирджинии со сворой за лисами, на их участки, вырванные изнурительным трудом у девственного леса.

Фэрфаксу нужно было без промедления закрепить свои права, то есть обмерить дарованные ему земли, нарезать там припятые для фермы участки по 160 гектаров, пустить их в продажу или получить деньги с уже построивших бревенчатые хижины на его земле. Ранней весной 1748 года в долину Шенанда отправилась партия землемеров. Помощниками и соглядатаями при опытном землемере Д. Дженне отправились молодой Фэрфакс и Джордж Вашингтон. Томас Фэрфакс положил шестнадцатилетнему юноше щедрую плату — дублон (старинная золотая испанская монета, 7,5 грамма золота) в день.

Они месяц провели в долине в сезон, отнюдь не способствующий приятной поездке, — снег только-только сошел, а листва на деревьях еще не появилась. Именно в это время и работали землемеры — зелень не загораживала поле зрения теодолитов. На ногах от зари до заката, под дождем, вымокшие и измученные, они преодолевали разлившиеся реки и ручьи.

Из поездки Джордж вынес массу впечатлений: увидел, что за границей обжитых земель лежат необъятные просторы — Вирджинии есть куда расти. Пересчитывая полученное вознаграждение, он высоко оценил профессию землемера. Зимой 1748/49 года Джордж прошел краткий

курс теории в колледже Уильяма и Мэри в Вильямсбурге, сдал экзамен и, дав присягу «на верность королю и правительству», получил свидетельство землемера. Джордж хлопотал о месте штатного землемера графства Калпепер. С помощью Лоуренса он получил его.

Два года с весны 1748 года Вашингтон занимался объездом и обмером земель. Он помог распланировать город, который закладывался примерно в двадцати километрах от Маунт-Вернона, по просьбе соседей уточнял размеры плантаций — и снова за Блю-Ридж. С каждым годом население в районе Аппалачских гор увеличивалось, сюда эмигрировали преимущественно из Пенсильвании немцы и ирландцы. Складывалась типичная американская «граница» с демократическими нравами, уверенностью в себе, традиционным презрением к властям. К 1776 году эти районы стали «сверкающим острием границы». В дни, когда молодой землемер побывал там, группа поселенцев подала в суд, не признавая прав лорда Фэрфакса на занятые ими земли. Начался один из самых известных процессов в Вирджинии, закончившийся победой истцов, когда ни их, ни ответчика давно не было в живых.

Джордж, поглядев на порядки границы, уверился в своей правоте. Там обитают, писал он другу, преимущественно «голландцы», они «варвары, совершечно неотесанные люди», жить среди них «совершенно невозможно без приличного вознаграждения». Оно последовало без большого промедления — на заработанные деньги в 1750 году он купил 600 гектаров земли в облюбованном им, профессиональным землемером, месте — в долине Шенанда, уже прозванной Вирджинской Аркадией, а на следующий год прикупил еще 150 гектаров. Когда совершалась первая из этих сделок, Джорджу еще не исполнилось 19 лет. Он мог считать себя удачливым дельцом.

Вашингтон занимался в доступных ему масштабах тем, что составляло смысл жизни самых уважаемых джентльменов, спешивших захватить все новые и новые земли, чтобы либо спекулировать ими, либо налаживать там торговлю с индейцами. В этом отношении Джордж был в главном русле деловой активности Вирджинии. Спекуляция как таковая отнюдь не считалась скверным занятием. Первоначальное значение этого слова в английском языке — «глубокое раздумье», только в 1774 году согласно толковому «Оксфордскому словарю» термин приобрел смысл: «занятие любыми деловыми предприятиями или сделками авантюристического или рискованного характера, дающими шансы на достижение большей... выгоды». Это определение как нельзя лучше применимо к тому предприятию, которое основали самые влиятельные вирджинцы в конце сороковых годов, — компании Огайо.

Толчок честолюбивому проекту, несомненно, дала та лег-

кость, с которой лорд Фэрфакс получил 2 миллиона гектаров. Лоуренс Вашингтон, заручившись поддержкой Фэрфаксов, председателя Королевского Совета Вирджинии и плантаторов, отправился в Лондон, где в 1749 году добился утверждения короной статута компании Огайо — ей даровалось 200 тысяч гектаров с условием в течение семи лет поселить на этих землях 200 семей и построить форт. По выполнении этого компании обещались новые земли. Центром всей деятельности компания наметила обширный район, где слияние Аллегани и Мононгахила дает начало реке Огайо. В Лондоне пайщиками компании стали герцог Бедфордский, влиятельнейший купец Дж. Ханбери и Р. Динвидди. Последний уже собирался за океан — ему предстояло сесть в кресло губернатора Вирджинии.

Наступило лихорадочное предвкушение великих и волнующих дней, когда будут заняты плодороднейшие долины реки Огайо, где, помимо удобных для обработки земель, вирджинцы точно знали, есть уголь. Форт даст возможность покупать меха у индейцев. Учредители компании, управляющим которой стал Лоуренс Вашингтон, прекрасно видели и основное препятствие — они вторгались в область прямых французских интересов. Это их не пугало — продвигая на запад границу колонии, они чувствовали за спиной Британскую империю!

* * *

Джордж не мог не быть в курсе великого начинания, больше того, он связывал свои надежды на будущее с процветанием компании Огайо. К этому определенно шло дело, но так же ясно ухудшалось здоровье Лоуренса. Его съедал туберкулез.

Местные врачи, истощив вконец силы больного частыми кровопусканиями, рекомендовали лечение в тропиках. В сентябре 1751 года Джордж отплыл с «лучшим другом» Лоуренсом на Барбадос. То была единственная в жизни поездка Вашингтона за пределы страны. Лечение во влажном климате не принесло Лоуренсу облегчения, Джордж заболел оспой. Лоуренс кашлял кровью, обещал уйти скоро в лучший мир, а в ожидании этого решил продолжить лечение на Бермудах, куда и уехал. Джордж, оправившись от оспы, вернулся в Маунт-Вернон. Он думал, что его постигло величайшее несчастье — небольшие следы на лице от перенесенной болезни. Будущее предвидеть трудно! Оспа 1751 года оказалась благословением в годы войны за независимость — у Джорджа выработался иммунитет от болезни, опустошавшей ряды его армии сильнее, чем пули и картечь англичан.

Летом 1752 года Лоуренс вернулся домой. Конец был близок, медицинского заключения не требовалось. Лоуренс

уже рекомендовал девятнадцатилетнего Джорджа на свой пост майора ополчения. Конечно, у молодого человека не было никаких данных для занятия должности. Лоуренс быстро угасал в Маунт-Верноне, а Джордж объезжал влиятельных соседей, деликатно напоминая о воле умиравшего брата. Ему пошли навстречу. Итак, майор ополчения с окладом в 100 фунтов стерлингов в год, правда ответственный за самый захудалый, отдаленный район колонии.

В июле 1752 года тридцатичетырехлетний Лоуренс умер. По завещанию Маунт-Вернон переходил дочери по достижении совершеннолетия, если же она не оставит потомства — Джорджу. Жена получала пожизненно доходы с плантаций. Только жизнь грудной девочки стояла между Джорджем и Маунт-Верноном, который он давно считал своим домом. Через несколько недель после смерти отца и эта жизнь угасла.

Миновало еще четыре месяца. Неунывавшая Анна вышла замуж и съехала с плантации. В 1754 году она уступила доходы от Маунт-Вернона Джорджу на льготных условиях — 82 фунта стерлингов в год. Анна не зажилась на этом свете и через семь лет скончалась.

Джордж обоснованно мог считать себя прочно устроившимся в жизни. Он имел Маунт-Вернон, хорошо налаженную плантацию, занимавшую 1600 гектаров, с 18 рабами плюс 750 гектаров земель, приобретенных им самим. Должность землемера графства давала 50 фунтов стерлингов в год. Он вступил в масонскую ложу. Несколько смущало, что район, где он числился майором ополчения и никогда не был, находился далеко. В 1753 году Джордж поправил дело. Новый губернатор Динвидди разделил Вирджинию на четыре округа. Вашингтон после утомительного обивания порогов у влиятельных лиц добился назначения адъютантом (начальником) Северного округа поблизости от дома. Граница округа проходила в тех местах, откуда пыталась развить свою деятельность компания Огайо, не утратившая энергии со смертью Лоуренса.

Джорджу шел двадцать второй год.

* * *

Пайщики компании Огайо хорошо помнили условие, выставленное Лондоном, — за семь лет заселить пусть символически дарованные земли. Прошло четыре года, а успехов практически не было. Поселенцы, соблазненные посулами компании, отправлялись на Запад, где в непроходимых лесах их поджидали враждебные англичанам индейские племена. Разыгрывались трагедии — иные безвестно погибали, оставив в память о себе только скальп, другие, претерпев страшные мытарства, попадали пленниками в руки французов, слабые духом возвращались налегке, бросив скудное

имущество, и разносили леденящие кровь вести об ужасах лесов.

Террор руками индейцев был рассчитанной политикой французов. В резиденции французского губернатора в Монреале прекрасно знали, что если могучая волна английской колонизации из Вирджинии и Пенсильвании захлестнет бассейн Огайо, то ее не остановит никакая плотина. На Запад двигался вооруженный народ, шла голытьба, которой скверно жилось и под плантаторами, и под купцами-лихоимцами в прибрежных районах. Эти люди, приехавшие в Новый Свет вырвать счастье, были готовы добыть его даже ценой жизни. Они были неграмотными, но понимали одно: если хлеб нужно добыть с боя, пусть будет так. Преграждавших путь французов они считали естественными врагами, а с богачами плантаторами не вступали в открытый конфликт, те поддерживали экспансию на Запад, разумеется, не ради благоденствия скваттеров.

В это время губернатором Новой Франции был назначен опытный военный маркиз Дюкень. Он не стал вдаваться в тонкости политики, а с солдатской прямотой заключил — нужно силой остановить англичан. Маркизу в отличие от губернаторов 13 английских колоний не приходилось тратить время в склоках с ассамблеями — в Новой Франции все делалось по его первому слову и повелению. В 1753 году он направил полуторатысячный отряд укрепить район от озера Эри до долины Огайо. С молниеносной быстротой французы построили три форта — Преск-Иль на южном берегу озера Эри и прямо на юг от него — форты Лебеф и Венанго. Было совершенно очевидно, что французы устремлялись к «развилке Огайо», где компания Огайо намеревалась соорудить собственный форт и факторию. Два встречных потока экспансии столкнулись.

В Вильямсбурге губернатор Дипвидди пришел в бешенство. Шестидесятилетний шотландец, вышколенный на службе в конторах купцов, видел, что рушатся не только планы компании Огайо, но и вырисовывается угроза самой Вирджинии. Подстрекаемые французами индейские племена превратили северную границу колонии в арену бесчисленных стычек. Заколебались и племена, считавшиеся союзниками англичан. Однако даже в этих условиях было трудно поднять всю Вирджинию на борьбу. Скаредные члены ассамблеи, стоило заикнуться о необходимости отстоять достоинство короны в бассейне Огайо, немедленно бы указали: речь идет о другом — интересах компании Огайо, в которых лично заинтересован губернатор.

Динвидди мог только взывать, открыв ассамблее: «Страх — рабское чувство, и разум всегда стремится избавиться от него». Члены ассамблеи пожали плечами и занялись текущими делами. Тогда губернатор отправил донесение в Лондон, в котором в ярких красках расписал фран-

цузское нашествие на британские владения. Ответ пришел в октябре 1753 года. Король Георг II приказывал губернатору направить эмиссара в район французского продвижения, удостовериться, действительно ли они на английской (в понимании компании Огайо) территории, и если так, потребовать от них уйти. В случае отказа губернатору поручалось «изгнать их силой оружия». В любом случае монарх требовал, чтобы Вирджиния позаботилась построить форты на Огайо.

Все это оборотистый губернатор проделал за спиной ассамблеи, которую хотел поставить перед совершившимся фактом, заставив наконец всю колонию отстаивать интересы компании Огайо. Поэтому к выбору эмиссара нужно было подойти с величайшей осмотрительностью — первым и обязательным условием было найти человека, который был бы кровно заинтересован в благополучии компании. По зрелом размышлении губернатор решил поручить деликатную миссию майору Джорджу Вашингтону, который с радостью согласился. Представился случай отличиться.

Официально майор отправился послом от имени Георга II, дабы выразить французскому коменданту «озабоченность и удивление» его величества по поводу вторжения французов и убедить их убраться с английской территории. Миссию Вашингтона можно было именовать и по-другому — губернатор вручил ему подробную инструкцию, что именно высмотреть во вражеском стане. Попутно Динвидди поручил майору убедить сашемов (вождей) дружеских индейских племен не отступаться от белых «отцов»-англичан.

Вашингтон взял проводником служащего компании Огайо Джиста, поседевшего в странствованиях по лесам, и переводчика, старого солдата Вана Браама, который, судя по скверному английскому, должен был быть искусным во французском. Собрались и с четырьмя слугами 15 ноября тронулись в путь. Предстояло пройти 800 километров до форта Лебеф в отвратительную погоду — осень никак не уступала зиме. В этих местах, по словам одного англичанина, «не было ничего, кроме индейцев, медведей и гремучих змей».

Через три недели добрались до стойбища дружеского индейского племени, вождя которого англичане именовали Хафкинг (полукороль). Лукавый старый индеец клялся, что хочет прогнать французов со своей земли. Вашингтон сообщил, что по странному совпадению именно в этом и состоит его миссия. О намерении компании Огайо забрать как раз земли Хафкинга майор по веским причинам умолчал. Подогретый обильными возлияниями — Вашингтон вез с собой порядочный запас рома, — Хафкинг вызвался сопровождать миссию до форта Лебеф и поддержать там пламенный протест англичан.

По дороге останавливались во французских укреплениях, окруженных бревенчатыми палисадами. Везде попойки.

Джорджа, казавшегося гигантом среди французов — его рост достигал почти 190 сантиметров при весе около ста килограммов, — было нелегко свалить с ног. В дневнике он тщательно фиксировал увиденное и услышанное. После встречи с французскими офицерами в форту Венанго он записал: «Вино, которым они нагрузились сверх меры, скоро развязало им языки... Они заверили меня, что в любом случае, черт возьми, захватят Огайо. Хотя они знают, что англичане могут выставить два человека на каждого из них, они уверены, что англичане медлительны и никогда не смогут воспрепятствовать их предприятиям».

Одного этого было достаточно. Чрезвычайно учтивая встреча с французским комендантом в форту Лебеф не добавила ничего существенного. Изысканно вежливый комендант сожалел, что, будучи солдатом, должен выполнять приказ и оставаться где находится, выразил еще большее сожаление по поводу того, что полученные им приказы противоречат желаниям такого редкого и приятного в глуши гостя, но такова жизнь. Все это прискорбно, покусывая ус, заключил француз.

Он не помешал Джорджу осмотреть форт и вручил вежливый ответ Динвидди, из которого следовало, что французам совершенно безразличны как внушения губернатора, так и пожелания Георга II. «Он клялся в любви и дружбе... — разгневанно писал Джордж в дневнике, — а я видел, что все ухищрения изобретательного ума пущены в ход, дабы перетянуть Хафкинга на их сторону». Запас спиртных напитков в погребе форта Лебеф казался неисчерпаемым, и качество их превосходило ром Вашингтона.

Хафкинг внезапно припомнил, что сопровождает Канотакариуса. В ответ на недоуменный вопрос Джорджа старый индейский вождь любезно разъяснил, что так прозвали его предка, ловко отнимавшего земли у предков Хафкинга. Майору не оставалось ничего другого, как прочитать Хафкингу постную лекцию о пользе сохранения верности договорным обязанностям и пагубности спиртных напитков.

Дорога домой оказалась еще мучительнее. Индейцы оставили их, пришлось бросить слуг и истощенных лошадей. Вашингтон и Джист проделали остаток пути пешком, с котомками за плечами и мушкетами в руках. Встреченный ими индеец вызвался быть проводником. Улучив момент, он выстрелил в них в упор, но промахнулся. Справедливо заключив, что индейцы, вероятно, в сговоре с французами, охотятся за их скальпами, путники не шли, а крались через покрытые мокрым снегом леса и заросли. С облегчением вышли к реке Аллегани. Новое разочарование — темная бурная река не замерзла. Соорудили наскоро плот, который Вашингтон опрокинул посредине реки. Расталкивая льдины, выплыли на остров, где, вымокшие до нитки, провели ночь в трескучий мороз. Утром увидели, что лед сковал реку, и пере-

брались на восточный берег. Многоопытный Джист отморозил пальцы, Джордж не пострадал.

Самые тяжкие предчувствия терзали Вашингтона, когда он, пробыв в отъезде два месяца, в середине января 1754 года предстал перед губернатором. Полный провал возложенной на него дипломатической миссии, рассуждал майор, никак не компенсирует рассказ о перенесенных испытаниях. К крайнему удивлению Джорджа, Динвидди был беспредельно доволен. Сидя в жарко натопленной комнате губернаторского дворца, он с мрачным удовлетворением прочитал торопливо написанное донесение, согласно кивая париком. «Оправдались худшие предположения, — разъяснил он Джорджу, — упрямая ассамблея не хотела слушать его, посмотрим, как она прореагирует на сообщение из первых рук о коварных замыслах французов».

Губернатор, не теряя ни минуты, назначил на следующий день заседание Королевского совета. Смертельно усталый Вашингтон получил одну ночь на подготовку доклада к печати. Это, естественно, сказалось на тексте, что понимал и молодой автор. В наспех набросанном предисловии он сказал: «Поскольку его честь губернатор счел необходимым предать гласности мой отчет о путешествии к французам и обратно, мне только остается извиниться за его бесчисленные недостатки». Но губернатор хорошо рассчитал. «Дневник майора Вашингтона» сделал сенсацию — автор сообщил достаточно, чтобы каждый читатель мог усмотреть злодейские намерения французов. Отчет был напечатан в Вирджинии и Лондоне, Динвидди расстарался разослать брошюру губернаторам всех колоний, министрам в Лондоне и многим влиятельным лицам.

Имя Вашингтона зазвучало. Он пожинал славу среди тех, кто рвался на Запад. Но большинство вирджинцев, горестно заключил автор, очернили его служение родине, объявив, что он претерпел муки только ради собственной выгоды. Они, говорил Вашингтон, сочли рассказ о поездке «выдумкой с целью содействовать интересам частной компании».

В ассамблее Вирджинии в честности майора не усомнились. Отцы колонии перевели выдающееся мужество Вашингтона, шедшего на смертельный риск, в твердую валюту — 50 фунтов стерлингов, каковые вручили страннику «в знак одобрения его поведения в поездке на Огайо».

Вашингтон был уязвлен до глубины души. «Меня послали, — заметил он, — в путешествие зимой (на которое пошли бы немногие, если вообще нашлись такие люди), и что я получил взамен? Возмещение моих расходов!» Бедность — плохой учитель. Судьба, сделавшая его состоятельным плантатором, еще не успела отучить подсчитывать грошовую выгоду от каждого шага.

Громкая известность молодого майора Джорджа Вашингтона была дороже чистого золота. Он пока этого не знал.

* * *

В 1798 году Джордж Вашингтон встречал свою шестьдесят седьмую весну. Новую знакомую и незнакомую встречу с пьянящей, буйной вирджинской весной он остро ощутил — впервые за десятилетия не давил сокрушительный груз государственных забот. Позади президентство, войны. Немного напыщенно он простился с народом и жил полубогом в устроенном по собственным планам любимом Маунт-Верноне. Поблизости, рукой подать, суетились землемеры, архитекторы — разбивалась столица страны. Он знал, городу суждено носить его имя. Жизнь прожита.

Думы, мучительные думы, которые он многие годы, до отказа забитые делами, отгонял, овладевали стариком. Был ли виноват ветер с Потомака, так же величаво несшего свои воды, или запах все тех же цветущих кустарников под окнами, он не знал. Всплывали, обретали жизнь полузабытые образы далекой молодости. Он грезил наяву, подставляя ветру усталую голову. Что это и где он? На реке много судов, их столько не было в молодости. Провел языком по беззубым деснам — сомнений не было: старик! Всю жизнь он ненавидел душевный нюдизм, но тут ощутил непреодолимое желание излить то, что накопилось за долгие годы. 16 мая 1798 года он написал письмо в Англию.

«Многоуважаемая мадам, — тщательно подбирал слова Отец Страны, — прошло почти пять и еще двадцать лет с тех пор, как я, постоянный обитатель сих мест, общался здесь с моими милыми друзьями лично или письмами. За истекшее время произошло так много важных событий, так сильно изменились люди и вещи, что в письме совершенно невозможно сколько-нибудь обстоятельно сказать об этом. Ни одно из этих событий, однако, и все они в совокупности не смогли изгладить в моей памяти воспоминания о тех счастливых моментах, самых счастливых за всю мою жизнь, которые я пережил в Вашем обществе.

Глубокая печаль овладевает мной, когда я бросаю взор в направлении Бельвуара, что я часто делаю, и горестно размышляю о том, что прежних обитателей сего места, с которыми мы жили в таком согласии и дружбе, больше там нет, только руины дома напоминают давно канувшие в прошлое радости. Разрешите мне добавить — я часто размышляю и над тем, почему, если Ваши ближайшие родственники живут в нашей стране, Вам бы не предпочесть провести вечер жизни среди них, а не заканчивать земной путь в другой стране, хотя у Вас, возможно, множество знакомых, искреннюю дружбу которых Вы могли снискать...»

Преклонные годы автора письма, занятое им положение начисто исключают самое предположение о каких-либо задних мыслях. Так пишет человек, когда разожмутся тиски долга и перед лицом вечности взвешивающий, что истинно,

а что суетно в прожитой жизни. Чаша весов, на которую Вашингтон бросил свои чувства к женщине, на склоне лет перевесила в его понимании все, что сделал Отец Страны для Америки: главнокомандующий вооруженных сил, дважды президент, возможно, самый богатый землевладелец США.

Письмо было адресовано Салли Фэрфакс, женщине, которой всю жизнь безраздельно принадлежало сердце Вашингтона и с которой он, вероятно, никогда не был близок. Даже на пороге могилы он не увидел ее — Салли не откликнулась на зов. Не приехала. Неизвестно, что она ответила Вашингтону, и бездетной вдовой в большой бедности умерла в Англии. В бумагах покойной родственники нашли цитированное письмо. К этому времени Джорджа Вашингтона давно не было, Салли скончалась на 82-м году.

По мере того как на протяжении сотни лет накапливались скудные данные об отношениях Вашингтона и Салли, досужие биографы-романисты все глубже разрабатывали золотую жилу. Они сочиняли трогательные и, конечно, возвышенные книги, пока история не приобрела абсурдно неправдоподобный характер. Едва ли есть необходимость вставать на эту зыбкую почву и домысливать там, где известного достаточно, чтобы бросить взгляд на внутренний мир молодого Вашингтона.

В тот год, когда Вашингтон овладевал тайнами теодолита (1748 год), его друг Джордж Фэрфакс женился. Он привез в Бельвуар лучшее, что могла предложить Вирджиния. Салли происходила из семьи Кэри — плантаторов средней руки, владения которых раскинулись у реки Джеймс. С середины XVII столетия Кэри выделялись среди высшего слоя вирджинцев не столько богатством, сколько утонченностью вкусов и стилем жизни. Дед Салли был ректором колледжа Уильяма и Мэри в Вильямсбурге, отец окончил Тринити-колледж в английском Кембридже. Салли выросла среди книг, в доме Кэри получались все важнейшие английские журналы: «Лондон мэгэзин», «Джентльмэнз мэгэзин», «Анюал Реджистер».

Когда шестнадцатилетний Джордж впервые увидел восемнадцатилетнюю жену друга, его наверняка больше всего поразил живой ум юной женщины, развитый запойным чтением. Она бегло говорила по-французски и знала все, жила в прекрасном мире, недоступном Джорджу. Он, мастер преодолевать препятствия, решил проникнуть в манящий мир, но, так и не проломив стену, оказался пленником у ног кокетливой насмешницы Салли.

Как она выглядела, точно сказать нельзя — единственный сохранившийся портрет примитивно исполнен, художник вложил в него больше вдохновения, чем мастерства. Продолговатое лицо, черные глаза, длинная шея и покатые плечи — и против этих прелестей Джордж, по собственному признанию, не мог устоять? Сводить все к красоте, а она

спорна даже по критериям XVIII века, значит плохо думать о нашем герое. Скорее его привлекло то, что в XX веке назвали бы интеллигентностью, и перед этим он оказался беспомощным. Он не знал этого термина и поэтому не мог ответить на свой вопрос: «В ней доброе расположение, легкость ума и что же еще?»

Можно не сомневаться, что Салли, подвергнув обстоятельному осмотру умственный багаж юноши, осталась недовольной. Но что можно было требовать от большого мальчика с серьезными глазами, почти пажа Фэрфаксов? Ей, конечно, льстили его беспредельное внимание, преданность и тихое обожание, отчаянные мальчишеские выходки на коне, чтобы заслужить ее беглую улыбку. В первые годы знакомства Джордж и помышлять не мог о большем — его бедность и два года разницы в возрасте представлялись непреодолимой пропастью, отношения не шли дальше трогательной любовной игры.

Джордж повзрослел, получил Маунт-Вернон. Мог сложиться и пресловутый треугольник, но не сложился. Влюбленный Джордж был много моложе Джорджа Фэрфакса, тем не менее буквально вел его на поводу. Внутренне Салли не могла не сравнивать, все преимущества были на стороне Вашингтона, не говоря уже о том, что ее брак с Фэрфаксом был продиктован не чувствами, а деловыми соображениями. Однако для Джорджа было немыслимым соблазнить жену друга. Развод и новый брак для Салли были по условиям Вирджинии почти невозможны. Хотя в колонии благополучие прихода часто зависело только от каприза плантатора, который не пускал местного священника дальше порога и кормил его на кухне, голос св. Павла звучал в колонии много строже, чем в Англии. Церковь Англии сурово надзирала за духовным здравием заокеанской паствы.

Так случилось, что Джордж был близко и неблизок с любимой. Семь лет он оставался одним из самых завидных женихов Вирджинии. Маунт-Вернон пустовал в ожидании хозяйки. Салли провожала его в опасный путь на Огайо, по возвращении он торопился к Динвидди, тем не менее провел день у Фэрфаксов. Джорджу физически было необходимо увидеть блеск глаз Салли, когда он скупо рассказывал о своих приключениях.

Даже если бы они решились бросить вызов общественному мнению, ни он, ни она не могли преодолеть внутреннего барьера. Трудно представить, чтобы Салли была крупным философом, еще менее вероятно, чтобы Джордж был таковым. Тем не менее оба причисляли себя к стоикам. Они свято и чисто верили в принципы, провозглашенные античными героями. В провинциальной Вирджинии они пытались чувствовать себя гражданами великого Рима. Матрона Салли, во всяком случае, вела себя так. Они не понимали, что любимые герои были ходульны, их двигали

по сцене историки. От этого страдала историческая правда и страдали Джордж и Салли. Но иначе они не могли вести себя, разыгрывая в XVIII веке трагедию античных времен. Вероятно, они любовались собственной сдержанностью, черпая в ней тихую радость.

Они вдвоем прочитали трагедию Аддисона «Катон», ставшую любимой пьесой Вашингтона. Он полагал, что следовать по стопам Катона — наивернейший путь к счастью! Лучшего литературного примера Вашингтон не знал, ибо вообще мало читал. Катон вписывался в его представление о человеке, впитавшем до капли философию стоиков.

В 1758 году Вашингтон, живший беспокойной жизнью накануне последнего марша на форт Дюкень, написал Салли, вероятно, в ответ на ее сообщение о том, что дома разыгрывают любительские спектакли: «Я думаю, что мог бы много лучше провести время, играя в трагедии «Катон» вместе с упомянутыми Вами людьми, и я был бы вдвойне счастлив в роли Юбы, а Вы были бы Марцией».

Неизвестно, что писала Салли Вашингтону, — он уничтожил все ее письма. Из многочисленных посланий Вашингтона также уцелели считанные. Накануне своего брака в 1759 году Вашингтон заверил Салли, что любит только ее одну. На протяжении последующих четырнадцати лет супруги Вашингтоны поддерживали самые дружеские отношения с четой Фэрфаксов. В 1773 году Фэрфаксы навсегда уехали в Англию, обстановку Бельвуара Джордж Фэрфакс поручил продать с аукциона. Вашингтон приобрел большую часть знакомой с юных лет мебели. В 1779 году во время войны за независимость Бельвуар сгорел.

Примерно это все, что известно об отношениях Джорджа Вашингтона и Салли Фэрфакс. На этих немногих фактах, которые только по недосмотру влюбленных попали бесцеремонным биографам, написаны книги. Француз Бернард Фей построил всю жизнь Вашингтона вокруг Салли, объяснив его замкнутость неудачной любовью к «говорившей по-французски» «королеве грез».

Вашингтон, конечно, был человеком, способным на глубокое чувство. Любовь к Салли дала ему возможность осуществить во всем объеме свою самую большую страсть — поставить под контроль эмоции, подчинить их, а не быть игрушкой желаний. Престарелый Вашингтон в частном письме настаивал: «Говорят, что любовь безрассудное чувство, и поэтому утверждают далее — ей невозможно сопротивляться. Это правильно лишь отчасти, ибо любовь, подобно всему другому, если ее взрастить и обильно питать, быстро растет, но устраните питание, и любовь можно либо задушить в зародыше, либо значительно замедлить ее рост». Быть может, когда он высказывал взвешенное суждение, то думал о Салли...

Художник Стюарт, писавший портрет Вашингтона-пре-

зидента, с профессиональным интересом изучал лицо старика. Встретившись с любимцем Вашингтона «генералом от легкой кавалерии» Г. Ли, живописец невзначай бросил: «Черты лица Вашингтона изобличают самые сильные и неуправляемые страсти. Если бы он родился в лесах, то был бы свирепейшим из дикарей». Стюарт тут же поправился, добавив, что Вашингтон умеет сдерживать свой «пламенный темперамент». Через несколько дней за завтраком у Вашингтона Ли заметил:

— На днях я видел ваш портрет. Великолепное сходство! Стюарт говорит, что вы обладаете пламенным темпераментом.

— Послушайте, — вспыхнув, вставила супруга президента, — мистер Стюарт берет на себя слишком много!

— Успокойтесь, дорогая, — сказал Ли, — он еще добавил, что президент удивительно контролирует себя.

— Он совершенно прав, — заключил Вашингтон с подобием мимолетной улыбки.

СОЛДАТ ГРАНИЦЫ

Вашингтон писал брату Джону: «Я слышал свист пуль, и, поверь мне, в нем есть что-то приятное». Когда это письмо было напечатано в «Лондон мэгэзин», Георг II заметил, что офицер колониальных войск не нашел бы его приятным, если бы ему довелось послушать свист многих пуль.

ДЖ. ФЛЕКСНЕР. Джордж Вашингтон, т. 1, 1965

В начале 1754 года Динвидди проявил большую распорядительность. Ссылаясь на доклад майора Вашингтона, он бил в набат, звал подняться на француза. Сестры-колонии не торопились прийти на помощь Вирджинии, над головой которой, по словам Динвидди, сверкал французский меч и были занесены окровавленные томагавки.

Квакеры Пенсильвании усомнились в том, что земли в Огайо, а за них и звал встать горою Динвидди, принадлежат британской короне, и больше не пошевелили пальцем. Легислатура (законодательное собрание) Нью-Йорка заняла строго юридическую позицию, записав: «Представляется, что французы построили форт в месте, именуемом Френч-Крик, находящемся на значительном расстоянии от реки Огайо, что в свете имеющейся у нас информации может, но не обяза-

тельно означает вторжение в одну из колоний Его Величества». Ньюйоркцы обещали выделить со временем пять тысяч фунтов стерлингов, но ни одного ополченца. Только Южная Каролина выразила желание прислать людей.

Ассамблея самой Вирджинии безмерно возмутила губернатора. Ему удалось вырвать у скопидомов 10 тысяч фунтов стерлингов, но при условии — деньги даются не на войну, а для обеспечения безопасности поселенцев за Аллеганами. Больше того, ассамблея выделила комитет надзирать за действиями Динвидди. «Они заражены республиканским образом мышления», — процедил королевский губернатор и распорядился открыть вербовку ополченцев. Он наметил набрать войско в 300 человек и, двинув его в бассейн Огайо, преградить путь наглецам (смотри доклад майора Вашингтона, изобличившего французов).

По логике вещей автору замечательного открытия, вознагражденному чином подполковника, надлежало возглавить вирджинское воинство. Джордж, хотя и подковался в стратегии, прочитав записки Юлия Цезаря о Галльской войне и книжку о Фридрихе II, все же оробел, выразив настойчивое желание служить «под началом опытного офицера или разумного человека». Губернатор возвел в полковники профессора математики колледжа Уильяма и Мэри Джошиа Фрая. Полководческий талант тучного и малоподвижного Фрая не успел расцвести, он разбился насмерть, упав с боевой лошади.

Подготовка похода на Огайо целиком легла на сильные руки Джорджа, устроившего свой лагерь в долине Шенанда. На клич губернатора собирались туго. Подполковник докладывал в Вильямсбург: приходят сущие босяки, «грязные бездельники, бездомные бродяги. Некоторые явились без сапог, другие клянчат чулки, иные без рубах, немало без пальто или камзолов». Для начала их нужно одеть и обуть. Динвидди частично возместил расходы из собственного кармана. На свой страх и риск он объявил — вступившие в ополчение получат участки земли у реки Огайо, свободные от любого обложения на 15 лет. Динвидди щедро выделил 80 тысяч гектаров из незавоеванных «земель короля». Прокламация губернатора и обещание ополченцам ежедневной доброй порции рома в походе сделали свое дело — вербовка пошла веселее. К счастью для организаторов предприятия, Лондон подтвердил обещание насчет земли. Волонтеры и слышать не хотели о порядке. Подполковник кое-как дисциплинировал их, пойдя на обман: он заявил, что ассамблея уже ввела военное положение. Лошадей и повозки приходилось брать силой у взбешенных фермеров. Офицеров не было, Вашингтон добился утверждения в чине капитана восьми человек, среди них старого знакомого Ван Брама. Хотя Динвидди приказал «выступить немедленно»

15 марта, только 18 апреля войско Вашингтона — 159 человек с несколькими пушками — двинулось в путь.

Отряду предстояло пройти около 400 километров, достичь развилки Огайо и построить там форт. Туда губернатор уже выслал авангард — капитана Трента с группой ополченцев, которые начали работы. Вашингтону, в сущности, предписывалось подкрепить отряд Трента. Хотя отношения между Францией и Англией были напряженными, формально война не была объявлена, и губернатор предлагал держаться осторожно, прибегнув к оружию только в случае крайней необходимости.

Поход вылился в мучительно трудное продвижение, пришлось буквально прорубаться через леса, строить дорогу для повозок и орудий. В день проходили четыре-шесть километров. А предстояло перевалить через два горных хребта, перебросить мосты через несколько рек. Ополченцы не скрывали раздражения — им шло жалованья вдвое меньше, чем солдатам регулярной английской армии. Вашингтон засыпал губернатора письмами, жалуясь на нехватку провианта: «у нас только соль и вода»; справедливо указывал на дискриминацию в оплате офицеров, они получали в день на десять шиллингов меньше, чем британские офицеры.

Внезапно выяснилось, что все усилия отряда заведомо бесплодны — им повстречались люди Трента. Оказалось, что еще 17 апреля «больше тысячи французов» с пушками приплыли к развилке Огайо. Французский командир, который, очевидно, как и Динвидди, помнил о том, что война официально не объявлена, любезно предложил вирджинцам выбор — погибнуть с честью в недостроенной фортеции или убраться восвояси с земли, принадлежащей христианнейшему королю. 33 вирджинца предпочли второе и под улюлюканье несметной толпы французских союзников-индейцев отправились навстречу Вашингтону.

Французы (их в действительности было 600 человек) быстро довели до конца работы вирджинцев и соорудили мощный по тем местам форт Дюкень. Вскоре прибыло подкрепление — еще 800 человек. Французское продвижение в бассейне Огайо подняло на ноги индейские племена, изъявившие готовность сражаться против англичан.

Вашингтон оказался в чрезвычайно опасном положении, которое по неопытности не понял. Он добился внушительного достижения — через дотоле непроходимые Аллегапы в долину Огайо прошла дорога. Однако враг мог перехватить ее в любой момент. Если к его отряду подкрепления и припасы можно было подвезти только по этому примитивному пути, французы имели в своем распоряжении реки, по которым они без труда доставляли все.

Тем не менее он решил идти вперед, о чем и сообщил Динвидди, а губернаторам Мэриленда и Пенсильвании бодро написал: французы обнаглели и созрели для возмездия. Но-

вости с Огайо, объяснял он, «должны вывести нас из летаргии, пробудить героический дух каждого свободнорожденного англичанина, дабы утвердить права и привилегии нашего Короля (если мы уж не заботимся о собственных) и спасти от захвата наглым врагом имущества, достоинства и земель Его Величества».

В конце мая отряд спустился по скалистым кручам хребта Лоурел-Ридж. Подполковник облюбовал большой луг, окруженный лесистыми холмами. Он счел, что нашел великолепнейшее место для сооружения укрепления, в котором можно в крайнем случае отсидеться. Расчистили кустарник, наспех построили палисад, отрыли неглубокую траншею и окрестили укрепление — форт Необходимость. «Я подготовил прелестное поле для боя», — донес подполковник, пусть хоть «500 французов сунутся к форту».

Он полагал, что стоит на пороге великих побед. Динвиди Вашингтон гордо сообщил — вверенные ему офицеры, недовольные оплатой, давно бы ушли, если бы не «французская угроза». Вообще, учитывая более высокое жалованье британских военнослужащих, он не может понять, «почему жизнь подданных Его Величества в Вирджинии ценится дешевле». Что касается его самого, то отныне он не желает получать никакого вознаграждения за свои труды, «ибо моя служба соответствует тому, что делает лучший офицер, и для меня дело чести не получать меньше». Позднее он отказался от героического решения, а тогда определенно любовался собой — Джордж Вашингтон бескорыстным пришел на войну.

Тут нежданно-негаданно объявился Хафкинг с десятком воинов. Джордж расстался с ним прошлой зимой, так и не оттащив индейца от бочки французского вина. Подполковник отчаянно нуждался в помощи и не моргнув глазом рассказал Хафкингу, что французы разыскивают индейца, чтобы предать его смерти. «Это имело желанный результат, — записал Джордж. — Они не раздумывая согласились сопровождать нас воевать французов». Индейский вождь припомнил, что французы «убили, сварили и съели моего отца». Беспощадная месть им!

Индейцы сообщили, что видели неподалеку французский отряд, скрытно продвигавшийся в лесу. Решение созрело мгновенно — атаковать! Взяв около сорока человек и сопровождаемый дюжиной индейцев во главе с Хафкингом, Вашингтон немедленно выступил в поход. Шли глубокой ночью по узкой тропинке, спотыкаясь, разбивая лбы и носы. Семь человек заблудились. Утром 28 мая подполковник собственными глазами узрел неприятеля: примерно тридцать французов мирно отдыхали в небольшой лощине, окруженной скалами.

Вашингтон в первом своем сражении применил тактику, ставшую для него обычной в войне за независимость, —

направил одну колонну в обход, а две колонны с флангов, сам пойдя с правой. Залп почти в упор из-за скал и деревьев положил на месте треть неприятельского отряда, остальные, что-то крича, бросились к оружию и попытались оказать сопротивление. Вашингтон писал, что только «чудом избежал смерти». Вероятно, преувеличение — из полусотни человек, бывших с ним, лишь один был убит и двое ранены.

В считанные минуты подполковник одолел неприятеля, десять человек были убиты, включая командира, младшего лейтенанта Жозефа де Жюмонвиля, двадцать два взяты в плен. Раненых не оказалось, ибо индейцы тут же добили неспособных подняться с земли, заодно оскальпировали их. Они было рванулись резать пленных, но Вашингтон по-рыцарски защитил французов, бросивших оружие.

Радость победы омрачило крайне неприятное открытие — пленные истерически обвиняли вирджинцев в том, что они прикончили «посла». Разъяренный француз бросился к трупу Жюмонвиля и извлек окровавленный пакет. Там были официальные инструкции убитому офицеру — найти англичан, выразить им желание жить в мире и предостеречь против вторжения во владения короля Франции. Вашингтон, придерживавшийся вирджинской версии о принадлежности бассейна Огайо, был возмущен. В его глазах подобные утверждения были «отъявленной наглостью».

В донесении Динвидди о «выдающейся» (по собственной оценке) победе он выразил мнение, подкрепленное ссылкой на эксперта Хафкинга: дипломатический статус французского отряда не что иное, как уловка. На самом деле Жюмонвиль со своими спутниками были теплой компанией низких «шпионов», в инструкциях ведь ясно говорилось, что им надлежит собрать информацию об англичанах. Утверждение пленных, что они в начале схватки кричали, прося прекратить огонь, Вашингтон отвел, заявил, что он лично ничего подобного не слышал. Ему не пришло в голову провести параллель — всего полгода назад он сам ездил на французскую территорию в форт Лебеф, выполняя миссию, аналогичную возложенной на Жюмонвиля. Тем не менее подполковник был несколько смущен, реляция о бое в лесу заключала длинное письмо губернатору, полное привычных жалоб на скверную оплату вирджинских офицеров по сравнению со служившими в регулярной армии. Героическая сага заняла в письме значительно меньше места, чем бухгалтерские выкладки.

Динвидди был озадачен распорядительностью молодого подполковника. На всякий случай поздравив его с победой, губернатор сообщил о подвиге вирджинцев кабинету в Лондон в осторожных словах: «Эту маленькую стычку учинили Хафкинг и индейцы. Мы лишь поддерживали их, ибо я приказал командиру нашей части только обороняться».

Расторопность Вашингтона в темном лесу снискала ему

европейскую, а в XVIII веке, следовательно, всемирную известность: во Франции, изыскивавшей предлог для войны с Англией, случившееся в далекой Америке было даром небес, подполковника надолго наградили титулом «убийца Вашингтона». В Лондоне были озабочены — провинциальный офицер колониального ополчения сумел выставить себя, Вирджинию и Британскую империю нападающей стороной.

Не будет преувеличением сказать, что Вашингтон сделал первый выстрел Семилетней войны, хотя официально она была объявлена почти через два года. Современники во всяком случае, придерживались такого мнения. Вольтер заметил: «Политические интересы настолько осложнились, что один пушечный выстрел в Америке погрузил всю Европу в пламя войны». Вольтер ошибся только в одном — калибре примененного Вашингтоном оружия.

* * *

До всего этого еще должно было пройти время. В дебрях Огайо Вашингтон думал не о политике европейских держав и даже не о том, как увенчать себя новыми лаврами. По веским соображениям он не помышлял об отступлении, напротив, собирался дать бой французам, не смущаясь неблагоприятным соотношением сил. Ход мысли Вашингтона не был неразумным. Он постепенно набирался опыта и понимал, что успех или неуспех его отряда определит поведение многочисленных индейских племен. Нерешительность, несомненно, толкнет индейцев в объятия французов, что будет иметь неисчислимые губительные последствия для английских колоний.

Сложные переговоры, которые он попытался провести с представителями индейских племен, не увенчались никаким успехом. Сашемы считались не с обещаниями Вашингтона, а подсчитывали наличных солдат у французов и вирджинцев. Последних было плачевно мало — с прибывшими подкреплениями у подполковника было примерно 400 человек. Правда, в разболтанной толпе ополченцев выделялась в лучшую сторону рота, пришедшая из Южной Каролины. Но она разбередила раны Вашингтона — командир роты капитан Д. Маккей, прослуживший в регулярной английской армии 18 лет, категорически отказался признать старшинство 22-летнего Джорджа. Сердце Маккея не растопила радостная весть, сообщенная ему Вашингтоном, о производстве в полковники вирджинского ополчения. Склока между командирами приобрела хронический характер и заняла выдающееся место в переписке полковника с губернатором.

Бездеятельность была чужда Вашингтону, и, разругавшись с Маккеем, оставшимся в форту Необходимость со своими солдатами, полковник двинулся с вирджинцами на север, в направлении французского форта Дюкень. В одном из

писем губернатору Вашингтон как-то заметил: «За себя я могу отвечать, мое телосложение позволяет вынести самые суровые испытания, и я льщу себя надеждой, что способен сделать все, что в человеческих силах». Это было правдой. Едва ли в отряде Вашингтона был хоть один человек, способный тягаться с ним в выносливости. Этого полковник не учитывал. Что для него было тяжело — совершенно невыносимо для рядового ополченца. Понукая, взывая и показывая личный пример, полковник побудил измученных ополченцев продолжить неслыханно тяжелый труд — прорубать дорогу через лесную чащу. И куда? Отнюдь не в неизвестность, а навстречу превосходящим силам врага!

На считавшихся дружественными индейцев Вашингтон махнул рукой, даже единственный союзник Хафкинг оставил его. Лукавый вождь видел, что полковник прорубается навстречу верной гибели, и почел за благо развязаться с ним. Хафкинг, записал пенсильванец, ведший торговлю с индейцами, «горько жаловался на поведение полковника Вашингтона в отношении его (хотя и сдержанно говоря, что полковник по натуре хороший человек, только неопытный). Он говорил, что полковник командовал индейцами как рабами, заставлял их ежедневно вести разведку и нападать на врага, но никогда не соглашался с советами индейцев. Просидев в одном месте от луны до луны, он не построил никаких укреплений, не считая этой мелочи на лугу, где, он думает, французы встретятся с ним в открытом поле. Если бы он послушался совета Хафкинга и сделал бы такие укрепления, как Хафкинг рекомендовал, он сумел бы отбить французов».

Над отрядом Вашингтона сгущались тучи. Французский комендант выслал против него 500 солдат. В стиле тех времен он обратился к индейским племенам. «Англичане убили моих детей, мое сердце разбито. Завтра я посылаю моих солдат отомстить за них... и я приглашаю вас присоединиться к французскому отцу помочь уничтожить убийц». Приглашение не нужно было повторять, до 500 индейских воинов выступили вместе с французами. Узнав в конце июня о приближении неприятеля, Вашингтон сосредоточил в ожидании битвы все свои силы — 400 человек в форту Необходимость. Они сгрудились в тесноте за палисадом, загнав туда же лошадей и коров. На неоконченные площадки выдвинули 9 небольших пушек.

Утром 3 июля французы и индейцы с дикими воплями бросились на штурм. Картечь и частый мушкетный огонь остановили наступавших. Торжествовать победу не пришлось, случилось предсказанное стратегом Хафкингом. Нападавшие разместились на холмах, господствовавших над палисадом, и, укрывшись за деревьями, открыли убийственный огонь. Орудия замолкли — прислуга была перебита. Стрельба из мушкетов едва ли приносила урон французам, вирджинцы

целились по дымкам выстрелов невидимых врагов. Хлынул проливной дождь, скоро мелкая траншея, опоясывавшая палисад, наполнилась водой. Порох подмок, постепенно все солдаты Вашингтона стянулись за палисад, но внутри форта, простреливавшегося перекрестным огнем, спасения не было.

Вашингтон, скользя и падая в грязи, смешанной с кровью, как мог ободрял защитников, но действительность была страшной — по истечении девяти часов непрерывного обстрела тридцать человек лежали убитыми и семьдесят было ранено. Идти на вылазку было бы самоубийством, лишь немногие вирджинцы имели штыки, а судя по воинственному реву из кустов, французы привели множество индейцев с томагавками. Вашингтону лишь удалось поддерживать темп ответного огня.

Сгустились сумерки, казалось, все было потеряно. Уйти было невозможно, враг перестрелял всех лошадей, еще один день осады — и конец. Внезапно французы предложили вступить в переговоры. Джордж отрядил к ним под белым флагом знаменитого знатока французского языка Ван Браама. В глубоком унынии он ожидал возвращения посланца. К всеобщему удивлению, Ван Браам явился промокший до нитки и улыбаясь во весь рот — французы, оказывается, за почетную капитуляцию. Невероятно!

При скудном отблеске свечи Вашингтон с офицерами склонились над мокрым клочком бумаги, на котором расплывались каракули, торопливо набросанные Кулоном де Вайером, братом убитого Жюмонвиля. Он явился лично отомстить за смерть брата. Ван Браам, запинаясь, переводил, и изумленный Вашингтон убедился, что он легко отделался. Французы разрешали вирджинцам с воинскими почестями и одной пушкой покинуть форт. Побитому военачальнику надлежало от имени Вирджинии дать обязательство год не вторгаться на французскую территорию. Поскольку он был в счастливом убеждении, что бассейн Огайо принадлежит англичанам, в его глазах условие не имело никакого смысла. Побежденный также подписывался под обязательством вернуть пленных, взятых при нападении на отряд Жюмонвиля, и выражал сожаление по поводу гибели благороднейшего француза.

Полковник не стал вдаваться в причины неожиданной сговорчивости французов и подписал соглашение о капитуляции. Вероятно, он имел преувеличенное представление о меткости огня вирджинцев, отметив в отчете о бое — убито «по минимальной оценке» 300 человек. Французы официально объявили о своих потерях — 2 убитых и 17 раненых.

4 июля 1754 года полковник Вашингтон с барабанным боем вывел своих воинов из укрепления и во главе колонны направился на восток. Слов нет, они стойко держались в бою, но теперь, измотанные, голодные, являли прискорбное зрелище. Не нашлось ни одного, кто бы оказался в состоя-

ции поднять тяжелое знамя, пушку бросили, едва отойдя от форта. Неся на импровизированных носилках или поддерживая раненых, они с опаской поглядывали по сторонам — краснокожие грозили расправой. Индейцам удалось отбить, убить и оскальпировать двух раненых. Только вмешательство французских командиров предотвратило кровавую бойню.

Хафкинг, наблюдавший за боем с безопасного расстояния, резюмировал: «Англичане сражались как дураки, французы как трусы».

Оставив разбитый отряд, Вашингтон поторопился в Вильямсбург лично доложить Динвидди о неудаче. Тот принял полковника с отменной безличной любезностью (в аристократическом обществе — верный признак утраты интереса), приказав вернуться к остаткам разгромленного полка. Губернатор холодно заявил, что обещание Вашингтона вернуть пленных французов не будет выполнено. Морально по неписаному кодексу века Вашингтон оказался в незавидном положении.

Дальше — много хуже. Французы опубликовали текст соглашения о капитуляции в форту Необходимость. Только тогда Вашингтон понял причину сговорчивости французов. Победители, имея в виду, что официально Англия и Франция не находились в войне, открыли соглашение, бездумно подписанное Вашингтоном, преамбулой. В ней говорилось: «В наше намерение никогда не входило нарушать мир и согласие, существующее между двумя царствующими домами, мы только отомстили за убийство одного из наших офицеров, носителя официального послания». Ван Браам перевел слово «убийство» как «смерть». Вашингтон задним числом проклинал скверного переводчика, доказывая, что не понял содержание документа. Знавшие его, а таких было мало, верили, но в Европе малоизвестный полковник предстал как человек, виновный в убийстве и скрепивший признание своей подписью.

Пока Джордж переживал обиду, губернаторы колоний совещались. Советовались и министры короля в Лондоне. Хотя по поводу конкретных мер мнения расходились, все были согласны в одном — настало время не только проучить французов, но изгнать их вообще из Америки. Весной 1755 года стало известно, что французы на 18 кораблях перебрасывают в Канаду три тысячи солдат.

Британская империя уже приняла сходные меры. За океан отправились два полка неполной численности (тысяча человек) под командованием ветерана генерал-майора Э. Брэддока, назначенного главнокомандующим вооруженных сил в английских колониях. Для лондонских политиков, взоры которых приковывали Европа, вечно бунтующая Ирландия и баснословно богатая Индия, экспедиция Брэддока не

представлялась чрезвычайно важной. Солдат послали, ибо, как выяснилось, жители колоний не могут защитить себя. Лорд Гренвиль (в 1763—1765 годах премьер Англии) пробормотал, что едва ли «из-за кучки дерьма» стоит «омрачать отношения с соседями». Для колоний прибытие регулярной английской армии было величайшим событием, могучая Британская империя пришла на помощь в скорбный час смятения и опасности.

20 февраля 1755 года Брэддок с войсками высадился в Александрии, поблизости от Маунт-Вернона. Появление английских полков послужило поводом для торжеств во всей округе, Джорджа как магнит притягивал лагерь, устроенный по всем правилам военного искусства, о которых он столько слышал. Брэддок не хотел ударить лицом в грязь перед вирджинцами, которых, впрочем, открыто презирал. Краснолицый, винолюбивый генерал устраивал парады, красовался на балах местной знати, где перекрикивал всех. Вашингтон потерял голову — стальная щетина штыков, грохот барабанов, «марш гренадеров» сводили его с ума.

Брэддок объявил, что без промедления откроет наступление по всему фронту на Новую Францию. Основную операцию — против форта Дюкень — он проведет сам во главе непобедимых королевских солдат. С замечательным полководцем спешили познакомиться все выдающиеся деятели американских колоний. Приехал почтмейстер Пенсильвании Б. Франклин. Брэддок изъяснил большелобому посетителю с проницательными глазами план кампании в выражениях, доступных пониманию штатскому, — овладение фортом Дюкень потребует «три-четыре дня», а затем вперед на Ниагару! На зимние квартиры армия станет в Филадельфии, где уже изготовляют ракеты для праздничных фейерверков. Франклин обратил его внимание на риск длительных маршей в диких лесах, кишащих враждебными индейскими племенами. «Он улыбнулся, — вспомнил Франклин,— по поводу моего невежества и ответил: «Эти дикари могут быть опасным противником для зеленого американского ополчения, но совершенно невероятно, чтобы они произвели хоть какое-нибудь впечатление на регулярные и дисциплинированные войска Его Величества». Я понял, что неуместно спорить по профессиональным вопросам с военным, и умолк».

Вашингтон сделал все возможное и невозможное, чтобы блистательный воин взял его в поход. Ради этого он мужественно глотал спиртное на бесконечных попойках английских офицеров. Брэддоку сообщили, что отставной полковник только что прошел путь, на который вступают королевские гренадеры. Генерал небрежно бросил — наверное, неплохо иметь адъютанта из местных, тем более не этот ли Вашингтон прислал ему учтивое письмо, поздравляя с прибытием в Вирджинию. Собутыльники с готовностью подтвердили.

Джордж стал одним из трех адъютантов Брэддока на положении волонтера, без зачисления на службу. А подготовка экспедиции натолкнулась на те же трудности, которые он уже знал, только в соответственно больших масштабах.

Ассамблеи вотировали средства, но генерал не мог тратить их по своему усмотрению. Ему было обещано 2500 лошадей и 200 повозок. Но торговцы, прослышав о военных закупках, бешено взвинтили цены. Драгоценное время упускалось в бесконечных торгах по любому поводу — от лошадей до продовольствия и фуража. Брэддок, впервые в жизни столкнувшийся с таким стяжательством, был вне себя, пенсильванцам он пригрозил, что вторгнется в колонию, перебьет скот на мясо, уведет лошадей, а их жилища сожжет, ибо они «банда предателей короля». Угрозы тучного, по большей части пьяного генерала не произвели большого впечатления на вольнолюбивых американцев, опьяненных оргией наживы.

Новый адъютант, известный в армии как «мистер Вашингтон, в прошлом служивший в вирджинском ополчении», делал все, что мог, помогая великому человеку. Брэддок отметил его рвение. Их отношения стали развиваться в сложном комплексе ненависти и взаимного уважения. «Генерал, — писал Джордж, — в результате частого невыполнения контрактов совершенно вышел из себя, и, поскольку он несдержан, что приличествует в подобных обстоятельствах, я опасаюсь, что он выставит нас в виде, который мы едва ли заслужили. Вместо того чтобы по справедливости винить отдельных лиц, он относит свои разочарования за счет всеобщего стяжательства и смотрит на страну как совершенно лишенную чести и совести. Мы часто спорим по этому поводу ожесточенно с обеих сторон, особенно с его».

В спорах с Брэддоком Вашингтон пытался защитить честь вирджинцев, успешно или нет — другое дело. Землякам он заявил о солидарности с разгневанным генералом, написав друзьям: «Собрать у нас армию почти то же, что попытаться оживить мертвеца». Брэддок добился создания вспомогательного отряда из 450 вирджинцев, мстительно приказав одеть их в военную форму, «чтобы они хоть походили на солдат».

Мытарства генерала от бесстыдно мошенничавших торговцев не шли ни в какое сравнение с интригой, затеянной компанией Огайо в связи с походом на форт Дюкень. Через влиятельных покровителей в Лондоне Динвидди и его единомышленники добились того, чтобы Брэддок пошел на форт не кратчайшим путем, через Пенсильванию, а повторил маршрут Вашингтона. Компания надеялась нажиться на поставках войскам на всем пути, и что еще важнее — поход Брэддока должен был закрепить за ней долину Огайо. Об

этих обстоятельствах ни Брэддок, ни даже Вашингтон не догадывались.

Только к середине июня войска Брэддока стянулись к старой пограничной фактории компании Огайо Уилс-Крик — теперь передовой форт Камберленд. Брэддок отправил саперов расширить примитивную дорогу, проложенную отрядом Вашингтона, и окончательно распростился с надеждами на помощь индейцев. Хафкинг умер, твердя, что французы извели его колдовством. Вожди нескольких племен, приходившие к Брэддоку, получали дары, их приветствовали орудийными залпами, но не поили — генерал, ревнитель воинской дисциплины, запретил давать индейцам ром. Все его усилия завоевать расположение сашемов пропали даром.

В середине июня Брэддок наконец выступил из форта Камберленд. Повторилось знакомое Вашингтону во всех мучительных подробностях — колонна, насчитывавшая около 2000 человек, обремененная артиллерией и обозом, продвигалась едва по пять километров в день, а до форта Дюкень 250 километров. Наконец Брэддок послушался совета Вашингтона — выдвинуть вперед 1200 человек с 30 пушками, обоз и тяжелая артиллерия должны следовать позади. Вашингтону не посчастливилось долго любоваться торжеством предложенного им порядка движения. Он заболел дизентерией, и 17 июня Брэддок отправил его трястись в санитарной фуре в обозе.

Только 8 июля, подвязав к седлу подушку, чтобы смягчить толчки — все тело невыносимо болело, Вашингтон прискакал в передовой отряд Брэддока. На следующий день войска должны были выйти к осиному гнезду французов — форту Дюкень — в десяти с небольшим километрах. Он не мог пропустить долгожданную баталию.

Великолепное утро 9 июля как нельзя лучше соответствовало праздничному настроению штаба Брэддока — взошло солнце победы. Вашингтон навсегда запомнил этот прекрасный летний день. Генерал приказал войскам маршировать как на параде — пусть французские лазутчики, которые могли скрываться в лесу, знают, что их ждет. Над ровными рядами солдат в ярко-красных мундирах реяли знамена, били барабаны, оркестр оглашал лес звуками «Марша гренадеров». Даже вирджинцы в скромных синих мундирах старались держать строй, выпячивая груди, выкатывая глаза и надувая щеки, когда мимо них проносилась блистательная кавалькада офицеров.

Колонна дважды перешла вброд реку Мононгахила. Офицеры поднимали руки, поздравляя друг друга — французы по глупости не использовали последнее место, где можно было устроить засаду. Авангард — 300 человек — углубился в поросшее лесом дефиле, за ним на расстоянии мушкетного выстрела следовали главные силы и Брэддок со штабом.

Внезапно в стороне авангарда началась сильная паль-

ба, скоро пельзя было различить отдельных выстрелов. Слитный рев, вопли, топот. Через несколько минут обезумевшая толпа солдат авангарда ринулась на остановившуюся главную колонну. Ряды смешались, всюду раздавались крики, падали люди — значит, стреляли по ним! Но врага не было видно, свинцовый ливень хлестал из-за деревьев и кустов. Офицеры тщетно пытались восстановить порядок, что в их понимании означало построить солдат ровными рядами, дать залп и атаковать неприятеля в сомкнутом строю. Они нещадно били метавшихся солдат саблями плашмя, но безрезультатно.

И только вирджинцы не растерялись, часть их, рассыпавшись в редкую цепь, попыталась атаковать невидимого врага, другие залегли за поваленными деревьями и открыли ответный огонь. Английские солдаты, не видя настоящих врагов, приняли за них вирджинцев и несколькими залпами разметали ополченцев. «Эти трусливые англичане, — писал впоследствии Вашингтон, — пораженные смертельной паникой... стреляли во всех, находившихся перед ними». Под Вашингтоном были убиты две лошади, пули пронизали платье, сбили шляпу, он остался невредим, отнеся это за счет «чудесной заботы Провидения, защитившего меня вопреки всем ожиданиям».

Охрипший Брэддок метался на дороге, все еще пытаясь выстроить солдат для правильного боя. Когда он взобрался на пятую лошадь (четыре были убиты), то получил пулю в легкое. Тяжелое ранение генерала послужило сигналом к всеобщему бегству. Бросив знамена, пушки, барабаны и флейты, беспорядочная толпа устремилась назад по той самой дороге, по которой всего час назад войска выступали церемониальным маршем.

Сзади раздавались душераздирающие крики брошенных раненых, индейцы набросились на них, приканчивая с неописуемой жестокостью, снимая скальпы и деля богатую добычу. Вероятно, это задержало победителей, дав возможность остаткам войска Брэддока уйти от преследования. Потери были ужасающими — из 86 офицеров 63 были убиты или ранены. Такая убыль в офицерском составе понятна — противник целил прежде всего в гарцевавших на лошадях. Из 1373 рядовых невредимыми остались только 459 человек. Побоище учинил враг, значительно уступавший Брэддоку по силам, — 100 французов, 150 канадцев и 650 индейцев.

Разбитые войска с невероятной резвостью бежали к обозу, к провианту и тяжелым орудиям. «Когда мы пытались собрать их, — комментировал Вашингтон, — то достигли таких же успехов, как если бы мы попытались остановить диких горных медведей».

Умиравший Брэддок полностью положился на Вашингтона, единственного нераненого адъютанта. Вашингтон распоряжался всем, включая похороны генерала. Именно ему при-

шла в голову идея захоронить тело Брэддока посередине дороги, поблизости от развалин форта Необходимость. Оставшиеся повозки проехали по могиле, чтобы стереть все следы. Иначе, объяснил Вашингтон, индейцы найдут труп и надругаются над ним. Верные слуга и конь покойного генерала перешли к Вашингтону. Они служили ему многие годы.

Полковник Данбар, начальник тылового отряда, уничтожив большую часть орудий, отошел в форт Камберленд. 2 августа он покинул его, направившись с остатками войск на зимние квартиры в Филадельфию. В губернаторском дворце воцарился ужас. Ничто не стояло между свирепыми победителями, опьяненными успехом, и Вирджинией. Западная граница колонии полыхала.

* * *

Вашингтон был разъярен. Слабый, не оправившийся от болезни, он укрылся в Маунт-Верноне. Оттуда в письме одному из друзей он дал волю обуревавшим его чувствам. «Нас побили, постыдно побила кучка врагов, которые намеревались только помешать нашему продвижению. Меньше всего они ожидали победы. Поразмысли о непостижимых путях Провидения, бренности всего живущего! За несколько мгновений до этого мы считали, что почти равны по силам канадцам, они надеялись всего-навсего досадить нам. Однако вопреки всем ожиданиям и вопреки даже логике нас разбили наголову, мы потеряли все, а они этим обогатились... Я от всего сердца согласен с тобой, что, когда случившееся войдет в анналы истории, к этому отнесутся недоверчиво, с негодованием, ибо, если бы я не был живым очевидцем в тот день, я бы уже теперь не поверил, что так могло произойти».

Годы спустя, вернувшись к злополучному бою, Вашингтон указал, что к поражению привело нежелание Брэддока противопоставить индейцам их же тактику, что попытались сделать только ополченцы-вирджинцы. В первое время после постыдного разгрома Вашингтон не был способен к анализу, подменяя спокойное рассмотрение событий эмоциями. Он вновь и вновь подчеркивал «трусость» регулярных войск, которые вели себя в бою как «мерзавцы». Беззащитная колония срочно нуждалась в героях, и Вашингтон стал первым из них. С амвонов ему возносилась хвала, молились за его здоровье. В пламенной проповеди, прочитанной притихшим прихожанам, один священник задал риторический вопрос, не сохранило ли Провидение «юношу героя... таким замечательным образом», ибо предназначает его «славно послужить стране». Из уст в уста передавалось: Брэддок в смертный час хвалил вирджинское ополчение (что было правдой). Со своей стороны, Вашингтон заверил земляков — ополченцы «сражались как мужчины и умирали как солдаты». О не-

давнем поражении самого Вашингтона забыли. Он представал спасителем колонии.

Вашингтон имел и личные причины сожалеть о поражении — в походе он потерял четырех лошадей и надежду получить офицерское звание от короля. Последнее особенно удручало Джорджа, ибо Брэддок твердо обещал ему по завершении кампании добиться благоприятного решения. Со смертью генерала вожделенные эполеты остались мечтой.

Погоня за офицерским званием королевской армии поразительным образом характеризует Вашингтона 1753—1758 годов. Он шел на ненужные унижения, прибегал к неуклюжей лести. И ради чего? Ради чина полковника, на меньшее Джордж не был согласен. Правда, он никогда точно не говорил, на что претендовал. Погоня за эполетами полковника, которую можно во всех деталях проследить по его многим письмам-прошениям, побудила некоторых историков сделать гипотетический вывод — если бы король пожаловал их, Вашингтон навсегда остался бы роялистом и не связал бы свою судьбу с борьбой за независимость.

Этот тезис при всей его привлекательности все же притянут за волосы. Много проще помнить о молодом честолюбии и Салли. Кроме того, Вашингтоном двигали чисто практические соображения. Чин в королевской армии давал прочное положение, при выходе в отставку — половину содержания. Чин можно было продать или купить. О последнем Джордж не помышлял, хотя был в состоянии приобрести, скажем, звание майора, стоившее 2000 фунтов стерлингов. Он полагал, что уже заслужил производство на поле брани.

Если в Лондоне никогда так и не стали на эту точку зрения, то в Вильямсбурге воздали Вашингтону должное. Цепь поражений, за которые, несомненно, и Динвидди нес большую долю ответственности, резко увеличила авторитет ассамблеи. С влиятельными членами ее Вашингтон поддерживал переписку. Они знали, что полковник готов вернуться на военную службу, но только на собственных условиях.

14 августа 1755 года ассамблея вотировала 40 тысяч фунтов на военные расходы, решив создать полк в 1000 человек для защиты колонии.

Командование предложили Вашингтону. Помня о его постоянных жалобах на то, что он за два года только терял на службе колонии, ассамблея проявила неслыханную щедрость. Вашингтону было выдано 300 фунтов стерлингов в возмещение прежних затрат, положено жалованье полтора фунта в день, на расходы 100 фунтов в год и 2 процента комиссионных со всех закупок для полка. В тот же день губернатор назначил Вашингтона «главнокомандующим армии, создаваемой для защиты колонии Его Величества». Образ действия — «наступать или обороняться» — целиком оставлялся на его усмотрение. Он мог подбирать офицеров по собственному выбору.

Свалив всю полноту ответственности на молодого главнокомандующего, в Вильямсбурге с острым любопытством стали ожидать результатов.

Вашингтон куда как круто взялся за дело, насаждая хваленую воинскую дисциплину, о которой наслышался от Брэддока. Он не усмотрел разницы между воспитательным значением различных мер принуждения в давно существующей армии и в части, создававшейся почти на голом месте. Приказы Вашингтона звучали грозно, а непокорные виргинцы либо бунтовали, либо разбегались. Полковник распорядился заковывать в кандалы и бросать в тюрьму зачинщиков. Он направо и налево щедро расточал обещания перевешать нарушителей порядка, а пока широко практиковал «старый метод наказания — хорошенько высечь», вбивая палками и плетками понимание воинского долга. Даже это не производило должного впечатления, полк никак не приобретал уставного вида, хотя и носил желто-голубые мундиры.

Тогда Вашингтон обратился к ассамблее с ультиматумом — либо он уходит в отставку, либо в колонии вводится военное положение. Все нации вводили его в случае нужды, просветил главнокомандующий ассамблею, и «я беру на себя смелость выразить определенное удивление, что только мы так носимся со своей свободой, что не прибегаем к силе, отчего воспоследствовали бы самые великолепные результаты». Ассамблея приняла драконовский закон, предусматривавший смертную казнь за неповиновение и дезертирство. Вашингтон расстарался построить виселицу почти пятнадцатиметровой высоты. На глазах согнанных ополченцев на ней повесили двух закоренелых смутьянов. Отныне дезертиров нельзя было сыскать днем с огнем, они запомнили петлю. Отчаявшись, юный полководец принялся открывать в законе лазейки, не замеченные даже составителями, обещая помилование беглецам. Идеи, так манившие в устах Брэддока, по-иному оборачивались в Виргинии.

Жестокость никогда не была свойственна натуре Вашингтона, но обстоятельства не позволяли действовать иначе — более чем пятисоткилометровую границу могло прикрыть дисциплинированное войско, а не разболтанное ополчение. Все время поступали сообщения о нападениях индейцев, высылаемые отряды прибывали поздно — они находили сожженные дома и хоронили изуродованные трупы пионеров и их семей. Кошмар преследовал Вашингтона — если неприятель крупными силами прорвется через практически не защищенную границу и достигнет обжитой части Виргинии, там может вспыхнуть восстание чернокожих рабов. О судьбе родных и близких тогда гадать не приходилось. Следовательно, любой ценой запереть границу.

Официальное объявление войны между Англией и Францией 16 мая 1756 года усугубило мрачное настроение Вашингтона. Он не мог знать, что Виргиния теперь избавле-

на от вражеского нашествия. Центр тяжести боевых действий переместился на север, куда ушли французские войска, а за ними потянулись индейские племена. В свою очередь, Северная Америка стала играть все меньшую роль в глобальной стратегии воюющих сторон. Вашингтон и его полк превратились в забытых солдат забытого фронта. Логика Семилетней войны, но не усилия Вирджинии в конечном итоге определили положение колонии. Все это со временем прояснилось, а пока на границах колонии крепко пахло пороховым дымом.

Беженцы, а число их постоянно возрастало, молили о помощи. Бесподобный принцип американцев — каждый заботится о себе, а об остальных — дьявол — предстал во всем блеске. Ни по долгу службы, ни по голосу совести Вашингтон не мог так рассуждать.

Чувствуя себя бессильным, хотя Вирджиния была объектом только дерзких рейдов индейцев, а не действий регулярных сил врага, полковник порой терял самообладание. В один из таких моментов он писал Динвидди: «Я не владею, сэр, достаточно изобразительными средствами языка, чтобы попытаться описать разлившееся море горя, хотя наделен великодушием, чувством распознавать зло и желанием оказывать благодеяния. Что я могу поделать? ...Жалобный плач женщин, трогательные обращения мужчин повергли меня в такую глубокую печаль, что я, зная себя, торжественно клянусь: я готов принести себя в жертву кровожадному врагу, если это принесет облегчение народу... Если нужен я, истекающий кровью, умирающий, чтобы удовлетворить их ненасытную месть, я готов отдаться ярости дикарей, и пусть меня изрежут на куски ради народа! Я вижу его положение, знаю, каким опасностям он подвергается, разделяю его горести, однако не в состоянии оказать большей помощи, чем раздавать мутные обещания». Нет сомнения в искренности автора письма.

С железной настойчивостью он твердит ассамблее и губернатору: ополчение — ненадежный щит колонии. Нужны регулярные части, а для этого требуются деньги и деньги. В 1756 году Вашингтон столкнулся с теми же трудностями, которые будут приводить его в бешенство в 1776 году. Он извлек урок из вирджинского опыта, континентальному конгрессу пришлось учиться заново. Отцам Вирджинии полковник Вашингтон в 1756 году разъяснял: беда ополчения в том, что «каждый грязный тип имеет собственное невежественное представление о событиях и способах действия. Если его советы игнорируют, он надувается, обижается и компенсирует нанесенное ему, по его мнению, оскорбление тем, что отправляется домой».

О плачевном состоянии дел Вашингтон сообщал не только в Вильямсбург, но и друзьям. У. Фэрфакс поддержал дух молодого человека двумя письмами. Как бы продолжая за-

стольные беседы, он писал: «Все пьют за твое здоровье и успехи. У римлян всеобщее уважение к любому из их вождей всегда почиталось высокой честью и с благодарностью принималось». В другом письме, коснувшись сетований Вашингтона на ополчение, Фэрфакс разъяснил: вероятно, основания к недовольству есть. Но «почитай «комментарии» Цезаря и Квинта Курция (автора жизнеописания Александра Македонского). Там узреешь, что римские военачальники преодолевали куда бо́льшие трудности». Если они «нарушают твой душевный покой, я не сомневаюсь, что ты перенесешь их с тем же присутствием духа, как эти замечательные герои».

Значит, следовать благородному примеру, дисциплина превыше всего. Полковник ввел таксу — двадцать пять ударов за сквернословие, пятьдесят за пьянство. Он придавал большое значение материальным стимулам — цена за скальп неприятеля повысилась с 10 фунтов в 1755 году до 45 фунтов стерлингов в 1758 году, — но не упускал из виду и моральные. Как известно, должное сочетание их всегда залог успеха. Вашингтон обратился к спикеру ассамблеи с просьбой прикомандировать к полку священника «с тем, чтобы мы по крайней мере внешне имели пристойный вид, ведь нам твердят — нужно внутренне верить». Священника полк не получил.

Тут разразился скандал. Бежавшие из-под властолюбивой руки полковника обратились в вирджинские газеты, напечатавшие статьи, подписанные звучными псевдонимами, взятыми у Плутарха, касательно распутства, безделья и прочих пороков, которым предаются офицеры полка. Иные авторы, надо думать, писали под сильным личным впечатлением — Вашингтон, сжав огромные кулачищи, с побагровевшим от гнева лицом, набросился на некоего Джона Бейлиса, осмелившегося подвергнуть сомнению воинские порядки. Критики и офицеры, горой стоявшие за полковника, были правы по-своему. Недовольные принадлежали к беднейшим слоям населения и уже по этой причине, не имея выбора, были склонны превозносить пуританские добродетели. Офицеры, пытавшиеся подражать английской аристократии, вели себя так, как они считали уместным для избранных.

Обиженные горестно сообщали — офицеры завели любовниц. Вашингтон в одном известном случае взглянул на дело практически. Когда его подчиненного обвинили в уводе женщины — «кабальной служанки», он не усмотрел нарушения норм морали, а распорядился, чтобы похититель возместил ее владельцу стоимость недополученных услуг. К женскому вопросу в военном лагере он подходил, руководствуясь нормами солдатской морали XVIII века. Кроме того, все они были очень молоды — самому Вашингтону было двадцать пять лет. Его любимчик — капитан Мерсер, — посланный по делам в Южную Каролину, в числе наиважнейших ново-

стей информировал главнокомандующего о следующем: «Вы удивлены, что я еще не упомянул местных красоток». Увы, у девушек в Южной Каролине «нет манящих, тяжелых, трепещущих, привлекательных больших бюстов, которые обычны для наших северных красавиц».

Командиры полка, конечно, не были монахами. Они любили выпить, а полковник строго надзирал: к столу подавать достаточно вина, чтобы «все были довольны». Играли в карты, танцевали, ревели хором, полагая, что поют. Вашингтон неукоснительно следил разве за тем, чтобы никто не терял облика джентльмена — пить только до возникновения неудержимого желания встать на четвереньки или хвататься за стены.

В это время из Англии прибыл новый английский главнокомандующий — лорд Лаудон. Вашингтон, как ему представлялось, задумал хитроумнейший дипломатический ход — с границы он направил в Филадельфию Лаудону длинное послание. Полковник описал свои труды на службе королю (наивно надеясь, что за это воспоследует производство в чин королевской армии), обругал Динвидди и ассамблею, пожаловался на вильямсбургских упрямцев, отвергающих его военные планы, и пообещал победу над французами — нужно идти прямо на форт Дюкень. Вообще, Вашингтон открылся лорду, он намеревался подать в отставку, и его удержала «заря надежды», взошедшая в тот миг, когда нога Лаудона ступила на американскую землю. «Только не думайте, мой лорд, — заключил послание полковник, — что я собираюсь льстить, хотя я чрезвычайно высоко ценю ваши достоинства и уважаю ваш пост, я не намереваюсь восхвалять. Моя натура открыта, честна и свободна от раболепства!»

Как следовало ожидать, полковник, очернив попутно местные власти, добиться чего-то от британского лорда не смог. Эпизод, справедливо замечает Дж. Флекспер, показал, что, «несмотря на обучение у Уильяма Фэрфакса, молодой человек не обладал складом ума придворного. Что до его попыток польстить, то они по изяществу походили на попытку слона сделать глубокий придворный поклон». Вашингтон добавил еще один ложный шаг — отправился в Филадельфию на поклон к Лаудону. Лорд принял полковника с величайшей холодностью, конечно, не стал обсуждать с ним привезенных планов кампании, а отдал сухие распоряжения, как надлежит действовать. Сердце англичанина не растопило льстивое сообщение Вашингтона — отныне Винчестер носит название форт Лаудон.

* * *

1757 год для Вашингтона оказался очень тяжелым морально. Склока с Динвидди переросла в острую вражду. Накануне окончательного отъезда в Англию в начале

1758 года губернатор упрекнул полковника в «неблагодарности». На границе по-прежнему было неспокойно. Укрепить ополчение было совершенно невозможно — ассамблея не желала призвать на службу ни одного человека, кто имел бы право голоса. Избирателями были только мужчины, имевшие плантации площадью не менее 10 гектаров с домом или владевшие участком земли не менее 40 гектаров. В ополчение загоняли бедняков, не горевших желанием сложить голову за толстосумов.

Сооруженные наспех пограничные форты с малочисленными гарнизонами не могли прикрыть границу. Вашингтон, поставленный на место, больше не издавал громогласных протестов, а воевал как мог, отражая бесчисленные вылазки индейцев. Он мрачно предрекал — если на будущий год не будет организована крупная военная экспедиция на запад или если Виргиния не увеличит свои военные силы, «следующей осенью по ту сторону Блю-Ридж не останется ни души». Соответствующие, но теперь очень вежливые представления в Вильямсбурге отклика не имели. Там с большим интересом следили за военными операциями на главном театре далеко на севере, полагая, что Вашингтон как-то выкрутится.

Военная служба, где приходилось делить внимание по крайней мере поровну между неприятелем и Вильямсбургом, глубоко опротивела Вашингтону. Разочаровавшись в возможности снискать лавры в боях, он исподволь стал готовиться к переходу к мирной жизни. Джордж наконец всерьез занялся Маунт-Верноном, стремясь наладить запущенную плантацию. Осенью умер Уильям Фэрфакс, муж Салли отправился в Англию хлопотать о вводе в наследство. Она осталась в Бельвуаре одна. И той же осенью заболел дизентерией Вашингтон. Его привезли в Маунт-Вернон, где одно время он всерьез готовился к смерти — сказались тяжкие испытания последних лет, усугубленные крахом надежд на военную карьеру.

Вероятно, он пытался получить утешение от Салли. Хлопотала ли она у постели тяжелобольного? Историки не знают. О состоянии духа Вашингтона говорит лаконичная записка. Получив письмо с сообщением о возвращении Джорджа Фэрфакса, он переслал его Салли с припиской: «Когда у вас будет время облагодетельствовать нас визитом, мы попытаемся максимально разделить с вами радость, которую вы испытали при этом известии». О планах на будущее говорил заказ в Англию — прислать ломберный стол из красного дерева и дюжину колод карт.

Ощущение близкой смерти все же не оставляло Джорджа. За многие месяцы в постели он ослабел и наконец решился точно узнать у специалиста, сколько ему осталось жить. В марте 1758 года страждущий проделал изнурительный путь до Вильямсбурга. Даже здоровый он добирался

туда из Маунт-Вернона за четыре дня, ибо расстояние считалось значительным — 250 километров. Теперь путешествие оказалось еще длиннее. За большой гонорар — 3 фунта стерлингов — он получил исчерпывающий ответ — лечиться надо от меланхолии. Смертельно больной вышел из кабинета врача здоровяком, думая не о могиле, а о жене.

Страдая от недуга и принятых тогда методов лечения кишечных заболеваний, Джордж Вашингтон провел мучительную переоценку ценностей. Никто не знает и никогда не узнает, как именно он инвентаризировал накопленный жизненный опыт. На этот счет не осталось никаких документов, да едва ли человек, прислушивающийся к болям в животе, думает о бумаге. Главное — поступки, ибо они были конечным звеном в цепи умозаключений Вашингтона.

До тех пор у него были две цели в жизни — обладать Салли и получить производство в королевской армии. В достижении обеих он потерпел фиаско. Первая оставалась недосягаемой, хотя Салли по-прежнему иной раз кокетничала без меры. Ей стала льстить привязанность прославленного воина Вирджинии. Служба в колониальных войсках, хотя и под королевскими знаменами, принесла самолюбивому полковнику одни разочарования. По мнению Джорджа, он получил ничтожно мало, хотя бы за серьезно расстроенное здоровье. Он, безусловно честный человек, не мог без стыда вспомнить о том, как приходилось пресмыкаться ради проклятого чина. В итоге всех размышлений он пришел к скромной по мудрости мысли: «Конечно, лучше проделать бурный жизненный путь не плача, а смеясь».

Возвращаясь от врача в Вильямсбурге, Вашингтон заехал в Белый дом, плантацию на реке Памапки, находившуюся в двадцати километрах с небольшим от столицы Вирджинии. Там жила двадцатишестилетняя Марта Кастис, потерявшая летом 1757 года мужа. У Марты было двое детей — четырехлетний Джон и двухлетняя Марта, а также колоссальное по тем временам состояние: плантация площадью около 7 тысяч гектаров, примерно 300 рабов, вклады в английских банках, превышавшие 23 тысячи фунтов стерлингов, великолепная резиденция в Вильямсбурге. Вашингтон знал лучшего юриста Вирджинии Николаса и его совет вдове — «нужно выйти замуж за хорошего управляющего». По законам тех времен все имущество женщины, сочетавшейся браком, переходило мужу.

Итак, Джордж проезжим гостем появился в доме Марты, с которой раньше уже встречался на балах в Вильямсбурге. К ней вошел человек, «прямой, как индеец, почти 190 сантиметров ростом, весом 90 килограммов... Мускулистая фигура свидетельствовала о большой силе... У него широкие плечи, но грудь не выступает, тонкая талия, длинные руки и

ноги. Голова прекрасной формы, невелика и хорошо поставлена на прекрасной шее. Длинный прямой нос, сине-серые проницательные глаза, продолговатое лицо, заканчивающееся твердым подбородком. Чистая бледная кожа, хотя и покрытая загаром. Приятное, доброе, однако властное выражение лица, каштановые волосы. Большой, обычно крепко сжатый рот, в котором, однако, можно заметить плохие зубы. Черты лица правильные, он прекрасно контролирует себя, но лицо его подвижно и способно отражать глубокие чувства. Беседуя, он смотрит вам прямо в лицо, как бы оценивая. Его движения и жесты плавны, походка величава, и он прекрасный наездник...» Так описал полковника Вашингтона его задушевный друг и почитатель Мерсер.

В хлебосольном Белом доме его встретила хозяйка, славившаяся в округе своим тактом и рассудительностью. Крошечная спокойная женщина со склонностью к полноте, Марта, смеясь, отзывалась о себе как о «хорошенькой, здоровой девушке». Она, конечно, была далека от того, чтобы поощрять безумную любовь; такие чувства, если бы они обнаружились, наверняка повергли бы в смятение состоятельную вдову. Покойный муж был почти на двадцать лет старше ее, а она была старше Джорджа на два месяца. Марта, родив четверых детей, из которых выжили двое, несмотря на двадцать шесть лет, давно чувствовала себя зрелой женщиной. Всей душой она стремилась к спокойствию и приличию. Они, наверное, встретились как разумные коммерсанты и расстались очень довольные друг другом. Где-то летом 1758 года Джордж и Марта решили вступить в брак. Даже точнейшим образом настроенные исторические сейсмографы не зарегистрировали вулканических страстей в связи с бракосочетанием Вашингтона.

Тут представился случай достойно завершить военную карьеру — на повестку дня встало наконец овладение фортом Дюкень, о чем Вашингтон грезил наяву все годы, когда носил мундир. Операцию задумали не местные стратеги. В далекой Англии парламент возвел на пост премьер-министра способнейшего Вильяма Питта. Он немедленно сместил спесивого и инертного лорда Лаудона. Питт приказал провести против французов три кампании, одну из них в долине Огайо, предписав взять форт Дюкень. Командовать операцией был прислан энергичный генерал Джон Форбс.

Питт единым росчерком пера разрешил давно мучивший Вашингтона вопрос о старшинстве — отныне колониальные офицеры могли командовать нижестоящими по рангу офицерами королевской армии. А войско Форбс собрал порядочное — около трех тысяч пенсильванцев, несколько более полутора тысяч вирджинцев, остальные — регулярные части из Англии. Всего до семи тысяч человек. Вашингтон попро-

сил друзей обратить на него внимание генерала: «...не корысти ради и повышения. С надеждами на это я давно расстался... Мне хочется чем-то выделиться среди провинциального офицерства, большого разноперого стада». В ожидании ответа он выехал в полк.

Новые подвиги — в будущем, а пока Джордж рассудительно готовился к скорому переходу к мирной жизни. Управляющий в Маунт-Верноне получил от него детальные инструкции привести в порядок дом к приему молодоженов с детьми. Он выставил свою кандидатуру в ассамблею колонии в округе Винчестер. Три года назад Вашингтон уже пытался добиться здесь избрания, но потерпел унизительное фиаско. За причинами не нужно было далеко ходить — добрые жители Винчестера нагляделись на распорядительного полковника, поднимавшего край на войну крутыми мерами. Они не выполнили своего обещания вышибить из него дух вон, но сумели с гиком и улюлюканьем провалить Вашингтона. Выборы были гласными.

На этот раз Вашингтон много лучше провел кампанию. Сославшись на неотложные дела, он не появился в округе, а вверил ее офицерам полка и друзьям. Джордж прошел громадным большинством — из 396 избирателей ему отдали свои голоса 309. Льстивый сторонник отнес успех за счет «вашего гуманного и справедливого обращения с каждым и вашего громадного рвения на пользу общего дела».

Вашингтон знал лучше. Организаторы избирательной кампании выставили за счет кандидата с учетом вкусов каждого избирателя 130 литров рома, 225 литров пунша из рома, 150 литров вина, 210 литров пива и 10 литров сидра. Полковник, не поморщившись, оплатил счет, прокомментировав: «Надеюсь, что не делалось исключения для лиц, выступавших против меня, отношение ко всем было равным и каждый получил достаточно... У меня только одно опасение — не поскупились ли вы...» Вероятно, он считал порцию полтора литра с лишним на человека умеренной по правам того времени.

Форбс не оставил обращение полковника Вашингтона без внимания, включив его вместе с вирджинцами в предстоявшую экспедицию. Полковник был польщен, но от планов Форбса пришел в ужас. Английский генерал решил двигаться на форт Дюкень не по стопам бесславного Брэддока, а проложить дорогу к цели по прямой с запада на восток из Пенсильвании. Вашингтон стал горячо отстаивать преимущества знакомого ему пути — Брэддок протоптал дорогу почти до самого форта Дюкень, а теперь снова прорубаться через дикие чащобы. У него была и задняя мысль — по изгнании французов из Огайо торговля пойдет через Вирджинию. Одобрение плана Форбса означало бы, что все преимущества получит Пенсильвания. «Давняя, несчастная судь-

ба бедной Вирджинии, — сокрушался Вашингтон, — она всегда жертва хитрющих соседей».

Американские военные историки согласились, что путь, предлагавшийся Вашингтоном, стратегически был менее выгоден, чем намеченный Форбсом. Вашингтон отстаивал свою точку зрения с большой горячностью и проявил, по словам Форбса, качества, «постыдные для любого офицера». В письме спикеру ассамблеи Вирджинии Робинсону полковник обозвал сторонников марша из Пенсильвании дураками и выразил готовность выехать в Лондон, чтобы разоблачить перед королем организаторов кампании, обреченной на провал: «Пусть Его Величество узнает, как нагло проституируются его честь и государственные средства». К счастью для репутации Вашингтона, поездка в Лондон не состоялась, ибо в срок, потребный для поездки, Форбс успешно завершил операцию. Было бы слишком ясно, кто остался в дураках.

А пока Вашингтон гневался по поводу длительных сборов — дорога из Пенсильвании, над которой работали две тысячи человек, сооружалась действительно крайне медленно, Форбс объявил, что проведет съезд дружественных индейских племен, к собраниям такого рода сашемы готовились очень неторопливо. Новая оттяжка! Вашингтон заподозрил, что Форбс боится рисковать и едва ли всерьез собирается брать форт Дюкень.

«Все пропало, — восклицал полковник, — все рухнуло! Наше предприятие не удастся, нынешней зимой мы остановимся у Лаврового Холма (пункт на пути к Дюкень. — *Н. Я.*), но не для того, чтобы пожать лавры (если не считать тех лавров, которые растут в горах)». Он почти отчаялся и в этот момент получил письмо от Салли. Она наконец ответила на одно из его бесчисленных посланий и, наверное, если судить по ответу Вашингтона — знаменитому письму от 12 сентября 1758 года, — поддразнила, он торопит с кампанией, ибо сгорает от желания обладать Мартой.

Последняя капля переполнила чашу. Джордж отвечает 12 сентября тем письмом, которое спустя более ста лет взволновало общину историков. «Ты, наверное, допускаешь, — писал он Салли, — что можно заслужить репутацию честного человека, выступая против нынешнего образа действия (при подготовке похода. — *Н. Я.*), но тут же полностью уничтожаешь мою уверенность, что я веду себя достойно, приписав мое беспокойство вдохновляющей перспективе обладать г-жой Кастис. Как в действительности обстоят дела, тебе говорить излишне, можешь догадаться сама». Затем последовали по необходимости туманные — он оставлял документ, писанный своей рукой, — заверения в любви, ибо «ты заставила меня или скорее я заставил себя признать этот простой факт». В заключение меланхолического письма

Джордж написал: «Жизненный опыт — увы! — прискорбно напоминает, что возвращение к прошлому невозможно, и укрепляет мое давнее убеждение — даже сверхусилия человека не могут изменить судьбу, властную над нами».

От печальных дел сердечных вновь к не менее плачевному, по мнению полковника, состоянию дел военных. Небо затянули тучи, шел октябрь. Съехались наконец сашемы индейских племен. Девятнадцать дней в английском лагере раздавались их церемонные речи. Превозмогая болезнь, Форбс терпеливо слушал, надеясь на то, что удастся вбить клин между французами и их союзниками. Он не скупился на подарки и порох для орудийных салютов. Наконец индейцы разъехались, дав не очень определенные обещания.

В слякоть, под проливным дождем отважное воинство тронулось в путь, бросая увязшие по ступицы в грязи интендантские фуры. Вашингтон едва скрывал свое удовлетворение — события развивались именно так, как он и предсказывал. Разве не торопил он с выступлением в поход, разве не убеждал, что вести переговоры с индейцами безрассудное расточительство времени?

Смертельно больной Форбс командовал операцией с носилок, подвязанных между двумя лошадьми. Сомнения терзали командиров — высказывались предложения остановиться на зимние квартиры, не доходя до форта.

Мрачным осенним днем Вашингтон подвергся, как он запомнил до старости, «самой большой опасности» за всю жизнь. Со стороны авангарда — части вирджинского полка — внезапно раздалась частая стрельба. Форбс послал Вашингтона с подкреплением. В пустом лесу их встретил интенсивный огонь. Полковник сначала опешил, но быстро разобрался — вирджинцы стреляли по своим. Вашингтон бросился между отрядами, требуя прекратить огонь, ударами шпаги по мушкетам и головам приводя в чувство рьяных стрелков. Итог — 14 убитых, 26 раненых, а противника поблизости нет.

Смелость Вашингтона произвела впечатление на Форбса. Он назначил его командовать передовой дивизией в 2500 человек, без обоза, с несколькими легкими орудиями. Вашингтону присвоили ранг бригадного генерала и приказали форсированным маршем идти на проклятый форт. Форбс получил обнадеживавшую информацию, что там остался небольшой гарнизон, покинутый индейскими союзниками. Дивизия Вашингтона выступила в лютую стужу по бездорожью, к тому же выяснилось, что точный маршрут неизвестен, а впереди еще 80 километров.

Утром 25 декабря 1758 года кавалькада офицеров во главе с Вашингтоном выехала из леса. Перед ними простиралась унылая зимняя равнина, темная река Огайо, еще

свободная от льда. На берегу дымились развалины — французы взорвали и сожгли форт Дюкень, а сами накануне бежали в лодках по реке. «Овладение этим фортом чрезвычайно удивило всю нашу армию, мы не можем не отнести это только за счет их слабости, недостатка провианта и дезертирства индейцев», — доложил Вашингтон.

Он достиг своей цели, но далеко не так, как ожидал. Без борьбы вирджинцы ходили по пеплу вражеской фортеции. На долю Вашингтона выпала честь поднять английский флаг над развалинами. Победители переименовали укрепление, назвав его форт Питт (ныне город Питтсбург), оставили для восстановления палисада и охраны 200 человек и поспешно тронулись в обратный путь.

В «прощальном послании» офицерам вирджинского полка Вашингтон писал: «Я попытаюсь проявить благодарность, которая составляет немалую часть характера человека, которого Вам было приятно похвалить... Тот факт, что в течение ряда лет (в необычайно трудных обстоятельствах, которые до конца познали только немногие) я мог своим поведением удовлетворить Вас, приносит мне величайшую радость, ибо я почти отчаялся в достижении этой цели. Трудно быть приятным, когда приходится действовать в неприятных обстоятельствах!.. Мне хвастаться нечем, разве неукоснительной честностью, что я сделал неуклонным правилом всех моих действий... Если бы все вели как Вы, делая все, чтобы удовлетворить меня, мне бы не пришлось познать то горе, которое я испытываю, прощаясь с полком, разделявшим мои труды и перенесшим все трудности и опасности, выпавшие на мою долю. Однако тут встают воспоминания, омрачающие мой разум, которые я должен предать забвению».

Так писал товарищам по оружию 26-летний полководец, утомленный пятилетними трудами в защите родины. Хотя война в Северной Америке продолжалась еще два года, Вашингтон к 1 января 1759 года покончил, как ему казалось навсегда, с военной службой. Ибо в «прощальном послании» он заверял соратников, что их высокая оценка его как командира вирджинского полка «составит величайшее счастье моей жизни и до гробовой доски будет пробуждать приятнейшие воспоминания».

Оборудуя для новой жизни Маунт-Вернон, Вашингтон заказал в Лондоне шесть бюстов — Александра Македонского, Юлия Цезаря, Карла XII, Фридриха II, принца Евгения Савойского и герцога Мальборо. Торговец не смог подобрать комплект означенных полководцев, предложив компенсировать нехватку бюстами поэтов и философов. Вашингтон отказался наотрез. Он не хотел видеть перед собой штатских в мраморе.

ПЛАНТАТОР И ПАТРИОТ

> Теперь я навсегда осел здесь (в Маунт-Верноне) с приятнейшими удобствами для жизни и надеюсь в отставке обрести большее счастье, чем испытал в большом и бурном мире.
>
> ДЖ. ВАШИНГТОН, 1759 год

О том, как сочетались браком Джордж Вашингтон и Марта Кастис, известно точно только одно — это случилось 6 января 1759 года. В анналах семьи сохранился рассказ, записанный со слов слуги спустя шестьдесят лет.

«Великое было веселье в тот великолепный век старой Вирджинии, и многие собрались на свадьбу — лучшие, великие, одаренные и веселые, а вся Вирджиния радостно приветствовала молодого героя, ставшего богатым и счастливым женихом». «Вашингтон выглядел мужчиной, настоящим мужчиной, а, Калли?» — «Никогда не видел никого похожего на него, сэр, и нет таких, хотя я видел многих на моем веку. Такой высокий, такой стройный, как он сидел на коне! Да, сэр, ему не было подобных! На свадьбе было множество великолепных джентльменов с золотыми галунами, но никто не выглядел как он!»

Уже в начале XIX века свадьба Вашингтона относилась к числу легендарных, полузабытых свершений. Наверное, то был большой праздник в Белом доме. Хозяйка, вся в бриллиантах, смотрела снизу вверх сияющими глазами на великолепного жениха, явившегося в сопровождении губернатора Вирджинии. Собралось множество гостей, представлявших сливки общества колонии. Радостные поздравления и слезы умиления — дети вдовы обретали отца.

Истек положенный медовый месяц, и Вашингтон занял свое место в ассамблее Вирджинии. В. Ирвинг на основании писем современников воссоздал для читателя прошлого века первое появление Вашингтона в зале ассамблеи. Герой не смог незаметно сесть в кресло. Спикер Робинсон поднялся и произнес цветистую речь, возблагодарив воина от имени колонии за выдающуюся службу. Вашингтон приподнялся, чтобы ответить, но действие, а не слова были привычнее. Он покраснел, попытался подыскать приличествующие случаю выражения и, окончательно смешавшись, смолк. Спикер пришел на помощь, воскликнув: «Садитесь же, мистер Вашингтон, садитесь! Ваша скромность равна вашей доблести, которая превосходит все мое ораторское искусство!» Молодой человек с величайшим облегчением плюхнулся в кресло.

Ассамблея единодушно приняла благодарственный адрес Вашингтону за «верную службу Его Величеству и Вирджи-

нии, мужественное и твердое поведение с начала военных действий против французов и индейцев и до отставки после счастливого овладения фортом Дюкень».

* * *

Брак с Мартой дал Джорджу не только громадное состояние. Маленькая женщина создала Вашингтону семью, которой он, в сущности, никогда не имел. Джорджу еще не минуло тридцати лет, а он был патриархом, неограниченным правителем крошечной империи, на вершине которой находилась его семья. Если так, тогда прежде всего вести образ жизни, подобающий положению. В этом отношении Вашингтон старался быть джентльменом до последней пуговицы на всегда наимоднейшей одежде. Иной он не признавал.

Дом в Маунт-Верноне был значительно расширен, но не перестроен. Вашингтон удовлетворился добавлением крыльев к старому зданию. Семья прославилась своим гостеприимством, далеко превысив немалые по принятым в старой Виргинии нормы приема гостей. С 1768 по 1775 год, например, в Маунт-Верноне побывало свыше 2000 гостей. Многие из них задерживались на день, два, а то и на неделю. Когда, что бывало чрезвычайно редко, супруги обедали одни, они, по словам хозяина, находили столовую «пустой, незнакомой и печальной». Жили на широкую ногу — держали двадцать слуг.

Выезды обставлялись с большой торжественностью. Марта восседала в элегантном экипаже, запряженном четверкой. На козлах кучер-негр, на запятках лакей в ливрее. Вашингтон сопровождал жену верхом. Иногда посещали соседей-плантаторов на берегах Потомака. Тогда пользовались причудливо разукрашенной баркой с шестью гребцами-неграми. Экипажи были предметом особой заботы Вашингтона — в Англии неизменно заказывались самые модные и, естественно, самые дорогие.

Три четверти дневников Вашингтона, которые он вел с величайшей пунктуальностью эти шестнадцать лет между войнами, сохранились, и по ним историки без труда воссоздали быт элегантного плантатора XVIII века. Из итоговой записи в дневнике «Где и как я проводил свое время» видно, например, что в 1768 году он провел сорок девять дней, охотясь на лис, пятнадцать раз посетил церковь, часто ездил в гости и принимал гостей, побывал на двух балах, трех театральных представлениях, охотился на уток и много играл в карты.

Великая страсть Вашингтона — охота — вызвала у него неиссякаемый интерес к разведению лошадей. Он содержал первоклассную конюшню, а псарня Маунт-Вернона служила предметом зависти соседей. Ни один петушиный бой в округе не проходил, чтобы на нем не видели Джорджа, —

степенный плантатор совершенно преображался, азарт овладевал им. Другого Вашингтона видели и на скачках.

За карточным столом он был готов встретить утро. Увещевать его было бессмысленно. Всегда сдержанный, он давал страстям волю в карточной игре, хотя никогда не делал крупных ставок. Учет выигрышей и проигрышей в дневнике выглядит сбалансированным активом и пассивом аккуратной бухгалтерской книги. Та же страсть, которая тянула Вашингтона к карточному столу, овладевала им на танцах. Весьма зрелым человеком он любил танцевать, находя даже сходство танцев с войной, хотя па на паркете, конечно, «более изящный конфликт».

Меньше всего богатый плантатор был ригористом. В духе просвещенного XVIII века он понимал и терпел слабости других, особенно дружбу с зеленым змием. Сам он, конечно, не был трезвенником, но ограничивался стаканом-другим вина или благословенного вирджинского тодди. Зато он любил угощать друзей. В Маунт-Верноне, как и в любом другом доме плантатора, спиртное лилось рекой. Иногда нежданно-негаданно с шумом и криком вваливалась пьяная компания. Джордж и Марта радостно приветствовали всех, даже буйных во хмелю. А после успешной охоты на лис напивались.

«Приехал доктор Лори, могу добавить — пьяный», — помечает Вашингтон в дневнике, не уточняя: доктора пригласили пользовать занемогшую Марту. Вашингтон философски относился к недостаткам других: «Мы должны принимать людей, какие они есть, ибо мы не можем переделать их по-своему». Философия не абстрактная, доказательство тому — договор о найме искусного садовника Филиппа Бейтера, но, увы, алкоголика. Бейтер брал на себя письменное обязательство «не напиваться до потери сознания, кроме нижеследующих случаев», а Вашингтон согласился давать ему «четыре доллара каждое рождество; на них он может пить четыре дня и ночи, два доллара на пасху на указанные цели, еще два доллара на троицу — пить и по два дня». Остальное время Бейтер обязывался не превышать «доброго глотка поутру и порции грога за обедом или в полдень».

Впрочем, Вашингтон признавал практическую пользу алкоголя, прежде всего для обеспечения победы на выборах. На протяжении шестнадцати лет он регулярно переизбирался в ассамблею сначала от округа Винчестер, а затем от округа Фэрфакс, на территории которого находился Маунт-Вернон. На каждых выборах он тратил от 40 до 75 фунтов стерлингов, основная статья расходов — оплата массовой и массированной выпивки. Коль скоро избиратели были только мужчины, выборы превращались в грандиозную попойку, кульминационным пунктом которой бывал бал после подсчета голосов. Законы Вирджинии не могли положить конец этой практике. Потребовалась очистительная буря револю-

ции, чтобы алкоголь перестал быть основным орудием избирательной кампании.

Демиурги мифов о Вашингтоне, конечно, приписывали ему глубокую веру в бога. Ничего не может быть дальше от истины. Он предпочитал посвящать воскресенья письмам, а не расточать время в церкви. Как богатый плантатор, он стал членом приходского совета местной церкви, но отнюдь не отдавался рьяно возложенным на него обязанностям. В религии Вашингтон ценил прежде всего ее практическое значение — цивилизующее влияние на колониальное общество. Среди многочисленных друзей, с которыми он поддерживал переписку, не было ни одного священника.

Религиозное вероисповедание в его глазах не имело решительно никакого значения. Касаясь найма на работу иммигрантов, он писал: «Если они хорошие работники, то безразлично, откуда они приехали — из Азии, Африки или Европы. Пусть они будут магометанами, иудеями, христианами, сектантами или атеистами». К торжественным проповедям в церкви Вашингтон относился с изрядной долей насмешки. Сославшись на то, что уж так устроена жизнь, Вашингтон писал Лафайету: «Я не ханжа в отношении того или иного вероисповедания, но склонен более терпимо относиться к профессорам христианского учения, утверждающим с кафедры, что их дорога на небеса самая прямая и легкая».

Разве истово верующему могло принадлежать шутливое письмо, написанное Вашингтоном шурину: «Многоуважаемый сэр, вы облагодетельствовали меня своим посланием в некий день 25 июля, когда вы должны были быть в церкви, молясь, как подобает доброму христианину, который за многое в ответе. Странна ваша слепота к истине, и очистительные строки евангелия не могут дойти до вас, а достойные примеры не пробуждают в вас благолепия. Если вы видели, с каким религиозным трепетом я несусь в церковь каждый божий день, это облагородило бы ваше сердце и, надеюсь, наполнило бы его таким же почитанием бога. Но увы! Мне сказали, что вы ввели в вашу семью некое совершенство и совсем потеряли голову, обозревая ее пропорциональное сложение, ее легкость и великую доступность. Вследствие этого полагают, что у вас не остается времени на размышления о будущем ваших посевов. Как же это совместить с требованиями чрезвычайного внимания и заботы, абсолютно необходимых в то время, когда наше растущее благосостояние — я разумею табак — подвергается нападениям всех вредоносных насекомых, известных со времен Ноя (коль скоро я помянул Ноя, присовокуплю — воистину он поступил неблагородно, отведя место и этим тварям в ковчеге)...»

Перед нами предстает добродушный балагур, а не человек, обуреваемый религиозными чувствами. Вашингтон, конечно, верил, что обычно не только для XVIII века, но не в

бога (его он избегал поминать, обычно говорил, как Сенека, о «Провидении»), а в судьбу. Абстрактно он был деистом, в жизни фаталистом.

По разуму и совести он выполнял обязанности главы семьи. Брак, заключенный как деловая сделка, с годами наполнялся эмоциональным содержанием. Марта в ответ на заботу о детях, о ней и ее делах платила Джорджу горячей привязанностью. Она была очень неглупой женщиной, знавшей не только, как вести себя с кажущейся простотой, но и все обязанности хозяйки большого дома. Налицо были не только внешние атрибуты — позвякивающая на поясе связка ключей. Она уверенно правила домом и была великим мастером кулинарии. А последнее в те времена обеспечивало репоме дому. Посылая бочонок ветчины Лафайету, Вашингтон приписал: «Вам нужно знать, что дамы в Вирджинии оценивают другу друга по доброкачественности изготовленной ими ветчины». Под бдительным оком Марты получались окорока, таявшие во рту.

Треть состояния Марты перешла Джорджу, остальные две трети делились поровну между ее сыном и дочерью. Опекун имущества несовершеннолетних, Вашингтон с величайшим рвением исполнял выпавший на его долю долг. Он значительно приумножил состояние Джеки и Патси. Бездетный Вашингтон и Марта, безумно любившая своих детей, вконец избаловали обоих. В Англии ящиками заказывались самые дорогие игрушки. Сохранился рассказ о том, как разъяренный Вашингтон в сопровождении плачущей шестилетней девочки перерыл груз корабля, пришедшего из Англии, — торговец забыл прислать куклы. Когда сыну Марты исполнилось четырнадцать лет, он после длительных уговоров был послан в лучшую частную школу Вирджинии.

Радужные надежды Вашингтона, связанные с сыном Марты, а он поначалу испытывал к нему отцовские чувства, не сбылись. Почти каждый раз юноша возвращался с каникул в школу с опозданием. Вашингтону приходилось неизменно извиняться перед ректором. Как он писал в 1770 году: «Помыслы (Джеки) почти не направлены на учебу, он занят собаками, лошадьми и ружьями...» Ректор, в свою очередь, отчаявшись наставить ученика на путь науки, сообщил семье: «Я должен признать, что за всю свою жизнь никогда не видел такого ленивого и сластолюбивого отрока. Природа, наверное, предназначила ему быть азиатским князьком».

Джеки очень рано женился, и Вашингтон с облегчением избавился от забот о его состоянии, которое за время опеки заметно возросло — Вашингтон передал приемному сыну 6 тысяч гектаров земли, около 250 негров-рабов и счет в английском банке, достигавший 10 тысяч фунтов стерлингов. Оставшуюся часть своей короткой жизни Джеки провел бо-

гатым бездельником. Джон Парк Кастис никогда даже отдаленно не заменил Вашингтону сына, которого он страстно желал. Неистраченные отцовские чувства Вашингтон проявлял в последующие годы, приближая к себе способных молодых людей.

Приемная дочь Патси, бесконечно привязанная к Вашингтону, в какой-то мере компенсировала эгоизм брата. Даже циники умолкали, глядя на отчима с приемной дочерью. Их часто видели вместе — громадный добряк Вашингтон с каким-то непонятным выражением глаз и хрупкая больная девочка — в двенадцать лет у нее случился первый эпилептический припадок. Несмотря на все заботы, бессчетные траты на врачей, болезнь прогрессировала. В 17 лет в июне 1773 года Патси не стало.

Вашингтон говорил о смерти ее в письме родственнику в необычном для него духе: «Легче представить, чем описать, горе семьи, особенно несчастных родителей нашей дорогой Патси Кастис, когда я сообщаю вам, что вчера прелестная невинная девочка ушла в более счастливый и тихий мир, чем та тропа мучений, по которой она шла до сих пор. После обеда около четырех часов она пребывала в лучшем здоровье и состоянии духа, чем случалось в последнее время. Тут ее настиг обычный припадок, и менее чем за две минуты она испустила дух, не вымолвив ни слова, не издав стона и даже глубоко не вздохнув. Внезапный и неожиданный удар, стоит ли мне добавить, вверг мою добрую жену в мрачные глубины отчаяния...»

Девушка, застенчивая и добрая при жизни, доказала свою любовь к отчиму после смерти. Она оставила завещание, отдав все Вашингтону. Он разделил полученное поровну с братом Патси.

* * *

Что бы ни утверждала легенда и даже иные компетентные американские историки, Вашингтон не был первым богачом колонии. Десятки плантаторов были богаче его. Но трудно было сыскать в Вирджинии другого столь рачительного хозяина, стремившегося умножить законными средствами доставшуюся ему собственность. По натуре Вашингтон был организованным человеком, склонным к методической работе. В Маун-Верноне эти качества его характера расцвели. Первое, что он сделал, став плантатором, — выписал из Англии кучу книг, касавшихся агротехники, особо выделив труд «Система сельского хозяйства или быстрый способ разбогатеть».

Книги эти читались и перечитывались, а из специальных сочинений он делал длинные выписки, скорее всего чтобы лучше запомнить содержание и усвоить рекомендации. Большую часть дня Вашингтон был в работе — с четырех утра,

когда он вставал. Очень скоро он уяснил, что в управлении плантацией можно полагаться только на себя. Рабский труд был малопроизводителен, следовательно, нужны энергичные надсмотрщики, которые, в свою очередь, требовали глаза хозяина. Рабство не пробуждало в Вашингтоне, богатом вирджинце XVIII века, каких-либо высоких соображений морального порядка. Он относился к этому институту как к принятой и одобренной всеми системе ведения хозяйства.

Негры для Вашингтона были, конечно, не людьми, а собственностью, орудиями труда.

Если негр умирал, Вашингтон аккуратно помечал денежный убыток в деловых книгах. И все. В общем, он терпимо относился к рабам, на плантации едва ли были случаи крайней жестокости. Плеть в счет не шла, считалось, что это универсальное, абсолютно необходимое средство воспитания и поддержания дисциплины. В 1766 году, посылая на продажу в Вест-Индию раба по имени Том, он не выходил за рамки обычной практики. Названный Том, указывал Вашингтон в письме-поручении капитану на продажу, «бездельник», которого надлежит держать в кандалах. «Он очень здоров и силен, что дает мне основания надеяться, что вы при должной распорядительности сумеете взять за него хорошую цену, конечно, предварительно вымыв его и подрезав ему волосы». На деньги от продажи Тома Вашингтон поручал привезти бочку патоки, бочку рома, два ящика засахаренных фруктов и так далее.

Вашингтон был неутомимым экспериментатором, стремившимся всеми методами повысить свои доходы. Его дневники пестрят записями о различных опытах и их результатах. Он приказал плотникам сделать «громадный ящик» с десятью отделениями, в каждое из которых была насыпана земля с разных участков и удобрена лошадиным, коровьим и овечьим навозом. Посев пшеницы, овса и ячменя на равную глубину «был проведен с помощью машины, сделанной для этой цели... Я поливал все отделения одинаково водой, взятой из бочки, простоявшей на солнце два часа». Определенных результатов Вашингтон не получил.

То он изобретает специальный плуг, который изготовляют рабы-кузнецы, то проводит день, хронометрируя производительность труда плотников. Совершенно правильно заключив, что рабский труд непроизводителен, Вашингтон пытается увеличить число арендаторов. Он полагал, что первоначальные вложения на дома, скот и инвентарь окупятся сторицей. В Маунт-Вернопе широко использовали «кабальных слуг» — белых бедняков, отрабатывавших долги, в первую очередь стоимость переезда в Америку.

Более полутораста лет благосостояние плантаторов Вирджинии зиждилось на возделывании табака. Когда Вашингтон занялся сельским хозяйством, все его плантации были ориентированы на эту монокультуру. Молодой владелец решил

выращивать самые лучшие сорта, известные в долине Потомака. Решение серьезное, свидетельствовавшее о незаурядной силе воли и уверенности в себе. Организация и успешное ведение табачных плантаций было делом необычайно трудным. Урожай во многом зависел от капризов погоды, искусства сбора, сушки и упаковки табака, не говоря уже о постоянном биче — вредителях. Отставной полковник самоуверенно считал, что сумеет лучше справиться со всем этим, чем соседи. Недаром он выписал из Лондона ученые книги. Помимо их и силы характера, Вашингтон полагался на более осязаемое — он вложил в дело значительные средства, полученные от брака с Мартой.

Нет сомнений в том, что он сделал очень много, как совершенно ясно и то, что уже в 1761 году молодой плантатор оказался в трудном финансовом положении, задолжав лондонским торговцам две тысячи фунтов стерлингов. Это противоречило всем представлениям Вашингтона о ведении дел, он дебютировал с сообщением лондонскому торговому дому «Роберт Кэри и К°»: «Мое отвращение к тому, чтобы быть должником, навсегда защитит меня от этой возможности». Теперь он выражал изумление, как это могло случиться, предположив, что табак из Маунт-Вернона продается по более низким ценам, чем доставлявшийся с других плантаций. «В Вирджинии, — писал он Кэри, — нет другого плантатора, который бы тратил столько усилий, сколько я, чтобы получать самые лучшие сорта табака, и совершенно несправедливо, что я лишен должного вознаграждения». Торговый дом Кэри бесцеремонно ответил, что задолженность Вашингтона, а следовательно, и проценты на нее растут.

Вашингтон получил чувствительный удар по самолюбию и карману, он искал и не находил выхода. Плантатор винил себя, а винить следовало колониальную политику метрополии. Дело было не в промахах Вашингтона (таковых почти не было), а в законах английского парламента и сложившейся на основании их практике торговых сношений Англии с колониями в Америке.

Табак, возделывавшийся в Вирджинии, запрещалось вывозить непосредственно потребителям в другие страны, а надлежало сначала доставить в английский порт, хотя в конечном счете континентальная Европа поглощала две трети вирджинского табака. Плантатор мог продать табак только британскому купцу и отправить его только на английском корабле. Он не мог приобрести нигде товаров, кроме Англии, товары любых других стран предварительно поступали в английские порты, где они перегружались на корабли, следующие в Америку.

Вирджинские плантаторы при сбыте своей продукции всецело зависели от английских торговых домов. Табак, погруженный на судно, отправлявшееся через Атлантику, оставался собственностью плантатора, он нес весь риск при до-

ставке груза. На его долю выпадали все расходы — ввозные пошлины, стоимость фрахта, страховка, оплата хранения, определение качества табака, погрузки, разгрузки и доставки к месту продажи. Производитель возмещал все убытки, случавшиеся с товаром во время этих многочисленных операций. Все эти расходы английский торговец вычитал из суммы, вырученной от продажи табака.

Очень часто случалось так, что низкие цены на табак в Англии не покрывали расходы по доставке и стоимость заказанных товаров. Плантатор, не имевший возможности при тогдашних средствах связи узнать об этом, не мог маневрировать. С обратным кораблем он получал заказанные им товары и уведомление о размерах предоставленного торговцем кредита. Долг с большими процентами приходилось погашать из стоимости урожая следующего года. Случалось и так, что стоимость партии табака не покрывала даже различных сборов. Их уплачивал торговец, увеличивая долг плантатора. Средства на расширение плантации, покупку рабов приходилось черпать у того же лондонского купца, предоставлявшего краткосрочные займы. В обеспечение шло его недвижимое имущество. Краткосрочная задолженность превращалась в долгосрочную закладную, а проценты по ней в первую очередь и взыскивались с каждой партии табака.

Коль скоро плантатор попадал в зависимость к кредитору, он не мог выбирать между различными торговыми домами и был навсегда прикован к одному торговцу, оказываясь полностью в его власти при определении условий продажи продукции. Петля долга все туже сжималась на шее плантатора, подвергавшегося беззастенчивому грабежу (различные платежи поглощали до 80 процентов стоимости табака).

Выхода из заколдованного круга почти не было, ибо в Англии приходилось приобретать предметы первой необходимости. При организованном таким образом товарообмене, буквально натуральном, плантатор за всю свою жизнь мог не видеть крупной суммы наличных денег. Бумажными деньгами, имевшими хождение в Вирджинии, были квитанции на товар, выдававшиеся английскими инспекторами при погрузке табака на корабли. Из Англии не поступало валюты, в колонии расплачивались французскими луидорами, испанскими пистолями, португальскими моидорами и голландскими дублонами, часто находившиеся в обращении монеты из благородных металлов были испорчены. По оценке Джефферсона, долг Вирджинии английским купцам в канун революции достиг двух миллионов фунтов стерлингов, что в двадцать пять раз превышало стоимость всей валюты, имевшейся в колонии. По его словам, вирджинские плантаторы были «всего-навсего придатком к собственности торговых домов в Лондоне».

Жертвой хорошо отработанной системы и стал Вашинг-

тон, ведший дела с английской фирмой «Роберт Кэри и К°». В сотнях писем в Лондон нет и намека на то, что он был хоть в малейшей степени удовлетворен их услугами. Одни жалобы и претензии, которые, конечно, не удовлетворялись: то не пришел корабль забрать табак, то ему пришлось заплатить больше за фрахт, чем другим. Партия табака была испорчена в пути через Атлантику. Вашингтон писал, что он не виноват: «Я могу доказать, что в трюме корабля было двенадцать-пятнадцать дюймов дождевой воды, поэтому только чудо могло спасти табак». Бесполезно. В другой раз он оспаривал высокую страховку — «лучше рискнуть потерей всего груза... чем расстаться с такой большой долей нынешнего урожая для сохранения оставшейся части».

Урожай одного года был продан за треть цены, на следующий «фрахт и иные сборы почти поглотили сумму, вырученную от продажи». В 1768 году он подытожил: «Из пяти лет четыре я остался в убытке, получая в Англии меньше, чем мне предлагалось здесь».

Товары, заказанные в Англии, приводили его в отчаяние. Он заподозрил, что стоило английским торговцам узнать, что у них приобретают на экспорт, как они накладывают десять-двадцать процентов и стараются сбыть хлам. По поводу партии, полученной в 1760 году, Вашингтон с горькой иронией писал: «Шерстяные, хлопчатобумажные ткани, гвозди и т. д. низки по качеству, но не по цене, в этом отношении они превосходят все известное мне». Заказанные сита — «бесполезные деревяшки». Зачастую ему присылали вещи разбитыми по дороге или без важных частей. Вашингтон, любивший все наимоднейшее, жаловался Кэри, что получает «вещи, бывшие в моде у наших предков, при царе Горохе». А плантатору меньше всего хотелось выглядеть шутом.

Для революционера злоключения в руках алчных лондонских купцов были бы достаточным поводом, чтобы отрицать самые основы несправедливого порядка. На них уравновешенный Вашингтон не замахивался, а поступил проще — он решил добиться экономической независимости от Англии в доступных пределах — только для Маунт-Вернона. Подсчитав к середине шестидесятых годов актив и пассив, он расстался с табаком.

Уже с 1763 года в Маунт-Верноне проводили пробные посевы пшеницы, через пять лет Вашингтон перестал возделывать табак на землях у Потомака, и пшеница стала основной культурой. Он построил большую мельницу и к концу шестидесятых годов стал крупным экспортером муки в Вест-Индию и сбывал ее на местном рынке. Для скота и рабов он засеял порядочную площадь кукурузой. Первый шаг к достижению независимости от английского рынка был сделан — из Вест-Индии он получал сахар, ром, кофе, фрукты, орехи и — что имело первостепенное значение — наличные деньги.

Избавившись в основном от лондонских посредников, Вашингтон куда как круто повел дело — он сбывал муку через фирму в соседнем городке Александрии. Хотя фирма возглавлялась родственником Фэрфакса, стоило ей допустить, по мнению Вашингтона, ошибку, как он официальным письмом сообщает руководителям фирмы: «Либо вы оба идиоты, либо полагаете, что я — жулик, находящийся на вашей службе». Он восстановил справедливость, получив с фирмы причитавшиеся деньги.

Потомак изобиловал рыбой. Вашингтон превратил рыболовство в процветающую отрасль своего хозяйства. Переход от трудоемкой культуры табака к пшенице высвободил рабочие руки. Часть рабов рачительный хозяин превратил в рыбаков. В Маунт-Верноне завели небольшой рыболовецкий флот — с десяток лодок и даже шхуну, построенную на примитивной верфи плантации. Сиг вылавливался десятками, а сельдь сотнями тысяч штук. Сельдь засаливалась в бочках, придерживалась на складе и продавалась по весне, когда устанавливалась хорошая цена. Значительная часть улова экспортировалась в Вест-Индию.

В Маунт-Верноне, как на любой другой плантации, были ремесленники: ткачи, кузнецы, обслуживавшие нужды хозяйства. Вашингтон думал не только о том, чтобы превратить плантацию в самообеспечивающуюся единицу, но и о продаже изделий на сторону. Очень скоро он доказал, что можно производить шерстяные и хлопчатобумажные ткани, кожаные изделия дешевле, чем стоили эти товары, ввозившиеся из Англии. Плантатор изыскивал всевозможные способы, чтобы получить наличные деньги: большая пекарня, построенная в Маунт-Верноне, снабжала корабли, уходившие в долгое плавание через океан, галетами из муки собственного помола, полученной из пшеницы, собранной на полях его плантаций.

Практика Вашингтона шла вразрез с политикой метрополии, восходившей к XVII веку, — всевозможным запретам на развитие в колониях промышленности и ремесел. В Вирджинии Вашингтон сумел делами показать, как можно сбросить иго британских купцов, поддерживаемых всей мощью короны. Его задолженность торговому дому Кэри резко уменьшилась. Соседи только дивились успехам Маунт-Вернона, которые покоились прежде всего на том, что Вашингтон вел дело твердой рукой с военной точностью. Он любил и умел управлять. Плантатор, заботившийся только о собственной выгоде, выраженной предпочтительно в звонкой монете, вступил в единоборство с Британской империей.

Он официально не объявил ей войны. В Лондоне, за исключением Кэри и К°, с досадой наблюдавших, как американец постепенно освобождается из долговых тисков, противник, если о нем и знали, выглядел бы ничтожной величиной. Дело было не в соотношении сил, а в столкновении

принципов. Они были диаметрально противоположными. В эти годы, когда пламенные ораторы бичевали в тавернах тиранию метрополии, Вашингтон был с ними делами, последовательно направленными против Британской империи.

За десять лет до первых мушкетных залпов он начал войну за независимость на полях Маунт-Вернона, где дал первое сражение, оттеснив пшеницей табак.

* * *

В 1769 году Вашингтон через газеты оповестил участников злополучного похода на запад пятнадцать лет назад о том, что он уладил дела с властями и им предстоит вступить во владение 80 тысячами гектаров в бассейне Огайо. Кое-кто из оставшихся в живых откликнулся на зов, другие давно утратили надежду на получение земель да и не хотели сниматься с мест ради сомнительных участков за дикими горами. Робкие живо представляли себе жизнь на уединенной ферме поблизости от мест, где покоилось тело Брэддока. Поэтому многие с благодарностью приняли предложение Вашингтона продать ему свои права. Цена была смехотворной. В результате из 80 тысяч гектаров 16 тысяч он закрепил за собой.

Какие участки брать, Вашингтон прекрасно знал; не полагаясь на труды преданного Кроуфорда, он отправился осенью 1770 года в двухмесячное путешествие. Джордж снова прошел по дороге Брэддока, а затем в каноэ проплыл около двухсот километров по Огайо.

Памятные места, пропитанная кровью земля, в которую вместе с Брэддоком полегли сотни товарищей по оружию, не вызвали у него никаких эмоций. В путевом дневнике Вашингтон деловито отметил: «Местность холмистая, едва ли заинтересует фермеров». По коммерческим, а не сентиментальным соображениям он закрепил за собой участок с обуглившимися бревнами форта Необходимость. Вашингтон ушел в отставку задолго до окончания Семилетней войны. Хитроумными маневрами он убедил губернатора колонии признать его права и сполна получил долю полковника — 2000 гектаров.

Земельный голод завел его далеко — приобретенные участки в районе Канауха (реки, впадающей в Огайо) он больше никогда в глаза не увидел. Из Маунт-Вернона он отдавал детальные указания об организации жизни далеко на западе. Брата Кроуфорда Валентина он отправил в необжитые места с «кабальными слугами» и лесорубами расчищать на каждых 40 гектарах по участку в 2 гектара, поставив там дом, — для закрепления земель за владельцем закон требовал заселить их. Вашингтон свирепо предупредил Валентина — блюсти хозяйские интересы как свои, иначе «я под-

вергну тебя судебному преследованию, как совершенно чужого мне человека».

За сотни километров, в Маунт-Верноне, Вашингтон торопил с их заселением, не дожидаясь нашествия скваттеров, к которым он, аристократ, питал величайшую неприязнь. Скваттеры, конечно, не церемонились — рядом с пустыми домами, ожидавшими приезда поселенцев, они строили свои хижины. «Не применяя оружия, их нельзя изгнать», — доносил Кроуфорд. Судебная тяжба со скваттерами пережила Вашингтона, выпав на долю его наследников.

Чтобы удержать свои владения, Вашингтон попытался переселить 200 семей «кабальных слуг» из Ирландии, Шотландии или Голландии. План не удался. Тогда в 1774—1775 годах он отправил партии рабов и «кабальных слуг» для занятия своего Эльдорадо на берегах Огайо. Невольникам-поселенцам, помимо прочего, наказали приручать бизонов, организовав правильное скотоводство. Тут зашевелились индейцы, и стоило им выйти на тропу войны, как поселенцы по принуждению разбежались, бросив дома и неприрученных бизонов. Иное дело скваттеры — они пришли, чтобы остаться.

К 1775 году у Вашингтона было 25 тысяч гектаров в Вирджинии, Мэриленде, Пенсильвании и на западных территориях. Энергия, проявленная им в захвате земель, изумляет, как поражает болезненная приверженность к недвижимой собственности. В жизни он никогда не был скуп, охотно ссужал деньги и не настаивал на взыскании долгов, щедро помогал товарищам, воевавшим с ним. Но земли — святое дело! Здесь Вашингтон был беспощаден. В сделках с недвижимой собственностью он исчерпал ресурсы чести, отведенные джентльмену. Биографы-«ниспровергатели» почерпнули самые убийственные аргументы против Вашингтона именно из этого периода его жизни.

Они не сделали больших открытий, а повторили эпитеты «скряга», «сутяга» и иные, которыми щедро награждали плантатора имевшие несчастье столкнуться с ним на почве земельных сделок. Рвались даже узы воинской дружбы. Когда один из ветеранов, офицер Д. Мьюз (в свое время наставлявший молодого Джорджа в ратном деле), пожаловался на несправедливость, Вашингтон ответил посланием, рисующим его с деловой стороны: «Твое бесстыжее письмо мне передали вчера. Поскольку я не привык получать таких писем ни от кого, в том числе и от тебя, не выразив своего недовольства, рекомендую остеречься и не обращаться ко мне еще в том же духе. Хотя я понимаю, что ты писал пьяным, пьянство не оправдывает мерзости». Обозвав Мьюза «глупцом» и «мерзавцем», Вашингтон указал, что его не обделили (в этом он был прав), и закончил послание так: «Единственно, о чем я сожалею, что выступал от твоего имени — неблагодарной скотины».

Вашингтон не делал ничего, что выходило бы за рамки

практики земельных спекулянтов того времени, но сами рамки были весьма растяжимы. Он опробовал до конца их эластичность и вследствие этого снискал не очень лестную славу жесткого и прижимистого дельца. Нельзя сказать, чтобы заработанная в поте лица своего репутация испортила в дальнейшем карьеру полководцу и политику. Показательно только одно — по завершении войны за независимость Вашингтон категорически отказался от какого-либо вознаграждения. Он доказал, что способен обуздывать не только порывы сердца, как было с Салли, но и алчность. Победил и ее. Конечно, с годами.

По завершении Семилетней войны в Лондоне считали, что американские колонии должны захлебнуться от признательности за благодеяние — устранение французской и индейской угрозы. Английские политики, понятно, ожидали не слов, а благодарности звонкой монетой. Корона и парламент задумали добиться выполнения многочисленных уже принятых законов о таможенных сборах и ввести налоги. Государственный долг Англии за Семилетнюю войну удвоился, подготовленные для колоний налоги и сборы, даже взысканные, были ниже тех, которые платили подданные короля на Британских островах.

В 1763 году для борьбы с контрабандой английский флот стал патрулировать Атлантическое побережье. Контроль над морской торговлей всегда в принципе существовал, но раньше на нарушения смотрели сквозь пальцы. Больше того, прежние попытки английских властей рассматривались как покушение «на полную свободу нелегальной торговли», вызывая праведное негодование как колонистов, так и английских таможенников, живших в мире и согласии с контрабандистами, каковых было великое множество. Стороны сердечно относились друг к другу. Бостонская газета «Ньюзлетер» в некрологе на достойного сборщика пошлин его величества отметила его «величайший гуманизм», выражавшийся в том, что «он учтиво инструктировал капитанов кораблей, как избегать нарушения законов о торговле».

Теперь идиллии пришел конец. Офицеры королевского флота ревностно задерживали контрабандные товары, ибо им шла половина их стоимости. Нависла и другая угроза — английские власти ввели в действие «предписания о помощи» — ордера на обыск любого помещения с целью обнаружения и изъятия запретных товаров. Свободнорожденные англичане, а таковыми считали себя состоятельные люди в колониях, взвыли — рушился принцип «мой дом — моя крепость». Перспектива появления в двери лисьей физиономии сыщика в сопровождении королевских чиновников и солдат была совершенно нетерпимой для кошелька и достоинства. «Сахарный закон» 1764 года, влекший за собой новые таможенные пошлины, показал, что парламент намерен и дальше идти по избранному пути.

В том же году парламент запретил выпуск бумажных денег в колониях, потребовав уплаты всех и всяческих сборов и пошлин серебром. Вирджинцы, находившиеся хронически в долгу, впали в отчаяние. Вашингтон пока не усмотрел в этом системы, а отнес случившееся на счет козней купцов типа Кэри. Он заметил, что возражения лондонских торговых домов против эмиссии бумажных денег в Вирджинии «несвоевременны», «полагаю, что это воспламенит всю страну... однако я воздержусь от дальнейших суждений». Что очень понятно — именно в это время он стал переводить хозяйство в Маунт-Верноне с табака на пшеницу.

Тут до Америки докатились вести о предстоящем принятии закона о гербовом сборе, первом прямом налоге на колонии. Вводилось обложение всех юридических документов, печатных изданий и даже игральных карт. Уплата — серебром. Нарушители закона подлежали суду вице-адмиралтейства, то есть отменялся суд присяжных.

В вирджинской ассамблее в мае следующего года Вашингтон впервые увидел в действии двадцатидевятилетнего Патрика Генри. Можно не сомневаться, что неряшливо одетый, неопрятный Генри визуально произвел на Вашингтона отвратительное впечатление — отставной военный, аристократ по вкусу не любил таких людей. Но стоило Генри открыть рот, как ассамблея была околдована. Молодой студент-юрист Т. Джефферсон, стоявший в проходе, воскликнул: «Он говорит, как писал Гомер».

Суть речи Генри сводилась к тому, что только Вирджиния, но никак не заокеанский парламент, может взимать налоги с живущих в колонии. Хотя материально Генри особенно нечего было терять — он был неудачливым торговцем, а слава юриста еще была впереди, — ораторский пыл вознес его высоко. В век классицизма Генри, избранный от медвежьего угла колонии, легко довел себя до исступления. Наверное, ему виделся мраморный зал сената Древнего Рима, а не прилично обставленное помещение ассамблеи Вирджинии. Может быть, была виновата акустика, и Генри в экстазе воскликнул:

— У Цезаря был Брут, у Карла I — Кромвель, а Георг... — раздался испуганный возглас спикера «Измена!», подхваченный в зале, — а Георг III, — Генри ткнул указующим перстом в сторону возмущенных членов ассамблеи, — может извлечь пользу из их примера. Если уж это измена, восхвалим ее до небес!

В обстановке значительного смущения и замешательства Патрик Генри внес резолюцию о том, что только ассамблея может облагать налогом вирджинцев. Она прошла незначительным большинством. Спикер в бешенстве выскочил из зала, бормоча, что отдал бы пятьсот фунтов за голос. Дело было сделано. Виргиния высказалась. Губернатор распу-

стил ассамблею и назначил новые выборы, которые вернули в нее тех же представителей.

Вашингтон определил свое отношение к происходившему, он проголосовал за доведение до сведения английского парламента резолюции, проведенной Генри в смягченном варианте. Без выпадов в адрес короля, а скромное перечисление фактов. Риторика Генри не могла увлечь отставного полковника, знавшего размеры военной мощи Англии, хотя и находившейся за морями.

Осенью 1765 года по настоянию премьера Англии Гренвиля закон о гербовом сборе был все же введен. В письме родственнику Марты в Англии Вашингтон заметил: закон «доминирует в беседах спекулятивной части колонистов, которые рассматривают этот неконституционный метод налогообложения как ужасный удар по их Свободе и громко протестуют против этого нарушения. Каков будет результат этой и других (могу добавить) неразумных мер, я не берусь судить, но я склонен считать, что выгоды, проистекающие из них, будут много меньше для Родины-Матери, чем ожидает кабинет». Вашингтон практично указал, что колонисты не имеют наличных денег для оплаты пошлины, следовательно, приостановятся все деловые сделки, а в этом случае «торговцы Великобритании, имеющие дело с колонистами, будут не последними среди требующих отмены закона».

Суждения Вашингтона, да к тому же высказанные в частном письме, были более чем скромными на фоне войны протестов и демонстраций против парламента, поднявшейся в колониях. Повсеместно возникали оппозиционные организации — «Сыны свободы», «Vox Populi», «Сыны Нептуна» и т. д. В Вирджинии было много спокойнее, чем в других колониях, где текст закона о гербовом сборе печатался с изображением черепа вместо короны, в церквах раздавался погребальный звон, флаги были полуспущены, на виселицах болтались чучела министров короля, а в Массачусетсе разгромили дом губернатора. Все сборщики налогов отказались от своих мест, частично из солидарности с движением протеста, частично из страха перед физической расправой.

В октябре представители девяти колоний (Вирджиния не прислала своих делегатов) приняли в Нью-Йорке петицию к королю и парламенту, требуя отмены мерзостного закона. Торговцы договаривались не покупать английских товаров, комитеты связи, возникшие в различных городах, сговаривались о единстве действий.

В Лондоне не слишком серьезно отнеслись к шумному движению. Душевно неустойчивый Георг III, от всего сердца не любивший Гренвиля, не знал, что делать. То он склонялся к отмене закона, то, вспомнив настояния матери — «Будь королем, Георг!» — требовал проведения его в жизнь. Однако в Англии возникла сильнейшая оппозиция закону по причинам, диагностированным Вашингтоном, — попытка взимать

сбор заморозила связи с колониями. Против закона выступил экс-премьер Питт. Бёрке сказал веское слово, а влиятельнейший купец Ханберн лаконично отрезал: если закон останется в силе, он готов ликвидировать свои интересы в колониях за полцены. Эти веские соображения, а не страх могущественной Британской империи перед словоохотливыми патриотами привели к отмене закона весной 1766 года.

Колонии преждевременно торжествовали победу. Парламент принимал все новые законы, стремясь не мытьем, так катаньем добиться своего. В следующем году вновь назначенный канцлер казначейства Таупшенд ввел очередные пошлины. Доходы от них поступали на содержание должностных лиц короны в колониях, чтобы наконец освободить их от капризов ассамблей. Из Лондона требовали выполнить в конце концов постановления об оплате английских войск, расквартированных в колониях, а также пригрозили отправить бунтовщиков для суда в Англию.

В борьбе против законов Таушенда колонисты прибегали к уже испытанному средству — бойкоту английских товаров.

Образовывались для революции разными способами. Одни слушали бессвязные зажигательные речи ораторов в прокуренных тавернах над кружкой тодди. Вашингтон усваивал освободительные идеи в изысканной обстановке дома Масона. На столе сверкали хрусталь и серебро, за креслами неслышно сновали, подливая тонкие вина, слуги, негромко звучал рассудительный голос хозяина, толковавшего о свободе и иногда прерывавшего речь, чтобы отдать распоряжение рабу. Постепенно договорились о значении свободы и важности не покупать определенные категории товаров у англичан, злоумышлявших на указанную свободу. С этим в мае 1769 года выехали на сессию ассамблеи в Вильямсбург.

Губернатор чувствовал, что готовится что-то недоброе. Он решил произвести впечатление на ассамблею, приехав к Капитолию в элегантном экипаже, запряженном белоснежными лошадьми — последнее приобретение в Англии. Ассамблея единогласно вотировала «верноподданническую» петицию Георгу III с просьбой «вмешаться в пользу попранных прав Америки». Губернатор весьма учтиво распустил ассамблею.

Отпущенные за ненадобностью депутаты отправились через улицу в известную таверну Ралея, где Вашингтон вытащил из кармана проект, составленный с Масоном, об учреждении Вирджинской ассоциации противников импорта из Англии. Под шумные возгласы одобрения проект был утвержден, и заседание в таверне увенчала достойная выпивка. Провозгласили тосты за здравие короля, за вечный союз Великобритании и ее колоний, за конституционную свободу Америки. Вашингтон оплатил счет за вино — 32 шиллинга 9 пенсов, за зал — 20 шиллингов.

Первый шаг Вашингтона в революцию. Первая жертва

на алтарь бесценной американской свободы. Но сделано было не все. Великолепные лошади губернатора не давали ему покоя — он купил их. Символика жеста очевидна — владелец Маунт-Вернона не хуже королевского губернатора.

«Бостонское кровопролитие» 5 марта 1770 года почти не имело последствий в Вирджинии, во всяком случае, о нем нет никаких упоминаний в сохранившейся корреспонденции Вашингтона. То было дело бунтовавшего Массачусетса.

Бойкот английских товаров возымел свое действие — с приходом к власти в Англии в 1770 году кабинета Норта законы Тауншенда были отменены, за исключением пошлины на чай, носившей символический характер. Англия оставила ее, чтобы подчеркнуть главенство над колониями. Ассоциации противников импорта постепенно распались, и в тот же день, когда Вирджинская ассоциация перестала существовать, Вашингтон отправил в Лондон обширный заказ на одежду для семьи.

Хотя радикалы в Вирджинии — П. Генри и Т. Джефферсон, а в Массачусетсе Дж. Отис и С. Адамс поговаривали о продолжении борьбы с Англией, плантаторы Вирджинии, и не последний среди них Вашингтон, стояли за умеренность. Движение протеста уже всколыхнуло широкие народные массы. Денежная аристократия и богачи по рождению презрительно относились к вторжению в политику «сапожников и портных». Публицисты-тори (сторонники монархии) высмеивали массовые собрания, где произносились крамольные речи. Стишки, сочиненные ими на злобу дня в разгар борьбы против законов Тауншенда, показательны: «Из чердаков, подвалов мчатся в комитет политиканы-выскочки — наш новый «высший свет», «Он нынче каменщик или плотник, завтра — глядь, Соломоном или Ликургом может стать» и т. д. Вашингтон, несомненно, всецело разделял такой взгляд на «чернь».

Он верил, что джентльмены по обе стороны Атлантики смогут договориться между собой. Ближайшие события показали, что он заблуждался: в Англии закусили удила. Уплата пошлины на чай превратилась в пробный камень лояльности колонистов к метрополии. Если удастся заставить платить эту пошлину, возникнет прецедент для удовлетворения других претензий короны.

В это время Ост-Индская компания оказалась на грани банкротства, она могла частично поправить дела, сбыв громадные запасы чая, скопившиеся на складах. Английское правительство решило одним выстрелом убить двух зайцев — помочь компании и взыскать пошлину в колониях. Игра представлялась беспроигрышной, даже при уплате ничтожной пошлины — три пенса на фунт веса, — импортируемый из Англии чай окажется самым дешевым на американском рынке. По самым скромным подсчетам, миллион американцев ежедневно пили чай, и в Лондоне с дьявольским ковар-

ством падеялись, что дешевым чаем удастся залить патриотическую жажду.

Купцы в колониях, процветавшие на контрабандной торговле чаем, усмотрели угрозу разорения в гнусных планах англичан и готовились войти в сношения с ненавистными «Сынами Свободы» С. Адамса. Совсем недавно центром протестов против зловещих замыслов британских тиранов был Бостон, теперь Нью-Йорк и Филадельфия сумели взять более высокую ноту в пронзительном протесте. Оно и понятно — их оборот в контрабандной торговле чаем всегда преисполнял Бостон черной завистью. Развернулась широкая пропаганда против «этой отравы, преподносимой Америке, этого вредного для здоровья чая», ввозимого из Индии, где, как известно, кишат змеи и люди умирают миллионами от неизвестных болезней. Долг патриота — пить кофе!

В 1773 году Ост-Индская компания сделала попытку массированного прорыва блокады — в Нью-Йорк, Филадельфию, Чарлстон и Бостон доставили крупные партии чая. В первых трех портах чай не удалось продать, а бостонские патриоты, переодевшись индейцами и воткнув для большего впечатления перья различных птиц в волосы, выбросили на дно гавани 342 ящика с чаем. С. Адамс объяснил в дневнике, что событие «отмечено печатью достоинства, возвышенности и величия», знаменует собой «новую эпоху» во всемирной истории.

В отместку за «бостонское чаепитие» ранним летом 1774 года порт Бостона был закрыт до уплаты убытков компании, губернатор получил право назначать всех чиновников, в городе сосредоточились войска. Губернатором Массачусетса стал английский главнокомандующий в колониях генерал Томас Гейдж, приятель Вашингтона еще времен похода Брэддока. Отныне войска могли размещаться не только в гостиницах и пустующих зданиях, но и в частных домах.

В Америке эти распоряжения окрестили «невыносимыми законами». В колониях их рассматривали только как прелюдию к расправе «со свободой Северной Америки» (термин стал впервые широко применяться именно в это время). Рекомендовалось провести общеколониальный «день молитвы и поста».

Репрессии против Бостона кругами пошли по стране. 25 мая губернатор распустил ассамблею в Вирджинии. По уже сложившейся практике ее члены перешли в таверну Ралея, где не щадили слов в адрес угнетателей-англичан. Комитету связи предложили войти в сношения с другими колониями на предмет участия в континентальном конгрессе, а на 1 августа назначили конвент Вирджинии.

Вашингтон на этот раз был среди самых воинственных. Хотя он остался в Вильямсбурге еще на две недели, обедал и спорил с губернатором о заявках на западные земли, он вступил на дорогу революции. «1 июня, — помечено в днев-

нике, — ходил в церковь и постился весь день» в знак протеста против закрытия порта Бостона. «Парламент имеет не больше права запускать руку в мой карман, чем я в его», — суммирует он суть конфликта. Точная формулировка, принадлежащая «тугодуму, причем мыслительному процессу почти не помогает воображение, но приходящему к правильным выводам». Так отозвался о Вашингтоне Патрик Генри.

И снова в Маунт-Вернон, к Масону, сгоравшему от нетерпения по соседству. Они составили и провели на собрании округа Фэрфакс резолюцию солидарности с Бостоном, в которой выставлялось требование — если репрессии не будут отменены, вновь бойкот английских товаров, а спустя месяц прекратить экспорт в метрополию. В «резолюциях Фэрфакса» было немало примирительных фраз и энергично отрицалось «любое намерение американских колоний создать независимые государства».

1 августа Вашингтон в Вильямсбурге. Хотя он не принимал участия в комитете связи и не был особенно активен в делах распущенной ассамблеи, конвент колонии выбрал его в числе семи делегатов колонии на континентальный конгресс в Филадельфии. Привезенная им резолюция был одобрена, она соответствовала общей резолюции Вирджинии.

Краткое дополнительное заявление Вашингтона вызвало бурю восторга. «Я готов, — сказал он, — собрать тысячу человек, вооружить и одеть их на свой счет и во главе их идти на Бостон».

* * *

Героическое обещание (некоторые биографы считают, что его не было) не пришлось претворять в жизнь, через месяц из Маунт-Вернона выступило не войско, а выехали трое всадников — Вашингтон, Генри и Пенделтон — делегаты на континентальный конгресс в Филадельфию. Марта, стоя на крыльце, крикнула спутникам мужа: «Держитесь крепче, ребята, в Джордже я уверена!» Прекрасный сюжет для согбенного патриотизмом живописца — вирджинский рассвет на исходе лета, решительные лица троих мужчин. Вашингтон сосредоточен и выглядит усталым, позади бессонная ночь, проведенная в нескончаемой беседе с сердечным другом и наставником в делах политических — Масоном.

В Филадельфию съезжались люди в здравом уме и твердой памяти, отлично понимавшие, что затевается нешуточное дело, от которого по английским закопам попахивало «изменой» с неизбежной виселицей. Незадолго до начала конгресса, вошедшего в историю как первый континентальный конгресс, Дж. Адамс доверился дневнику: «Очень неприятное ощущение. Брут и Кассий потерпели поражение и

были убиты. Хампден пал на поле боя, Сидней погиб на эшафоте, Харрингтон умер в тюрьме и т. д. Слабое утешение». Впрочем, они, 56 джентльменов со всех концов Америки, почитали себя прямыми потомками античных борцов против тирании, во всяком случае, иные из них мысленно прикидывали, по руке ли кинжал Брута. Но помнили и о конце Цицерона.

Несмотря на тяжкие предчувствия, делегаты конгресса воздали должное веселой Филадельфии, по крайней мере Вашингтон. В его дневнике несопоставимо больше места уделено светской жизни, чем политическим проблемам, иногда затягивавшим заседания конгресса в Доме Плотников с 6 утра до 10 вечера. За 53 дня пребывания в Филадельфии (конгресс работал с 5 сентября по 26 октября) Вашингтон отобедал у себя только семь раз, а вечера обычно проводил в тавернах. Он истратил 17 шиллингов на политические памфлеты и выиграл 7 фунтов стерлингов в карты. «Прилежный слушатель и наблюдатель», — записал Вашингтон о себе. Он говорил мало, что позволило Сайласу Дину заключить: Вашингтон «сносный оратор». Джордж производил впечатление другими качествами. Глаза делегатов, с отчаянной решимостью заговаривавших о необходимости прибегнуть к оружию, невольно останавливались на молчальнике в мундире.

Вашингтон явился на конгресс в старом, слегка выцветшем и тронутом молью мундире полковника вирджинского ополчения, опоясавшись перевязью со шпагой. Представитель от колонии Род-Айленд С. Драун, высмотрев воина в суетливой толпе штатских, почувствовал уверенность в будущем, каковую выразил в скверных стихах, звучавших примерно так: «Военной поступью прошел, сверкая сталью верного клинка, герой Вирджинии — Ва-шинг-тон». Кто его знает, зачем поэт-любитель разбил фамилию на слоги, то ли в мучительных поисках рифмы, то ли стремясь получше передать свист извлекаемой из ножен шпаги.

На конгрессе звучали горячие речи. Гадсден из Южной Каролины предлагал идти на Бостон и напасть на англичан, пока они не получили подкреплений. Ричард Ли требовал полного разрыва экономических отношений с метрополией. Патрик Генри вопрошал: «Вся Америка едина. Где границы колоний? Они рухнули. Больше нет различий между вирджинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и жителями Новой Англии. Что до меня, то я не вирджинец, а американец!» Оборонялось и правое крыло. Руководитель его, богатейший пенсильванский купец Дж. Гэллоуэй, внес предложение о «союзе между Великобританией и колониями». Для одобрения его не хватило только одного голоса.

Вашингтон твердо придерживался золотой середины. Когда Ричард Ли с горячностью выразил надежду, что Англия со временем уступит, отзовет войска, Вашингтон высказал

сомнение. Из прошлого опыта он знал, что попытка ввести эмбарго на вывоз в Англию создаст невыносимые трудности для колоний. Он полагал разумным пока остановиться на полпути — запретить импорт из Англии.

В разгар споров в Филадельфию прискакал на взмыленном коне Пол Ривер с «суффолкскими резолюциями», принятыми в округе Суффолк, где находился Бостон, быстро накапливавший славу города-мученика. Написанные С. Адамсом и Дж. Уорреном, они отражали господствующие настроения Массачусетса — не подчиняться «нестерпимым законам». Ссылаясь на драгоценную идейную находку XVIII века — естественное право и теорию общественного договора, составители в сильных выражениях настаивали на том, что монарх, попирающий их, — тиран. Дабы пресечь его поползновения против свободы Америки, необходимо прервать всю торговлю с Англией. Массачусетцы требовали принять «суффолкские резолюции» до точки.

Радикальные делегаты с радостью ухватились за них, но они не были в большинстве. После жарких дебатов 14 октября была принята «Декларация», а 20 октября «Ассоциация» первого континентального конгресса, в которой подчеркивалось, что колонисты «пока решили действовать лишь мирными средствами». С 1 декабря 1774 года запрещался ввоз товаров из метрополии, а если до осени в Лондоне не одумаются, то с 1 октября 1775 года эмбарго на вывоз в Англию. Дабы придать большую весомость угрозе, в текст «Ассоциации» вписали обязательство — не покупать остиндского чая, индиго и рабов, а также подвергнуть бойкоту почти все продукты Британской Вест-Индии.

Решения первого континентального конгресса полностью отвечали взглядам Вашингтона, поразительно походили на «резолюции Фэрфакса». В письме старому приятелю со времен индейских войн капитану Макензи, служившему под командованием Гейджа в Бостоне, Вашингтон сообщил: «Что до независимости, то ее не желает ни один здравомыслящий человек во всей Америке». На конгрессе порешили вновь собраться 10 мая.

Для наблюдения за исполнением эмбарго на местах возникли комитеты безопасности, которые ретиво взялись за дело. Орудием убеждения несогласных или лиц, заподозренных в лоялистских убеждениях, была перекладина, на которой провинившихся с гиканьем и свистом возили верхом, предварительно вымазав их в дегте и вываляв в перьях. Мерзкий вид судорожно цеплявшегося за шест негодяя, по мнению патриотов, служил достаточным наказанием за темные замыслы, расправы со смертным исходом были величайшей редкостью. Маховик революции медленно раскручивался — отправление того, что считалось правосудием, брали в руки массы, почувствовавшие себя сопричастными к великому делу.

В каждом округе для защиты местного комитета возникли вооруженные отряды «минитменов» — бойцов в «минутной готовности» взяться за оружие, расширялось ополчение. В Вирджинии срочно формировались ополченские роты, к концу 1774 года Вашингтону предложили командовать семью ротами из десяти созданных. Он хорошо знал, что стоят эти войска, и порекомендовал лучше собрать роту стрелков, обязав их носить одинаковую форму — охотничьи рубашки. В январе Вашингтон принялся обучать роту, созданную в Александрии.

Английские власти боялись укрепления сил вызревавшей революции. Они приступили к действиям.

18 апреля генерал Гейдж приказал направить 700 солдат в Конкорд, местечко примерно в 35 километрах к северо-западу от Бостона. Гейдж прослышал, что американцы устроили там склад оружия и пороха, и велел уничтожить его. Хотя экспедиция была задумана в глубокой тайне, патриоты узнали о ней. Поутру 19 апреля местные ополченцы встретили английский отряд в Лексингтоне, на полпути между Бостоном и Конкордом. Кто выстрелил первым — неизвестно. Залп англичан положил на месте восемь ополченцев, и колонна прошла к Конкорду. Английские солдаты уничтожили военные припасы, которые колонисты не успели вывезти.

Вести о случившемся разнеслись по округе, и на обратном пути англичан поджидала засада. Рассыпавшись за кустами, зданиями, деревьями, ополченцы поливали свинцом солдат в красных мундирах. Гейдж прислал подкрепление, и только тогда удалось пробиться назад в Бостон. Из 1800 англичан было убито или ранено 273 человека, американцы потеряли 95. В учебнике для военных училищ, выпущенном в США в 1969 году под редакцией М. Мэтлоффа, сказано: «Случившееся едва ли составило честь меткости фермеров Новой Англии, их мушкеты в этот день сделали около 75 тысяч выстрелов».

Главное — не в количестве выпущенного свинца и сожженного пороха. Американцы силой ответили на силу, пролилась первая кровь. Лексингтон и Конкорд прозвучали на всю страну. Ополчение Новой Англии осадило английский гарнизон, укрывшийся в Бостоне.

О славном сражении узнали в Маунт-Верноне как раз тогда, когда Вашингтон пребывал в тяжких раздумьях. Ему определенно не нравился крутой поворот событий. Надвигалась война, в которой ему, возможно, пришлось бы пожертвовать имуществом. Прекрасный вид на Потомак из окон Маунт-Вернона напоминал: дом в пределах прямого пушечного выстрела с реки, а меткость и сноровка канониров королевского флота сомнений не вызывали. «Толпе», легкой на восстание, нечего терять, иное дело богатый плантатор. В фатальный день 19 апреля, когда под Бостоном гремели выстрелы, Вашингтон составлял объявление для вирд-

жинской «Газетт», обещая вознаграждение за бежавших рабов.

Не успел Вашингтон обдумать последствия Лексингтона и Конкорда, как в усадьбу ворвался задыхающийся посланец. Данмор захватил порох в арсенале Вильямсбурга. Ополченские роты в сборе. Они готовы немедленно выступить на столицу колонии под командованием прославленного воина Вирджинии и покарать зарвавшегося прислужника ненавистной Англии. Вашингтон не велел седлать коня, а связался с Вильямсбургом. Оробевший Данмор выразил желание пойти на компромисс. Вашингтон распустил ополченцев, но неистовый Патрик Генри возмутил налаживавшееся спокойствие. Во главе вооруженных ополченцев он явился в Вильямсбург и под угрозой штыков заставил губернатора расплатиться за похищенный порох.

Имя Генри на устах всех радикалов Вирджинии. И не только их. Двадцатипятилетний Дж. Мэдисон презрительно бросил: Вашингтон принадлежит к числу богатых господ, живущих у реки, и, «опасаясь за свою собственность в случае гражданской войны... обнаружил трусость, несовместимую как с его профессией, так и с репутацией Вирджинии».

В пристуне патриотической горячки Мэдисон определенно преувеличивал, Вашингтона уже втягивал могучий водоворот событий. В начале мая он выехал в Филадельфию на второй континентальный конгресс. Четверка породистых лошадей понесла карету по изъезженным дорогам. За окном родина, знакомая и незнакомая, в городках и деревнях снуют озабоченные люди. Иные приветствуют статного военного, другие хмурятся. Страна разделялась на глазах — патриоты и лоялисты.

По дороге к Вашингтону присоединились другие делегаты Вирджинии, и к Филадельфии они подъехали внушительной кавалькадой. Километрах в десяти от города их встретило около пятисот всадников, кортеж приобрел военный вид. У въезда в Филадельфию пронзительные нестройные звуки труб и уханье барабанов — музыканты-дилетанты мужественно играли что-то очень и очень воинственное. Вооруженные толпы в самой пестрой одежде — наспех сформированные ополченские роты. С шумом, гамом и барабаном импровизированный парад прошествовал по улицам крупнейшего города тогдашней Америки, оплота постных квакеров. Толпы неистово приветствовали Вашингтона. Лоялисты с отвращением отворачивались. На крышах кричали птицы.

* * *

10 мая 1775 года открылся второй континентальный конгресс. 63 делегата 13 колоний явились, исполненные бóльшей решимости, чем в минувшем году. Мелькали знакомые ли-

ца — полномочия делегатов подтвердили революционные конвенты колоний. Господствовало мнение, что жребий брошен, оставалось определить пути и средства защиты интересов Америки. Хотя воинственное меньшинство уже поговаривало о независимости, на конгрессе все же возобладало мнение, что нужно дать отпор лондонскому «министерству», как и надлежит добрым подданным его величества короля Георга III, охраняющим дарованные им древние английские свободы. А времени на словопрения не оставалось.

Конгресс поначалу думал, нападающей стороной явятся англичане, и помышлял только об обороне. Тут получили известие — в день открытия конгресса молодцеватый Этан Аллен во главе отряда вермонтских ополченцев, поэтому именовавших себя «парни зеленой горы», внезапным налетом захватил королевский форт Тикондерога. Стоустая молва разнесла: Аллен вместе с Бенедиктом Арнольдом, имевшим сомнительное звание полковника колонии Массачусетс, потребовали-де от вооруженного до зубов английского гарнизона сдачи во имя «Великого Бога и континентального конгресса» (об обоих Аллен знал только понаслышке) и одержали достославную победу. На деле получилось куда проще — около сотни ополченцев вбежали в форт, охранявшийся несколькими десятками солдат инвалидной команды, а Аллен крикнул коменданту: «Выходи, старая мерзкая крыса!» Засим без кровопролития «парни зеленой горы» овладели Тикондерогой, где хранились 60 орудий, и, следовательно, опорным пунктом в северной части озера Джорж. Открывался путь в Канаду или прикрывались подступы к колониям с севера — стратегическая оценка зависела от точки зрения.

Потрясенный конгресс вотировал вернуть форт королю по «восстановлении прежней гармонии» между Англией и колониями. Делегаты северных колоний, опасавшихся вторжения из Канады, негодовали. Массачусетцы, державшие в осаде войско Гейджа в Бостоне, подлили масла в огонь. Они красноречиво взывали к собранию — нужно держаться всем вместе, и попросили конгресс взять на себя руководство ополченцами колонии, уже воевавшими с англичанами. Сомнений не было — Массачусетс звал на войну. Решиться сразу было трудно, и открылись прения, затянувшиеся больше чем на месяц.

Обсуждались различные варианты действий, но приходили к одному — придется поднять оружие. Буйные толпы ополченцев, обложивших Бостон, назвали континентальной армией и обязали Нью-Йорк снабдить ее хлебом, повелели всем колониям собирать селитру и серу для изготовления пороха, а Пенсильвании, Мэриленду и Виргинии — сформировать десять рот «опытных стрелков» и гнать их к Бостону. Вашингтон, единственный делегат конгресса, щеголявший в военном мундире, был занят по горло. Он председательство-

вал сразу в трех комитетах — по подготовке обороны Нью-Йорка, обеспечению армии вооружением и снаряжением и выработке уставов. Он чувствовал себя стратегом — купил пять военных книг, погрузился в их изучение. Времена наступали крутые, и он заблаговременно составил достойное завещание.

Делегаты конгресса от Новой Англии торопили с военной подготовкой. Дж. Адамс не уставал разъяснять, что война на носу, а если так, то где сыскать главнокомандующего континентальной армии? Кандидатов было хоть отбавляй. Войсками под Бостоном уже командовал Артемос Уорд, «толстый престарелый джентльмен, прекрасный церковный староста», как говорил другой претендент на этот пост, Ч. Ли. Политик политиков Новой Англии, Дж. Адамс видел, что от выбора главнокомандующего зависит, быть или не быть союзу колоний. Назначение северянина неизбежно привело бы к отчуждению южных колоний, в том числе сильнейшей из них — Вирджинии. С величайшим замешательством он обнаружил, что даже председатель конгресса Дж. Хэнкок не прочь облачиться в генеральский мундир. Впрочем, доверился Адамс в письме жене, «каким полководцем был бы я! Я уже штудирую военные книги!». Честолюбивые помыслы многих готовили трудную судьбу тому, на кого падет жребий, а им и стал наш герой.

При взаимном устранении других кандидатур Вашингтон устраивал всех. 14 июня Дж. Адамс разрубил гордиев узел высоких надежд несостоявшихся полководцев — он предложил Вашингтона. В зале заметное волнение. Хэнкок, благожелательно слушавший речь Адамса, при упоминании имени Вашингтона позеленел от злости — ему самому не бывать в генералах. Вашингтон, как только зашла речь о нем, вскочил и укрылся в соседней комнате, там была библиотека. Через неплотно прикрытую дверь он, вероятно, слышал возникший спор, и его неизбежно резанули слова делегата от Вирджинии Э. Пенделтона — полковник, конечно, приличный человек, но он ведь проигрывал все бои! Голая правда!

Адамс разбередил страсти, и конгресс в смущении разошелся *. Делегаты, разбившись на группы, горячо обсуждали кандидатуру Вашингтона за ужином и просидели далеко за полночь. Многие все еще сомневались, Т. Пейн в их числе. Вашингтон был смущен больше остальных, он заперся в гостинице. Однако решение нельзя было больше откладывать, у Бостона шли боевые действия, а сорокатрехлетний Вашингтон производил впечатление спокойного и рассудительного человека. Почему не попробовать?

---

* Вероятно, 14 июня конгресс решил взять под свой контроль континентальную армию. Этот день в США считается днем основания вооруженных сил.

Утром 15 июня, гласит протокол заседания конгресса, «решили, что должен быть назначен генерал для командования всеми континентальными силами, уже имеющимися или которые будут созданы для защиты Американской Свободы. Ему кладется 500 долларов в месяц жалованья и на расходы. Конгресс затем приступил к выборам генерала, и эсквайр Джордж Вашингтон был единогласно избран».

16 июня Вашингтон в отутюженном мундире появился в зале конгресса. Ему задали риторический вопрос — согласен ли он служить главнокомандующим армии, находящейся «под контролем» конгресса. Он извлек из кармана лист бумаги и зачитал заранее написанную речь, составленную в сильных и искренних выражениях. Избранник возблагодарил за высокую честь и поделился «глубоким сожалением, проистекающим из сознания, что мои способности и военный опыт могут не соответствовать высокому доверию». Заверяя, что он сделает все, дабы послужить «славному делу», генерал просил: «Если случатся прискорбные события, бросающие тень на мою репутацию, прошу всех джентльменов, находящихся в этом зале, помнить — сегодня с величайшей искренностью я заявляю: я не думаю, что вверенное мне почетное командование мне по силам». Что до дарованных ему 500 долларов в месяц, то Вашингтон, несомненно памятуя о римлянах, никогда не извлекавших, согласно легенде, денежных выгод от службы республике, отказался от жалованья, прося конгресс возместить только его расходы.

Вашингтон не рвался командовать. Высокая честь ввергла его в глубочайшее уныние. Утешало разве то, что удар не настиг внезапно. 18 июня он пишет прощальное письмо жене, душераздирающий перефраз его речи конгрессу. Главнокомандующий молит не омрачать его духа еще более тягостными письмами из дому. В другом письме родственнику Б. Бассету он заверяет: «Я могу отвечать только за следующее: твердую уверенность в правоте нашего дела, прилежное исполнение его и скрупулезную честность. Если это не заменит способностей и опыта, дело пострадает и еще вероятнее — моя репутация». Прямой и суровый человек, он не сдержался перед Патриком Генри. Со слезами на глазах, дрожащим от волнения голосом Вашингтон сказал: «И попомни, мистер Генри, мои слова — со дня вступления в командование американскими армиями я датирую начало моего падения и гибели моей репутации».

Каковы бы ни были опасения самого Вашингтона, в Филадельфии верили в него. 21 июня город бросил прощальный взгляд на генерала, отправлявшегося на войну. Он возглавил блестящую процессию — гарцевала легкая кавалерия в мундирах с иголочки, по-медвежьему топали ополченцы, скрипели колеса бесчисленных карет — главнокомандующего провожали члены конгресса.

ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН

Предстояла длительная суровая борьба с сомнительным исходом. Было известно, что ресурсы Британии, в сущности, неистощимы, ее флоты покрывали океан, а войска увенчали себя лаврами во всех уголках земного шара. Не будучи нацией, никому не известные как народ, мы не были готовы. Денег, нерва войны, не было. Пришлось ковать меч на наковальне необходимости...

Если у нас и были неизвестные врагу тайные ресурсы, то они состояли в непоколебимой решимости наших граждан, осознании правоты нашего дела и уверенности, что бог не оставит нас.

Д. ВАШИНГТОН на склоне лет

Главнокомандующий со свитой еще скакал к армии, а она уже дала самое кровопролитное сражение войны за независимость — у Банкер-Хилла.

В конце мая 1775 года королевский флот доставил в Бостон подкрепление из Англии. Гарнизон увеличился до 6,5 тысячи человек. С флагманского фрегата на берег сошел великолепный триумвират — высокомерные английские аристократы генерал-майоры У. Хоу, Г. Клинтон, Дж. Бергойн. В Лондоне они понаслышались о нерасторопности Гейджа, а попав в Бостон, вознегодовали — толпы совращенной «черни» обложили войска его величества, отощавшие на скудном рационе. Этим трем генералам было суждено сыграть главную роль в проигрыше Англией войны в Америке. Но кто мог предвидеть будущее?! А пока лихой триумвират настоял на том, чтобы выдвинуть вперед английские позиции, укрепив высоты Дорчестер к югу от города.

Повстанцев собрали на военный совет. Возведенный конгрессом в чин генерал-майора, И. Путман предложил ответить контрманевром — соорудить бастионы на высотах Банкер-Хилл и Брид-Хилл, что на полуострове Чарлстон, к северу от Бостона. Опасения, высказанные в совете, что укрепления окажутся под огнем английских кораблей из гавани и батарей Бостона, Путман отвел энергичным замечанием — «американцы боятся не за головы, а за ноги. Прикройте ноги, и они век будут сражаться!» Путману поверили — полуграмотный 57-летний генерал, пришедший к Бостону во главе ополчения из Коннектикута, пользовался всеобщим уважением. Ради святой свободы он ушел из-за стойки про-

цветавшего трактира. Но солдаты помнили — до того, как Путман стал трактирщиком, он прославился в войнах с индейцами и французами, побывал в плену, чудом избежал смерти от томагавка. Английский агент доносил, что в лагере под Бостоном воинский дух «сброда» поднимали, предлагая следовать примеру Цезаря, Помпея, старины Пута и «прочих великих людей». Что же строили по образцу и подобию Древнего Рима. То, что Путман имел обыкновение разъезжать среди своего воинства в одной рубашке, соломенной шляпе и без стремян, дела не меняло.

В ночь на 17 июня Путман повел оборванных солдат на полуостров Чарлстон копать укрепления. Воины, по большей части фермеры, бодро взялись за привычные лопаты, и, когда рассвело, англичане в Бостоне остолбенели — горы свежевырытой красной глины обозначали грозные позиции янки. Генерал Хоу рванулся проучить распоясавшихся мятежников — в середине дня во главе двух с половиной тысяч солдат он высадился на полуостров. На редуты сбежалось примерно столько же американцев. В самой невообразимой одежде, они уже по этой причине оскорбляли глаз военного, а пестрое вооружение просто возмущало. Некоторые сжимали в руках мушкеты «браун-бес» — стандартное оружие английской армии. Гладкоствольный мушкет заряжался свинцовыми пулями диаметром почти в два сантиметра, скорость стрельбы три выстрела в минуту. Им наносились страшные раны, но попасть в цель на расстоянии свыше 100 метров было почти невозможно. Охотники, пришедшие с запада, имели кентуккские ружья, которые начали изготовлять немецкие мастера в Пенсильвании в середине XVIII века. Длинноствольное нарезное ружье позволяло точно поразить цель величиной с человеческую голову на расстоянии до 200 метров. В руках опытного стрелка то было грозное оружие, однако трудности заряжения — приходилось вгонять шомполом пулю, обернутую в промасленный пыж, — позволяли сделать только выстрел в минуту.

Пылавшие боевым задором янки толпились на редуте, беспечно посматривая на залитый летним солнцем луг, где под грохот барабанов и визг флейт споро строились англичане — легкая и морская пехота, гренадеры в красных мундирах и медвежьих шапках. Взвинченные обильной выпивкой и патриотическими речами, американцы не сомневались, что зададут жару войскам «министерства», не смущаясь, что на мушкет приходилось по 15 зарядов. У многих были самодельные пули, отлитые из свинцовых труб, снятых с орга́на церкви в Кембридже. На бастионы успели притащить и наскоро установили несколько пушчонок.

Хоу решил осуществить возмездие по всем правилам европейской тактики — в войнах середины XVIII столетия пехота, выстроенная в несколько линий, мерным шагом сближалась с войсками неприятеля, находившимися в таком

же построении. В 50—100 метрах от врага наступавшие останавливались, разыгрывался смехотворный и мужественный церемониал — офицеры вежливо раскланивались, оспаривая друг у друга честь принять первый залп. Обмен залпами — и в штыки! Выстоять под первым залпом врага почиталось великой привилегией и признаком несравненной воинской доблести.

Итак, три безупречные линии английских солдат двинулись в фронтальную атаку на Брид-Хилл. Хоу напутствовал их словами: «Ведите себя, как подобает англичанам и хорошим солдатам», — добавив, чтобы никто не смел хоть на шаг опередить его, генерала, шагавшего впереди. Они пошли в траве по колено, сгибаясь под грузом амуниции — на каждом солдате было навьючено до 30 килограммов, пот струился из-под медвежьих шапок, мокрые пятна расползались на спинах и подмышках. Тревожный рокот барабанов звал в достойную битву — покарать смутьянов.

На редуте кто как мог прилаживал оружие, выбирая цель. Тучный старина Пут, с неожиданной легкостью управляясь на лошади, надрывался хриплым басом: «Не стрелять, пока не увидите белки их глаз!» Все же защелкали выстрелы нетерпеливых. По брустверу побежали офицеры, грозя шпагами и ударами поднимая стволы нацеленных мушкетов. С моря загремели орудия — ядра с отвратительным шипением погружались в глину редута, изредка поражая кого-нибудь из защитников. Когда наступающие подошли на полусотню метров, их встретил сокрушающий залп. Прошло несколько мгновений — стрелки, разрядившие мушкеты, отступили, дав место товарищам с заряженными, последовал второй, не менее убийственный залп.

Все заволокло пороховым дымом, а когда он рассеялся, поле было покрыто трупами в красных мундирах, уцелевшие попятились. С американских позиций трещали выстрелы — остроглазые охотники выбивали офицеров. Хоу перестроил войска и бросился на вторую атаку. Опять неудача! Окутанный пороховым дымом, проклятый редут казался неприступным. Но на обратной стороне холмов нарастало смятение — англичане снова готовили штурм, батареи из Бостона осыпали калеными ядрами близлежащий городишко Чарлстон. Чадно горели дома, жители бежали без оглядки. На полуостров высаживались английские подкрепления. Робкие душой покидали редут, каждого раненого сопровождал в тыл десяток товарищей. Уходившие с позиций имели массу оправданий, главное из которых было трудно оспорить — порох иссяк.

Путман бросился в тыл, к редуту на Банкер-Хилл. Там томились, постепенно набираясь страха, резервные части. Надсадно ругаясь, раздавая удары направо и налево, генерал собрал толпу ополченцев и, размахивая шпагой, погнал их на позицию. Но на каждого затащенного на редут приходи-

лось по крайней мере три дезертира. Тем временем англичане привели себя в порядок и с величайшей яростью в третий раз бросились на штурм. Снова по ним хлестал свинцовый ливень, но поредевшие ряды защитников не могли больше сдержать наступавших. Волна красных мундиров затопила укрепление, англичане и американцы схватились врукопашную. Силы были неравными, и американцы ударились в бегство. Только теперь они смогли оценить древнюю военную мудрость: стоять насмерть на укрепленном рубеже — основные потери янки пришлись на заключительный этап боя, когда они показали спину.

Потери англичан были ужасающими — 1054 человека, из них 226 убитых. Янки потеряли 440 человек, 140 из них пали на поле боя.

Стратегически Банкер-Хилл оказался пирровой победой для обеих сторон. Но сражение имело громадные психологические последствия — англичане научились уважать и даже переоценили силу противника. Наспех собранное воинство показало неожиданные боевые качества, отныне английские командиры не решались штурмовать в лоб укрепления. Американцы сочли было сражение своим поражением, но вскоре воспрянули духом и стали превозносить солдата-гражданина. Лексингтон, Конкорд и Банкер-Хилл легли в основу мифа о том, что не солдат регулярной армии, а американец от плуга, верстака или прилавка — лучший воин на свете. Вследствие этого по стране стремительно распространились шапкозакидательские настроения. А Вашингтону предстояло строить регулярную армию.

* * *

«Его светлость», как стали именовать главнокомандующего, получил известие о Банкер-Хилле в Нью-Йорке, по пути к вверенным ему войскам. Из пространной депеши так и не было ясно, за кем осталось поле боя. Настроение Вашингтона не улучшилось, когда ему доложили о состоянии дел в колонии Нью-Йорк. Накануне его приезда в город революционный конвент проголосовал с мудростью, достойной библейского царя Соломона Давидовича, — одна рота торжественно встречает Вашингтона, другая — королевского губернатора (который по злосчастному совпадению прибывал из Англии в этот же день), а остальные примут участие в торжествах в зависимости от того, кто из названных лиц объявится в городе первым.

Было от чего прийти в отчаяние! В Филадельфии почтенные джентльмены, составившие континентальный конгресс, убеждали друг друга воевать, а в богатейшей колонии Нью-Йорк окончательное решение, очевидно, не принято. Что делать? Вашингтон принял также соломоново решение — он поручил следовавшему с ним из Филадельфии ге-

нерал-майору Ф. Шайлеру, родом из Нью-Йорка, остаться в городе и присматривать за губернатором. Если слуга короля посмеет вооружать лоялистов, испросить разрешение континентального конгресса на его арест. Покончив с щекотливым делом, Вашингтон без лишней шумихи ускользнул из города, чествовавшего губернатора.

Вечером 2 июня он наконец соединился с армией. История умалчивает о деталях встречи, что всегда не менее многозначительно, чем подчеркнуто восторженное описание. Оно и понятно — вирджинец не мог вызвать горячих чувств у тех, кто после Банкер-Хилла уже считали себя ветеранами. Ополченцы Новой Англии с опаской смотрели на богача с Юга, пресловутого рабовладельца. Дисциплина в понимании военного отсутствовала — офицер, в прошлом парикмахер, охотно обслуживал собственных солдат, другой — повар, засучив рукава, самозабвенно стряпал. С введения дисциплины и начал Вашингтон. Он разжаловал нескольких офицеров, в том числе полковника, за трусость при Банкер-Хилле, других — за воровство. Военный суд заседал почти непрерывно — виновные получали до 40 плетей, выставлялись у позорного столба, изгонялись из армии. Предложение Вашингтона увеличить наказание с библейских 39 плетей до 500 континентальный конгресс не утвердил. Увесистые удары по спине и ягодицам показали, кто хозяин.

Чтобы не затеряться среди генералов, Вашингтон за три шиллинга приобрел широкую голубую перевязь, отныне пересекавшую его грудь. В письмах друзьям он с отвращением писал о подчиненных ему войсках, в первую очередь о так называемых офицерах, которые, нашел Вашингтон, «в общем, самые равнодушные люди, каких я когда-либо встречал». Что до солдат, «то при приличных офицерах они будут неплохо сражаться, хотя все они в высшей степени мерзки и грязны». Вашингтон принял командование, воодушевленный в духе стоиков высокой целью спасти родину. Оглядевшись, он, вероятно, не нашел никого в лагере, кто мог бы соперничать с ним в бескорыстном служении Америке. «Несмотря на всевозможные общественные добродетели, приписываемые этим людям, — писал он в другом письме, — нет другой нации под солнцем (из известных мне), которая так бы поклонялась деньгам, как эта». Вирджинскому аристократу, умевшему, впрочем, прекрасно считать, был отвратителен дух плоской, копеечной наживы, который он усматривал у уроженцев Новой Англии. Ибо, скажем, пресловутый офицер-парикмахер брил своих солдат не из высших соображений товарищества, а за плату и ради сохранения клиентуры. Никто не ожидал, что война будет продолжительной.

Вашингтон бился за то, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок, по его словам, в «беспорядочной толпе». Сославшись на свой военный опыт, пусть двадцатилетней давности, главнокомандующий стал пропагандировать его: «Дисципли-

на — душа армии. Она превращает немногочисленное войско в могучую силу, приносит успех слабым и уважение всем». Но какова конечная цель дисциплины, какой вид должна была принять армия по замыслу Вашингтона?

Европейская военная доктрина XVIII века недвусмысленно указывала: дисциплина — главный, если не единственный побудительный мотив солдат сражаться.

Вашингтон не мог не разделять описанных взглядов на вооруженную борьбу и методы ее ведения. Было бы легкомысленно приписывать ему глубокое понимание народной войны, которая развернулась в ходе Американской революции. И если, разумеется с большими оговорками, можно так оценивать некоторые кампании войны за независимость в США в 1775—1783 годах, то произошло это не в результате тонких расчетов главнокомандующего, а вопреки его ясно выраженной воле. «Стратегия конгресса и Вашингтона, — замечает современный английский исследователь Э. Райт, — отнюдь не поощряла партизанской войны и оправданно сбрасывала со счетов лоялистов. Большая и дисциплинированная континентальная армия должна была связать англичан, «нависнув над ними, подобно орлу над добычей, готовая нанести сокрушительный удар при удобном случае». Это давало надежду на скорую победу, которая отвратила бы опасность решительного отделения от Англии». Этот взгляд нашел выражение в строительстве континентальной армии.

Простейшая задача — выяснить, сколько, собственно, солдат насчитывалось в армии, — доставила массу хлопот главнокомандующему. В первом же приказе он потребовал от командиров полков сообщить численность вверенных им частей. Несколько дней продолжалась волокита, пока Вашингтон не пригрозил «драконовскими мерами». Итог оказался неутешительным — 16,6 тысячи человек, из них 9 тысяч уроженцев Массачусетса. Еще хуже — солдаты вербовались на очень короткий срок, по истечении которого никакие угрозы или посулы не могли удержать их в рядах армии. К 10 декабря 1775 года, например, большая часть коннектикутцев, несмотря на апелляцию к их патриотизму, разошлась по домам. Их товарищи по оружию, улюлюкавшие вслед дезертирам, спустя три недели также сложили пожитки и отправились восвояси.

Когда наступил 1776 год, у Вашингтона осталось примерно 8 тысяч солдат, а по его предположению в Бостоне было 12 тысяч англичан (в действительности — 8,5 тысячи). План, предложенный Вашингтоном и горячо одобренный конгрессом, — иметь армию, насчитывавшую 20 372 человека (26 полков, один полк стрелков и артиллерийский полк), — остался на бумаге.

В тогдашней Америке, громадной, слабо обжитой стране, оказалось невозможным вести войну только силами армии, построенной по европейскому образцу, как бы страстно Ва-

шингтон этого ни желал. Постепенно вооруженные силы восставших колоний развернулись несколько по-иному. В каждом округе было свое ополчение, собиравшееся в случае опасности. Части ополченцев, конечно, не могли оказать эффективного сопротивления английской армии, но они выполняли чрезвычайно важную роль — Вашингтон всегда был в курсе последних передвижений неприятеля. Ополченцы держали англичан в состоянии постоянной тревоги. Высоко оценивая их роль, Вашингтон тем не менее твердо придерживался образа действия, избранного им с самого начала, — не допускать смешивания ополченцев с континентальной армией. Они, по мнению главнокомандующего, несли с собой опаснейшие бациллы анархии и разложения.

Отборные части — в начале войны стрелки, а позднее легкая пехота — могли при необходимости задержать, но не остановить английские войска. Они наносили внезапные, обычно ночные удары. А ядром вооруженной мощи оставалась вся континентальная армия — предмет постоянных забот Вашингтона.

Хотя Вашингтон никогда так и не утратил надежды, что ему удастся повести войну, как было принято в XVIII веке, практика скоро научила его, что в революции армия не только вооруженная сила, но и инструмент пропаганды. Концепция солдата-гражданина получила дальнейшее развитие, хотя едва ли сам главнокомандующий был от нее в восторге.

Но приходилось постоянно помнить об общей обстановке. «Нужно всегда считаться с настроениями народа, — учил он своих военачальников, — если это не нанесет серьезного ущерба нашим действиям. Это особенно верно для той войны, которую мы ведем, где моральный дух и готовность к самопожертвованию должны в значительной степени заменить принуждение». Было бы глубоко ошибочно вывести отсюда великую приверженность вирджинского плантатора к революционным методам борьбы. Их Вашингтон опасался, пожалуй, не менее, чем неприятеля.

Отсюда его постоянные настояния в пользу единства в лагере американцев, требования помнить, что крайности в ту или другую сторону пагубны. Анализируя позицию Вашингтона, его новейший биограф Дж. Флекснер замечает: «Всегда существовала опасность, что произойдет размежевание в борьбе — восстание превратится в дело низших классов и будет направлено в равной степени против богачей-американцев и богачей-англичан — и состоятельные бросятся искать защиту у армии министерства». Вашингтон стремился предотвратить это всеми силами. Он писал: «Мы должны избежать рифов, на которых наш корабль развалится на части. Именно здесь таится величайшая опасность, и я буквально содрогаюсь, когда думаю о ней. Только отсутствие единства может погубить наше дело. Все рухнет, если вели-

чайшая осмотрительность, сдержанность и умеренность не восторжествуют среди нас».

Со всеми допущениями, диктовавшимися тогдашней обстановкой, армия в руках Вашингтона оставалась строгой иерархической организацией, причем офицерский корпус был привилегированной кастой. В этом отношении Вашингтон не шел ни на какие уступки — между офицерами и солдатами должно быть резкое различие. А офицеров по штатам полагалось очень много. Полк состоял из 720 человек, делившихся на 8 рот. В роте из 90 человек было 76 рядовых и 14 офицеров и сержантов. Грубо говоря, на пятерых солдат приходился офицер или сержант.

Офицеры многотысячного сборища под Бостоном никоим образом не могли удовлетворить Вашингтона. В августе 1775 года он с отвращением писал Г. Ли: «Одна из труднейших задач, когда-либо вставших в моей жизни, — заставить этих людей поверить, что существует или может существовать опасность, пока вражеский штык не уткнется им в грудь. Это не выдающаяся удаль, а скорее следствие необъяснимой глупости низших классов, которая, поверь мне, преобладает и среди офицеров-массачусетцев. Они на одно лицо с рядовыми, что доставляет мне массу трудностей, ибо совершенно невозможно заставить таких офицеров выполнять приказы. Они только заботятся о том, чтобы снискать доброе расположение избравших их рядовых, на чьи улыбки они готовы положиться».

Вашингтону был нужен другой офицер. Он внушал континентальному конгрессу: «Людям свойственно с неохотой подчиняться тем, кого они считают незаслуженно поставленными начальниками над собой... Только состоятельные джентльмены, выходцы из достойных семей, обычно полезные офицеры». Он добился от конгресса повышения жалованья офицерам, дабы придать им «должный вид» и обеспечить нужную дистанцию между ними и солдатами.

Вашингтон указывал континентальному конгрессу, что боеспособность рядовых определяется тремя факторами: естественной храбростью, жаждой вознаграждения и страхом перед наказанием. «Трус, — настаивал Вашингтон, — знающий, что в случае дезертирства его ждет смерть, пойдет на риск в бою». Наблюдая, как происходит вербовка солдат, Вашингтон не строил ни малейших иллюзий относительно человеческого материала, из которого формировалась армия. «Такое отсутствие общественного долга и добродетелей, — восклицал он, — такое низкое торгашество и изобретательность по части подлых штучек, лишь бы что-нибудь урвать... такой грязный дух наемничества пронизывает их всех, что меня не удивит никакая катастрофа».

Удержать солдат в повиновении он считал возможным только в стальных тисках дисциплины. Перед солдатской массой Вашингтон представал бессердечным военачальником.

Другое лицо Вашингтона было обращено к офицерскому корпусу, особенно к его верхушке. Тем, кто, по воззрениям вирджинца, достойно носил офицерский мундир, он беспредельно доверял. В приказах по армии строжайшим образом запрещались азартные игры, сурово преследовалось пьянство: «Пресечь мерзкую практику потребления дневного рациона рома в один присест, поручив сержантам следить за тем, чтобы ром разбавляли водой... Тогда напиток не пагубен, а весьма освежает и полезен».

Но армией командовали отнюдь не унылые трезвенники или кисляи, как говаривали в XVIII веке. Рассказывают, что во время задушевной беседы у Вашингтона ударили барабаны, ухнула сигнальная пушка — тревога! Военачальники вскочили, генерал Грин закричал, что не может найти своего парика. «Взгляните в зеркало, сэр!» — пробасил прославившийся хладнокровием генерал Ли. Грин бросился к зеркалу и увидел пропавший парик на голове. Он вздохнул с облегчением — привычный вид, и тут же изумился — в зеркале смеялись два Вашингтона!..

За столом Вашингтона вино лилось рекой, он находил, что благородный напиток «оживляет» беседу. То, что для рядового было тягчайшим грехом — крепкая выпивка, — для джентльмена почиталось обычным развлечением. Двойной стандарт в оценке людей в зависимости от их социального положения был принят в XVIII веке. Вашингтон не обгонял время.

Искореняя сквернословие среди рядовых, насаждая чистоту нравов, главнокомандующий либерально относился к слабостям джентльменов. Прослышав, что офицер в преклонных годах, обезумев от любви, женится на молоденькой девушке, Вашингтон дает отеческий совет, подобающий Отцу Страны (письмо написано, когда его уже начали признавать за такового): «Рад узнать, что мой старый знакомый полковник Уорд все еще подвержен сильным страстям. Я не буду относить смелость его предприятия за счет вспышки чувств, ибо в годы военной службы он научился отличать ложную тревогу от действительного маневра. Милосердие побуждает меня предположить, что как осмотрительный офицер он рассчитал свои силы, проверил оружие и боеприпасы, перед тем как приступить к делу. Однако если он, игнорируя все это, очертя голову бросится в бой, я бы посоветовал ему провести первую атаку на его Дульцинею из Тобосо с такой энергией, чтобы оставить глубокое впечатление, если оно не может долго продержаться или часто возобновляться».

Разве мог помыслить рядовой, насиловавший себя, чтобы не заснуть на посту, что главнокомандующий способен на такие советы? Разве не Вашингтон, поминая его добрым или недобрым словом в зависимости от склонностей, размышляли солдаты, распорядился изгнать из лагеря женщин легкого поведения? А его отеческая забота о приличии! Узрев, что

солдаты купаются голыми на виду, Вашингтон страшно возмутился. Генерал-адъютант главнокомандующего Д. Рид огласил по армии приказ: «Генерал категорически запрещает всем заниматься этим на мосту в Кембридже или около него. Отсюда поступили жалобы, что многие, утратив приличие и стыд, носятся нагими по мосту, в то время по нему следуют прохожие и даже дамы общества. Поступающие таким образом чуть ли не хвастают своим постыдным поведением».

* * *

Стан континентальной армии под Бостоном довольно быстро приобрел военный вид. Полковой капеллан У. Эмерсон, дед Р. Эмерсона, записывал: «В лагере происходят великие изменения, вводятся порядок и дисциплина. Новые хозяева, новые законы. Каждый день генералы Вашингтон и Ли на передовой. Между офицерами и рядовыми проводится большее различие. Каждого заставляют знать свое место, в противном случае его вяжут и дают тридцать-сорок ударов в зависимости от тяжести проступка. Тысячи людей работают ежедневно с четырех до одиннадцати часов утра. Просто удивительно, как много делается».

Начали прибывать подкрепления — роты из Мэриленда, Вирджинии и Пенсильвании. Всеобщее восхищение вызвали бравые вирджинские молодцы Моргана, пришедшие прямо с границы (1000 километров за 21 день), в кожаных рубахах, мокасинах и с кентуккскими ружьями. По приказу Вашингтона прекратились добрые беседы часовых на передовых постах с неприятельскими солдатами. Охотники начали подстреливать англичан как дичь, особенно метя в офицеров. Попадание в «омара» или «ростбиф» (по цвету красных мундиров) вызывало здоровый смех американцев.

Охотники становились героями среди солдат и сущим наказанием для Вашингтона. Постоянные выстрелы без приказа на передовой, не говоря уже об обычае охотников силой освобождать из-под замка товарищей, угодивших под стражу, приводили главнокомандующего в бешенство. Он страстно молил бога, чтобы славные земляки наконец убрались из лагеря, ибо вбиваемая плетьми дисциплина подрывалась удальцами на глазах.

Американцы и англичане под Бостоном не горели желанием помериться силами. У Вашингтона обнаруживались все новые нехватки. Так, выяснилось, что вместо 348 баррелей (мера объема, равная 119,24 литра) пороха, значившихся на складе, армия имела только 36. По девять выстрелов на мушкет! Вашингтон в отчаянии распустил слух, что пороха некуда девать — дескать, есть 1800 баррелей, и обратился с паническим письмом к конгрессу — раздобыть где угодно пороха. А солдатам велел изготовлять пики. Бессонными но-

чами он прислушивался — не загремят ли барабаны, возвещая неприятельскую атаку, последствия которой «страшно даже представить... армии и стране придет конец».

Порох наконец подвезли, а враг не шел. Вашингтон и конгресс терялись в догадках. Они считали, что у Банкер-Хилла американцы все же потерпели поражение, ибо сдали позиции. Если бы американцы могли проникнуть на военные советы у английского генерала Хоу, сменившего Гейджа! Англичане, не вдаваясь в тонкости, кто победил, помнили о чудовищных, неоправданных потерях полков его величества от рук «оборванцев». Памятуя, что подкрепления нужно везти через Атлантический океан, Хоу не рвался в бой. Англичане пока стали на зимние квартиры в Бостоне, а в штабе обдумывали, где основать в дальнейшем базу для операций, ибо находили город невыгодным в стратегическом отношении.

Хоу снискал благорасположение прелестной Бетси Лоринг, которым пользовался без помех, ибо ее достойный супруг был по уши занят: с благословения англичан он конфисковывал дома патриотов и продавал их с аукциона. В городе было голодновато, англичане сидели на солонине, некоторых подкосила болезнь. Офицеры осажденного гарнизона развлекались как могли — ставили любительские спектакли, в которых изображался главарь разбойников Вашингтон в лохмотьях, в громадном парике и с длинной ржавой саблей на боку. Шутники направили приглашение Вашингтону на представление, в заключение которого обещали ему «доставить удовольствие» — повесить.

Натуре Вашингтона не была свойственна бездеятельность. Он настойчиво испрашивал разрешения у конгресса на штурм Бостона. По политическим мотивам ему отказали — в Филадельфии опасались довести дело до полного разрыва с метрополией. Он созывал бесконечные военные советы — генералы также высказывались против, цепенея при мысли, что придется схватиться с английским войском. Главнокомандующий склонился перед их мнением, на военных советах он завел демократию — решения принимались большинством голосов. Вероятно, это было не следствием нерешительности Вашингтона, как иногда склонны предполагать, а объяснялось нежеланием спорить. Он прекрасно видел, что уроженцы Новой Англии и так с большой неохотой подчиняются набобу с Юга. Ссориться с ними было бы опасно как для дела, так и для собственного положения. По аналогичным причинам Вашингтон проявлял величайший такт и в сношениях с конгрессом.

Вашингтон по-прежнему считал, что оценен сверх его способностей. «Я не военный гений, — писал он, — и не офицер с большим опытом», и если «буду действовать только по собственному суждению и своей воле», то неудачи сделают меня «объектом всеобщего недовольства». Много спустя

Вашингтон, оглядываясь на ранний период своей полководческой деятельности, написал — если бы тогда он мог предвидеть будущее, «то все генералы на земле не убедили бы меня, что уместно воздержаться от штурма Бостона». Опыт пришел с годами.

Конгресс и генералы не допустили штурма Бостона. Вашингтон, стесненный на суше, развернул действия на море. Испросив разрешения конгресса, он вооружил шесть судов, которые со 2 октября 1775 года (рождение флота США) занялись каперством в прибрежных водах, иногда перехватывая английские транспорты. Флотоводческие увлечения Вашингтона судовладельцы-патриоты поддержали с величайшим энтузиазмом. Старое ремесло — пиратство — отныне объявлялось борьбой за бесценную свободу Америки.

Они взяли несколько ценных призов, доставив континентальной армии мушкеты, порох, пули и военные припасы. Вирджинец очень скоро понял, что стоит у истоков американской морской мощи. «Беды и огорчения, — признался он, — которые принесли мне экипажи всех без исключения вооруженных судов, просто неописуемы. На свете нет худших разбойников». Каждый раз, когда «наши мерзавцы каперы» возвращаются в порт, они «готовы бунтовать, если только им не разрешают своевольничать». В 1776 году Вашингтон с искренним облегчением передал контроль над «флотом» военно-морскому комитету конгресса, и с тех пор он «не имел ничего общего с морскими делами».

Каперы усилили огневую мощь армии Вашингтона. С захваченного британского брига была снята большая бронзовая мортира весом более тонны. С восторженными воплями орудие потащили на позиции, окрестили «конгресс», в знак чего генерал Путман разбил о него бутылку рома. Английские солдаты так и не услышали голоса «конгресса» — ретивые патриоты забили неслыханный заряд, и мортира при первом выстреле разлетелась на куски.

Вашингтон, крепко выругавшись, поручил артиллерийское дело спокойному бостонскому книготорговцу Г. Ноксу. По той причине, что Нокс у себя в лавке начитался военных книг, он был произведен в полковники. Нокс отправился в форт Тикондерога и с превеликими трудностями доставил к весне 1776 года под Бостон 59 трофейных английских орудий.

Некий тайный агент был направлен в Бостон для сбора сведений о неприятеле. Вашингтон положил ему плату 333⅓ доллара (напоминание о библейских тридцати сребрениках, выданных Иуде!). Агент донес, что американцы, взятые в плен англичанами, страшно бедствуют. Это послужило поводом для обмена письмами между Вашингтоном и английскими командующими, которые оправдывали нарушение военной этики, ссылаясь на то, что все американцы — мятежники. Англичане наотрез отказались признавать какие-либо

привилегии за пленными офицерами континентальной армии, заперев их в грязную тюрьму вместе с уголовниками.

Это разбередило старые раны Вашингтона — англичане верны практике, сводившей его с ума в молодые годы: не признавать офицеров местного производства. Письмо Вашингтона, подведшее итог переписке по поводу обращения с пленными, пылало давним негодованием: «Вы презираете чины, полученные из иного источника, чем ваш. Но я не могу признавать иного, более почетного, чем честный выбор мужественного и свободного народа, а это источник чистейшей воды, основа основ любой власти». Отныне, предупредил Вашингтон, обращение с пленными англичанами будет основываться на принципах взаимности.

Осень и зима 1775 года ознаменовались самой крупной воинственной вылазкой американцев за всю войну за независимость. Они пошли завоевывать Канаду, жители которой проигнорировали пламенные призывы конгресса и по-доброму не захотели стать четырнадцатой восставшей колонией. Вашингтон с величайшей радостью поддержал идею похода, выдвинутую конгрессом. Вероятно, помимо прочего, и потому, что удалось пристроить к делу вирджинских молодцов Моргана, отравлявших ему жизнь. Две колонны американских войск под командованием генерала Шайлера и полковника Арнольда должны были захватить Монреаль и Квебек, приобщив местных жителей к прелестям свободы.

Канадская кампания, в которой в общей сложности принимало участие восемь тысяч американцев, летом 1776 года окончилась унизительным поражением.

Успех под Бостоном, однако, с лихвой перекрыл горечь поражения в лесах Канады. 3—4 марта по приказу Вашингтона все 59 пушек, притащенные по бездорожью Ноксом из Тикондероги, были водружены на высотах Дорчестер. Бостон и гавань оказались в пределах орудийного огня. Хоу созвал военный совет. Англичане и не помышляли о штурме высот, кровавый призрак Банкер-Хилла стоял у них перед глазами. Было решено оставить Бостон и перебросить армию в Галифакс, где переформировать ее.

Войска поспешно погрузились на суда, лишнее имущество и даже десятки орудий были оставлены. Английские генералы и адмиралы в глубочайшем смятении ожидали, что вот-вот американцы начнут бомбардировку города, и торопились убраться. Артиллерия континентальной армии зловеще молчала — Хоу и его штаб так и не узнали, что у противника не было пороха для сколько-нибудь продолжительной стрельбы.

17 марта последние английские солдаты взошли на борт корабля. Еще десять дней 170 английских судов, принявшие гарнизон и свыше тысячи лоялистов, бежавших из Бостона, стояли на внешнем рейде. Это заставило Вашингтона теряться в догадках — быть может, англичане прибегли к военной

хитрости, собираются нанести удар по Нью-Йорку. Он никак не мог допустить, что враг оставил свою цитадель — Бостон. Только 27 марта, когда английский флот поднял паруса и ушел, Вашингтон успокоился. Теперь можно было в безопасности оценить размеры победы.

Описывая увиденное в городе, Вашингтон отметил: «Уничтожение припасов в лагере у Данбара после поражения Брэддока бледнеет по сравнению с тем, что произошло в Бостоне». Англичане убирались из города с «быстротой, которую просто невозможно представить себе», брошены тридцать тяжелых орудий, сотни мушкетов, военные фуры, порох и многое другое. «Бостон, — заключил Вашингтон, — был почти неприступен, были укреплены все подступы». Американцам, конечно, не могло прийти в голову, что Хоу стратегически давно считал невыгодным удерживать город и только ожидал транспорта, чтобы эвакуироваться.

Заняв город, континентальная армия принялась, в свою очередь, притеснять немногих оставшихся лоялистов, воздавал им за преследования патриотов при англичанах. Хотя крайние эксцессы были чрезвычайно редки, а по приказу Вашингтона армия взяла под охрану собственность бежавших тори, лиц, заподозренных в сочувствии к англичанам, ждала незавидная участь. Их раздевали, мазали в дегте, вываливали в перьях и верхом на шесте выпроваживали из города. Дома самых ненавистных предали огню. Имущество лоялистов пошло с молотка на аукционе. Патриоты получали не только моральное, но и материальное вознаграждение.

Овладение Бостоном подняло дух защитников революции. Коль скоро до англичан, пока убравшихся с территории восставших колоний, добраться было мудрено, патриоты расправлялись с ненавистными сторонниками короны. Суровость в наказании противников за их политические взгляды была соразмерна оценке силы континентальной армии патриотами. От Мэна до Южной Каролины лоялистов забрасывали тухлыми яйцами, заставляли, стоя на коленях, поносить короля и министров или под ударами плетей прогоняли через улицы.

Главнокомандующий, выражая дух времени, высказался в том смысле, что неплохо было бы вздернуть самых отвратительных прислужников «министерства», затесавшихся в апостольскую общину патриотов. Тем самым был бы дан полезный урок всем презренным. Но все же его отношение к бостонцам, решившим разделить судьбу войск Хоу и покинувшим город на английских судах, более показательно, чем кровожадные призывы вешать. Описывая их уход из города (а бежали самые состоятельные, принадлежавшие к тому же кругу, что Вашингтон в Вирджинии), он заключил: «Один или двое совершили то, что должны были бы сделать давным-давно многие из них, — покончили с собой. Со всех точек зрения не было более несчастных, чем являются ныне

эти презренные твари». Они положились на мощь Британии и обманулись в ней. «Несчастные! Введенные в заблуждение смертные! Не лучше ли объявить всеобщую амнистию и завоевать этих людей великодушным прощением?»

Вопрос не подобал по положению «его светлости», от него конгресс и страна ждали новых ратных подвигов во имя драгоценной свободы. Вашингтон получил благодарность за Бостон от конгресса, который постановил отчеканить в честь славной победы золотую медаль в Париже. Гарвард воздал должное в достойной ученых форме, присудив Вашингтону степень доктора права. Художники малевали его портреты, а поэты сочиняли хвалебные оды.

В Америке объявился собственный военный гений, страна обрела полководца. Нет ни малейших сомнений в том, что поздней весной 1776 года Вашингтон уверовал в свою счастливую звезду.

Генерал Вашингтон отвоевал Новую Англию, и конгресс на гребне успеха счел возможным распоряжаться освободившимися частями континентальной армии. Нокса отправили в Ньюпорт укреплять город, Ли — на юг, командовать в Вирджинии, подкрепления пошли в Канаду. «Это значительно ослабило наши силы», — пожаловался Вашингтон в письме брату. Публично он не возражал, всегда признавая верховенство гражданской власти над военной.

Он ожидал, что англичане нанесут сильнейший удар, скорее всего высадившись в Нью-Йорке. Туда Вашингтон и погнал армию, озаботившись новым укреплением дисциплины, в чем, как уже объяснялось, по его разумению, и состояла основа боевого духа. За проступки — от игры в карты до самовольной отлучки — теперь полагалось 100—300 ударов плетью, иногда предписывалось: «По получении последних пятидесяти ударов спину наказуемого хорошо промыть водой с солью». Чтобы крепче помнили и злее были.

* * *

За десять с небольшим лет до описываемых событий во время Семилетней войны Англия выставила армию в 300 тысяч человек. Для подавления «бунта» американских колоний никак не могли собрать войско в 55 тысяч человек, на которое отпустил средства парламент. Хоу для кампании 1776 года требовал 50 тысяч человек.

Георг III, премьер Норт и министр по делам Америки лорд Джермен — трое, вознамерившиеся вернуть короне заатлантические владения, столкнулись с оппозицией к войне в собственной стране. В парламенте звучали отвратительные для слуха монарха речи вигов — лорда Чатама (У. Питта), Бёрке, Фокса и других. Их было мало, но они громко оплакивали действия короля, подрывавшего самые основы Британской империи. Как водится в Англии, то была оппо-

зиция его величества — виги стояли за главенство английского парламента, однако указывали, что пробил час заменить узы имперских связей содружеством наций. Практической помощи «бунтовщики» по ту сторону Атлантики от них получить не могли, единственное, чего можно было ждать от вигов, — объективное признание справедливости их дела с парламентской трибуны.

Этого было, впрочем, немало. Лучшие британские военачальники и флотоводцы, отклоняя предложения короля воевать с американцами, ссылались и на парламентариев. То, что кощунственные для Георга III речи звучали в Вестминстере, неслыханно затруднило вербовку солдат. Очень скоро выяснилось, что в Англии потребной армии не собрать. В народе смотрели на поход, затевавшийся королем, как на братоубийственную войну. Тогда Георг III по обычаям века решил купить наемников. В сентябре 1775 года он обратился к российской императрице с просьбой продать 20 тысяч казаков, о воинском мастерстве которых понаслышались и в далекой Англии.

Обращение из Лондона изрядно повеселило российский императорский двор. Георгу III был послан изысканно-вежливый отказ. Он возмутился — императрица «не проявила той теплоты, которой я ожидал от нее, она даже пренебрегла приличием и не написала ответ собственноручно». Король напрасно гневался на императрицу, будто бы не желавшую лично вникнуть в дело. Екатерина II в эти дни писала (собственноручно!) одной из своих приятельниц в тоне милой светской болтовни: «Английский король — превосходный гражданин, добрый супруг, отец и брат. Такой человек не может остаться равнодушным к смерти сестры, хотя бы ничего не стоящей, и я готова держать пари, что потеря сестры причинила ему большее горе, нежели поражение его армии в Америке. Вы знаете — его прекрасные подданные тяготятся им, и даже часто». Императрица в заключение выразила сердечное убеждение, что еще при ее жизни Америка отделится от Европы.

Проученный в России, Георг III обратился к тем, кого он знал, — немецким князькам. Они, презрительно заметил Бёрке, «жадно втянули ноздрями трупный смрад прибыльной войны» и охотно продали Англии солдат. Кузен Георга III князь Брунсвик Люненбургский продал 4300 человек. За ним последовали другие — немецкие правители содержали дворы и были чадолюбивы. Князь Ханау имел от разных женщин свыше 70 детей, а ландграф Гессен-Кассельский — около 100. Этот правитель сумел из 300 тысяч подданных собрать почти 20 тысяч солдат. Уроженцы ландграфства составили большинство наемников, и поэтому всех их американцы стали именовать гессенцами. В общей сложности Георг III купил в германских землях и отправил за океан 30 тысяч

наемников, что обошлось Англии в 4,7 миллиона фунтов стерлингов.

Лондон не делал секрета из своих военных приготовлений, и вести о них достигали берегов Америки. Быть может, королевские министры хотели посеять панику среди восставших. Результаты получились обратные. В колониях заговорили о том, что пора рвать все связи с Англией. Собственно, терять было нечего, — в декабре 1775 года парламент объявил, что американские колонии больше не находятся под защитой Англии. Был санкционирован захват и конфискация американских судов в открытом море.

9 января 1776 года увидел свет памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», сыгравший решающую роль в повороте настроений в Америке в пользу независимости. За три месяца было продано неслыханное количество экземпляров — 120 тысяч! А жило в стране не менее трех миллионов, многие были неграмотными. Пейн целил прямо в институт монархии, опрокидывая последнюю надежду лоялистов. Он знал о Георге III и прочих из первых рук — Пейн приехал в Америку в ноябре 1774 года и очертя голову бросился в местный политический водоворот. Импортированные им идеи получили немедленный отклик на новой родине, где к выходу памфлета он прожил год с небольшим.

Пейн объяснил американцам, что династия английских королей, основанная Вильгельмом Завоевателем и представленная Георгом III, возникла не по воле всевышнего. «Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных разбойников и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, весьма мерзким и низким пращуром. В таком происхождении, конечно, нет ничего божественного». Автор велеречиво обосновал справедливость отделения от Англии, причем подчеркнуто оценивал это событие в глобальных терминах и категориями меньшими, чем тысячелетия, не мыслил. «Здравый смысл» привел его в заключение к утверждениям, что американцы соорудят никак не меньше чем рай на земле. Он закончил свое внушение недавно обретенным соотечественникам весьма возвышенной тирадой: «О! Вы, которые любите человечество! Вы, кто отваживается противостоять не только тирании, но и тирану, вперед! Каждый клочок Старого Света подавлен угнетением. Свободы травят по свету. Азия и Африка давно изгнали ее. Европа считает ее чужестранкой. Англия же потребовала ее высылки. О, примите беглянку и загодя готовьте приют для всего человечества».

Читать эти строки поднявшимся против метрополии было сладостно и очень приятно. Пейн по своему разумению пытался раскрыть внутренний смысл борьбы и ее значение для истории. Вашингтон, как военный, отвел должное место сообщенному Пейном. Коснувшись умонастроений народа, он писал 31 января 1776 года: «Еще несколько горячих ар-

гументов типа продемонстрированных в Фалмуте и Норфолке (города, сожженные английским флотом в октябре 1775 года и январе 1776 года. — Н. Я.) в дополнение к трезвой доктрине и неопровержимой аргументации «Здравого смысла» не оставят сомнения, что отделение уместно». Спустя десять дней он добавил: «Дух свободы бьется в наших сердцах, чтобы мы могли надеть ярмо рабства, и, если ничто другое не удовлетворит тирана и его дьявольское министерство, мы преисполнены решимости порвать все связи с таким несправедливым и неестественным государством».

Да, очень могучий ветер свободы набрал силу в Америке весной 1776 года. Руководители революции горой встали за отделение от Англии, колонии должны конституироваться в независимое государство. Независимость нужна была как хлеб, как воздух, ибо светлые надежды на победу в схватке с тиранией были связаны с ожиданием помощи от давних соперников англичан — Франции и Испании. Взывавшие к оформлению бесценной свободы в государственных рамках указывали, что не удастся договориться с монархами Франции и Испании о совместной борьбе со злодеем Георгом III, если американцы не предложат в обмен гарантий и торговых преимуществ, которые может дать только независимая нация. 3 марта конгресс направил в Париж Сайласа Дина договориться в помощи, вменив ему в обязанность разъяснить министру иностранных дел христианнейшего короля Людовика XVI Верженну: «Существует большая вероятность того, что колонии станут независимыми».

Колония за колонией, все чаще именовавшие себя штатами, высказывались за независимость. Решающий момент наступил 15 мая 1776 года, когда самый могучий штат Вирджиния подал голос за основание независимого государства. Конгресс формально попросил штаты образовать собственные правительства. В июне в Филадельфии конгресс провел великие дебаты о преимуществах отделения. Джефферсон, конспектируя содержание речей делегатов конгресса, подчеркнул: Вашингтон и его родной штат Вирджиния усматривали блага независимости в том, что «будут приняты немедленные меры для получения помощи со стороны иностранных государств и создана конфедерация, которая теснее свяжет колонии».

Сводя рассуждения пламенных революционеров к сути, Джефферсон записал: «Только Декларация независимости в соответствии с европейскими порядками даст возможность европейским державам иметь дела с нами и даже принять нашего посла. До объявления о ней они не будут принимать наших судов в своих портах, не будут признавать законным захват нами английских судов. Хотя Франция и Испания могут ревниво отнестись к росту нашей мощи, они решат, что она будет еще больше, если к ней прибавится Великобритания, и поэтому в их интересах воспрепятствовать воз-

никновению такой коалиции. Если они откажутся (помочь американцам. — **Н. Я.**), наше положение не изменится, в то время как, если мы не сделаем попытки (объявив независимость), мы так и не узнаем, помогут они нам или нет. Нынешняя кампания (после взятия Бостона. — **Н. Я.**) может окончиться неудачей, и поэтому нам лучше предложить им союз, пока наши дела благоприятны». Практичные буржуа смотрели в корень и надеялись побить тиранию главным образом руками других, вознаградив заморских тираноборцев и совсем недавних собственных лютых врагов — французов обещаниями различных торговых преимуществ. Впрочем, едва ли они поступились бы многим и в этой области. Мотивы стремления к независимости именно в тот, а не в другой момент сомнений не вызывают, как и то, что по соображениям того же голого практицизма представлялось совершенно невозможным объявить о них во всеуслышание.

На конгрессе, посовещавшись, поручили Джефферсону сочинить Декларацию независимости со всеми приличествующими великими принципами. Его выбрали по той же причине, что и вручили жезл главнокомандующего Вашингтону, — Джефферсон происходил из сильнейшего штата Вирджиния. Тридцатитрехлетний философ, запершись в комнатушке, снятой у каменщика, засел за документ. 2 июля текст был представлен конгрессу, и последовало двухдневное обсуждение, в ходе которого ликвидировали некоторые красоты Декларации. Была вычеркнута длинная филиппика насчет английского народа, который недостаточно энергично выступал против политики своего правительства в отношении Америки. Из пространного перечисления злодеяний Георга III убрали указание на то, что он препятствовал прекрасным намерениям колоний ограничить рабство и работорговлю. В этой связи той же рукой, что и писались объявления о вознаграждении за поимку бежавших рабов, со знанием дела был пригвожден к позорному столбу институт рабства.

Большую часть Декларации занимало довольно склочное и мелочное перечисление «беспрестанных несправедливостей и узурпаций, имевших своей прямой целью установление неограниченной тирании над нашими штатами». Георг III соответственно обзывался «тираном, непригодным для правления над свободным народом». Философская часть документа, для которой потребовалось всего-навсего 300 слов, а она и составила славу Декларации в американской истории, провозглашала «самоочевидными» истины о том, что «все люди созданы равными, наделены богом некоторыми неотчуждаемыми правами, среди которых жизнь, свобода и стремление к счастью». Для обеспечения этих прав учреждаются правительства, каковые в случае, если они становятся тиранническими, должны быть изменены или упразднены народом, имеющим право и обязанным учредить формы правления,

«какие представятся народу наиболее пригодными для обеспечения его безопасности и счастья». В конце документа, «обратившись к Верховному судье мира в доказательство чистоты наших помыслов», конгресс объявил о полном разрыве с британской короной, своем праве «вести войну, заключать мир, союзы, торговать и делать все то, что могут делать по справедливости независимые государства».

4 июля 1776 года конгресс торжественно одобрил Декларацию независимости. Возникло новое государство Соединенные Штаты. Хотя пороха не хватало, гремели салюты, звонили колокола. Американцы упивались вином независимости. Декларация читалась и перечитывалась публично. Она вызывала громадное, ни с чем не сравнимое воодушевление. Имена 55 подписавших ее стали известны только 18 января 1777 года. Отнюдь не авторская скромность тому причина. На первых порах они предпочли остаться в безвестности, ибо король грозил петлей «бунтовщикам».

Последующая судьба США приковала к Декларации самое пристальное внимание. Исследователи обнаружили, что то был волнующе революционный документ. Прогрессивный американский историк Г. Аптекер нашел: «Идеи эти имели международное происхождение. Конкретно, когда речь идет об американцах XVIII столетия, одобривших их, они коренились в гуманистической и вольнолюбивой аргументации Древней Греции и Рима. Они коренились во всем блистательном Веке Разума с его титанами борьбы против догмы и авторитаризма». Так разъяснял значение Декларации Аптекер в книге «Американская революция 1763—1783 гг.», выпущенной в США в 1960 году. Почти два столетия, прошедшие с распубликования документа, позволили автору обнажить его глубокие исторические корни.

Джефферсон не имел этого преимущества. Вспоминая в старости об истории Декларации, всего через 49 лет после ее появления, он написал 30 августа 1825 года: «Заимствовал ли я мои идеи из книг или пришел к ним путем размышлений — не знаю. Я знаю только то, что при написании ее не обращался ни к книгам, ни к брошюрам. Я не считал, что в мои обязанности входило изобретать новые идеи, и я не выразил никаких взглядов, которые уже не были известны». Действительно, Декларация независимости, трактовавшая о всеобщем равенстве, не предусматривала политических прав для «кабальных слуг» и бедняков вообще. Негры, конечно, также не входили в человечество, которое собирались просветить великие американские революционеры. А о женщинах и говорить не приходится.

Умнейшая Эбигейл Адамс, супруга Дж. Адамса, сухо написала мужу, имевшему обыкновение советоваться с ней в политических делах: «Не могу сказать, чтобы я считала вас очень великодушными по отношению к женщинам, ибо, провозглашая мир и добрую волю для мужчин, освобождая

все нации, вы настаиваете на сохранении абсолютной власти над женами». Она определенно недопоняла прекрасных намерений супруга и К°, они брали за основу модель античной олигархической республики. Тосковали по ней и стремились воплотить в жизнь те самые волнующие принципы. Как говорил Э. Рандольф, американцы идут не по новой земле, «но по республиканской земле Греции и Рима».

Судья У. Драйтон из Южной Каролины был весьма приметной фигурой среди предводителей восстания. Он слыл и был радикалом. Сразу после подписания Декларации он вывел некую закономерность существования империй. «Рим, — объявил он, — возник из самого скромного начала и стал самым могучим государством под солнцем, мир склонился перед императорскими орлами... ...Америка разорвала узы с Британией... Всевышний избрал нынешнее поколение, чтобы создать Американскую империю. Благодарные, каковыми мы и должны быть, этой самой блистательной миссии, каждый из нас должен напрячь все усилия в выполнении этого важнейшего дела, которым руководит сам Иегова. Ибо при ближайшем рассмотрении очевидно, что замысел этой работы — не дело рук человеческих».

Очень вероятно, что Драйтон был не слишком тверд в истории. Он путал республику и империю Древнего Рима. Не в этом суть, главное — филадельфийские революционеры были свято убеждены, что они приступают к переделке мира по образцу, созданному ими.

Причины появления благороднейшего документа, очевидные в Филадельфии, по-иному выглядели в Европе, отделенной от Америки Атлантическим океаном. Уже по дальности расстояния европейские вольнодумцы не могли четко рассмотреть контуры «отцов-основателей» юной республики. Им представлялось, что там, в благословенной Америке, пекутся о свободе всех, не различая, что дело идет о куда более узком понятии — независимости США. Свобода, как мы видели, готовилась далеко не для всех американцев, ее блага предусматривались только для избранных и богатых. Слова Декларации вольнодумцы были склонны принять за чистое золото. Поразительное смешение понятий, открывшее путь для триумфального шествия оглушающих сентенций Джефферсона по миру.

Джордж Вашингтон был далек от споров, волнений и надежд, связанных с Декларацией независимости. Для него, пребывавшего в исторические дни рождения нации в Нью-Йорке, неминуемое вторжение англичан значило куда больше, чем документ, привезенный курьером к армии 9 июля. Для военных Декларация, конечно, была находкой — все становилось на свои места: тори подлежали аресту, а американец признавался равным любому другому. 10 июля Вашингтон отдал приказ: «Конгресс был вынужден объявить объединенные колонии Северной Америки свободными и не-

зависимыми государствами. Сегодня вывести несколько бригад в шесть вечера и провести парады. Во время их внятно прочитать декларацию конгресса». Сам он остался в штабе и не вышел к войскам, прислушиваясь к громким воплям одобрения воинов. Кажется, кричали достаточно, что и подтвердили вернувшиеся со смотра офицеры.

На следующий день Вашингтон поблагодарил конгресс за проделанную работу и выразил надежду, что Декларация независимости «чрезвычайно интересна... и обеспечит ту свободу и привилегии, в которых нам отказали вопреки голосу Природы и Британской конституции». Позднейшие, особенно иностранные, интерпретации Декларации привели бы в изумление рабовладельца и джентльмена Вашингтона.

Он сообщил конгрессу о куда более неотложных вещах: «Прибывает ополчение из Коннектикута, батальоны неполные. Они говорят, что люди заняты на сенокосе». И еще одно осложнение — солдаты, смешавшись с толпой, в едином патриотическом порыве с уханьем низвергли конную статую Георга III в Нью-Йорке. «Деяние, — огорчился Вашингтон, — походило на бунт и указывает на недостаток порядка в армии». Он выразил мнение, что уничтожение изображений тирана входит в компетенцию гражданских властей.

* * *

Для филадельфийских революционеров, взявшихся переустраивать дела планеты, было бы просто неестественно не считать себя и знатоками военных дел. Вдали от армии философы-оптимисты и языкатые адвокаты рассуждали о стратегии. О них-то и вырвалось у Вашингтона: «...с жаром героев, греющих зады у камина». Они придавали большое значение р-р-революционности войны и посему полагали возможным лишить неприятеля армии методами, которые в XX веке относят к сфере психологической войны.

Прослышав о том, что Георг III направляет в Америку гессенцев, конгресс 14 августа 1776 года принял обращенную к ним прокламацию, в которой красочно описал справедливость дела США, ведших войну лишь потому, что они «отказались обменять свободу на рабство». Конгресс обратился к наемникам: «После того как они нарушат все христианские и моральные принципы, вторгнувшись и попытавшись уничтожить тех, кто не причинил им ни малейшего вреда, избежавших смерти или плена ждет единственная награда — вернуться под деспотизм князя, который вновь продаст их в рабство какому-нибудь другому врагу человечества». Конгресс подкрепил моральные стимулы материальными, призвав гессенцев дезертировать и селиться в США, где они бесплатно обретут благословенные гражданские права и по участку земли в 20 гектаров. Дабы призыв достиг наемников, прокламация конгресса печаталась и на обертке

табачных пачек. К глубокому разочарованию сочинителей обращения, считанные гессенцы вняли ему.

Стратегический план братьев — генерала и адмирала Хоу — был неплох. Они замыслили взять Нью-Йорк, великолепная гавань которого могла принять любой флот. Усилившись за счет лоялистов, англичане затем собирались двинуться на северо-запад вдоль Гудзона навстречу армии генерала Карлтона, выступавшей из Канады. Соединившись где-то в районе Олбани, королевские войска вбили бы клин между Новой Англией — центром восстания, как считал кабинет Норта, и Югом. Это, надеялись братья, а вместе с ними в Лондоне, даст возможность быстро расправиться с мятежниками.

Едва ли Вашингтон, ожидавший англичан в Нью-Йорке, знал в деталях о честолюбивом плане, но он был твердо убежден, что бой захватчикам придется дать в городе, и готовился к схватке. «Нам предстоит кровавое лето», — писал он.

Хотя некоторые в лагере восставших предлагали сжечь Нью-Йорк (оплот лоялистов!) и заблаговременно отступить в глубь страны, конгресс и Вашингтон решили защищать выдвинутые вперед позиции. Тогдашний Нью-Йорк занимал часть острова Манхэттен, который омывают Гудзон, Гарлем и Ист-Ривер. Вашингтон полагал, что прикрыть Манхэттен лучше всего, обороняя Лонг-Айленд, на котором приказал укрепить и занять высоты Бруклин. Желание быть сильными во всех пунктах привело к разделению армии на две части — одна осталась в Нью-Йорке, другая ушла на Лонг-Айленд.

На бумаге было 28,5 тысячи человек, в действительности пригодными к бою не более 19 тысяч. В подавляющей части войска не были обстреляны, с трудом подчинялись дисциплине. Чтобы часовые не засыпали, Вашингтон, отчаявшись в других методах воздействия, приказал убрать с постов все, на чем можно было присесть. Воины, призванные защищать крупный город — в Нью-Йорке насчитывалось до 30 тысяч жителей, — не всегда были стойки перед соблазнами. У недавних фермеров глаза разбегались — винные лавки и бич армии — толпы проституток, намертво взявшие войско в кольцо. Ко всему прочему в городе кишели лоялисты, в тавернах открыто пили за здоровье короля.

Вашингтон тщетно пытался пробудить солдат к осознанию опасности, нависшей над горячо любимой родиной. Нещадно драли пьяниц и любителей общества беспутных женщин. Обнаружились дела и посерьезней — королевский губернатор колонии Нью-Йорк руководил заговором, целью которого было покушение на жизнь Вашингтона. Душегубы послали ему отравленные сливы, которые по чистой случайности генерал не съел. Смертоносное действие ядовитых плодов проверили на цыплятах — птицы тут же сдохли. По-

говаривали, что в момент высадки англичан предатели откроют огонь из пушек по своим. То, что армия имела артиллерию, вне всяких сомнений, доказывало существование зловещих планов. Вашингтон распорядился арестовать и препроводить в отдаленное место мэра города, закоренелого лоялиста Мэтьюза, с сообщниками.

Он приказал предать суду военного трибунала сержанта личной охраны Хики и других, которым вменялось в обязанность убить генерала. «Других» так и не судили, а Хики в конце июня при большом стечении народа повесили. Вашингтон в приказе по армии в связи с «заговором Хики» благоразумно отвлек внимание от политических аспектов дела, указав: «Самый надежный путь» — не соблазниться на предательство, «избегать беспутных женщин, которые, по предсмертному признанию несчастного преступника, и толкнули его на путь, закончившийся преждевременной и бесславной смертью».

С конца июня англичане стали высаживаться на остров Статен у входа в гавань Нью-Йорка. Там не было американских войск, и Вашингтон в бессильной ярости получил сообщение о том, что местные жители охотно снабжают врага продовольствием, а некоторые даже вызвались служить в войсках короля. Он сокрушался, что дьявольское золото захватчиков подрывает рвение соотечественников в защите страны. Враг готовился, а солдаты континентальной армии, у которых истек срок службы, расходились по домам. Вашингтон бомбардировал Филадельфию просьбами помочь создать постоянную армию. Конгресс наконец внял голосу рассудка, учредив среди своих бесчисленных комитетов военное управление под председательством Дж. Адамса и предложил премию в 10 долларов согласному подписать контракт на трехлетнюю службу в армии.

Англичане, готовя самую крупную десантную операцию XVIII столетия — у Хоу было 32 тысячи солдат, из них 9 тысяч гессенцев, — попытались по приказу министерства вести политику кнута и пряника. 15 июля к Вашингтону явился под белым флагом парламентер. После длительных препирательств главнокомандующий выслушал посланца, но так и не взял адресованного ему письма, ибо на нем значилось: «Эсквайру Джорджу Вашингтону и т. д. и т. п.», настаивая, что подобающий ему титул — «Его светлость, генерал». Выяснилось, что полномочия Хоу на ведение переговоров ограничивались обещанием прощения. На что Вашингтон резонно возразил: «Мы не совершили никаких проступков, требующих прощения, и мы всего лишь защищаем то, что считаем нашим неотъемлемым правом». На том и расстались.

Напряжение в Нью-Йорке нарастало — англичане прощупывали прочность обороны. Как-то несколько вражеских кораблей, воспользовавшись свежим ветром, вошли в Гудзон

и приблизились к городу. Вашингтон был убежден, что путь по реке англичанам прегражден — на берегу заблаговременно выставили батареи. Но стоило показаться парусам английских кораблей, возмущенно писал он, как артиллеристы, вместо того чтобы броситься к орудиям, высыпали к воде «глазеть на корабли... Праздное любопытство в такие минуты делает людей низкими и презренными». Англичане обстреляли город, где вспыхнули пожары. Жители разбегались. «Крики и вопли бедняг, метавшихся с детьми, были прискорбны, они произвели нежелательное воздействие на уши и умы наших молодых и неопытных солдат», — заключил полководец. Надежды на то, что английский флот не сможет бесчинствовать в зоне огня американских батарей, рухнули, беспорядочная пальба с берега не нанесла англичанам видимого ущерба. Что и отметил Вашингтон, наблюдавший за перестрелкой в подзорную трубу.

Новые приказы по континентальной армии — поднять боеготовность и бдить, а на острове Статен росла уверенность в победе. Английский офицер, отпрыск аристократического семейства, пишет приятелю: «Скромные нимфы сего острова в сладостном волнении, ибо на свежем мясе, которое мы получаем здесь, войска стали похотливы, как сатиры. Ни одна девушка не может нагнуться в кустах за розой, чтобы не подвергнуться немедленной опасности, а они столь мало привыкли к энергичным методам, что не относятся к ним с должным смирением, и потому каждый день у нас самые забавные разбирательства. Женщина пришла с жалобой не на то, что ею овладели семеро — «Слава богу, это пустяки», — но они отняли у нее любимый молитвенник. Вчера девушка пожаловалась лорду Перси, что ее обесчестили гренадеры. Лорд спросил ее, откуда она знает, что действовали гренадеры, ведь было темно. «Бог мой, — воскликнула она, — никто другой не мог этого сделать, и, если ваша светлость обследует меня, вы убедитесь, что дело обстоит именно так!» Все английские войска, высаженные на остров, здоровы и преисполнены решимости... Первые же янки-псалмопевцы, которые встанут на пути их сабель, окажутся в весьма затруднительном положении. Если моей бабушке нужны украшения для домашней церкви, я думаю, ей можно поставить по дешевке отборные головы... Недавно прибыли гессенцы, рвущиеся схватиться с бунтовщиками, которых они презирают... Скоро мы вступим в дело, и последствия для мятежников будут фатальными».

Наконец свершилось — 22 августа ликующие войска Хоу высадились на Лонг-Айленде, на берег сошло 20 тысяч человек. Разведав местность и расположение американцев — их на острове было 5 тысяч, Хоу составил план сражения. Он установил, что левый фланг противника не только не защищен, но и не охраняется. В ночь на 26 августа он двинул главные силы в обход. Проводники-тори охотно повели

врагов в тыл соотечественникам. Оставшиеся войска, в центре которых были гессенцы, должны были атаковать американцев с фронта по условному сигналу — два пушечных выстрела, означающие, что охват завершен.

В девять утра Вашингтон услышал пушечный выстрел слева и с тыла, за ним другой. Там не должно было быть орудий! Но тут же его внимание привлек центр позиции — с пением гимнов зеленые и синие ряды усатых гессенцев пришли в движение и с точностью автоматов двинулись на американцев. В считанные минуты все смешалось — удар с фронта, натиск густых колонн англичан с тыла. Враг везде. Американцы побежали, только отдельные части с отчаянной решимостью и руганью дрались. Многие растерявшиеся поднимали руки, в горе тем, кого хватали гессенцы, — они тут же вешали пленных, избивали всех бросивших оружие.

В дикой панике, охватившей войска, Вашингтон ничего не мог поделать и поторопился на Бруклинские высоты — укрепленную позицию в тылу, откуда прекрасно был виден разгром армии. В эти критические часы он, несомненно, был убежден, что все потеряно, — на высоты сбегались солдаты, вырвавшиеся из пекла у их подножия, окровавленные, а главное, перепуганные до полусмерти.

А внизу страшное зрелище — наголову разгромив американцев, бесчисленные английские полки (Вашингтону еще не приходилось видеть столько войск сразу) строились для штурма Бруклинских высот. Офицеры равняли ряды, отдавали команды, и вот, взяв ружья на плечо, они двинулись вперед, но, пройдя несколько шагов, сделали поворот кругом и пошли обратно. Чудо! Отказ от взятия Бруклинских высот военные историки единодушно считают величайшей ошибкой Хоу, он упустил верный шанс наголову разбить армию Вашингтона. Несомненно, перед мысленным взором Хоу стоял Банкер-Хилл, менее вероятно допущение иных историков — английский генерал втайне сочувствовал делу восставших.

Англичане решили взять Бруклинские высоты по всем правилам — заложили параллельную траншею, за ней отрыли бы другую, третью, подтащили бы пушки и так далее. Потрясенный Вашингтон не стал ждать неминуемой развязки — приближения вражеских укреплений и последнего страшного натиска. В дождливую и туманную ночь 29 августа он скрытно перевез армию через реку почти в полтора километра шириной на остров Манхэттен. Маневр был выполнен с величайшей хитростью — отходившие войска грузились в лодки в твердой уверенности, что их сменяют свежие части. Таковых и в помине не было.

Американцы проиграли сражение, потеряв около 1500 человек, из них более тысячи пленных. Хоу недосчитался около 400 человек. Но Вашингтон спас армию. В Нью-Йорке он упал в обморок. Оправившись, отправил конгрессу донесение

о битве, объяснив задержку сообщения тем, что «до сих пор я не был в состоянии ни диктовать, ни писать», ибо с момента высадки англичан до отхода в Нью-Йорк шесть суток «я почти не слезал с коня и ни на миг не смежил век».

Хотя Вашингтон попытался приуменьшить значение случившегося, распорядившись опубликовать фантастические данные об английских потерях, он знал, что положение из рук вон плохо. «С величайшей тревогой, — пишет он конгрессу, — я вынужден признаться, что не верю в боеспособность войск... До недавнего времени я не сомневался, что смогу защищать это место, но теперь отчаялся». Главнокомандующий никак не мог смириться с мыслью, что солдаты не повинуются приказам, а при опасности бегут без оглядки на офицеров.

Он еще не понял, что величайшая мобильность армии (в том числе, мягко говоря, при отходе) была преимуществом перед англичанами. В любом случае они не были в состоянии оккупировать обширные пространства, а уничтожить боевую силу американцев не представлялось возможным — уж очень они были легки на ногу. Ополчение доставляло одни огорчения — после отступления с Лонг-Айленда, сообщал Вашингтон конгрессу, ополченцы дезертировали «иногда почти целыми полками», из восьмитысячного коннектикутского ополчения за неделю осталось едва две тысячи, и «их пример заражает другие части армии».

Филадельфийские философы носились с концепцией солдата-гражданина, Вашингтон и офицеры вокруг него знали лучше цену как ораторам, так и своей армии. Генерал-адъютант главнокомандующего Дж. Рид в эти дни с величайшим отвращением писал жене: «Когда я оглядываюсь и вижу, что из множества столь высокопарно разглагольствовавших о смерти и чести таковых здесь так мало... я поражаюсь до глубины души. Иные джентльмены из Филадельфии, наносящие сюда визиты, при первом же орудийном выстреле разбегаются в страшной панике. Ваши шумные сыны свободы на поле боя тише воды, ниже травы...» Английский путешественник Н. Кресвелл, видевший американскую армию, записал в дневнике: «Здесь стоят янки, поистине создание дьявола. Человеку, чьи органы обоняния отличаются от свиньи, нельзя провести и дня в их зловонном лагере. Их армия многочисленна, но оборванна, грязна, масса больных и скверная дисциплина».

Перед лицом превосходящего врага Вашингтон согласился с теми, кто давно предлагал сжечь Нью-Йорк и тем самым лишить англичан базы. Две трети имущества в городе принадлежало заклятым лоялистам. 8 сентября Вашингтон обратился к конгрессу с предложением оставить город. «Наш опыт, — писал он, — советы наших способных друзей в Европе и даже Декларация конгресса указывают, что нам следует вести оборонительную войну». Зная теперь боевые каче-

ства своей армии, он разъяснил конгрессу, что в этой войне нельзя вступать в решительное сражение с врагом, больше того, даже ожидать англичан в укреплениях, ибо во вверенных войсках, «признаюсь, я не обнаружил готовности защищать их любой ценой». Ему приказали удерживать Нью-Йорк.

Остров Манхэттен тянется примерно на двадцать километров с севера на юг, имея в ширину около трех километров. Южную часть острова на два с небольшим километра занимал Нью-Йорк, затем километров десять тянулись поля фермеров, а на северной оконечности Манхэттена — скалистые высоты Гарлем. Даже дилетанту было ясно, что держать всю армию в городе значило подвергнуть ее смертельной опасности — при господстве англичан на море они могли высадиться в любом месте и отрезать американцев от единственного пути отхода — моста в северной части острова.

Вашингтон отвел главные силы (9 тысяч человек) на сравнительно безопасные высоты Гарлем, 5 тысяч осталось в городе и еще 5 тысяч охраняло побережье.

С утра 15 сентября в штабе Вашингтона в Гарлеме услышали рев канонады; английские корабли обстреливали остров со стороны Гудзона, то есть с запада. Вашингтон уже успел изучить повадки братьев Хоу и поэтому поторопился на восточную часть острова. Там, в заливе Кипс-Бей, на полпути между Нью-Йорком и Гарлемом, высаживался десант. 450 зеленых ополченцев, разинув рты, наблюдали за невиданным зрелищем — к берегу шли 84 шестнадцативесельных баркаса. Красные мундиры англичан, синие и зеленые мундиры гессенцев издалека выглядели как клеверное поле в цвету. Очарование длилось недолго, с кораблей ударили пушки, расчищая дорогу десанту. Стоило первым ядрам засвистеть над головами, как ополченцы резво побежали. Столбом взвилась пыль на дороге от сотен ног.

В пыльном облаке чертом вертелся Вашингтон, поднимая коня на дыбы, пытаясь остановить бегство. Куда там! Ополченцы мчались без оглядки. Едва улеглась пыль, как Вашингтон вздохнул с облегчением — к нему поспешали беглым шагом две бригады. Генерал наскоро указал позицию, в горячке он вылетел вперед, размашистыми жестами показывая, кому стать за стенами, разделявшими поля, кому залечь в кукурузе. Тут появился вражеский отряд не более 60—70 человек. Вашингтон оглянулся на своих молодцов и увидел их спины. Без единого выстрела бригады бежали по той же дороге, по которой только что промчались ополченцы. Они бросили орудия, мушкеты, ранцы, подсумки.

Вашингтон сорвал с себя шляпу, швырнул ее на землю и завопил: «И с этими я должен защищать Америку! Великий боже, что за армия!» Простоволосый генерал с трудом догнал на коне бегущую толпу и, врезавшись в нее, свиде-

тельствует очевидец, «выхватил седельные пистолеты, направил их на солдат, нажал курки. Пистолеты не выстрелили. Говорят, что он обнажил шпагу, грозя рубить бегущих. Он бил их плетью по плечам в бешеной злобе за трусость. Он лупил не только солдат, но и офицеров, стегал полковников, избил бригадного генерала».

Ничего не помогало. Обессиленный Вашингтон остался один на дороге. Гессенцы были шагах в восьмидесяти, когда расторопный адъютант сообразил, что генерал, потеряв в отчаянии голову, ищет смерти, схватил лошадь Вашингтона за уздечку, и они ускакали.

Обезумев от стыда, Вашингтон прискакал в свой штаб в Гарлеме. До глубокой ночи он молча стоял в дверях дома, вглядываясь в лица все новых беглецов, появлявшихся в лагере. Когда стемнело, генерал немного успокоился — кажется, весь нью-йоркский гарнизон прибежал в Гарлем. Достопамятный пробег — двадцать километров за день. Казалось, они спаслись чудом. Легенда, составленная в патриотическом духе, гласит, что англичане не успели перерезать отход из города, так как некая прекрасная дама Мэррей заззала Хоу в свой элегантный дом и там на несколько часов генерал забыл о войне. Другая легенда относит случившееся за счет симпатии Хоу к делу американской свободы. Каковы бы ни были истинные причины, Хоу, конечно, упустил врага, его четырнадцатитысячный десант потратил целый день, чтобы покрыть три километра до западного берега острова.

Англичане торжественно вступили в Нью-Йорк, а на Гарлемских высотах Вашингтон горестно подсчитывал издержки — потеряно больше половины артиллерии, обозы. «Все это можно было бы легко спасти, если бы войска оказали хоть слабое сопротивление врагу», — с гневом писал он.

На следующий день — новая схватка. Небольшой английский отряд подошел к высотам. Завидя американцев, горнист поднес горн к губам, и в чистом утреннем воздухе раздался до боли знакомый Вашингтону сигнал: «Трави лисицу!» Крайняя степень позора, намек для страстного любителя охоты на лис Вашингтона был понятен. Он повелел покарать наглецов, выслав против них превосходящие силы. Не доверяя солдатам, Вашингтон погнал возглавить отряд лучших генералов. Стычка окончилась победой — англичане ретировались. Моральный дух войска поднялся.

Вашингтону было суждено провести около месяца в укрепленном лагере на высотах Гарлем. Впереди была зима, и он предавался тягостным раздумьям — армия разбегалась. Дезертировали сотнями. Ежедневно в штабе толпились заплаканные женщины, мрачные мужчины — все жаловались на повальные грабежи.

Он пишет конгрессу: «В нашей армии развились такие настроения, что ни общественная, ни частная собственность

не находятся в безопасности. Каждый час приходят жалобы на наших солдат, которые стали несравненно опаснее беднягам фермерам и обывателям, чем общий враг. Выпрягают и крадут лошадей от военных фур, разворовывают вещи офицеров и медицинские припасы, даже генералы не защищены от грабежа. Если не будут немедленно приняты свирепые и показательные наказания, армия развалится». Конгресс ввел смертную казнь за серьезные воинские преступления. Вашингтон, признавая необходимость вешать, все же считал, что решение вопроса не в этом.

Снова и снова он разъясняет конгрессу, что спасение в создании постоянной армии, солдат следует вербовать не на три года, а на всю войну. 24 сентября с Гарлема он пишет пространное письмо президенту конгресса Хэнкоку, в который раз излагая свои взгляды на строительство армии. Прежде всего повысить жалованье офицерам. («Почему, например, капитан континентальной армии получает 5 шиллингов в день за исполнение таких же функций, как капитан в английской армии, получающий 10 шиллингов? Этого я никак не могу понять».) Офицерам нужно платить столько, чтобы они могли «жить джентльменами». Рядовым, вступающим в армию, следует немедленно выдавать денежную ссуду, бесплатную форму и постельные принадлежности, закреплять «по крайней мере» 40—60 гектаров земли. Если не положить конец такой ситуации, когда «относятся к офицеру как к равному... не может быть ни порядка, ни дисциплины, офицер никогда не будет пользоваться тем уважением, которое жизненно необходимо для субординации».

Имея в виду безответственную болтовню в Филадельфии насчет высоких моральных качеств солдата-гражданина, Вашингтон писал: «Полагаться в какой-то степени на ополчение, конечно, смешно. Люди, оторванные от сладостей личной жизни, непривычные к звону оружия, совершенно незнакомые с военным делом, не уверенные в себе при встрече с подготовленными и дисциплинированными войсками, искусными в военном деле, робеют и готовы бежать от собственной тени».

Жестокие слова, глубоко ранившие политических мыслителей. Они полагали, что добродетельный пахарь, бросающий плуг и хватающий оружие, чтобы отразить наемников тирана, существует на самом деле. Жизнеспособность и реальность благородной концепции никогда не вызывали и тени сомнений у просвещенных, возвышенно мысливших юристов, рабовладельцев, торговцев и прочих заседавших в конгрессе. Теперь им приходилось признать, что, по крайней мере, в руках Вашингтона она определенно не действовала. Он требовал армию не из одухотворенных борцов за свободу, а из скованных железной дисциплиной солдат-профессионалов.

Главнокомандующий, конечно, не понимал положения конгресса, который не мог выполнить его пожелания. Члены

конгресса представляли штаты, только-только обретшие автономию, а Вашингтон стоял за армию, совершенно не подчиненную тринадцати правительствам. На ум невольно приходили привычные сравнения с Древним Римом — разве диктаторы не начинали с того, что отнимали у республики ее вооруженную мощь, подчинив армию только себе? Не положит ли континентальная армия начало континентальному, тираническому правительству?

Каковы бы ни были опасения депутатов конгресса, выполнение настояний Вашингтона не терпело промедления. Конгресс вотировал создание армии из 88 полков и содержание ее на протяжении всей войны. Но штаты должны были не только формировать и снабжать их, но и назначать офицеров. Подбор офицерского корпуса зависел не от главнокомандующего, а от политиков в столицах штатов. По опыту минувшего года он знал, что солдаты не будут вступать в армию, пока не выяснят, кто именно будет ими командовать. Из штатов явятся, конечно, офицеры ополчения, а с ними, настаивал Вашингтон, «ни один человек, дорожащий своей репутацией, не может отвечать за последствия».

А война продолжалась...

* * *

В ночь на 20 сентября Вашингтона разбудили. Он выскочил на улицу, над Нью-Йорком стояло зарево — город горел! Он пробормотал: «Провидение или какой-нибудь добрый человек сделал для нас больше, чем мы были готовы сделать сами». Огонь уничтожил около пятисот домов, примерно четвертую часть города. Англичане и лоялисты не сомневались, что пожар — дело рук врага. Нескольких несчастных, объявленных «поджигателями», повесили за ноги или бросили живыми в огонь.

В эти дни офицер континентальной армии двадцатичетырехлетний Натаниэль Хейл, посланный собрать сведения об англичанах, попал в их руки. Хоу, разъяренный пожаром, наскоро допросил молодого человека и велел повесить его, что и было сделано в Нью-Йорке 22 сентября. С петлей на шее Хэйл провозгласил: «Я сожалею лишь о том, что я могу отдать за родину только одну жизнь».

Успешное овладение Нью-Йорком было только частью английского плана, другая часть — двинуться из Канады на соединение с армией Хоу — не была выполнена. Английский генерал Карлтон, правда, сумел побить противостоящие ему войска под командованием Бенедикта Арнольда, но понес большие потери и не рискнул наступать на Тикондерогу, а в начале октября отошел на зимние квартиры в Монреаль. Арнольда можно было с достаточными основаниями считать полководцем (разумеется, по масштабам

схватки), предотвратившим катастрофу. Вашингтон, во всяком случае, не мог им нахвалиться.

Промешкав с месяц в Нью-Йорке, Хоу в середине октября возобновил наступление, высадив в тылу Вашингтона крупные силы в Пеллз-Пойнт. Американцы справедливо заподозрили, что их хотят поймать в ловушку в Гарлеме. Вашингтон пошел прямо на англичан, и 28 октября армии встретились: американцы заняли более или менее укрепленную позицию у Уайт-Плейнс, англичане провели очень вялую атаку и успокоились. Затем Хоу по причинам, так и не выясненным (позднее он загадочно бросил в парламенте: «По политическим соображениям»), отказался развить стычку в сражение, в котором с учетом соотношения сил американская армия была бы неизбежно уничтожена. Вашингтон не стал искушать судьбу и поспешно отошел, Тут же совершенно непонятно отступил Хоу. Он определенно готовил новый удар, но где?

Разномыслие в штабе Вашингтона разделило американскую армию на четыре части, с тем чтобы парировать все возможные маневры врага. Гудзон заперли наспех сооруженные укрепления — форты Вашингтон и Ли, стоявшие один против другого. Там сел с пятитысячным гарнизоном генерал Н. Грин, еще три тысячи солдат стали километров на пятьдесят выше по течению. Полкам из Новой Англии под командованием Ч. Ли Вашингтон приказал отойти на восток и прикрыть эту часть страны. Семитысячный отряд Ли сосредоточился в районе Норс-Касл. Сам Вашингтон с двумя тысячами перешел на восточный берег Гудзона, решив остаться в Нью-Джерси — он полагал, что на пути к Филадельфии Хоу может заглянуть сюда.

Разделение армии на четыре части — предмет споров среди американских историков, далеко не все признали это разумным. Вашингтон, вероятно, не видел в рассредоточении войск большой беды, он полагался на большую подвижность американцев по сравнению с врагом. Кроме того, он наверняка верил, что сам в Нью-Джерси, а Ли в Новой Англии быстро сумеют набрать еще солдат. Последнее не оправдалось, хотя Вашингтон, преодолев отвращение, кликнул ополчение. Ополченцы штата Нью-Йорк ответили, что генерал Хоу обещал им «мир, свободу и безопасность, большего им не нужно».

Против всех ожиданий англичане пока не пошли далеко, а обрушились на цель под рукой — форт Вашингтон на западном берегу Гудзона. В скверно построенном укреплении было около трех тысяч американцев. 16 ноября против них двинулось тринадцать тысяч англичан и гессенцев.

Вашингтон поспел к решающему часу. Он прискакал в форт Ли с генералами Грином и Путманом и переправился в лодке на западный берег Гудзона. Впереди, очень близко, — гром орудий, мушкетная пальба. «Мы все остановились, по-

пав в весьма неловкое положение, — писал позднее Грин, — поскольку все распоряжения были отданы, а враг надвигался, мы не осмеливались вмешиваться, больше того, мы не видели, чтобы что-нибудь было упущено. Мы все умоляли Его светлость уйти. Я вызвался остаться. То же самое предлагали генерал Путман и генерал Мерсер, однако Его светлость решили, что самое лучшее уйти нам всем, что мы и сделали за полчаса до того, как неприятель окружил форт».

Генералы вернулись к форту Ли. Вашингтон с высокого правого берега реки наблюдал за развязкой, которая не заставила себя ждать. Англичане пригрозили в случае продолжения сопротивления перебить гарнизон. Свирепые физиономии гессенцев подтвердили серьезность намерений врага. Потеряв 59 человек убитыми, 2634 защитника форта сложили оружие. Неприятель забрал 146 орудий, различные запасы. То было тяжкое и унизительное поражение. Задним числом Вашингтон доказывал, что Грин не понял его приказа эвакуировать форт. Однако он не сделал Грина козлом отпущения, а, напротив, еще более приблизил к себе.

Воодушевленный победой Хоу больше не медлил, в ночь на 19 ноября шеститысячный отряд генерала Корнваллиса форсировал Гудзон и пошел на форт Ли. Вашингтон приказал ретироваться. Было брошено все, успели вывезти только две двенадцатифунтовые пушки. Английский офицер описывал увиденное в оставленном укреплении: «На кострах еще кипели котлы, были накрыты столы для офицеров. В форту нашли всего двенадцать человек, все мертвецки пьяные. Обнаружено 40—50 заряженных орудий, включая две большие морские мортиры, громадные запасы боеприпасов, продовольствия, палатки не были сняты». Победители упивались успехом, другой английский офицер записывал: «Бунтовщики бежали как зайцы... Они оставили скверную ветчину и немало грязных прокламаций, среди них обращения того мерзавца автора «Здравого смысла», которые мы теперь можем читать на досуге, взяв один из «неприступных редутов» господина Вашингтона».

Под проливным дождем, превратившим дороги в грязное месиво, Вашингтон отступал через штат Нью-Джерси. По пятам шел Корнваллис.

1 декабря Корнваллис приблизился к армии Вашингтона на 15 километров. И надо же было так случиться, что в этот день истекал срок службы многих солдат. Несмотря на уговоры Вашингтона, служивые разошлись по домам. Попытки собрать ополчение в Нью-Джерси не увенчались успехом, да и спрашивать не с кого — конвент штата разбежался.

А Ли, промедлив почти месяц, только 2 декабря тронулся с места и неторопливо пошел в Пенсильванию. Он подчинял себе части, дислоцировавшиеся по соседству, и вообще вел себя как грядущий спаситель США. Вашингтон приписал это избытку патриотического рвения, на деле Ли вступил в

оживленную переписку с генералами и членами конгресса, недвусмысленно намекая, что только он способен отстоять страну в грозный час.

13 декабря Ли с армией был в двухдневном переходе от Вашингтона. Он любил ночевать в незнакомых домах и с незнакомыми женщинами, на этот раз избрав для ночлега уютную гостиницу, содержавшуюся разбитной вдовой. Несколько километров, отделявших гостиницу от бивака его войск, придали ей особую прелесть в глазах Ли.

Утром, плотно позавтракав, генерал принялся за привычное дело — поливать грязью Вашингтона. Он написал письмо генералу Г. Гейтсу, где изложил свои взгляды на высшую стратегию и поносил на все лады главнокомандующего, который-де, «между нами говоря, ни к черту не годится». Генерал собирался подписать письмо, как раздался испуганный возглас адъютанта: «Сэр, английская кавалерия!» К дому карьером летели драгуны, небольшой разъезд. Они окружили гостиницу, пригрозив, что если генерал не выйдет, то дом подожгут. Ли отвергнул великодушное предложение хозяйки спрятаться в постели, мужественно вышел к врагам как был — в шлепанцах, халате и без шляпы. Драгуны схватили его, сунули в седло и повлекли в плен. Получив известие о захвате Ли, Вашингтон схватился за голову: позор, а он одно время был готов уступить место рукастому и горластому полководцу!

В день, когда драгуны уволокли Ли, в лагерь Вашингтона примчался гонец из Филадельфии — насмерть перепуганный конгресс оповещал, что переезжает в Балтимору. Отцы американской независимости не озаботились призвать к стойкой защите столицы, где звучали их соблазнительные речи насчет свободы, а пеклись о личной безопасности. В горячке сборов они наскоро приняли резолюцию — воззвали к офицерам действующей армии добиваться морального совершенства, высказались против излишнего сквернословия на военной службе, а также постановили: «Пока конгресс не решит иначе, генерал Вашингтон располагает всей полнотой власти... для ведения войны».

Обстоятельства Вашингтона сравнивали с положением Цезаря и Ганнибала. Раздались крики: «Диктатор!» Сбежавшие конгрессмены не на того напали. Вирджинец чувствовал себя отнюдь не диктатором, а генералом, брошенным вдохновителями революции с голодными и раздетыми солдатами на произвол судьбы. А будущее могло действительно оказаться мрачным — Хоу развлекался как мог, грозя пленному Ли петлей. Главнокомандующий учтиво поблагодарил конгресс за высокое доверие, разъяснив представителю «революционеров», сбежавших в Балтимору, банкиру Моррису (он один остался в Филадельфии): «Отнюдь не считая себя освобожденным от всех обязательств перед гражданскими властями этим знаком их доверия, напротив, я постоянно памятую, что

поскольку меч — последнее средство обеспечения наших свобод, его надлежит сложить первым, как только эти свободы будут твердо установлены».

«Диктатор» смиренно просил богача Морриса дать бумажных денег для уплаты обещанных премий служивым и особенно «звонкой монеты для расплаты с определенными людьми» — тайные агенты, конечно, не желали рисковать своей шкурой ради сомнительного доллара, выпущенного правительством, ударившимся в бега. Моррис, чем и заслужил вечное расположение Вашингтона, без промедления прислал пятьдесят тысяч долларов и два мешочка с серебряными и золотыми монетами. Мало вязалось с представлением о «диктаторе» и послание Вашингтона комитету безопасности Пенсильвании: «От всего сердца благодарю за собранные вами старые вещи для армии, они очень нужны и будут розданы самым нуждающимся».

Бегство конгресса развязало руки Вашингтону-полководцу. Впервые с начала войны за независимость он освободился от назойливых советов десятков стратегов-тыловиков. 14 декабря он принял решение контратаковать, приближалось 1 января, когда вся армия практически растает. «Пытаться остановить уход полков по истечении срока их службы, — говорил он, — равносильно попытке остановить ветры или движение солнца». Если немедленно не одержать внушительной победы, тогда никакой силой не заманить новых солдат под знамена свободы. А без вооруженной силы дело революции погибнет.

В середине декабря у Вашингтона под ружьем было около семи тысяч человек. Большинство этих воинов революции считали дни, оставшиеся до 1 января. Их бедствия было почти невозможно преувеличить, однако англичане оказались способны на это. Хоу стал на зимние квартиры, заняв населенные пункты на восточном берегу Делавэра относительно сильными гарнизонами. 21 декабря командир почти полуторатысячного отряда гессенцев в деревне Трентон полковник Ралл получил разъяснение штаба: американская армия, «по существу, нага, умирает с голоду, солдаты не имеют одеял и очень плохо питаются». Прочитав успокоительное сообщение, полковник стал готовиться достойно встретить рождество, а Вашингтон — к атаке Трентона в рождественскую ночь.

Т. Пейн, деливший трудности похода с солдатами, в эти дни написал первый памфлет, открывший серию статей «Американский кризис». 23 декабря Вашингтон, прочитав творение Пейна, велел огласить зажигательные слова перед строем оборванных воинов: «В эти времена души людей проходят испытание. Летние солдаты и патриоты, нежащиеся под солнцем, в этот кризис бросят службу стране, но оставшийся заслужит любовь и благодарность всех. Тиранию, как ад, победить нелегко, но у нас есть утешение — чем тяжелее война, тем величественнее триумф. Что достается дешево, то и

не ценится, ценность всему придает только дороговизна. Небо знает, какую цену назначать на свои товары, и было бы поистине странно, если бы такой предмет небесного происхождения, как Свобода, не был бы дорог...»

Набрасывая в бликах костра пламенные строки на барабане вместо стола, Пейн сумел доходчиво объяснить солдатам цену свободы. Армия воспрянула духом и в ночь на 26 декабря вслед за Вашингтоном приступила к форсированию Делавэра. Солдаты, по уши укутавшись в тряпье, отталкивали веслами и баграми льдины. Переправа орудий обессилила людей. Из трех отрядов, на которые разделил армию Вашингтон, чтобы полностью окружить Трентон, только находившиеся под его командованием 2400 человек с 18 орудиями смогли перебраться через зимнюю реку. К четырем утра полки Вашингтона собрались на противоположном берегу.

Он понимал, что идет на отчаянный риск. Впереди буквально победа или смерть. Объезжая колонну призраков, ковылявших по дороге к Трентону, Вашингтон негромко заклинал: «Солдаты, держитесь офицеров, ради всего святого, держитесь офицеров!» Пошел ледяной дождь, смешанный со снегом, на полпути к деревне сделали привал — весь путь свыше 12 километров. Двоих, присевших на снег, так и не разбудили. Колонна разделилась — одна дивизия пошла в обход Трентона. Ее командир генерал Салливан доложил, что порох подмок. «Передайте генералу Салливану — действовать штыками», — утешил Вашингтон. К восьми утра вышли к Трентону, пройденный путь можно было легко различить — кровавые следы. Многие шли в развалившихся башмаках и изранили ноги.

Как и ожидал Вашингтон, гессенцы не могли и помыслить, что на них нападут в такую погоду. Они отдыхали от славной рождественской попойки. Когда американцы, сбив охранение, ворвались в Трентон, три гессенских полка попытались построиться в боевой порядок. Тщетно! Молодой Александр Гамильтон успел выкатить орудия к началу двух длинных улиц Трентона, и картечь вымела гессенцев. Ралл был убит. Падение с лошади командира положило конец сопротивлению. Гессенцы сложили оружие. Бой продолжался едва полчаса.

Наступил мутный зимний день — американцы наскоро пересчитали пленных — 918 человек! Около 400 гессенцев, однако, ускользнули. Враг потерял 40 человек убитыми, у американцев четверо убитых. Четверо раненых, среди них — юный лейтенант Д. Монро, будущий президент США. Офицеры, перекрикивая друг друга, требовали преследовать врага. Вашингтон приказал, не теряя ни минуты, отступить за реку. Голодные солдаты смертельно устали. Хотя офицеры выполнили распоряжение главнокомандующего — сразу по взятии Трентона разбить винный склад гессенцев и вылить

ром на землю, по улицам уже слонялись пьяные воины. Американцы, захватив пленных, ушли за Делавэр.

Случившемуся в Трентоне Хоу сначала не поверил: «Невероятно, чтобы три старых полка народа, для которого война профессия, сложили оружие перед оборванным и недисциплинированным ополчением!» Разобравшись, он приказал генералу Корнваллису с 7 тысячами человек поспешить к Трентону и проучить наглецов, а тем временем 29 декабря Вашингтон перешел Делавэр и снова занял Трептон.

Он стремился выиграть состязание со временем — через двое суток армия разойдется. По крайней мере, река затруднит уход. На месте недавней победы генерал выстроил полки и обратился к ним с речью, умоляя послужить еще шесть недель. Он обещал каждому оставшемуся по 10 долларов в твердой валюте, а также воззвал: «Вы окажете такую услугу делу свободы и вашей стране, которой, вероятно, больше не представится. Нынешний кризис решит нашу судьбу». Около полутора тысяч солдат вышли из рядов и вняли просьбе главнокомандующего. Серьезность его намерений сомнений не вызывала — он обещал в обеспечение денежного вознаграждения пустить все свое имущество, включая Маунт-Вернон. Вашингтон отлично усвоил неотразимую в американских условиях логику убеждения Томаса Пейна.

К исходу 2 января 1777 года Корнваллис с 5,5 тысячами вышел к Трентону. Вашингтон оказался в чрезвычайно опасном положении — его армия была прижата к реке. Офицеры штаба английского генерала убеждали его атаковать не мешкая. Он сослался на усталость войск, пообещав поутру «сунуть в мешок старого лиса», который, однако, думал по-иному.

В ночь на 3 января Вашингтон решил нанести удар.

Примерно 400 солдатам было приказано поддерживать огонь в кострах и шумно долбить мерзлую землю, остальная армия — до 6 тысяч человек — тихо снялась с места и по проселочной дороге двинулась в тыл Корнваллиса к Принстону, где был его резерв 1200 человек. Снова, как и неделю назад, шли, оставляя кровь на снегу. На привалах засыпали шеренгами, офицеры с трудом расталкивали солдат и звали вперед. Продвигались почти бесшумно, колеса орудий, копыта лошадей обмотали тряпками. За ночь покрыли 20 километров и утром столкнулись у Принстона с английскими войсками, направлявшимися к Трентону.

Свежие английские солдаты опрокинули было передовую американскую бригаду, возникла опасность паники. Американцы выдвинули два орудия, в рядах смущенных солдат появился на белом коне Вашингтон. Сцена, просящаяся на полотно художника-баталиста. Попятившаяся бригада приободрилась. Кое-как равняя ряды, американцы устремились за генералом. Англичане остановились и рассыпались за изгородью. Когда до них оставалось едва тридцать мет-

ров, Вашингтон крикнул: «Стой, залп!» Он совпал с залпом врага. Вашингтон между стенами огня. Адъютант полковник Фицжеральд закрыл лицо руками, боясь увидеть смерть главнокомандующего. Когда он взглянул, Вашингтон в клубах порохового дыма по-прежнему прочно сидел в седле и вел в атаку американцев.

Теперь побежали англичане. Вашингтон в гуще боя гнался за ними. Слышали, как он кричал: «Трави лису, ребята!» Понукать не приходилось: солдаты исправно работали штыком и прикладом. Они вихрем ворвались в Принстон, захватили около трехсот пленных и так же стремительно ушли из города. Вашингтон знал, что пылающий местью Корнваллис торопится на место боя. Он повел армию на восток, к высотам вокруг Морристауна, где собирался провести несколько дней, а остался на пять месяцев.

* * *

Трентон и Принстон сделали Вашингтона героем дня, заложили краеугольный камень его культа. По всем Соединенным Штатам его славили как нового Цезаря. Кресвелл — свидетель торжества свободолюбивых американцев — пометил в дневнике: «Имя Вашингтона превозносится до неба. Александр Македонский, Помпей и Ганнибал ныне по сравнению с ним пигмеи».

До начала марта 1777 года — возвращения конгресса в Филадельфию — Вашингтон около трех месяцев был «диктатором». Это далеко не радовало его. Он повторял, что получил «власть, которую весьма опасно вверять кому-либо. Могу только добавить, что лечение опасных болезней требует опасных средств, но я не рвусь к власти и страстно хочу перековать меч в плуг».

В марте 1777 года Вашингтон сообщал конгрессу, что у него осталось едва три тысячи бойцов, по-прежнему голодных, разутых, раздетых. Открылась новая кампания вербовки в континентальную армию, а штаты, особенно Массачусетс и Коннектикут, обещали за службу в ополчении большую плату и в твердой валюте. Вашингтон ввел смертную казнь для ловкачей, несколько раз вступавших на военную службу и, следовательно, обогащавшихся. Он заподозрил, что некоторые офицеры принимали на службу «мертвые души», по отчетам дезертирство в их частях достигло абсурдных размеров. Значит, прикарманиваются деньги, отпущенные на вступительное пособие защитникам республики. Он отказался от героического решения не брать никого, кто не соглашается служить менее трех лет, вернувшись к прежнему одногодичному сроку.

Доллар катастрофически обесценивался. К концу войны лошадь стала стоить 150 тысяч, пара сапог — 600, пара чулок — 700 долларов, на «воз долларов нельзя купить воз

продовольствия». Лоялистская газета в Нью-Йорке поместила объявление — закоренелый тори приобретал доллары на оклейку квартиры вместо обоев. Фермеры и торговцы не продавали ничего за подозрительные бумажки. Вашингтон приказал реквизировать продовольствие. Но он не мог приказать, чтобы в армии прекратились эпидемии. Больные лежали на грязной соломе в примитивных госпиталях. Попасть туда — означало идти на верную смерть. Легионы вшей с остывших трупов притягивало тепло живых, лежавших рядом.

К весне 1777 года американцы потеряли убитыми и пленными около пяти тысяч человек, еще несколько тысяч унесли болезни. Грубо говоря, выбыла примерно половина тех, кто взялся за оружие, чтобы отстоять независимость. Солдаты, вырвавшиеся из армии, разносили по стране вести о пережитых ужасах. Каждый, понятно, преувеличивал личный опыт.

На все эти беды у Вашингтона был единственный ответ — нужна дисциплина. Она, конечно, помогала в борьбе с пьянством, или, как говаривали в армии, «бочковой лихорадкой». Но оспа и тиф не повиновались приказам. Вашингтон требовал поддерживать чистоту в лагере, заставлял всех делать прививки примитивными методами, известными веку. В поучение трусам он уговорил жену, наезжавшую в лагерь, сделать прививку против оспы. Хотя Вашингтон торопился собрать армию, все новобранцы проходили прививку — они переносили болезнь в легкой форме, что обычно занимало месяц. Церкви Морристауна приютили толпы этих людей.

Только поздней весной армия начала медленно расти, достигнув к июню 8 тысяч человек. Вероятно, Вашингтон мог бы иметь больше людей, но он пуще всего боялся отойти от установленного принципа — не смешивать континентальную армию с ополчением. Впрочем, даже жители Морристауна думали, что в армии, по крайней мере, 40 тысяч штыков. Разместив части на значительном удалении друг от друга, Вашингтон отлично поставил дезинформацию, к англичанам просачивались фантастические данные об их численности. Как-то офицер ворвался в штаб, требуя ордера на арест английского шпиона. Вашингтон успокоил его, порекомендовал подружиться с агентом и дать ему возможность стащить документы, преувеличивавшие вооруженную мощь республики.

С начала 1777 года начали сказываться усилия конгресса заручиться помощью за рубежом. В Париже трудился Дин, действовавший под видом торговца, что, впрочем, вполне соответствовало его склонностям. В сентябре 1776 года во Францию отправился Франклин.

Людовик XVI и его министры горели желанием рассчитаться с Англией за Семилетнюю войну. Перу Пьера Корона (Бомарше) принадлежала не только комедия «Севильский цирюльник» и многие пьесы, но и хитроумный план снабже-

ния восставших в Америке вооружением, снаряжением и прочим. Объявив королю великие блага для Франции от достижения колониями независимости, Бомарше получил первую субсидию — 1 миллион ливров — и основал подставное акционерное общество «Родригес Хорталес и К⁰».

Французские политики надеялись, вызвав к жизни Новый Свет, выправить баланс сил в Старом Свете, нарушенный английскими победами в Семилетней войне. 18 августа 1776 года Бомарше пишет континентальному конгрессу: «Мы будем снабжать вас всем — одеждой, порохом, мушкетами, пушками и даже золотом для оплаты войск и вообще всем, что вам нужно в благородной войне, которую вы ведете. Не ожидая ответа от вас, я уже приобрел для ваших нужд около двухсот бронзовых четырехфунтовых пушек, двести тысяч фунтов пороха, двадцать тысяч отличных мушкетов, несколько бронзовых мортир, ядра, бомбы, штыки, одежду и т. д. для войск, свинец для мушкетных пуль. Офицер превосходнейших качеств и знаток артиллерии в сопровождении артиллеристов, канониров и пр., который вам, мы думаем, весьма нужен, отправится в Филадельфию раньше, чем вы получите мое первое письмо. Этот джентльмен один из величайших подарков, который могло дать мое уважение к вам».

Бомарше восхвалял де Кудрея, который явился к Вашингтону с группой из 18 офицеров и 10 сержантов. Он сослался на С. Дина, обещавшего ему командование артиллерией континентальной армии. Вступив на американскую землю, де Кудрей был произведен конгрессом в генерал-майоры, причем признан по старшинству выше туземных генералов — Грина, Нокса и Салливана. Те возмутились и потребовали от конгресса восстановить справедливость, грозя отставкой. В конгрессе донельзя разъярились, ибо давно считали любое покушение на права достойного собрания однозначным подрыву американской свободы. Дж. Адамс в бешенстве заметил: «И пусть все они убираются в отставку. Со своей стороны, я бы проголосовал за истинный принцип республиканизма — ежегодно избирать генералов».

Трудно сказать — репутация ли континентальной армии, или преклонение перед заморскими знатоками было причиной, но конгресс цепенел при виде воинов, приезжавших в США. Они получали высокие чины и, преисполненные сознания собственного величия, являлись в армию. Конфликт с де Кудреем не успел принять угрожающих размеров: с генералом случилось несчастье — он утонул. С другими у Вашингтона было хлопот хоть отбавляй.

Сначала он с отвращением относился ко всем французам без разбора. Уже французская речь будила в нем воспоминания о пятидесятых годах, беспощадных схватках с ними, злейшими врагами колонистов. «Все они, — ворчал Вашингтон, — голодные авантюристы». Но жизнь брала свое — ар-

мии действительно были нужны специалисты, а при ближайшем рассмотрении не все приезжавшие из-за океана покушались на святая святых славной республики — ее деньги. Полковник Л. Дюпортей возглавил инженерное дело в армии, другие помогали организовывать артиллерию. Вашингтон не мог нахвалиться полковником Т. Конвеем, получившим чин бригадного генерала. В этом человеке, как показали ближайшие события, он крепко ошибся.

1 марта 1777 года в приказе по армии объявлялось, что «эсквайр Александр Гамильтон назначен адъютантом главнокомандующего, его следует уважать и слушаться в этом качестве». Двадцатилетний Гамильтон отличился как способный артиллерийский офицер. Несмотря на разницу в возрасте, а скорее из-за этого, Гамильтон стал ближайшим соратником Вашингтона. Он был первым из группы молодых людей, испытавших на себе нерастраченные отцовские чувства Вашингтона.

Итак, армия приходила в порядок, вооружалась и одевалась в основном поставками изобретательного Бомарше и готовилась к новым боям. Все оставалось в руках Вашингтона; что до конгресса, то к этому времени главнокомандующий выработал для себя определенные правила обращения с представителями, как они считали себя, всего народа. Вашингтон признавал главенство гражданских властей над военными. Этот принцип в его глазах был непоколебим. В не меньшей степени он был убежден, что гражданская власть, воплощенная в тогдашнем составе конгресса, оставляла желать много лучшего. Поэтому он повиновался институту, а не собранию конкретных лиц, служил высокой идее, внутренне презирая ее носителей. Он наверняка полагал, что лучше понимает ее, чем шумные и склочные конгрессмены.

Переписка главнокомандующего с конгрессом по форме была безупречной, с соблюдением всех необходимых правил приличия и уважения. По существу, Вашингтон обращался с членами конгресса как с детьми, да он и был старше многих, — из его пространных донесений нельзя было составить истинного представления о положении дел в армии. О собственных потерях почти не говорилось, неприятельские исчислялись астрономическими цифрами. Поражения именовались отходами, армии — отрядами и т. д.

В доверительном письме одному из считанных людей дела, Моррису, Вашингтон в это время открылся: «Не в моей власти заставить к-с отдать себе полный отчет в нашем истинном положении... Сидя на расстоянии, они думают, что стоит сказать — сделай то, и все делается, другими словами, они принимают решение, не вникнув или, по-видимому, не понимая трудностей и сложностей, стоящих перед теми, кому приходится выполнять их решение. Действительно, сэр, ваши замечания о том, что в этом уважаемом сенате не хва-

тает множества умных людей, как нельзя лучше обоснованы».

Вероятно, между боями и трудами Вашингтон часто обращался мыслями к древним, как они вели дела. Отсюда описка, вскрывающая внутренний мир героя, именовавшего конгресс сенатом.

* * *

Пока Вашингтон укрывался с армией в холмах у Морристауна, английская пропаганда и языки американских тори работали без устали. В Лондоне вышла подложная переписка Вашингтона с женой и генералами. Поводом для появления фальшивок был рыцарский жест Хоу — когда ему доставили перехваченное письмо Вашингтона к Марте, он велел вернуть письмо, не распечатывая.

В тщательно подделанных письмах, будто бы попавших в руки англичан, Вашингтон представал как коварный муж, но заверявший супругу в великой любви. Генералу Гаррисону приписывались труды на специфическом поприще — он де соблазнял негритянок в Маунт-Верноне в ожидании возвращения хозяина. Это самое возвращение, заверяли сочинители пасквилей, воспоследует в самое ближайшее время — читайте сами — Вашингтон-де ненавидит жителей Новой Англии и ждет не дождется, когда развяжется с военной службой. Тори были склонны верить худшему, и самые грязные сплетни из уст в уста распространялись по Америке. Недруги Вашингтона видели во вздорных поклепах резон — разве предводитель бунтовщиков не должен превзойти джентльмена Хоу, коротавшего время в обществе очаровательной бостонки Лоринг?

На деле Вашингтон в Морристауне вел идиллическую жизнь. К нему приехала погостить Марта, собрались друзья из Вирджинии. Одна из дам писала своей сестре: «Благородный и приятный командующий командует всеми, ибо подчинил оба пола — один великим искусством в делах военных, другой способностью, изысканностью и вниманием». До обеда он занят службой, «с обеда до вечера он отдается светской жизни. Его достойная супруга вся светится довольством рядом со стариком (так она называет его). Мы часто совершаем прогулки верхом, тогда генерал Вашингтон сбрасывает с себя облик героя, становится разговорчивым и приятным. Иногда он бывает совсем дерзким, а такую дерзость мы с тобой, Фанни, любим».

Таким Вашингтона видели самые близкие люди. Но в официальных случаях он стал утрачивать «быстрый и понимающий взгляд», поражал чопорностью и высокомерием. Величественные движения, поднятый подбородок не оставляли сомнения — шествует хозяин вооруженной мощи республики. Наверное, иным он сразу внушал почтение и даже тре-

пет. Серьезный человек, занятый серьезными делами, которые действительно были таковыми.

Из Канады пришли неутешительные вести — форт Тикондерога пал без единого выстрела (а он был умело укреплен польским волонтером Костюшко), американские генералы рассорились между собой, и войска Бергойна в сопровождении союзных индейских племен медленно идут через лесные чащобы и гиблые места. Вашингтон отправил отряд на помощь северной армии, а сам двинулся к Гудзону. Тут случилось известие — 24 июля англичане погрузились на суда в Нью-Йорке, и скоро паруса армады — 260 судов с 15 тысячами солдат — скрылись за горизонтом. Хоу исчез, но куда?

Наверное, решил Вашингтон, Хоу морем перевезет армию к Филадельфии и попытается взять столицу. Он погнал усталые от бесконечных переходов войска туда, заверив конгресс, что не «перестает оглядываться назад», ибо «маневр генерала Хоу, бросившего генерала Бергойна, совершенно непонятен». Рационализировать иррациональное было бесполезно — Хоу всецело разделял европейские предрассудки о вредности американского климата летом и счел полезным для здоровья солдат продержать их почти месяц на судах в открытом море. Со своей стороны, Вашингтон был уверен, что вода пагубна для американцев, и, когда на подходе к Филадельфии измученные солдаты затеяли купание в реке, он строго приказал «соблюдать умеренность!»

В Филадельфии конгресс раздирала склока — кто виноват в падении Тикондероги и кого назначить новым командующим на севере? Вашингтон наотрез отказался принимать участие в свалке и не проронил ни слова, когда конгресс остановился на кандидатуре генерала Гейтса. Тот отбыл на север, а Вашингтон был подавлен — Гейтс уже зарекомендовал себя человеком, склонным к неподчинению и интриганству.

В столице Вашингтону представили новых французов, только что прибывших в США. Среди них двадцатилетний маркиз де Лафайет, близкий ко двору Людовика XVI. Он снарядил на свои средства корабль и приплыл в США сражаться против англичан. Рвение и богатство маркиза произвели сильнейшее впечатление на конгресс, который сразу произвел его в генерал-майоры, хотя в Париже молодой человек был всего капитаном. В этом качестве он и предстал перед Вашингтоном. Сначала главнокомандующий принял маркиза очень холодно, полагая, что перед ним очередной кондотьер. Искренность Лафайета, его неподдельный интерес к делу борцов за американскую свободу, дравшихся с врагами Людовика XVI, быстро растопили сердце Вашингтона. Они как-то потянулись друг к другу — Лафайет, осиротевший в детстве, и бездетный Вашингтон стал относиться к нему как к сыну, Лафайет платил горячей привязанностью. Фран-

цузский маркиз стал одним из самых близких к Вашингтону, если не самым любимым генералом. Найдя друг друга, Вашингтон и Лафайет подчеркнуто гордились отцовско-сыновними отношениями.

Перу Лафайета принадлежит описание в третьем лице американской армии: «Их около 11 тысяч человек, неважно вооруженных и еще хуже одетых, они являли странное зрелище для глаз молодого француза. Пестрая одежда, а многие почти наги. Лучше всех были одеты те, кто носил охотничьи рубашки — просторные серые хлопчатобумажные пальто». Об офицерах, напудривших парики в предвидении встречи с ним, маркиз лишь заметил — они «полны рвения». Он заключил, что в американской армии «добродетель заменяет военную науку». Вашингтон сконфузился: «Нам очень стыдно показываться перед офицером, только что покинувшим ряды французской армии». На что Лафайет учтиво ответил: «Я приехал сюда не учить, а учиться».

22 августа поступили сообщения — английский флот объявился в Чезапикском заливе. Хоу не стал подниматься к Филадельфии по Делавэру, ибо американцы успели соорудить укрепления на берегах реки, прикрывшие подступы к столице водным путем. Англичане высадились в Чезапикском заливе. Маневр был совершенно непонятен — в июне Хоу в Нью-Джерси находился примерно в 100 километрах от Филадельфии, теперь он перебросил армию морем на 650 километров, чтобы оказаться в 100 километрах от города. Раздумывать над причудами английского генерала было некогда. Вашингтон рванулся защищать столицу. Чтобы поднять боевой дух, он распорядился провести войско церемониальным маршем через город.

В приказе о параде Вашингтон указал: «Оркестры должны играть быстрый марш, но умеренно, чтобы солдаты шли под музыку легко, отнюдь не пританцовывая или полностью игнорируя заданный ритм, как часто случалось в прошлом... Офицерам обратить особое внимание, чтобы солдаты держали свое оружие как следует и выглядели, приличными, как надлежит в этих обстоятельствах... В рядах не должно быть ни одной женщины, находящейся с армией». Каждому надлежало быть в шляпе, а если таковой нет, воткнуть в волосы ветку с зелеными листьями. В знак надежды. Филадельфийцы два часа наблюдали за прохождением войск. Обыватели нашли, что видны некоторые признаки военной подготовки, строй держали, хотя солдаты и не отбивали шаг как положено.

Последние приготовления перед сечей. Вашингтон распорядился регулярно выдавать солдатам ром. Он наставляет конгресс: «Рекомендую устроить государственные винокурни в различных штатах. Польза от умеренного потребления крепких спиртных напитков установлена во всех армиях и не подлежит сомнению». Распорядительность главнокоман-

дующего восхитила конгресс. Д. Адамс пишет: «Генерал Вашингтон подает прекрасный пример. Он изгнал вино со своего стола и потчует друзей ромом с водой. Это делает большую честь его мудрости, его политике и его патриотизму». Тем, кто упрекал Вашингтона в местничестве, неисправимом пристрастии к Югу, крыть было нечем. Ром — продукт Новой Англии.

Нерешительность и колебания, сопутствовавшие летней кампании 1777 года, проявились и при попытке Вашингтона защитить Филадельфию. Они удваивались и обстоятельствами — континентальная армия вступила в края, заселенные квакерами. Они не были поголовно предателями, как склонны были утверждать ревностные патриоты, а просто, верные своим доктринам, были против любого кровопролития. Давать армии Вашингтона информацию о враге в глазах прекраснодушного квакера означало способствовать убийству, и поэтому местные жители с легкими сердцами притворялись, что они далеки от дел ратных. Континентальная армия шла навстречу неприятелю буквально с завязанными глазами, было неясно, с кем придется сражаться. Впрочем, выбор рубежа, на котором надлежало встретить Хоу, не зависел от местных жителей. Вашингтон рассчитал, что англичанам в любом случае на пути к Филадельфии придется форсировать реку Брандисвайн, где и стал с 11 тысячами.

Хоу решил повторить маневр, уже давший ему победу на Лонг-Айленде, — демонстративная атака в центре и обход главными силами американского фланга, на этот раз правого. 11 сентября разыгралось сражение. Вашингтон был твердо убежден, что задаст англичанам жару — их было около 15 тысяч. Он даже намеревался атаковать, как внезапно в штаб привели босоногого фермера. Тот клялся и божился, что прибежал к начальству доложить — несметные полчища движутся в тыл американцев. 10 тысяч Корнваллиса уже форсировали Брандисвайн выше по течению и спешат к месту боя. Вашингтон обменялся понимающими улыбками с генералами — проклятый предатель-тори подослан, чтобы сбить с толку защитников свободы. Они не успели решить, что сделать с негодяем, как канонада в тылу прекратила споры.

В который раз американцы побежали, и снова так стремительно, что солдаты Хоу не могли настичь их. Хотя и потрепанная, континентальная армия еще раз спаслась. Конгресс в ознаменование «доблестного поведения» армии в сражении при Брандисвайне вотировал выдать войску тридцать бочек рома. Два дня Вашингтон в относительной безопасности от врага «освежал» солдат, а затем — снова в поход. Он правильно рассудил, что цель Хоу в первую очередь уничтожить континентальную армию, занятие столицы дело второстепенное. Он отступил на восток в предгорье Аллеган, оказавшись примерно в 60 километрах от Филадельфии, где на-

деялся выждать и ударить в тыл англичанам, когда они пойдут на Филадельфию.

И снова те же заботы — армия, совершавшая почти полтора месяца непрерывные переходы, обносилась, обувь разваливалась. Вашингтон срочно отправил Гамильтона в Филадельфию приобрести одежду и обувь для солдат. Торговцы не желали ничего продавать, ожидая вступления англичан в город, которые будут расплачиваться золотом, а не сомнительными долларами. Вашингтон приказал реквизировать потребное, но торговцы сумели так попрятать товары, что распорядительному Гамильтону почти ничего не удалось собрать.

Тут случилась новая беда. Для наблюдения за неприятелем Вашингтон оставил неподалеку от Филадельфии легкую бригаду под командованием опрометчивого генерала Вайна. Он расположился лагерем около таверны Паоли. Англичане в ночь на 21 сентября напали на беспечных американцев, спавших у костров. Английские командиры рассудили, что лучше действовать штыками, и даже распорядились снять замки у мушкетов, чтобы случайным выстрелом не потревожить противника. В страшной ночной бойне было заколото около 200 американцев, несколько сот ранено, а 70 взято в плен. Англичане потеряли 7 человек.

Вести о бойне у Паоли вызвали трепет у молодых солдат континентальной армии, многим из них на биваках под открытым небом мерещился английский штык у груди. Они не хотели страшной молчаливой смерти и дезертировали. Гамильтон, натолкнувшийся в своих разъездах на большой отряд англичан поблизости от Филадельфии, счел долгом предупредить конгресс об опасности вражеского нашествия. Члены конгресса давно собрали вещи в дорогу и, получив ужасную весть, глухой ночью бежали из столицы сначала в Ланкастер, а затем в Йорк в Пенсильвании. Оказавшись в безопасности, «революционеры» стали роптать — какой толк в командовании Вашингтона, если он не может выиграть ни одной битвы? Что было совершенно несправедливо — генерал не переставал изыскивать случай расправиться с захватчиками.

26 сентября гренадеры и легкие драгуны Корнваллиса вступили в Филадельфию. Англичане поздравляли друг друга — наконец они в городе, кишащем лоялистами. Толпы на улицах восторженно приветствовали войска, военный оркестр играл «Боже, храни короля». Все было волнующе и очень приятно, а впереди — сладостная гарнизонная жизнь в дружественном городе. Хоу пока не разделял восторгов своих воинов и потому распорядился большую часть армии — 9 тысяч человек — расквартировать в Джермантауне, что севернее Филадельфии, дабы быть между континентальной армией и столицей. Здесь же он стал со штабом.

Вашингтон, узнав от лазутчиков о последних распоряже-

пиях Хоу, пришел в восторг: враг рассредоточил свои силы. Есть возможность повторить славную битву у Трептона. К этому времени он начитался военной литературы и замахнулся на Канны, на меньшее Вашингтон не был согласен. Ганнибал, как известно, осуществил двусторонний охват противника, Вашингтон сплапировал то же самое, но четырьмя колоннами. Был составлен весьма внушительный план, предусматривавший ночной двадцатипятикилометровый марш и молодецкий штыковой удар поутру 4 октября на Джермантуан. Колонна генерала Салливана (с ней был Вашингтон) на рассвете вышла к городу и даже опрокинула застигнутый врасплох английский батальон. Впервые за всю войну в красных рядах горны протрубили сигнал к отступлению, которому королевские солдаты повиновались охотно, и было отчего. Атакующих возглавляли уцелевшие во время резни в Паоли. Вайн, перекрывая треск мушкетных выстрелов, свирепо рычал: «Вперед на кровавых собак! Отомстим за Паоли!» Солдаты Вайна в плен не брали, убивая и тех, кто сложил оружие.

Утро выдалось туманное, клубы порохового дыма еще ухудшили видимость. В дымной мгле сотня с небольшим английских солдат укрылась в прочном каменном доме как раз на пути наступавших. Вероятно, нужно было обойти дом, поставив около него небольшой заслон. Но американцы решили воевать по всем правилам военной науки, а потому Нокс предложил Вашингтону сокрушить «форт» артиллерийским огнем. Канны требовали издержек, и Вашингтон согласился. Подтащили пушки и начали обстрел дома, стены которого оказались на диво толстыми. Время шло, враг не нес видимого ущерба.

Тут подоспела вторая колонна генерала Грина, ударившая по англичанам на левом фланге Вайна. Охват как будто получился, если бы не злополучный дом — грохот орудий Нокса в американском тылу убедил Вайна, что коварные англичане, в свою очередь, как-то обошли американцев. Он повернул свою дивизию назад и лоб в лоб столкнулся с одной из дивизий Грина, потерявшей ориентировку. Американцы вступили в жаркую схватку между собой. Тут опомнившийся Хоу нанес удар, и континентальная армия вновь продемонстрировала свою способность стремительно отрываться от врага.

Беспорядочные толпы солдат бежали, Вашингтон, метавшийся среди них на коне, кричал, что они бегут от победы. Напрасно. Многие воины, расстрелявшие без толку порох, молча поднимали над головой пустые подсумки и со всех ног летели в тыл.

Канны не получились. Обе колонны континентальных войск убежали, две колонны ополчения, которым надлежало провести глубокий охват, ночью сбились с дороги и так и не появились на поле боя. К счастью, Хоу и Корнваллис, край-

не удивленные дерзостью нападения, не упорствовали в преследовании, дав уйти континентальной армии.

В ноябре 1777 года конгресс разослал штатам «Статьи конфедерации» — первую американскую конституцию. В ней центральная власть подчеркнуто ослаблялась. Хотя в США была континентальная армия, в «Статьях конфедерации» трактовалось о том, что каждый штат будет иметь свои собственные вооруженные силы. Но даже в этом виде конституция вызвала острые споры и была ратифицирована штатами только в 1781 году.

Политическое мышление Вашингтона оставило позади осторожные схемы конгресса. В то время как в Йорке пеклись о том, какие препятствия поставить на пути усиления центральной власти, Вашингтон полагал, что только в континентальной армии и войне выковывается единство нации. Когда был заключен мир, он заметил: «Сто лет нормальных взаимоотношений» между штатами не сделали бы для американской государственности столько, сколько «дали семь лет вооруженного сотрудничества».

Зимой 1777/78 года помянутое оружие единства страны — континентальная армия впала в самое плачевное состояние, и отнюдь не по вине Вашингтона.

* * *

То была поистине глухая ночь войны, во мраке которой родилась самая волнующая, нет, душераздирающая легенда революции — Вэлли-Фордж.

Армии нужно было стать на зимние квартиры, и Вашингтон нашел место, точнее, его вынудила к этому легислатура Пенсильвании, боявшаяся ухода войск из штата, на безлюдных, унылых холмах примерно в тридцати километрах к северо-западу от Филадельфии. Оно и называлось Вэлли-Фордж. Художник, рисовавший летом сельские пасторали в духе XVIII века, вероятно, нашел бы холмы прелестными и даже романтическими — солдаты, которых привел сюда Вашингтон в середине декабря 1777 года, отчаянно ругались. Им предстояло стать лагерем на всю зиму в местах, где не было жилья, в округе, опустошенной войной.

Вашингтон распорядился строить жилье — домики четыре на пять метров с земляным полом, каждый на двенадцать солдат. В офицерских домах пока единственное отличие — деревянные полы. Всего 1100 домиков. Велено было соорудить госпитали, склады. Пока устроились, солдаты неделями спали в палатках и у костров.

Не хватало всего — одежды, обуви, продовольствия. Не успели прийти в Вэлли-Фордж, как Вашингтону доложили: 2898 солдат «босы или голы». Спустя несколько недель цифра подскочила до 4000. Вашингтон объявил премию — десять долларов умельцу, который изобретет «замену башмакам».

Дело далеко не подвинулось — солдаты пятпали снег кровавыми следами, заодно затоптав и патриотическую летопись войны за независимость. Разве страдания в Вэлли-Фордж, где умерло от болезней и истощения около двух с половиной тысяч человек, были неизбежны?

Американские историки единодушно отвечают — нет! Континентальная армия претерпела страшные муки той зимой не столько от врага, сколько от алчности соотечественников. Слов нет, в Вэлли-Фордж прокормиться было трудно, но вокруг всего было в изобилии. Солдаты голодали, ибо окрестные фермеры предпочитали продавать свои продукты англичанам в Филадельфию за твердую валюту. Торговцы зерном в Нью-Йорке по тем же соображениям предпочитали снабжать английскую армию, а поставщики в Бостоне отказывались опустошить склады, если прибыль была менее 1000—1800 процентов. Америка сражалась за независимость в тяжком пароксизме спекуляции и бесстыдной наживы. Фуражиры, высылавшиеся из Вэлли-Фордж, иногда перехватывали тяжело груженные подводы, направлявшиеся в Филадельфию, и без лишних слов заворачивали их в свой лагерь. Владельцев, если они настаивали на священном праве частной собственности, пристреливали или вешали.

Вашингтон не одобрял этой практики, вносившей ненавистный ему элемент анархии в ведение войны. Он взывал к конгрессу, требуя расследовать, почему армия раздета и разута, «ведь тот факт, что у нас нет одежды, вызывает всеобщее удивление — всем известно, что только восточные штаты могут дать одежды на 100 тысяч человек». И личная нотка. В письме генерал-интенданту главнокомандующий негодовал: «Я даже не могу достать одежду для моих слуг вопреки неоднократным обращениям в течение двух последних месяцев. Один из них, прислуживающий мне за столом, неприлично и постыдно наг». Звучал голос респектабельного плантатора, но отнюдь не главнокомандующего армии революции. Джентльмен не уточнил, в чем именно нуждался тот самый слуга, ибо политес XVIII века диктовал свои законы. Французские офицеры, принесшие на американскую землю куда более свободные нравы, стали обзывать сборище в Вэлли-Фордж «санкюлотами», что, как известно, означает «бесштанники». Термин этот, вскоре прогремевший во время французской революции, родился именно здесь.

Обозревая прискорбное состояние армии — голые и босые солдаты, пушки, вмерзшие в землю, и без надежды сдвинуть их, ибо лошади передохли, Вашингтон 23 декабря разразился яростной филиппикой в адрес конгресса. Обычно он писал сухими и банальными фразами, но на этот раз, казалось, сердце рвалось у него из груди: «Ныне я убежден, вне всякого сомнения, что, если не будут немедленно проведены коренные изменения, нашу армию ждет один из следующих трех исходов — умереть с голоду, распасться или разбежать-

ся, чтобы добыть себе пропитание». Описав прискорбное состояние вверенных ему войск, Вашингтон с плохо сдержанным гневом отозвался о политиках, ждавших от армии энергичной зимней кампании. «Могу заверить этих господ, что значительно легче сочинять упреки в уютной комнате у теплого камина, чем занимать промерзший унылый холм и спать под снегом на морозе без одежды и одеял. Но, если этих господ, вероятно, не трогает судьба нагого и бедствующего солдата, я всем сердцем с ним, от всей души оплакиваю его ужасное положение, которое не в состоянии исправить».

Когда главнокомандующий, погруженный в тяжкие раздумья, медленно прохаживался по лагерю, солдаты высовывали головы из лачуг и негромко, но достаточно внятно провожали его возгласами: «Нет хлеба, нет солдата». Он слышал эти голоса, пристально вглядывался в огромные на исхудавших грязных лицах глаза. В одном из посланий конгрессу Вашингтон жаловался, что в лагере нет мыла, но, саркастически добавил он, люди в нем почти не нуждаются, так как «лишь у немногих есть больше одной рубашки, у многих только лохмотья, а иные вообще голы». Спекулянты наживались за счет бедствующей армии, в лагерь доставлялось мало продовольствия и одежды и по бешеной цене.

Вашингтон не столько боялся врага, сколько со дня на день ожидал бунта и мысленно прикидывал, что предпринять на крайний случай. Наконец, день настал — адъютант доложил, что к дверям штаба пришла толпа солдат и требует (неслыханный случай!) переговорить с генералом. Вашингтон внутренне сжался — вот оно, долгожданное. Его глаза сузились, в уме он подыскивал убедительные слова, но скоро слезы заструились по его щекам. Дрожавшие на холоде люди (иные были закутаны в рваные одеяла, через которые просвечивало тело) заверили, что они понимают трудности своего генерала и просят только подтвердить, что и он знает об их участи. «Они наги и умирают с голоду, — писал Вашингтон, — но мы не можем не нахвалиться несравненными терпением и верностью солдатской массы». В приказе по армии он поздравил ее с тем, что в труднейших условиях личный состав показал себя «достойным завидной привилегии отстаивать права человека».

Минул тяжелый январь, с февраля 1778 года положение постепенно улучшилось. Быть может, сначала это объяснялось уменьшением числа едоков — помимо умерших, около двух тысяч дезертировало только в Филадельфию, до трехсот офицеров отказались от дальнейшей службы. Оставшиеся, пережив жуткую по лишениям, но не холоду зиму, осваивались в Вэлли-Фордж. К Вашингтону приехала Марта, постаравшаяся облегчить словом и делом страдавших в примитивных госпиталях. Французский доброволец, видавший ее, записал: «Она напоминает мне римскую матрону, о кото-

рых я столько читал, и я считаю, что она по достоинству спутница жизни и друг величайшего человека нашего времени». Сравнения с античными временами в дни Вэлли-Фордж, конечно, были в ходу. Д-р А. Уолдо из Коннектикута лаконично помечал в дневнике: «Скверная еда, скверное жилье, холод, усталость, нет одежды, мерзкое питание — меня рвет полдня, дым от костра ест глаза, черт возьми, больше не могу. Ну вот несут миску супа, полную горелых листьев и грязи, тошнотворного, даже Гектор отплюнулся бы, к дьяволу ее, ребята, я буду жить, как хамелеон, питаясь воздухом!»

Среди неописуемых страданий в среде офицеров рождалось братство по оружию. Они как могли развлекались, молодость брала свое, в XVIII веке великие по масштабам века люди редко были старше сорока лет. Безусые юнцы считали себя зрелыми людьми и многоопытными солдатами. Группа юных офицеров дала званый обед. На него приглашались только те, кто после тщательного осмотра не мог предъявить целых брюк. Из того, что при большом воображении можно было назвать ромом, сделали пунш, подожгли отвратительную сивуху и пили «саламандру» как есть — горящую. Голосами, какими зовут паром с дальнего берега широкой реки, ревели песни и баллады. «Столь веселых оборванцев, — изумлялся французский офицер, — никогда не видывали». Такова была другая сторона Вэлли-Фордж, армия привыкла к лагерю, обстроилась и устроилась. Никто больше не чувствовал себя «Ионой в чреве кита» (слова д-ра Уолдо), как в первые недели. Давали любительские театральные представления, и заметно поседевший Вашингтон с невыразимой печалью смотрел, как новое поколение играло роли в той самой драме Аддисона «Катон». Он приветствовал выбор пьесы.

Дни становились длиннее и теплее, лица солдат округлялись, — удалось наконец наладить доставку продовольствия. В один из погожих дней поздней зимы Вашингтон выехал встретить высокопоставленного добровольца, найденного в Европе Дином и Франклином, — генерал-лейтенанта прусской службы Фредерика Вильяма Августа Фердинанда барона фон Штебена. На боевом коне он являл собой величественное зрелище: старый воин, овеянный пороховым дымом в сражениях Фридриха Великого. На груди ослепительно начищенная медаль размером с тарелку и сияние бриллиантов ордена. Штебен уже заверил Вашингтона письмом: «Ваше превосходительство — единственный человек, под командованием которого я хочу после службы королю Пруссии отдаться возлюбленному мною искусству, которому я посвятил всю свою жизнь».

Когда великолепный Штебен сошел с коня, все увидели пожилого немца с короткими кривыми ногами. Вскоре выяснилось, что не был он ни бароном, ни генералом, а служил

капитаном под прусскими знаменами. Не теряя ни минуты, Штебен начал обучать неуклюжих парней тонкостям прусского строя, и в суровом ратном деле раскрылись его качества доброго человека. На грязном снегу под смех глазевших избранные для обучения роты, а потом полки совершали перестроения, учились держать мушкеты на европейский манер. Ряды сначала путались, колонны никак не получались, а в дьявольской сумятице метался Штебен. Он не знал английского, и команды переводил офицер, кое-как понимавший скверный французский немца. Штебен дополнял их жестикуляцией, энергично ругаясь на родном языке. Он попытался быстро освоить английскую брань. Неизбежные ошибки Штебена в незнакомом языке удваивали неразбериху на плацу. Тогда он звал адъютанта, и они вместе принимались поносить этих «болванов».

Со смехом, руганью и криком дело пошло. Штебен оказался способнейшим педагогом, быстро обнаружив разницу между американцами и европейцами. Он писал приятелю в Европу: «Эту нацию нельзя сравнить с французами, пруссаками или австрийцами. Ты говоришь своему солдату — делай так, и он выполняет, но я вынужден сначала объяснить, зачем это нужно, и тогда местный солдат повинуется». Офицеры армии республики испытали, общаясь со Штебеном, крайне неприятное потрясение. Они, взявшиеся воевать за свободу и дравшие нос перед рабами монархов, увидели: европеец встает с рассветом, весь день в грязи на плацу, учит собственным примером. Он очень неодобрительно отнесся к тому, что американские офицеры устроили себе в конце концов в Вэлли-Фордж удобные дома подальше от рядов грязных солдатских жилищ, использовали солдат в качестве слуг, а главное, передоверили обучение солдат сержантам. За несколько месяцев усилиями Штебена все изменилось, американский офицер стал ближе к солдату.

Вероятно, под влиянием неистового немца, которого Вашингтон искренне полюбил, пришлось главнокомандующему поступиться частью своих взглядов, особенно о величине дистанции между офицерами и солдатами. Теоретически плантатор, вне сомнения, обнаружил прекрасные стороны характера и у простых людей. Но он считал, что воины республики, прошедшие через испытания войны, перезимовавшие в Вэлли-Фордж, заслуживали большего, чем похвалы в приказах. Объясняя конгрессу необходимость сохранения за офицерами, уходящими в отставку, половины содержания и выдачи пособия солдатам, Вашингтон под свежим впечатлением зимы 1777/78 года писал:

«Даже поверхностное знание человеческой натуры убеждает нас, что для подавляющей части человечества руководящий принцип — личный интерес и почти каждый человек в той или иной степени находится под его влиянием. Мотивы общественного блага могут на время и в особых обстоятель-

ствах побудить человека к бескорыстному поведению, однако самих по себе их недостаточно для обеспечения постоянной верности возвышенным велениям и обязательствам общественного долга. Только немногие способны продолжительное время жертвовать всеми личными интересами или выгодами ради всеобщего блага. Тщетно в этой связи проклинать испорченность человеческой натуры, просто таков факт, подтвержденный опытом всех веков и народов. Мы должны были бы значительно изменить людей, прежде чем ожидать, что они будут поступать по-иному». Таков был итог размышлений Вашингтона в горниле войны за независимость. Даже обаятельный и распрекрасный Штебен «туманно признался» (как выразился Вашингтон), что не может позволить себе служить без вознаграждения.

О своих трудах на поприще защиты отчизны Вашингтон думал по-другому, взывая к патриотизму. Что до континентальной армии, то после зимовки в этих негостеприимных местах она стала походить на организованную вооруженную силу, а Штебен (которого иногда называют отцом американской армии) научился ругаться на трех языках одновременно.

* * *

Слухи эти согревали в зиму тревоги, придавали неповторимое очарование долгожданной весне — наголодавшиеся защитники прав человека ожидали выручки от христианнейшего короля Людовика XVI. Французские волонтеры долгими зимними вечерами рассказывали провинциалам-американцам о Париже, мощи Франции, ее неоспоримой ненависти к Англии и добром сердце дражайшего монарха. В те времена новостей из Старого Света приходилось дожидаться месяцами, и фантазеры часто живо рисовали, что происходит в эту самую минуту в далеком Версале.

Присутствие Франции уже было ощутимо, — в сражениях, приведших к капитуляции англичан при Саратоге, американцы почти поголовно были вооружены французским оружием. В ту зиму в Вэлли-Фордж армия получила несколько тысяч башмаков из Франции, к глубокому разочарованию, в них оказалось невозможным обуть босых: европейская обувь не лезла на медвежьи лапы здоровяков американцев. Вашингтон был готов видеть королевские лилии рядом со звездным знаменем. Он не абсолютизировал свои воспоминания молодости, а судил по фактам. «Франция, — писал главнокомандующий, — своими припасами спасла нас от ига».

Поздней весной армия жадно ожидала официального сообщения о вступлении Франции в войну, неизбежность которого, заверяли французские офицеры, несомненна. Вашингтон слал депешу за депешей конгрессу, прося скорее

обрадовать войска. Из Йорка пока ни слова. Но 5 мая 1778 года в лагерь попал экземпляр трехдневной давности «Пенсильвания газетт» с сообщением о том, что Людовик XVI обнажил шпагу в интересах независимости США. Лафайет плакал от радости, Вашингтон, поглядывая на любимца, принялся диктовать приказ, давая волю чувствам, затопившим штаб:

«Общий приказ. 5 мая 1778 года, 6 вечера. Всемогущий Правитель Вселенной милостиво защищает дело Соединенных Американских Штатов и наконец дает им в друзья одного из могущественнейших монархов на земле, дабы установить нашу Свободу и Независимость на прочном основании. Нам надлежит посвятить день, дабы отблагодарить за небесную Доброту и отпраздновать событие, которому мы обязаны Его благосклонному вмешательству. Завтра в 9 утра построить бригады, а капелланам огласить сообщение «Газетт» от 2 мая, произнести благодарственную молитву и выступить с речью, приличествующей случаю». Засим предписывалось провести смотр боевой готовности армии, отдавались распоряжения насчет салютов, о выдаче каждому солдату по доброй чарке рома. В торжественный день всем офицерам и солдатам приказывалось прикрепить по букетику цветов к головному убору.

Импресарио Штебен с несомненной любовью к драматическим эффектам организовал парад как нельзя лучше. Когда отзвучали речи капелланов и бригады, взяв оружие, перестроились в боевые порядки, сомнений быть не могло: перед Вашингтоном была дисциплинированная армия. На поле раздавался лай команд, подававшихся вниз по инстанции от бригадных генералов до сержантов. Колонны быстро развернулись в длинные линии. Пауза, тринадцать орудийных выстрелов, и вот затрещали выстрелы. Стреляли плутонгами, начиная с правого фланга. Огонь весело проносился по шеренгам солдат. Снова салют и торжественный марш — военные музыканты сыграли, и перед Вашингтоном, ощетинившись штыками, прошествовали бригады. Парад завершили оглушительные вопли: «Да здравствует король Франции! Да здравствуют дружественные европейские державы!» И наконец торжествующее — «Да здравствуют Американские штаты!».

Солдат распустили, а офицеры направились к праздично накрытым столам. Супруги Джордж и Марта величественно приветствовали гостей, пристойно поглощая обильный обед под взглядами сотен глаз — столы были составлены в виде амфитеатра. Было много вина, цветов и музыки. «Я никогда не видел, — писал один из штабных офицеров, — такой искренней радости на лицах. Обед закончился серией патриотических тостов, покрывавшихся криками «ура!». Когда генерал встал, чтобы уйти, со всех сторон раздались аплодисменты, прерывавшиеся здравицами в его

честь. Это продолжалось, пока он не удалился на четверть мили, в воздух взлетали тысячи шляп. Его светлость повернулся со своей свитой и, в свою очередь, несколько раз возгласил «ура!».

Вернувшись в свою резиденцию, слегка опьяненный радостью и вином, Вашингтон быстро стряхнул память о прекрасном дне. Он обратился к делам. Теперь, когда Франция схватилась с Англией, разразится война в Европе, Америка приобретет для Лондона второстепенное значение. Быть может, его славную армию больше не ждет новая кампания. «Спокойствие и ясность, — писал он, — вероятно, в известной степени сменят мрачные грозовые тучи, которые моментами, казалось, были готовы поглотить нас. Игра независимо от того, плохо или хорошо она велась до сих пор, вероятно, быстро приближается к благоприятному исходу». От мыслей государственных только шаг к делам личным. Вашингтон набрасывает письмо приемному сыну, категорически запрещая расстаться хотя бы с акром земли, каковы бы ни были финансовые затруднения. «Земля, — наставляет он, — вечна, цены на нее стремительно растут и будут очень высоки, когда мы обретем независимость».

Вашингтон был совершенно прав. Вступление Франции в войну против Англии круто изменило стратегическую обстановку. По договору о союзе, подписанному 6 февраля 1778 года, Франция и США провозглашали, что их цель — «достижение полной и ничем не ограниченной независимости Соединенных Штатов». Союзники взаимно гарантировали владения друг друга в Америке, которыми они могут располагать в конце войны. Следовательно, Франция обязывалась защищать американскую территорию, а США — французские владения в Вест-Индии. Стороны обязывались не заключать сепаратного мира. Был также подписан договор о дружбе и торговле, предусматривавший оказание взаимной помощи в войне на море.

В Лондоне пытались сначала предвосхитить, а затем нейтрализовать последствия вступления Франции в войну. Английский кабинет обратился к США с новыми мирными предложениями, очень либеральными по прежним временам. Министры короля опоздали — эти предложения американцы, без сомнения, приняли бы в 1775—1776 годах. Теперь, когда на стороне США стояла Франция, а Испания и Голландия проявляли растущую враждебность к Англии, конгресс не желал и слышать о мире. О чем высокомерно и сообщили английским представителям, явившимся в мае 1778 года в Америку. Генерал Вашингтон горячо поддержал политиков. Помимо прочего, он подвергся новому тяжкому оскорблению — до него дошли достоверные сведения, что в Лондоне считали главнокомандующего континентальной армии способным принять взятку и помочь осуществлению английских планов. Для джентльмена из Вирджинии это

было просто нетерпимо, он всегда считал, что живет по куда более высокому кодексу чести, чем знать, пресмыкавшаяся при дворах европейских монархов.

Генерал Хоу, проведший очень веселую зиму в дружественной Филадельфии, пока воины Вашингтона мучились неподалеку в Вэлли-Фордж, серьезно отнесся к союзу мятежников с Францией. Война в Америке ему смертельно надоела. Зимой 1777/78 года он неизменно игнорировал добрые советы лоялистов выступить и уничтожить армию Вашингтона, о бедственном положении которой англичане прекрасно знали. Хоу предпочитал балы, театральные представления и прочее в обществе Бетси Лоринг превратностям зимней кампании. Из бесконечных стычек с голодными фуражирами континентальной армии, иной раз добиравшихся до окраин Филадельфии, в штабе Хоу вывели неприятное заключение — как бы ни бедствовали янки на тех холмах, они люди решительные и жестокие. В перспективе никак не виделось приятной, упорядоченной кампании, а мрачная кровавая схватка с озлобленными солдатами Вашингтона, даже если она выльется в утомительное преследование.

Теперь, когда союз США с Францией грозил превратить тыл английской армии — Атлантику — в театр морской войны, Хоу решил: с него достаточно. Он обратился к лорду Джермену с просьбой освободить его от «очень тягостной службы». В начале мая 1778 года он передал командование генералу Клинтону, прибывшему в Филадельфию из Нью-Йорка. 24 мая Хоу отбыл в Англию, на прощание сердечно посоветовав лоялистам помириться с мятежниками. Лоялисты, измученные бездействием Хоу минувшей зимой, были повергнуты в ужас, когда новый английский командующий хладнокровно объявил свое решение: королевская армия оставляет Филадельфию. Он действовал по приказу Джермена, знавшего о том, что сильный французский флот адмирала д'Эстэна покинул Тулон и плывет к американским берегам. Хотя и в Англии снаряжалась новая эскадра в американские воды, французы должны были прийти туда первыми и могли натворить бед, во всяком случае, закупорить эстуарий Делавэра. Английская армия в Филадельфии оказалась бы между двух огней.

Клинтон, не мешкая, погрузил снаряжение армии на корабли, на борт которых поднялось также около трех тысяч лоялистов, опасавшихся мести патриотов. С десятитысячной армией он решил вернуться через Нью-Джерси в Нью-Йорк по суше. Конечно, англичане предпочли бы перебросить в Нью-Йорк всю армию морем, но на кораблях не хватало места для лошадей. Без помпы, пышных проводов и речей английские войска 18 июня 1778 года оставили Филадельфию. Как сказал житель города, видевший исход англичан: «Они не ушли, а просто исчезли».

* * *

Все эти недели в Вэлли-Фордж, в штабе Вашингтона, энергично обсуждали предстоявшую летнюю кампанию. Лазутчики доносили о несомненной подготовке англичан к эвакуации города. Что делать? Подспудно американские стратеги, размышлявшие в тени французского союза, приходили к выводу — лучше ничего не делать, а ожидать союзной армады с легионом воинов, которые вышвырнут англичан из Америки во имя свободы и Людовика XVI. Господствовавшее настроение позволило Вашингтону пока заняться делом — свести счеты с интриганами.

К весне он записал в актив много — в Вэлли-Фордж стояла почти двенадцатитысячная, неплохо снаряженная, вооруженная и обученная армия. Подвиг полководца? Несомненно. Наученный горькой зимой, Вашингтон махнул рукой на конгресс и проявил большую личную распорядительность. Он обратился с личными письмами к губернаторам штатов, точно изложив нужды войска. Затем последовало циркулярное письмо главнокомандующего губернаторам и ассамблеям, которые вняли его призыву. То, что армия была теперь одета, обута, накормлена, а главное, пополнена, было результатом работы Вашингтона. Он имел все основания гордиться — в войсках даже была создана военная полиция. Конгресс к этим достижениям имел весьма отдаленное отношение, хотя все делалось, конечно, от его имени.

8 мая собрался военный совет. Вашингтон доложил, что вооруженные силы республики насчитывают 11,8 тысячи в Вэлли-Фордж, 1400 — вблизи Филадельфии и 1800 — на Гудзоне, то есть немногим уступают 15-тысячной армии, которую имеют англичане в Америке, 10 тысяч в Филадельфии и 5 тысяч в Нью-Йорке. Начинать наступление или ничего не делать? Вашингтон предложил ждать, то есть ничего не делать. Военный совет единодушно согласился с ним.

Но континентальная армия отчаянно нуждалась в генералах. Какие бы сомнения Вашингтон ни испытывал в верности многих из них, имя плененного Ли постоянно было на его устах. С большим трудом он добился обмена Ли. В тот день, когда стало известно, что англичане наконец отпускают генерала, в Вэлли-Фордж было великое торжество. На парад вывели всю армию, составили сводный оркестр. Вашингтон со штабом выехал на шесть километров, чтобы встретить мученика.

Очевидец описывал дальнейшее: «Генерал Вашингтон слез с коня и принял генерала Ли как брата. Он провел его через ряды офицеров и солдат, воздававших Ли высшие воинские почести, и привел в штаб, где в его честь был дан пышный обед, на котором присутствовала миссис Вашингтон. Музыка играла все время. Ли отвели комнату рядом с

гостиной миссис Вашингтон. На следующий день он встал очень поздно, и из-за него задержали завтрак. Он вышел таким грязным, как будто провел на улице всю ночь. Вскоре я выяснил, что он привез с собой отвратительную грязную потаскуху (жену английского сержанта) из Филадельфии, которую впустил в свою комнату тайком через заднюю дверь и спал с ней всю ночь. Генерал Вашингтон вверил ему командование правым крылом армии, но перед тем, как приступить к своим обязанностям, Ли испросил разрешение отправиться в Йорк посетить конгресс. Это ему с готовностью разрешили. Перед отъездом я встретился с ним. Он заявил, что нашел армию в худшем состоянии, чем ожидал, а генерал Вашингтон не способен командовать даже взводом».

В Йорке в беседах с членами конгресса Ли высмеивал все сделанное Вашингтоном и Штебеном. По его мнению, армии не получилось; сколько ни учи американца, внушал он, «в строю он все равно смешон, над ним будет смеяться враг, и армия потерпит поражение в любом столкновении, требующем маневра». Ли предложил перейти к войне типа партизанских действий, опираясь на местные формирования. Генерал, отставший от жизни, твердил зады, проповедовал принципы, уже отвергнутые в строительстве континентальной армии. Такого рода прожекты никогда не вызывали симпатий у Вашингтона, ибо, не говоря уже об их сомнительной ценности с военной точки зрения, они погрузили бы страну в пучину гражданской войны.

Ненависть между лоялистами и патриотами особенно остро проявлялась на местах. Стоило превратить ополчение в основное орудие борьбы, как самые радикальные среди них стали бы обрушиваться на консервативно настроенных, те, в свою очередь, объединились бы, и вместо борьбы с внешним врагом началось бы то, что радикалы именовали бы настоящей революцией, а руководители войны за независимость квалифицировали бы как резню.

Профессиональный кондотьер, каким был Ли, разглядел, что континентальная армия все же дырявый щит для прикрытия от регулярных войск врага, но не понимал ее роли как надежного прикрытия от возможных социальных потрясений. Впрочем, ему, вояке и задире, была чужда социальная алгебра, он не выходил за рамки военной арифметики. В войне за независимость пламя партизанской борьбы ярко разгоралось только там, где не было соединений континентальной армии или они были слабы.

Вашингтону не хватало времени разобраться с Ли. Уход англичан 18 июня из Филадельфии поставил на повестку дня активные боевые действия — войска Клинтона не сидели больше за укреплениями, а, вытянувшиеся длинной колонной по дороге к Нью-Йорку, были уязвимы. Отдав приказ Арнольду занять Филадельфию небольшим отрядом

и поддерживать там порядок до восстановления гражданского управления, Вашингтон 24 июня собрал военный совет. Указав, что за неделю войска Клинтона прошли немногим больше 60 километров и, следовательно, испытывают серьезные трудности (частично за счет разрушения мостов, порчи дороги и пр.), он спрашивал мнение генералов, что делать — навалиться всеми силами на Клинтона, ударить по арьергарду или вообще ничего не делать?

Ли, считавший себя вторым в армии после Вашингтона, в обычной резкой манере вопросил — «не идиотизм ли, когда союз с Францией гарантирует конечную победу», рисковать? Он очень высоко отозвался о боевых качествах англичан и предрек одни неприятности от нового боя с ними. Штебен, борясь с английским языком, требовал наступать, молодежь — Лафайет и Гамильтон — рвалась в бой. Обсуждение закончилось компромиссом — усилить 2,5-тысячный отряд, уже действовавший на флангах Клинтона, еще на 1500 человек и при удобном случае нанести удар по тылу вражеской колонны. Главные силы континентальной армии будут поблизости, чтобы при нужде оказать помощь.

Положение Клинтона было довольно серьезным — его 10 тысяч человек очень растянулись, только от головы до конца обоза было 18 километров. На флангах армию беспокоили отряды американцев, а по пятам шла континентальная армия. Вашингтон мог выставить против Клинтона в общей сложности до 14 тысяч солдат. Соблазн напасть был велик, и наконец Вашингтон отрядил примерно половину армии против арьергарда врага. Командовать отрядом было поручено Лафайету.

Стоило Ли прослышать об этом, как он заявил, что столь ответственное дело лучше поручить ему, ветерану. Против этого было трудно возразить. Ли получил командование и приказ — поутру 27 июня напасть на англичан, когда они тронутся со своего бивака около Монмус-Корт-Хауз.

В тот день Вашингтон быстро повел оставшиеся у него 7800 человек к полю предстоящего боя, где, как ожидалось, шеститысячный отряд Ли уже схватился с врагом. Его план не был совсем ясен, из отданных приказов не следовало, что он собирался дать генеральное сражение.

Стояла ужасающая жара, солдаты выбивались из сил на песчаной дороге, некоторые умирали от солнечного удара. Вашингтон торопил армию, время от времени бригады переходили на бег. Наконец послышались долгожданные звуки боя, но орудийные выстрелы не слились в могучую симфонию, напротив, они быстро угасли, как костер без топлива.

Восседая, как обычно, на прекрасном белом коне, Вашингтон был во главе колонны. До боли знакомая картина — стали попадаться бегущие люди. Генерал остановил

одного, несомненно солдата, — тот сбивчиво рассказал, что Ли отступает. Приказав взять солдата под стражу и пригрозив «крепко выдрать», если он вымолвит хоть слово войскам, Вашингтон устремился вперед. Наконец среди шедшего в беспорядке отряда показалась знакомая фигура генерала Ли на лошади. Рядом своры псов.

Бледный от злости Вашингтон потребовал объяснений. Что произошло между ними — точно неизвестно, как существуют и большие противоречия в оценке уместности отступления Ли. Вероятно, все же он поступил осмотрительно — когда завязался бой, Клинтон внезапно повернул всю армию, и американцы оказались перед лицом превосходящих сил, побежала и бригада Лафайета. Уже по той причине Лафайет даже спустя тридцать семь лет в мемуарах с удовлетворением отмечал, что Вашингтон обозвал Ли «подлым трусом». Наверное, сказано было многое. Генерал Скотт, прославившийся сквернословием, вспоминал: «Да, сэр, он ругался в тот день так, что листья мелко дрожали на деревьях! Никогда я не наслаждался такой бранью ни раньше, ни потом. Сэр, в тот памятный день он ругался, как ангел, слетевший с неба!» Правда, Скотт не был на месте действия... Одно несомненно — Вашингтон был крайне недоволен.

Препираться было некогда: выяснилось, что Клинтон, не ограничившись тем, что опрокинул отряд Ли, идет по пятам. К счастью для американцев или, как выразился Вашингтон, «благодаря Провидению, никогда не оставлявшему нас в тяжкий час», он встретился с Ли в таком месте, которое представляло прекрасную позицию, на склоне холма, понижавшегося в сторону англичан. Фланги прикрывал лес, а на пути войск Клинтона, стоит им развернуться и сойти с дороги, — болото. Результаты трудов Штебена сказались — американские бригады в считанные минуты стали так, как приказал Вашингтон, и заняли оборонительный порядок.

Когда появилась английская кавалерия, ее отогнали убийственным залпом почти в упор. Недаром Штебен настаивал на дисциплине огня! Легкая пехота и гренадеры Клинтона атаковали с обычной напористостью, выискивая слабые места в обороне. На этот раз они не добились успеха — американские бригады довольно умело маневрировали, прикрывая возникшие опасные бреши. К вечеру Клинтон прекратил бой. Американцы удержали свои позиции. Вашингтон и Лафайет провели ночь на земле под одним одеялом. Они обсуждали «поведение генерала Ли» и стратегию предстоявшего сражения.

Едва забрезжил рассвет, как Вашингтон схватился за подзорную трубу и обшарил взором поле боя. Никого! В полночь Клинтон незаметно ушел. Преследовать не имело смысла — английские войска сумели оторваться от амери-

канцев. Стороны потеряли в бою примерно поровну — по 350 человек убитыми, ранеными и пленными, хотя Вашингтон, как водилось, преувеличил потери врага, доложив конгрессу, что Монмус-Корт-Хауз обошелся Клинтону по крайней мере в 1500 человек. Конгресс соответственно распорядился выбить еще одну победную медаль. С таким же основанием на нее мог претендовать и Клинтон.

Коль скоро стратегия больше не отнимала времени у Вашингтона, он смог составить детальное обвинение против Ли, имевшего несчастье в силу болезненной склочности вернуться к вопросу о том, кто же повинен в туманном исходе сражения. Он потребовал у Вашингтона извинений и выразил готовность предстать перед военно-полевым судом. Вашингтон велел арестовать Ли, а вскоре состоялся и суд, нашедший Ли виновным в беспорядочном отступлении и неповиновении. Ли был на год отстранен от службы. Он пожаловался конгрессу, в котором с большими колебаниями поддержали приговор.

Теперь вступили адъютанты Вашингтона, удрученные нападками Ли на обожаемого главнокомандующего. Один из них, Лоренс, вызвал Ли на дуэль, на которой секундантом выступил другой — Гамильтон. Ли получил легкое ранение, но куда больше его мучила позорная отставка. Он публично продолжал злоязычничать о Вашингтоне, который сохранял молчание, сколько ни изощрялся обиженный. В июле 1780 года конгресс счел очередное письмо Ли в свой адрес клеветническим, и генерала уволили. С политической арены, а вскоре из жизни ушел самый неистовый критик Вашингтона в среде профессиональных военных. В 1782 году Ли умер в Филадельфии.

Зима в Вэлли-Фордж была воспроизведена в еще худшей форме в 1779/80 году. Стояли трескучие морозы, замерзла даже гавань Нью-Йорка. Вьюги замели метровым слоем снега солдатские хижины и палатки. Армия снова голодала. «Мы не видывали таких трудностей за всю войну, — признался Вашингтон, — солдаты едят все виды лошадиного корма, кроме разве сена».

Доллар совершенно обесценился, и пришлось силой реквизировать продовольствие. Беседы с фермерами с приставленным к их носу острием штыка вызывали взаимное озлобление. В обмен на продукты фуражиры вручали сертификаты, вносившие дальнейший хаос в денежное обращение. В Морристауне, где был штаб, Вашингтон метался, изыскивая источники снабжения, хотя, как и в прежние годы, страна отнюдь не бедствовала. Снова та же проблема — голодные солдаты и разжиревшие спекулянты. Конгресс признал свое банкротство, приняв решение, что, поскольку федеральная валюта обесценилась, каждый штат должен взять на себя снабжение полков, составленных из его уроженцев. Последовала невыносимая неразбериха.

Что делать с дополнительными полками, учрежденными Вашингтоном на континентальной основе, то есть комплектовавшимися независимо от принадлежности солдат к тому или иному штату? Он особенно гордился ими. Несколько полков удалось приписать к штатам с филантропически настроенными ассамблеями. 16 полков, не нашедших благодетелей, пришлось распустить, масса офицеров, и притом лучших из лучших, осталась не у дел. В континентальной армии у Морристауна было немногим больше трех тысяч человек. «Не было другого этапа войны, — сообщал Вашингтон конгрессу, — на котором недовольство приобрело бы столь общий и тревожный характер». До тех пор армию цементировал «общественный долг», подкреплявшийся «неустанными усилиями примирить ее с обстоятельствами. Но все это не сможет долго противостоять влиянию постоянно действующих факторов, усугубляющихся с каждым днем... Офицеры уходят в отставку... Солдаты не имеют этого выхода, поэтому они ропщут, выпашивают недовольство и теперь стали проявлять склонность входить в мятежный сговор».

Обращаться к конгрессу было равносильно произнесению речей в вату. В Филадельфии, конечно, пугались, но предоставляли Вашингтону самому справляться с армией. Кое-как перезимовали, и континентальная армия была счастлива, ибо враг не предпринял против нее никаких действий.

Конечно, сыграли свою роль наказания, при помощи которых Вашингтон удержал в узде солдат. В 1972 году профессор Н. Каллахан, специалист по Американской революции, сочинил достаточно популярную книжку «Джордж Вашингтон: солдат и человек». Он трудился над ней два года, дабы очень точно сообщить все факты. Исследуя причины стойкости континентальной армии, Каллахан нашел, что этому немало способствовали широта и избирательность наказаний, введенная Вашингтоном. Автор с большим вкусом и знанием дела обращается в книжке к практике телесных и иных наказаний в армии Вашингтона. Вот ведь какие вопросы занимали ум Вашингтона в томительные месяцы вынужденного бездействия зимовок в Морристауне:

«Он обратился к методам наказания солдат. Вашингтон стоял за суровую дисциплину... Он разъяснил своему штабу, что, согласно уставам, самое тяжкое телесное наказание для провинившегося — сотня плетей, и не было промежуточного наказания между поркой и смертной казнью. Он отметил, что военно-полевой суд был вынужден часто применять тот или иной вид наказаний за все виды преступления. Вашингтон припомнил, что в самом начале войны максимальным наказанием для солдат было тридцать девять ударов плетью. Тогда же он уведомил конгресс, что этого недостаточно. Количество плетей впоследствии было увеличено

до ста, и порка иногда разбивалась на две части — сначала провинившемуся всыпали пятьдесят плетей, а через некоторое время давали по истерзанной спине еще пятьдесят».

Тут нужно прервать знатока американской истории и поправить его ссылкой на другую книгу, изданную в США в 1974 году: монографию Дж. Корбина «Неизвестный Вашингтон» (переиздание книги, впервые вышедшей в 1932 году). Как Каллахан, так и Корбин согласны, что в континентальной армии драли нещадно, но резко расходятся в подсчете количества ударов плетей (для наказания применялась плеть-девятихвостка с вплетенной проволокой). По сообщению Корбина, естественно документированному и восходящему к Вэлли-Фордж, стоны умиравших от голода смешивались с воплями наказуемых. Корбин пишет: «В зиму Вэлли-Форджа солдат Джордж Эвинг без комментариев пометил в своем дневнике: «Солдат его роты получил 300 плетей, а в другой роте 250 и к тому же в воскресенье». Дело свободы находилось в самой низшей точке — неоднократно возникала угроза мятежа и массового дезертирства. Провинившиеся бежали к врагу, в Филадельфию. За это полагалась смертная казнь. В молодости Вашингтон вешал дезертиров, когда речь шла о защите границы от нападений индейцев. В наше время телесные наказания запрещены и наказание за преступления, которые ставят под угрозу жизнь граждан, — только смерть. Пусть филантропы рассудят, что более гуманно».

С этой точки зрения Вашингтон был гуманным человеком в полном смысле слова. Вернемся к Каллахану: «Доктор Тачер оставил описание телесных наказаний: «Провинившегося крепко привязывают к дереву или столбу, и по его обнаженной спине наносится положенное количество ударов плетью, состоящей из нескольких узловатых веревок, иногда при каждом ударе кожа раздирается. Как ни удивительно, солдаты часто получают самые сильные удары без стона и не пытаются уклониться от плети. Это можно объяснить упрямством или гордостью. Они, однако, изобрели метод, который, по их словам, смягчает боль: сжимают зубами свинцовую пулю и жуют ее под плетью, пока она не становится плоской».

Проанализировав систему военных наказаний, «Вашингтон счел, что нужна их градация, ибо плетей было «недостаточно в ряде случаев», а смертная казнь — крайность. В результате размышлений в штабе в Нью-Джерси он рекомендовал конгрессу ввести «жестокий, каторжный труд» в качестве промежуточного наказания между сотней плетей и смертной казнью. Работать надлежало на строительстве укреплений, дорог и прочих общественных сооружений. Рекомендации были претворены в жизнь. Таким образом, Вашингтон и его штаб являются основателями национальной системы военных тюрем. В первую очередь в них заключа-

лись пьяницы, не получавшие во время пребывания там иной пищи, кроме хлеба и воды».

Страницы новейших американских книг об истории войны за независимость буквально пестрят поучительными рассказами о том, как самыми жестокими мерами поддерживалась дисциплина, а следовательно, обеспечивалась боеспособность континентальной армии. Порки пустяк, ибо Вашингтон широко применял смертную казнь, обставляя ее надлежащим церемониалом. Т. Флеминг в работе «Забытая победа. Битва за Нью-Джерси в 1780 году» (1973) рассказал о том, как Вашингтон учил солдат повиновению. Хотя войска были на грани мятежа по причинам слишком знакомым — голод, нехватка одежды и обуви, — главнокомандующий с большой изобретательностью показал, и очень наглядно, всем солдатам, что их ждет при попытке сбежать из-под знамен.

В мае 1780 года военно-полевой суд приговорил к смерти 11 дезертиров. Предстоявшая казнь вызывала глухой ропот, но, подчеркивает Флеминг, «Вашингтон тем не менее отказался от каких-либо послаблений в суровой воинской дисциплине. На следующий день после попытки мятежа в коннектикутской бригаде он приказал выстроить по пятьдесят человек от каждого полка на плацу в Морристауне. В одиннадцать утра появились осужденные дезертиры, их везли в телегах, которые тащили жалкие клячи. Перед процессией шел оркестр — 15—20 флейтистов и барабанщиков играли «марш смерти». Восемь были приговорены к повешению, трое — к расстрелу. Они стояли на телегах, щурясь под майским солнцем, а преподобный баптистский капеллан Уильям Роджерс из Пенсильвании взывал к ним — подготовиться к немедленной встрече с богом. Больше для поучения собравшихся, а не для осужденных капеллан распространялся о «низости» дезертирства и проистекающих от этого фатальных последствий для дела американской свободы, если это преступление будет безнаказанным. Затем восьмерых, приговоренных к повешению, повели на помост под виселицей. Они могли видеть неподалеку свежевырытые могилы для себя. У подножия виселицы их поджидали открытые гробы».

«В этот страшный момент, — писал свидетель д-р Джеймс Тачер (записки которого, как мы видели, использовал и профессор Н. Каллахан. — *Н. Я.)*, — когда они возносили горячие молитвы всевышнему, офицер зачитал помилование главнокомандующего для семи из них». Были прощены также и трое приговоренных к расстрелу. «Дрожащие преступники, освобожденные от пут и петли, безмерно рады, — заканчивает Тачер, — но они не смогли сойти с помоста без посторонней помощи». Один все же был повешен. Во многих случаях помилования не было и казнь совершалась».

Но к чему все эти сцены в то время, когда в США праздновали 200-летие, зачем в солнечный период юбилея

напоминать о суровой прозе войны, военно-полевых судах и прочем, да еще связывать все это с именем Вашингтона?

Т. Флеминг заканчивает свою книгу обращением к современникам: «Эта забытая победа напоминает нам многое из истории войны и истории нашей страны, что мы, вероятно, предали забвению или совсем не знали. Историки революции девятнадцатого столетия рисовали борьбу неизменно только как величественную, триумф единого народа, с величайшим энтузиазмом отражающего врага-тирана. Миф этого золотого века единства и идеализма, не соответствовавших действительности даже в 1776 году, преследовал нас и преследует по сей день. Памятуя об этом мифе, мы пытались судить о нашем времени и, конечно, не находили его в наши дни... Прежде всего мы забывали о том, что революционеры устали, их мораль падала, то есть их терзало то же отсутствие единства, которое типично для любой страны, ведущей длительную войну. Можно даже сформулировать аксиому — чем дольше тянется борьба, тем труднее ее участникам определить, где победа, а где поражение».

Следовательно, применительно к сегодняшнему дню — американцы, запасайтесь впрок терпением, будьте готовы не только к невзгодам, но и жестким методам наведения дисциплины в надлежащих случаях. Не верите? Вам напомнили, как действовал Отец Страны — Джордж Вашингтон!

Но вернемся к году 1780-му.

* * *

Клинтон понимал, что американцы не в состоянии наступать на Нью-Йорк. Зимой он с легким сердцем перебросил на юг лучшие части — до 8,5 тысячи человек, вверив оборону города гессенцам и лоялистам. Клинтон надеялся, опираясь на замиренную Джорджию, овладеть обеими Каролинами, Вирджинией и, если не удастся захватить всю страну, по крайней мере, закрепить за короной эти колонии. Американцы послали на юг подкрепления, но Вашингтон отклонил предложение ряда членов конгресса отправиться на юг биться с англичанами. Доводы, что английскими войсками на юге командует Клинтон и логично поставить там во главе американских Вашингтона, не произвели на него никакого впечатления.

Англичане осадили Чарлстон, гарнизон которого 12 мая 1780 года капитулировал. То было ужасающее поражение — вместе с командующим генералом Линкольном подняли руки свыше 5 тысяч американцев, из них 2500 солдат континентальной армии. Торжествующий Клинтон вернулся в Нью-Йорк, оставив на юге лорда Корнваллиса. Конгресс назначил на юг генерала Гейтса — победителя при Саратоге, что свело его с ума. Он безуспешно интриговал против Вашингтона,

последний заметил, что находится в столь «щекотливом положении... в отношении генерала Гейтса», что не хочет даже «конфиденциально» высказывать какие-либо суждения по поводу операций там, «дабы мое мнение», если оно станет известным, не было неблагоприятно истолковано недружественно настроенными людьми».

16 августа Гейтс с 1400 солдатами континентальной армии и 2 тысячами ополченцев дал бой Корнваллису у Камдена в Южной Каролине. Англичане, уступавшие по силам американцам, тем не менее быстро разгромили их. Это положило конец организованному сопротивлению в южных штатах и карьере Гейтса. Патриотов особенно возмутил тот факт, что битый генерал остановился, чтобы написать донесение конгрессу, только тогда, когда между англичанами и им было свыше 100 километров. Гамильтон язвил: «Прекрасное достижение для человека его возраста!» Вашингтон отнесся к позорному бегству Гейтса с пониманием, заявив: «Безрассудно занимать позицию вблизи превосходящего по силам врага». Конгресс сместил Гейтса и открыл следствие. Вашингтон тактично винил не полководца, а ополчение, указав — Камден дал новый предметный урок касательно «фатальных последствий зависимости от ополчения».

Те в Филадельфии, кто еще недавно видел в Гейтсе противовес Вашингтону, склонили головы. Конгресс теперь был готов возложить на главнокомандующего и ответственность за операции на юге, предложив самому избрать генерала для руководства там боевыми действиями. Он назначил Грина, излюбленную жертву нападок политиканов. Сообщая о своем выборе, Вашингтон мстительно приписал: «Я очень высоко ценю новое доказательство доверия конгресса, выразившееся в предоставлении мне права самому назначить генерала на столь ответственный пост». Крыть было нечем, в Филадельфии молча проглотили пилюлю.

Отправляя на юг Грина, Вашингтон прикомандировал к нему «легкой кавалерии генерала Г. Ли» — на обширных слабозаселенных пространствах было где развернуться конникам и Штебену, ибо «предстояло создать армию». С южного театра уже поступили сведения, что там развернулась партизанская борьба, которая в конечном итоге решила исход дела в этих штатах. Вашингтон все же не верил в успех иррегулярных частей, поэтому он свирепо предостерег Грина: «Мы должны располагать постоянной армией, а не колеблющимся ополчением, которое тает под нами, как цоколь из снега под тяжестью статуи в летний день».

Давным-давно известно, что самое легкое дело давать советы. Вашингтон рекомендовал Грину обзавестись регулярными войсками на юге, а как с комплектованием самой континентальной армии? В пользу ее решительного расширения говорило многое — катастрофа на юге и прибытие наконец из Франции долгожданных войск союзника. 10 июля эскадра

адмирала Тени бросила якоря в Ньюпорте, благоразумно оставленном англичанами. Она доставила семитысячный экспедиционный корпус под командованием генерал-лейтенанта Рошамбо. Взгляд на карту — Ньюпорт лежит севернее Нью-Йорка — подсказывал грандиозный стратегический план — зажать англичан в клещи между континентальной армией и экспедиционными силами Рошамбо, а французский флот блокирует побережье.

Вашингтон решил, что час решительного наступления пробил. Он требует увеличения континентальной армии до 25 тысяч и ополчения до 17 тысяч, а также немедленно прилично одеть служивых. Ибо «ужасно и прискорбно» оскорблять французских воинов видом стоящих с ними плечом к плечу оборванцев. Вашингтон потребовал от офицеров «приложить все усилия», чтобы надлежащим образом экипироваться. В приказе сообщались формы одежды (моделирование их всегда доставляло великую радость Вашингтону). Генерал-майорам, например, предписывалось щеголять «в синем мундире, лацканы с вышивкой, желтыми пуговицами, белой с кружевами рубашке, эполетами, на каждом из них две звезды, черными и белыми перьями на шляпе». Офицерам иметь на шляпе кокарду, шпагу на боку или, по крайней мере, «легкий штык».

Если армию в преддверии совместных действий с союзниками удалось кое-как приодеть, главным образом за счет поставок из Франции, то с пополнением дело обстояло много хуже. Титанические усилия вербовщиков дали весьма скромный результат — в континентальной армии значилось 6143 человека, в ополчении — 3700. В 1780 году на один год завербовалось менее половины солдат, чем в 1776-м на трехлетний срок. Оно и понятно: было широко известно, что солдаты практически не получают жалованья, дурно снабжаются, а рассказы о зимовках в Вэлли-Фордж и Морристауне повергали в ужас.

Что бы ни делал Вашингтон, пытаясь пустить пыль в глаза союзникам, Рошамбо очень быстро уяснил истинное положение. Он вежливо отклонил предложение Вашингтона об операции против главных сил врага в Нью-Йорке, а в Версаль писал: «Шлите нам войска, корабли и деньги, но не полагайтесь ни на этих людей, ни на их средства; у них нет ни денег, ни кредита, их возможности сопротивления носят преходящий характер, они поднимаются только тогда, когда на них нападают в собственных домах». Горячее желание Вашингтона, имевшего, по оценке Рошамбо, три тысячи солдат, наступать французский генерал объяснил тем, что «американский главнокомандующий внутренне убежден — ввиду тяжкого финансового положения эта кампания будет последней вспышкой сходящего на нет патриотизма».

Английские победы на юге, тупик под Нью-Йорком придали новую уверенность тори. Дело не ограничивалось то-

ской по старым добрым временам под скипетром короля, из тори формировались части, сражавшиеся на стороне англичан. До 50 тысяч тори с оружием в руках защищали прежний порядок. В общей сложности было 60 лоялистских полков, хотя только 21 из них по численности оправдывал это название. В середине 1780 года лорд Джермен счел возможным доверительно ободрить Клинтона: «Силы мятежников ныне презренны. Не следует опасаться сопротивления, которое серьезно помешает быстрому сокрушению восстания... Американцев на службе короля теперь больше, чем солдат во всей континентальной армии». Предательство в США действительно достигло внушительных размеров.

Самыми серьезными последствиями могла бы обернуться работа на англичан Бенедикта Арнольда. Прославленный американский военачальник начала войны, Арнольд претерпел немало унижений от конгресса. Вашингтон, высоко ценивший военный талант генерала, тем не менее не был в состоянии удовлетворить все его претензии. В Филадельфии весной 1779 года сорокалетний Арнольд женился на восемнадцатилетней местной красавице Пегги Шеппард, дочери влиятельного лоялиста. Версии о причинах его предательства различны, но все они сходятся в одном — Арнольд был крайне недоволен службой. Хотя раны, полученные в боях, зажили, отношение конгресса к нему оставило кровоточившую рану. Пегги очень скоро ввела мужа в громадные долги — поощряя ее тщеславие, он поставил дом в Филадельфии на широкую ногу. Для Арнольда, человека XVIII века, война и личное обогащение были синонимами. Он никак не понимал, почему его дискриминируют на общей оргии наживы. Вокруг сколачивались состояния отъявленными мошенниками, его попытка нагреть руки вызвала скандал. Разве не имел права на это боевой офицер?

Дело кое-как замяли, военный суд приговорил Арнольда к самому мягкому наказанию — выговору Вашингтона. Выполнив неприятную обязанность, Вашингтон предложил Арнольду убраться от филадельфийских склочников и занять «почетный пост» в армии. Арнольд растрогал покровителя своим рвением — он, превозмогая боль в искалеченной ноге, тянулся, рвался в строй. Понаблюдав за израненным ветераном, Вашингтон решил, что лучше всего поручить ему работу, не требующую большого физического напряжения. 3 августа 1780 года Арнольд стал комендантом крепости Вест-Пойнт, запиравшей Гудзон в нескольких десятках километров севернее Нью-Йорка.

О таком назначении Арнольд и англичане, на тайной службе у которых он состоял уже почти полтора года, могли только мечтать. Континентальная армия, потоптавшись у Нью-Йорка, должна была уйти южнее, в Нью-Джерси, где было легче с продовольствием и фуражом. Тогда Вест-Пойнт с трехтысячным гарнизоном приобретал исключительное

значение — Арнольду надлежало связать англичан в случае их наступления по Гудзону в направлении Канады, дав возможность Вашингтону подойти с главными силами. Потеря Вест-Пойнта грозила катастрофическими последствиями, могли бы стать явью английские планы, вынашивавшиеся с самого начала войны, — отрезать Новую Англию от юга. Не случайно американцы более трех лет строили укрепления в Вест-Пойнте, и, когда Арнольд сел в кресло коменданта, он командовал сильнейшей крепостью США. Жерла орудий с бастионов зорко стерегли Гудзон.

Арнольд предложил Клинтону сдать крепость за 10 тысяч фунтов стерлингов и чин генерала в английской армии. Клинтон согласился, и для уточнения деталей генерал-адъютант английской армии майор Андре встретился с Арнольдом в районе Вест-Пойнта. Обговорив предательскую сделку, Андре 23 сентября тронулся в обратный путь в Нью-Йорк. Он ехал верхом, в штатском платье, документы, компрометировавшие Арнольда, спрятал в ботинок. Уже на территории, контролировавшейся англичанами, его случайно задержали трое американских ополченцев, обыскали и, обнаружив малопонятные бумаги, потащили в Вест-Пойнт. Американский офицер решил порадовать Арнольда — он поспешил впереди сообщить коменданту о поимке английского шпиона. Выслушав сообщение, Арнольд немедленно бежал к англичанам, оставив в своем доме жену и ребенка.

По чистейшему совпадению именно в этот день Вашингтон намеревался посетить Вест-Пойнт, начав визит, естественно, с дома коменданта. Едва простыл след Арнольда, не прошло и часа, как у дома Арнольда спешились кавалеристы — Вашингтон, Лафайет, Гамильтон с многочисленной свитой и охраной. Главнокомандующий был неприятно поражен — он уведомил о приезде, а нет и признаков подготовки к встрече. Комендант куда-то запропастился, Пегги, говорят, больна и лежит в комнате наверху. Вашингтон с отвращением съел наскоро сервированный завтрак и отправился в крепость — Арнольд наверняка строит гарнизон для торжественной встречи. Вошли в крепость. Слоняющиеся солдаты в изумлении таращат глаза — пожаловал сам Вашингтон! Пробежав по укреплениям, крайне раздраженный невежливостью Арнольда, главнокомандующий вернулся в дом коменданта.

В четыре дня все открылось. Гонец молча передал Вашингтону пачку измятых бумаг — план Арнольда и Андре сдать Вест-Пойнт! Крик Вашингтона поднял всех на ноги, Гамильтон и Лафайет вбежали в комнату. Задыхающийся генерал ревел: «Арнольд предал нас!» Помедлив, он произнес упавшим голосом: «Кому теперь верить?»

Гамильтон с отрядом всадников бросился в погоню — быть может, удастся схватить предателя. Вашингтон в сильнейшем волнении разбирал бумаги, ужасаясь коварству тща-

тельно разработанного плана. Тут ему доложили, что очаровательная Пегги рехнулась — почти обнаженная, она бегает по комнатам верхнего этажа, утверждая, что у нее на голове раскаленный утюг и только генерал Вашингтон может снять его. Верный рыцарь, каким был он, отправился наверх. Юная красавица раскинулась в постели и, отчаянно жестикулируя, вследствие чего присутствующие могли обозреть все ее прелести, объяснила — мужа «унесли на небеса духи, он ушел навсегда». Она отказалась признать склонившегося над кроватью Вашингтона, утверждая, что перед ней злодей, намеревающийся убить ее ребенка. И тут же добавила, что муж исчез, ибо не был в силах предотвратить злодеяние.

Бормоча слова утешения, Вашингтон неловко отступил. Он спустился вниз и с достоинством обратился к присутствовавшим: «Миссис Арнольд больна, а генерала Арнольда нет. Мы должны обедать без них». Звучало так странно, неуместно.

Вечером поступило донесение от Гамильтона — Арнольд не только ускользнул к англичанам, но успел прислать письма — Вашингтону, в котором настаивал, что только «истинный патриотизм» побудил его перебежать к англичанам, и письмо Пегги. Вашингтон, не открывая, отправил его наверх, приписав, что, хотя его долг схватить Арнольда, он рад успокоить супругу — муж вне опасности. Главнокомандующий распорядился не трогать даму, предложив обеспечить ей проезд к мужу. Она предпочла отправиться к отцу в Филадельфию, но вскоре присоединилась к Арнольду за британскими линиями. Патриоты питали серьезные подозрения в отношении Пегги, ее активное участие в заговоре было полностью доказано спустя более полутораста лет — в 1930 году, когда был изучен архив Клинтона.

В руках американцев остался майор Андре. Когда его доставили к Вашингтону, генерал не мог подавить волнения — такой же блестящий молодой человек, как Лафайет, и наверняка занимавший сходное положение у Клинтона. Перед лицом неизбежной смерти Андре вел себя спокойно, с достоинством и был даже весел. Вашингтон проклинал все: должность, войну, жизнь — нужно казнить джентльмена. Он ухватился за спасительную мысль — обменять Андре на Арнольда. Клинтон отказался, прислав пространное письмо, доказывавшее, что майор не был рядовым низким шпионом. Пощадить Андре было совершенно невозможно — нужен был предметный урок всем, особенно тем, кто попытался бы склонить офицеров континентальной армии к предательству.

Андре не питал иллюзий, выразив в личном письме Вашингтону надежду, что не умрет не подобающей солдату смертью в петле. Вашингтон не счел возможным изменять способ казни, приказав только, чтобы рафинированный анг-

лийский джентльмен увидел виселицу в последний момент. В полдень 2 октября на глазах выстроенных войск Андре был казнен. Он с достоинством принял смерть, многие стоявшие вокруг не скрывали слез. Плакали навзрыд в штабе, где заперся на время казни Вашингтон с высшими офицерами. Они не успели вытереть слезы, как доставили запоздавшее послание от Арнольда — он грозил страшными карами, если Андре умрет. Англичане прочно закрепили за Вашингтоном прозвище «убийцы», припомнив и давнее дело Жюмонвиля, еще до Семилетней войны. Английские карикатуристы изображали его в виде кровожадного чудовища.

Клинтон выполнил свою часть сделки с Арнольдом, выплатив ему 6315 фунтов стерлингов и обеспечив Пегги пенсией в 500 фунтов стерлингов в год. Он стал генералом английской службы и вскоре возглавил опустошительные набеги. Для американцев Арнольд — символ предательства. В Саратоге стоит безымянный памятник, на котором красуется сапог, что означает: только нога, в которую Арнольд был ранен дважды, заслуживает уважения. В старой военной церкви в Вест-Пойнте на мраморной доске с именами всех генералов войны за независимость значится: «Генерал-майор... родился в 1740 году».

* * *

Шестая зима войны... В Нью-Йорке англичане и тори готовились отпраздновать Новый год. В Ньюпорте, где обосновались союзники — французы не сделали ни шагу оттуда с прибытия в США, — в теплых домах уютно и весело. А континентальная армия! Послушаем Вашингтона:

«У нас нет ни денег, ни кредита, чтобы купить хотя бы досок и сделать двери для наших хижин... Если бы солдаты могли, подобно хамелеонам, питаться воздухом или, как медведи, сосать лапу и так перебиться в суровые дни наступающей зимы... Собрав все наше тряпье, мы едва ли обеспечим их теплой одеждой. И что особенно прискорбно — меня положительно заверили — во Франции наготове десять тысяч мундиров. Они лежат там только потому, что наши представители не могут договориться, кому отправить их».

Раздетая армия не годилась для проведения даже небольших операций. Лафайет попытался побудить Вашингтона нанести все же удары по англичанам, напомнить о Трентоне и Принстопе. «Французский двор, — писал он генералу, — часто жаловался мне на неактивность американской армии, которая до заключения союза отличалась предприимчивостью. При дворе мне постоянно говорили: «Твои друзья бросили нас воевать за них, а сами не хотят рисковать». На что Вашингтон ответил: «Нельзя, дорогой маркиз, желать более страстно, чем я, закончить кампанию удачным

ударом. Но нам следует сообразовываться с имеющимися возможностями, а не желаниями и не пытаться улучшить наше положение предприятиями, которые могут только ухудшить ее». Вашингтон пожинал плоды американской политики — США всецело положились на союз с Францией, а армия Бурбонов не рвалась в бой на американской земле.

Континентальная армия была низведена до жалкого положения. Только «невероятная пассивность» врага, писал Вашингтон, позволила удержать в ту осень Вест-Пойнт, «дала нам возможность маячить у их квартир (у Нью-Йорка. — Н. Я.), в то время как у нас едва-едва хватало солдат, чтобы выставлять обычное охранение». Накануне нового, 1781 года Вашингтон писал генералу Кедваладеру: «Я не вижу ничего впереди, кроме новых бед. Половину времени мы сидим без продовольствия, и так будет дальше. У нас нет складов и нет средств на создание их. Очень скоро мы останемся и без солдат, ибо у нас нет денег, чтобы платить им. Мы кое-как держались, но всему приходит конец. Одним словом, история этой войны — история ложных надежд».

1 января 1782 года случилось то, что давно предсказывал и ожидал Вашингтон, — войска восстали. Поднялись все полки из Пенсильвании, расквартированные в Морристауне, — 2400 человек. Солдаты убили капитана, ранили несколько офицеров и, захватив шесть орудий, пошли на Филадельфию. Полки возглавили сержанты. Генерал Вайн попытался задержать восставших, угрожал зачинщикам пистолетами, в ответ над его головой прогремел залп. Вайн расстегнул мундир и драматическим жестом предложил поразить его сердце. Солдаты разъяснили, что они не таят зла на боевого генерала, а намерены добиться справедливости у конгресса, забывшего об армии. Нельзя, кричали они, потрясая мушкетами, больше так жить и служить — голодными, без обмундирования, получать жалованье бумажками.

Вашингтон, узнавший о восстании, осмотрительно не покинул Вест-Пойнт, солдаты крепости были непадежны, «они только дожидались результатов мятежа пенсильванцев». Он поручил разузнать настроения частей из Новой Англии, результат обескураживающий — солдаты не выступят на подавление своих товарищей. Лафайет попробовал свои силы — он встретился с восставшими. «Эти смелые люди, — писал он, — страдали вместе с нами четыре года». Они не получали жалованья пятпадцать месяцев, их задержали на год против обещанного срока службы. «Было бы весьма неуместно», признался он, поднять меч на восставших, ибо «вероятность сокрушения их недостаточна, чтобы решиться нанести удар». Полк, посланный отобрать орудия, уже присоединился к восставшим.

Волей-неволей пришлось идти на уступки. Вашингтон рекомендовал конгрессу не бежать из Филадельфии, а отрядить представителей для переговоров с мятежными пенсильванцами. Одновременно он обратился с требованием к губернаторам штатов Новой Англии немедленно предоставить деньги и обмундирование. Президент конгресса Рид встретил восставшие полки в Принстоне. Начался унизительный для конгресса торг. Ветераны демонстрировали свои рубища, шрамы от ран, заверяли, что «сама идея стать арнольдами им ненавистна», но упорно отказывались передать до удовлетворения их требований двух английских эмиссаров, которых успел прислать к ним Клинтон с самыми соблазнительными посулами.

Рид уступил всем требованиям. В обмен на выдачу английских агентов (оба были немедленно повешены) и прекращение восстания пенсильванцы получили все просимые материальные компенсации, были одеты, обуты, накормлены. Половина восставших с разрешения конгресса немедленно расходилась по домам, вторая половина последовала за ними в середине апреля 1782 года. Пенсильванские полки, по крайней мере временно, перестали существовать. Вашингтон лишился многих ветеранов, на подготовку которых было затрачено столько сил и средств.

Пример пенсильванцев оказался заразительным. 21 января восстали солдаты из Нью-Джерси. Вашингтон вздохнул с облегчением — мятежников всего около двухсот, они направились на столицу штата Трентон с требованиями, аналогичными выставленным пенсильванцами. У Вашингтона был наготове карательный отряд — шестьсот человек генерала Хоу, которых первоначально хотели использовать против пенсильванцев, но не решились. С начала января этих людей кормили и поили на убой. Они были тепло одеты и отлично вооружены. Вашингтон приказал Хоу подавить восстание.

Сообщая циркуляром губернаторам тринадцати штатов о принятых мерах, Вашингтон писал: «Будучи убежденным, что, если решительными мерами не подавить этот опасный дух, им будет заражена вся армия, я приказал отряду, максимальному по численности, который мы только смогли выделить, проследовать во главе с генерал-майором Хоу с приказом заставить мятежников безоговорочно капитулировать, не выслушивать никаких их условий, пока они готовы оказать сопротивление, а по капитуляции немедленно казнить нескольких зачинщиков. Я не знаю, как поведут себя посланные для этой цели войска, но льщу себя надеждой, что они выполнят свой долг. Я предпочитаю любые эксцессы со стороны войск из Нью-Джерси компромиссу».

Вашингтон считал это небольшое восстание небесным даром — представлялся случай преподать урок всей армии.

Что случилось бы, если восстание было большое по масштабам! Он выехал в санях вслед за отрядом Хоу. Когда каратели прибыли к месту назначения, Вашингтон был обескуражен — офицеры уже договорились с мятежниками — им обещали, если они разойдутся, освободить от наказания. Вашингтон был вне себя от бешенства — глупцы в офицерских мундирах сорвали великолепный замысел на примере мятежников проучить армию. Он вызвал офицеров и подробно опросил, кто-то заметил, что солдаты все еще «полностью не повинуются». Вот он, искомый предлог! Вашингтон постановил — мятеж продолжается, и каратели приступили к делу.

Хижины нью-джерсийских солдат окружили, удивленным людям приказали построиться, и двое зачинщиков были на месте расстреляны. Это поручили двенадцати их ближайшим товарищам. Они роптали, плакали, но повиновались. «Само существование армии, — комментировал Вашингтон, — требовало примера». Он добавил: «гражданские свободы» не могут существовать», если солдаты «диктуют свои условия родине».

В общем приказе по армии 30 января Вашингтон разъяснил: «Генерал глубоко понимает страдания армии. Он делает все, чтобы облегчить их, и убежден, что конгресс и ряд штатов также прилагают все усилия для достижения этого. Однако когда мы ожидаем от страны выполнения ее обязательств, мы должны помнить о ее сложном положении. Мы начали борьбу за свободу и независимость с очень ограниченными средствами для ведения войны, полагая, что патриотизм компенсирует нехватку их. Мы ожидали тяготы, и мы не должны пасовать перед ними, равно как не бросать вызов закону и порядку, дабы добиться облегчения».

В эти тяжелые месяцы Вашингтоном всецело овладела идея — наказать предателя, изловить и повесить Арнольда! Хитроумный план выкрасть его из Нью-Йорка рухнул, вскоре Арнольд объявился в Вирджинии во главе полуторатысячного отряда. Клинтон дал ему этих солдат, чтобы развернуть кампанию на юге. Для Арнольда представилась возможность осуществить личную месть. Он шел по Вирджинии, оставляя за собой пепелища плантаций, разгоняя местное ополчение. Над родным штатом Вашингтона нависла смертельная опасность. Главнокомандующий отправил в Вирджинию Лафайета с войсками. Но тот не мог ничего поделать — весной Корнваллис, уставший гоняться за неуловимым Грином, бросил Северную Каролину и вторгся в Вирджинию. Лафайету с его трехтысячным отрядом, состоявшим в основном из ополченцев, было не до Арнольда, во имя самосохранения он должен был держаться подальше от семитысячного корпуса Корнваллиса. Лорд поклялся изловить «молокососа».

Мрачные известия накапливались с каждым днем, они вывели Вашингтона из себя. Он стал срываться по пустякам, буквально превратился в грозу даже для самых близких. По пустячному поводу он грубо оскорбил Гамильтона, тот вспыхнул как порох и отказался от адъютантства. Хотя, одумавшись, Вашингтон передал Гамильтону извинения, честолюбивый офицер отказался принять их. Тестю генералу Шайлеру Гамильтон объяснил: «В течение трех лет я не испытывал никаких дружественных чувств к нему и не заикался о них. Наши характеры противоположны, и моя честь не позволяет мне выражать то, чего нет. Более того, когда он обратился с извинениями, они были встречены так, чтобы не осталось сомнения — я не желаю их и предпочитаю вести с ним дела на основе военной службы, а не личной привязанности». Гамильтон ушел из штаба, получив командование батальоном легкой пехоты.

Беда в отношениях с Вашингтоном заключалась в том, что он был в прямом и фигуральном смысле на голову выше окружающих. Природный ум, отточенный в годы военных испытаний, позволял ему быстрее схватывать суть событий, он соображал молниеносно и не скрывал раздражения, когда близкие люди не успевали усмотреть то, что представлялось ему очевидным. Если ему нравился кто-либо, как было с Гамильтоном, то Вашингтон не мог представить себе, почему данный человек осмеливается иметь мнение, отличное от его. Разве дружественное расположение главнокомандующего не порука беспредельного взаимного доверия? Вашингтон всегда болезненно переживал, когда обнаруживалось, что обласканный дерзал свое сужденье иметь. Все это усугублялось тем, что Вашингтон часто испытывал жуткие головные боли. Ему было почти пятьдесят лет, он был издерган, тогдашние дантисты скрепили больные зубы проволокой, и они кое-как держались. Можно было удалить их, но представить главнокомандующего шамкающим беззубым ртом! Это было слишком для джентльмена, а сделать протезы в военном лагере было невозможно.

Как будто мало было ударов судьбы по Вашингтону как военачальнику, на него свалилась личная беда. В апреле 1789 года курьер привез письмо Лафайета из Вирджинии. Верный маркиз сообщал, что английский корабль бросил якорь напротив Маунт-Вернона. «Когда враги вошли в ваш дом, — докладывал Лафайет, — многие негры были готовы присоединиться к ним, но эти дела меня мало интересуют. Однако вы не можете представить себе, как я был опечален, узнав, что м-р Лунд Вашингтон отправился на вражеский корабль и согласился снабдить его провиантом. Поведение человека, отвечающего за вашу собственность, конечно, произведет дурное впечатление, и оно резко отличается от поведения некоторых соседей, дома которых из-за сопротивления были сожжены. Вы можете поступать как

заблагорассудится, но чувства дружбы заставляют меня доверительно довести до вашего сведения эти факты».

Материальные потери были невелики — с англичанами, обещавшими свободу, ушли семнадцать негров, но моральный ущерб престижу главнокомандующего не поддавался исчислению. Радость по поводу того, что родной дом уцелел, сменил гнев. Вашингтон выговаривает Лунду: «Я, конечно, сожалею о понесенных мною убытках, но что куда больше беспокоит меня — как вы могли пойти на вражеский корабль и снабдить его продовольствием? Мне было бы легче услышать, что в результате вашего отказа повиноваться мой дом сожжен, а плантации в руинах. Вам нужно было вести себя как моему представителю, и вы должны были бы подумать о дурном примере, который дает связь с врагом и добровольное предоставление ему продовольствия, чтобы избежать разорения. Вы, конечно, не были в состоянии противодействовать их высадке, и вы правильно встретились с ними. Но дальше, как только стала ясна их цель, вам следовало ясно заявить, что вы не можете уступить. После чего, если бы они взяли продовольствие силой, вы бы подчинились. Такой образ действия (коль скоро у вас нет средств защиты) предпочтительнее слабому сопротивлению, которое служит только предлогом для поджога и уничтожения всего».

Весьма поучительное письмо! В нем весь рассудительный Вашингтон, учивший сохранять лицо в невозможных обстоятельствах. Во всяком случае, он нашел третий выход, что задним числом и втолковывал преданному тугодуму Лунду.

* * *

Конгресс постепенно привык полагаться на Вашингтона, используя даже его популярность. Чрезвычайным и полномочным послом США в Версаль отправили двадцатишестилетнего полковника Д. Лоренса. Основной мотив — его близость к главнокомандующему. Ему Вашингтон мог писать откровенно и весной 1781 года отправил шифрованное послание. Генерал заклинал своего ученика добиться новых субсидий при дворе Людовика XVI:

«Будь уверен, мой дорогой Лоренс, день не следует за ночью с большей регулярностью, чем очевидно, — происходят все новые и новые доказательства: невозможно продолжать войну без помощи, которую вас послали просить. Как честный и откровенный человек, все будущее которого зависит от счастливого завершения нынешней войны, я решительно заверяю — без иностранного займа наши нынешние силы (в сущности, только остатки армии) не могут быть со-

хранены для пышешней кампании... Если Франция не окажет в этот момент своевременной и широкой помощи, позднее она будет бесполезна. Мы висим на волоске, вы должны помнить — мы не можем доставить продовольствие, ибо не можем расплатиться с возчиками, которые больше не хотят работать за сертификаты. В равной степени очевидно, что наши солдаты очень скоро будут раздеты, нам не во что одеть их, в госпиталях нет медикаментов... Но стоит ли мне продолжать, когда можно заявить одним словом — мы дошли до предела, и спасение должно прийти ныне или никогда?»

Не сгущал ли Вашингтон краски? Обратимся к статистике (данные о численности войск округлены, а финансовые затраты пересчитаны в стабильных долларах): пик военных усилий США — 1776 год — в континентальной армии 43 тысячи, в ополчении 47 тысяч человек, военные расходы 2¼ миллиона долларов. В 1781 году в армии 13 тысяч, в ополчении 16 тысяч человек, военные расходы 2 миллиона долларов.

Союз с Францией, как красноречиво свидетельствуют эти данные, явился поводом, чтобы ослабить военные усилия США. Франция, конечно, не могла сделать все за американцев, но сделала много — ее помощь оценивалась в 8 миллионов долларов. Обстановка, как видел ее Вашингтон, складывалась безнадежная, и впервые с начала войны он заговорил о компромиссном мире, допуская, что за англичанами останется территория США, попавшая под их контроль. Франклину в Париж он пишет: «В нашем нынешнем положении жизненно важны две вещи — мир или самая энергичная помощь со стороны союзников, особенно деньгами». Он прекрасно понимал, что ресурсы США далеко не исчерпаны, но мобилизовать их, то есть поднять людей на справедливую войну, можно только за хорошую плату.

Компромиссный мир явился бы катастрофой лично для Вашингтона — англичане бесчинствовали в Вирджинии и фактически захватили родной штат. В случае мира Вирджиния осталась бы за короной, Вашингтон был бы разорен и навсегда превратился в изгнанника. Губернатор Т. Джефферсон от имени земляков умолял Вашингтона вернуться в Вирджинию и возглавить борьбу против англичан. Вашингтон отказался. Это делало ему честь — вирджинцы изнывали от желания видеть Вашингтона у себя не просто генералом, а диктатором. Разбежавшиеся от английских войск плантаторы юга, и не одни они, считали, что страну может спасти только диктатура Вашингтона. Он же полагал, что это будет означать не только нарушение высоких республиканских принципов, но и предательство дела всей войны. И если летом и осенью 1781 года центр боевых действий переместился в Вирджинию, то произошло это скорее против

воли Вашингтона и отнюдь не было связано с защитой родного штата.

Вашингтон неизменно стремился побудить Рошамбо вместе с континентальной армией взять Нью-Йорк. Французский командующий внимательно слушал Вашингтона, читал его пламенные письма и убеждался в близорукости американцев. С военной точки зрения кампания на юге вместо штурма бастионов Клинтона обещала много больше. На юге можно было быстро использовать французские войска и флот из Вест-Индии и нанести решительное поражение англичанам. Внушения Вашингтона, что континентальная армия-де — серьезная боевая сила, вызывали у Рошамбо улыбку — он не верил, что истощенное и недисциплинированное воинство сможет эффективно действовать против укрепленного Нью-Йорка.

Щадя чувства союзников, запятых священной борьбой за свободу, Рошамбо согласился, что объединенные франко-американские силы пойдут на Нью-Йорк. Вашингтон ликовал, хотя не понимал многого в поведении французов. Так, было договорено, что эскадра французского адмирала Барраса покинет Ньюпорт и будет содействовать операциям на суше против Нью-Йорка. Вашингтон уточнял детали разгрома Клинтона, как прискакал посланец Рошамбо, сверхэлегантный герцог де Лоцан. Он передал решение французского военного совета — эскадра остается в Ньюпорте. Изящный герцог, искусно скрывая улыбку, наблюдал, как предводитель едва отесанных варваров настолько разъярился, что три дня не мог написать ответ Рошамбо. Любимец двора и любовник Марии-Антуанетты де Лоцан забавлялся от всей души. Он оказался в США, как и многие отпрыски французских великосветских семей, пресыщенные Версалем, в поисках развлечений и приключений.

Вашингтону было не до шуток — Рошамбо внешне учтиво показал генералу, что французская армия отнюдь не под его командованием. Вашингтону в конце концов пришлось согласиться с решенным без него и против его воли. Ему нужно было поддерживать фикцию — американцы-де руководят союзными силами. Он взывал к штатам — пополнить континентальную армию, ибо впереди ослепительная победа над Клинтоном, которой помогут французы. Но сколько-нибудь значительных подкреплений Вашингтон не получил, ибо поток новобранцев был прямо пропорционален размерам кассы армии. А она была пуста. Единственное утешение — в конце мая Лоренс сообщил из Парижа, что французский кабинет выделил США еще шесть миллионов ливров, часть из них Вашингтон может истратить по своему усмотрению. Но деньги нужно было еще получить, путь из Франции долог.

Примерно в двадцати километрах к северу от Мапхэттена, в Доббс-Ферри, Вашингтон приготовил лагерь для объ-

единенных сил, куда только 6 июля пришел Рошамбо с армией. Впервые союзники могли вплотную осмотреть друг друга. Армия Бурбонов в белоснежных мундирах (полки различались только по цвету лацканов, воротников и пуговиц мундиров) и оборванное американское воинство, оцепеневшее, когда под рокот барабанов французы устроили парад. Вашингтон потчевал чем мог французских офицеров. Они, переглядываясь, нашли стол американского вождя примитивным — только одна тарелка, салат нещадно полит уксусом, кофе слабый и совершенно невыносимые вино и ром. Аристократы с трудом вынесли пытку трапезы у благодушного Вашингтона, многочасовое сидение за обедом, затянувшееся до позднего вечера, крики и хвастовство американских офицеров. Король, несомненно, выбрал себе странных друзей. Но дурное общество не слишком шокировало французов, они были преисполнены легкомысленной воинственности, отличающей престарелые монархии.

Вашингтон выезжал с Рошамбо на рекогносцировки около Нью-Йорка, американец все объяснял, а француз согласно кивал головой. Увиденное лишь убедило Рошамбо в правильности уже избранного за спиной Вашингтона курса. Он списался с командующим французским флотом в Вест-Индии адмиралом де Грассом и договорился — удар будет нанесен Корнваллису в Вирджинии. Де Грасс согласился в середине сентября прибыть к Чезапикскому заливу, куда подойдет Рошамбо и, если угодно американцам, континентальная армия. «Эти люди здесь, — писал Рошамбо де Грассу, — достигли предела своих ресурсов. У Вашингтона нет и половины войск, на которые он рассчитывал. Хотя он и скрывает, я думаю, у него нет и шести тысяч... Таково состояние дел и таков глубокий кризис, который переживает Америка, особенно в южных штатах. Прибытие графа де Грасса может спасти ее, все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, бесполезны без его помощи и обеспечения им господства на море». Эскадра Барраса получила приказ также прибыть в сентябре к Чезапикскому заливу, доставив артиллерию и припасы французов.

14 августа Вашингтону, готовившему викторию у Нью-Йорка, наконец сообщили французский план. Он вознегодовал, ругался, но быстро смирился — де Грасс имел 28 линейных кораблей с тремя тысячами солдат на борту. Отказаться принять участие в операции было бы смешно, французы провели бы ее сами, бросив континентальную армию у Нью-Йорка. Чтобы успеть прибыть в Вирджинию к подходу эскадры де Грасса, войскам Рошамбо и Вашингтона предстояло пройти форсированным маршем около 750 километров. Операция не могла не увенчаться успехом — Корнваллис совершил фатальную ошибку, отведя свой корпус к Йорктауну, где он мог быть заперт де Грассом с моря и атакован Рошамбо и Вашингтоном с суши. Когда Вашингтон

узнал об этом, он загорелся кампанией на юге и, беспощадно понукая армию, двинулся в Вирджинию, за ним без лишней спешки, но споро пошли войска Рошамбо.

Вот и родной штат, Вашингтон горел нетерпением, шел седьмой год, и он впервые должен был увидеть .Маунт-Вернон! 9 сентября, проскакав с адъютантом за день почти сто километров, Вашингтон спешился у дверей дома. Позади разоренный войной край, здесь ничего не изменилось — испуганные лица маленьких детей, которые родились в его отсутствие, — трое внучек и внук. Безупречно одетый приемный сын Джон Кастис прячет блудливые глаза — он определенно побаивался Вашингтона. Все эти годы Джон не нюхал пороха, а вел беспутную жизнь. С пьяными гостями он ставил на стол среди бутылок крошечную девочку, и под одобрительный рев она читала непристойные стихи, заученные под руководством отца.

Вашингтон пробыл в Маунт-Верноне три дня, потчуя французских генералов. Рошамбо и другие оценили гостеприимство плантатора, а Джон Кастис, очарованный французскими аристократами, вызвался идти волонтером под Йорктаун. Война в таком обществе представлялась приятной прогулкой. Вашингтон, более чем прохладно относившийся к бездельнику и моту, понадеялся было на Марту — она отговорит любимое дитя. Куда там! Марта светилась материнской гордостью. Предвидя только неприятности от появления приемного сына в армии, Вашингтон нехотя согласился. Утешало разве то, что Джон произвел самое благоприятное впечатление на великосветских лоботрясов, кишевших вокруг Рошамбо.

А на борту 110-пушечного флагмана «Город Париж» (крупнейшего военного корабля в мире по тем временам) уже бесновался де Грасс. Он рассчитал, что может оставаться в Чезапикском заливе только до 15 октября, а затем вернуться в Вест-Индию драться с англичанами. Великолепный адмирал раскаивался, что связался с осадой Йорктауна. Он опасался вражеского флота — уже пришлось отбить эскадру английского адмирала Грейвса. Этот флотоводец был нерешительным, но американские воды бороздили эскадры отважных морских волков адмиралов Худа и Роднея. Де Грасс боялся неблагоприятной погоды, опасался за судьбу кораблей Барраса (им удалось благополучно проскользнуть) и поносил на чем свет стоит опаздывавшие войска с севера, забыв, что сам явился на место действия ранее обещанного. Вашингтон получил от него письмо, как будто он был неисправный подчиненный. Адмирал выражал «досаду» по поводу задержки континентальной армии и добавлял: «Приближается такое время года, когда я вопреки моему желанию буду вынужден оставить своих союзников, для которых я сделал все и даже больше, чем можно было ожидать».

17 сентября Вашингтон поднялся на борт величественного флагмана «Город Париж». Американцы уже были оглушены и ошеломлены воинскими почестями — холостыми залпами, музыкой, приветствиями, подлинное испытание ожидало главнокомандующего на палубе. Де Грасс, гигант и толстяк, схватил в объятия Вашингтона и, обдавая запахом спиртного, заорал: «Вот и ты, мой дорогой крошка генерал!» Общий смех, Нокс хлопал руками по собственному исполинскому животу, демонстрируя, что уж он-то не уступает де Грассу. Вашингтон побелел, он, придававший такое значение ритуалу, был уязвлен до глубины души. Бесцеремонный моряк покусился на достоинство Соединенных Штатов! Он немедленно зачислил и де Грасса в число недоброжелателей великих американских принципов, отзываясь о нем как о «смелом», но «совершенно бестактном» офицере.

Новые испытания и унижения — на ежедневных штабных совещаниях французы бойко сыпали специальными терминами и горячо обсуждали малопонятные дела, связанные со взятием Йорктауна правильной осадой. Надуваясь важностью, Вашингтон молча слушал... и соглашался. Он хранил достоинство номинального главнокомандующего, в то время как французские артиллеристы решали тактические вопросы. 9 октября, обложив Йорктаун и отрыв первую параллель, союзники открыли артиллерийский огонь по редутам Корнваллиса. Честь сделать первый выстрел была предоставлена Вашингтону. Он с удивлением увидел, что ядро точно легло в предназначенное место. Когда же загремели американские батареи, французы едва сдерживались от смеха. Ядра не поражали цели, бомбы часто не взрывались. Вашингтону объяснили, что у французов новые пушки и хороший порох...

Рошамбо снисходительно заметил: «Нужно воздать американцам должное — они проявляли рвение, мужество и старались подражать... хотя они совершенно невежественны в проведении осады». Французский генерал не был прав во всем — если осаждавшие Корнваллиса 17 тысяч человек делились примерно поровну между французами и американцами, то французские потери при взятии Йорктауна более чем в два раза превысили американские. Континентальная армия наверняка куда лучше умела укрываться, частично за спинами французов. Что до Вашингтона, то он проявил должное мужество и невозмутимость, зафиксированные впоследствии в его жизнеописаниях.

Сцена первая. Ядро, упав рядом с Вашингтоном и капелланом, преподобным отцом Эвансом, засыпало землей шляпу служителя бога. Сняв ее, Эванс крикнул Вашингтону:

— Взгляните, генерал!

— Мистер Эванс, свезите лучше шляпу домой и покажите вашей жене и детям, — ответил Вашингтон.

Сцена вторая. Вашингтон и адъютант ожидают начала атаки вражеского редута. Пока тихо. Адъютант прикоснулся к руке Вашингтона и умоляюще произнес:

— Сэр, здесь вы стоите слишком открыто. Не лучше ли отступить немного назад?

— Полковник Кобб, если вы боитесь, вы вольны отойти!

Осада шла как по маслу по принципам великого в XVIII веке французского фортификатора Вобана. Заложили вторую параллель, перетащили на нее орудия и стали осыпать ядрами и бомбами не только Йорктаун, но и английские корабли, стоявшие в порту. Корнваллис, потеряв их, утрачивал возможность уйти из осажденного города. Лорда, прославившегося решительностью, в дни осады как подменили. Он не проявил нужной распорядительности и тратил время в основном на ругань в адрес Клинтона, который неразумными распоряжениями загнал его корпус в мышеловку. Он положился на выручку флота из Нью-Йорка, но подготовка экспедиции задержалась. Корнваллис сделал последнюю попытку — собрал лодки, чтобы перебросить личный состав корпуса через реку Йорк и уйти по суше от врага. Сильный шторм помешал осуществлению плана.

В боях под Йорктауном Вашингтон не забыл Гамильтона, дав ему возможность отличиться. Во главе четырехсот солдат Гамильтон взял в ночь с 14 на 15 октября английский редут, чтобы выровнять вторую параллель. На этом активные действия закончились — американцы потеряли 88 человек, французы — 186. Дело продолжили артиллеристы. Выдержав еще два дня бомбардировки — общие потери Корнваллиса достигли 482 человек, — 17 октября он послал парламентеров договариваться о сдаче — ровно за неделю до прибытия к Чезапикскому заливу эскадры, посланной Клинтоном на помощь из Нью-Йорка.

Церемония капитуляции состоялась 19 октября 1781 года. Вдоль дороги из Йорктауна в два ряда выстроились союзные армии — французы слева, американцы справа. В дальнем конце коридора, образованного шеренгами солдат, Вашингтон, Рошамбо и множество генералов на конях. Нервное ожидание разрядили оркестры — французские играли «великолепно», американские «терпимо». Наконец из Йорктауна появилась колонна войск Корнваллиса. С первого взгляда было видно, что англичане и гессенцы не потеряли напрасно ночь перед капитуляцией — они медленно маршировали в парадных мундирах. Блестели начищенные пуговицы и штыки. Красные ряды англичан по своему великолепию могли соперничать только с белоснежными шеренгами французов.

Английские офицеры скомандовали равнение направо, и войска шли, пристально вглядываясь в лица французов, под-

черкивая, что капитулируют перед равной армией, но не перед сбродом, толпившимся слева. Глухо рокотали барабаны, пронзительные волынки английского оркестра выводили песенку «Мир перевернулся вверх тормашками». Лафайет, гордо стоявший перед своей оборванной дивизией, не мог вынести такого бесчестья своих американских друзей. Он дал знак, и американский оркестр оглушительно грянул варварскую мелодию «Янки дудль». Английские солдаты, вздрогнув, инстинктивно взглянули в сторону, откуда доносился ужасающий шум. Американцы вовсю скалили зубы, строили рожи, приплясывали от восторга и грозили побежденным. Нет, лучше смотреть па французов, на лицах их офицеров, по крайней мере, братское сочувствие.

По мере приближения головы колонны Вашингтон жадно вглядывался в генерала, возглавлявшего ее. Он определенно не был Корнваллисом, много моложе и в мундире бригадного генерала. Корнваллис, сказавшись больным, прислал вместо себя генерала О'Хара. Англичанин повернул лошадь к группе французских генералов и осведомился, где Рошамбо. Французы поняли намерение О'Хара вручить шпагу их военачальнику и адресовали представителя Корнваллиса к Вашингтону. Тот с видимой неохотой подъехал к американским генералам. В тонкостях этикета Вашингтон ориентировался молниеносно. Он указал О'Хара на генерала Линкольна, совсем недавно сдавшего Чарлстон, выменянного из плена и теперь красовавшегося среди торжествующих победителей.

Армия Корнваллиса сдалась. В плен пошло свыше 8 тысяч англичан и гессенцев, грубо говоря, четвертая часть сил, которыми Англия располагала в Северной Америке. Вечером Вашингтон дал банкет в честь командования трех армий. Американцы негодовали по поводу сверхвнимательного отношения французов и англичан друг к другу, их объединял дух «законных» армий монархов. Вашингтон возгласил тост за короля Франции.

Победу над Йорктауном США встретили колокольным звоном, фейерверками, банкетами. Толпы кричали «ура!» и чествовали патриотов. Конгресс благодарил направо и налево. Он вотировал преподнести два взятых английских знамени Вашингтону; по трофейной пушке Рошамбо и де Грассу: лошадь и шпагу гонцу, привезшему в Филадельфию весть о победе. Получение из Франции наконец бочонков с золотыми монетами (очередной заем) поднял энтузиазм почтенного собрания на невиданные высоты. Постановили воздвигнуть в Йорктауне мраморную колонну, увенчанную эмблемами союза между США и Францией с надписью-рассказом о достопамятной осаде и капитуляции. Республика расправляла крылья — начав с назидательных латинских изречений о вредоносных тиранах, намалеванных на щитах, обращенных к неприятелю во время осады, теперь надпись на мраморе на века!

Трудно сказать, что именно было на уме Вашингтона, но он очень сдержанно сообщал о победе, превозносившейся всей страной. Ревниво оберегая свои прерогативы главнокомандующего, Вашингтон сухо поблагодарил Рошамбо и его армию за «одобряющую и умелую помощь», а американским солдатам предложил «от всего сердца выразить благодарность, которую требует от нас повторное и удивительное вмешательство Провидения». Если под «Провидением» разуметь, что победа была достигнута по французским планам и вопреки первоначальным замыслам Вашингтона, то для посвященных слова звучали иронически. Только в 1788 году Вашингтон собрался с силами признать, что Йорктаун подготовили французские стратеги.

Вашингтон попытался побудить де Грасса продолжить боевые действия — англичане удерживали Вилмингтон в Северной Каролине и Чарлстон. Он выступил в ненавистной роли просителя, использовал «все аргументы и средства убеждения», но де Грасс был неумолим. Адмирал рвался воевать в Вест-Индии. Вашингтону пришлось подчиниться. Де Грасс с флотом, солдатами и трофейной пушкой исчез с североамериканской сцены, он направился навстречу своей судьбе — на следующий год английский адмирал Родней наголову разгромил его флот у Гваделупы, взяв неунывавшего толстяка в плен. Рошамбо с войсками стал на зимние квартиры в гостеприимной (французы платили твердой валютой) Вирджинии.

Большую часть континентальной армии Вашингтон отправил на север, а сам решил отдохнуть в Маунт-Верноне. Он неторопливо ехал домой, нанося визиты людям, которых почти забыл, как узнал — Джон Кастис умирает в доме знакомых. Вашингтон поспешил к смертному одру приемного сына. 5 ноября Джон скончался от дизентерии, именовавшейся тогдашними эскулапами «лагерной лихорадкой». Вашингтон, хотя двадцать два года и был «папой» бездельника, не мог заставить себя выразить личное горе, но стенания Марты и невестки тронули его. Он скорбел с ними и быстро устал в похоронной атмосфере Маунт-Вернона. Генерал отправился в Филадельфию.

Филадельфия встретила Вашингтона торжествами неслыханными и невиданными, его всячески превозносили. Вечерами во всех окнах выставлялись свечи, которые в домах состоятельных граждан освещали различные аллегории, героем которых был Вашингтон. Он с понятным смущением рассматривал собственные изображения с неизменной короной на голове, в самых героических позах поражающего длинным копьем или чудовищным мечом мерзко выглядевшего дракона, символизировавшего ненавистную Британию. Стоило ему появиться в театре, как с подмостков просили генерала оказать такое же покровительство музам в мире, как он оказывал свободе на войне. В прологе пьесы Гаррика

«Лживый слуга» по странной прихоти драматурга Вашингтона умоляли защитить «Новые Афины», воссиявшие на Западе». В первой американской опере, скорее пародии на нее, «Замок Минервы», сочиненной Д. Хопкинсоном, хор дев во главе с молодыми дамами, изображавшими Минерву и гений Франции, восславил «увенчанного победой воинственного сына Колумбии, блистательного Вашингтона».

Наверное, он ежился в ложе, когда, подвывая, читали в его честь благостные оды или в тех же возвышенных интересах не очень мелодично пели. Спектакль в Филадельфии, а сценой был весь город, укрепил Вашингтона в худших подозрениях — американцы считали войну законченной. Он бредил новыми кампаниями, вымаливая у конгресса средства на армию. Вашингтон и в мыслях не допускал, что Лондон откажется от дальнейшей борьбы. В конгрессе иногда соглашались с ним, слали просьбы штатам, но те денег не давали. Война угасала на глазах. Вылазки ретивых тори, пытавшихся вскоре после Йорктауна разжечь партизанскую войну, пресек новый английский командующий в Северной Америке Карлтон, сменивший Клинтона. Везде, где оставались английские войска, а их насчитывалось в общей сложности до 25 тысяч человек, воцарилось затишье. В Лондоне нарастало стремление покончить дело в Северной Америке миром, Англия вела хлопотливую войну против Франции, Испании и Голландии на других театрах. Расточительство сил против США представлялось сущей бессмыслицей и даже чепухой.

Американские политики, как чуткий сейсмограф, реагировали на изменения на международной арене и считали совершенно излишним тратиться на армию. Все попытки Вашингтона убедить в противоположном и, следственно, довершить борьбу за независимость славной викторией, добытой французским оружием, но в руках американских солдат, были гласом вопиющего в пустыне. Он прибег к крайним средствам, взывая к чувству чести. В начале 1782 года в циркулярном письме губернаторам тринадцати штатов Вашингтон, как обычно, просил денег и прозрачно указал: «С прискорбием извещаю Вашу Светлость, что на основе самых достоверных сведений могу заверить Вас: французский двор очень недоволен отсутствием энергии и усилий в Штатах и тем настроением, которое представляется по меньшей мере склонностью, если не желанием, взвалить все бремя войны в Америке на Францию».

Пятидесятилетний идеалист! Как будто война за независимость не дала достаточно доказательств, что торгаши легко расставались с честью, если вообще были знакомы с ней, но не с деньгами. Начиная от Йорктауна до мая 1782 года от всех штатов континентальная армия получила 5500 долларов, меньше ее расходов за день.

ПОЧЕМУ НЕ ДИКТАТОР?

Наконец, дорогой маркиз, я стал частным гражданином на берегах Потомака в тени моего виноградника и моего фигового дерева. Освободившись от грома военного лагеря и суеты общественной жизни, я утешаюсь тихими радостями, почти неизвестными солдату в его постоянной погоне за славой, государственному деятелю, посвящающему напряженные дни и бессонные ночи разработке планов в интересах благоденствия своей страны и, возможно, гибели других стран (как будто земной шар мал для всех нас), придворному, вечно следящему за выражением лица своего монарха в надежде поймать благосклонную улыбку. Я не только полностью ушел от общественной деятельности, но ушел в себя и с величайшим удовлетворением буду вести личную жизнь. Не завидуя никому, я преисполнен решимости быть довольным всеми, и мой походный приказ, дорогой друг, — «спокойно дожить остаток жизни и уснуть рядом с моими отцами».

ВАШИНГТОН — Лафайету, 1784 год

В начале восьмидесятых годов XVIII столетия Соединенные Штаты явили редкое исключение в истории человечества — немало американцев не радовались неизбежному миру, а боялись его. Опасались все, кто так или иначе связал свою судьбу со складывавшимся единым государством, которое символизировал конгресс. «Статьи конфедерации», принятые и ратифицированные штатами, наделили его лишь тенью власти. Конгресс обанкротился, не было денег даже на оплату здания его казначейства!

С исчезновением военной угрозы должны были распасться узы, соединявшие тринадцать штатов. А как с финансовыми обязательствами конгресса? На руках были груды сертификатов, всевозможных расписок, по которым ожидали получить деньги великое множество людей — от бедного фермера, принявшего бумажку на выбор взамен пули от мрачных солдат континентальной армии, забравших у него сено, до богатых финансистов, открывавших (неосмотрительно, вздыхали они теперь) кредит воинству Вашингтона. Вдвойне огорчались самые предприимчивые, успевшие ску-

пить горы сертификатов у мелких кредиторов конгресса за ничтожную часть их стоимости, по рассчитывавшие получить сполна.

В армии тревожились за будущее, пожалуй, еще больше. Офицеры и солдаты рассуждали — если конгресс не выполнял своих обязательств, когда республика находилась в опасности и нуждалась в защите, то с заключением мира армию распустят, бывшие офицеры и солдаты разойдутся по домам бедняками. Вашингтон предвидел такую перспективу даже для себя. Он пишет Лунду в Маунт-Вернон: «Я вернусь домой с пустыми карманами». Кто виноват? Вашингтон говорил Гамильтону, только что избранному в конгресс: «Половина всех осложнений, все трудности и беды армии коренятся в дурных последствиях слабой конфедерации».

* * *

18 апреля 1783 года Вашингтон в приказе по армии сообщил о перемирии с Англией и официально поздравил войска с тем, что они «оказали помощь в защите прав человека и создании очага для бедных и угнетенных всех наций и всех религиозных вероисповеданий». Главнокомандующий на диво точно определил роль вооруженных сил США. Действительно, армия только «помогла» достижению мира и, следовательно, американской независимости, ибо Англия склонилась не перед силой оружия юной республики, а попав в сложное международное положение.

Для современников вклад армии и дипломатии США в исход войны представлялся, по крайней мере, равноценным. Вольтер, видевший, как Франклин свел с ума высший свет Парижа (Мария-Антуанетта лепетала: «О хорошие американцы», «Наши дорогие республиканцы»), называл армию Вашингтона «войсками Франклина». Адамс, поехавший в 1780 году просить заем в Голландии, писал о приеме в Гааге и Париже: «Комплимент — мосье, вы Вашингтон переговоров — повторяли мне многие...» Он выманил заем у прижимистых голландских банкиров, записав: «Мое положение в деле займа можно уподобить разве положению человека в океане, торгующегося за жизнь со стаей акул». Дж. Адамс никогда не считал, что его канцелярские подвиги уступают ратным деяниям Вашингтона.

С 1781 года положение Англии резко осложнилось — на руках была война против Франции, Испании, Голландии и США, а Россия возглавила «Лигу нейтральных государств». 10 марта 1780 года Россия выступила с декларацией о «вооруженном нейтралитете»: суда нейтральных держав могут беспрепятственно посещать порты воюющих стран; собственность воюющих держав свободно пропускается на нейтральных судах (за исключением военной контрабанды); блокированным считается только тот порт, вход в который

прегражден военно-морским флотом противника. Совокупность этих принципов и составляла понятие «свободы морей», за что, помимо прочего, бились США. Учреждение Россией «Лиги нейтральных» сводило на нет усилия Англии изолировать Соединенные Штаты. К декларации России присоединились Дания, Норвегия, Швеция, Священная Римская империя, Пруссия, Португалия и Королевство Обеих Сицилий. Франция и Испания также признали эти принципы.

Конгресс, видя, что на сторону США встала Россия, направил в Петербург Ф. Дейна для установления дипломатических отношений. Екатерина II связала это с подписанием окончательного мирного договора, а дабы содействовать быстрейшему прекращению кровопролития, предложила свое посредничество в заключении мирного договора, что повлекло бы установление дипломатических отношений с США. Американские представители в Европе ухватились за предложение о посредничестве России, конгресс резолюцией 15 июня 1781 года требовал следовать ему, но это не устраивало ни Лондон, ни Париж, ни Мадрид. Воюющие стороны были едины в одном — не допустить увеличения международного веса России, что неизбежно было бы следствием ее успешного посредничества.

В Лондоне решили прорвать сложившийся против Англии единый фронт почти всего тогдашнего цивилизованного мира и выбрали самое податливое звено — Соединенные Штаты. Серия поражений в Вест-Индии, захват Минорки Испанией, успехи французов на других, помимо американского, театрах привели к падению кабинета Норта. Георг III, рвавшийся продолжать войну, остался почти в одиночестве. В марте 1782 года в Англии был сформирован кабинет вигов Рокингэма, который за 17 лет до этого провел отмену закона о гербовом сборе. Парламент принял резолюцию, объявлявшую врагом Британии каждого и всякого, желающего продолжать войну в Америке, а правительство завязало тайные переговоры с американскими уполномоченными в Европе о заключении мира в США. Их повели в Париже Дж. Джей, Дж. Адамс и Б. Франклин.

Троице нужно было разрешить моральный парадокс — подписать мир вопреки ясно выраженной воле конгресса, запретившего вести переговоры за спиной Франции, и в нарушение союзного франко-американского договора 1778 года, по которому США обязывались не заключать сепаратного мирного договора. Что касается соотечественников, то Джей, Адамс и Франклин считали возможным вести себя за столом переговоров не менее независимо от конгресса, чем Вашингтон на полях сражений. Адамс, прекрасно знавший своих филадельфийских коллег, писал по поводу инструкций конгресса уполномоченным в Европе руководствоваться «советом и суждением» Франции в мирных переговорах: «Конгресс отрекся от собственного суверенитета и вручил его в

руки французского министра. Горите от стыда, виноватые строки! Горите от стыда и сгиньте! Нарушить столь постыдные приказы — значит покрыть себя славой. Да, постыдные, ибо так их будут оценивать все наши потомки. Как можно смыть такое пятно?» И он нашел выход — в тайных переговорах с англичанами за спиной Франции.

Джей горячо поддержал Адамса, ибо сам уже натерпелся в Европе. Он прибыл к столу переговоров в Париже прямо из Мадрида, где провел два с половиной года, добиваясь большей помощи испанского короля прекрасной заокеанской республике. Дипломатическое искусство Джея в Мадриде оценили по достоинству. Испанский министр иностранных дел, устав от попрошайничества настырного американца, писал о Джее: «Два его главных аргумента: Испания, признай нашу независимость, Испания, дай побольше денег». Ему удалось получить в Мадриде только небольшой заем, и, следовательно, он люто возненавидел Европу, слепую к прекрасной заре человечества, взошедшей над Америкой. Когда выяснилось, что представляется возможность наставить изрядный нос Франции, Джей не скрывал своего восторга. Он радостно отмечал: «Ни одного борца не бросали так ловко на обе лопатки, как графа де Верженна». Пока проворные Адамс и Джей свирепо торговались с англичанами, престарелый мыслитель Франклин заблаговременно сочинял надлежащую аргументацию, дабы успокоить французский двор, когда станет известно о сепаратном договоре США с Англией.

30 ноября 1782 года в Париже был подписан этот самый мир, носивший, правда, название предварительного — оговаривалось, что он вступит в силу по заключении мирного договора между Англией и Францией. Англия признала независимость 13 американских колоний, их западная граница устанавливалась по Миссисипи. Согласившись на значительное расширение территории США, в Лондоне думали, что сделали ловкий ход — энергию новой страны поглотит освоение этих земель. В договоре закреплялись права английских кредиторов взыскивать долги, что затрагивало в первую очередь плантаторов юга. От имени конгресса давалось обязательство возвратить собственность тори, конфискованную в ходе войны. В договоре также предусматривалось прекращение в дальнейшем любых преследований в США по политическим мотивам. Англичане «со всей возможной быстротой» обязывались эвакуировать свои войска, еще оставшиеся в США.

Узнав о сепаратном договоре, Верженн сделал внушение американским уполномоченным. Ответ, написанный легким пером Франклина, с американской точки зрения был красноречив и убедителен. Старик философ заверил министра Бурбонов, что, подписывая договор, американцы не проявили должного «такта», что, однако, объяснялось, «не недостатком

уважения к королю, которого мы все любим и чтим». Договор-де не сепаратный, ибо носит «предварительный» характер. Франклин просил, чтобы инцидент не повлек за собой разрыва с Францией, и раскрыл соображения, которыми якобы руководствовались американцы: «Англичане, как я узнал, льстят себя надеждой, что уже разделили нас. Надеюсь, что это маленькое недоразумение останется в тайне, и пусть англичане пребывают в своем заблуждении». В этом же письме Франклин попросил новый заем. Французское правительство, стоявшее на грани банкротства — до революции остались считанные годы, — выделило США еще шесть миллионов ливров. Франклин, надо думать, пожал плечами, почувствовав превосходство республиканского склада ума над монархическим. Его комментарий — французы не могут допустить, чтобы дорогостоящий костер угас из-за недостатка топлива.

Ухищрения Франклина были совершенно напрасны, в Лондоне отлично и в деталях знали обстоятельства по ту сторону неприятельского дипломатического фронта. Американские уполномоченные трудились в тесном кольце английских шпионов. Доверенный секретарь Франклина Э. Бэнкрафт был английским агентом, курьер капитан Хейнсон, перевозивший самые секретные послания из Парижа конгрессу и обратно, состоял на жалованье англичан. Шпионом был Э. Кармайкл, личный секретарь С. Дина. Помимо «звезд» первостепенной величины, в окружении американских уполномоченных толпились десятки шпионов второго положения. Арнольды не были исключением, а скорее правилом в рядах государственных служащих США при неизменном побудительном мотиве предательства — наживе. Как писал в то время французский посланник в США Верженну: «Личное бескорыстие и неподкупность отсутствуют в картине рождения Американской республики.... Дух торгашеской алчности составляет, пожалуй, одну из отличительных черт американцев». Француз знал дело и широко практиковал взятки...

Предварительный договор Англии и США, прорвавший фронт противников Британской империи, совпал с рядом их неудач. Особенно большое впечатление произвел провал испанской осады Гибралтара, не говоря уже о поражении де Грасса в Вест-Индии. 20 января 1783 года Франция и Англия подписали мирный договор, а после длительных переговоров Лондона с Мадридом и Гаагой 3 сентября 1783 года был наконец заключен окончательный мирный договор, известный как Парижский мир.

Состояние войны с Англией было прекращено резолюцией конгресса 19 апреля 1783 года. 5 мая Вашингтон встретился с Карлтоном. Английский главнокомандующий не мог сообщить точного срока убытия британских войск с территории США. Генерал Вашингтон должен понять, что с судами трудно. Вашингтон понял. Особых дел не было, он заказал

и получил у нью-йоркского книготорговца (препятствий больше не было) биографии Карла XII, Людовика XV, Петра Великого, Густава Адольфа. Америке нужны, вероятно, думал потенциальный читатель, начитанные великие люди, но прочесть эти книги он не успел, откладывал со дня на день, как и трактат Локка, о котором он столько понаслышался в Филадельфии.

Континентальная армия расходилась по домам как собралась — группами и в одиночку, без особой договоренности и сроков.

Только 25 ноября 1783 года ее немногочисленные отряды вступили в покинутый англичанами Нью-Йорк. Они, наступая на пятки английскому арьергарду, медленно проходили по пустынным улицам: пришедшие в запустение дома, нет заборов, сараев, все давным-давно пошло на топливо. В гавани — мачты британских судов, у берега маячат баркасы. Вашингтон, величественный и гневный, обозревал с берега ненавистных врагов. Помрачневший адъютант доложил соображения о самой вероятной причине, почему переполненные баркасы болтаются у берега: американцы никак не могут поднять звездное знамя на флагштоке, что над фортом Джордж. Ретивые янки, пытавшиеся подняться по шесту с символом великой победы, неизменно скатывались вниз и постыдно шлепались на землю. На баркасах и кораблях улюлюкали: королевские солдаты, решившись зло подшутить, от души намылили шест. Наконец принесли кошки, умелец влез вверх, и пронизывающий ветер развернул звездное знамя. Рявкнули пушки — 13 залпов в честь освобождения от ига.

В обнищавшем городе устроили праздник — взлетали и лопались ракеты, били в барабаны, размахивали флагами и, конечно, пили. 4 декабря в таверне «Франсес» Вашингтон попрощался с армией, ее символизировала группа офицеров. Проводить Вашингтона в таверну сошлись три генерал-майора из двадцати девяти, один бригадный генерал из сорока четырех. Правда, штаб, адъютанты и ближайшие друзья были представлены почти полностью. Генерал поднял чашу: «С сердцем, полным любви и благодарности, я прощаюсь с вами. Молю, чтобы в будущем жизнь ваша была так зажиточна и счастлива, как были славны и честны ваши прошлые дни». Рука, державшая сосуд с приличным вином, заметно дрожала. Они все по очереди подходили к нему, прощальное объятие и прикосновение губами к выбритой щеке. Собрание «было слишком трогательным, чтобы затянуться». Генерал вышел, ударили барабаны — жидкий строй солдат. Ветераны наконец познали воинский артикул, они лихо поворачивались на каблуках и не сталкивались штыками. Подвыпивший Штебен сиял. Вашингтон сел на барку и отправился сдавать дела конгрессу.

До Аннаполиса, где тогда заседал конгресс, герой добирался почти три недели: задерживал блестящий прием во

всех городах. Издававшаяся в США «Роял газетт» писала о планах туземного Цинцинната: «В Аннаполисе он вручит прошение об отставке командующего армиями Америки, вверенными ему континентальным конгрессом, затем Его Светлость проследует в свое имение, именуемое Маунт-Вернооном, в Вирджинии, повторяя пример своего кумира, добродетельного римского полководца, который, одержав победу, покрытый славой, оставил военный лагерь и ушел от общественной жизни otium cum dignitate».

В беспомощном конгрессе процедурой прощания с полководцем стремились компенсировать иллюзию власти. Законодатели заранее надулись спесью и посему постановили: секретарь вводит генерала в зал и усаживает. После внушительной паузы президент изрекает: «Сэр, конгресс США готов выслушать ваше сообщение». Засим генералу надлежало встать, поклониться, а государственным мужам в ответ только поднять шляпы. По вручении отставки генерал еще раз кланяется, а члены конгресса еще раз прикасаются к шляпам. С этим генерал удаляется.

Намеченная процедура была точно воспроизведена на заседании конгресса 23 декабря. Лишь непредвиденное отступление — генерал, державший в правой руке листок с речью, сначала не мог прочитать ее, буквы прыгали перед глазами. Пришлось левой рукой подхватить подрагивавшую правую. Вашингтон сказал десяток сдержанных фраз, отняв три с половиной минуты у конгресса.

Только что избранный президентом конгресса Т. Миффлин, бывший генерал-квартирмейстер армии, интриган и казнокрад, естественно, не экономил время конгресса. Он разразился трескучей речью, адресованной к «отдаленным векам». Миффлин сказал: «Вы не прекращали борьбы, пока наши Соединенные Штаты с помощью великодушного монарха и его народа не сумели, осененные благим провидением, закончить войну».

Под военными делами подведена черта, оставалось подбить финансовый баланс. Вашингтон представил счет казначейству — 8422 фунта 16 шиллингов 4 пенса. В эту сумму он исчислил свои «законные расходы» за восемь лет служения родине. Переведенные на стабильные доллары расходы Вашингтона составили 64 315 долларов, каковые были возмещены ему конгрессом.

Министерство финансов США только в 1833 году опубликовало впервые составленную Вашингтоном роспись расходов, занявшую 66 страниц. С тех пор педантичные подсчеты генерала служат неиссякаемым источником для юмора. Он включил в расходы, например, оплату шести поездок Марты к армии в два конца и один раз в один конец, что определил в 1064 фунта 1 шиллинг. Вашингтон объяснил: «хаотическое состояние наших общественных дел» вынудило его «откладывать посещение семьи, которое я планировал

каждый год между окончанием одной и началом другой кампании, и, следовательно, этот расход вытекает отсюда и является результатом моего самоограничения», поэтому «он является моим собственным».

Эти и иные траты, отвечавшие этике XVIII века, изумляют людей нашего времени. Насмешники из журнала «Плейбой» ознаменовали очередной год рождения Вашингтона — 1970-й большой статьей в февральском номере журнала, в которой со смаком прочитали расходы Вашингтона статья за статьей. «Типичная неделя (1—7 декабря 1775 года) в борьбе мятежников против британской тирании: слугам... 234 доллара, за стирку... 127 долларов, парикмахеру за бритье... 175 долларов. Очевидно, только после Американской революции о войне стали говорить как об аде». Или: «Каждый знает, в каких условиях зимовали солдаты революции в Вэлли-Фордж. Рассказывают, что было так холодно, что солдаты могли согреться, только ворча по поводу 80 вшивых долларов, которые им платили ежемесячно. Генерал Вашингтон даже роздал свои одеяла, их стоимость, возможно, включена в счет. Но больше, чем одеяла, сердца рядовых согрела бы запись их вождя от 29 января 1778 года: «Капитану Гиббсу... на расходы по домашнему хозяйству 2000 долларов». Они согрелись бы еще больше, если бы знали, что 2000 долларов покрыли скромное существование генерала как раз за месяц».

Что спрашивать с зубоскалов из «Плейбоя»? Фактом все же остается, что вирджинский плантатор послужил государству рассудительно. Он избежал судьбы многих товарищей по оружию, обнищавших в годы, когда они отстаивали свободу. Тем не менее, представив счет конгрессу и погасив его, Вашингтон сокрушался: «Из-за спешки и сложности подсчетов (иначе я никак не могу объяснить дефицит)... за многое я не получил сполна».

* * *

Рождество 1783 года в Маунт-Вернопе... Начиналась мирная жизнь. Оглушительная после шума военного лагеря тишина. Он рвался к ней и почти с ужасом осознал, что мысли о мирке плантации не поглощают энергию мозга, восемь долгих лет перегруженного тысячами дел, малых и больших. Частный гражданин не считал себя мельче вчерашнего прославленного полководца и коль скоро не мог по должности размышлять о судьбах страны, то стал обдумывать смысл собственной жизни вообще. Что тлен, а что истинно.

Ближайшие соратники огненных лет в уединении кабинета Маунт-Вернона виделись тенями, гонимыми беспощадным ветром времени. Вот и Лафайет, погостив неделю, уехал за океан. Вслед маркизу летит письмо: «В миг расставания нашего, по пути домой и каждый час с тех пор я испытываю

любовь, уважение и привязанность к тебе, рожденные годами, нашей дружбой и твоими достоинствами. Когда наши кареты разъехались, я все спрашивал себя — что, я видел тебя в последний раз? И хотя мне хотелось сказать «нет», мои страхи говорили «да»! Я припомнил дни моей юности и вижу — их не вернуть. Теперь я спускаюсь с горы, на которую карабкался пятьдесят два года, и, хотя бог наделил меня крепким сложением, в нашей семье не заживались на этом свете. Думаю, что вскоре буду навеки замурован в чертогах моих отцов. Мысли эти сгущают тени и окрашивают в печальные тона как всю картину, так и мои перспективы еще увидеться с тобой».

Предчувствия не обманули старика. Только через сорок лет Лафайет, сам старик, выбрался в Америку и, обливаясь слезами, стоял у могилы своего друга и героя, шепча бескровными губами: «Я помню, я помню...»

В Маунт-Верноне Вашингтон снова был бок о бок с Мартой. Она была достойной спутницей жизни Отца Страны, но с пугающей очевидностью он видел, что после смерти сына никто не мог заполнить ее сердца. Герой Америки рассеял врагов, а в этом был бессилен. Унизительное открытие. Ему казалось, что Марта угасает. На рубеже войны и мира немало людей, которых он хорошо знал, ушли в могилу. Величественный лорд Фэрфакс не пережил победы своего молодого протеже под Йорктауном, умер супруг племянницы Бетти, ушел брат Самюэль, оставив долги и недобрую память.

Марта «почти всегда нездорова... — отмечал супруг. — Лихорадка и колики высасывают из нее все силы». По профессии и темпераменту он философски относился к жизни и смерти. Но умереть без потомства! Не прошло и месяца после торжественной церемонии сложения обязанностей главнокомандующего, как Вашингтон попросил конгресс вернуть ему документ о назначении командующим всеми армиями Америки. «Бумага, — объяснял он конгрессу, — может послужить моим внукам через пятьдесят или сто лет поводом для размышлений, если они, конечно, будут склонны к ним». Он получил документ в изящном ларце, но где эти внуки? Покойных детей Марты Вашингтон все же не считал своими, он иногда говорил: «У меня нет семьи... Мне не о ком заботиться».

Теперь болезнь Марты. Если она умрет, то будет ли у него ребенок от новой жены? Он опасался, что нет, если «я женюсь на женщине моих лет». Тогда, быть может, предложить руку девушке? «Нет, пока у меня сохранится разум, я не женюсь на девушке». Заколдованный круг тягостных размышлений. Неизбежно приходила мысль: «Если г-жа Вашингтон переживет меня, совершенно очевидно, что я умру без потомства». Он мог сделать и сделал только одно — в

завещании предусмотрел, что его ребенок, если таковой както появится, унаследует все.

А жизнь шла своим чередом. Он был патриархом большого клана — двадцать два человека значились его племянниками и племянницами. Многих живущих в тени великого человека он почти не знал, некоторых искренне любил.

Внешне холодный человек, Вашингтон, освобожденный от руководства войной, постоянно обременял себя заботой о родственниках, друзьях и их детях. Он ссужал деньги, оплачивал образование нескольких молодых людей. Остро ощущавший всю жизнь недостаток своего образования, он высоко ценил его у других. Он вознамеревался подарить «академии» в соседнем городке тысячу фунтов стерлингов для оплаты обучения бедных студентов. Выяснив, что обещанной суммы не собрать, он удовлетворился ежегодной передачей пятидесяти фунтов, что составило бы обычный процент с тысячи. Эту сторону своей жизни Вашингтон старался держать в тени. Почти никто так и не узнал, что, когда в 1786 году скончался любимый генерал Грин, Вашингтон предложил усыновить его сына.

Вашингтоны в глазах общества были респектабельной, стареющей четой. Марта хозяйка дома, и если вспыхивали ссоры, то по пустякам. Она никак не могла разделить привязанности мужа к собакам. Когда любимец Вашингтона Вулкан, пес чудовищных размеров, испортил очередной званый обед, стащив с праздничного стола окорок ветчины, она разразилась бранью, помянув лающие своры, заполонившие Маунт-Вернон, и малопонятную страсть мужа. Вашингтон хохотал, но в других случаях ей не всегда удавалось быстро привлечь его внимание. Обычно Марта, которая была много ниже супруга, долго дергала его за пуговицу камзола, прежде чем он склонял к ней улыбающееся лицо. В письме к секретарю конгресса Ч. Томсону Вашингтон как-то заметил: «Если бы г-жа Вашингтон знала о том, что я приглашаю Вас заехать, я убежден, она бы привела массу аргументов в пользу приглашения г-жи Томсон. И не успела бы она хотя бы наполовину размотать нить своей речи, более чем вероятно, что я с готовностью уступил бы силе ее доводов». Она стала неудержимо болтливой к старости, Марта Вашингтон.

Только в феврале 1785 года Вашингтон нашел в себе силы проделать короткий и знакомый путь. Он посетил место, где некогда стоял Бельвуар, сожженный в годы войны. Больше года его преследовал кошмар, вечерами, когда он выходил из дверей Маунт-Вернона, он пристально смотрел влево, надеясь вопреки надежде увидеть огоньки Бельвуара. Тьма давила, и он поникший возвращался в дом, ярко освещенный канделябрами с зеркальными отражателями. На месте Бельвуара он нашел мучительно знакомое по годам вой-

ны пепелище. Руины некогда дорогого дома ничем не отличались от многих виденных им.

Глухое отчаяние и мольба пронизывают письмо, отправленное им Фэрфаксам в Англию. «Я горячо хотел бы, чтобы Вы и г-жа Фэрфакс вновь поселились в нашей стране, и считайте Маунт-Вернон своим домом, пока Вы удобно не обстроитесь. Г-жа Вашингтон со всей искренностью присоединяется к просьбе. Я никогда не бросал взора в сторону Бельвуара, не думая прежде всего об этом. Но увы! Бельвуара больше нет. Позавчера я проехал верхом по руинам. То действительно руины. Жилой дом и два кирпичных здания истерзаны пожаром, стены очень повреждены. Другие здания заброшены и приходят в упадок под давлением времени. Я думаю, все они скоро превратятся в руины. Когда я взглянул на все это, я думал о том, что самые счастливые дни моей жизни были проведены здесь, я не мог припомнить ни одной комнаты в доме (теперь от них остались только следы), в которой мне не было бы хорошо, и я бежал оттуда. Я вернулся домой с душевной болью, усугубленной сравнением».

Фэрфаксы не согласились. Салли осталась за океаном.

В его время говорили, что он был склонен к меланхолии. Т. Джефферсон, поближе узнав земляка, задумчиво отметил — Вашингтона всегда «преследовали мрачные опасения». Сам герой знал средство, как не пасть их жертвой. Быть всегда занятым, плыть в стремительном потоке дел, а для этого у него были поистине неисчерпаемые возможности.

* * *

Слава! Пьянящий водоворот с головокружительной быстротой засасывает Вашингтона. Стоило ему осесть в Маунт-Верноне, как дом стал вожделенной Меккой паломничества бескорыстных и корыстных служителей культа Отца Страны.

Явился туземный гений — скульптор Дж. Райт. Он не очень надеялся на свой талант и поэтому потребовал снять маску с лица. «Я согласился, — писал Вашингтон, — довольно неохотно. Он намазал маслом мне лицо и, положив меня пластом на кушетку, стал покрывать его гипсом. Когда я был в этом смехотворном положении, в комнату вошла г-жа Вашингтон. Увидев мое лицо под слоем гипса, она невольно вскрикнула, что побудило меня улыбнуться. В результате мой рот получился искривленным, что ныне видно на бюстах, изготовленных Райтом».

Из Франции приехал прославленный скульптор Жан-Антуан Гудон с тремя помощниками. Его наняли в Париже Джефферсон и Франклин, упросив придать Вашингтону самую энергичную позу. Гудон, представлявший американцев, как иные тогда в Европе, примерно такими, как описывали своих героев Плутарх и Тацит, разгорелся воплотить Цинцинната в мраморе и тоге. Дело оставалось за малым —

точно измерить Вашингтона и снять с него маску. Французы трудились две недели и увезли с собой необходимый материал. Любознательный Вашингтон записал в дневник рецепт приготовления гипса, а Джефферсона жалобно просил: «Конечно, у меня нет достаточных знаний в области скульптуры, чтобы спорить с знатоками», но все же нельзя ли избежать древней тоги, «сделав небольшое отклонение в сторону современного костюма»?

Всю жизнь Вашингтону приходилось очень много писать, историки жалуются, что он оставил слишком много писем — деловых и личных. Вероятно, первые годы после окончания войны были самыми выдающимися в этом отношении. В глубоком отчаянии он сетовал, что нет покоя «от писем (часто бессмысленных) от иностранцев, запросов о Дике, Томе или Гарри, который мог где-то, когда-то служить в какой-то части континентальной армии... верительных писем, просьб, упоминаний тысяч дел времен, давно прошедших, которые меня касаются не больше, чем Великого Могола». Ему посвящали книги, оды, оратории и просили покровительства. Джентльмен ограничивался бессодержательными, но вежливыми ответами. Он взял за правило не оставлять без ответа ни одного письма.

Но, когда старый друг Фрэнсис Хопкинсон прислал «Семь песен для хора с оркестром» и попросил одобрить сочинение «первого в США композитора», Вашингтон взорвался: «Нам рассказывали о магическом воздействии музыки в старые времена... Древние поэты (неизвестно, как бы они поступили в наши дни) ужасно любили чудеса, и если раньше я сомневался в их отношении к могуществу музыки, то теперь я полностью убежден в этом. Честь страны не позволяет мне допустить, чтобы древние оставили нас в чем-то далеко позади, и если они могли смирять хищных зверей, тащить за собой деревья и камни и даже зачаровать силы Ада музыкой, то я убежден, что твое произведение заключает, по крайней мере, достаточно добродетели, чтобы (без помощи голоса и инструмента) растопить лед на Делавэре и Потомаке». Хопкинсу следовало бы проявить больше осмотрительности в выборе ценителя его шедевра, ибо, «если оно не удовлетворит все вкусы (а столь разнообразны мнения и желания людей, что даже одобрение Провидения не дает общего согласия), что, увы, я смогу сделать? Я не могу пропеть ни одной песни, взять ни одной ноты на любом инструменте, чтобы убедить неубежденных. Однако у меня есть единственный аргумент, который заставит согласиться людей с истинным вкусом (по крайней мере, в Америке): я мог сказать им — сочинено мистером Хопкинсом». Не только этому композитору, но и другим служителям муз так и не удалось вырвать у Вашингтона руководящих указаний в области искусства.

В Маунт-Верноне постоянно толпились посетители —

друзья, знакомые, просители, любопытствующие путешественники. Часто заезжали иноземцы. Маунт-Вернон, писал Вашингтон, можно «сравнить с хорошей таверной, ибо едва ли один странник, едущий с севера на юг или с юга на север, не проведет здесь день или два». Ближайшая гостиница была в деревне Александрия в пятнадцати километрах, и, конечно, ночевать под кровом гостеприимного плантатора было много приятнее. Слуги находили также подобающее общество, а конюшни и каретные сараи были выше похвал. Друзья жили неделями.

Они знали нехитрые правила хозяина. «У меня единственное условие — поступайте как хотите, и так же буду поступать я, ни на кого не накладывается никаких ограничений». В рамках, разумеется, морального кодекса вирджинской знати. «Мой образ жизни прост, — говаривал Вашингтон. — Для гостей всегда готов стакан вина и кусок мяса. Те, кто этим удовлетворяется, желанные гости. Ожидающие большего будут разочарованы, но это не заставит изменить мои привычки». Вашингтон перестроил и расширил дом, особенно гордясь новым банкетным залом. Мрамор для камина, присланный почитателем из Англии в десяти ящиках, однако, привел плантатора в смущение. Он опасался, не будет ли отделка «слишком элегантна и дорога... для моего республиканского образа жизни». Ложная скромность — по тогдашним критериям. Маунт-Вернон был одним из самых благоустроенных домов страны.

Только спустя полтора года после возвращения в Маунт-Вернон Вашингтон летом 1785 года пометил в дневнике: «обедали с Мартой без гостей». Удивительный случай почти не повторялся.

Маунт-Вернон прославился гостеприимством, но посетители (не друзья) видели хозяина сравнительно редко, неизменно сдержанного и даже холодного. Иной раз он появлялся только за обедом, не произносил ни слова и снова исчезал. Вашингтон вел чрезвычайно размеренный образ жизни. Вставал с рассветом (зимой при свечах), ложился обычно в девять вечера. В услугах камердинера — престарелого раба-мулата — он почти не нуждался, да и спросить с него было трудно. К вечеру камердинер бывал мертвецки пьян, хотя по утрам предполагалось, что он в состоянии ответить на короткие вопросы хозяина. Вашингтон привык к нему, со стариком пройдена вся война. После завтрака на коня и верхом по плантациям. Он любил быструю езду и почти каждый день покрывал более тридцати километров прежде, чем приходило время вернуться, переодеться и поспеть к обеду в три часа. Хозяйство было громадным — плантация простиралась на 16 километров вдоль Потомака, а в самом широком месте уходила от берега почти на 7 километров. Помимо арендаторов, негры-рабы — 124 взрослых и 92 ребенка, всего 216 душ.

Он не был в восторге от рабского труда, требовались надсмотрщики, а за ними нужен был глаз да глаз. Только так поддерживалась хотя бы скромная производительность. В 1785 году Вашингтон задался целью выяснить, чего может добиться в Вирджинии «практичный английский фермер». Это дало повод написать Фэрфаксам письмо с просьбой подыскать и прислать фермера, «знающего лучшую систему севооборота, как пахать, как сеять, как жать, как окучивать, и прежде всего похожего на Мидаса, способного превратить все, к чему он прикасается, в удобрение как первый этап на пути превращения в золото».

Год спустя на плантации появился просимый человек — Джеймс Блоксхэм. Он крутил головой и не скрывал изумления, смешанного с ужасом. Вашингтон защищал честь Вирджинии, ссылаясь на наследие девяти лет войны. Англичанин проработал на плантации до 1790 года. Вашингтон подвел итог: Блоксхэм «прекрасно знал все виды труда фермера и особенно хорошо... как использовать быков в упряжке или для плуга... Однако, обнаружив, что в известной степени хлопотно учить негров, понуждая их следовать его методам, он скатился до их методов работы».

Другие честолюбивые проекты овладевали Вашингтопом. Он попытался поставить на широкую ногу рыболовство в Потомаке и частично преуспел. Ему пришла в голову идея вывести новую породу овец. Беда заключалась в том, что в Англии существовал запрет на вывоз породистых овец. Вашингтон уважал законы и поэтому не стал покупать контрабандных овец, а ограничился приобретением их потомства. Уже в 1788 году на ферме родилось больше двухсот ягнят. Коневодство также было предметом его особых забот, он необычайно гордился своим выездом — шестеркой прекрасных коней, верховыми лошадьми. Как-то Вашингтон загорелся вывести невиданную породу мулов.

Он подробно рассказывал, как мул (требующий меньше корма) сделает лошадь «устарелой» в Вирджинии, и божился, что стоит ему заполучить производителя, как табуны мулов заполнят плантацию. От них проходу не будет! И вообще, хвастался энтузиаст, «через несколько лет я буду запрягать в карету только мулов». Восторги Вашингтона по поводу дивных животных достигли ушей престарелого короля Испании. В Мадриде хотели обзавестись могущественными друзьями в США (на юге и западе они граничили с испанскими владениями) и по высшим государственным соображениям решили одарить Вашингтона парой ослов на развод. Королевский двор придавал акции такое значение, что преступил закон — из Испании категорически запрещался вывоз породистых производителей.

Радостное и неожиданное известие о том, что ослы следуют на корабле в Америку, привело Вашингтона в сильнейшее волнение. Он отправил в Бостон доверенного пред-

ставителя с пространной диспозицией, как встретить и доставить в Маунт-Вернон благородных животных с сопровождающими испанцами. С не меньшей тщательностью, чем составлялись военные планы, предписывалось нанять переводчика, предусматривались все случаи в дороге, включая «количество и качество вина», коим надлежало поить испанцев. Один осел сдох на корабле, другой в центре кавалькады торжественно прибыл в Маунт-Вернон, где животному оказали пышный прием. Вашингтон назвал его Ройал Гифт (Дар Короля) и велел запустить в загон, где тридцать три кобылицы ожидали заморского гостя. Вашингтон примостился у изгороди, дабы наблюдать труды Ройала Гифта во славу Вирджинии.

Несмотря на внушительные достоинства, возбудившие высокие надежды в Маунт-Вернопе на основание новой породы, выходец из Испании отвергал прелестных американок. День за днем Вашингтон тщетно ждал, когда Ройал Гифт приступит к делу, но упрямое животное с отвращением отворачивалось от кобылиц. Вашингтон сообщил Лафайету, что, наверное, в королевском стойле в Мадриде он приобрел привычки придворного. Наблюдая за упрямцем, Вашингтон заподозрил, что посланец короля считает себя выше «республиканских удовольствий... полон сознания королевского величия, чтобы иметь что-нибудь общее с расой плебеев».

Вашингтона, уставшего быть праздным наблюдателем, осенила идея — к Ройалу Гифту привели ослицу. Великий экспериментатор усложнил опыт — к Ройалу Гифту сначала подводили ослицу, приводившую его в экстаз, а затем стремительно подменяли кобылицей, и мул, хотя «и медленно», огорчался Вашингтон, но «верно» выполнял свое дело.

Лафайет включился в игру, прислав несколько ослов другой породы, раздобытых на Мальте. Вашингтон тешил себя падеждой, что от этих животных пойдет более изящпая порода, чем от могучего Ройал Гифт. Наконец в Маунт-Вернопе завелся табун мулов. Вашингтон пытался заинтересовать соседей, расхваливая достоинства невиданных животных. «Но было больше забавы и смеха, чем для меня прибыли», — сокрушался новатор. Нигде не зарегистрировано, чтобы Вашингтон выезжал в карете, запряженной мулами.

Вашингтон никогда бы не узнал, во что лично обошлась ему войпа за независимость, если бы не Тобиас Лир. Тонкогубого, не по годам серьезного молодого человека президент Гарвардского университета рекомендовал герою в качестве доверенного секретаря и учителя для внуков. Лир приехал в Маупт-Вернон, как подобает интеллигенту, внутренне ощетинившись, готовый отстоять свое достоинство перед великим человеком, нигде не уступить ни на дюйм. Он не слуга. Первые недели оправдали самые худшие предположения — Вашингтон был сух, надменен и высокомерно цедил слова. Лир уже было подумывал уехать, как внезапно перед

ним раскрылся другой Вашингтон, каким он был со своими — чарующе простой человек, весельчак, способный, часами потягивая вино, болтать о пустяках. Присмотревшись к молодому янки, судорожно цеплявшемуся за собственное достоинство, плантатор-южанин счел, что он хороший парень, хотя и с Севера. Стоило Лиру войти в семью, как к нему стали относиться как к сыну.

Первоначальный страх Лира перед Вашингтоном превратился в безмерное обожание, и почти все годы, вплоть до смерти Вашингтона, работящий и умный янки был его правой рукой. Лир разобрал деловые бумаги Вашингтона, накопившиеся за годы войны, и подбил итог — убытки составили по меньшей мере десять тысяч фунтов стерлингов, больше, чем компенсировал полководца конгресс. Да и не по этой статье расходов.

Коль скоро Маунт-Вернон не обещал обогатить семью, Вашингтон задумал честолюбивый план — пустить в оборот принадлежавшие ему земли в бассейне Огайо. Он дал в газеты объявления, предлагая селиться на его землях — первые три года без всякой платы, с условием: из каждых сорока гектаров два гектара расчищаются, и ставится «комфортабельный» дом. Аренда на 999 лет! Вашингтон загорелся объехать свои владения. Район Канауха пришлось сразу исключить — там индейские племена были на тропе войны, но до земель за хребтом Блю-Ридж, западнее Аллеган, рукой подать. В сентябре 1784 года с группой близких и слугами («я не брал никого, кто мог устать и затруднить мое путешествие») он верхом проехал свыше 1000 километров за 34 дня.

У него вошло в привычку говорить о подступающей старости, но путешествие, напоминавшее затянувшийся пикник, едва было бы по силам старику. Запаслись вином, приправами к еде, столовым серебром. Не забыли рыболовные снасти. Ехали весело, только дела на землях Вашингтона выглядели невесело для владельца.

Некий Симпсон, арендовавший мельницу (чуть не единственную в этих краях), надул Вашингтона, по скромной оценке, на тысячу фунтов стерлингов. Он многие годы не платил арендную плату. Продать мельницу с аукциона не удалось, местные жители были настроены враждебно. Скватеры яростно схватились с Вашингтоном. Им было безразлично, что перед ними Отец Страны, они только знали, что больше десяти лет обрабатывали участок земли свыше тысячи гектаров, а теперь нежданно-негаданно явился хозяин с абсурдным требованием арендной платы. Вашингтон посетил все тринадцать ферм, методически отметил, что сделано, и начался отчаянный торг. Стороны ссылались на бога, справедливость и не договорились. По преданию, один из скваттеров, местный мировой судья, оштрафовал Вашингтона за сквернословие.

Он уехал ни с чем и подал иск в суд. Через два года дело было решено в пользу Вашингтона. В 1796 году он продал весь участок, стоивший ему в свое время 55 долларов, за 12 тысяч долларов. Удалось реализовать и некоторые другие земли на западе, но великого богатства он не приобрел. Вашингтон не избег участи бывших офицеров континентальной армии. Ему пришлось расстаться с частью сертификатов, выданных конгрессом за службу главнокомандующим. Спекулянты приобрели их за пять процентов нарицательной стоимости. Если судить по размерам недвижимой собственности, Вашингтон по американским критериям был несметно богат, но, как и любой другой плантатор, он всегда страдал от недостатка наличных денег.

Поездка на запад вызвала у него тягостные опасения — за кем пойдут скваттеры? Население в этих районах к 1785 году перевалило за пятьдесят тысяч, занятых почти поголовно сельским хозяйством. Доставлять свои продукты на восток им было практически невозможно — стоимость транспортировки была чудовищной. Но они могли легко найти выход для своей продукции на север по рекам и на юг по Миссисипи. На севере в этом случае были бы установлены тесные связи с англичанами, а на юге с испанцами, закрывшими по условиям Парижского мира 1783 года устье Миссисипи. Последствия всего этого представлялись Вашингтону грозными.

Нормализовать отношения с бывшей метрополией, как бы того ни хотел конгресс, было совершенно невозможно, ибо штаты не собирались выполнять постановления Парижского мира 1783 года о выплате долгов английским кредиторам, возвращении собственности лоялистам и прекращении их преследований. В Вирджинии Дж. Масон, да и наверняка Вашингтон часто слышали: «Если мы сейчас станем выплачивать долги британским торговцам, тогда за что мы сражались?» Легислатура Вирджинии, а штат в этом отношении не был исключением, приняла законы, препятствовавшие взысканию долгов. Некий легковерный английский кредитор, явившийся в Вирджинию за своими деньгами, зло заявил: члены легислатуры, голосуя за эти законы, стремились сохранить на себе исподнее. Оскорбленные в лучших чувствах патриоты притащили англичанина в зал ассамблеи, пинками и затрещинами заставили стать на колени и извиниться перед высоким собранием. Встав и отряхивая пыль, неукротимый англичанин возгласил: «Чертовски грязный дом!»

Английские кредиторы так и не получили по долгам, достигавшим 5 миллионов фунтов стерлингов. Не была возвращена и собственность, конфискованная у тори, — в общей сложности около 100 тысяч сторонников короны были вынуждены бежать из страны. Патриоты гордились своей непримиримостью, ибо так, им было доподлинно известно, по-

ступали в великом древнем мире. «Как Ганнибал поклялся никогда не заключать мира с римлянами, — вещала массачусетская «Кроникл», — так пусть каждый виг (патриот) поклянется... никогда не заключать мира с этими исчадиями ада... этими ворами, убийцами и предателями».

Последствия можно было без труда предвидеть — Англия до выполнения этих постановлений мирного договора отказалась эвакуировать форты на северо-западной границе США и приняла меры, стеснившие американскую торговлю. Купцы и судовладельцы США в свое время поднялись, чтобы сбросить ненавистное иго. Они получили вожделенную независимость, но когда попытались воспользоваться привилегиями, которые колонии раньше имели в рамках Британской империи, то столкнулись с поразившим их обстоятельством — метрополия теперь рассматривала США как иностранную страну. Были закрыты некогда выгодные рынки Вест-Индии, пресечена торговля мехами с индейцами, а королевский указ — вся торговля Англии с Америкой будет вестись на британских судах — сулил катастрофу для судовладельцев Новой Англии.

Раздавались голоса в пользу возвращения к эмбарго на торговлю с Англией. Нью-Йорк ввел двойную пошлину на английские товары. Массачусетс, Род-Айленд и Нью-Хэмпшир запретили экспорт на английских судах и обложили товары из Англии пошлиной в 400 процентов. Южные штаты не оценили патриотизма Новой Англии, заподозрив, что судовладельцы просто хотят избавиться от конкурентов и драть три шкуры за перевозку грузов с юга, а Коннектикут объявил, что в его портах нет никаких пошлин! Масла в огонь подлили переговоры Дж. Джея (считавшегося главой зачаточного ведомства по иностранным делам) с Испанией: в августе 1786 года он подписал договор, согласившись в обмен на торговый договор с закрытием устья Миссисипи. На западе и юге негодовали, Новая Англия предала их. В Вирджинии и штатах, лежавших южнее, зрело убеждение, что, если договор войдет в силу, они выйдут из конфедерации. В поселениях в Кентукки решили в этом случае отдаться под покровительство Британии. Договор, правда, не прошел, за него отдали голоса в конгрессе представители только семи штатов (для ратификации требовалось девять), но недобрые чувства углубились, США на глазах превращались в Разъединенные Штаты.

Вашингтон с сокрушенным сердцем наблюдал за происходившим. Он был прекрасно информирован — поток писем из Нью-Йорка, где обосновался конгресс, от друзей, рассеявшихся по стране, и из Европы. Он исповедовал доктрину, которая, как казалось ему, господствовала в Римской республике, — народ добродетелен и, сбросив путы английской тирании, в конце концов выйдет на широкую дорогу к счастью. Но события с каждым днем убеждали — что-то дол-

го не пащупывают твердой почвы под ногами и все бродят в потемках по окольным тропинкам.

Осенью 1786 года вспыхнуло восстание Шейса. Ветеран войны за независимость, отставной капитан континентальной армии Даниел Шейс возглавил недовольных фермеров и ремесленников Массачусетса. Чаша терпения бедного люда переполнилась — бесконечные притеснения судов, изъятие за долги земли, скота, а для обанкротившихся — долговая тюрьма. Массачусетцы, затвердившие великие принципы войны за независимость, сопоставляли их с действительностью. Выходило, что они сражались и страдали ради бесстыдных спекулянтов. Восставшие начали с нападений на суды, сжигая дела о взыскании долгов и освобождая должников из тюрем. В Уорчестере Шейс с сотней сторонников силой помешал открыть сессию суда. Ополчение, вызванное для разгона бунтовщиков, перешло на их сторону. С величайшей быстротой восстание распространялось по Массачусетсу. Власти были повергнуты в панику, губернатор отказался от своего поста.

Цепенящий страх заползал в сердца имущих, круги от происходящего достигли Маунт-Вернона. Вашингтон жадно читал газеты и письма, сообщавшие о том, что уже перестало быть новостями. «Ради бога, — пишет Вашингтон одному из своих корреспондентов, — скажи мне честно, в чем причина волнений, происходят ли они от распущенности, являются результатом подстрекательства англичан через тори или проистекают из действительных несправедливостей, которые можно исправить? Если верно последнее, тогда почему затянули их исправление и довели до такого возмущения людей? Если же верно первое, тогда почему не была немедленно употреблена власть?»

Военный министр Нокс, посланный конгрессом в западный Массачусетс, сообщил Вашингтону — восставшие жалуются на тяжесть налогов, но это не истинная причина, «ибо они либо совсем не платили налогов, либо платили ничтожно мало. Они видят слабость правительства, ощущают свою бедность по сравнению с зажиточными и собственную силу, они преисполнены решимости употребить последнюю, чтобы выправить первое». Они хотят «ликвидировать все долги, общественные и частные», заставив принимать бумажные деньги наравне со звонкой монетой. Их кредо: «Собственность США была защищена от захвата Британией совместными усилиями всех и поэтому должна быть общей собственностью всех. Противящиеся этому враги равенства и справедливости и должны быть стерты с лица земли». Нокс считал, что пятая часть населения нескольких графств Массачусетса стоит за восставших, а их активные силы оценивал в 10—15 тысяч человек, то есть больше, чем обычно имела континентальная армия в годы войны.

Восставшие хотели захватить арсенал в Спрингфилде, где

было до 15 тысяч мушкетов «в отличном состоянии», вооружиться и идти осаждать Бостон. Охрана арсенала несколькими жестянками картечи отбила их. Они рассеялись по Массачусетсу, продолжая громить суды и толковать о равенстве. Вашингтон переслал письмо Нокса Мэдисону, который дал еще более пессимистическую оценку обстановки. Он настаивал, что конечный итог эксперимента с демократией в Америке — насильственный захват собственности беднейшими классами. Вашингтон считал, что в Вирджинии пока «царит спокойствие», но «горючий материал есть в каждом штате». Он с величайшей тревогой отметил: среди бывших офицеров, товарищей по оружию распространяется убеждение — только «Общество Цинциннata» может стать противовесом восстанию Шейса. Вашингтон получил приглашение на ежегодное собрание общества в Филадельфии, намеченное на первый понедельник мая 1787 года. Он ответил, что не приедет, равно как не считает возможным переизбираться президентом. Пуще огня он боялся обозначившейся тенденции — ответить экстремизмом на противоположном конце политического спектра экстремизму, охватившему Массачусетс.

В воздухе носились различные идеи — Штебен по негласному поручению президента конгресса Н. Горхэма обратился к принцу Генриху Прусскому с просьбой ответить, не хочет ли он стать конституционным монархом в США. Конечно, шансы Генриха были ничтожны, но само обращение — симптом смятения правящих классов. От имени конгресса друзья убеждали Вашингтона покончить с затворничеством, поспешить на север, и, как писал ему Г. Ли, «ваше безграничное влияние... ваше появление среди смутьянов может привести к примирению». Вашингтон на ряд обращений в таком духе сухо ответил: «Влияние — не правление». Если восставшие имеют законные причины для недовольства, устраните их. Если таковых нет, «немедленно употребите силу правительства».

Власти штата собрали наконец ополчение — 4,5 тысячи человек под командованием генерала Линкольна, — которое было снаряжено на пожертвование бостонских богачей. В начале 1787 года восставшие были рассеяны. 13 руководителей во главе с Шейсом схвачены и приговорены к смертной казни, но вскоре амнистированы.

Ликвидация восстания отнюдь не успокоила людей состоятельных. Они благословляли решительных бостонцев, но помнили: когда конгресс попытался собрать континентальные войска и направить их против Шейса, законодатели в обращении к штатам не решились назвать истинную причину — они писали, что солдаты нужны-де для войны с индейцами. Пламя восстания в Массачусетсе, по всеобщему мнению, было только притушено. Южная Каролина и Род-Айленд стояли на пороге взрыва, ибо причины, поднявшие

на борьбу массачусетцев, существовали в этих, как, впрочем, и в других штатах.

Вашингтон, недоумевая, почему зловещее восстание было подавлено с «небольшим кровопролитием», терзался опасениями за будущее. Он был не одинок. Мэдисон выразился точно — недовольство распространяется, страна идет «к какому-то ужасному кризису», с точки зрения правящих классов, разумеется.

* * *

Дж. Джей, находившийся в гуще событий, писал Вашингтону, наслаждающемуся прелестями сельской жизни: грядет «революция». Он объяснял: «Люди в массе не мудры и не хороши, добродетель, как и другие ресурсы страны, может проявиться только на переломе, созданном умелым маневрированием, или вызвана к жизни сильным, талантливо руководимым правительством». Вашингтон был согласен, хотя не в связи с откровениями Джея. В это время он философствовал: «Мы, вероятно, придерживались слишком хорошего мнения о человеческой натуре, когда основывали конфедерацию. Опыт, однако, научил нас, что люди не примут и не будут выполнять меры, наилучшим образом рассчитанные для их собственного блага, без принуждения. Я не думаю, что мы сможем долго просуществовать как нация, не установив эффективной власти над всем союзом».

Одно дело философские рассуждения, другое — действия, а их настойчиво требовали от Вашингтона. Он подвергался постоянному давлению, расстояние от Нью-Йорка и Филадельфии до Маунт-Вернона не имело решительно никакого значения — умоляющие письма будоражили, его буквально прижимали к стенке. Будь кем угодно — диктатором, монархом, но возвысь голос в смятенной стране.

Он сердился. Перед Джеем, который, как и другие, звал Вашингтона вернуться к государственным делам, он открылся: «Хотя я ушел от мира, я искренно признаю, что не могу чувствовать себя посторонним зрителем. Однако, благополучно приведя корабль в порт и получив полный расчет, теперь не мое дело снова отправляться в плавание по бурному морю». Больше того, никто не прислушался к совету, «данному мною в прощальном послании самым торжественным образом. Тогда я в какой-то мере мог претендовать на внимание общественности. Теперь у меня на это оснований нет».

Никто, как Вашингтон, не знал лучше губительных последствий межштатных распрей, соперничества, продиктованного узкоместническими интересами. Главнокомандующий континентальной армией 11 раз обращался с циркулярными письмами к штатам и не менее 30 к некоторым из них, умоляя и взывая думать о стране в целом. В последнем цирку-

ляре от 8 июня 1783 года, который Вашингтон помянул в письме Джею, было сказано: «Я по скромному разумению считаю, что для благополучия, осмелюсь даже сказать — для существования Соединенных Штатов как независимой державы жизненно необходимы четыре вещи: 1. Нерасторжимый союз штатов под руководством одного федерального главы. 2. Священное уважение к судебной системе. 3. Создание надлежащей армии. 4. Господство среди народа Соединенных Штатов мирного и дружественного настроения, которое побудит его забыть местные предрассудки и политику, сделает взаимные уступки, необходимые для всеобщего благосостояния, и в некоторых случаях пожертвует своими личными выгодами в интересах общества».

Инструмент единства страны — континентальную армию распустили, а с ней пошли по ветру внушения главнокомандующего. Хотя он задним числом оказался прав, правота эта вызывала только горечь — оттого что неразумные пропустили мимо ушей его разумные советы, воспоследствовали шатания в потемках, свирепые удары восстания Шейса. Наверняка, рассуждал Вашингтон, восстание только острие широкого клина недовольства.

Всю зиму 1786/87 года он терзался — ехать или не ехать на конвент в Филадельфию. Постфактум сомнения просто непонятны — речь шла о конституционном конвенте, давшем США конституцию, по которой они живут по сей день. Вашингтон тогда был склонен считать, что повторится толковище в Аннаполисе — штаты Новой Англии не пришлют представителей, новое сборище объявят фикцией, если не заговором. Ехать? Но то самое прощальное послание 8 июня 1783 года заверяло: «Я возвращаюсь к домашнему очагу... я проведу остаток жизни в полном покое». Появиться в Филадельфии означало прослыть нарушителем слова. Наконец он уже отказался приехать на собрание «Общества Цинцинната», которое, как в насмешку, созывалось в Филадельфии почти в те же дни, что и конвент.

Но другая мысль овладела Вашингтоном — если не поехать, отказ отнесут за счет «презрения к республиканизму», желания дождаться падения правительства, с тем чтобы самому взять бразды правления и установить «тиранию». Поездка неизбежна. Как всегда бывало в жизни у Вашингтона, приняв решение, он больше не колебался, и даже ревматизм оставил его. Когда 8 мая 1787 года при свете свечей он садился в карету у дверей дома, раздражала только одна мысль: «Г-жа Вашингтон стала домоседкой и настолько поглощена внуками, что не может ехать».

В который раз торжественная встреча в Филадельфии — перезвон колоколов, орудийные залпы. Любезнейший Роберт Моррис, считавшийся первым богачом страны, приютил Вашингтона в своем трехэтажном доме-дворце. Маунт-Вер-

пот казался скромным домиком по сравнению с резиденцией финансиста.

14 мая, в день открытия конвента, пунктуальный Вашингтон явился в тот же дом, где двенадцать лет назад его назначили главнокомандующим. Через широкие окна солнце заливало почти пустой зал — явились делегации только Вирджинии и Пенсильвании. Доверенные «кабальные слуги» внесли кресло с престарелым Б. Франклином. Конвент, или, как именовал его Джефферсон, «ассамблея полубогов», собирался медленно. День за днем Вашингтон без толку ходил в зал. Только 25 мая набрался необходимый кворум — представители семи штатов, и конвент открылся. Когда подоспели опоздавшие, «полубоги» оказались в полном сборе — 15 плантаторов-рабовладельцев, 14 банкиров, 14 землевладельцев и спекулянтов землей, 12 торговцев, промышленников и судовладельцев, всего числом 55.

Они и взялись составлять новую конституцию для себя и страны. На первом заседании президентом конвента единодушно избрали Джорджа Вашингтона. Он извинился за неопытность, заранее попросил снисхождения за ошибки, которые сделает, и сел в кресло, занимавшееся в годы войны номинальным главой государства — президентом конгресса. «Полубоги» с острым любопытством осмотрели Вашингтона в новой роли гражданского вождя и остались очень довольны. Разве не напоминал он, заметил член вирджинской делегации В. Пирс, «спасителя страны, подобного Петру Великому... политик и государственный деятель, сущий Цинциннат?».

С не меньшим удовлетворением Вашингтон созерцал собравшихся — в зале нет шумных теоретиков: Пейн, Джефферсон и Дж. Адамс в Европе, С. Адамс не назначен в конвент, а П. Генри не приехал. Среди присутствующих четыре бывших офицера штаба Вашингтона, тринадцать офицеров континентальной армии и тринадцать офицеров ополчения. В подавляющем большинстве люди дела. Они сразу постановили — чтобы не было кривотолков, работать втайне. Ничто не должно выходить за плотно закрытые двери конституционного конвента.

Сохранение тайны было жизненно необходимо, ибо затевалась коренная перестройка правительства. «Вирджинский план», подготовленный делегацией от штата и одобренный Вашингтоном, предусматривал создание сильного правительства. Затея была незаконная — конгресс, продолжавший работать в Нью-Йорке, ограничил компетенцию конституционного конвента внесением изменений в «Статьи конфедерации». Вашингтон же взялся председательствовать над трудами людей, занявшихся тем, что в других условиях с достаточными основаниями было бы квалифицировано государственным переворотом. Иного выхода, понимал Вашингтон, не было. Как он говорил: «Правительство потрясено до самой

основы, оно падет от дуновения ветра. Одним словом, ему пришел конец, и, если не будет быстро найдено лекарство, неизбежно воцарятся анархия и смятение».

Когда на конвенте был оглашен «вирджинский план», раздались голоса протеста — народ-де не примет радикальных изменений, нужно ограничиться полумерами. Вашингтон сказал (то была одна из двух речей, произнесенных им на конвенте): «Более чем вероятно, что ни один из предлагаемых здесь планов не будет принят. Возможно, что нам придется пройти еще через один ужасающий конфликт. Но если мы с целью понравиться народу предложим то, что сами не одобряем, как мы сможем защитить собственную работу? Давайте поднимем штандарт, к которому соберутся мудрые и честные. Дело в руках бога». Точнее, в руках Мэдисона, который напичкал Вашингтона премудростью, почерпнутой из жухлых книг. Мэдисон был подлинным отцом конституции, сумевшим облечь прозаические интересы по-молодому алчной американской буржуазии в пристойные формы, восходившие к времепам Древнего Рима и Греции.

Тридцатисемилетний Мэдисон, большеголовый, с короткими и худыми ногами, обычно одетый в черное, производил странное и пугающее впечатление. Эпилептик, убежденный холостяк, он провел жизнь затворником, корпел над старыми книгами и манускриптами, доискиваясь, в чем мудрость правления для того общества, к которому принадлежал, — земельной аристократии Вирджинии. У него хватило здравого смысла обожать Вашингтона и понимать, что точно воспроизвести в век Просвещения олигархическую республику античных времен немыслимо, не говоря уже об американской вольнице. Задуманная им система правления в США, как она существует с незначительными изменениями по сей день, имела в виду за тяжеловесным фасадом демократии обеспечить интересы имущего меньшинства. Он оказался искусным в софистике, разъясняя, например, поборнику аграрной демократии Джефферсону, что везде, где существует власть, есть угроза угнетения. В Америке опасность в установлении тирании масс над имущим меньшинством. «Нужно прежде всего опасаться нарушения прав частной собственности», — заключал он.

Речи Мэдисона о святости частной собственности, необходимости ее охраны, для чего и нужно сильное федеральное правительство, звучали сладкой музыкой в ушах Вашингтона. Он согласно кивал головой, одобрительно улыбался. Гримасы председательствующего, по-прежнему не раскрывшего рта, определяли, по крайней мере, тональность выступлений. Когда занялись обсуждением прерогатив будущего главы государства — президента, то, по всей вероятности, решение наделить его широчайшими правами было вызвано натурой перед глазами — восседавшим в председательском кресле Вашингтоном. Пост президента зара-

нее подгонялся под личные качества героя Америки. Вероятно, вера в мудрость Вашингтона сделала по конституции президента навсегда почти независимым от конгресса.

Конституция отразила бесконечные компромиссы групп и группировок конвента. Гамильтон, как и следовало ожидать, внушал, что республиканская форма правления не продержится в такой обширной стране, и предлагал брать пример с британской конституции. Спорили о норме представительства больших и малых штатов, таможенных пошлинах и торговле рабами. Иногда казалось, что конвент заходит в тупик. Вашингтон как-то писал Гамильтону, отлучившемуся в Нью-Йорк: «Одним словом, я почти отчаялся в том, что наш конвент придет к благоприятному исходу, и поэтому раскаиваюсь, что принял участие в этом деле». Но постепенно спорившие приходили к согласию, ибо их разъединяли лишь методы обеспечения святая святых — частной собственности. Даже проблемы, носившие на первый взгляд лишь эмоциональный характер, решались в конечном счете с учетом прежде всего экономических интересов.

В конституции записали, что ввоз рабов в страну будет запрещен после 1808 года. Это было вызвано отнюдь не высшими альтруистическими соображениями, а трезвым экономическим подсчетом. Делегат конвента Эллсворс сказал: «В Вирджинии и Мэриленде рабы размножаются очень быстро, и дешевле выращивать их, чем ввозить, однако в губительных болотах необходим приток рабов из-за рубежа... Поэтому (запретив немедленно ввоз рабов. — *Н. Я.*) мы будем несправедливы к Южной Каролине и Джорджии. Давайте не смешивать. По мере роста населения количество бедных рабочих настолько возрастет, что сделает бесполезными рабов». Конституция оставила институт рабства в неприкосновенности, а южные штаты согласились с тем, что будущий конгресс сможет вводить протекционистские тарифы. Это было выгодно буржуазии северных штатов.

Проблема долгов конгресса и штатов была решена в интересах крупных спекулянтов, скупивших, по оценке Ч. Бирда, обязательств, по крайней мере, на 40 миллионов долларов, то есть две трети тогдашней общей задолженности в США. Теперь бумажки подлежали оплате звонкой монетой. Штатам запрещался выпуск бумажных денег, эмиссия валюты становилась исключительной прерогативой федерального правительства. Ч. Бирд заключил: «Подавляющее большинство делегатов, по крайней мере пять шестых, были непосредственно, прямо и лично заинтересованы в исходе их трудов в Филадельфии и в большей или меньшей степени экономически выиграли от принятия конституции». И с ними Вашингтон.

Облекая в жарких спорах в пышную фразеологию меркантильные интересы, конвент как-то забыл, что собирались основать демократическую республику. Когда текст консти-

туции был роздан для окончательного утверждения, старый друг и политический наставник Вашингтона накануне войны за независимость Масон предрек: планируемое правительство кончит «либо монархией, либо коррумпированной тиранической аристократией». Где «билль о правах», спрашивал он, и немногие диссиденты? Документ, доказывал Масон, «составлен за спиной народа и не считаясь с ним». Он предложил огласить конституцию и провести затем еще один конвент, чтобы внести в нее необходимые поправки. Вашингтон был ошеломлен — и этим увенчались четырехмесячные труды! Подавляющее большинство высказалось за то, чтобы предложить конституцию, пусть несовершенную, стране. Это необходимо, подчеркнул Пинкни, «учитывая опасность всеобщего смятения и возможность конечного решения мечом». Вашингтон горячо согласился. Проспорив семь часов, постановили — конституцию можно дополнять поправками.

17 сентября 1787 года конституционный конвент завершил работу. Текст конституции направили конгрессу для рассылки штатам, а протоколы конвента, остававшиеся секретными, поручили хранить надежному Вашингтону. С тем и разъехались.

* * *

Конституционный конвент даже отдаленно не был демократическим собранием. Делегатов назначали легислатуры штатов, а не избирали на местах, пусть даже ограниченным (из-за имущественного ценза) числом избирателей. Процедура предстоявшей ратификации — для вступления в силу было необходимо согласие девяти штатов — была задумана так, чтобы массы не сказали свое слово. В штатах надлежало избрать конвенты, которым и предстояло высказаться по поводу конституции. Конвенты избирались на основе существовавшего порядка — избирателями могли быть только белые мужчины, имевшие высокий имущественный ценз. Бедняки, неграмотные, женщины и негры избирательных прав не имели. В округленных цифрах в выборах конвентов приняло участие 160 тысяч человек, пять процентов от всего населения или один из каждых четырех-пяти белых мужчин.

Споры, развернувшиеся по всей стране с обнародованием конституции, практически что-либо значили только для этих 160 тысяч. Остальным полагалось безмолвствовать, пока ораторы и писаки надрывались, толкуя о великих принципах, осеняющих путь освобожденного народа.

Пока «отцы-основатели» ссорились, спорили и соглашались за наглухо закрытыми дверьми, по стране распространялись слухи и дикие предположения, что там решат. Поговаривали, что предложат корону сыну Георга III, иные до-

подлинно знали — из благодарности пригласят править принца французского королевского дома. Конституция положила конец пустым разговорам, но дала пищу для новых предположений. Многие и многие не были довольны проделанным в Филадельфии. Ричард Генри Ли презрительно отозвался в конгрессе — то дело рук «молодых мечтателей».

Вашингтон, вернувшись в Маунт-Вернон, первым делом послал текст конституции нескольким уважаемым лидерам штата. П. Генри коротко ответил, что «не может примириться с предложенной конституцией». Б. Харрисон был многоречив, но не менее категоричен: «Если наше положение не катастрофично, боюсь, что лекарство окажется хуже болезни... Мои возражения в основном направлены против неограниченного права налогообложения, регулирования торговли и юрисдикции, которые вводятся во всех штатах независимо от их законов. Меч и такие права уже по самой природе вещей рано или поздно создадут тиранию, не уступающую триумвирату или сентумвирату Рима».

Бремя пропаганды идей конституции взяли на себя Гамильтон, Мэдисон и Джей, основавшие газету «Федералист». Вашингтон был в восторге — он прочитывал листок от корки до корки, ибо «Федералист» отвечал его убеждению, для успеха дела нужны «хорошие перья». Он бы сам взялся писать, но признался, что «не имел склонности и еще меньше таланта для писанины». Дело было не только и не столько в этом — Вашингтон считал полезным публично быть выше распрей между федералистами и антифедералистами. Хотя он с величайшим удовольствием рассылал друзьям листок, издававшийся единомышленниками (при условии, что они сохранят это в тайне), отстаивал их точку зрения в личной переписке, его заявлений не слышали. Вероятно, то был самый разумный образ действия — тень молчаливого гиганта падала на всю страну. Никто не сомневался, на чьей стороне лежали его симпатии, а детали... то дело людей поменьше.

Под псевдонимом Публий в «Федералисте» изощрялся Гамильтон. Ратуя за сильное правительство, он убеждал: «Буря, от которой едва оправился Массачусетс, показывает, что опасности такого рода носят отнюдь не предположительный характер. Кто может сказать, какой результат дали бы недавние потрясения, если бы недовольных возглавлял Цезарь?» Публий-Гамильтон, как и другие государственные мужи едва становившейся на ноги республики, все примерял тогу героев Рима... Мэдисон говорил куда более современным языком, доказывая в «Федералисте»: «Разница в способностях людей, отчего проистекают права собственности, является немаловажным препятствием для единства интересов. Первая цель правительства — защита этих способностей... Самый обычный и прочный источник раздоров — это различное и неравное распределение собственности. Имею-

щие собственность и не имеющие ее всегда имели отличные интересы... Регулирование этих различных и противоречивых интересов составляет главную задачу современного законодательства».

Прекрасные изъяснения задач нового правительства побудили иных именовать федералистов вашингтонцами, а антифедералистов — шейсовцами. Вашингтона и Франклина обычно лично не затрагивали, поборники неурезанного суверенитета штатов только говорили, что «богатые и честолюбивые» обвели первого в делах, в которых солдат ничего не смыслил, а второй дал маху по старости. Об этом твердили авторы бесчисленных памфлетов, наводнивших страну. Впрочем, один из них, защитившийся псевдонимом Центинел (все они укрывались под звучными латинскими псевдонимами), утверждал: Вашингтон — «прирожденный дурак».

Ратификация затянулась с декабря 1787 года, когда конституцию одобрил Делавэр, до конца июня — именно Вирджиния по прихоти судьбы стала девятым штатом. Если подсчитать голоса, поданные против конституции в конвентах, то оппозиция среди избирателей составляла не менее 60 тысяч человек. Иными словами, голоса 100 тысяч человек дали Соединенным Штатам основной закон.

Что до будущего президента, то он пребывал в угнетенном состоянии. Ему в 57 лет определенно не хотелось ехать в шумный Нью-Йорк, заниматься государственными делами, к которым за годы войны он получил стойкое отвращение. А со всех сторон доказывали: только Вашингтон может удержать страну от анархии. Особенно усердствовали «мальчишки» — Гамильтон, Мэдисон и даже находившийся за океаном Лафайет. Они знали старика и взывали к его развитому чувству долга. «Во имя Америки, всего человечества и собственной славы, — писал Лафайет, — умоляю вас, дорогой генерал, не отвергайте пост президента в первые годы его существования. Только вы можете пустить в дело политическую машину».

Вашингтон почти с отчаянием открывал ежедневную почту — пачки писем с просьбами дать пост в еще не существующем государственном аппарате! Это было слишком.

Оставалась последняя надежда — быть может, его все же не изберут. Вашингтон сохранял молчание, он не вел кампании в пользу избрания президентом. Но созданная «отцами-основателями» довольно неуклюжая машина президентских выборов не дала осечки. В начале января 1789 года в каждом штате по своей процедуре были выбраны или назначены выборщики, а также избран конгресс. Через месяц они проголосовали: были избраны президентом Дж. Вашингтон, а вице-президентом Дж. Адамс — единогласно. Соединенные Штаты еще не знали политических партий.

Начало занятий конгресса назначили на 4 марта. День пришел, в Нью-Йорке грохнули пушки, зазвонили коло-

кола. Их услышали считанные избранники народа — сенаторы и члены палаты представителей не торопились к месту службы. Разочарованный город стал готовиться взять реванш — зажечь фейерверк в день прибытия в Нью-Йорк президента.

14 апреля в Маунт-Вернон явился секретарь конгресса Ч. Томсон, официально уведомивший Вашингтона, что он избран президентом, и собравшийся наконец конгресс ждет главу государства. Короткая речь Томсона и ответное слово Вашингтона прозвучали в пустом банкетном зале, которым так гордился владелец. 16 апреля Вашингтон отправился в Нью-Йорк. Видевшие его на пути отмечали холодность президента. Он не был в восторге от предстоящих трудов и, несомненно, был погружен в личные дела — весной 1789 года финансовое положение плантации было трудным. Вашингтону пришлось даже занять деньги (которые ему очень неохотно одолжили, ибо он не мог рассчитаться по старым долгам) на дорожные расходы.

Америка радушно встречала и провожала президента. В каждом местечке ожидал очередной комитет граждан, напутствовавший его неторопливыми речами, в карету впрягали лучших лошадей, неизменно пугавшихся пушечной пальбы и приветственных воплей. В городах, где он останавливался, устраивались банкеты. И опять речи. Кортеж президента был виден издалека — над ним висело исполинское облако пыли, поднятое копытами сотен лошадей, толпы федералистов, сменяя друг друга, считали совершенно обязательным провожать обожаемого героя верхом. Он задыхался в пыли, чихал, отплевывался, никто не мог различить цвета одежды путника. Приходилось терпеть любовь народа.

При въезде в Филадельфию на мосту соорудили громадную арку, увитую флагами, лентами, украшенную букетами цветов. Под ней стояла очаровательная девушка, Вашингтон не успел еще склониться в галантном поклоне, как она привела в действие хитрый механизм — с величайшей точностью прямо на голову президента рухнул громадный лавровый венец! Двадцать тысяч филадельфийцев вышли глазеть на улицы. Утром следующего дня, сославшись на дождь — неудобно ехать в карете, когда сопровождающие верхом мокнут, Вашингтон упросил не отряжать с ним кортеж всадников. Он наверняка устал от шума и криков вокруг кареты.

Трентон, место памятного сражения. Вашингтон с опаской оглядел новую арку, под которой ему предстояло проехать снова верхом. Кажется, опасность не грозит, только плакат — «Защитник матерей будет протектором дочерей». Вперед выступили тринадцать дев в белоснежных платьях. Они сладостно пропели благодарность герою за спасение, хором выразили желание устлать его путь розами, выхватывая из корзин и бросая под копыта коня охапки цветов.

В день прибытия в Нью-Йорк 23 апреля Вашингтон про-

делал последний участок пути в 25 километров морем в украшенной барке под ярко-красным тентом. Сорок шесть нью-йоркских богачей сложились, чтобы построить судно специально для этого случая. Барка Вашингтона плыла мимо судов и суденышек, с палуб которых раздавались приветственные возгласы, песни, декламировались оды. В замешательстве президент услышал, что на одном судне его воспевали на мотив «Боже, храни короля». Он сошел на причале у Уолл-стрита. Насколько хватал глаз, «на полмили», прикинул Вашингтон, «тесно виднелись головы, как початки кукурузы перед жатвой». Оглушенного шумом Вашингтона повлекли в снятый для него дом.

ПРЕЗИДЕНТ США

> Говорю тебе со всей искренностью (мир, конечно, едва ли поверит этому) — я иду к креслу правителя, обуреваемый чувствами, едва ли отличными от тех, какие испытывает преступник, приближающийся к месту своей казни. Так не хочу я на закате жизни, уже почти полностью поглощенной заботами о государстве, покидать мирную обитель ради океана хлопот, не умудренный в политических хитростях, не имеющий способностей и склонностей, необходимых у кормила власти.
>
> ВАШИНГТОН — Ноксу, апрель 1789 года

Вашингтону пришлось прождать неделю в Нью-Йорке официальной церемонии вступления на пост президента — конгресс никак не мог договориться о процедуре провозглашения нового государства. Горячо спорили о том, как называть президента. Сенат проголосовал — именовать «Его Высочество президент Соединенных Штатов и протектор их прав». Недавние пламенные революционеры очень хотели видеть президента почти в королевских регалиях. Мэдисону, избранному в палату представителей, пришлось приложить немало усилий, чтобы склонить честолюбивых коллег к титулу «президент США». Много времени отняло уточнение процедуры инаугурации — кто где должен стоять и сидеть, кому что говорить и т. д.

Когда наступил день принесения присяги президента — 30 апреля 1789 года, Вашингтон был зажат в стальные тиски тщательно отработанной процедуры. В полдень его вы-

вели на балкон здания Федерал-Холл, на углу Уолл-стрита. Зеваки, переполнившие прилегающие улицы, торчавшие на крышах, высовывавшиеся из окон, увидели — Вашингтон при шпаге вслед за канцлером штата Нью-Йорк Р. Ливингстоном внятно повторил слова присяги. Хотя коротышка Ливингстон поднял Библию сколько мог на вытянутой руке, Вашингтону пришлось нагнуться, чтобы коснуться губами переплета. Толпа неистово закричала, ударили пушки, грянули колокола, и Вашингтон, тесно окруженный должностными лицами, удалился с балкона.

В большом зале он прочитал двадцатиминутную речь по поводу вступления на пост президента. В общих фразах он призвал избегать в политике «местных предрассудков», заявил, что нужно дополнить конституцию тем, что стало впоследствии известно как «Билль о правах», и очень много говорил о Провидении, которое направит и наставит новую страну. Читал он скверно, своим обычным, удивительно слабым для крупного мужчины голосом. Сенат, ревниво относившийся к тому, чтобы никто не знал о происходившем на его заседаниях, постановил не вести пока протоколов. Описанию первых шагов Вашингтона на новом поприще историки обязаны заметкам сенатора У. Маклея, далеко не дружественно относившегося к президенту. Маклей злорадно подметил: «Сей великий человек был взволнован и находился в более затруднительном положении, чем когда-то под дулами пушек и мушкетов. Он дрожал, несколько раз едва мог прочитать текст, хотя, надо думать, он много раз прочитал его раньше». Тем не менее присутствующие были взволнованы, было отмечено, что по завершении речи решительно все (включая Дж. Адамса!) расплакались, вероятно от умиления.

Наверное, Маклей плакал со всеми, однако, когда в тот же день Вашингтону пришлось держать еще речь — в ответ на формальное заявление сената, сенатор был на страже и подметил решительно все. Вашингтон «вытащил бумагу (с ответной речью) из кармана камзола. Очки у него были в жилетном кармане, шляпа в левой, а бумага в правой руке. Слишком много предметов для двух рук. Он вертел шляпу так, этак, наконец, прижал к левой стороне груди. Но он никак не мог изловчиться, чтобы вынуть очки из футляра, и наконец решил мучительную проблему, положив футляр на каминную доску. Приспособив очки на носу, что было нелегко, учитывая занятость рук, он прочитал ответ с терпимой точностью и без больших чувств». Маклей полагал, что Вашингтону лучше бы встретить сенат в очках, что «избавило бы его от неловких движений».

Если и проявилось у Вашингтона некоторое смущение, то оно быстро прошло — ему достоинства было не занимать. Он считал, что необходимо облечь пост президента величайшим достоинством. Откуда было взять власть авторитета в

первые годы существования государства, созданного конституцией 1787 года, так пусть восторжествует авторитет власти! Конгресс создал для этого сверхдостаточные финансовые предпосылки — президенту положили неслыханное жалованье: 25 тысяч долларов в год (министр получал 3,5 тысячи долларов). Можно по-разному судить о том, был или не был доволен Вашингтон тем, что конгресс отверг его предложение — служить, как в бытность главнокомандующим, безвозмездно с последующим возмещением расходов. Недоброжелатели Вашингтона на этот счет сомнений не испытывали — они были убеждены: генерал был разочарован, ибо установление твердого жалованья будто бы опрокинуло его надежды извлечь выгоды на президентском посту. Все же это были домыслы, Вашингтон не собирался быть дешевым президентом не из личных соображений, а только потому, что ставил знак равенства между роскошью и достоинством главы государства.

В одном он был, несомненно, огорчен: обращение «г-н президент» сначала шокировало его. Вашингтон предпочел бы титул, сочиненный им в муках творчества, — «Его Высочество Мощь и Сила, президент США и протектор их свобод».

С самого начала Вашингтон постановил: президент не наносит визитов никому, а приглашает к себе только «официальных лиц и выдающихся людей». Республиканцы в недоумении протирали глаза — президент завел порядки, мало отличавшиеся от тех, которые, по слухам, царили при дворах европейских тиранов, не считавшихся, как известно, с подвластными им народами. Масштабы, конечно, поменьше, но дух тот самый.

В самом деле, как происходил еженедельный прием у президента, продолжавшийся ровно час? Писал очевидец: Вашингтон «надевал костюм из черного бархата, волосы густо напудрены и сзади собраны в шелковый мешок, в желтых перчатках, в руках шляпа с полями, с кокардой и черным пером в дюйм. Брюки до колен (шелковые чулки) и башмаки с пряжками (из серебра), на левом боку длинная шпага с отлично сделанным и отполированным стальным эфесом. Камзол одет так, чтобы были видны эфес и часть шпаги, высовывавшиеся из-под фалд. Ножны из белой лакированной кожи.

Он всегда стоял спиной к камину и лицом к входной двери. Он встречал посетителя достойным поклоном, причем держал руки так, чтобы было ясно — за приветствием не последует рукопожатия. Во время приемов он никому не подавал руки, даже ближайшим друзьям, чтобы не делать различия.

По мере того как гости входили, они становились кружком в комнате. В четверть четвертого дверь закрывалась, и на этот день формирование кружка заканчивалось. Вашинг-

тон затем обходил его, начиная справа, говорил с каждым посетителем, называя его по имени и обмениваясь считанными словами. Закончив обход, он занимал первоначальное место, а посетители по очереди подходили к нему, кланялись и уходили. В четыре часа церемония заканчивалась».

Верный Тобиас Лир облегченно вздыхал — долг выполнен, запирал двери, и они оставались в семейном кругу. Вашингтон немедленно превращался из напыщенного президента в живого, разговорчивого человека. Но стоило ему появиться на людях, как лицо каменело, спина выпрямлялась, и прохожие с благоговением взирали на первого гражданина республики, когда шестерка отличных лошадей тащила карету президента по скверным улицам Нью-Йорка. Громыхали колеса, блестел лак на стенках кареты, золотом сленил аляповатый герб на дверцах, за стеклами — суровый лик президента.

Закоренелые республиканцы неодобрительно косились на роскошь (по тогдашним американским меркам), которой, как им представлялось, президент окружил себя. Карета — четыре лакея в ливреях на лошадях и козлах, еще два на запятках, — по мнению укрепившихся в республиканском образе мышления, давила пока хрупкую американскую свободу. Они забыли или не знали: так разъезжал плантатор в Вирджинии. И если ужасались расточительности главы государства, то Тобиас Лир знал лучше — к президентскому жалованью приходилось добавлять ежегодно пять тысяч долларов. Вашингтон не мог расстаться с привычками хлебосольного вирджинца. В доме держали 14 белых слуг и 7 рабов.

Приехала Марта, и появился повод каждую неделю устраивать вечера, где обстановка напоминала гостиную Маунт-Вернона. Напоминала до такой степени, что, по подсчетам историков, семь процентов жалованья президента шло на спиртные напитки.

На вечерах собирался высший свет Нью-Йорка, дамы, сверкавшие драгоценными камнями, в модных прическах. Вашингтон, наскоро выполнив обязанности хозяина и быстро переговорив с мужчинами, уединялся в беспечном дамском обществе. Жена вице-президента Адамса Эбигейл очень скоро обнаружила, что мужем движут недобрые чувства, когда он за глаза обзывал Вашингтона «Его Величество». Побывав на вечерах президентской четы, она по-женски отметила: «Этот самый президент обладает такой счастливой способностью чаровать, что, не будь одним из самых добронамеренных людей, он мог бы стать опасным искусителем». И это о человеке, доживавшем шестой десяток!

Но, за исключением этих вечеров, где собирались избранные, Вашингтоны вели очень замкнутую жизнь. Марта писала: «Я живу очень скучно и не знаю, что происходит в городе. Я никогда не бываю в общественных местах. В

сущности, я похожа на узника в тюрьме. Для меня установлены определенные границы, которые я не могу преступить». Результат обдуманной линии поведения Вашингтона — недопустимо, чтобы президент был доступен всякому и каждому.

Над личной и светской жизнью президента и его семьи довлело правило, которому с железной последовательностью Вашингтон следовал в делах государственных, — помнить, что на заре нового государства создаются прецеденты. Поэтому тщательно обдумывать каждый шаг: что делать и что не делать.

* * *

Первые полтора года в должности президента Вашингтон провел в Нью-Йорке, налаживая правительство и правление, а затем до 1800 года столицей США была Филадельфия.

Конфедерация оставила в наследие долги и горстку должностных лиц, давным-давно не получавших жалованья. Приходилось создавать заново государственный аппарат. Относительное затишье на границах позволило не думать об армии, в ней насчитывалось 840 человек, флота не было. Еще не открыли ни одной вакансии гражданской администрации, а у Вашингтона уже лежало три тысячи прошений о зачислении на службу. Неясность, кто несет ответственность за выбор и назначение чиновников, Вашингтон быстро разрешил, взяв дело на себя. За сенатом осталось право утверждения высших должностных лиц и дипломатических представителей, рекомендованных президентом. Между прерогативами законодательной и исполнительной властей легла граница. Теоретически и практически подтверждалось их равенство.

В конституции предусматривался только Верховный суд, закон конгресса 1789 года создал судебную систему, как она в основном существует по сей день. Верховный суд собрался на первую сессию в начале 1790 года — судьи в великолепных мантиях, но в отличие от Англии без белых париков. Вашингтон был весьма удовлетворен, что завертелись колеса судебной машины. В судебной системе он усматривал залог стабильности нового государства, дополнительную гарантию давал Дж. Джей, председатель Верховного суда, муж серьезный и рассудительный. Можно было не сомневаться, что, претерпев муки в Европе в парике дипломата, он сделает все для американизации Америки в мантии судьи— Верховный суд получил право определять конституционность решений судов штатов. Дело федерализма попало в крепкие и надежные руки.

В горячке споров, на конституционном конвенте, по-видимому, не обратили внимания на крайне неуклюжую структуру высшей исполнительной власти. «Отцы-основатели», ве-

роятно, думали, что сенат будет играть при президенте роль своего рода тайного совета, а его председатель — вице-президент — станет премьер-министром. Каковы бы ни были первоначальные намерения «отцов-основателей», Вашингтон терпеть не мог вице-президента Дж. Адамса. Он хорошо помнил каверзы зловредного массачусетца во время войны, а теперь не усматривал с его стороны должного уважения. В столкновении логики составителей конституции с личными симпатиями президента первая потерпела решительное поражение. Вице-президент был задвинут на задворки исполнительной власти и там остается по сей день.

В годы войны Вашингтон приложил немалые усилия, чтобы штаб работал четко и в надлежащих случаях быстро давал советы главнокомандующему (предпочтительно совпадавшие с его мнением). Вероятно, так президент сначала отнесся к сенату. Но уже в первые месяцы пребывания у власти пришлось отказаться от представления о конгрессе как о штабе при президенте. Трагикомический эпизод открыл глаза на это. Сенаторы и конгрессмены считали, что на их плечи легла ответственность за будущее страны, и поэтому днями дебатировали сущие пустяки — какой употребить предлог или прилагательное. В разгар напряженных трудов законодателей в сенат явился Вашингтон в сопровождении Нокса, исполнявшего обязанности военного министра. Они пришли спросить мнение сената по поводу проекта договора с индейским племенем криков. Великая демократия вверила ведение сношений с индейцами военным.

Вашингтон уселся в кресло вице-президента, смутившийся и злой Адамс нашел место в зале. Рядом с суровым президентом тяжело опустился на стул тучный Нокс. Начали читать текст договора. Из-за шума телег, доносившегося в открытые окна, услышали только, что речь идет об индейцах. Окна закрыли, и договор стали читать вторично. Сенаторы не схватили содержания на слух, последовали вопросы, неуместные замечания. Наконец внесли предложение вынести суждение после изучения договора. Вашингтон резко встал и очень громко сказал: «Мне не нужно было приходить сюда!» Указав на толстяка Нокса, президент заявил, что озаботился привести министра для дачи необходимых пояснений, а дело отложено. С негодующим видом оба покинули зал.

Через несколько дней Вашингтон явился в сенат выслушать вердикт. Договор был одобрен с незначительными поправками, но президенту пришлось просидеть почти целый день, напряженно вслушиваясь в пустопорожние дебаты — он стал туг на ухо. Когда Вашингтон уходил из сената, многие слышали, как он выругался: «Будь я проклят, если моя нога когда-нибудь будет здесь еще!» Пустяковый повод, а главное, обида Вашингтона на своеволие сената создали важный прецедент — отныне и до сих пор на рассмотрение

сената представляются уже подписанные договоры. Таким образом, не философские размышления или теоретические построения уточнили место сената в системе государственного правления.

Столкнувшись с неподобающим, по мнению джентльмена, отношением конгресса, Вашингтон обиделся, надулся и бросил свой вес в пользу расширения исполнительной власти. Конгресс создал три министерства — государственный департамент, финансов и военное. Вашингтон назначил государственным секретарем сорокашестилетнего Т. Джефферсона, тридцатидвухлетний Гамильтон стал министром финансов. Конечно, президент подтвердил в должности военного министра Нокса, а генеральным прокурором стал вирджинец Эдмонд Рандольф. Хотя он осмеливался критиковать конституцию, Вашингтон не считал, что это нанесло ущерб их давней дружбе.

Так появился кабинет министров (название стало употребляться в 1793 году), не предусмотренный конституцией. Вашингтон взял за правило спрашивать совета членов кабинета до принятия решения. Сначала они встречались с президентом с глазу на глаз, постепенно вошли в обычай заседания кабинета. Та роль, на которую мог по конституции претендовать сенат, была безвозвратно утрачена. Возникло правительство, ответственное только перед президентом. Конгрессмен Мэдисон остался доверенным советником президента.

Полагая, что государственная машина пущена в ход, Вашингтон осенью 1789 года отправился в поездку по Новой Англии в роли президента страны. Он благодушно относился к взволнованным встречам, с достоинством улыбался. Президент посетил первые, только что основанные фабрики. В Бостоне он побывал на предприятии, производившем паруса. Девушки-работницы трудились в каторжных условиях с 8 утра до 6 вечера. Президент счел это нормальным, член его свиты записал в дневнике: «Его Высочество развеселился, заметив мастеру, что он собрал самых хорошеньких девушек Бостона».

Везде президент требовал, чтобы ему оказывался должный прием. В том же Бостоне разразился мелкий конституционный кризис — губернатор Массачусетса Хэнкок ожидал, что президент первым нанесет ему визит. Вашингтон требовал обратного. Губернатор сослался на болезнь. Вашингтон упорствовал. Наконец у дома, занятого президентом, остановился экипаж. Мрачные слуги внесли в гостиную Хэнкока, несомненно симулировавшего недуг. Для большего впечатления он был забинтован с ног до головы. Подавляя улыбку, президент потчевал губернатора чаем. Еще один прецедент установлен. «Поскольку главным в нашем положении, — поучал президент коллег, — является создание прецедентов, я всем сердцем стремлюсь, чтобы они основы-

вались на истинных принципах», каковые включали всемерное удлинение дистанции между президентом и даже близкими. Марта перестала именовать сверхважного супруга «паной», а обращалась к нему — «генерал».

Поставив Гамильтона министром финансов, Вашингтон не ошибся как в расторопности молодого человека, так и в том, что все его помыслы будут направлены на защиту богачей. Гамильтон давно изучил склонности президента, еще в бытность его генералом. Политические воззрения Вашингтона были для него открытой книгой — президент всей душой за обеспечение привилегий имущего меньшинства. Не менее отчетливо министр видел — старик устал, ему чужды административные восторги, и он охотно передоверит ведение дел тому, кто окажется энергичным, действуя, разумеется, в рамках политической философии Вашингтона. Гамильтон счел, что на его долю выпал счастливый жребий — определить на многие годы курс только что спущенного со стапелей американского государственного судна.

Большой циник и златоуст Гамильтон учил президента: конституция — «создание, которое не может оставаться неподвижным и пойдет назад, если не двинуть его вперед». Цитируя Демосфена, Гамильтон настаивал: задача государственного деятеля — «идти впереди событий» и «создавать их». Конечно, под «государственным деятелем» он разумел себя. В трех докладах, представленных конгрессу, — «Об общественных долгах» (январь 1790 года), «Национальный банк» (декабрь 1790 года), «О мануфактурах» (декабрь 1791 года) — Гамильтон сформулировал задачи правления как всемерное поощрение торгово-промышленной деятельности. Он верил и учил, что правительство — дело «богатых и родовитых», основные мотивы поведения людей — «честолюбие и интерес», а демократия — «ваш народ, сэр, большой зверь!».

Взгляды эти, отдававшие роялистскими убеждениями, навлекли на Гамильтона яростную критику, вероятно, в основном за резкость суждений. Он стал противоречивой фигурой в глазах современников, обвинявших министра во всех смертных грехах. Гамильтон успешно опровергал обвинения, ссылаясь на то, что верно служит США. Богатые соглашались. Но даже они не одобрили бы то, что стало известно в XX веке, — Гамильтон являлся тайным агентом Англии. Впрочем, тогда Гамильтон был надежно защищен — он пользовался полным доверием (страна знала об этом) Вашингтона и если не всегда творил от имени президента, то никогда не поступал вразрез с его волей.

Гамильтон предложил, чтобы федеральное правительство взяло на себя оплату по нарицательной стоимости всех внешних и внутренних долгов конгресса и штатов. Объявлению мужественного решения министра финансов предшествовал бум скупки спекулянтами обесцененных сертифика-

тов. Доказано, что о плане Гамильтона некоторые из них знали заранее. Претворение его в жизнь (и это превосходно знали) приведет к обогащению банкиров Новой Англии. Гамильтон, не оспаривая правильности обвинений, отчеканил: «Так лучше для блага страны». По его логике выходило, что в руках спекулянтов деньги дадут им капитал для вложения в новые предприятия, что принесет народу больше благ, чем компенсация тысяч мелких владельцев. Что толку для США, если фермер прикупит несколько акров или приобретет новую мебель для своего домишки? Выплата до цента внешних долгов поднимет уважение к США за рубежом. В общем, доказывал Гамильтон, «общественный долг — общественное благо», кредиторы сплотятся под национальным знаменем.

Спекулянты бешено одобрили план Гамильтона. Простой люд негодовал, задним числом сожалея, что расстался за бесценок с сертификатами. Представители южных штатов, и первый среди них Мэдисон, взывали к справедливости — в этих штатах в основном уже расплатились с кредиторами, теперь придется взять на себя соответствующую долю федерального долга, то есть платить вторично. В Вирджинии П. Генри даже заговорил о повелительной необходимости выйти из союза. Народ плохо понимал мотивы сопротивления, скажем, Мэдисона и возвел противников Гамильтона в героев, борцов за дело униженных, оскорбленных и обкрадываемых. Некий республиканец умолял художника Трамбелла засесть за полотно, изобразив Мэдисона, «отстаивающего дело справедливости и человечности в конгрессе, ангел шепчет ему в ухо, а вдовы, сироты и солдаты-калеки смотрят на него с невыразимым восторгом». Гамильтона же надлежало нарисовать в окружении шакалов и иных хищников, раздающего золото своим любимцам, а за его спиной маячат зловещие фигуры короля и лордов.

Вашингтон не высказывался, но все знали — он с Гамильтоном. В конгрессе зашли в тупик, к счастью для федералистов, встал другой спорный вопрос — где быть новой столице. В Филадельфии думали, что выбор падет на нее — только в этом городе были тогда мощеные улицы и примитивный водопровод. Ньюйоркцы верили, что конгресс не покинет их славный город, а южане страстно хотели видеть столицу на юге, где-нибудь на Потомаке. Вашингтон тем временем прикидывал, как соорудить город поближе к Маунт-Вернону. Вирджинец Джефферсон, недавно вернувшийся из Франции, еще не вошел в курс интриг и поддался вкрадчивому Гамильтону, внушившему, что в обмен на голоса представителей Юга, нужные для одобрения его плана, Соединенные Штаты получат столицу на Потомаке. Джефферсон бросился убеждать коллег, Вашингтон не бездействовал, план Гамильтона прошел — столичный град постановили строить на славной реке.

Всю жизнь Джефферсон сокрушался, что Гамильтон «надул» его и обогатил своих друзей-банкиров. Но, разводил руками великий демократ, нельзя было не уступить ради «союза и спасения нас от величайшей катастрофы — полного закрытия нашего кредита в Европе». Отношения между Джефферсоном и Гамильтоном испортились, что скоро имело большие последствия.

Президент предоставил сражаться по этим делам министрам и выражал недовольство противниками Гамильтона разве в частных беседах. Но выбор столицы он, землемер, не мог не взять на себя. Конгресс определил, что федеральный округ Колумбия площадью в 100 квадратных миль будет где-то на Потомаке, предполагаемая граница округа проходила в двадцати с небольшим километрах от Маунт-Вернона. Президент отправился в родной штат и обследовал местность. Он мерил шагами поля и пустоши, сжав губы, бросал безразличные взгляды на толпу землевладельцев, ходивших за ним по пятам. Все они знали, что землица скверная — болота, комары, да и климат на человека привычного. А тут перспектива получить полновесные доллары! Вашингтон, вероятно, развлекался — он делал вид, что городу стоять совсем в другом месте, чем в действительности выбрал, — поближе к Маунт-Вернону. Можно представить себе праведный гнев землевладельцев, уже подсчитавших верную прибыль, когда по возвращении в Филадельфию Вашингтон объявил окончательное решение!

Он выбрал и архитектора будущей столицы француза Ш. Л'Энфана, сражавшегося волонтером в континентальной армии. Вашингтон засел с ним за разработку плана столицы. Они гордились тем, что только вторично в истории человечества после Северной Пальмиры — Петербурга в России — закладывали город в чистом поле у реки. Л'Энфан попытался воплотить черты Версаля в столице США, которой было суждено носить имя Вашингтона. Он копировал здания лучших городов Европы и вошел в резкий конфликт с руководителями стройки. Ему виделся голубой город дивной красоты, комиссионеры конгресса напомнили о расходах. Л'Энфан требовал, чтобы вся стройка подчинялась ему, скупцы говорили французу, что не он оплачивает строительство. Но даже витавший в облаках архитектор не мог не видеть, что около стройки греют руки дельцы.

Развязка наступила очень быстро — весной 1792 года Вашингтон велел рассчитать архитектора. Л'Энфан ушел, а его планы воплотились в камень. Вашингтон особо предупредил, чтобы строили строго в соответствии с намеченным Л'Энфаном. Сделанное им удовлетворяло Вашингтона, но не удовлетворял автор. Если бы можно было сдержать майора Л'Энфана «в надлежащих границах и если бы он обладал менее вспыльчивым нравом!» — сокрушался президент.

Тем временем в конгрессе чередой шли дела, которые

Вашингтон, конечно, одобрял, но они не затрагивали его глубоко. Без больших споров в 1791 году конгресс принял «Билль о правах», в союз вошли Южная Каролина и Род-Айленд — теперь собрались все тринадцать штатов, был учрежден банк США. Старик благожелательно председательствовал над государственными делами, но его интересовала больше светская жизнь Филадельфии и личные дела. Летом 1791 года он отправился в многомесячную поездку по южным штатам, покрыв свыше 3 тысяч километров, — ему хотелось собственными глазами увидеть процветание страны при новом правительстве. Встречавшие его «весьма достойные джентльмены» были, конечно, довольны, финансовая программа Гамильтона приводила их в экстаз. В дневнике Вашингтон отметил: народ «кажется счастливым, удовлетворенным правлением джентльменов, под которое он попал, когда дело обстоит иначе, нетрудно проследить причину — влияние какого-нибудь демагога».

Приятное и спокойное путешествие — стучали копыта четверки лошадей, мягко покачивалась карета. В дневнике — записи о подробностях встреч: он особо отмечал, сколько дам собиралось на банкеты: «около семидесяти» в Ньюберне, «шестьдесят две» в Вилмингтоне. В Чарлстоне президент был приятно поражен: «впервые мне оказали честь такого рода, которая была бы как лестна, так и примечательна». Днем к нему явилось «большое количество весьма почтенных дам», а вечером он был почетным гостем «на весьма элегантной ассамблее в здании биржи. Собрались и танцевали 256 очень хорошо одетых прекрасных дам». Со свойственной скромностью президент не добавил — на бал местные красавицы явились в платьях, украшенных красными, синими и белыми лентами (цвета флага), вместо привычных причесок каждая укрепила на голове маленький портрет Вашингтона, оплетенный косами. Все в городе, способные держать кисть, неделями малевали эти произведения патриотизма.

И снова Филадельфия, высший свет которой наслаждался столичной жизнью, стремясь наверстать упущенное с 1782 года, когда конгресс переехал в Нью-Йорк, и зная, что ей положен предел — с 1800 года правительство будет в Вашингтоне. Так без больших потрясений проходило первое президентство Вашингтона. Он беседовал о государственных делах с мужчинами и любил подробно изъяснять взгляды на себя и историю достойным дамам. В ответ на письмо большого друга этих лет госпожи Маколей Грэхэм президент написал:

«Хотя ни в наш век, ни потом никто не сможет полностью понять мои чувства, я должен сказать, что только глубокое осознание долга заставило меня опять вернуться на арену общественной жизни. Учреждение нашего нового правительства представляется последним великим экспериментом для обеспечения счастья людей путем разумного согла-

шения в цивилизованном обществе. Это прежде всего в значительной степени правительство как приспособления, так и законов. Многое пришлось делать, проявляя благоразумие, примирение и твердость. Только считанные, не являющиеся философскими наблюдателями, могут понять деликатную и трудную роль, выпадающую на долю человека в моем положении. Все видят, и всех больше всего восхищает блеск, окружающий внешнее счастье высокого поста. Для меня в нем нет никакой привлекательности, кроме возможности способствовать человеческому счастью. В нашем движении к политическому счастью я занимаю новое положение и, если я могу выразиться так, иду непроторенной дорогой. Едва ли есть хоть одно действие или мысль, которые не поддаются двойственной интерпретации. Едва ли есть хоть один мой поступок, который впоследствии не может быть объявлен прецедентом».

Он изливал душу в письмах такого рода, а жизнь шла безмятежно, без тревог, разве беспокоило то, что мучило, как застарелая рана, — состояние хозяйства в Маунт-Верноне. Из душевного равновесия Вашингтона вывели не американские дела, а события за рубежом, вызвавшие отклик в Соединенных Штатах.

* * *

В год вступления Вашингтона в должность президента Европу потрясла французская революция. 14 июля 1789 года пала Бастилия. Грохот ее рушившихся стен донесся до берегов Америки только осенью. Размышляя о судьбах Франции, Вашингтон заметил: до нее так далеко, что происходившее в Париже кажется «на другой планете».

Французские корреспонденты Вашингтона спешили убедить его, что их родина также встала на путь свободы, ее светлое будущее уже обеспечено. «Старый лис» скептически отнесся к оптимистическим прогнозам. Он считал, что Франция испытала только «первый пароксизм... Революция — дело такого размаха, которое не может быть выполнено в столь краткие сроки и с такой небольшой потерей крови... Необходимы великая выдержка, твердость и предвидение... Избежать крайностей нелегко, и, если впасть в них, тогда скалы, сейчас невидимые, могут привести к кораблекрушению». Он говорил со спокойной уверенностью знатока, вероятно, с самого начала прикидывая, как скажется происходившее за океаном на США. К счастью для Вашингтона и его единомышленников, график революционного пожара во Франции отстал от консолидации американской системы правления.

Лафайет на родине применял к делу навыки революционера, добытые под знаменами континентальной армии. Он прислал Вашингтону «главный ключ» от Бастилии, «крепости деспотизма», ключ — «первый зрелый плод американ-

ских принципов, пересаженных в Европу», а также картину, изображавшую, как Бастилию сровняли с землей. Подарок, заверял Лафайет Вашингтона, «воздаст должное приемному отцу от сына, от адъютанта генералу, от миссионера свободы ее патриарху». Польщенный Вашингтон похвалил Лафайета за «целеустремленность и твердость», с какой он направляет свой политический корабль «пока безопасно через зыбучие пески и рифы, а ваш молодой король во всем, по всей вероятности, вполне настроен удовлетворять желания нации».

Он никогда не оставлял долг неоплаченным, Джордж Вашингтон. И в обмен на ключ от Бастилии — материальный дар — послал Лафайету также осязаемое — пряжки для башмаков. «Не ввиду их стоимости, мой дорогой маркиз, но как память и потому, что они произведены в этом городе, я посылаю тебе пару пряжек для башмаков». Что вдохновило президента на этот поступок? Вот еще одна загадка для историков.

С символами французской свободы американский президент распорядился самым эффективным образом. Вероятно, полагая, что его жилище маяк для человечества, Вашингтон вывесил на стене гостиной для обозрения допускавшихся в дом упомянутые предметы — ключ и картину. Дабы подчеркнуть свою беспристрастность, он распорядился поместить рядом писанный маслом портрет Людовика XVI в мантии, со всеми королевскими регалиями. Когда христианнейший монарх лишился трона, Вашингтон, к горю французских эмигрантов-роялистов, приказал снять портрет. Но скорбевшие по королю скоро успокоились — их по-прежнему принимали в доме президента, за столом которого не было видно опасных радикалов.

Победное шествие принципов «свободы, равенства и братства» в далекой Франции глубоко затронуло Соединенные Штаты. Патриоты, совсем недавно освободившиеся от тирании короны, многословно убеждали друг друга, что идеи Американской революции приобрели универсальное значение. Кто сомневается, бросьте взор через океан! Только горячие поборники свободы в США из-за дальности расстояния видели лишь общие контуры происходившего и определенно смещали перспективу — события во Франции развивались далеко не так, как шествовала Американская революция под бдительным надзором «отцов-основателей» и прежде всего Вашингтона. Апостолы прав человека в США, конечно, даже отдаленно не были якобинцами. Для них свершения во Франции послужили неотразимым по силе доводом в пользу того, чтобы разобраться в собственных делах.

Споры между Гамильтоном и Джефферсоном, возникшие по конкретным вопросам, стремительно приобрели политическую окраску и выплеснулись за стены кабинета. Сторонники Гамильтона именовали себя федералистами, джефферсо-

новцы попачалу не озаботились назвать себя как-то по-особенному, удовлетворившись словом «антифедералисты». Французская революция подтолкнула их воображение, и они стали гордо отзываться о себе как о демократах-республиканцах или короче — республиканцах. В зародыше возникли политические партии. Появление пусть пока нечетких партийных граней привело в замешательство Вашингтона — он-то надеялся быть отцом единой нации.

Джефферсон, проведший пять лет во Франции, никак не находил сходства между США и Французской Республикой. Где, допытывался он у президента, желанная свобода в Америке? Вашингтон отмалчивался, Джефферсон наседал, попрекая его пышным церемониалом, установленным для президента. Негодующий Вашингтон попытался объяснить, что это было сделано по совету многих ради создания должного престижа и никого не тяготит больше, чем самого президента. Глядя в смущенные глаза старика, Джефферсон понимал, что он говорит правду. Тогда где виновник? Им неизбежно оказался очень молодой в представлении Джефферсона, приближавшегося к пятидесятилетию, Гамильтон.

Они, припоминал впоследствии Джефферсон, «бросались друг на друга на заседаниях кабинета, как боевые петухи». Спорили, ругались, приводя в глубокое уныние президента. Он попытался мудро развести спорщиков, заметив: «Люди не могут мыслить одинаково, но предпринимают различные меры ради достижения одной цели... Почему вы оба так упорствуете в своих убеждениях, не делаете уступок друг другу? Я глубоко, искренне уважаю вас обоих и горячо надеюсь, что, быть может, удастся пащупать путь, по которому вы пойдете рука об руку». Увещевания президента были совершенно бесполезны. Гамильтон был убежден, что Джефферсон, стоит дать ему волю, потопит США в анархии, а Джефферсон не менее твердо верил, что его противник строит козни, чтобы ввести в США монархический образ правления. Но ни тот, ни другой не ставили под сомнение институт частной собственности.

Раскрыв для себя сатанинский замысел молодого честолюбца, поборник мелкобуржуазной, аграрной демократии Джефферсон решил поднять на ноги американцев, убаюканных, помимо прочего, официальным еженедельником «Газетт оф Юнайтед Стейтс», основанным в 1789 году и находившимся в руках Гамильтона. Джефферсон уговорил друга Ф. Френо создать и возглавить оппозиционный орган «Нэшнл газетт», которая начала выходить в октябре 1791 года. С первого номера «Нэшнл газетт» обрушилась на правительство, разнося в пух и прах все его меры, за исключением исходивших от Джефферсона. В статьях Френо поносился Гамильтон и все связанное с ним. «Свободные граждане Америки не допустят, чтобы богачи топтали их», — гремела «Нэшнл газетт» и до-

бавляла: «Нужно провести новую революцию в пользу народа».

Гамильтон сначала легкомысленно отнесся к нападкам, отвечать на них не было времени. Он делил время между министерством финансов и обаятельной миссис Рейнольдс (когда г-жа Гамильтон случалась в отлучке). Суровый Джефферсон между тем по уши погрузился в дела — в считанные месяцы он написал свыше четырех тысяч писем, вербуя сторонников и разоблачая министра финансов. «Нэшнл газетт», естественно, докопалась до миссис Рейнольдс и поделилась радостью открытия с читателями. Гамильтон схватился за перо и в сердцах обозвал Френо «лакеем Джефферсона», редактор «Нэшнл газетт» не остался в долгу и т. д.

Президент без труда выяснил, что статьи в газете Френо и высказывания Джефферсона на заседаниях кабинета совпадают до точки. Он негодовал по поводу «негодяя Френо», но оставался корректным с государственным секретарем. В свою очередь, Джефферсон с острым любопытством наблюдал за президентом. Он лицемерно сообщает Мэдисону, ставшему его единомышленником: «Президент выглядит неважно. Неделю или десять дней его трепала лихорадка, что, естественно, сказалось. Его также чрезвычайно обижают нападки в газетах. Я думаю, что они задевают его больше, чем кого бы то ни было. Я искренне сожалею по поводу всего этого».

Повергнутый в скорбь происходившим, Вашингтон попытался смягчить газетную дуэль министров, тем более что на страницах «Нэшнл газетт» стало доставаться и президенту. Нужно умерить страсти, писал он Рандольфу, «прекратить поношение должностных лиц и злобные нападки почти на все действия правительства, которыми переполнены некоторые газеты. Если так будет продолжаться, союз распадется». Трудно сказать, верил ли он в реальность угрозы, несомненно, по крайней мере, одно — президент видел, что затянувшаяся ссора министров отдаляет день его ухода от дел государственных. А он думал, что в 1793 году удастся вернуться в дорогой Маунт-Вернон, и уже сговаривался о тексте прощального обращения к стране с Мэдисоном.

Но как уйти на покой, когда Гамильтон и Джефферсон раздувают политические страсти?

В мае президент получил длинное письмо от Джефферсона. Государственный секретарь требовал, чтобы Вашингтон не отказывался от переизбрания. Почему это необходимо, Джефферсон объяснял в очередной филиппике против министра финансов. Обвинения в адрес Гамильтона были сведены в четкие пункты, их было 21. Тяжко вздыхая, Вашингтон собственной рукой, крупным старческим почерком переписал сочинение государственного секретаря и направил Гамильтону. Не раскрывая источника, он пометил: бумага «исходит от человека, не очень дружественного правительству». Как и следовало ожидать, Гамильтон в энергичном и менее про-

странном меморандуме отверг поклеп на него, особенно возмущаясь инсинуациями насчет коррупции, свившей-де гнездо в стенах его министерства.

Вашингтон метался в эти летние и осенние месяцы 1792 года. Он уезжал в Маунт-Вернон, возвращался в Филадельфию. Дряхлел на глазах, филадельфийцы недоверчиво покачивали головами, видя ссутулившегося, молчаливого президента за стеклами кареты. На заседаниях кабинета он пытливо вглядывался в лица министров — на них был написан приговор — переизбираться! Только в этом кабинет был единодушен.

Пришли выборы, кандидатура Вашингтона была одобрена единогласно. Гром разразился над головой вице-президента Дж. Адамса. Республиканцы неплохо поработали. «Рептилия!», «Аристократ!», «Монархист!» — кричали их газеты и пронзительнее всех «Нэшнл газетт». Когда 13 февраля 1793 года подсчитали голоса выборщиков, выяснилось, что Адамс имел незначительное большинство. В конгресс прошло множество сторонников Джефферсона, что предвещало новые хлопоты Вашингтону.

Республиканцы повели наступление, не дожидаясь созыва нового конгресса. Примерно за пять недель до роспуска старого они потребовали отчета от министра финансов в расходах за предшествующие четыре года. Расчет представлялся безупречным — физически было невозможно в считанные дни составить гигантскую роспись доходов и расходов республики. Вашингтон пришел в отчаяние—газета Френо предвкушала изобличение Гамильтона в воровстве, что покажет в подлинном свете монархистов и, конечно, президента, пригревшего этих змей. Обвинения в коррупции открыто бросались в конгрессе. Гамильтон разочаровал ожидания — засев в министерстве с ближайшими сотрудниками, позабыв о прекрасной миссис Рейнольдс, он считал. Бледный от бессонных ночей, он явился в конгресс и представил отчеты. Цифры были безупречными.

4 марта 1793 года Вашингтон давал присягу, он вступал во второй срок президентства. 1789 год казался далеким, золотым прошлым. Толпа, собравшаяся поглазеть на церемонию, была шумной, но нет-нет да раздавались голоса неодобрения. Сенат остался в основном федералистским, в палате представителей преобладали республиканцы.

В «Нэшнл газетт» (Френо озаботился ежедневно посылать президенту по два номера) Вашингтон мог усмотреть — огонь критики сосредоточивался на нем, покровителе монархистов. Газета высмеивала «эти глупости, оды по поводу дня рождения», приемы у президента. Времена наступали крутые, и в поисках душевного покоя Вашингтон в начале апреля отправился в Маунт-Вернон.

* * *

Он еще не объехал плантацию, как курьер из Филадельфии привез ошеломляющее известие, задержанное доставкой на пути через океан, — голова Людовика XVI скатилась на гильотине. Свежие столичные новости — на улицах Филадельфии поют «Марсельезу». Республиканские газеты нашли — помощь Америке оказал не король, а французский народ.

Республиканские публицисты не могли знать, что, отстаивая эту прекрасную во всех отношениях точку зрения, они готовят крупнейшие неприятности не только собственному правительству, но и поставят на карту честь юной демократии. Очень скоро случились новые известия — 1 февраля 1793 года сестра-республика Франция объявила войну злейшему врагу свободы — Англии. Теперь рев «Марсельезы» на улицах оглушал — патриоты рвались к оружию покарать лондонских злодеев, тем более что подстрекаемые англичанами индейцы вновь нанесли заметный ущерб на северо-западной границе.

В Филадельфии росло недоверие к Гамильтону. Высокомерный министр, по всеобщему убеждению, находился в подозрительных сношениях с английским посланником, наконец прибывшим в США. Мало того, после казни короля французский посланник, роялист Бернан прекратил ведение дел с Джефферсоном и вместо государственного департамента зачастил в министерство финансов.

Простой люд горячо одобрял казнь короля и революцию во Франции. В Филадельфии на импровизированной гильотине чучело Людовика XVI обезглавливалось 20—30 раз ежедневно на протяжении нескольких месяцев. Известный публицист, федералист Коббет возмущался: «На трагический спектакль сходились мужчины, женщины и дети, и ни одна газета не пристыдила их». Народ волновала другая мысль, сформулированная «Нью-Йорк джорнэл»: «Американцы, будьте справедливы! Вспомните, кто стоял между вами и гремящими цепями деспотизма британского министерства!»

Демократы на всех перекрестках обсуждали договор 1778 года с Францией и шумно требовали выполнения его, то есть войны с Англией. Вашингтон поторопился в Филадельфию, где первым его встретил хладнокровный Гамильтон. Запершись в доме президента, министр объяснил: 90 процентов американского импорта поступает из Англии. Финансовая система, установленная в первое президентство Вашингтона, в основном покоилась на таможенных сборах. Разрыв отношений с Англией вызовет немедленное банкротство правительства. Вашингтон понимал это, а за плотно закрытыми окнами, по словам вице-президента Дж. Адамса, «десять тысяч человек на улицах Филадельфии день за днем угрожали вытащить Вашингтона из его дома и произвести революцию или заставить нас объявить войну Англии на стороне Французской революции».

Гамильтон для руководства президента составил список вопросов, которые надлежало поставить на заседании кабинета. Главное — сохранить мир, что касается договора 1778 года, то разве нельзя представить дело так: он подписан с правительством, которого больше нет, и, следовательно, не подлежит выполнению? Морально немыслимая позиция, но Вашингтон согласился с ней. Нужно немедленно выступить с декларацией о нейтралитете. Вооруженный инструкцией Гамильтона, президент явился на заседание, где, как и ожидалось, Джефферсон произнес зажигательную, но абстрактную речь о важности поддержки свободы в делах человеческих, а затем поддержал декларацию. Государственный секретарь добился, правда, чтобы посланнику Французской Республики «гражданину Жене», уже следовавшему в США, был оказан надлежащий прием.

22 апреля прокламация (в ней не упоминалось слово «нейтралитет») была обнародована. Соединенные Штаты заявляли, что будут «дружески и беспристрастно относиться к воюющим сторонам». Американским гражданам запрещалось принимать участие в войне на море и доставлять в воюющие страны контрабандные товары. Генри Ли, не навоевавшийся в войну за независимость и жаждавший новых битв, спросил совета у президента, не стоит ли вступить во французскую армию. Ответ Вашингтона: «Как государственный деятель по поводу этого я не могу сказать ничего... Как частное лицо не хочу говорить много. Советовать не буду. Я могу только сказать... если бы дело шло обо мне, я бы хорошенько поразмыслил не только по личным, но и по государственным соображениям». Президент дал только один определенный совет — письмо по прочтении сжечь. Ли остался в США.

Прокламация о нейтралитете вызвала бурю. Гамильтон под надлежащим псевдонимом «Миротворец» защищал ее. Джефферсон пишет Мэдисону: «Ради всего святого, дорогой сэр, возьмите перо, выберите самые еретические места и сокрушите их перед лицом общественного мнения». Республиканцы так и поступили, напоминая о долге «Франции и Лафайету», уместно умалчивая о том, что на родине маркизу вынесен смертный приговор. Шквал ярости оппозиционной печати обрушился наконец с полной силой на самого президента. Теперь он был не «отцом», а «отчимом» страны, а иные газеты находили, что Вашингтон «крокодил», «гиена», «лжец», «мошенник», «предатель» и т. д., в зависимости от изобретательности писак и их познаний в зоологии.

Вашингтон мучительно переживал буйный поток нападок, вероятно, вглядывался в зеркало и убеждался как в отсутствии сходства с названными мерзкими животными, так и в том, что за оскорбительными словами не крылось никакой разумной политики. Кто, кроме горлопанов, разумеется, в его понимании, мог идти войной на Англию? Все

имевшие собственность наслаждались миром и помышляли не о военных авантюрах, а о приумножении своего благосостояния. Возможно, президент понимал, что суть спора заключалась не в столкновении высоких принципов, а в стремлении республиканцев пробиться к власти на волне демагогии.

Обвинения в том, что он-де покрывает тайных монархистов, Вашингтону было нетрудно отвести как пустые. Он разъяснял, например, Генри: цель заключается в том, чтобы «Соединенные Штаты были свободны от политических связей с любой другой страной и не находились ни под чьим влиянием. Одним словом, я имею в виду американские интересы, с тем чтобы европейские державы убедились: мы действуем ради себя, а не ради других». В эти жаркие дни президент сдержанно и достойно указывал в одном из писем: «Я верю в искреннее желание Соединенных Штатов не иметь ничего общего с политическими интригами и склоками европейских держав, а, напротив, обмениваться товарами и жить в мире и дружбе со всеми народами земли».

Звучало так прекрасно и возвышенно, как надлежит изъясняться государственному мужу преклонных лет, согбенному тяжким политическим опытом. Это было дальнейшим развитием ранее высказанных Вашингтоном идей. Еще в 1788 году он настаивал: «Когда бы между европейцами ни возникал конфликт, если мы мудро и должным образом воспользуемся преимуществами, дарованными нам географией, мы сможем, действуя осмотрительно, извлечь выгоду из их безумств». Тур кровопролитных войн, открывшийся в Европе в девяностых годах XVIII столетия, принес осязаемые выгоды США, последовавшим советам Вашингтона. Экспорт США за четыре года с 1792 года вырос с 19 миллионов до 41 миллиона долларов, а тоннаж торгового флота за десять лет с 1789 года увеличился в пять раз, достигнув почти миллиона тонн. Перед такими внушительными фактами блекли споры федералистов и республиканцев, а деятельность «гражданина Жене» была с самого начала обречена на провал.

Посланник жирондистов Эдмон Шарль Жене вступил на американский берег в середине апреля. Корабль сбился с курса, и он высадился вместо Филадельфии в Чарлстоне. Американский посланник в Париже Г. Моррис успел предупредить Вашингтона, что «гражданин Жене» необыкновенно говорлив, и за 28 дней, пока француз добирался до столицы, он блестяще подтвердил эту репутацию. Жене по пути в Филадельфию узнал о том, что США объявили о нейтралитете, но нисколько не смутился сущим пустяком. Он считал себя не дипломатом, аккредитованным одним правительством у другого, а посланцем революционного французского народа к благородному американскому народу, и

посему не стеснялся. При горячей поддержке демократов Жене звал американцев в бой против тиранов. Еще не добравшись до Филадельфии, предприимчивый «гражданин» успел начать вербовку для набега на Флориду и Луизиану — Испания вместе с Англией воевали против Франции. Он торжественно учредил «Французский революционный легион на реке Миссисипи» и выдал множество свидетельств желавшим заняться каперством во славу Франции.

Нет ничего удивительного в том, что путь до столицы отнял у Жене почти месяц. Вашингтон сначала был изумлен, потом взбешен и безмерно обеспокоен — обгоняя французского посланника, с мест летели депеши, в которых сообщалось о неслыханном приеме Жене. Уже образовавшиеся республиканские клубы с благословения француза переименовывали себя в якобинские. Добрые американцы под влиянием соблазнительных речей Жене, а он ни на минуту не закрывал рот, начинали именовать себя «гражданин» и «гражданка». Когда 16 мая Жене прибыл в Филадельфию, казалось, вернулись бурные дни Американской революции. Жители рванулись на улицы приветствовать посланца «страны свободы». Прогремели три предусмотренных орудийных залпа, и, что не было подготовлено, раздался звон колоколов.

Вашингтон, ожидавший Жене в своей резиденции, слышал приближавшиеся оглушительные вопли: «Все люди равны!», «Да здравствует Французская Республика и да сгинут ее враги!» Перед ним лежала петиция трехсот виднейших купцов Филадельфии, восхвалявшая декларацию о нейтралитете. Президент оказал Жене изысканно-вежливый прием. Француз ответил так же любезно, что стоило ему большого труда — в вестибюле дома президента он увидел бюст Людовика XVI. Жене ушел от президента убежденный, что «старик» совсем не тот, как о нем рассказывали в Европе, и наверняка враг свободы! Гигантский банкет, устроенный республиканцами, с лихвой компенсировал «гражданину Жене» холодноватый прием у президента. На столе красовалось «Дерево свободы», прекрасные демократы, крепко выпив, хором пели «Марсельезу» и слезно уверяли француза, что пойдут с ним до конца, до полной победы над тиранами во всем мире. Народная дипломатия во всем блеске.

Такой прием мог вскружить голову и спокойному человеку, а Жене отнюдь не был таким. Он открыл вербовку во французскую армию, начал снаряжать каперы в портах. На вежливые напоминания о нейтралитете Жене отвечал, что, если ему будут чинить препятствия, он обратится через голову правительства к народу. Французский посланник будоражил Соединенные Штаты. Летом 1793 года о войне с Англией на улицах и в тавернах говорили как о деле решенном. «Миролюбец» Гамильтон напечатал статьи, клонившиеся к тому, что Франция, собственно, ничего не сделала

ради американской свободы. Джефферсон повелел Мэдисону опровергнуть инсинуации, которые не могут не быть на руку врагам Франции.

Тут стало известно — вопреки запрещению капер «Литл-Сара», снаряженный Жене, вот-вот выйдет в море из Филадельфии. Собрался кабинет. Гамильтон предложил поставить батарею и не выпускать суденышко из гавани. Джефферсон уверял, что «Литл-Сара» не снимется с якоря. Но и он признавал, что Жене зашел далеко. Пока рассуждали, капер выскользнул из гавани. 1 августа правительство принялось обсуждать, что делать с Жене. Сошлись на том, что нужно потребовать от Франции немедленного отзыва посланника. Гамильтон воспользовался случаем и высказал все, что он думал о Джефферсоне, Жене, Франции, демократических или якобинских клубах и прочем.

Добряк Нокс решил утешить Вашингтона и поддержать Гамильтона. Он вытащил из кармана карикатуру, недавно появившуюся в одной из республиканских газет, — короноованного Вашингтона тащили на гильотину. Предельно издерганный президент вышел из себя — намек был очевиден: гильотину можно с пользой применить и к нему. Он вскочил и, непристойно ругаясь, призвал в свидетели чистоты его помыслов бога. Вашингтон истерически кричал, что предпочел бы покоиться в могиле, чем быть президентом этой страны, а его обвиняют еще в намерении стать королем! Да он не променял бы свою «ферму» на все блага императора мира!

Вопрос о Жене был решен. Революционер предпочел не возвращаться во Францию, где его неизбежно ожидала бы гильотина Робеспьера, а уехал в Нью-Йорк, спасаясь от эпидемии желтой лихорадки, разразившейся в Филадельфии в конце августа. Болезнь, подкосившая почти всех жителей города, отвлекла внимание от внешней политики. Из 45 тысяч жителей 4 тысячи умерли. Вице-президент Адамс благословлял своевременную эпидемию, он был убежден, что только она спасла от революции. Вашингтон пережидал тяжкие времена в Маунт-Верноне, а когда осенью вернулся в столицу, то с падением температуры упал и революционный накал. Дело ограничилось газетной войной. Джефферсоновцы утверждали, что федералисты «лижут сапоги англичанам». Федералисты не оставались в долгу, именуя противников «пожирателями лягушек, каннибалами, вампирами», «мариопетками обезьян», «галльскими шакалами» и т. д.

Тот, кто был в центре схватки, — «гражданин Жене» — тем временем очаровывал дочь губернатора штата Нью-Йорк. Скоро революционер предстал с мисс Клинтон перед алтарем вместо гильотины. Вашингтон не счел разумным делать мученика из Жене, он не помнил зла и разрешил Жене остаться в США. Спустя четыре года он, раскаявшийся революционер, винил во всем Джефферсона, утверждая, что

стал орудием в руках государственного секретаря, убедившего его, что «прекрасный человек» Вашингтон будто бы «находился под контролем англичан». Отсюда и весь шум. Возмутитель спокойствия прожил долгую жизнь добропорядочным американским буржуа.

В бурный 1793 год Вашингтон сумел провести различие между внешней стороной и сутью ожесточенных споров. Подводя итоги, он писал в конце года: «Трудно справедливо выяснить причины поведения тех, кто выдвигает обвинения и постоянно по сей день в меру своих сил чинил препятствия политике правительства, стремящегося быть миролюбивым в отношении воюющих держав. Однако их мотивы ясны людям, имеющим доступ к фактам и изучавшим занятую ими позицию, чтобы совершить ошибку. Их заботит не дело Франции и не свободы, ибо, если бы им удалось вовлечь нашу страну в войну и позор, они были бы первыми среди тех, кто громко выступил бы против этой дорогостоящей и несвоевременной меры».

Несмотря на все свое красноречие, Джефферсон отнюдь не стоял за то, чтобы выполнить договор 1778 года с Францией, а Париж официально и не обращался с просьбой об этом к США. Последовательные французские правительства видели, что американцы, практически не имеющие флота и армии, не смогут быть полезными в военном отношении и, во всяком случае, едва ли защитят владения Франции в Вест-Индии, что особо предусматривалось договором 1778 года. США были полезнее как нейтральная страна, снабжающая продовольствием как Францию, так и ее владения в Америке. Таков был хладнокровный государственный расчет без поправок на эмоции.

Но во Франции тем, кто содействовал США в войне за независимость, было, естественно, горько. Ревностный служитель дела американской свободы Бомарше был огорчен вдвойне. Помимо краха иллюзий в отношении США, он еще и разорился частично по их вине. Воспользовавшись революцией во Франции, американские власти отказались погасить долг Соединенных Штатов Бомарше, который он исчислял в 3 миллиона 600 тысяч франков. Больной и одряхлевший Бомарше в 1795 году обратился с письмом к американскому народу. Он выражал желание, если бы позволили силы, приехать в США и у дверей конгресса, лежа на носилках, «протянуть вам шапку свободы (а никто другой не сделал больше, чтобы увенчать ею вашу свободу) и умолять: «Американцы, пролейте бальзам на вашего друга, все заслуги которого получили только это вознаграждение».

Бомарше восклицал: «Американцы! Я служил вам со всем рвением. За всю мою жизнь я не получил от вас никакого вознаграждения, кроме огорчений. Я умираю вашим кредитором. На одре смерти умоляю вас, отдайте моей дочери хоть часть того, что вы должны мне». Не прошло и

сорока лет, как справедливость частично восторжествовала — в 1835 году Соединенные Штаты сочли возможным выплатить наследникам Бомарше 800 тысяч франков, вычтя эту сумму из платежа, причитавшегося Франции за различные претензии и контрпретензии в эпоху Наполеона...

* * *

Французские дипломаты с неослабевающим вниманием следили за американскими делами. Довольно скоро очередной посланник Франции в США объективно оценил усилия самого горячего поборника французской революции Т. Джефферсона. «Г-н Джефферсон, — писал он в Париже, — любит нас, ибо он ненавидит Англию, он старается быть ближе к нам, ибо он опасается нас меньше Великобритании, но он может хоть завтра изменить свое мнение о нас, если Великобритания перестанет вселять в него страх. Хотя Джефферсон друг свободы и науки, хотя он восхищается нашими усилиями, когда мы стряхнули цепи рабства... Джефферсон, говорю я, американец и как таковой не может быть нашим искренним другом. Американец — прирожденный враг всех народов Европы».

Не возвышенные споры о свободе, а суровый реализм отношений с Англией и стал камнем преткновения в американском правительстве. Рассмотрев тенденцию Гамильтона и Вашингтона сделать все, чтобы не подорвать отношения с Лондоном, Джефферсон в декабре 1793 года ушел в отставку. Вашингтон упросил Э. Рандольфа занять вакантный пост государственного секретаря.

Ведя войну против Франции, английское правительство приказало захватывать американские суда, доставлявшие товары и продовольствие противнику. Зачастую американские моряки бросались в тюрьмы или насильственно зачислялись на службу в английский флот. В общей сложности было захвачено до 300 судов под флагом США. В Америке это расценивалось как невыносимое оскорбление национальной гордости и неприкрытый грабеж частной собственности.

По зрелом размышлении президент отправил в Лондон поздней весной 1794 года верховного судью Джона Джея. Он, будучи человеком рассудительным, с тяжелым сердцем взял на себя миссию, печально заметив: «Никто не сможет заключить договор с Англией, не став непопулярным и отвратительным» в глазах страны.

Накал антибританских настроений нарастал с каждым днем. Правительство жадно ожидало известий из Лондона, чтобы привести доказательства миролюбия королевских министров. Но пока стало известно, что Джей был тепло встречен в придворных кругах, а на приеме у королевы приложился к ее руке. Одна джефферсоновская газета тут же нашла, что Джей «заслуживает того, чтобы ему вырезали гу-

бы до кости». Другая призывала: «Джон Джей — архипредатель, схватить его, утопить его, сжечь его заживо! Американцы, своим поцелуем он предал вас».

Кампания республиканцев против Джея и правительства вообще преисполнила Вашингтона глубоким отвращением к политическим правам США. В середине июня он с глубоким сарказмом пишет: «Дела нашей страны не могут идти плохо. У нас такое изобилие бдительных, следящих за положением вещей, и такое множество непогрешимых руководителей, что на каждом шагу нет недостатка в ценнейших указаниях». Груз ответственности начинал сокрушать Вашингтона. Нокс, всегда посредственный администратор, вообще перестал работать. Гамильтон стал заниматься и военным министерством. Измученный текущими делами, он стал походить на тень. Гамильтон сухо уведомил президента, что он скоро уйдет в отставку — жалованье министра не давало возможности обеспечить сносное существование увеличивавшейся семье. Юридическая практика сулила много больше.

Летом 1794 года ужас охватил Филадельфию. В западной Пенсильвании началось «восстание из-за виски». Фермеры не могли доставить на рынок свои продукты из отдаленных районов — дороговизна перевозки делала это бессмысленным. Они нашли выход, изготовляя виски. Практически не было ни одного дома фермера, в котором не было бы самогонного аппарата. Галлон виски служил расчетной единицей в торговле. Гамильтон, лихорадочно изыскивавший средства для государственной казны, ввел акциз на виски. Фермеры горой встали в защиту своего права варить сивуху. Сборщики налогов изгонялись, их грозили выкупать в смоле и вывалять в перьях, а иногда поджигались дома наиболее ревностных служителей финансовой системы Гамильтона.

Федералисты усмотрели в волнениях в Пенсильвании опасность самому существованию государства. Они нашли, что фермеры руководствуются политическими мотивами, а именно — желанием копировать французских якобинцев. Вашингтон давно с подозрением относился к многочисленным демократическим обществам. В борьбе за неприкосновенность примитивных самогонных аппаратов он усмотрел много больше. «Вот первые гнусные плоды» демократических обществ, бушевал президент, и «их дьявольского руководителя Жене». В ярости Вашингтон забыл, что француз уже оставил революционные затеи. Президент предупреждал — если сопротивление самогонщиков не будет сломлено, «мы можем распрощаться с любой формой правления в этой стране, кроме правления толпы и дубинки».

Он обратился к восставшим с прокламацией, требуя прекратить сопротивление закону, и повелел собирать ополчение. Конституция не предусматривала таких полномочий за президентом, ополчение находилось в ведении штатов. Ва-

шингтон заставил губернаторов и ассамблеи штатов понять опасность. Он заверял, что сам поведет войско на непокорных самогонщиков. Осенью была собрана внушительная армия — 15 тысяч человек. Президент, облачившись в военный мундир, сделал ей придирчивый смотр и проехал на лошади часть пути с выступившими на запад ополченцами. Вездесущий Гамильтон был бок о бок с президентом, а когда Вашингтон оставил войско и вернулся в столицу, министр финансов сопровождал ополченцев почти до района восстания. Он сыграл роль своего рода политического комиссара при генералах, командовавших воинами.

Карательная экспедиция вступила в западную Пенсильванию, когда земля уже покрылась снегом. Бунтовщики не оказали никакого сопротивления, разве энергично отругивались. Воины захватили нескольких из них, и глубокой зимой армия вернулась в Филадельфию. Воины под грохот барабанов промаршировали по улицам столицы, вселяя надежду в сердца федералистов. Они провели жалких пленных в лохмотьях, дрожавших от холода. Закоренелые бунтовщики были приговорены к наказанию, двое даже к смертной казни. Президент простил всех, а в декабре свирепо предостерег конгресс: демократические общества — корень зла.

Весной 1795 года в сенате в глубокой тайне началось обсуждение договора, подписанного Джеем с Англией 19 ноября 1794 года. Условия его были неудовлетворительны даже с точки зрения многих федералистов — Англия всего-навсего обещала эвакуировать форты на северо-западной границе США, то есть выполнить постановления еще договора 1783 года. США смирились с тем, что при определенных условиях грузы на американских судах, направлявшихся во Францию, могли конфисковываться англичанами, разумеется с компенсацией. Острые спорные вопросы о довоенных долгах граждан США Англии и другие подлежали арбитражу. Несмотря на явное ущемление США, Вашингтон требовал ратификации договора, ибо понимал — иного не дано, в противном случае война. Сенат одобрил договор незначительным большинством.

Когда условия договора стали достоянием гласности, страну потрясли волнения. Преобладало мнение, что Джей предал США злейшим врагам. Его чучело многократно сжигалось, ораторы-республиканцы открыто обвиняли Джея в том, что он платный шпион Англии. Гамильтон попытался публично высказаться в пользу договора в Нью-Йорке. Его забросали камнями, и он, окровавленный, едва унес ноги с трибуны. Раздавались призывы: «Проклятье Джорджу Вашингтону!», даже Джефферсон счел возможным отозваться о президенте: «К черту его добродетели, они губят страну». Все это не произвело впечатления на Вашингтона, он был преисполнен решимости удержать страну от войны и вопреки негодованию большей части соотечественников преуспел.

Президент все же не сотворил чуда, ибо за ним стояли те, кто одобрил в 1789 году конституцию, — имущее меньшинство: торговые палаты, собрания купцов и банкиров Новой Англии.

К 1796 году все правительство обновилось — ушел государственный секретарь Рандольф, обвиненный в получении взяток от Франции, покинул свой пост Гамильтон, даже Нокс распростился с кабинетом. Вашингтон набрал новых министров, они удовлетворяли единственному требованию президента — быть верными. Вашингтон мало интересовался делами, он считал, что опасный кризис позади, и помышлял только о близкой отставке. Президент не скрывал, что глубоко обижен партийными распрями, сокрушенно повторяя — после сорока пяти лет служения родине его сравнивают то с Нероном, то с карманным воришкой, он «публично обливается грязью шайкой мерзких писак». Человек, дороживший своей репутацией, каким был Вашингтон, не мог и помышлять о третьем сроке на посту, который причинил ему столько огорчений.

В сентябре 1796 года Вашингтон обратился с «прощальным посланием» к стране, предостерегая против партийных распрей и больше всего против «иностранного влияния» США. Он настаивал на том, что Америка должна быть в стороне от европейских дел. Он обосновал положение о том, что Соединенные Штаты должны стремиться всегда иметь свободу рук в международных делах. «Нация, — наставлял президент, — которая относится к другой с привычной ненавистью или с привычными добрыми чувствами, в определенной степени является рабом. Такая нация — раб своей враждебности или своих добрых чувств, любого из двух достаточно, чтобы увести ее от своего долга и интересов... Основное правило для нас в отношениях с другими государствами заключается в том, чтобы расширять с ними торговые отношения, но иметь как можно меньше политических связей».

Эти положения канонизированы в Соединенных Штатах.

* * *

Наконец все государственные заботы позади. Он частное лицо. Дж. Адамс, взобравшись на пирамиду власти, нашел основания остаться недовольным Вашингтоном. Он сварливо описал жене свою инагурацию: «Конечно, сцена была торжественной, и уважение ко мне усиливало присутствие генерала, выражение лица которого было столь же безмятежным и ясным, как день. Казалось, он наслаждается триумфом надо мной. Мне казалось, что я читаю его мысли — «А! Ну вот я ушел, а ты вступил! Посмотрим, кто из нас будет счастливее!» Зала палаты представителей была наби-

та до отказа, я не видел ни у кого сухих глаз, только у генерала».

Он действительно был счастлив. 15 марта 1797 года Вашингтон уехал в Маунт-Вернон и, за исключением одного визита в Филадельфию, больше не покидал родной дом. Старик стал тем, кем был двадцать лет назад, — плантатором, обдумывающим хозяйственные планы, занятым по горло мелкими делами.

Он так описывал свой типичный день: «Я встаю с солнцем... Я все глубже погружаюсь в дела и все отчетливее вижу раны, нанесенные моим предприятиям за восемь лет отсутствия. Ко времени, когда я кончаю с этим (вскоре после семи часов), подают завтрак... и, покончив с ним, я сажусь на лошадь и объезжаю мои фермы, что занимает время, пока не приходит пора одеваться к обеду. За столом почти всегда незнакомые лица, люди, по их словам, приезжают из уважения ко мне. Я размышляю — не объяснит ли слово «любопытство» в равной степени их цель? И как это отличается от веселой трапезы с избранными друзьями из общества! Сидим за столом, гуляю. Чай и вот время вносить свечи, и, если мне не препятствует собрание людей в доме, я удаляюсь к своему письменному столу — пора отвечать на письма. Но я устал и не хочу заниматься этим, думая, что для него подойдет и следующий вечер. Он приходит и приносит с собой те же причины, по которым я откладываю работу, и так далее... Я не заглядывал в книги с возвращения домой и не смогу сделать этого, пока не переделаю своих дел и пока вечера не станут длиннее, а к тому времени я, может быть, буду читать книгу Судного Дня». Вечер жизни.

Смерть разредила кружок друзей, а те, кто был относительно молод, были заняты своими делами далеко от Маунт-Вернона. Из Англии приехал один из Фэрфаксов, но не Салли. Смех седовласого Отца Страны слышали разве зеленые юнцы — дети родственников и, конечно, отрада последних лет жизни Вашингтона — приемная внучка Нелли Кастис. Она выросла под бдительным оком деда и бабки и в девятнадцать лет объявила, что никогда не выйдет замуж. Вернувшись с бала, она радостно сообщила Вашингтону, что ни один из светских молодых людей не взволновал ее. На что мудрый дед возразил: «Ты, как и другие, вероятно, поймешь, что страсти твоего пола легче возбуждаются, чем успокаиваются. Поэтому не хвастайся преждевременно своей нечувствительностью или силой своего сопротивления. Человек устроен так, что в него вложено много зажигательного материала...»

Он был прав, мудрый старик. В день его рождения в 1799 году Нелли вышла замуж за племянника Вашингтона Лоуренса Льюиса. В начале декабря она родила дочь. Появилась правнучка...

Шли дни, недели, месяцы. В дневнике Вашингтона пометки — теплый день, холодный день, дождь, мороз. Последняя запись — 13 декабря 1799 года: термометр упал, мороз. Он, как обычно, объехал фермы. Пошел холодный дождь со снегом, Вашингтон промок до нитки. Вечером, когда он вернулся домой, его бил озноб. Он рассудил, что простудил горло.

На другой день — сильный жар, воспаление легких. Съехались врачи, практиковавшие по соседству. Их было трое, они составили консилиум и постановили лечить кровопусканием. Отворили кровь раз, другой, третий. По воззрениям медиков пашего времени — убийство. По мнению эскулапов того времени — лучшее лечение от всех болезней. Оно привело к быстрому концу.

Вашингтон чувствовал, что умирает, он попросил Марту найти завещание. Тобиас Лир не отходил от угасавшего Вашингтона, которого до последних минут не оставило присутствие духа. Истощенный кровопусканиями, он попросил верного секретаря повернуть его в постели. Лир повиновался. Задыхавшийся Вашингтон с трудом промолвил:

— Боюсь, что затрудняю тебя.

— Что вы, сэр, — пролепетал Тобиас.

Вашингтон улыбнулся:

— Таков наш долг друг другу. Надеюсь, что, когда тебе потребуется помощь такого рода, ты найдешь ее.

Марта сидела в кресле у ног умиравшего. У двери толпились слуги-негры. К десяти вечера Вашингтон затих, левой рукой сжал запястье правой. Он шевелил губами — считал пульс. Внезапно рука упала — Вашингтон отошел в вечность.

ТЕПЕРЬ О ЛЕГЕНДЕ

> История нашей революции будет сплошной ложью с начала до конца. Ее суть — доктор Франклин электрическим жезлом ударил о землю, и выскочил генерал Вашингтон. Франклин наэлектризовал его, и только они вдвоем вели всю политику, приняли все законодательство и выиграли войну.
>
> ДЖОН АДАМС, второй президент США

Столица США — Вашингтон. В стране, к прискорбию молодых почтовых работников, еще 120 «Вашингтонов» — городов и деревень. На дальнем северо-западе штат Ва-

шингтон. Это имя носят семь гор, восемь рек, десять озер, тридцать три округа и девять колледжей. Суровый Вашингтон — первый среди равных «отцов-основателей» — пристально смотрит с почтовых марок и банкнотов, показывает профиль с монет. Его портреты и статуи — обязательная часть обстановки бесчисленных офисов, а в штате Южная Дакота, на скалистом склоне ряд голов «отцов-основателей», вырубленных на века и тысячелетия, начинается с массивной головы Вашингтона — двадцать метров от макушки до подбородка. Подвиг, составивший бы гордость языческой цивилизации, затерявшейся во мраке веков, и повторенный в стране «бога и моей» к вящей славе вклада США во всемирную историю.

Зрительно перед американцем всегда облик первого президента — величественный государственный деятель с сурово поджатыми губами. Смертельно серьезный человек, абсолютно чуждый земному и помышляющий только о благе государства. Таким впервые запечатлел его американский художник Гилберт Стюарт, писавший и не дописавший портрет с натуры в 1796 году. Но и в этом виде произведение потрясло уважительных современников; художник тут же получил заказ сразу на 39 копий, которые он поспешно изготовил. От этого портрета пошло нынешнее самое распространенное изображение Отца Страны — Вашингтона.

Стюарт был беспредельно рад — он исполнил патриотический долг гражданина юной республики и расплатился с долгами. В 1775—1793 годах он работал в Англии, снискал славу прилежного живописца и человека, живущего не по средствам. Стюарт вернулся на родину, обретшую свободу от английской тирании, спасаясь от долговой ямы в Англии. Надежды на то, что работа при дворе Вашингтона озолотит его, оправдались.

Соперник удачливого живописца Рембрандт Пил, любовно выписывавший менее официальные портреты Вашингтона, так объяснял генезис сверхпопулярного полотна конкурента: «Судья Вашингтон (племянник президента Башрод. — *Н. Я.)* рассказывал мне, что, когда его дядя впервые позировал Стюарту, он надел новые зубные протезы из кости, которые, однако, были неважно сделаны и не давали возможности свободно говорить. Ощущение было такое, как будто во рту было полно воды (таковы точные слова судьи Вашингтона). Сам Стюарт говорил мне, что ему никогда не приходилось писать с натуры столь неразговорчивого человека, а он всегда старался беседовать с клиентом на различные темы, чтобы схватить естественное выражение лица. Повинны были искусственные зубы, и, к несчастью для мистера Стюарта, Вашингтон надевал протезы на каждый сеанс, надеясь, как оказалось — тщетно, что в конце концов они притрутся. Мне повезло — я успел закончить свой портрет до изготовления новых протезов, Вашингтон позировал передо мной в старых, сделанных много лет назад в Нью-Йорке».

Творческая гордость сквозит в незамысловатом рассказе, но Пил прав только отчасти. Ровно за десять лет до того, как Вашингтон предстал перед Стюартом, в 1785 году, он писал в известном письме Фрэнсису Хопкинсу, навязывавшему ему очередного живописца: «Знаешь, есть старая пословица — взялся за гуж, не говори, что не дюж. Я настолько притерпелся к прикосновениям карандашей художников, что ныне полностью в их власти и высиживаю, подобно «Терпению на цоколе», пока они малюют черты моего лица. Помимо всего прочего, это доказывает, что может сделать привычка с человеком. Сначала я бесновался и сопротивлялся, как необъезженный жеребец под седлом. Постепенно я оставил бурные протесты и сник. Теперь ни одна кляча не плетется столь покорно в свое стойло, как я в кресло к художнику».

В свете этого авторитетного свидетельства Пилу нечем особенно гордиться, он застал Вашингтона уже «приручен-ным» коллегами по кисти. И еще одно обстоятельство — Стюарт, проклиная скверные протезы Вашингтона, пытался исправить черты его лица, убедив натурщика нещадно набивать рот ватой! Вашингтон, как и любой на его месте, подчинился неохотно. Все это, несомненно, производило на него тягостное впечатление, он взирал на мучителя-художника с легко различимой неприязнью. Отсюда то недовольное выражение лица, неплохо схваченное все же небесталанным Стюартом, которое можно принять за суровость.

Вашингтон, позируя перед Стюартом, конечно, пребывал в размышлениях неприятного рода, понять которые до конца дано только побывавшему в мохнатых лапах дюжего протезиста, усугублявшиеся непрерывной трескотней болтливого художника. Служитель искусства наверняка ссылался на важность запечатлеть величественные черты для потомков, Америки, мира и т. д., что только раздражало старого солдата, дивившегося вертлявому щелкоперу, размахивавшему кистью. Старик презирал европейский политес.

Так получился на портрете рот, который тогдашние американские газеты непочтительно именовали «похожий на щель почтового ящика», со временем объясненный глубокими философскими раздумьями.

Причины неземного выражения лица Вашингтона, таким образом, самые что ни на есть земные и даже чисто прозаические!

* * *

Американцы стали творить себе кумира еще при жизни Вашингтона. Во время войны за независимость, представлявшейся людям с заячьими сердцами делом безнадежным, то, за что поднялись колонисты, легко ассоциировалось с живыми носителями идей. Вашингтон был вождем и как таковой

наделялся всевозможными мыслимыми и немыслимыми добродетелями, перед которыми неодолимо тянуло упасть на колени.

Другое обстоятельство таилось в стремительном росте Соединенных Штатов. Популярный, хотя, как показано дальше, и не по очень похвальным причинам, американский историк Дж. Бурстин, исследуя психологический механизм эскалации культа личности Вашингтона на рубеже XVIII—XIX веков, в 1965 году довольно точно заметил: «Новая нация возникла, не успев обзавестись историей... Национальная проблема заключалась не в том, как сделать Вашингтона исторической личностью, а в том, как превратить его в миф... Самое примечательное заключалось не в том, что Вашингтон в конце концов стал полубогом, Отцом Страны, а в том, что трансформация произошла чудовищно быстро. Нет лучшего доказательства отчаянной потребности американцев в достойном, воспеваемом национальном герое, чем их лихорадочная поспешность с возведением Вашингтона в ранг святого.

Если в Европе для канонизации таких масштабов потребовались бы столетия, у нас оказалось достаточным считанных десятилетий».

Еще только вырисовывались контуры победы в освободительной войне, а в пьесе «Падение Британской тирании» Д. Леккока фигурировал Вашингтон со всеми приличествующими герою возгласами и клятвами («Я обнажил свой меч и не вложу его в ножны, пока Америка не будет свободной, или я погибну» и т. д.). Артисты на импровизированных подмостках, а поэты в одах, торопливо сочиненных на злобу дня, щедро наделяли Вашингтона качествами, прямо почерпнутыми из античного эпоса, и даже больше. Весьма здравомыслящий Филипп Френо написал о Вашингтоне: «...отважный в битвах, чьи подвиги повергли бы в благоговейный трепет героев Рима и греческих богов».

Популярные поэты Дж. Хэмфри и Д. Сиволл ввели в оборот эпитет «божественный Вашингтон». Уже в 1778 году в ежегоднике «Ланкастер альманах» издатель и составитель Ф. Бейли впервые назвал Вашингтона «Отцом Страны». Легенда покатилась как лавина.

Некий благочестивый квакер Поттс сообщил, что лопни его глаза, он видел — в ту зиму в Вэлли-Фордж Вашингтон, стоя на коленях в глубоком снегу, долго и истово возносил молитвы всевышнему! История, впервые опубликованная в 1808 году Уимсом (о нем речь дальше), украсила патриотический миф. Обратившись к истории возникновения культа героя в США, Дж. Вектор по проверке фактов заключил в 1941 году: «Отныне миф был неуязвим. Что Вашингтон никогда не молился на коленях даже в церкви, а стоял, не имело значения для легенды. Этот эпизод был высечен на каменной плите на здании Казначейства в Нью-Йорке, и

всего десять лет назад на американской почтовой марке был изображен коленопреклоненный Вашингтон в Вэлли-Фордж. По этому случаю председатель комиссии парка Вэлли-Фордж доктор И. Пеннипэкер публично заявил безуспешный протест против увековечивания лжи».

Пальма первенства в нагромождении благостных выдумок, несомненно, принадлежит первому биографу Вашингтона пресловутому Мэсону Уимсу. Этот чрезвычайно предприимчивый человек родился в 1759 году, во время войны за независимость, изучал медицину в Англии. Затем стал священником в США. В начале девяностых годов потерял кафедру, но не утратил страсти нести людям полезные знания. Последние тридцать лет жизни (умер в 1825 году) Уимс разъезжал по стране — от Нью-Йорка до штата Джорджия, торгуя книгами назидательного содержания.

В 1799 году его осенила идея — сделать популярную книжку о Вашингтоне, ибо поторопился он написать издателям: люди «не задумаются отдать четвертак за то, что удовлетворит их ненасытное любопытство. Пусть они получат полноценный товар за свои деньги». Уимс никогда не встречался с Вашингтоном, его контакты с великим американцем ограничились получением в 1799 году вежливого письма от бывшего президента, подтверждавшего, что до Вашингтона дошло очередное произведение плодовитого автора под названием «Филантроп, или На двадцать пять центов политического любовного зелья». Брошюрка посвящалась Вашингтону.

В июне 1799 года Уимс восторженно сообщает издателям: «Я почти завершил рукопись, которая названа или пусть будет названа «Добродетели Вашингтона», книга искусно написана, полна живых анекдотов и, по моему скромному разумению, прекрасно соответствует вкусам Народа Американского (каковой автором был поименован по-латыни. — *Н. Я.)*. Как насчет того, чтобы напечатать ее под моим именем, а на титуле изобразить самого героя с надписью что-нибудь в таком духе: «Джордж Вашингтон, Ангел-хранитель страны», присовокупив: «Иди своим путем, старый Джордж, умри, когда ты пожелаешь, мы больше не увидим никого подобного тебе»?»

Не прошло и полугода, как произошло прискорбное событие — смерть Вашингтона в декабре 1799 года. Она открыла предсказанный Уимсом рынок. Нужно было спешить издавать и продавать.

Письмо бойкого литератора Кэри и Вейну по случаю кончины Отца Страны удивительно деловое: «Вашингтон, как вы знаете, ушел! Миллионам людей не терпится прочитать что-нибудь о нем. Я почти закончил приготовление чтива. Шесть месяцев тому назад я начал собирать анекдоты о нем, я жил этой работой. Вот мой план! Я рассказываю о его жизни достаточно подробно — иду с ним от рождения через

французскую, индейскую, английскую и революционные войны, довожу его до кресла президента и трона в сердцах 5 миллионов людей. Я затем показываю, что неслыханному возвышению он обязан своим Великим Добродетелям: 1. Он был богопослушен и чтил религиозные принципы. 2. Его патриотизму. 3. Его великодушию. 4. Его трудолюбию. 5. Его выдержке и трезвости. 6. Его справедливости и т. д. и т. п. Все это будет примером, достойным подражания для нашей молодежи... Полагаю, что мы сможем быстро распродать книжицу за 25 или 37 центов, а она не обойдется нам дороже десяти центов».

Все перечисленные «Великие Добродетели» да и загадочные «и т. д. и т. п.» впоследствии разрослись в многотомные публикации, но никто не мог обогнать первого автора. Книга Уимса «Истинный Патриот, или Добродетели Вашингтона. Богатая биография с анекдотами, забавными и удивительными» впервые увидела свет в 1800 году. За пятьдесят лет она выдержала 59 изданий и еще 30 до 1921 года.

Уимс, конечно, не мог предвидеть того, что случилось после его смерти. Но при жизни он радовался необыкновенно. В ажиотаже массовой распродажи он восклицал: «Бог знает, что я ненавижу больше всего на свете залежалые товары, плохую торговлю, возвращение нераспроданных товаров и равнодушные взгляды (покупателей). Радость души моей — быстрая и чистая продажа, тяжело в карманах, а на сердце легко».

При несомненной любви Уимса к анекдотам (заголовок книги, подработанный в издательстве, гласил: «Жизнь Джорджа Вашингтона с удивительными анекдотами, лестными для Него и поучительными для его юных соотечественников») он все же трудился в рамках определенной идеологии. Несколько позднее она получила название теории «явного предначертания».

Постепенно увеличиваясь в размерах — с 80 страниц в первом издании до 228 страниц в шестом издании, опубликованном в 1808 году, — книжка триумфально шествовала по Америке, постоянно пополнялась новыми деталями и анекдотами, частично где-нибудь вычитанными автором, а в ряде случаев просто выдуманными. Но как можно было их проверить? На титульном листе, начиная с шестого издания, автор представлял себя: «бывший священник прихода Маунт-Вернона». Ни его, ни издателей не смущало в их глазах, вероятно, второстепенное обстоятельство — Уимс не мог быть там священником, ибо такого прихода попросту никогда не существовало.

Никто, однако, не пригвоздил предприимчивого лжеца к позорному столбу, ибо он изобразил Америку так, как ее хотели видеть раздувавшиеся от гордости за недавно обретенную независимость американские буржуа. В конечном счете Уимс пером участвовал в развернутом строительстве

града господнего в Новом Свете, долженствующего помочь всему миру узреть истинный свет.

Поэтому не только безропотно проглатывались, но, по крайней мере до гражданской войны в США (1861—1865 гг.), входили в школьную программу бесстыдно наивные сочинения Уимса. В молодой заокеанской республике детские басни принимались за достоверные факты. Многие дивные подробности были уже в первом издании биографии героя, но только пятое издание украсил несравненный, классический рассказ — маленький Джордж срубил вишневое дерево в саду, и, когда отец сурово осведомился, кто виновник бесчинства, сын возгласил: «Я не могу лгать, папа, ты знаешь, я не могу лгать. Я срубил дерево топором». — «Иди ко мне, сынок, — воскликнул в великом волнении отец, — иди ко мне на руки, я рад, Джордж, что ты убил мое дерево, ибо ты отплатил мне в тысячу раз большим. Героический поступок моего сына стоит больше тысячи деревьев, хотя бы и цветущих серебром и с плодами из чистейшего золота».

Помимо этой и других столь же впечатляющих историй о правдивости юного Джорджа, Уимс сообщил, что его и Америки герой в юности был необычайно сильным — легко перебрасывал камни и серебряные доллары (что было под рукой) через широкую реку Раппаханнок. Впрочем, чему удивляться — Геркулес был здоровым парнем, почему Вашингтону уступать ему?

Вишневое дерево осеняло поступки Джорджа, а по мере возмужания он становился поистине легендарным. «Прославленный индейский воин», сражавшийся с Вашингтоном, видя, что его противник ускакал с кровавого поля брани живым и невредимым, горестно воскликнул: «Вашингтон не рожден, чтобы быть убитым пулей! Я, тщательно прицеливаясь, семнадцать раз стрелял в него, но не поверг его!» При всей нелепости этих выдумок кто мог их проверить, когда существовало всеобщее желание верить.

В саду Вашингтонов, наверное, росли вишневые деревья, молодой Вашингтон слышал свист пуль в стычках с индейцами. И кто, наконец, мог задним числом опровергнуть, что мать Вашингтона, нося под сердцем будущего Джорджа, не видела сна — ее сын будет великим?

Дело не в неистощимом на выдумки сочинителе, а в психологическом климате молодой страны, настойчиво и даже истерически искавшей сверхгероев, перед которыми нужно пасть ниц, и обязательно всем вместе. Ибо оставшийся стоять тем самым зримо обнаружил свою сущность суетного диссидента, бросающего вызов благословенному конформизму. Только так и сколачивается (особенно на первых порах) национальное единство, разномыслие не поощряется, особенно в оценке священных идолов, выполняющих строго

определенные цели — персонифицировать ценности, принятые данным обществом.

Морализировавший Уимс обожествлял те качества, из которых и складывается характер буржуа, во всяком случае, становилось ясно, каким он хочет видеть себя. В XIX столетии, когда в Соединенных Штатах прогресс ассоциировался с ростом капитализма, дикие выдумки Уимса принимались и развивались с величайшим благоговением — стоит только следовать указанным им добродетелям, и любой готов в Вашингтоны.

Эпигонов Уимса расплодилось великое множество. Они без устали состязались по части красочных эпитетов и превосходных степеней применительно к герою. Г. Гастингс, например, издавший в 1845 году трогательно-назидательную «Иллюстрированную жизнь Джорджа Вашингтона», учил: «Первое слово ребенка должно быть «мать», второе — «отец», третье — «Вашингтон».

Для анализа рецептуры «творчества» Уимса и К° еще не было достаточного исторического опыта. Над ними стали посмеиваться, пожалуй, со второй половины XIX века, удивляясь главным образом неистовому размаху фантазии плодовитых авторов.

Марк Твен настаивал, что он более великий человек, чем Вашингтон, — если Вашингтон не мог лгать, то он, Марк Твен, куда-де был способен к этому, хотя не использовал часто представлявшуюся возможность.

* * *

Если Вашингтон-человек вышел из рук Уимса изрядно деформированным, а в благочестивых попытках превратить его в святого был изуродован до неузнаваемости, то еще худшая судьба ожидала Вашингтона — воина, политика и государственного деятеля в дружественных объятиях маститых, серьезных людей, частично почитавших себя историками или действительно отдавших всю жизнь служению Клио. Они с самыми возвышенными намерениями втискивали Вашингтона в монументальные формы, отлитые согласно их представлению о первом президенте, беспощадно усекая и даже отсекая все лишнее. Операции были трудоемкими, но материала на первый взгляд хватало с избытком — Вашингтон оставил громадное наследие. Только личные документы Вашингтона, хранящиеся в Библиотеке конгресса, ныне собраны в 75 тысячах досье — дневники, деловые и финансовые документы, полученные и отправленные письма.

Его первую научную биографию написал верховный судья США Джон Маршалл. Он прочно вошел в историю США по должности, ибо просидел на ней тридцать лет вплоть до 1837 года. Что до экскурса Маршалла в тогда таинственную Вашингтониану, то странствование юриста окон-

чилось катастрофически, хотя в начале XIX века в США и сочли, что образованнейший путешественник — официальный историограф Вашингтона.

Автор легко получил разрешение у наследника великого президента Башрода использовать любые документы. Иначе и быть не могло — оба принадлежали к судейскому клану. Башрод в 1798—1828 годах был заместителем судьи в Верховном суде. Пять томов монументального творения историка-юриста вышли в 1804—1807 годах. Педантично и сухо написанные, невероятно скучные, они навевали безысходную тоску, хотя, казалось бы, Маршалл мог оживить повествование собственными воспоминаниями — он был среди солдат революции в Вэлли-Фордж. Злоязычный Джон Адамс, один из тех, кто стоял у истоков американской независимости, сухо комментировал: Маршалл написал не книгу, а соорудил «памятник с основанием в 100 и высотой в 200 квадратных футов».

Ничего человеческого в Вашингтоне, изображенном Маршаллом, конечно, не было. Труд тем не менее был издан не без пользы. Ловкий Уимс занялся бесстыдным плагиатом из многотомника, заодно взявшись распространять произведение маститого автора. Цена три доллара за том быстро положила конец предприятию, одновременно побудив священника А. Банкрофта также сочинить биографию Вашингтона. В предисловии к своей работе Банкрофт выразил надежду, что она не будет лишней, ибо труд Маршалла по карману только состоятельным людям. По содержанию биография Банкрофта недалеко ушла от панегирика Маршалла.

В 1832 году исполнялось сто лет со дня рождения Вашингтона, даты, уже ежегодно отмечавшейся как национальный праздник. К этому времени иные в Соединенных Штатах громко заговорили о том, что пора повысить Вашингтона в ранге. Титул полубога больше не устраивал сверхпатриотов, хотя, как свидетельствовал европейский путешественник П. Свиньин, объехавший США примерно в то время, «каждый американец почитает священным долгом иметь в доме изображение Вашингтона, как у нас принято держать иконы святых».

Незадолго до 100-летия со дня рождения Вашингтона конгрессмен Б. Ховард от штата Мэриленд сообщил палате представителей: «С начала начал мира история всех времен и народов дает только два примера, когда день рождения человека празднуется после его смерти — 22 февраля и 25 декабря». Хотя сверхпатриоты определенно перегнули палку и им не удалось потеснить Христа, заставив его разделить место с Вашингтоном, глухое эхо от их речей звучит по сей день — туристы в штате Вирджиния следуют по маршруту, обозначенному дорожными указателями «Так дойдешь до дома Матери Вашингтона Мэри».

Ливень книг о Вашингтоне обрушился на Соединенные

Штаты в предвидении, после и во время празднования столетнего юбилея с его дня рождения. Воскресные школы, только что возникший, но уже процветавший новый институт в США получили от Анны Рид «Житие Вашингтона». Труд Маршалла переиздавался в различных вариантах. Плодовитый детский писатель С. Гудрич, работавший под псевдонимом Питер Парли, в 1832 году выбросил на рынок книгу для юношества, что для него, сочинившего свыше 100 книг, большого труда, видимо, не составило. Другие вкладывали в соответствующие монографии все силы и знания без остатка. Учитель из штата Огайо Ф. Гласс спустя три года выпустил «Жизнь Джорджа Вашингтона в латинской прозе». На звучном языке древних римлян Гласс повествовал о дивных подвигах их прямых потомков по эту сторону Атлантики — Георгиуса Вашингтониуса, Томаса Джефферсониуса и других славных мужей. Учитель лукаво ввел в заголовок книги — написана «прозой», ибо оды, поэмы, стихи сыпались как из рога изобилия.

Благодатная почва Америки, обильно удобренная навозом шовинизма, довольно быстро впитала книжный поток, на поверхности остались считанные работы, продержавшиеся многие десятилетия. Довольно интересной оказалась попытка романиста Джеймса Полдинга оживить священную мумию патриотов (два тома, 1835 год). Самый весомый вклад сделал Д. Спаркс, нашедший золотую жилу — он разговорил самого Вашингтона, выпустив в течение четырех лет одиннадцать томов его документов, которые открывала в 1834 году биография, написанная Спарксом. На свет появился спарксианский герой.

Спаркс был человеком, безусловно, способным и трудолюбивым. Родившись в 1789 году в бедной семье, он упорным трудом выбился в люди в кастовом Бостоне. Но в конце концов спокойному существованию священника предпочел беспокойное ремесло публициста и историка, возглавив влиятельный журнал «Норс Американ ревью». С величайшей настойчивостью Спаркс стал убеждать Башрода Вашингтона разрешить ему издать бумаги великого дяди. Поначалу Башрод отказывался, ссылаясь на то, что у Маршалла вот-вот дойдут руки для этого. Спаркс продолжал соблазнять, предложив Башроду самому вынести суждение по поводу того, что можно, а что нельзя предавать огласке. Он взывал к честолюбию: «Если все работы Вашингтона будут представлены публике в форме, достойной предмета, это послужит национальному интересу, взволнует нацию, и можно предвидеть широкое и почетное признание».

Все было напрасно, пока Спаркс не сделал мастерский ход: доходы от публикации делятся пополам — половина ему, а половина Башроду и Маршаллу. На том в 1827 году и порешили. Спаркс засел за работу.

Он просмотрел груды материалов, произведя отбор, пре

котором возможности для выпесения произвольных суждений, что включать и что исключать, были велики — документов с избытком хватило бы, по крайней мере, на сорок томов. Спаркс задался целью так отобрать и отредактировать документы, чтобы показать Вашингтопа гармоничным во всех отношениях. «Его моральные качества полностью гармонировали с интеллектуальными», — указал просвещенный составитель и припялся наводить образцово-показательный порядок в наследии Вашингтона.

Спаркс произвольно исключал абзацы в документах, представлявшиеся ему недостойными пера и облика основателя республики. Другие документы он переделывал по своему усмотрению. Наделенный фантастическим трудолюбием, Спаркс достиг немыслимого — Вашингтон по принуждению стал изъясняться языком, пристойным пе фольклорному, а хрестоматийному герою.

Превыше и больше всего Спаркс стремился показать Вашингтона глубоко религиозным человеком. Ради этого он прибег к замечательной эквилибристике, объявив, что чрезвычайно редкие появления героя в храме и воздержание от участия в отправлении различных обрядов культа — лучшее доказательство его глубокой веры в бога. В специальном приложении к публикации «Религиозные взгляды» (Вашингтона. — *Н. Я.)* Спаркс разъяснял: «Он, надо думать, считал, что неуместно публично приобщаться к таинствам. Вследствие его серьезнейшего отношения к этому обряду он накладывал суровые ограничения на свое поведение на людях и свято верил: нельзя действовать непрактичпо в сложившихся условиях. Именно так надлежит думать серьезному человеку с тонкой душой и врожденным почитанием религии». А дабы окончательно убедить всех, Спаркс горячо заверил, что нигде в бумагах Вашингтона не случилось и намека на легкомысленное отношение к религии.

Компиляция Спаркса пользовалась бешеным успехом, вознаградив автора за труды во всех отношениях. С 1838 года Спаркс — первый профессор гражданской истории в США в Гарварде, спустя 11 лет президент этого университета. Дж. Банкрофт на пороге славы крупного историка приветствовал старшего коллегу: «Вы счастливый человек, избранный благоволящим к вам Провидением, дабы привести в гавань бессмертия прекрасный корабль, и остапетесь в памяти осмотрительным лоцманом».

В течение нескольких десятилетий ставить под сомнение священное писание Спаркса почиталось бестактным. Ему полагалось верить до точки. Редкие еретики получали массированный отпор со стороны тех, кто считался лучшими американскими историками своего времени. Спаркса объявили основоположником исторической науки в США. Громадное преувеличение. Как заметил Самюэль Э. Морисон спустя

примерно сто лет, то был «ложный рассвет» изучения истории в США.

Классик американской литературы Вашингтон Ирвинг не имел возможности бросить ретроспективный взгляд во всеоружии столетнего опыта, и поэтому, когда он взял на себя труд написать о Вашингтоне, то положил в основу изложения публикацию Спаркса. Пятитомный труд Ирвинга вышел в 1855—1859 годах. Писатель заключил, что Вашингтон «не имеет себе равных в истории, сияет истинным величием и славой». Ирвинг углубил представление о Вашингтоне, выведя его родословную от мифического Уильяма де Хартберна, нормандского рыцаря при дворе Вильгельма Завоевателя.

Дж. Бурстин, исследовавший процесс мифотворчества в случае с Джорджем Вашингтоном, в 1965 году с определенной жалостью к писателю заметил: «Лучшей (из биографий Вашингтона середины XIX века. — *Н. Я.*) были пять томов Ирвинга, но и они не избежали заражения бациллой скуки. Судя по экземплярам труда Ирвинга, дожившим до XX столетия с никогда не раскрывавшимися страницами, эти тома чаще покупали, чем читали. Однако посмертная жизнь Вашингтона только начиналась».

Именно «жизнь» со всеми ее спорами, схватками и суетой, ибо безмолвная статуя Вашингтона постепенно стала вызывать вопросы, требовавшие обязательного ответа. Гражданская война в США, Реконструкция несколько оттянули начало дискуссии о том, кем он, собственно говоря, был. Когда повседневные политические страсти улеглись, в стране, вступившей в эпоху зрелости, интерес к Вашингтону вспыхнул с новой силой.

* * *

В 1885 году серьезнейший американский историк Джон Б. Макмастер заявил: Вашингтон «остается совершенно неизвестным человеком», хотя основные факты его биографии «известны каждому школьнику в США. Тем не менее его подлинная биография еще не написана». Заявление Макмастера отражало теперь единодушное мнение интеллектуальной общины Соединенных Штатов, уставшей от культа Вашингтона. Последовавшее на первый взгляд походило на иконоборчество, на деле получилось лишь расширение базы легенды, а культ серьезно не пострадал.

К концу XIX столетия публикация Спаркса больше всерьез не принималась. Библиотекарь конгресса У. Форд в 1889—1893 годах выпустил 14 томов документов Вашингтона, к которым не могло быть претензий с точки зрения правильности воспроизведения текстов. Что до охвата имевшихся материалов, то проделанное Фордом отнюдь не означало существенного пополнения арсенала опубликованных мате-

риалов: по сравнению с коллекцией Спаркса собрание Форда было всего на три тома больше.

Вероятно, учитывая печальный опыт предшественника, Форд счел излишним давать личную версию жития Вашингтона. Он полагал, что 14 томов документов окажутся красноречивее. Издание С. Гамильтоном в 1898—1902 годах пяти томов писем Вашингтону и относящихся к ним документов несколько расширило доступные для исследователей опубликованные источники.

Однако не публикация У. Форда при всем ее похвальном академизме, а три биографии Вашингтона, появившиеся с незначительными промежутками во времени, сделали погоду, ибо в них была предпринята первая, лишь частично удачная попытка показать живого человека. К 100-летию вступления Вашингтона на пост президента, в 1889 году, начинающий историк Генри К. Лодж приурочил выпуск энергично написанного двухтомника «Джордж Вашингтон, человек». Лодж начал с самыми высокими надеждами, призвав покончить с интерпретациями, восходившими к Уимсу, ибо они вызвали цепную реакцию, «став неисчерпаемой темой для шуток бурлеска». Он разъяснил: «Нужно описать самого человека, чтобы выяснить, кем он был в действительности, что он значил тогда, кем он является ныне и что означает он для нас и сегодняшнего мира».

В двухтомнике Вашингтон стал очень походить на политика, исповедующего кредо федералистов, хотя общеизвестно, что межпартийная борьба и партийные оценки ему были ненавистны. Описав пространно, красноречиво и популярно жизнь Вашингтона от колыбели до могилы, Лодж пришел к тому, с чего начал, — согласился с вердиктом, который, собственно, и намеревался анатомировать: «В Вашингтоне было что-то, назовем это величием, достоинством или величавостью, отличающее таких людей от всех остальных. Он принадлежит к числу тех, кого чрезвычайно трудно понять... Когда по смерти данного человека мир решит именовать его великим, тогда следует согласиться с этим... Верно или ложно такое представление, не существенно: остается сам факт».

По понятиям современной исторической науки, Лодж потерпел фиаско, полностью пройдя заколдованный круг легенды. По сравнению с этим меркнет слабое понимание автором стратегии и тактики войны за независимость. Современники тем не менее высоко оценили книгу Лоджа, по крайней мере, она была живо написана.

В 1896 году появилась книга «Джордж Вашингтон», сочиненная профессором Вудро Вильсоном. Уже сам факт, что перу будущего двадцать восьмого президента принадлежит работа о первом президенте, заставляет обратить на нее самое пристальное внимание. Не может не прийти на ум схватка бывших историков, а в 1919—1920 годах государственных деятелей президента В. Вильсона и председателя сенатского

комитета по иностранным отношениям сенатора Г. Лоджа, имевшая серьезные последствия для американской внешней политики. Вполне допустимо предположение, что интеллектуальное соперничество между маститыми политиками восходит к тем временам, когда два молодых честолюбивых историка не поделили одного лаврового венка.

Соревнование за написание лучшей биографии Вашингтона Лодж выиграл начисто. Хотя его достижения были, как мы видели, более чем скромными, взявшись за тему, он руководствовался соображениями любомудрия. Другое дело, что задача оказалась не по плечу.

Побудительные мотивы В. Вильсона были иными. Уже в восьмидесятые годы он открыл, что исторические сочинения приносят неплохой доход, и привык работать ради гонорара. Ему понравилось сочинять книги-однодневки, к которым принадлежала и биография Вашингтона.

Это было типично коммерческое сочинение, главы примерно одинаковой длины, с учетом интересов «Харперз мэгэзин», напечатавшего ее в 1895—1896 годах. Нехватка материалов по ранним годам жизни Вашингтона компенсировалась утомительными рассуждениями о Вирджинии XVIII века, шедшими под заголовком «В дни Вашингтона». По понятной причине — автору было суждено стать президентом США — позднейшие историки буквально с лупой в руках изучали сочинение Вильсона. Они с солидарностью, редкой для профессии, прославленной склоками, нашли, что книга научного интереса не представляет, ехидно подметив, что профессор приписал предостережение Джефферсона против «обременительных союзов» Вашингтону, и обнаружили ряд иных промахов. Но в этой книге искали другое — через призму оценки Вашингтона профессором В. Вильсоном пытались выяснить кредо государственного правления президента В. Вильсона. Исследователей постигло горькое разочарование — когда автор писал книгу, он, вероятно, думал об осязаемых выгодах, а не о том, что ему со временем суждено занять кресло Вашингтона. Иначе чем объяснить чрезвычайно поверхностный рассказ о последнем десятилетии жизни Вашингтона, на которое и падает вся его государственная деятельность?

Вклад Вильсона в Вашингтониану невелик. Современный ему критик сказал — автор лишь «углубил гравировку на стали изображения Отца Страны», другой добавил — книга «третьеразрядная».

Если профессор В. Вильсон доверительно признавал, что «терпеть не может изнурительного труда, именуемого исследованием», что и объясняет описанные прискорбные итоги его биографического экскурса, то Пол Форд любил каторжную работу исследователя, имел легкое перо, а также брата Уортингтона Форда, издателя упоминавшейся 14-томной публикации документов Вашингтона. В том же году,

когда вышел посредственный труд В. Вильсона, П. Форд выпустил в Филадельфии книгу «Джордж Вашингтон каким он был», остающуюся по сей день одной из лучших в библиотеке биографий Вашингтона. Он скромно попытался дать ответ на вопрос, почему пресловутые прагматики американцы «погрязли в таком же процессе создания героя, который дал Юпитера, Вотана, короля Артура и других». Наделение человека сверхъестественными чертами, проницательно заметил Форд, настолько лишает его «человеческих качеств, что задаешься вопросом — заслуживают ли такие люди похвалы за принесенные жертвы и свершенные дела».

Форд убедительно рассказал о Вашингтоне, «ограниченном человеческими недостатками, не свободном от воздействия человеческих страстей». Вне всякого сомнения, сотрудничество с братом побудило П. Форда избрать своеобразный метод изложения — на страницах его книги Вашингтон заговорил на самые разнообразные, чисто земные темы: «отношения с прекрасным полом», «вкусы и развлечения» и т. д. Вследствие этого получилось собрание очерков, а не биография в строгом смысле слова.

В начале XX века стало очевидным, что любое серьезное исследование жизни и деятельности Вашингтона зависит от общего уровня разработки проблем Американской революции. Плодотворное изучение марксистами экономического фактора как в конечном счете решающего не ускользнуло от внимания мыслящих американских историков, дав толчок появлению в США школы экономического детерминизма. Типичным и очень влиятельным адептом этого направления был Чарльз А. Бирд. Вместо сентиментальной болтовни, плоских банальностей и нагромождения добронамеренных нелепиц в объяснении мотивов действий «отцов-основателей», включая Вашингтона, Бирд стал на прочную почву экономических факторов.

В серьезном, а в некоторых отношениях классическом исследовании «Экономическая интерпретация американской конституции» (1913 год) Бирд показал, что руководителями Американской революции, основывавшими новое государство, двигали «реальные экономические силы».

Походя коснувшись конфликта низов и верхов в революции (в этом слабость Бирда, намеренная или нет), он подчеркнул, что Вашингтон возглавил «консервативную реакцию», из рук которой страна и получила конституцию. Сама конституция, по определению Бирда, «была экономическим документом, составленным с величайшим искусством людьми, чьи собственнические интересы были непосредственно поставлены на карту». Члены конституционного конвента, где председательствовал Вашингтон, заключил Бирд, отнюдь не были «не заинтересованными» материально лицами, напротив, «мы вынуждены прийти к глубоко знаменательному выводу о том, что, основываясь на личном опыте ведения

экономических дел, они точно знали, каких целей достигнет учреждаемое ими повое правительство».

Вторжение Бирда в деликатную для капиталистического общества область не было подкреплено новыми усилиями, его интереснейший труд остался в блистательном одиночестве в американской историографии. Да и сам автор предпочел не углублять своих исследований в этом направлении, переключившись на другие сюжеты. Бирдовский анализ, в общих чертах выяснивший громадную роль Вашингтона в становлении американского капитализма, имел неожиданные последствия. Ведущие американские историки, в первую очередь занимающиеся исследованием тенденций развития политической мысли, стали рьяно доказывать, что идейно Вашингтон не играл никакой роли в Американской революции.

Указывая на неоспоримый факт, что великий квартет — Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Адамс и Дж. Мэдисон — коллективно отковал идейное оружие революции и определил направление развития молодой республики, американские исследователи отвели Вашингтону роль бесцветного статиста, поочередно подпадавшего под идейное влияние этих людей, причем в конечном итоге возобладал Александр Гамильтон.

Ради этого был пущен под откос тезис, милый сердцу западных историков, о «разрыве поколений» — Гамильтон был более чем на двадцать лет моложе Вашингтона. Уже в специальной монографии К. Баурса «Гамильтон и Джефферсон» о президентстве Вашингтона самому президенту не нашлось места не только в заголовке книги, но, в сущности, и в ее содержании. В. Паррингтон, выполнивший в двадцатые годы монументальное трехтомное исследование «Основные течения американской мысли», вероятно, счел, что молчание — лучший способ воздать должное прославившемуся немногословностью Вашингтону.

Тенденция эта, возникшая в двадцатые годы, постепенно набирала силу и к нашим дням типична практически для всех значительных трудов по истории развития идей в США. М. Керти, написавший в тридцатые годы обширный трактат «Рост американской мысли», на страницах труда, занявшего почти тысячу страниц, двенадцать раз поминает Вашингтона и преимущественно по второстепенным поводам. Книга Р. Хофштадтера, выполненная в конце сороковых годов, «Американская политическая традиция» — четыреста страниц убористого текста. Вашингтон упоминается пять раз. А обе эти работы неоднократно переиздавались в США и по сей день считаются шедеврами исследования американских интеллектуальных свершений. Аналогичная картина в последующем: Л. Харц. «Либеральная традиция в Америке» (1955), К. Росситер. «Консерватизм в Америке» (1962), А. Экирш. «История американской традиции» (1963).

Авторы тем самым избегают щекотливого вопроса — к какой категории отнести Вашингтона: либерального или консервативного мыслителя. В то же время подобные трактовки не наносят решительно никакого ущерба культу Отца Страны. Мраморной статуе полагается быть безгласной, а роль Пигмалиона, как показал Бернард Шоу, иногда приводит к непредвиденным последствиям. По крайней мере, можно утратить душевный покой, творить в рамках модной ныне в США теории «согласия», то есть полного отрицания классовых конфликтов, куда спокойнее.

В двадцатые годы ревизионизм как проявление общего разочарования, пришедшего по пятам за мировой бойней, серьезно затронул американскую историческую науку. Действуя сплоченной когортой, ревизионисты, хотя и не очень многочисленные, но очень шумные, атаковали мнимый «идеализм» Белого дома и прочее, пытаясь докопаться до истинных причин вступления США в первую мировую войну. Их удары, созвучные настроениям «потерянного поколения», разили без особого разбора кондовые святыни, ибо ниспровергатели полагали, что нужно сокрушить идолов, на которых покоятся ложные ценности американского общества.

Тема Вашингтона имела ко всему этому весьма отдаленное отношение, и с точки зрения ревнителей «100-процентного американизма» нападки на него были издержками от полезной в других отношениях деятельности ревизионистов. Тем не менее в истерической атмосфере, иной раз граничившей с публицистическим хулиганством, всыпали по первое число по совокупности Джорджу Вашингтону. В 1926—1930 годах им специально занялись бизнесмен и историк-любитель У. Вудворд и профессиональный историк Р. Юз. Книги первого «Джордж Вашингтон: миф и человек» и второго «Джордж Вашингтон: человек и герой» внесли заметное смятение в сердца законопослушных американцев и вызвали за рубежом реакцию типа — «ага, мы это знали!».

Злоязычные сочинители оставили в покое сферу, обычно подавлявшую исторические сочинения, — военную и государственную деятельность Вашингтона — и с величайшим наслаждением окунулись в его личную жизнь. Открытие, что Вашингтон не персонаж из назидательной книжки для воскресной школы, привело их в дикий восторг. Вудворд единым росчерком пера покончил с благороднейшим происхождением семьи Вашингтона, сообщив, что даже если В. Ирвинг и прав, поместив у корня генеалогического древа семьи некоего рыцаря при дворе Вильгельма Завоевателя, то «семья ничем не отличалась, если не считать посредственности, последовательно отмечавшей ее многие поколения». В таком ключе Вудворд взялся за миф, сосредоточив внимание на низком меркантилизме Вашингтона, не забыв подчеркнуть, что речь идет о стяжателе-рабовладельце, любившем выпить, просидеть ночь за карточным столом, равнодушном к ре-

лигии и сверх того обуреваемом низкими страстями. Салли Фэрфакс, как и следовало ожидать, заняла видное место на страницах книги. И не одна она.

Хотя Р. Юз обошелся несколько милосерднее с Вашингтоном, чем Вудворд, он поставил ему в вину лишь то, что герой, на его взгляд, доказал только одно: «Нужно одеваться с максимальным щегольством, предаваться всем видам самых дорогостоящих удовольствий, включая танцы, театр, балы, охоту, рыбную ловлю, скачки, спиртные напитки, игру в карты, сохраняя при этом спокойствие, оставаясь справедливым, честным и имея достойный вид». Исследование жизни Вашингтона под специфическим углом зрения, надо думать, постепенно наскучило Юзу. Он прервал работу на третьем томе, доведя читателя до Йорктауна — последнего сражения войны за независимость в 1781 году.

Если Вудворд и Юз что-нибудь и доказали, так только универсальность метода Уимса, пригодного для книг любого, по выбору автора, содержания. Тягостное впечатление все же осталось. Новейший биограф Вашингтона Дж. Флекснер писал в 1965 году: «Библия ниспровергателей оказала поразительное влияние на целое поколение читателей, когда я несколько лет назад беседовал в Лондоне с Бертраном Расселом, он рассуждал, точно следуя линии ниспровергателей. Вашингтон был бесчестным руководителем, сражавшимся за дело революции только потому, что не хотел платить причитавшихся с него по справедливости долгов британским купцам».

В 1932 году, когда капиталистический мир сотрясался под тяжкими ударами экономического кризиса, в Соединенных Штатах грянул юбилей — отмечалось двухсотлетие со дня рождения Джорджа Вашингтона. Таких торжеств, особенно пышных на фоне океана горя и нищеты, разлившегося по стране, американцы не видывали. Зачинщик беспримерной шумихи и суеты, председатель комиссии по празднованию двухсотлетия конгрессмен С. Блум, в прошлом импресарио, верно рассчитал — обращение к прошлому, рисуемому яркими мазками, притупит горечь тусклого настоящего. Юбилей праздновался без перерыва девять месяцев!

Во вступительной статье к антологии «Джордж Вашингтон», вышедшей в 1969 году, составитель Дж. Смит не мог не оценить проделанное в те девять месяцев как «невероятное». «У Блума, — писал Смит, — каждый день что-нибудь да происходило. Потребовалось пять толстых томов, чтобы зафиксировать историю юбилея. Юморист из штата Оклахома Уил Роджерс писал конгрессмену: «Ты единственный парень, оказавшийся в состоянии продлить вечеринку на девять месяцев, и это во времена сухого закона! Сол, ты заставил всю страну прочувствовать Вашингтона».

Юбилейные словеса канули в Лету, оставив после себя сравнительно немного, примечателен разве краткий очерк

известного уже тогда американского историка С. Морисона «Молодой Вашингтон», считающийся в США классической интерпретацией героя на заре жизни. Полагают, что Морисон удовлетворительно вскрыл психологический склад юного Вашингтона, подражавшего Катону. Вероятно, можно придерживаться и такой точки зрения. Важнее, однако, то, что очерк Морисона показывает, как люди, озабоченные сползанием Соединенных Штатов в бездну кризиса, пытались опереться на сильные плечи и почерпнуть уверенность из резервуара нерастраченной энергии молодого, полного сил Вашингтона.

В очерке Морисона с железной настойчивостью развивается только один тезис — как Вашингтон, дисциплинировав себя, стал человеком долга. Это, по Морисону, предопределило все его достижения. «У него были преимущества дисциплины, — поучал Морисон, — которой могут ныне похвастаться только немногие из нас». Морисон отнес выработку самодисциплины Вашингтоном за счет того, что он вырос в суровой атмосфере американской «границы», был фермером (!) и воином. Отнюдь не безрассудная ностальгия автора, а сознательное преувеличение способным историком традиционных американских ценностей для повседневных нужд Америки начала тридцатых годов, задыхавшейся в тисках кризиса.

Передовые люди тогда звали к переделке структуры американского общества, Морисон предложил не отрывать взора от прошлого.

Наконец, еще одним последствием юбилея 1932 года было новое издание, на этот раз в тридцати девяти томах, документов Дж. Вашингтона. Выпуск публикации, которую начал готовить библиотекарь конгресса Дж. Фицпатрик, растянулся на 13 лет — с 1931 по 1944 год. Фицпатрик был третьим (после Спаркса и Форда), отдавшим лучшие годы своей жизни теме Вашингтона, дебютировав изданием в 1925 году «Дневников Джорджа Вашингтона». Для 39-томного издания он изучил, проверил и систематизировал около 40 тысяч страниц имевшихся бумаг и дневников Вашингтона. В отличие от Форда Фицпатрик счел необходимым дать первоначальные варианты документов: вернувшись в 1783 году в Маунт-Вернон, Вашингтон поручил своему племяннику Р. Льюису переписать начисто его бумаги дореволюционного периода. При подготовке документов к переписке Вашингтон сам улучшил текст, Фицпатрик, где было возможно, дал их в первоначальном виде, сняв, конечно с надлежащими оговорками, позднейшую правку Вашингтона.

Публикация Фицпатрика еще не была завершена (последний том под его редакцией вышел в 1936 году), как выяснилось, что существует еще много документов Вашингтона, оказавшихся вне поля зрения составителя, разбросанных по

различным архивам и коллекциям, в подавляющем большинстве частным.

Ренессанс, точнее контрренессанс, темы Вашингтона был не за горами, хотя интерес вспыхнул на первых порах не к ней, а был побочным продуктом стремительного возвышения «консервативного ревизионизма» в американской исторической науке. Генезис «неоконсерватизма» коренится в практических нуждах правящих кругов США после второй мировой войны. Американские руководители в качестве альтернативы социализму выдвинули общественное и государственное устройство США, являющееся якобы образцом для всего человечества. Поскольку основы этого устройства были заложены в ходе войны за независимость и закреплены в американской конституции, потребовалась большая идеализация далекого прошлого страны, чтобы изобразить его в рамках теории «бесконфликтности» — классовые схватки-де никогда не были типичны для Америки. В ней всегда царило доброе согласие, а основа основ — святая частная собственность — никогда не ставилась под сомнение.

Р. Хофштадтер в 1948 году указал и на другой источник стихийно возникшего интереса к прошлому страны — неуверенность в будущем. Свое спорное исследование «Американская политическая традиция» — одно из первых, где была изложена теория «бесконфликтности», — Хофштадтер открыл примечательным суждением: «Американцы недавно обнаружили, что спокойнее думать об их прошлом, чем о том, куда они идут». Вашингтон, искренне видевший в себе «президента всего народа», уместно подкреплял розовую картину прошлого Америки, отлично вписываясь в приятную теорию «согласия», с которой носятся «неоконсерваторы».

Они рьяно принялись переписывать историю Американской революции, доказывая забавные тезисы: во-первых, случившееся в Америке конца XVIII столетия было явлением уникальным, а во-вторых, если уж и была революция, то, конечно, консервативная.

В 1948—1957 годах вышла семитомная биография первого президента Д. Фримена. Подготовка этой книги продемонстрировала, что для раскрытия темы Вашингтона на современном уровне знаний может не хватить жизни исследователя. Фримен умер на шестом томе, седьмой том дописали его сотрудники Д. Карролл и М. Эшворс. Биография Фримена выдержана в соответствии с академическими канонами, до отказа использована публикация Фицпатрика.

С середины пятидесятых годов Вашингтониана обрела новую жизнь еще по одной причине — 200-летняя годовщина существования США пришлась на 4 июля 1976 года.

Типичный пример — монументальная хрестоматия «Дух Семьдесят Шестого. История Американской революции, рассказанная ее участниками», подготовленная известнейшими профессорами Г. Коммаджером и Р. Моррисом. В предисло-

вии к изданию 1967 года они внятно объяснили, почему, собственно, в США затеяли юбилейные торжества: «Американская революция возвестила эру революций на Европейском континенте, в Латинской Америке и, наконец, в Азии и Африке — эру, в которой мы живем по сей день». Итак, любуйтесь — главный толчок прогрессу человечества в истекшие 200 лет якобы дала только Американская революция!

200-летний юбилей и местнический патриотизм побудили Вирджинский университет объявить о том, что в его стенах будет подготовлена полная публикация документов прославленного земляка. Намечено выпустить 80 томов, главный редактор издания — Дж. Джексон. 80-томная публикация должна заменить 39-томное издание Фицпатрика, которое, по мнению историков, находящихся на короткой ноге с Вашингтоном, больше не может удовлетворить нужды ученых.

Монумент Вашингтона за счет и цоколя из книг достиг таких размеров, что американские исследователи просто робеют, боясь окинуть взором всю исполинскую фигуру с ног до головы. Во всяком случае, ни один из них больше не осмеливается сочинить однотомную биографию Вашингтона.

Да что там историки, перед Отцом Страны спасовал Ш. Эдуардс, которому робость чужда. В прошлом учитель истории в средней школе, а затем музыкант, он дерзнул сочинить мюзикл (музыкальную пьесу) «1776 год», имевший порядочный успех на Бродвее в 1969 году. Эдуардс попытался «очеловечить» около двадцати главных действующих лиц Американской революции — делегатов второго континентального конгресса, заседавшего с мая по июль 1776 года и принявшего Декларацию независимости. Либретто пьесы, развертывающейся в залах заседания конгресса, до точки воспроизводит принятие Декларации, со всеми спорами, разочарованием и восторгами.

«Отцы-основатели» вышли куда как живые — волнителен дуэт Адамса и Франклина, а когда трио Франклин, Адамс и Джефферсон по составлении Декларации лихо пускается в пляс, напевая разухабистый шлягер «Мы бабки повивальные новой нации», это впечатляет.

Что стоило бы вывести еще и Джорджа Вашингтона! Эдуардс и постановщики не пошли на это — герой остался за сценой, сообщаясь с конгрессом и соответственно со зрителями через курьеров. Он где-то там, пропахший порохом, кует американскую независимость, и жизнь его архитрудна. Курьер, привезший извещение от Вашингтона о высадке большого английского войска у Нью-Йорка, исполняет сверх того душераздирающую песенку «Мама, мама, смотри!» о раненом солдате, молящем мать найти его, пока в нем еще теплится искра жизни.

В мюзикле «1776 год» авторы зашли далеко по пути реализма. Пустить по сцене в пляс статую из чистейшего зо-

лота было бы не только неуместно, но и опасно для прочности театральных подмостков. Итак, перед Вашингтоном сложила оружие американская историческая наука, в том числе и в переложении на музыку. Он поистине непобедим.

Последнее вторжение в литературу о Вашингтоне в США — работа Дж. Флекспера. В шестидесятые годы он решился дать новейшую биографию Вашингтона.

В предисловии к первому тому, названному «Джордж Вашингтон, накопление опыта», Флекснер сказал: «Этот том можно было бы так же обоснованно озаглавить «Человек, которого почти никто не знал...». Хотя честные и даровитые ученые раскопали почти все факты его жизни, считанные американцы ясно представляют, как развивался Вашингтон и, больше того, кем он был в действительности. В этом трагедия репутации Вашингтона... Мои труды убедили меня, что он был одним из самых благородных и великих людей в истории человечества. Однако он не родился таковым. Он не вышел из головы Зевса в броне мудрости и силы. Он постепенно усовершенствовал себя, употребив на это всю свою волю».

Флекснер клялся, что ему не потребуется больше трех томов, чтобы довести Вашингтона до смерти. Когда в 1970 году появился третий том, выяснилось, что он не конечный — изложение доведено только до 1793 года. Предстоял еще один, четвертый том.

Флекснер сделал полезное дело — его труд является новейшей лоцией темы Вашингтона, однако уяснить его концепции может только очень подготовленный читатель.

Эту высокую цель преследуют и празднества в связи с 200-летием Соединенных Штатов, начавшиеся в 1966 году и спланированные до 1991 года. В ходе их отбираются и подчеркиваются те аспекты Американской революции, и конечно, деятельности Вашингтона, которые наилучшим образом отвечают современным представлениям американской правящей элиты о себе и своей стране.

Великая демократия, вступающая в третье столетие своего существования, достигла высокого бюрократического совершенства с 4 июля 1776 года, что блистательно доказал конгресс, принявший 11 декабря 1974 года закон № 93—179 об учреждении «Администрации по празднованию двухсотлетия Американской революции». Законодатели, проверив деятельность правительственной комиссии, учрежденной в 1966 году, нашли, что она недостаточна, и сковали юбилей надежными бюрократическими оковами. Впрочем, скажем словами закона № 93—179: «Сенат и палата представителей Соединенных Штатов постановляют: по мере того, как эта нация приближается ко дню двухсотлетия своего рождения и исторических событий, предшествовавших и связанных с Американской революцией, которые сыграли громадную роль в развитии нашего национального наследия — личной свобо-

ды, представительного правления и достижения равных и неотъемлемых прав, оказали глубочайшее воздействие на мир, представляется уместным и желательным, чтобы празднование этой годовщины и деятельность в этой связи местных, штатных, национальных органов, имеющее международное значение, координировалась, планировалась и облегчалась правительственным ведомством».

Президент США с утверждением сената назначил администратора, ведающего юбилеем, а он, в свою очередь, надлежащих чиновников. Был создан приличествующий случаю бюрократический механизм, и колеса юбилея завертелись в предуказанном направлении. Их смазывали ежегодные государственные ассигнования — 30 миллионов долларов. Администрация по празднованию существовала до 30 июня 1977 года. За 10 лет этой юбилейной шумихи было истрачено около 120 миллионов долларов.

Итак, выражением эмоций и восторгов по поводу двухсотлетия существования США ведала государственная организация. Шутки с ней, предупреждал закон № 93—179, плохи. Раздел 2(I) доводил до сведения американцев, праздновавших 200 лет с тех пор, как в США зажегся, по официальной мифологии, факел свободы: «Любой, кто, в нарушение правил, установленных администратором, умышленно производит или воспроизводит значки, символы или марки, первоначально выпущенные по указанию администратора для использования в связи с двухсотлетием Американской революции, или любые их факсимиле, или продает какие-либо предметы таким образом, что возникает мнение, что эти значки, символы или марки не утверждены администратором, подлежит штрафу до 250 долларов, или шестимесячному тюремному заключению, или обоим видам наказания».

Американцы, рванувшиеся отпраздновать юбилей, сим предупреждены! Вероятно, очень своевременно: в момент, когда во главе празднования встала администрация, в США выполнялось 1477 «проектов» и развернулось 392 «события» в связи с двухсотлетием. Потом их стало много больше.

Администрация, следовательно, была очень озабочена идеологической чистотой различных «символов», каковая защищалась угрозой уголовного преследования. Забота эта проистекала из весьма высокого побудительного мотива: за разрешение продавать те или иные товары, помеченные официальным символом, торговцы платили налог (2—20% от стоимости изделия) в пользу администрации. Бизнесмены не остались внакладе, ибо двухсотлетие открыло новый рынок: приобретать товары, отмеченные его знаком, — патриотический долг.

Газета «Вашингтон стар ньюз» 6 июля 1974 года сообщила: «Американские бизнесмены с энтузиазмом бросились извлекать доллары из шумихи, которая известна в кругах ораторов как «национальная вечеринка по случаю 200-ле-

тия». Красный — белый — синий — любимое сочетание цветов для всего — от жетонов до «Боингов-707», от конфетти до юбилейных марок в оргии патриотической наживы».

То, что «Дух-76» освятил стремление бизнесменов набивать карманы, не могло не вызвать озабоченности у тех в США, кто обращается к идеям 1776 года в поисках справедливости. В середине 1974 года в Чикаго состоялась конференция капитанов делового мира для обсуждения, что делать в связи с юбилеем. На достопочтенное собрание явились и люди, не принадлежащие к деловому миру, которые немало изумились происходившему там. Дж. Рифкин, представлявший молодежную Народную комиссию по празднованию двухсотлетия, допытывался у собравшихся: «Что за двухсотлетие вы выбросили на рынок?» И добавил: «Спросите себя, стал бы Патрик Генри членом клуба вашего босса?» Рифкин пытался усовестить бизнесменов, чтобы те не превращали юбилей в средство наживы.

Глава администрации по празднованию двухсотлетия Дж. Уорнер публично не принял ничьей стороны в горячих спорах, а воззвал к собравшимся: «Вы должны проводить различие между свободным предпринимательством и открытой эксплуатацией, и постарайтесь, чтобы не народ выяснил это различие». Как именно это сделать, на конференции толком не договорились, хотя речь шла об осязаемых предметах — порядке продажи товаров, отмеченных высоким символом двухсотлетия.

А идеи — как насчет идей, которые невозможно оценивать в долларах и центах? «Вашингтон стар ньюз» меланхолически подвела итог обсуждений на конференции: Народная комиссия по празднованию двухсотлетия «хочет, чтобы юбилей был поводом для нового подтверждения эгалитарных идей, которые, по ее утверждению, лежали в основе Американской революции. Вполне понятно, что бизнесмены по-иному трактуют революцию. Они предпочитают подчеркивать, что свободное предпринимательство было главной вдохновляющей силой «отцов-основателей», делая особый акцент на спекулятивных инстинктах Джорджа Вашингтона, а не на радикальных социальных идеях Тома Пейна». В глазах бизнесменов идеи, конечно, не что иное, как товар.

Новейшие официальные открытия в Вашингтониане потрясают. Современные Соединенные Штаты обладают огромной военной машиной, страна, по крайней мере, вот уже пятое десятилетие живет в густой тени Пентагона. Иные американцы не мирятся с этим, протестуют, естественно ссылаясь на нетленные в их глазах традиции американской «демократии». Юбилей, однако, стал поводом, чтобы указать им свыше — не кто иной, как Вашингтон, основатель милитаризма в Америке. В 1975 году появился том «Американская перманентная революция», в котором собраны тексты лекций, произнесенных маститыми американскими исто-

риками под эгидой Института американского предпринимательства. Учреждение очень состоятельное, способное выдержать большие траты на гонорары и публикации в интересах крупного капитала.

В числе других выступил директор Института Эйзенхауэра профессор Ф. Погью, прославленный в США военный историк. Он прочитал лекцию в подходящем месте — военной академии Вест-Пойнт и, конечно, не преминул напомнить, что «здесь была возведена под наблюдением генерала Вашингтона величайшая крепость времен Американской революции... и в Вест-Пойнте уместно оценить изменения в методах ведения войны», истоки которых, по мнению профессора, лежат в событиях 1775—1783 годов в США. Но лекция Погью была обращена не к тем годам, а оказалась курьезной попыткой поставить Вашингтона на службу современной американской военной доктрине.

Он сказал: «Один из мифов революции гласит: король Пруссии Фридрих Великий отозвался о действиях войск Вашингтона у Трентона и Пристона с 25 декабря 1776 года по 4 января 1777 года как о самой блестящей кампании в истории всех войн. В книге о той войне Бенсена Лоссинга, вышедшей в 1859 году, этот миф звучал — «говорят». Он был опровергнут в серии академических статей примерно на рубеже XIX и XX столетий и, как считают, окончательно прикончен книгой генерал-майора Фрэнсиса В. Грина, изданной в 1911 году. Однако миф живет по той причине, что великий европейский полководец своего времени мог бы восхвалить до небес одну из важнейших кампаний войны. Трентон и Пристон свидетельствовали о возмужании континентальной армии, которая могла вести вооруженную борьбу».

Поразительный ход мысли! Все без изъятия должны испытывать величайший восторг по поводу того, что США обзавелись регулярной армией, и никоим образом не оставлять этот восторг только собственным достоянием, а публично выражать его в самых сильных выражениях и гиперболических сравнениях. От прусского короля Фридриха Погью делает прыжок сразу через 200 лет в наше время и предлагает восхититься: «Основной военный урок Американской революции заключается в том, что демократия нуждается в хорошо подготовленной армии, представляющей весь народ, и должным образом вышколенном офицерском корпусе, также комплектующемся из всего народа, то есть в армии, ответственной перед гражданскими властями и имеющей их полную поддержку, способной защищать и распространять принципы, за которые участники Американской революции рисковали своими жизнями».

Погью изложил кредо, дорогое сердцу генералов Пентагона, но он сделал больше, значительно перевыполнив задачу. В пылу юбилейного красноречия профессор изобразил Вашингтона не только творцом американских вооруженных

сил в их нынешнем виде, но и сторонником поголовной милитаризации страны. Он сказал: «Мы должны вновь и вновь напоминать заявление Вашингтона в поддержку его предложения о хорошо организованном ополчении: «Первостепенное значение и основа нашей системы заключаются в том, что каждый гражданин, пользующийся защитой свободного правительства, обязан отдать ему не только часть своей собственности, но и свои личные услуги ради его защиты». Конкретное замечание Вашингтона в сложной обстановке освободительной войны возводится в абсолют и освещает, скажем, посылку американских войск за многие тысячи километров от собственных границ.

То, что подтекст касается современности, сомнений не вызывает. Не кто другой, как Погью, расшифровывает: «В наше время, когда многие молодые нации ведут революционные или национальные войны, нам нужно помнить некоторые уроки, преподанные англичанам революционным ополчением Америки. Джон Шай в очерке, написанном в 1973 году, «Военный конфликт как революционная война», воздал должное ополченцам, которых часто чернили. «Ополчение, — пишет он, — вводило закон и порядок, где того не делали англичане, и наличие ополчения ставило в опасность передвижения мелких английских отрядов... Ополчение постоянно сводило к нулю каждую английскую попытку восстановить власть британской короны иначе, чем введением в действие крупных сил». Вывод один — крепите нынешнюю национальную гвардию, резерв вооруженных сил, прямую наследницу ополчения.

В погоне за доказательством угодного ему тезиса Погью вошел в конфликт с фактами. Упоминаемый Шай, профессор истории Мичиганского университета, не писал «очерк» в 1973 году, а выступил в 1971 году на симпозиуме по проблемам Американской революции в Институте ранней американской истории и культуры в Вильямсбурге. Материалы симпозиума изданы в 1973 году именно с целью предупредить вольное обращение с фактами. Во всяком случае, Погью заменил отточием слова Шая: «Вашингтон всегда жаловался на ополчение — его непадежность, недисциплинированность, трусость под огнем, но с английской точки зрения ополчение было одним из самых досадных элементов в запутанной войне». Наверняка главнокомандующий знал лучше, отсюда его предложения об укреплении ополчения.

Разведывательное сообщество в США — ЦРУ и прочие ведомства доказывают свою полезность ссылками также на Вашингтона! В конце 1974 года Пентагон рассекретил исследование подполковника разведки военно-воздушных сил А. Эшкрафта «Генерал Вашингтон и служба военной разведки в США». Желающим слушать и верить вручено творение подполковника, который с военной прямотой утверждает:

Вашингтон среди прочих его несравненных достоинств был отцом американского шпионажа.

Написанное Эшкрафтом невероятно расширяет представление об американской исторической науке. С подкупающей простотой подполковник рассказывал о том, что именно побудило его взяться за перо: «В течение последних двенадцати лет или около этого, с тех пор как военная разведка стала признанной службой, как личный состав управления заместителя начальника штаба по разведке (ДЖИ-2), так и Пентагона, задавались вопросом, когда именно была основана эта служба. Случилось ли это в первую мировую войну, с воссозданием важнейшего второго управления? Или это было в 1903 году, когда Элиу Рут впервые учредил штаб армии? Или за исходный год следует принять 1885 год, когда был создан отдел военной информации (первоначально состоявший из одного офицера). Все эти даты важны, однако с точки зрения именно разведки мы должны обратиться к Американской революции, чтобы обнаружить истинные истоки американской военной разведки». Стоило Эшкрафту дойти до «истоков», как он, что и следовало ожидать в юбилейные времена, встретился с Вашингтоном.

Сообщив, что генерал Вашингтон был «гениальным главнокомандующим», подполковник указывает: «Ему было абсолютно необходимо создать эффективную службу военной разведки, для чего потребовалось несколько лет». С похвальным рвением Эшкрафт обревизовал работу американских агентов, особенно в Нью-Йорке, стонавшем под англичанами. Но, подчеркивает он, «во многих отношениях Вашингтон был начальником собственной разведки», а наиболее ценный его сотрудник — майор Б. Таллмэдж, трудившийся на поприще разведки в годы войны в Нью-Йорке. Их взаимная привязанность была безграничной, умиляется Эшкрафт и в доказательство приводит известное прощание Вашингтона с командованием в таверне «Франсес» в Нью-Йорке 4 декабря 1783 года: «Только немногие из офицерского корпуса присутствовали там, тем не менее среди них был Б. Таллмэдж, теперь подполковник. Да, преданный Вашингтону офицер разведки был там, чтобы пролить слезы и обнять во время трогательного прощания своего начальника, у которого также стоял ком в горле. Затем Вашингтон подвел итог своим расходам в годы войны (одна восьмая пошла на разведку)».

Конечный вывод достойного исследования. «У Вашингтона была служба шпионажа, действовавшая на протяжении всей войны... Без исключительно хорошей разведывательной работы этих двоих (Вашингтона и Таллмэджа) исход революционной войны был бы под сомнением». Надо думать, сентенции такого рода звучат сладкой музыкой в ушах бесславной рати ЦРУ и многих шпионских ведомств, процветающих в США. С нами сам Вашингтон!

В юбилейной риторике, имеющей прямое касательство к проблемам наших дней, подчеркивалось, что Соединенные Штаты смогли победить под водительством «отцов-основателей» только потому, что они были прагматиками.

«Отцы-основатели» стояли не за революцию, а за ограниченную войну, каковой и были кампании 1775—1783 годов. С этой точки зрения она в одном ряду с несколькими десятками войн, потрясавших человечество в XVIII веке. Свободолюбивые лозунги, освящавшие вооруженную борьбу с американской стороны, конструировались для такого же применения, как мушкеты и ядра. Не больше. Констатация этого очевидного положения не меняет, однако, другого: идеи Американской революции наполнились значительно большим содержанием, чем первоначально планировали и задумали ее инициаторы. Эти лозунги приобрели собственную инерцию, поведя США в конечном итоге дальше, чем думали руководители колонистов, развязавшие ограниченную войну против Британии.

Профессор Д. Хатсон, например, в обстоятельном и точном исследовании не оставил камня на камне от мифа о том, что, приняв в июле 1776 года Декларацию независимости, «отцы-основатели» пеклись о неких «высших» идейных соображениях. Нет, доказал он, американские лидеры и Вашингтон, не последний среди них, уверовали: если США не объявят себя независимым государством, Англия-де сговорится с Францией и Испанией, и они придут ей на помощь в подавлении восстания. В качестве платы за помощь Лондон разделит с этими державами свои колонии в Северной Америке. «В результате, — пишет Хатсон, — опасение заключения договора о разделе, как ни фантастичны были слухи о его подготовке, господствовали над умами американских лидеров весной и летом 1776 года, и, по всей вероятности, они были самой важной причиной, приведшей конгресс к принятию 2 июля 1776 года резолюции, объявившей Америку независимой».

Коль скоро в Северной Америке велась ограниченная, регулярная, по понятиям XVIII века, война, лица, ставшие у истоков независимости Соединенных Штатов, не связывали выбор союзников с декларированными ими же идеологическими соображениями. Иностранная помощь была необычайно важна в их глазах и потому, что она снижала необходимость обращения к широким народным массам в собственной стране, то есть устранялась опасность перерастания вооруженной борьбы в социальное движение. Тесное переплетение всех этих мотивов привело к тому, что борьба США против Англии все в возраставшей степени велась чужими руками. То был давний принцип американских колонистов, умевших заставить строптивую метрополию таскать для них каштаны из огня. Вашингтон душой и телом стоял за это. Только теперь роли изменились — если в прошлом

колонисты отбивались от французов оружием и деньгами англичан, теперь французы пришли на помощь в борьбе против Англии.

Как ни прекрасны патриотические легенды, овевающие Американскую революцию, суровая историческая действительность состоит в том, что с 1778 года война за независимость стала одним из театров войны Англии со своими давними соперниками — Францией и Испанией. От противников Англии сражавшиеся США получили материальную помощь.

Представить, что означали эти миллионы долларов по курсу XVIII столетия, — задача непосильная, во всяком случае для автора. К счастью, коллеги, американские историки, не оставили нас, неамериканцев, в неведении относительно значимости сумм помощи по современным критериям. Профессор М. Смелсер взял на себя труд сделать соответствующие подсчеты. В первом томе шеститомной истории Американской революции, выпущенной специально к двухсотлетию, он написал: «В золотых долларах XVIII века общая сумма субсидий была примерно 2,4 миллиона долларов (из них шестая часть испанская), а займы, которые были полностью выплачены после 1789 года, составили 5,6 миллиона долларов (из них испанские 250 тысяч долларов). Если учесть затраты на американские суда в европейских водах, то итог составит около 9,3 миллиона долларов. По современной покупательной способности на американскую независимость Франция истратила примерно 2,5 миллиарда долларов, а самим американцам она обошлась в 1 миллиард долларов. Или Франция отдала за нее около 2,3 процента валового национального продукта. Без французской помощи не было бы победы».

Суммы астрономические, и перекачка их на войну за океаном не могла не иметь серьезнейших последствий для друзей сражавшихся Соединенных Штатов. Участие Испании в войне против Англии привело к резкому дефициту в государственном казначействе, цены в стране подскочили на 20 процентов, пришлось свернуть работы по внутреннему благоустройству. Но куда круче пришлось престарелой французской монархии. Одна из юбилейных тем в США ныне — влияние Американской революции на французскую. Оно и понятно, разъяснил профессор Дж. Хиггинботам в специальном труде о войне за независимость, также приуроченном к двухсотлетию: «Такие французские офицеры, как Александр-де-Ламет, Матье Дюма, граф де Сегюр, виконт де Ноэй и будущий социалист Сен-Симон, — все без исключения припоминали, что они впервые стали размышлять о свободе на основании контактов с американцами в годы революционной войны. И еще в одном отношении американский вклад был существенным. Хотя революция во Франции была порождена многими политическими, социальными, экономическими и интеллек-

туальными факторами, некоторые из которых действовали очень долго, недовольство во Франции драматически прорвалось на поверхность в 1789 году, когда французская казна оказалась на грани банкротства. Это и растущая стоимость жизни были результатом расходов французского правительства во время войны за независимость — войны, обошедшейся Франции приблизительно в 2 миллиарда ливров».

Действительно, непосильны были издержки французской и испанской монархий в войне с Англией, побочным результатом чего явилась независимость Соединенных Штатов. Все это очевидно историкам.

Едва ли есть необходимость морализировать по поводу всего этого, факты говорят сами за себя. Война за независимость только укрепила уже сформировавшееся в Америке убеждение, что воевать чужими руками лучше со всех точек зрения. И если говорить о традициях, восходящих к 1775—1783 годам, то использование других, к вящей выгоде США, одна из самых давних. Что до славы такого образа действия, то объяснения всегда найдутся задним числом. Победа при Йорктауне тому ослепительный пример.

Написав и перечитав этот раздел, я как профессиональный историк все же усомнился в справедливости сказанного — уж больно глубокая пропасть возникает между изложенной интерпретацией и картиной войны за независимость, предстающей со страниц популярных сочинений и школьных учебников. Чтобы проверить себя, я обратился к книге специалиста — американского профессора истории В. Стинчкомба, обобщившего свои многолетние разыскания в архивах США и Франции в монографии «Американская революция и союз с Францией», увидевшей свет на ближних подступах к двухсотлетию, в 1969 году. Это академически безупречное исследование, основной тезис которого гласит: «Без союза с Францией Соединенные Штаты, вероятно, не добились бы независимости». Рассмотрев, что получила Франция в результате союза с США, автор меланхолически заметил: «Французско-американское предприятие вызвало жесточайший финансовый кризис во Франции, пять лет сражавшейся против ведущей державы в Европе без сколько-нибудь существенного вознаграждения, если не считать независимости для слабой и разобщенной страны в трех тысячах миль... Больше того, французский министр иностранных дел Верженн нашел, что американцы наглые, циничные и в общем ненадежные союзники».

Руководители войны за независимость сумели до отказа использовать Францию во время боевых действий, а с окончанием вооруженной борьбы положили начало тому процессу, который привел к появлению расхожей концепции Американской революции со всей приличествующей риторикой. «После подписания мира, — констатирует В. Стинчкомб, — роль Франции в установлении американской независимости

быстро выветрилась из памяти. Случилось так, как будто все американцы заболели коллективной амнезией. На глазах, хотя, возможно, и не намеренно, произошла американизация Американской революции. Если и помнили о роли Франции, то дело сводилось к Лафайету и помощи Рошамбо «блистательному Вашингтону» у Йорктауна... Даже Вашингтон в речи конгрессу при сдаче своих полномочий в 1783 году не упомянул о союзе. Конечно, в других торжествах Франции воздавалось должное, и еще в 1782 году ни одно публичное выступление не обходилось без упоминания ее значительной роли. После же достижения независимости американцы, по-видимому, не хотели делить лавры победителей».

Вашингтон превозносится теперь за то, что он сумел до отказа использовать помощь других.

Наконец Дж. Вашингтона поминали во время празднования 200-летия конституции США. Законом 98—101, принятым в сентябре 1983 года, была создана комиссия для проведения этого юбилея. Пик юбилея пришелся на 17 сентября 1987 года, а всякого рода торжества потянутся вплоть до 1991 года, 200-летия принятия «Билля о правах». Итак, во второй половине XX столетия в Соединенных Штатах сочли необходимым на протяжении 25 лет ежедневно, еженедельно и ежемесячно вновь переживать события двухсотлетней давности. Возникновения США и первые шаги американской государственности.

Коль скоро Отец Страны только дважды взял слово среди 55 делегатов, собравшихся жарким летом 1787 года в Филадельфии, и, как давно показали американские историки, воздействовал на них одним присутствием, в юбилейных празднествах говорили почти исключительно о значении конституции. Припомнили, конечно, символику: во время дебатов председатель Вашингтон восседал в кресле красного дерева, на спинке которого было изображено солнце, выглядывающее наполовину из-за горизонта. Б. Франклин, день за днем созерцавший Вашингтона и половину диска солнца над его головой, в конце концов заключил — все же наступает день, а не грядет вечер.

Под лучами славы благожелательного Вашингтона и сооружили конституцию. Председатель юбилейной комиссии У. Бергер, тогда еще председатель Верховного суда США, объяснял в феврале 1986 года: значение конституции в наши дни — США открывают другим странам «осуществимый третий путь» между правыми и левыми диктатурами. Уникальное значение ее в США усматривают в том, что если ныне в мире средний срок жизни конституции 15 лет, американская существует целых 200 лет. Комиссия и взялась разъяснять США и миру непреходящее значение конституции, написанной под руководством Дж. Мэдисона и наблюдением Дж. Вашингтона. В многочисленных публикациях и специ-

ально выходившем с сентября 1983 года ежеквартальном журнале — «...создать и ввести эту конституцию в Соединенных Штатах».

Много воды утекло с тех пор, когда Ч. Бирд отнюдь не лестно отзывался о меркантильных интересах «отцов-основателей», оформивших их статьями конституции. Теперь Американский Институт предпринимательства, идеологический центр крупного капитала в рамках программы «Декада изучения конституции» с 1980 года выпустил антологии «Насколько демократична конституция?», «Насколько конституция отвечает интересам капитализма» (1982), «Свобода и равенство по конституции» (1983), в которых буквально воспеваются «добродетели» капитализма. Основная линия аргументации — «капитализм не только совместим, но и жизненно необходим для демократических свобод». Следовательно, совместимы прокламирумое равенство перед законом и все возрастающее на деле имущественное неравенство. Точка отсчета процесса — принятие в 1787 году американской конституции. Профессорские рассуждения, собранные в этих томиках, — гимн торжествующей плутократии.

Устроители юбилея прилежно разрабатывали и другую сторону доктринального американизма — США-де наследники мировой демократической традиции. Приводились различные конкурсы на лучшие сочинения об американской конституции. Итоги одного из них (состязались пять выпускников средней школы) подвели на «слушаниях» в комитете сената по юридическим вопросам 17 сентября 1985 года. Председатель комитета сенатор С. Термонд объявил: «Наша страна самая-самая великая в мире и потому, что у нас есть эта конституция». Приглашенные в комитет вчерашние школьники объяснили, как они представляют истоки этого «величия». Т. Ваниас: «Прецеденты конституции 1787 года восходят к античным Греции и Риму», а К. Пирс прочла, пожалуй, лекцию на эту тему: «Америку всегда считали «страной возможностей», где сбываются мечты. Что же делает Америку уникальной? Ответ — ее система правления. На всем протяжении существования человечества нигде не было системы правления, подобной американской. Кое-где только приближались к ней, как парламент в Англии или сенат в античном Риме, но нигде и никогда не было нашей развитой системы противовесов и балансов. Чтобы полностью понять ее, необходимо вернуться к истокам. Началось это с великого греческого историка Полибия, жившего с 204 по 122 год до н. э.». По словам молодой американки, обоснованное Полибием — принцип разделения властей — в какой-то мере претворялось в античном Риме. Но «идея такого правления умерла с Полибием, вскоре после его кончины в Риме разделались с демократией и назначили императора. До середине XVIII века идея была предана забвению», но тут возникли США с Вашингтоном и прочими и возникла

эта самая американская конституция, венец интеллектуальных свершений в государственно-правовой области.

24 сентября 1985 года сенатор О. Хэтч испросил согласия сената включить эти сочинения в стенографический отчет конгресса «для блага моих коллег и многих американцев, которые извлекут для себя пользу от работы, выполненной этими выдающимися молодыми людьми». К. Пирс, выступавшей в «слушаниях» в комитете предпоследней, в стенографическом отчете было отведено первое место. В специальном выпуске «Осень. 1987» журнал «Лайф» мимоходом коснулся познаний в США о своей конституции: «По опросам 1987 года американские граждане путают конституцию с декларацией независимости и даже с формулой Карла Маркса «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Более того, если бы провести экзамен по ее основным положениям, то большинству населения на нем гарантирован провал». Так что усилия сенаторов и профессоров так и не дали в этом отношении внушительных результатов.

Когда 17 сентября 1987 года в Филадельфии состоялись празднования 200-летнего юбилея конституции, президент Р. Рейган в своей речи персонифицировал создание конституции, обратившись к Вашингтону. Обнародовав открытие, что «только в 1787 году наша революция по-настоящему началась», Рейган процитировал инаугурационное послание Вашингтона насчет «невидимой руки, которая руководит делами США в большей степени, чем других людей». Рейган рассказал, что в 1787 году Вашингтон, «пока делегаты конституционного конгресса ссорились и спорили», съездил в Вэлли-Фордж, где, как известно Рейгану, был молчалив. «Можно представить, что он делал то, чем мы заняты сегодня и что будет первейшим долгом Америки, — закончил Рейган свою речь, — всегда возобновлять тот Завет (в библейском смысле. — *Н. Я.*) с человечеством, с миром, жаждущим свободно дышать, завершить работу, начатую 200 лет тому назад, эту великую благородную работу, особое призвание Америки — пусть восторжествует свобода под богом».

Вот так, и никак не меньше. Рейган повторил то, над чем посмеивался в эти дни 13 сентября 1987 года рецензент «Нью-Йорк таймс», оценивая выход приуроченной к юбилею книги Б. Шварца «Вашингтон. Создание американского символа»: «Еще живого Вашингтона сравнивали с Моисеем, а некоторые даже богохульствовали, уподобляя его Иисусу Христу». Он бросил упрек Шварцу: его книга опрометчиво солидаризируется с вердиктом Дж. Флекснера: «Мои труды привели к выводу — Вашингтон превратился в одного из самых благородных и великих людей из когда-либо живших». Все же, подчеркнул Шварц, между символом и подлинным Вашингтоном порядочная дистанция.

В свое время конституционный конвент выкроил долж-

пость президента по фигуре Дж. Вашингтона. Юбилей конституции выявил влиятельную тенденцию в США: «Американские правые ныне во власти навязчивой идеи расширить права президента, рассматривая конгресс как чуть ли не незаконное сборище, которому не следует разрешать стоять на пути президента... Правые хотят превратить главное должностное лицо США в избранного короля». То, что известнейший публицист А. Льюис посвятил этой проблеме статью в «Нью-Йорк таймс» 17 сентября 1987 года, именно в день 200-летнего юбилея конституции, говорит о серьезности текущей тенденции, которая, конечно, идет вразрез с наследием Вашингтона.

* * *

Вашингтониана представляется лестницей, уходящей вверх, конца которой не видно. По ее ступеням карабкались тысячи исследователей, иногда вверх, иногда вниз, перерыва в этом движении не предвидится, как не разрежается толпа тужащихся перекричать других и сказать свое слово о Вашингтоне. Из скопления историков, публицистов и прочих раздаются бодрые голоса, призывающие и других заняться Вашингтоном. Они заверяют, что места хватит всем. Преуспевшие ссылаются на собственный опыт. Самое поразительное — они не замечают курьезного обстоятельства: призыв, собственно, обращен не к изучению самого Вашингтона, а клубка легенд, нагроможденных вокруг него, по крайней мере, почти за 190 лет.

М. Канлифф, сравнив двух великих — Шекспира и Вашингтона, приходит к парадоксальному, но, в сущности, верному выводу: «Если почти ничего нельзя найти о Шекспире, о Вашингтоне бездна информации. Существует лишь один невыразительный портрет Шекспира, для портретов Вашингтона, некоторые из них, конечно, точно изображают его, потребовалось три тома. Нет ни одной записки автобиографического характера, принадлежащей руке Шекспира, письма и дневники Вашингтона заняли свыше сорока томов печатного текста. Едва ли хоть один современник упомянул о Шекспире, десятки друзей, знакомых и случайных посетителей оставили нам свои впечатления о Вашингтоне. Фигура Шекспира окутана странным мраком, Вашингтон купался в ослепительных лучах мировой славы. Однако результат, пусть оптический, один и тот же: мрак и блеск скрывают в равной степени».

Поняв, что попытка составить полную библиографию трудов о Вашингтоне безнадежна, Дж. Флекснер прибег к поучительному подсчету. «В 1787 году, — пишет он, — Джордж Вашингтон пометил в своем дневнике (т. 3, с. 161), что он подсчитал число семян в бушели различных трав, самое большое количество семян — 13 410 000 — было в бушели

тимофеевки. Представление о человеке, уже признанном одним из самых великих в мире, считающем и пересчитывающем миллионы крошечных зернышек, способно повергнуть в благоговейный ужас. Однако он, конечно, поступил иначе — подсчитал, сколько семян в небольшой горсточке, а затем провел потребное умножение. Пример Вашингтона вдохновил меня на подсчет, сколько карточек, отражающих книги о нем, содержится в каталоге Нью-Йоркской публичной библиотеки. Я подсчитал: в одном дюйме — 77 карточек, затем измерил, сколько дюймов в ящике — 37 с половиной. Помножил и получил — 2997. Конечно, в это число входят только немногие книги из десятков тысяч публикаций, в которых речь идет о Вашингтоне и где он не является главным действующим лицом.

Флекснер, автор, как мы видели, самой авторитетной на наше время книги о Вашингтоне (в четырех томах), несомненно, знает дело. Однако он как-то упустил из виду, что те, кому адресован его труд, не посвящены в тонкости разнообразных концепций и интерпретаций относительно Вашингтона. Под пером Флекснера герой задолго до избрания его президентом предстает хозяином страны, вникающим во все детали — от военных дел, заниматься которыми ему полагалось по должности, до состояния предприятий, использования рек, развития путей сообщения и т. д. Наверное, все же такой взгляд отражает современное представление о прерогативах чудовищно разросшейся бюрократии, исполнительной власти в Соединенных Штатах, воплощенной, помимо прочего, в самом институте президентства, а не очерчивает круг деятельности Вашингтона, во всяком случае, до 1789 года. Очевидный и прискорбный случай модернизации истории.

Лукавый комплимент английского историка М. Каплиффа американскому коллеге, видимо, по недосмотру попавший на видное место — на суперобложку второго тома, в свете этого понятен: «Биография обещает наилучшим образом послужить нашему поколению». Споры продолжаются, возможности для них почти безграничны, ибо есть где развернуться.

Изобилие — самая трудная проблема, с которой сталкивается биограф Вашингтона. Ибо чаща книг — новые постоянно произрастают на гниющих останках прежних, подобно тропическим джунглям — скрыла за легендами и молитвами истинного Джорджа Вашингтона».

Пора, давно пора, соглашаются американские историки, извлечь живого Вашингтона из чащи, и не для того, чтобы поставить еще один памятник. Их более чем достаточно — пресловутый миллиардер Г. Хант увековечил резиденцию Вашингтона в Маунт-Верноне, соорудив себе точно такой дом в окрестностях Далласа, штат Техас. Только в пять раз больше по размерам. Американские историки скорбят, ибо нет книги о Вашингтоне, в которой бы в одной была заключена вся жизнь героя. «Можно надеяться, — вздыхает

Дж. Смит, — что скоро, наконец, появится полная, однотомная биография Вашингтона. На сегодняшний день, увы, ее нет».

Если так, тогда необходимость в компактной биографии Джорджа Вашингтона действительно назрела. Перепроизводство в Вашингтониане душит творческую мысль, не могущую найти выхода в однотомнике. Эти веские соображения и побудили автора взяться за написание именно компактной биографии Вашингтона.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

J Flexner, George Washington, v. 1—4. Boston, 1965—1972.
J. Flexner, Washington: The Indispensable Man, Boston 1969.
D. Freeman, George Washington, v. 1—7. New York, 1948—1957.
F. Bellamy, The Private Life of George Washington. New York, 1951.
S. Bemis, Jay's Treaty. New York, 1923.
M. Cunliff, George Washington: Man and Monument. New York, 1958.
F. Gilbert. To the Farewell Address: Ideas of Early American Foreign Policy. New York, 1961.
«Affectionately Yours, George Washington: A Self — Portrait in Letters of Friendship». Ed. by T. Fleming, New York, 1967.
S. Little, George Washington 1732—1799. New York, 1962.
S. Padover, The Washington Papers. New York, 1955.
B. Schwartz, George Washington, The Making of an American Symbol, N. Y. 1987.
L. Sears, George Washington and the French Revolution. New York, 1960.
«George Washington. A. Profile». Ed. by J. Smith, New York, 1969.
W. Wilson, George Washington. New York, 1969.
E. Wright, Washington and the American Revolution. New York, 1957.

Преступившие грань

ОТ АВТОРА

ПАРАЛИЗОВАННЫЙ ПРОРОК

СЫН МАССАЧУСЕТСА

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

НЕОКОНЧЕННАЯ ГЛАВА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОТ АВТОРА

Историку очень соблазнительно и увлекательно описать, как происходили события, особенно если речь идет о событиях, современных ему. Рассказ историка в таком случае особенно близок и понятен читателям, в конечном счете все они живут в одну эпоху. Профессиональное исследование современности, однако, ко многому обязывает — историк не конкурирует с публицистом, зачастую воздействующим главным образом на эмоции, а применяет известные научные методы, делает акцент на попытке показать, почему происходили события. Это различие обычно и отличает историческое исследование от публицистического очерка, пусть самого блестящего, а по размерам иной раз достигающего книги средней величины.

Советская американистика достаточно ярко осветила Соединенные Штаты 60-х годов. Особое внимание уделялось трагической судьбе братьев Кеннеди: старший, Джон, погиб, пробыв в в Белом доме тысячу с небольшим дней, а следующий по возрасту, Роберт, пал на относительно короткой дистанции на пути к возможному занятию президентского кресла — до выборов оставалось около 150 дней. Что это — случайность или заговор? Трудно сказать, получит ли современное поколение исчерпывающий ответ на этот интригующий вопрос.

Отсутствие ответа или спекулятивные предположения, однако, никогда не останавливали работы профессиональной исторической мысли. Можно с порога утверждать, что рок, преследовавший братьев Кеннеди, не причина, а следствие коренных процессов, происходящих в США. Если так, они вполне доступны нынешним методам исторического исследования. Профессиональный историк имеет в своем распоряжении отработанную и проверенную жизнью методологию, массу материалов, поток которых не иссякает, и, наконец, не последнее по важности, он опирается на здравый смысл. Короче говоря, анатомия американского общества не представляет загадки, окутанной тайной. Его можно и нужно изучать. Во всяком случае, возможна удовлетворительная интерпретация событий, потрясших США в 60-х годах.

Когда в январе 1969 года на пост президента вступил Ричард Никсон, в США не было недостатка в различного рода рекомендациях, как надлежит действовать новому правительству в лабиринте политических развалин, оставленных администрацией Л. Джонсона. Один из самых уважаемых тогда в США публицистов — У. Липпман откликнулся на приход Р. Никсона и республиканцев к власти статьей в «Нью-Йорк пост». Он заявил: «Дефляция, которую должен проводить Никсон, должна начаться с нашей внешней политики, ибо инфляция в этой политике

началась еще с тех пор, как президент Вильсон объявил, что наше вмешательство в первую мировую войну преследует цель не только защитить себя и атлантическое сообщество от агрессии, но и, кроме всего этого, сделать весь мир безопасным для демократии, которой в Азии, Африке, основной части Европы и Америки еще никогда не было. Эту вильсоновскую инфляцию продолжал Франклин Рузвельт, обещавший не только разгромить нацистов и японцев, но и освободить весь мир от «страха». Гарри Трумэн еще более раздул эту инфляцию, посвятив американские ресурсы и жизни защите антикоммунистов везде и всюду. Президент Кеннеди в своей речи при вступлении на пост президента превзошел все это. Линдон Джонсон поставил на карту все, что он имел, взявшись выполнить эти глупые обещания».

Но в годы первой мировой войны не кто иной, как У. Липпман, будучи доверенным советником президента, стоял у истоков «вильсоновской инфляции». Теперь, на склоне лет, публицист звал к другому: пусть Америка живет по средствам. Разумеется, трансформировалось не мировоззрение американской буржуазии, к которой принадлежала душа и перо Липпмана, а мир. Соединенные Штаты не всемогущи, как представлялось В. Вильсону, а мир преследует идеалы, отнюдь не совпадающие с американскими. Впрочем, все это общеизвестно, для целей данной работы представляет интерес другое — указание на роль идей Вильсона в формировании политического курса Соединенных Штатов, точнее методов руководства Вильсона.

Он был президентом в то время, когда Великий Октябрь открыл новую эру в истории человечества. Перед лицом сил новых и морально подавляющих Вильсон воззвал к миру капитала — объединяйтесь, проводите коренные изменения, иначе революция настигнет и вас. Набатный бой вильсонизма услышали, но он не пробудил самодовольное буржуазное общество, надеявшееся справиться с революцией традиционным средством — насилием, но не хлопотливой трансформацией своих основ. Какова бы ни была практическая конечная ценность рекомендаций В. Вильсона, он оказался непонятым пророком. Он надорвался, спасая в доступной ему сфере капитализм, был отвергнут власть имущими в США, разбит параличом и вскоре умер. Здание традиционалистского американского общества оставалось и после него в своей основе неприкосновенным, хотя Ф. Рузвельт основательно перестроил его надземные этажи.

4 октября 1957 года запуск первого в мире искусственного спутника Земли Советским Союзом и последующие наши успехи в освоении космоса вызвали повальный шок и панику в капиталистическом мире. Советский Союз в тот эпохальный год предстал лидером мирового научно-технического прогресса, что, заключили

мыслящие на Западе, отражало социальную систему нашей страны. В обстановке всеобщего замешательства раздался голос нового пророка — Джона Ф. Кеннеди. В иных исторических условиях он повторил призывы Вильсона, с трудом добился избрания президентом и стал действовать, спасая на свой лад обветшалые ценности капитализма. В интересах победы над социалистическим миром Д. Кеннеди попытался влить новую кровь в склерозированные артерии капиталистического порядка. Он предложил перестроить Америку сверху донизу, применив крутые методы руководства. Плечом к плечу с президентом Дж. Кеннеди за его идеалы дрался министр юстиции Р. Кеннеди, убежденный сторонник еще более решительного образа действия. Итог их деятельности — лишь острие клинка, который они пытались вбить, чтобы расколоть тяжелое на подъем американское буржуазное общество.

Теоретические воззрения В. Вильсона и Дж. Кеннеди не были результатом произвольных построений, а явились попыткой внести данные, добытые буржуазными общественными науками, в хаос капиталистической действительности. Оба они видели успехи новых сил — революции в 1917 году и социализма на рубеже 50-х и 60-х годов, справедливо считая, что переделка старого мира, начатая Великим Октябрем, идет по строго научному плану, выработанному революционной марксистско-ленинской теорией. Американские президенты, разумеется, отвергали марксизм, но поняли значение науки. Они стремились поставить свою американскую науку на службу капиталистическому государству, добиться синтеза научной теории и политической практики, мобилизовав лучшие умы на службу Вашингтону.

Еще до прихода в Белый дом сенатор Дж. Кеннеди сокрушался: «Сегодняшний американский писатель и ученый не только не знают, но и презирают работу в политике с энтузиазмом Вудро Вильсона». Далеко не случайно президент Дж. Кеннеди избрал местом произнесения своей известнейшей речи 10 июня 1963 года Американский университет в Вашингтоне. Напомнив о том, что президент В. Вильсон открыл этот университет в 1914 году, Дж. Кеннеди сказал: «Профессор Вудро Вильсон как-то заметил, что каждый выпускник университета должен принадлежать как своей стране, так и своему времени, и я убежден, что мужчины и женщины, удостоившиеся высокой чести быть выпущенными из этого университета, будут продолжать отдавать значительную часть своей жизни и талантов служению государству».

Служение государству — в этом суть вопроса, ключ к мировоззрению и политике, основанной В. Вильсоном и развитой братьями Кеннеди. Безукоризненное выполнение своих обязанностей перед государством на практике означало подчинение все и вся воле правящей верхушки, введение высокой дисциплины и при-

несение жертв, иной раз ощутимых, ради высших интересов класса капиталистов в целом. Только на этих путях Вильсон и братья Кеннеди усматривали возможность устоять перед лицом нового мира. Им, однако, не удалось совладать с людьми, с молоком матери всосавшими приверженность к капиталистическому строю в традиционном понимании — с его анархией производства и стремлением к наживе. Отсюда личная трагедия этих людей, до конца преданных делу капитала, — паралич В. Вильсона, убийство президента Дж. Кеннеди и гибель Р. Кеннеди, очень может быть, на пороге Белого дома.

Бесславный уход Вильсона в политическое небытие навсегда глубоко травмировал лично знавшего его Франклина Д. Рузвельта. Большой знаток его жизни профессор У. Лехтенбург напомнил в 1983 году слова биографа Рузвельта Р. Шервуда: «Тень Вудро Вильсона... стояла за его плечами», а от себя добавил: «После просмотра президентом фильма «Вильсон» в 1944 году его кровяное давление подскочило с 130 до катастрофических 240» [1]. Оно и понятно, Ф. Рузвельт за год до смерти, видимо, осознал: как была неподъемна Америка для Вильсона, такой она осталась спустя четверть столетия. Отсюда, от бессилия страшный подъем давления.

Примерно через другие двадцать пять лет, после убийства Дж. Кеннеди, его соратник, историк, профессор А. Шлезингер, сетовал в 1986 году: «Как решить генеральную проблему современного капитализма, обеспечить полную занятость без инфляции — по-прежнему загадка из загадок. Наши последние президенты — Форд, Картер, Рейган не смогли выдумать ничего другого для снижения инфляции, кроме введения массовой безработицы, а затем не нашли иных методов для стимулирования экономики, кроме инфляции. Администрация Рейгана снизила инфляцию ценой 11 миллионов безработных. Восстановление при нынешней структуре экономики приведет в конечном счете к новой инфляции. Мы в недавние времена уселись в чудовищный вагон на аттракционе американской горки — прибегаем к спаду для борьбы с инфляцией, а затем к инфляции для борьбы со спадом. Так ездить нельзя, не провалившись в ад. Единственный путь — сочетать высокую занятость со стабильными ценами — обратиться к мерам в области доходов, координируя зарплату, цены и прибыли с производительностью. Кеннеди понял это двадцать лет назад. Нам придется вернуться к его пониманию, если нам суждено покинуть этот вагон и вернуть стабильность в экономическую жизнь...

А между тем курс президента Кеннеди кажется экзотическим в самодовольной Америке Рональда Рейгана. Мы ненавидим стоны об униженных и бедняках. Мы ненавидим напоминания о вре-

монах, исполненных благородства и требовательных. Мы ненавидим самую идею, что мы не должны спрашивать, что наша страна может сделать для нас, а что мы можем сделать для нее. Коль скоро мы не можем вынести вызова, который олицетворял Кеннеди, мы укрылись в цинизме и унизительных сплетнях» [2].

По всей вероятности, эта эпоха все же уходит в прошлое, хотя остается открытым вопрос, не идет ли речь об очередном «цикле» в истории США. Еще один американский профессор истории, Р. Макелвен, по осени 1987 года анализируя «комплекс Кеннеди» на страницах «Нью-Йорк таймс», обнародовал свои выводы: «Большинство американцев обеспокоено и разочаровано панацеями правых, которые в последние 10 лет выдаются под обманчивыми ярлыками «консерватизма»... Совершенно очевидно требование выдвинуть вдохновляющего лидера, который сможет восстановить доверие к нашей политической системе... Опросы общественного мнения последних лет указывают: среди прошлых президентов громадное большинство американцев хотело бы видеть снова в Белом доме Джона Ф. Кеннеди». Но, предупреждает историк, нужен не какой-нибудь нынешний деятель, «читающий инаугурационную речь ДФК», ибо «коль скоро американцы хотят, и я верю в это, чтобы их еще позвали на «новую границу», то речь идет о проблемах, вызовах и возможностях девяностых, а не шестидесятых годов... Нужен президент, способный восстановить веру в наши институты и вдохновить нацию перспективами XXI века» [3].

Хотя как суждения Ф. Рузвельта, так и профессоров А. Шлезингера и Р. Макелвена окрашены в первом случае воспоминаниями о В. Вильсоне, а во втором — о Дж. Кеннеди, они подводят к идее, которую автор попытался воплотить в этой книге, а именно — тот строй нередко круто обходится с теми, кто, стремясь оставить в неприкосновенности здание капиталистического общества, пытается перестроить его фундамент. На первый взгляд парадоксальная постановка вопроса, но книга, надеется автор, убедит в ее правомерности.

ПАРАЛИЗОВАННЫЙ ПРОРОК

В 1917 году в России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Президентом Соединенных Штатов тогда был Вудро Вильсон (1913—1921 гг.). Подвиг российского пролетариата потряс до основания весь мир, а В. Вильсон был потрясен вдвойне. Если для большинства государственных деятелей Запада раскаты грома Великого Октября раздались неожиданно, то он давно пытался оценить густоту туч, собиравшихся над капитализмом. Вильсон не сомневался, что гром грянет, оставалось определить срок и место. Теперь дело прояснилось. Социальная революция вырвала из системы капитализма великую страну. Случившееся в далекой России породили общие условия, созданные в мире капитализмом. И в государстве, где правил В. Вильсон, — Соединенных Штатах в начале XX века назревало громадное недовольство существовавшими порядками. Был ли путь Октября заказан для США?

«ДОРОГА ОТ РЕВОЛЮЦИИ»

Еще до того как в Петрограде взвилось победоносное знамя российского пролетариата, В. Вильсон давал положительный ответ на этот вопрос. На близких подступах к своей политической карьере В. Вильсон в январе 1910 года выступил на банкете банкиров в Нью-Йорке. Обращаясь к ним и сидевшему рядом в президиуме Джону П. Моргану, В. Вильсон наставительно произнес: «Беда в том, что вы, банкиры, узколобы. Вы не знаете страны, что происходит в ней, а страна не доверяет вам... Вы, банкиры, не видите дальше своих непосредственных интересов... Вам следует шире взглянуть на вещи и усмотреть, что лучше для страны в конечном счете» [1].

Выдвинутый в 1912 году кандидатом в президенты от демократической партии, В. Вильсон по долгу и внутреннему убеждению бил тревогу: «Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что страна охвачена серьезнейшим недовольством? Можно ли сомневаться, что есть все основания для этого недовольства? И вот какие: сложилось нетерпимое положение... в последние годы наше правительство контролируется главами крупнейших корпораций». Положение масс ухудшается — «средний класс выжимается все больше и больше в результате процессов, которые мы называем процветанием... Мы все в лапах безжалостной громадной экономической системы... Законы страны не защищают слабых от сокрушения сильными».

Буржуазная демократия, рассуждал В. Вильсон, исчерпывает свои возможности в обстановке открытой и наглой

политической коррупции. «Люди говорят: «Мы голосуем, нам предлагают нужную платформу, мы выбираем человека, стоящего на этой платформе, и ничего не получаем». Поэтому они начинают спрашивать: «Какой смысл в голосовании? Мы знаем, что машины обеих партий субсидируют одни и те же люди и поэтому бесполезно обращаться к любой из них». Пролив безжалостный свет на политические порядки в США, В. Вильсон делал выводы на будущее, с его точки зрения, убедительные.

«Разве вы не знаете, — гремел он на предвыборных митингах, — что иные красноречивые, но бессовестные люди, которым безразлична судьба нации, могут ввергнуть страну в огонь. Разве вы не знаете, что весь народ считает: что-то делается неверно. И это дает возможность бессовестному человеку встать и сказать: «Вот — дорога. За мной!» — и повести по пути разрушения. Если так случится, тогда мы окажемся на пороге революции, да мы и стоим перед лицом революции» [2].

Кандидату в президенты в узкопрактических целях подобает быть бесстрашным, и уже по этой причине В. Вильсон, мужественно напрягая голос (микрофонов не было), возглашал: «Я не боюсь революции!» Так кем же был Вудро Вильсон? Мессией, провидцем? Вовсе нет. По основному роду занятий он был профессором истории и права. Но, усевшись в президентское кресло в Белом доме, В. Вильсон стал надзирать за постройкой по собственным чертежам поразительного сооружения, названного впоследствии им самим «Дорога от революции» [3].

По всей вероятности, он был единственным американским президентом XX века, пришедшим к власти с твердо очерченными взглядами на роль государства в жизни современного буржуазного общества. Вильсон верил и убежденно учил других, что только сильная государственная власть дает достаточный и разнообразный набор инструментов для претворения в жизнь политических программ. То было не внезапное озарение, а результат глубокого изучения и развития буржуазной политической науки. Человек, разделяющий ее постулаты, неизбежно становится интеллектуально свирепым и морально безразличным. Так случилось и с Вильсоном.

Происхождения В. Вильсон по американским меркам был самого благонадежного. Сын священника и дочери священника, он родился в штате Вирджиния 28 декабря 1856 года. В семье не угасал трепетный огонь кальвинизма, и отец, несший Слово прихожанам, в глазах маленького Томми Вильсона был образцом. Детство и юность В. Вильсона прошли на Юге во время гражданской войны и последующей Реконструкции. Его не слишком трогала сущность дела — впечатляла эффектность голой силы и возможность быть безжалостным. Тайфун «марша к морю» прошел

чуть ли не на глазах мальчика. Он видел, как соотечественники передрались насмерть, северяне вели войну против мирного населения Юга. В одной из ранних статей молодой Вильсон заметил: «Терпимость — неоценимый интеллектуальный дар, который, однако, почти бесполезен в политике. Политика — война убеждений, схватка принципов. Правление — слишком серьезное дело, чтобы допускать обмен бессодержательными любезностями». Таковы истоки его кредо.

А рано проснувшееся честолюбие терзало. «У меня неприятное ощущение, — признавался молодой человек, — внутри меня бушует вулкан. Единственное спасение — пусть меня полюбят... Никогда и нигде не было человека, для которого любовь была бы столь важна, как для меня» [4]. Вулканические страсти скромно материализовались в визитные карточки, на которых значилось: «Вудро Вильсон, сенатор от штата Вирджиния». Крылья фантазии подняли его не выше Капитолия. На деле Вильсон занимал куда более скромное положение: неудачно попытав свои силы в юридической практике, он избрал путь преподавателя в колледже. В 34 года он — профессор истории и права Принстонского университета.

Здесь, пусть в привилегированном учебном заведении, он нянчился со студентами, тщетно пытаясь пробудить интерес к науке у юношей, увлеченных спортом. А страной, по мнению профессора, правили ничтожные люди. «В восьми словах можно подвести итог деградации наших политических партий, — с отвращением писал он, — нет руководителей, нет принципов, нет партий, нет политики» [5]. Посещавшие его лекции в 1887—1897 годах подметили некую страсть, придававшую необычный накал академическому материалу. Он начинал оттачивать мастерство оратора, разъезжая с лекциями по стране и добиваясь искомой «любви».

Уже в начале 80-х годов он торжествующе заметил: «У меня появляется ощущение силы, когда я имею дело с массой людей». Однако при том уровне развития средств массовой коммуникации единственную возможность собрать вокруг себя громадную аудиторию давало печатное слово. В центре изысканий автора с самого начала — возможности государственной власти в организации общества.

Острое недовольство вызывала у Вильсона американская демократия и как она функционировала после гражданской войны. Конгресс и особенно его комитеты оттеснили исполнительную власть — кабинет и президента. Мучительные словопрения по необходимости подменяли быстрое принятие решений. В результате силы правящего класса были распылены, а в стране поднималось мощное движение, пестрое по окраске, но, несомненно, склонявшееся к социальному перевороту. Анархию в ведении государственных дел

необходимо преодолеть, размышлял он, обратившись к опыту английского господствующего класса, возложившего всю полноту исполнительной власти на кабинет, члены которого — депутаты парламента. Какая жалость, что отцы-пилигримы, отправившиеся за океан из Англии еще в начале XVII века, не захватили с собой парламентской мудрости родины.

Эти положения и составили суть книги В. Вильсона «Правление конгресса», вышедшей в 1885 году. Книга прославила автора и, по существу, стала самым известным из его трудов. Хотя предложенной автором конституционной реформы не последовало, книга к началу века выдержала пятнадцать изданий. К этому времени изменилось многое. США вступили на путь империализма, классовые конфликты в стране обострились. Соответственно автор корректировал взгляды на предмет своего исследования.

В XX век В. Вильсон принес свою книгу с существенными оговорками. В предисловии к 15-му изданию, вышедшему в 1900 году, он писал под свежим впечатлением первой войны за передел мира — американо-испанской войны: «Самые важные изменения, которые можно усмотреть, это — значение войны с Испанией для осуществления власти внутри нашей федеральной системы. Значительно увеличились власть и возможности для конструктивного руководства президента в результате нашего выхода на международную арену и необходимости управления отдаленными владениями».

Вильсон имел все основания торжествовать: захватническая война против Испании создала больше возможностей для осуществления его предложений, чем надеялся профессор. Еще недавно он рассуждал всего-навсего о важности кабинета, теперь же выдвинул на авансцену президента. Обнаружилось, что незачем менять обветшалые рамки конституции, она написана так общо, что без особых хлопот предоставляла президенту громадную свободу действий. «Президент США ныне, конечно, вершит все дела»[6], — с удовлетворением заключил В. Вильсон предисловие.

Приверженность принстонского профессора к доктрине сильной власти не укрылась от внимания тех, кто подбирает кандидатов на высшие политические посты в Америке, — незримого, по всесильного «истеблишмента». Вне всяких сомнений, именно там решили испытать деловые качества теоретика, громогласно твердившего о приятных во всех отношениях истинах.

В 1902 году его избрали президентом Принстонского университета. Он преуспел на первом в жизни административном посту, сумев поднять скромные распоряжения по внутреннему распорядку университета до уровня волнующего крестового похода. Вильсон распорядился расселить студентов по менее привилегированным общежитиям, за что

получил славу демократа. Спор о местонахождении колледжа для аспирантов ввел его в конфликт с опекунами университета (лицами состоятельными), отчего родилась популярность человека без страха и упрека. В эту борьбу он внес моральную страстность и вышел из нее поборником прав «простого человека».

Вероятно, В. Вильсон понимал, что пока его главное оружие — перо. Он написал около десятка книг, в том числе шеститомную «Историю американского народа», а в 1907 году выступил с последним курсом лекций, которые были опубликованы в 1908 году под заголовком «Конституционное правление в Соединенных Штатах». Оно заключается в том, открыл Вильсон, что президент — потенциально неоспоримый лидер правящей партии и выразитель национальных интересов. Президент, утверждал он, «является политическим вождем народа или имеет возможность стать таковым. Его избрала нация в целом, и совершенно очевидно, что страна не имеет иного политического руководителя. Только он может говорить языком всей нации. Стоит ему завоевать восхищение и доверие страны, и тогда никакая сила не сможет остановить его, ни одна коалиция в США не сумеет легко одолеть его... Если он правильно интерпретирует воззрения нации и смело настаивает на этой интерпретации, он непобедим» [7].

Партийные боссы не могли не оценить завидного постоянства профессорских взглядов и их рассудительного развития. Чтобы разобраться в хаосе, нагроможденном свободным предпринимательством, нужна была сильная рука, наводящая порядок в интересах класса капиталистов в целом. В этих условиях выбор В. Вильсона и переход его в сферу политики был логичен. В 1910 году его выбирают губернатором штата Нью-Джерси. На этом посту можно было продемонстрировать, какую участь речистый профессор готовил для всей страны. Вильсон оказался на высоте положения, пресек кое-какие лиходейства капитала в штате, которые вызывали недовольство всей капиталистической системой. Принятое по его инициативе легислатурой штата законодательство широко рекламировалось как забота о благополучии абстрактной социальной категории, названной «народом».

Политик буквально вырастал на глазах, облекая довольно крутые методы руководства изысканными рассуждениями о демократии и бессодержательными проклятиями в адрес крупного капитала. Если принять во внимание, что Вильсон еще вызвал из небытия милые сердцу американского либерала тени джефферсоновской демократии, тогда понятно, почему и необразованные боссы бездушной партийной машины не могли не отдать должного важности образования для государственного деятеля. Наверное, так и нужно, рассуждали они, в просвещенном XX веке. Инстинк-

тивно и не разбираясь в хитросплетениях учености, они понимали то, что не всегда видели прекраснодушные либералы, ослепленные словесной мозаикой В. Вильсона, — он все же был ближе к консерватору Э. Бёрке, чем к апостолу аграрной демократии Т. Джефферсону. Э. Бёрке, одобрительно заметил В. Вильсон по поводу его книги «Размышления о французской революции», показал, что «ненавидит французскую революционную философию и считает ее непригодной для свободных людей. Действительно, эта философия в корне порочна и развращающа. Ни одно государство не может строиться на ее принципах».

Вудро Вильсон говорил тогда о том, что государственную власть надо употребить для восстановления древних идеалов американского буржуазного общества. Иногда он выражался достаточно прозрачно: «Если бы я не считал, что задача прогрессиста состоит в сохранении наших коренных институтов, то я бы никогда не был прогрессистом». Попутно он изложил свои взгляды на способы обращения с крупным капиталом. Вильсон уподоблял гигантскую корпорацию автомобилю.

Если она злоупотребляет своим положением, то нужно наказывать не автомобиль (тысячи мелких акционеров), а безответственного водителя. «Чтобы реформы были настоящими и глубокими, — заверял Вильсон, — лучше законно посадить в тюрьму одного действительно ответственного человека, одного истинного организатора махинаций, противоречащих общественным интересам, чем обложить штрафами тысячу корпораций». Нет ничего удивительного, что к знамени, поднятому В. Вильсоном, монополисты сбегались толпами. У его древка они чувствовали себя в безопасности. Среди них были влиятельнейшие финансисты востока и запада страны, организованные полковником Д. Харви — издателем «Харперз уикли» и младшим партнером дома Моргана.

На выборах 1912 года усилиями крупного капитала и партийной машины демократической партии В. Вильсон был выдвинут в президенты Соединенных Штатов. Воспользовавшись расколом среди республиканцев, В. Вильсон уверенно провел кампанию под сверкающим лозунгом «Новой Свободы», специально отчеканенным интеллектуальными подмастерьями партии. Мастером был В. Вильсон, и публично он относительно точно взвесил содержание «Новой Свободы». «Что такое свобода?» — спрашивал В. Вильсон и тут же отвечал: «Вы говорите о паровозе, что он свободно движется. Что вы разумеете? Вы имеете в виду, что все части паровоза так собраны и приспособлены, что трение сведено до минимума, создана самая совершенная конструкция. Вы говорите о лодке, скользящей по воде: «Как свободно она идет!» — имея в виду, что лодка великолепно приспособлена к воде, прекрасно повинуется силе ветра...

Свобода в делах человеческих состоит в совершенном приспособлении друг к другу человеческих интересов, деятельности и энергии» [8].

В этом и состояла «Новая Свобода», по Вильсону, разумеется, расточительно украшенная и ссылками на «маленького человека», «демократию» и т. д. Бутафория увлекла избирателей. У. Липпман, кокетничавший тогда с социалистическими идеями, обнаружил, что «Новая Свобода» означала «усилия мелких бизнесменов и фермеров использовать правительство против крупной коллективной организации промышленности». Вильсонисты принимали и такую интерпретацию — куда важнее было практически отвести недовольство в каналы, открытые «Новой Свободой». Придя в Белый дом, В. Вильсон решил сам изложить свою программу в конгрессе. В духе христианских миссионеров он явился в Капитолий, неся Слово американцам, которых предстояло обратить в свою веру.

Неслыханное нарушение традиции, продержавшейся свыше 100 лет! В начале XIX века Т. Джефферсон установил прецедент — он считал, что личное обращение к конгрессу напоминает тронную речь монарха. Для Вильсона не прецедент, а собственные взгляды были много важнее. Разве не он утверждал в книге «Конституционное правление в Соединенных Штатах»: «Президент свободен по закону и по совести быть столь великим человеком, каким он только может. Президент выше конгресса, ибо за ним, а не конгрессом, стоит нация» [9]. Когда в назначенный день — 8 апреля 1913 года — Вильсон предстал перед объединенным заседанием американского конгресса, то в тоне его речи можно было безошибочно уловить мессианские нотки: «Я хочу своим появлением подтвердить, что президент Соединенных Штатов является живым человеком, а не просто неким правительственным ведомством, приветствующим конгресс с изолированного островка соперничающей власти».

В первое президентство В. Вильсон без больших хлопот провел в жизнь различные меры, именовавшиеся «Новой Свободой». В совокупности они были приступом к реорганизации законодательства и государственного управления в интересах крупного капитала. Речь шла главным образом о хозяйственной сфере, социальная область затрагивалась относительно мало. Вильсону США обязаны современной финансовой системой. Создание в 1913 году федеральной системы дало возможность мобилизовать финансовые ресурсы страны, более гибко приспосабливать денежный рынок к нуждам экономики. Тариф Уитервуда, введенный в 1913 году, уменьшил абсурдные ввозные пошлины. В 1914 году с большой помпой был принят антитрестовский закон Клейтона и учреждена межштатная торговая комиссия, что в какой-то мере обуздывало эксцессы в конкурентной борьбе монополий. Фермеры из рук президента получили закон,

установивший скромную систему кредитования в сельском хозяйстве.

Чаяния просвещенной части крупного капитала были удовлетворены, а Вильсон тем временем бдительно следил за тем, чтобы злоумышленники большого бизнеса не ускользнули от пропагандистского позорного столба. Что до социального законодательства, то был введен восьмичасовой рабочий день на железных дорогах национального значения (перед лицом угрозы всеобщей забастовки железнодорожников), установлена компенсация гражданским служащим и проведены некоторые другие меры. Пределы социального законодательства президента очень скоро определил Верховный суд, отменивший как неконституционный проведенный Вильсоном закон, запрещавший детский труд в промышленности. Бросая ретроспективный взгляд на деяния В. Вильсона и сравнивая их с его пламенными призывами, нетрудно заключить: «Дорога от революции» получалась не бог весть какая прочная.

Но суматоха вокруг «Новой Свободы», исполинское облако словесной пыли скрыли довольно скромные размеры сооружения, над которым усиленно трудился президентствовавший профессор. Проницательный современник заметил в статье в только-только входившем в моду у интеллигенции журнале «Нью рипаблик»: «Мистер Вильсон, по-видимому, принадлежит к тем людям, которые стряхивают с себя земную суету, стоит им взяться за перо. Они становятся ужасно благородными. Они пишут так, как могли бы писать монументы великих деятелей. Они пишут только на бронзе и, по крайней мере, на тысячелетия. Они не произносят ничего, что могло бы быть сочтено тривиальным в Судный День... Отличительное качество мышления мистера Вильсона — заставлять даже самые обычные вещи выглядеть абстракциями. Практически он понимает, что стоят идеи в реальном мире живых людей, в действительности он передает лишь весьма отдаленную картину этого мира. Его ум подобен огню, уничтожающему контуры предметов, на которые падает отблеск, — много света и различить можно очень немного!» [10].

Когда были написаны эти строки — в марте 1915 года, Европу уже сжигала война и ее дыхание, хотя значительно ослабленное Атлантикой, начало ощущаться в Соединенных Штатах. Грандиозный вооруженный конфликт за океаном поглощал внимание Вильсона. В том, что произошло в Старом Свете, он видел подтверждение своих соображений относительно развития человечества. «Новая Свобода» была, вне всяких его сомнений, нужна не одним Соединенным Штатам. Своему ближайшему другу и советнику, полковнику Хаузу, Вильсон открыл, что война «отбросит мир на три-четыре столетия назад», а американскому народу торжественно рекомендовал быть примером мира, «ибо мир

оказывает целительное и возвышенное влияние, смута же — нет».

Если для современного человека катаклизм, потрясший Европу в 1914 году, укладывается в схему, знакомую по учебникам, то для людей, живших тогда, вооруженный конфликт великих держав значил неизмеримо больше. Впервые со времен наполеоновских войн так называемая цивилизованная часть человечества слепо схватилась за оружие. На глазах рассыпался призрачный прогресс буржуазного общества. Марксисты, опиравшиеся на научный анализ общих тенденций развития капитализма, давно предсказывали такой исход. Вильсон, разумеется, не имевший ничего общего с марксизмом, был, однако, ученым. Как таковой, он не мог не видеть совершенно очевидных фактов, о которых заявил не в то время, а спустя несколько лет, уже по завершении первой мировой войны.

Выступая на митинге в Сент-Луисе 5 сентября 1919 года, президент говорил: «Сограждане! Найдется ли среди вас здесь хоть один мужчина, хоть одна женщина или даже ребенок, кто бы не знал, что семена войны в современном мире порождены промышленным и коммерческим соперничеством? Истинная причина закончившейся войны заключалась в том, что Германия опасалась, что ее коммерческие соперники возьмут верх над ней, а причина, почему некоторые державы пошли войной на Германию, сводилась к тому, что они опасались торгового преобладания Германии над ними... Эта война началась как торговая и промышленная, а не политическая война». Иными словами, когда державы Антанты и США победили своих противников, В. Вильсон признал, что война зародилась в недрах капиталистической системы, среди государств с однотипным социально-экономическим устройством.

Понимая все это в 1914 году не хуже, чем в 1919 году, Вильсон тогда по понятным причинам не довел до сведения страны открытие, сделанное по завершении конфликта. В мире, отравленном шовинизмом, он предпочел говорить о другом. Хотя он частным образом отозвался о попытках великих держав решить свои споры силой как о «пьяной драке в публичном доме» [11], гласно он выразил надежду, что Старый Свет обратится к Соединенным Штатам «за тем моральным вдохновением, которое лежит в основе свободы». Державы Антанты, однако, нуждались не в постных проповедях, а в материальных средствах для ведения боевых действий. Они и обратились за ними к США. Американский капитал, почувствовав возможность неслыханной наживы, с готовностью откликнулся на просьбы противников Германии. Соединенные Штаты и пошли с Антантой, не говоря уже о том, что американские монополии имели давние счеты с немецкими.

Разве мог Вильсон выступить против этого? В 1914 году,

обозревая успехи «Новой Свободы», он торжественно провозгласил: «С антагонизмом бизнеса и правительства покончено». Американские промышленники тем временем стремительно превращались в фабрикантов смерти. Прискорбно с моральной точки зрения, но полезно для развития США. Расширение операций американских бизнесменов было постоянной заботой президента. С юности горячий приверженец теории «границы» американского историка Ф. Тернера, объяснявшего развитие США благотворными последствиями экспансии, Вильсон неустанно твердил о необходимости все дальше и дальше продвигать американскую «границу». Термин этот понимался и применялся им не в буквальном смысле, а означал расширение сферы финансово-экономического господства США, нашедшего воплощение в доктрине «открытых дверей». Коль скоро американская «граница» достигла естественных пределов — побережий Атлантического и Тихого океанов, нужно распахнуть настежь двери заморских рынков.

Еще в период президентской кампании 1912 года В. Вильсон, оплакивая американский «провинциализм», учил своих горячих приверженцев — прогрессистов: «По почти неизбежным причинам благосостояние является результатом роста промышленности и торговли... Внутренний рынок ограничен... Короче говоря, мы достигли критической стадии в процессе создания нашего благосостояния... Если США не получат больших иностранных рынков, все рухнет. Тогда в стране начнется столпотворение, а это будет иметь фатальные экономические последствия». Собрав как-то в восточном зале Белого дома членов национальной ассоциации внешней торговли, он заверил избранную аудиторию, что «одна из дражайших забот сердца нашего — справедливое завоевание внешних рынков». В этом, подчеркнул президент, правительство «будет сотрудничать теснейшим образом в достижении нашей общей цели» [12].

Война невиданными темпами двинула дело, «дражайшее» сердцу президента. Неслыханное кровопролитие в Европе резко повысило деловую активность в стране, поток военных заказов увеличил занятость и заработки. «Новая Свобода» получила мощное подкрепление. Но державы Антанты не могли оплатить свои закупки звонкой монетой, война требовала громадного количества вооружения, товаров и сырья. Они обратились к США с просьбой о займах. Тогдашний государственный секретарь У. Брайен, серьезно относившийся к доктринам Вильсона, выступил против предоставления займов, ибо «деньги — худший вид контрабанды, они господствуют над всем». Но он, не сумев убедить правительство, «ушел» в отставку. Другие советы имели больший вес в глазах президента.

В августе 1915 года министр финансов Мак Аду писал ему: «Грядет великое процветание, которое невероятно воз-

растет, если мы предоставим разумные кредиты нашим покупателям... Чтобы поддержать наше процветание, мы должны финансировать его. В противном случае ему придет конец и нас постигнет катастрофа». Лансинг, вскоре вознагражденный портфелем государственного секретаря за уместные советы, указывал: «Если европейские державы не изыщут средств для платежей... они будут вынуждены прекратить закупки, пропорционально сократится и наша внешняя торговля. В результате уменьшится промышленное производство, возникнет депрессия, появится излишний капитал и излишний труд, последуют многочисленные банкротства, воцарится финансовая деморализация, всеобщее беспокойство и страдания среди трудящихся классов». Вильсон согласился с доводами советников, вполне отвечавшими его личным убеждениям. Он произнес несколько речей о важности «нейтралитета» США и разрешил открыть кредиты державам Антанты.

Тем временем Вильсон обдумывал, как использовать кафедру президента, чтобы просветить мир относительно истинных интересов человечества. Взаимное, страшное избиение в Европе вдохнуло в него уверенность, что мессианский призыв будет принят с должным вниманием. Заверив американцев, что США «слишком горды, чтобы воевать», и добившись в 1916 году переизбрания президентом под лозунгом «Он удержал нас от войны», Вильсон в идентичных нотах, обращенных 18 декабря 1916 года к обеим воюющим сторонам, потребовал сообщить их цели войны. Государственные деятели и дипломаты держав Антанты были потрясены до глубины души — президент хладнокровно констатировал в документе: «Цели, которые имеют в виду политики обеих сторон в этой войне, практически не отличаются друг от друга...» Неслыханно! Ведь солдаты Антанты умирают, чтобы защитить цивилизацию от гуннов!.. Как «защитники» цивилизации, так и германские «варвары» ограничились бессодержательными ответами.

22 января 1917 года Вильсон прочитал речь, обращенную к сенату, а точнее к миру. Он заявил, что необходимо создать Лигу Наций с обязательным участием «народов Нового Света». Он предложил: «Все нации должны единогласно принять доктрину президента Монро как доктрину всего мира», а пока «заключить мир без победы». Внушительная формулировка, означавшая только одно: не сделав ни одного выстрела, США хотели победить. Не преувеличение ли, не произвольная ли интерпретация речи Вильсона? Вовсе нет. Он твердо закончил свое выступление: «Это американские принципы, американская политика. Мы не можем поддерживать никаких других. Это также является принципами и политикой передовых людей везде, любой передовой нации, любой просвещенной общины. Это принципы всего человечества, и они должны возобладать» [13].

Хотя сикофанты объявили проповедь Вильсона самым благородным выступлением со времени Декларации независимости, правительства европейских держав, которые вели гигантскую войну, серьезно не отнеслись к эстравагантному заявлению заокеанского оракула. Хорошо обученные и обучавшиеся ежедневно в школе войны, они были политическими реалистами, не считавшимися с претензиями, не подкрепленными силой. Империалисты сцепились в смертельной схватке за осязаемые интересы, а не за торжество «американских принципов», которые нужно было не провозглашать, а отвоевывать с оружием в руках.

Тем временем положение на фронтах становилось для Антанты тревожным. В случае ее поражения США ожидала ненависть победителей и побежденных. Удручающая перспектива. В Вашингтоне понимали, что придется выступить, пусть под флагом неких принципов, но в действительности руководствуясь весьма прозаическими соображениями. Вильсон сильно возмущался неограниченной подводной войной, начатой Германией. «Страшное варварство», — говорил он американцам. Посол США в Лондоне Пейдж в телеграмме 5 марта 1917 года, получившей впоследствии большую известность, представил события в должной перспективе: «Вероятно, — сообщал он, — вступление в войну — единственный способ сохранения нашего преобладающего положения в торговле и предотвращения паники. Подводные лодки добавили последнюю каплю к опасности международного финансового краха».

6 апреля 1917 года Вильсон потребовал от конгресса признать состояние войны, «навязанной» Соединенным Штатам Германией. Много внимания президент уделил предотвращению угрозы подводных лодок американскому судоходству. Но Соединенные Штаты шли на войну не под узким лозунгом «сделать моря безопасными от подводных лодок» (собственно, только этим кайзер и досадил США), а под внушительным штандартом — «сделать мир безопасным для демократии», подразумевая под этим торжество прокламированных принципов.

Америка выступила в «Великий крестовый поход». О добровольном наборе рати крестоносцев и думать не приходилось, в те времена в США с отвращением и ужасом относились к воинской повинности. Вильсон потребовал ввести ее. Спикер палаты представителей Ч. Кларк чистосердечно признался: «У нас в Миссури мы не видим большой разницы между военнообязанным и осужденным». Закон прошел. Управление военного производства, возглавленное мультимиллионером Б. Барухом, установило почти диктаторский контроль над промышленностью. Там выполняли патриотический долг с оплатой доллар в год крупнейшие монополисты. Вильсон обрушил словесные молнии на тех, кто жаждал военной наживы. Люди «по доллару в год» помалкивали, приумножая

свои прибыли; в США за годы войны появилось свыше двух тысяч новых миллионеров.

Но накапливать приходилось все же осмотрительно, обращаясь на каждом шагу к корпоративным юристам. Еще по 13-й поправке к конституции, вступившей в силу в 1913 году, Вильсон добился введения в США наконец подоходного налога, теперь, в войну, он куда утяжелил руку фискального сыска. Были введены прогрессивное налогообложение, налог на наследство и налог на сверхприбыль. Индивидуального капиталиста, попавшего в сети налоговой инспекции, не слишком утешало, что Вильсон действовал в интересах эксплуататорского класса в целом.

В войне, надеялся В. Вильсон, родится новая страна. Хотя действительный фронт лежал по ту сторону Атлантики, интеллигентный президент с откуда только взявшейся солдатской прямотой стал насаждать в стране казарменные нравы худшего образца. Одному видному публицисту Вильсон очень спокойно растолковал: «Стоит повести наш народ на войну, как он забудет, что терпимость вообще существует на этом свете. Чтобы воевать, нужно быть зверски трубым и беспощадным, дух зверской беспощадности повсеместно проникает в жизнь нации, заразит конгресс, суды, полицию, рядового человека». Президент, ужаснулся публицист, считал, что конституция, свобода слова и собраний не выживут в этой войне [14]. По чрезвычайному закону о шпионаже 1917 года федеральные суды осудили свыше тысячи человек. Федеральные законы и законы штатов, принятые в войну, создали такую атмосферу, когда любая критика администрации Вильсона могла повлечь за собой судебное преследование и неизбежный приговор. На предприятия и в организации засылались шпики, провоцировавшие выступления, за которые арестовывали и избивали. Органы правопорядка первыми нарушали закон.

Вакханалия судебного и полицейского произвола увенчалась созданием министерством юстиции Лиги защиты Америки, насчитывавшей к концу войны 250 тысяч членов. Лига, по словам исследователя вопроса, «представляла собой всегонавсего организованную правительством толпу линчевателей, которая гордо, собственноручно, скоро и зверски отправляла закон. Лига специализировалась не на преследовании лиц в установленном законом порядке, а на прямой профилактике, используя для этого деготь и перья, избивая людей и заставляя их целовать государственный флаг» [15]. Вопли инакомыслящих и невинных жертв карающего патриотизма заглушал рев невероятной пропагандистской машины: с пулеметной быстротой и методичностью Комитет общественной информации Д. Крила затоплял США и мир потоком ура-шовинистической литературы.

Профессор-президент бесстрастно председательствовал на оргии произвола, увядали традиционно перехваленные бур-

жуазно-демократические свободы и угасали надежды. Гордый и суровый человек, каким он был, президент меланхолически заметил в тесном кругу: «Нельзя одновременно воевать с Германией и сохранять идеи, которые разделяют все мыслящие люди... Для нас это было бы слишком». Трескучую лекцию английскому послу президент заключил: основная задача правительства — предотвратить «разногласия» в стране, «вопрос заключается не в том, что правильно с абстрактной точки зрения, сколько в том, что возможно с точки зрения народа». «Какой народ? Что за чепуха!» — возмутился молодой Г. Икес, с религиозным трепетом поклонявшийся президенту. Он пробился к занятому по горло Вильсону и спросил: «Вы разве не видите, что возникает ненависть, глупость, реакция, все, что противно вашим целям?» Вильсон спокойно ответил: «Ты молод, Икес. Когда тебе будет столько лет, сколько мне, и ты познакомишься с жизнью страны, то поймешь — народ терпит, терпит долго, но не бесконечно» [16].

По свершавшемуся тогда в Соединенных Штатах было видно, в какое будущее президент возжелал повести американцев, а заодно все человечество. Он стремился внести дисциплину, как она ему представлялась, в дела человеческие. Тяжкий и непосильный труд для смертного. Вильсон же, по всей вероятности, полагал, что ноша окажется по плечу; если умело распределить ее среди тех, кто материально воплотит его идеалы. Носильщики были под рукой: в бесчисленных лагерях в США месили грязь или задыхались в пыли новобранцы разворачивавшейся американской экспедиционной армии, в Европе в кровавых траншеях воевали союзники — английские, французские, итальянские и русские солдаты. Мысль, как таковая, не обладает энергией, но воплощенная в десятках миллионов штыков — неотразимый по убедительности аргумент. Дело известное. «Последний довод короля» — когда-то чеканили на бронзовых пушках оружейники феодальных владык.

Оставалось немногое — воплотить возвышенно-земной замысел в жизнь, подыскав средства, соответствовавшие духовной цели. Таковые были разработаны и проверены за время существования Нового Света на старой планете. Американская буржуазия оказалась первой среди равных собратьев по классу не из-за своей пресловутой мудрости (страсть к наживе не бог весть какое сложное чувство), а потому, что умело использовала противоречия среди других держав. Политика «баланса сил» (двое дерутся, третий радуется), или «разделяй и властвуй», была всегда альфой и омегой Вашингтона. Благочестивые американские буржуа с ужасом отзывались о кровавых схватках в Европе и Азии, не забывая набивать карманы деньгами, торгуя с обеими враждовавшими сторонами. Привлекали их и не менее важные выгоды — противники истощали друг друга. Великая война, как

она тогда называлась, открыла в этом отношении головокружительные перспективы. В Вашингтоне, связавшем свою судьбу с Антантой, не сомневались как в конечной ее победе, так и в том, что союзники придут к победе обескровленными до синевы. Тогда удастся продиктовать свои условия, воплотить в жизнь американские принципы во всем объеме и во всем мире.

Собственно, к тому дело и шло, если бы империалисты были властны над судьбами народов.

Враждующие коалиции захлебывались в крови, дрались за место под солнцем. Но среди трудящихся масс шла подспудная работа, они отвергали капиталистические порядки, навлекшие на человечество неслыханные страдания. Заурядный американский профессор, давно заметивший это, взялся строить «Дорогу от революции», незаурядный русский народ, имевший за плечами многие десятилетия революционной борьбы, задумал стереть с лица земли капиталистические порядки. Партия большевиков указала путь и возглавила это массовое движение. Великий Октябрь испепелил двухмерный мир капитализма, человечество получило возможность жить в подлинном, трехмерном мире. Впервые на одной шестой части земли человек, согнутый эксплуататором, поднялся во весь рост и бросил вызов силам старого порядка.

Победа Великого Октября открыла новые перспективы перед человечеством и спасла мировую цивилизацию. Русский народ стал выполнять свою великую историческую миссию. Вступление передовой части человечества на путь коренного преобразования общества никак не устраивало мировую буржуазию. Эксплуататорские классы не могли испытывать к русскому Октябрю и его последствиям ничего, кроме лютой ненависти. Мировоззрение В. Вильсона не ограничивалось узкими рамками плоского буржуазного мышления, поэтому в отличие от капиталистических дубогрызов в его реакции на совершившееся в России было много больше, чем одна ненависть. По должности он мог не только выражать эмоции, но и предпринимать разнообразные действия.

ПРЕЗИДЕНТ «АРХАНГЕЛЬСКОГО НАБЕГА И СИБИРСКОГО ВТОРЖЕНИЯ»

Первая мировая война в корне подорвала доверие к историческому прогрессу, ставшее общим достоянием либеральной мысли на рассвете XX века. В том, что история выполняет некий скрытый гуманистический план, в те далекие годы сомнений не возникало. В жуткой трясине кровавой бойни, учиненной империализмом, исчезли без следа иллюзии, бессмысленное избиение миллионов людей никак не укладывалось ни в одну схему прогресса. С отталкивающей очевидностью выяснилось, что все без исключения модели

исторического прогресса, разработанные и тщательно отделанные как позитивистами, так и философами идеалистического толка, были лишь ярко окрашенными игрушками, далеко не отображавшими зверской жестокости реального мира. Образовался глубокий духовный вакуум. Природа не терпит пустоты, и с годами адепты западного мировоззрения попытались заполнить зияющую пустоту. Пришли Шпенглер и Ясперс в философию, в области изящной словесности прозвучали имена Ремарка и Хемингуэя. При всем различии исходных посылок и выводов всех их роднило одно — стремление понять смысл громадной катастрофы, разразившейся над головой цивилизованного человека.

До появления этих и иных объяснений должно было пройти время, а оно неизбежно работало в пользу новых сил, пробужденных Октябрем в России осенью 1917 года. Идеи марксизма-ленинизма в действии дали немедленный ответ на вопросы, поставленные мировым кризисом. Вильсон оказался среди немногих мыслителей Запада и еще меньшего числа западных государственных деятелей, сообразивших, что в самых насущных интересах капитализма также нужен немедленный собственный ответ. Ему было много легче так считать, чем другим лидерам мира капитала, исходная точка вильсоновского отсчета была давно вынесена вперед — еще в бытность профессором он мысленно рвался встретить революцию на дальних подступах, а, прорвавшись в Белый дом, получил материальную возможность выступить в поход против нее. Ненавистная ему революция воплотилась в России. Без малейшего промедления нужно ударить по революционному плацдарму! Но как?

Для закоренелых милитаристов проблема была ясна — двинуть превосходящую военную мощь. Хотя Вильсон никогда не отвергал этого пути и далеко прошел по нему, он понял, разумеется, до конца не сразу, что военные средства не решают даже значительной части проблемы, порожденной социальной лавиной, получившей первоначальный толчок в России. Полное понимание этого пришло не сразу. Иначе и быть не могло — президент оставался всего-навсего профессором, познания которого не были неограниченными. Более того, занятый практической политикой, он подотстал в теории. В канун Октября, в 1916 году, Вильсон откровенно признался: «За последние четырнадцать лет я не прочел до конца ни одной серьезной книги» [17]. Здесь нет необходимости прослеживать мучительный процесс обучения ученого, достаточно сообщить конечный результат.

На пороге могилы, в августе 1923 года, В. Вильсон напечатал в «Атлантик мансли» статью «Как избежать революции». Автор все еще решал перешенный вопрос: «Всеобщее беспокойство и смута должны иметь реальные причины. Они не сводятся к политической жизни или простым экономическим промахам. Причины, вероятно, коренятся глубоко — в

истоках духовной жизни нашего времени... Почему случилась революция в России? Единственный ответ: она была продуктом всей социальной системы... Революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди»[18]. Сказано ясно. Беда в том, что признание очевидного оказалось возможным лишь тогда, когда против народов России безуспешно испробовали все средства борьбы, в том числе военные, принесшие неисчислимые жертвы и лишения стране, и без того измученной империалистической войной.

Ленинская партия выдвинула программу демократического мира, получившую могучий отклик во всех уголках мира. Откликнулся и В. Вильсон, огласивший в послании конгрессу 8 января 1918 года свои 14 основных принципов мирного урегулирования. Президент императивно заявил, что это «единственно возможная программа». Очевидно, направленная на ловлю душ, она была попыткой дать немедленный ответ на усилия большевиков в пользу мира. Риторика послания была необычной. Было даже заявлено: «Мы почитаем себя близкими друзьями всех народов и правительств, объединившихся против империализма». Он призвал к отмене тайной дипломатии, свободе морей, снятию таможенных барьеров, изменению границ по этническому принципу, созданию Лиги Наций и высказал много других прекрасных пожеланий.

Народам России обещалась полная свобода в определении своей судьбы, а пункт 6 послания, посвященный «русской проблеме», заканчивался поистине в лирических тонах: «Отношение сестер-наций к России в грядущие месяцы будет пробным камнем их доброй воли, их понимания ее нужд в отличие от их собственных интересов, их просвещенной и бескорыстной симпатии». Оставались сущие пустяки — подкрепить слова делами. Они последовали: Соединенные Штаты вступили в ряды участников антисоветской интервенции. Именно Вильсон послал американские войска сражаться против народов России, свергнувших старый строй. Он, наконец, схватился с ненавистной революцией, однако, сохраняя лицо, попытался изобразить дело так, будто борется всего лишь за восстановление восточного фронта. В результате возникла коллизия между декларированными целями и практической политикой Вашингтона.

Вооруженное вмешательство во внутренние дела России державы Антанты и США объясняли тем, что они стремятся побудить страну к продолжению войны, а также не допустить захвата немцами военных запасов, завезенных царским и Временным правительствами и сосредоточенных в районах Мурманска и Архангельска. Россия вышла из войны как раз в то время, когда Соединенные Штаты готовились впервые принять участие в широких боевых действиях.

По чисто стратегическим соображениям, в первую очередь ради сохранения жизней американских солдат, восстановление восточного фронта представлялось неотложным. Тот факт, что это неизбежно повлекло бы за собой новые жертвы для народов России, американские штабисты, естественно, во внимание не принимали. Они были озабочены обеспечением прежде всего и исключительно интересов США.

Считая вовлечение России в боевые действия, безусловно, необходимым, высшее командование американских вооруженных сил, однако, не входило в рассмотрение, по существу, путей достижения этого, оставив изыскание методов и средств на долю политиков. Иначе и быть не могло — американские штабы, имея на руках глобальную, коалиционную войну, не были властны определять не только политику партнеров США — Англии, Франции, Италии и Японии, но и действия собственного правительства. Военное мышление, не отличаясь широтой, достаточно конкретно. По этой причине американские военные руководители были крайне изумлены, когда им свыше сообщили, что посылка войск на север и восток России облегчит победу над державами германского блока. Они инстинктивно почувствовали, что произошло чрезвычайно редкое событие — военные вплотную соприкоснулись с высокой политикой. Поскольку в дело был прямо замешан президент, оставалось только судачить относительно истинных целей Белого дома.

Примерно в таком духе и жаловался военный министр Н. Бейкер в доверительном письме 8 июля 1918 года начальнику штаба американской армии генералу Т. Блиссу. Говорят, писал он, что «нужно что-то сделать, чтобы сломать тупик, образовавшийся на западном фронте, и если этого невозможно добиться, то следует что-то предпринять в Сибири или другом месте. Я считаю, что это очень опасная доктрина и в корне неверная позиция. Я не вижу, как можно завершить войну, досаждая Германии в других странах, а не нанеся удара прямо по ней... Я не усматриваю никаких надежд на спасение в экспедиции любого состава и любого размера, которая не будет иметь никаких шансов пройти дальше Иркутска. Я заметил лорду Ридингу, что Иркутск отделяют от русского фронта многие тысячи миль и поэтому экспедиция будет совершенно бесплодна. На это он ответил: «Иркутск ближе, чем Владивосток». Я же возразил, что это звучит примерно так, когда говорят: человек, забравшийся на крышу своего дома, ближе к Луне, хотя на деле он столь же далек от нее и у него нет никаких шансов попасть туда... Каждый солдат, каждый корабль, которые будут отвлечены с западного фронта, уменьшат совокупную союзную мощь, как и любая экспедиция в другую часть мира усилит предрасположение союзников ограничиваться только удержанием западного фронта в ожидании развития событий в других местах».

9 июля Н. Бейкер в телеграмме Т. Блиссу обескураженно сообщает: «Генерал Марч и я совещались с президентом относительно экспедиции в Мурманск. Как мы поняли, постоянные военные представители (держав Антанты. — *Н. Я.*) единодушно рекомендуют, чтобы экспедиция состоялась, как было намечено. Никто из нас не может усмотреть военной ценности в этих действиях, и мы полагаем, что это решение продиктовано иными соображениями» [19]. Военный министр был совершенно прав: В. Вильсоном двигали «иные соображения», носившие столь неприглядный характер, что апостол «демократии» не мог объявить о них не только миру, но и собственным генералам. Он, пресвитерианин, любивший толковать о материях духовных, вознамерился силой оружия подавить мощь освободительных идей.

Все же было необходимо как-то растолковать, к чему, собственно, стремились Соединенные Штаты. 17 мая 1918 года государственный секретарь Р. Лансинг разослал послам держав Антанты меморандум, дававший «объяснение» американской политике. В меморандуме заявлялось: «Правительство Соединенных Штатов после длительного и тщательного рассмотрения всей обстановки в России пришло к ясному и твердому убеждению, что военная интервенция усилит, а не исцелит нынешнее прискорбное смятение в России, нанесет ей ущерб, а не излечит ее, не принесет никакой пользы в достижении нашей главной цели — победы над Германией. Поэтому правительство США не может ни принять участия в интервенции, ни санкционировать ее в принципе». Великолепная декларация! Только к этому времени американские интервенты уже высадились в Мурманске и Архангельске, завершались последние приготовления к отправке экспедиционного корпуса генерала Л. Грэвса на советский Дальний Восток, а представители США в России по уши погрязли в подрывной работе, делая все, чтобы организовать контрреволюцию.

Меморандум, однако, примечателен не только лицемерием, он проливает свет и на комплексный подход В. Вильсона к борьбе против молодой Республики Советов. Президент отвел первое место силе, однако одновременно заявил: США «при первой же возможности отправят в Сибирь комиссию в составе торговцев, экспертов по сельскому хозяйству, советников по труду, представителей Красного Креста, агентов Молодежной христианской ассоциации, искусных в распространении полезной информации, оказании содействия в деле просвещения, чтобы в скромных масштабах какими-то систематическими методами облегчить неотложные экономические нужды народа. Выполнение этого плана последует за военной помощью, с тем чтобы никоим образом не воспрепятствовать ведению военных операций» [20].

Иностранные интервенты сделали все, чтобы раздуть в России гражданскую войну, фронт которой прошел через

всю территорию Республики. Советский народ с оружием в руках отстаивал свою свободу и независимость, великие завоевания Октября. Дипломаты революции прекрасно понимали, что речистый президент США находится в числе самых лютых врагов Советской власти. 24 октября 1918 года НКИД РСФСР направил ноту, персонально адресованную президенту США Вильсону. В стиле тех огненных лет в документе изобличалось фарисейство президента. Перечислив заявления Вильсона о «дружбе» к русскому народу, составители документа, подписанного Г. В. Чичериным, указывали: «Оживление русской контрреволюции, которая сама уже превратилась в труп, попытки восстановить путем насилия ее кровавое господство над русским народом — вот что последний испытал вместо содействия беспрепятственному выражению его воли, которое было обещано ему, господин президент, в Ваших заявлениях» [21].

Советское правительство многократно предлагало США, как и другим державам Антанты, заключить мир. Но они упорствовали, оказывая все возрастающую помощь российской контрреволюции. После победы над Германией и установления 11 ноября 1918 года перемирия отпал первоначальный повод для интервенции против Советской России. Отныне стало очевидным, что главная причина участия США в вооруженной борьбе с советским народом — ненависть к революции, желание восстановить старый порядок. Очень скоро обнаружилось крайне прискорбное для Вашингтона обстоятельство — солдаты Антанты и США, посланные в Советскую Россию, не желали сражаться. Идеи большевизма, овладевшие массами в России, заражали интервенционистские войска, перешагнули через границы страны и усилили революционный подъем в мире, которым ознаменовалось окончание первой мировой войны. Народы не хотели больше войны, жаждали крутых перемен.

Проблемы, как виделось Вильсону, стремительно нагромождались: победоносное развитие революции, необходимость мирного урегулирования с вчерашним противником и достижение победы над недавними союзниками, социальные беспорядки и политическое разномыслие в США. Старый мир крутился в бешеном водовороте. Вильсон, по всей вероятности, считал себя умелым лоцманом, способным выправить курс. Когда в январе 1919 года в Париже собралась мирная конференция, Вильсон, нарушив все традиции (до тех пор ни один американский президент не выезжал из страны), явился в Париж, чтобы возглавить мир. Серьезность президента, с какой он приступил к делу, возмутила и насмешила даже его партнеров за столом мирной конференции, практических политиков. Французский премьер «тигр» Клемансо с издевкой заметил: «Бог даровал нам десять заповедей, а мы нарушили их. Вильсон дарует нам свои 14 основных принципов — посмотрим!»

Только взяв в соображение давний обычай ведущих американских государственных людей ассоциировать себя с высшими силами (не укрывшийся от внимания язвительного Клемансо!), можно уверовать в искренность президента. Он был убежден, что претворение в жизнь его 14 основных принципов исправит грешный мир, а главное — откроет дорогу для торжества целомудренной Америки. Он на свежем опыте смог убедиться, что возможности голой силы ограничены, и мучительно бился над проблемой, как же изыскать средства для нанесения поражения революции. Все, решительно все он подчинил этой цели. Накануне отъезда в Европу Вильсон доверился представителю английского правительства: «Призрак большевизма таится везде... Во всем мире серьезнейшее беспокойство. В США также появились симптомы этого, которые очевидны, хотя пока не опасны». В Париже в штаб-квартире антисоветской интервенции перед президентом разложили планы, сводившиеся к одному — вооруженной рукой раздавить Советскую Республику.

27 марта 1919 года совету четырех Парижской мирной конференции был представлен шедевр штабной мысли — маршал Фош огласил очередной план: войска Антанты и США должны остановить революционную волну, исходившую из России. Вильсон скрупулезно изучил план, карты, где жирные стрелы поражали большевизм в самое сердце, а затем произнес сентенцию, отдававшую отнюдь не военной мудростью: «Слово «большевизм» означает множество различных вещей. По моему мнению, попытка остановить революционное движение, выдвинув армии, равносильна попытке остановить метлой половодье. Более того, армии, получившие приказ сражаться с большевизмом, могут заразиться им. Между силами, которые мы намереваемся использовать друг против друга, существует сочувствие. Единственный способ действия против большевизма — заставить уничтожить его причины... Это, однако, невероятно трудно, мы даже не знаем точно его причин» [22]. Хотя план был отвергнут, Вильсон не собирался бездействовать, напротив, он трудился с бешеной энергией на всех фронтах борьбы против освободительного движения.

По мере успехов Красной Армии и усиления Советской России возможности военного вмешательства резко сужались. Летом 1919 года США были вынуждены вывести свои войска с севера Советской Республики. На Востоке армии Колчака не оправдывали надежд штаба контрреволюции — лидеров Запада, препиравшихся на Парижской мирной конференции. В июле 1919 года Вашингтон приказал генералу Л. Грэвсу, послу США в Японии Р. Моррису и ряду лиц объехать «Колчакию», побывав в Омске, и выяснить, что происходит и каковы перспективы белых в Сибири. К миссии примкнул по своей инициативе, но с разрешения госдепартамента полковник У. Донован. На деле он был личным

представителем президента В. Вильсона, о чем ему было категорически запрещено сообщать своим высокопоставленным коллегам.

Только в начале восьмидесятых в больших книгах, вышедших в США, — жизнеописаниях генерала У. Донована, заложившего при Ф. Рузвельте современную американскую разведку, сообщалось: «Корни Управления стратегических служб и Центрального разведывательного управления, сменившего его, уходят далеко в бурную историю XX века. Можно сказать, что истоки в этом поезде, идущем по берегу залива Петра Великого у Владивостока, в котором в жаркий летний день ехал человек. В предстоявшие недели Донован узнал многое, имевшее непреходящее значение не только о происходящем в Сибири... Эта миссия создала ему должную репутацию, когда спустя два десятилетия он стал главой первой системы стратегической разведки США». Суть ее — изучать прежде всего политические проблемы противника.

Летом 1919 года Донован собрал множество свидетельств краха белых, повсеместной поддержки народом большевиков. Он выслушал леденившие кровь свидетельства американских офицеров о зверствах колчаковцев, массовых расстрелах. Далее в книге о Доновне эпически повествовалось: «Когда американские солдаты впервые появились в Сибири, они занимались разве тем, что ловили лосося в реках. Теперь их части подвергались нападениям партизан, которые с одинаковой яростью обрушивались на белых и иностранцев. Американцы убивали, и их убивали» [23]. Донован приехал в Сибирь после траншей западного фронта, где командовал полком. Естественно, он рекомендовал дать Колчаку вооружения и снаряжения на армию в 600 тысяч человек. Такие рекомендации после красноречивых описаний тем же Донованом краха колчаковщины в Вашингтоне «встретили молчанием» [24].

В Белом доме Вильсон заключил: американским войскам нужно уносить ноги из Сибири. К весне 1920 года они были выведены. Интервенты, получив памятный урок, убрались восвояси. Советская Республика выходила победительницей из неслыханно тяжелой войны. Советское правительство, обоснованно полагая, что исторический опыт у людей разумных открывает глаза, вновь вернулось к вопросу о восстановлении отношений с США.

В ноте правительства РСФСР правительству США от 24 февраля 1920 года подчеркивалось: «Победоносное движение доблестных советских войск в Сибири и распространившееся с непреодолимой силой всеобщее народное движение против контрреволюции и против иностранного нашествия непосредственно приблизили перспективу восстановления сношений между Советской Россией и Североамериканскими Соединенными Штатами» [25]. Ответа, как обычно, не последовало, и не только потому, что в Вашингтоне по-прежнему

игнорировали РСФСР, а потому, что там уже развернулась ожесточенная борьба вокруг уместности идей Вильсона для Америки 1920 года. Что же случилось?

ПАДЕНИЕ С ПЬЕДЕСТАЛА

Почти всю первую половину 1919 года Вильсон провел в Париже, руководя, как ему казалось, мирной конференцией. В ряде вопросов он действительно оказался конечным арбитром, но в целом мирное урегулирование не только не воплотило грандиозных замыслов президента, но пошло вопреки империалистическим интересам США. Сверхидея Вильсона заключалась в том, чтобы организовать по всем линиям капиталистический мир против революции. Он полагал, что в Лиге Наций капитализм обретет новый Священный союз, охраняющий, разумеется, реформированную систему частной собственности. Теоретически по этим вопросам у него была определенная ясность.

Еще в 1918 году, беседуя с равным по интеллекту профессором и родственником С. Эксоном, президент сообщил свои взгляды на будущее. Лига Наций нужна не «для уничтожения, а для упорядочения политики силы», с тем чтобы сократить коллизии на международной арене, которые ведут к социальным беспорядкам. «Следующий президент, — наставительно произнес Вильсон, — должен быть способен мыслить в масштабах всего мира. Он должен думать обо всем мире. Ныне таким мышлением обладают только рабочие лидеры, которые связаны с международными движениями. Мир радикально изменится, и я убежден, что правительства должны будут осуществить многое, что ныне выпадает на долю отдельных лиц и корпораций. Я убежден, например, что многие правительства должны будут взять себе все основные естественные ресурсы... водную энергию, угольные шахты, все залежи нефти и т. д. ...Я говорю об этом именно потому, что не являюсь социалистом. Я думаю, что единственный путь предотвратить коммунизм — провести меры в таком духе» [26].

В абстрактном мышлении В. Вильсон провел синтез внутренней и внешней политики капиталистических стран. Но то, что представлялось возможным в застольной беседе двух профессоров, встретило яростные возражения и сопротивление не только политиков, но и класса капиталистов, в первую очередь американского крупного капитала. Они, разумеется, все были против коммунизма, но Вильсон хватал слишком далеко и был определенно непрактичен. Он предлагал такие нововведения, которые противоречили господствовавшей тогда философии буржуазии. Стремясь предотвратить эвентуальную угрозу (а далеко не все буржуа были дальнозоркими), он предлагал поступиться реальными интереса-

ми — свободой наживы, сковать свою деятельность некими рамками. Ярким доказательством того, что идеи Вильсона были преждевременными, явилась скорость, с которой в США отменялись военные статуты, связывавшие руки предпринимателям в интересах упорядоченного ведения военного хозяйства.

Вильсон смог претворить в жизнь только одну свою идею — Лигу Наций, которая далеко не удовлетворила американский правящий класс. Президент объявил своим партнерам на мирной конференции, что согласие их с Лигой Наций — краеугольный камень мирного урегулирования. Они с легким сердцем пошли на это, ибо в обмен за поддержку создания Лиги Вильсон санкционировал империалистические захваты держав Антанты, о которых они в основном договорились еще до вступления в войну. Результат неожиданный. В 1917 году Вильсон писал Хаузу: «Англия и Франция придерживаются совершенно иных взглядов на мирное урегулирование, чем мы. Когда война закончится, мы сумеем заставить их принять нашу точку зрения, ибо к тому времени, помимо всего, в финансовом отношении они будут в наших руках» [27]. На деле получилось так, как отмечал В. И. Ленин: «Вильсон... оказался совершенным дурачком, которым Клемансо и Ллойд Джордж вертели как пешкой» [28]. Почему?

Руководители держав Антанты внутренне без особого трагизма относились к проблеме задолженности Америке. Они, вероятно, полагали, что давно расплатились с американскими шейлоками кровью своих солдат, защищая в Старом Свете и Новый Свет. Победители в Париже обещали, конечно, расплатиться. Но расплата по долгам, да еще с процентами, — процесс длительный, а мирное урегулирование не терпело оттяжки. Так, уже одна логика переговоров разорвала незыблемую в глазах Вильсона связь между долгами и политикой. Рычаг, на который тогда собирался опереться президент, оказался иллюзорным. Президент не заметил этого, а также и того, что значительная часть займов державам Антанты была оформлена уже после завершения военных действий.

Международная организация — Лига Наций, устав которой открывал все мирные договоры, сочиненные в Париже, по замыслу Вудро Вильсона и должна была внести организующее начало в мир, потрясенный войной и революцией. Она должна была цементировать рассыпавшийся на глазах старый порядок. Президент был убежден, что успех Лиги Наций возможен при главенстве в ней США и участии с самого начала поверженной Германии. Святая простота! Правительства Антанты собирались продиктовать немцам Карфагенский мир, а в США не могли взять в толк, каким же образом устав Лиги (где, например, Англия с доминионами имела 6 голосов, а США — 1) обеспечит главенство Соединенных Штатов в мире. Председатель сенатского комитета по иностранным отношениям сенатор Г. Лодж, чья приверженность к Гарварду и ненависть к президенту были общеизвестны, с

отвращением отозвался об уставе: «Как сочинение по английскому языку устав не заслуживает положительной оценки. Возможно, такое сочинение пройдет в Принстоне, но никак не в Гарварде».

Подход Вильсона к Лиге Наций пронизывало убеждение, восходившее к Руссо и Канту, о том, что универсальность демократических или республиканских правительств обеспечит в мире желанный порядок. Нелепая посылка, с точки зрения здравого смысла буржуа! Вильсон подспудно хотел, чтобы капиталистические страны через Лигу отныне полюбовно решали свои споры, не ослабляли себя рознями перед лицом назревавшей революции. Наивная идея! Капитализм не может существовать без войн, и господа капиталисты глухи к миротворческим призывам даже в их конечных интересах. Иные в США, приняв на веру вильсонизм, горячо советовали президенту пойти много дальше.

Старый друг Вильсона Д. Рекорд в марте 1919 года прислал ему письмо, объясняя, в чем недостатки Лиги Наций в плане чистого прогрессивизма. Он писал: «Идея Лиги Наций не укрепит ваших позиций ни теперь, ни в истории, ибо она, как и вся ваша политика, не затрагивает корней проблемы. Войны вызываются существованием привилегий. В любом современном государстве управляют привилегированные, то есть те, кто контролирует экономику, владея железными дорогами, землями, банками. Таким путем эти люди приобретают громадные и незаработанные капиталы, для которых нет применения в собственных странах, ибо нищета рабочих ограничивает внутренний рынок. Люди, контролирующие эти избыточные капиталы, должны искать для эксплуатации новые страны и народы, а возникающие столкновения эгоистических интересов и приводят к войнам. Войны можно ликвидировать, установив царство справедливости, то есть уничтожить привилегии во всех великих державах. Я не верю, что вам удастся создать механизм для поддержания справедливости, то есть уничтожить привилегии во всех великих державах. Я не верю, что вам удастся создать механизм для поддержания справедливости в международных отношениях среди правительств, которые отказывают в справедливости собственным народам... Более того, возможно, если не вполне вероятно, что Лига Наций, учрежденная нынешними союзными правительствами, будет использована как международный бастион для привилегированных».

Автор письма заклинал президента дополнить его программу в международных делах «социал-демократической программой» внутри страны, включая национализацию основных отраслей промышленности и ограничение крупных состояний. Он понимал, что эту программу едва ли удастся претворить в жизнь, но неудача Вильсона будет носить только временный характер, а потомки признают в президенте «действительно великого человека» [29].

Все это, как мы видели, Вудро Вильсон прекрасно понимал. Но практически, помимо абстрактных рассуждений с близкими, он ничего не сделал, и по основательной причине: он не хотел и не мог бороться против революции революционными методами. Пока задачей президента было объединить вокруг США и под их главенством капиталистический мир. Короче говоря, он пытался распространить через Лигу Наций новую «доктрину Монро» на весь мир. В период подготовки мирного договора президент учил экспертов американской делегации: «То же самое, что эта доктрина дала Западному полушарию, Лига Наций сможет дать остальному миру, и подобно тому, как «доктрина Монро» возникла как раз вовремя, чтобы оформить изменившиеся условия, таким же образом возникнет и разовьется Лига Наций».

На мирной конференции, когда разгорелись споры о целесообразности включения ссылки на «доктрину Монро» в устав Лиги Наций, президент произнес страстную речь. До историков дошло только краткое ее изложение, ибо, заметил американский эксперт Миллер, она была «наполнена очаровывающим красноречием, эту речь, произнесенную после полуночи, секретари слушали с захватывающим дух восхищением, застыв с карандашами в руках, забыв о своих обязанностях, они почти ничего не записывали». Как видно из все же сделанной сжатой записи, президент, настаивая на универсальности «доктрины Монро», восклицал и спрашивал: «Теперь, когда составляется документ, являющийся логическим распространением «доктрины Монро» на весь мир, должны ли Соединенные Штаты быть наказаны за то, что они давно уже усвоили эту политику?.. Стоит ли нам спорить по этому вопросу, стоит ли комиссии взвешивать каждое слово, когда Соединенные Штаты готовы подписать устав Лиги, который навсегда превращает их в составную часть движения за свободу? Неужели таким путем Америка должна быть вознаграждена за свои давние труды на службе свободы» [30].

Вильсон выпросил вознаграждение и торжественно вернулся в США с уставом Лиги Наций, где его ждал восторженный прием в стране и далеко не дружественный в сенате, а последнему и предстояло ратифицировать Версальский мирный договор. Политические противники президента были крайне обозлены итогами его личной дипломатии. Они считали, что в Париже Вильсон не добился ничего для США, импортировав оттуда только устав Лиги Наций. А президент до глубины души верил, что, вооружившись статьями устава, Вашингтон поведет мир. Рассудочные политиканы едва не смеялись ему в лицо. Они никак не могли оценить силу реализма идеализма, им нужны были осязаемые выгоды, а не убаюкивающие теории. Они не желали видеть, что в Париже, говоря словами журналиста У. Стида, с которыми был согласен президент, «посадили в землю желудь, а не пытались сразу вырастить развесистый дуб». Миссия Америки в интерпретации

Вильсона и зафиксированная в уставе представлялась им неопределенной, если не смехотворной.

Мышление Вильсона развивалось на ином уровне, чем расчеты дельцов и банкиров. На эту сторону дела давно обратил внимание патриарх американской историографии профессор Ч. Бирд. Анализируя запутанный комплекс проблем, связанных с ратификацией Версальского мирного договора, он заметил: «Поскольку меры и политика (Вильсона. — *Н. Я.)* нарушали ход коммерческой и территориальной экспансии, проводимой под эгидой федералистов — вигов-республиканцев, было естественно, что руководство в нанесении поражения программе президента Вильсона выпало на долю сенатора Лоджа. Именно он стоял у истоков имперской программы, в конечном итоге принятой президентом Маккинли, был противником предоставления независимости Филиппинам, сторонником высоких тарифов, доверенным другом адмирала Мэхана, разработавшего теорию морской мощи. Не было также случайным и то, что большая часть средств, собранных для кампании, чтобы нанести поражение Лиге Наций, была предоставлена двумя крупными промышленниками-республиканцами — Генри С. Фриком и Эндрю Д. Меллоном. Последний по наущению сенатора Нокса стал проводником дипломатии доллара. В формулах устава Лиги Наций таким образом было поставлено на карту нечто большее, чем абстрактные формулы мира» [31].

Под знаменем антивильсонизма собрались могущественные группировки правящего класса, не видевшие дальше своего носа, привыкшие считать звонкую монету, но не подсчитывать эвентуальную выгоду. Они не понимали, что ради объединения против революции нужно чем-то поступиться. Они обладали конкретным мышлением, оценивали мощь того нового, что родилось в Советской России, критериями разоренной страны, соразмеряли наличные вооружения, но не задумывались над тем, какой исполин вырастет там. Поэтому противники Вильсона рассудили, что президент бьет в набат, когда пожара, в сущности, нет. И тут же повели разъяснительную кампанию в духе, понятном для полузнайки обывателя. Типичное объявление одной из «антилиг», возникших на средства консервативных буржуа, гласило:

«Американцы! Пробудитесь!

Свяжем ли мы себя с уставом, рождающим войны?

Он нарушает суверенитет Америки!

Предает «доктрину Монро»!

Уничтожает заветы Вашингтона!

Ввязывает нас в интриги в Европе и Азии!

Посылает нашу молодежь воевать по всему миру по приказу Лиги!

Гнусность под святым именем!»

Вильсон был готов связать руки американской буржуазии, чтобы обеспечить большую свободу для международного капитала, возглавляемого теми же Соединенными Штатами. Непосильная логика для людей, не видящих дальше актива и пассива в рамках текущего финансового года...

А пока нужно подождать, чтобы стихли овации, В. Вильсон все же имел громадную популярность. Сенатор Лодж использовал процедуру конгресса: он затеял чтение вслух в помещении сенатского комитета по иностранным отношениям текста Версальского мирного договора. 264 страницы большого формата. Чтение продолжалось две недели. Иногда Лодж оставался в комнате один, обращался к степам, но за ними набирала силы кампания против Лиги. Затем шесть недель «слушаний» в комитете — 60 свидетелей, 1200 страниц показаний. Сенаторы слушали иногда совершенно абсурдные речи. 19 августа 1919 года они вызвали свидетелем В. Вильсона, продержав отнюдь не крепкого здоровьем старика три часа под градом вежливо-оскорбительных вопросов. Они выжали из него поразительное признание (никак не подкреплявшееся фактами). Сенатор Джонсон, перечитав тайные, но ставшие уже гласными договоры держав Антанты, спросил: «Знали ли вы о них что-либо до мирной конференции?»

«Нет, сэр, — ответил президент, — поскольку это касается меня, я могу уверенно ответить вам: нет!»

Так и осрамили Вильсона: он предстал политическим простаком. Президент же жаловался на непонимание. Надо думать, так оно и было. Вильсон по долгу службы получал разнообразную, поистине необъятную информацию, в которой доминировали разведывательные данные [32]. Но по велению той же службы — с высоты своего поста он с немыслимым высокомерием относился к мышиной возне — договорам европейцев и не пожелал всерьез вдуматься в то, что ему докладывалось.

Теперь Вильсон просто не мог взять в толк, почему от него ожидали разбора этих тайных дрязг. В адрес одного из членов комитета, сенатора, ставшего в 1921—1923 годах президентом США — У. Гардинга, он бросил такие слова: «Гардинг удивительно скудоумен, ему ничего нельзя вдолбить» [33].

Издерганный, задыхавшийся под лавиной вздорных обвинений, 63-летний президент решился вырваться из душной атмосферы Вашингтона и апеллировать прямо к массам. Он надеялся, что получит мандат народа на осуществление в корне антинародных планов. Впрочем, последнее обстоятельство его мало беспокоило: важнее претворить драгоценный замысел в жизнь. Друзья были в ужасе, а Вильсон готовился к поездке по стране с решимостью христианского мученика времен Древнего Рима, выходящего на арену к ревущему голодному зверью. Один из знавших президента за-

писывал: «Я был на завтраке в Белом доме за несколько дней до отъезда Вильсона в его злополучное турне. Президент, как всегда, был очень сердечен. Но меня поразил его вид. Это был явно больной человек. Его лицо осунулось и посерело, судорога часто сводила его черты, когда он с жалким видом пытался овладеть своими нервами» [34].

В таком состоянии 1 сентября 1919 года Вильсон отправился в поездку. Он убеждал, умолял, грозил. Толпы бывали тронуты искренним тоном и болезненным видом президента. Суть внушений Вильсона слушавшим: «Америка — единственная нация идеалистов на земле. Сердце нашего народа чисто. Сердце нашего народа правдиво... Мы — великая сила идеализма в истории... Я, по крайней мере, если и верю во что-нибудь земное, то в предначертание Соединенных Штатов. Я верю, что США имеют духовную энергию, которую не имеют другие народы для освобождения человечества... (В великой войне) Америка имела невиданную привилегию выполнить свое предназначение и спасти мир» [35]. Звучало очень лестно.

Оратору шумно аплодировали, но все же не совсем понимали, к чему он клонил. И совсем непонятна была самоотреченность. Как сказал Вильсон в речи в Спокане: «Я готов сражаться до тех пор, пока смерть не настигнет меня, дабы оправдать веру и надежду Соединенных Штатов». Много понятнее были речи противников Вильсона, следовавших по пятам за ним и выступавших в тех же городах, где побывал президент. Они яснейшим образом разъясняли зевакам вред вильсонизма, который-де решил продать драгоценные и морально безупречные Соединенные Штаты презренным иностранцам. Во всяком случае, было зафиксировано, что в одном месте толпа, выслушав доступное ее пониманию объяснение загадочной деятельности профессора-президента, злобно заревела: «Предать импичменту!»

25 сентября, после очередной речи в Пуэбло, Вильсон перенес удар, через несколько дней у него была парализована половина тела. Носилки с президентом доставили в Белый дом, где он провел оставшиеся полтора года пребывания в должности в постели. Инвалид пытался руководить, взывая к своим сторонникам. Все тщетно — в сенате 19 ноября 1919 года было проведено голосование по Версальскому договору с приобщенными 14 поправками Лоджа. 39 человек голосовали за, 55 — против. Голосование без поправок, проведенное, вероятно, из чистого любопытства, дало такие результаты: 38 — за, 55 — против. А поправки Лоджа, в сущности, не были столь серьезны, они лишь подтверждали известные положения о «свободе рук» Соединенных Штатов. В сенате не терпелось узнать, как воспримет Вильсон эти известия, а попутно выяснить, в здравом ли он уме, и если нет, то отстранить от власти. Группа сенаторов вошла в Белый дом. Могильная тишина. Их пустили в спальню прези-

дента. Некий сенатор с постной миной благочестиво начал: «Мы все молимся за вас, г-н президент!» «За здравие или упокой?» [36] — бодро и насмешливо отозвался инвалид. Разговора не получилось.

Вильсон не складывал оружия. Он трепетно надеялся на восстановление сил и возможность выставить свою кандидатуру на выборах в 1920 году в третий раз. Суровый приговор врачей рассеял надежды. Весной 1920 года он настоял на повторном голосовании Версальского мирного договора, а следовательно, решил все же добиться вступления США в Лигу Наций. Была проведена внушительная подготовка. 26 национальных организаций, насчитывавших 20 миллионов членов, высказались за ратификацию. Накануне голосования Вудро Вильсон обратился с суровым посланием к фракции демократической партии в сенате. «Мы должны бесстрашно вступить в Лигу, принять ответственность и не бояться руководящей роли», — писал он. В итоге 49 человек голосовали за, 35 — против. Но поскольку для ратификации международных договоров в сенате требуется большинство в две трети, не хватило семи голосов. Ратификация, таким образом, отклонялась, Лодж и К° торжествовали победу. «Мы вырвали вильсонизм с корнем», — похвалялся Лодж.

* * *

В чем же все-таки дело? Почему Вудро Вильсон оказался парализованным пророком? Коль скоро он споткнулся в делах международных, объяснение причин его падения попало главным образом в руки американских историков-международников, людей лукавых и конфликтующих друг с другом. Они ведут вечную войну за вечную истину, разумеется, в ограниченном понимании, на которое только и способна буржуазная историография, пораженная вместе с капитализмом всеобщим кризисом. Достаточно известный в США специалист в области внешней политики профессор Т. Бейли лаконично объяснял: «Вильсон ошибочно полагал, что американский народ отбросит традиции поколений и радостно взвалит себе на плечи тяжкое новое бремя руководства миром» [37].

Если отвлечься от общих рассуждений и обратиться к современной американской школе «реалистов», то их общий упрек ясен: Вильсон попытался заставить США жить не по средствам. Дж. Кеннан заметил о Версале, Лиге и всем том, что относилось к тому времени: «Да, то был мир, в который будущие трагедии были вписаны рукой самого дьявола... То был именно такой мир, который вы получаете, если допускаете, чтобы в вашем уме военная истерия и непрактичный идеализм лежали бок о бок, как лев и ягненок, когда вы впадаете в колоссальное заблуждение, полагая, что можете немедленно переделать международную жизнь по же-

лательному для вас представлению»[38]. У. Липпман, в свое время приложивший руку к разработке вильсонизма, спустя несколько десятилетий отметил: идеология Вильсона «была невозможна как основание для внешней политики нашей страны»[39].

Р. Осгуд написал специальное исследование «Идеалы и эгоизм в американской внешней политике: великая трансформация в двадцатом столетии». Вердикт Р. Осгуда: «О руководстве президента Вильсона в ходе войны и мирного урегулирования должно быть сказано: хотя он был бесконечно прав в своих моральных целях, нельзя было даже умышленно более верно сорвать его замыслы... Вильсон требовал невозможного... смазал единственный базис, на котором можно построить более реальную концепцию национальной политики — просвещенный эгоизм.... Именно здесь и существует громадное совпадение американских идеалов и американских интересов»[40]. А А. Шлезингер дошел до абсурда, объявив: «Вильсон моралист в международных делах, отвергал национальный интерес как объяснение вступления США в первую мировую войну»[41].

Генеральное направление политического мышления в США относительно Вильсона, таким образом, проясняется. Лучше всего о Вильсоне судить по его собственным словам. Начиная курс лекций в университете Теннесси в 1890 году, он с похвалой отозвался об Э. Бёрке, который был мудр, ибо «шел от сегодняшней мудрости к завтрашней, к мудрости для всех времен». За Бёрке не последовали, сказал лектор, ведь «людям нужна мудрость, которую они хотят применить к очевидному и которая, следовательно, ограничена до удобных размеров»[42]. Это и многие другие суждения в том же духе опирались на гранитную скалу религиозных убеждений профессора.

Пресвитерианец, президент Вильсон считал, что в конечном счете бог и дела человеческие неразделимы. Он обычно не открывал своей приверженности к религии, но на исходе первой мировой войны доверился группе священнослужителей из Англии: «Вы совершенно правы... указывая, что я признаю — в эти сложные времена только религия способна разрешать эпохальные дела, которые человеческий разум не может даже объять. Я думаю, что без веры в бога человек сошел бы с ума. Он бы бродил в лабиринте без ключа. Если бы не было руководства свыше, мы бы пришли в отчаяние от результатов мудрости людской»[43]. Появившись в последний раз на людях в 1923 году, в годовщину заключения перемирия, экс-президент озлобленно заметил: «Я не из тех, кто испытывает хоть малейшее беспокойство за судьбу своих принципов. Я видел, как в прошлом дураки сопротивлялись воле Провидения, и видел их гибель... Мы возобладаем, и это столь же очевидно, как существование бога»[44].

Урок Вудро Вильсона ясен. Он попытался перед лицом

революции запяться перестройкой капитализма. Он полагал, что смотрит на вещи реалистически, но могущественные силы в США усмотрели в том абстракцию. Они не смогли исправить видение мира президента, но выправили его политику, вернувшись к «нормальным временам». Мессия пришел слишком рано, его методы пугали. Что до самого Вильсона, то он не смог превратить массу политического опыта и знаний в энергию действий, хотя обладал самым могущественным рычагом в первой капиталистической державе — Белым домом.

ИНТЕРМЕДИЯ. РАЗГОВОР О «НАЦИИ ИММИГРАНТОВ»

Ниобой наций (по античной мифологии, Ниоба — мать, растерявшая своих детей) называют «Зеленый остров» — Ирландию. Более ста лет с его берегов стекали потоки эмигрантов. Голод и нищета гнали ирландскую бедноту искать лучшей доли за морями. Ныне вне пределов Ирландии живут десятки миллионов ирландцев и их потомков, во много раз больше, чем в самой стране. Ирландцы, рассеянные по всем континентам, помнят свою родину, а иные из них иногда и навещают ее.

10 августа 1947 года по проселочной дороге ирландского графства Уэксфорд пробирался автомобиль. Молодой американский конгрессмен Джон Ф. Кеннеди в запыленной машине времени совершал путешествие в прошлое — ровно сто лет назад его прадед эмигрировал отсюда в Америку. В местечке Нью-Росс конгрессмен разыскал родовое гнездо семьи Кеннеди — типичный ирландский дом под остроконечной соломенной крышей, с тщательно выбеленными каменными стенами.

Семья бедного фермера — муж, жена и полдюжины ребятишек сердечно встретили неожиданного посетителя. Старшие вспомнили, что еще до первой мировой войны дед конгрессмена побывал в Нью-Россе. «Из разговора с ними, — с щемящим чувством сообразил Кеннеди, — я понял, что все Кеннеди в округе эмигрировали. Я провел около часа в домишке, окруженном цыплятами и поросятами, и уехал вконец расстроенный, под бременем тоски по родине».

Откуда, откуда пошла Американская земля? Существует ли история иммиграции в США или иммиграция и есть история заокеанской республики? Для Джона Кеннеди то были не праздные вопросы — он собирался написать обо всем этом книгу, подыскал название «Нация иммигрантов», подобрал материалы и закончил ряд глав. В судьбе прадеда как в фокусе сосредоточилась для него история ирландской

иммиграции в США, куда въехало свыше четырех миллионов человек. «Ирландцы, — рассказывал Кеннеди, — были авангардом великих волн иммиграции девятнадцатого столетия». Пионерам всегда приходится трудно, и ирландцы в США не избежали этой участи. Они, вероятно, были единственной национальностью в истории США, против которой коренные американцы образовали в 50-х годах минувшего столетия политическую партию — «ничего не знающие» (так члены партии были обязаны отвечать на вопросы об их целях).

Размышляя о значении иммиграции для страны, Дж. Кеннеди склонен считать, что приток новых людей был чуть ли не основной движущей силой прогресса в Америке. В подтверждение он сослался на слова Ф. Рузвельта, сообщившего съезду «Дочерей Американской революции»: «Помните всегда и везде, что все мы, вы и я в особенности, происходим от иммигрантов и революционеров». К заключению Рузвельта Кеннеди добавил собственное соображение: «Каждый раз, когда какая-нибудь революция терпела поражение в Европе, каждый раз, когда какая-нибудь страна подпадала под власть тирании, мужчины и женщины, любившие свободу, собирали свои семьи и пожитки и ехали за море».

Исторический анализ, отнюдь не безупречный, верный для XIX века, оказался абсолютно неверным для XX века — теперь в США уезжают не революционеры, а бегут контрреволюционеры...

В конце августа 1963 года президент США Джон Ф. Кеннеди еще раз посетил Ирландию. Два университета присвоили ему почетные степени, ирландский парламент выслушал речь американского президента, обнаружившиеся теперь отдаленные родственники подарили ему ковер грубой домашней выделки: «Пусть лежит у кровати миссис Кеннеди, когда она разрешится близнецами». Детский хор исполнил в честь высокого гостя народные песни, а он подпевал.

Кеннеди ответил на радушный прием. Он говорил о боге и своих предках: «Я рад побывать здесь. Потребовалось 115 лет, 6 тысяч миль и три поколения, чтобы совершить это путешествие. Когда мой прадед уехал отсюда, чтобы стать бочаром в восточном Бостоне, он не имел за душой ничего, только глубокое религиозное чувство и страстное желание свободы. Если бы он не уехал тогда, сейчас бы я работал на предприятии «Альбатрос компани», вон там, через дорогу...»

Так президент США говорил, подогреваемый вниманием громадной толпы, на том самом месте, где его прадед вступил на борт судна. В книгах приводятся суждения обычно более трезвые, и автор «Нации иммигрантов» усомнился: мог бы человек, подобный его прадеду, быть допущенным в США в середине XX века. «Прославленные слова Эммы Лазарус на пьедестале статуи Свободы, — писал он, — гласят: «Дайте мне ваших измученных, ваших бедных, ваших униженных,

жаждущих стать свободными». До 1921 года то была точная картина нашего общества. При существующем (иммиграционном) законодательстве к этим словам следовало бы добавить: «Только в том случае, если они происходят из Северной Европы, не слишком устали, не слишком бедны, в отличном здоровье, не украли ни ломтя хлеба, не были членами сомнительной организации и если могут документировать свою жизнь за последние два года» [1].

Свято веря в прогресс и памятуя о предках-ирландцах, президент Дж. Кеннеди хотел, чтобы американцы стали нацией наций, вбирающей в себя самое лучшее у человечества. Ради этого он писал книгу «Нация иммигрантов» и разрабатывал реформу иммиграционного законодательства, требуя установить основной критерий при въезде в США — нужда в квалификации данного человека. «Я не знаю другого вопроса, которому президент Кеннеди придавал бы большее значение, чем улучшение нашей иммиграционной политики», — свидетельствовал Р. Кеннеди. Пуля убийцы сразила Дж. Кеннеди, и книга «Нация иммигрантов», хотя и изданная, осталась незаконченной. Процесс, который Кеннеди хотел ускорить, — «утечка мозгов» в США, продолжается. Но в наши дни едут не бочары, а всасываются люди, обремененные учеными степенями.

ОТКУДА ПОШЛИ КЕННЕДИ?

Сто с небольшим лет до появления Джона Кеннеди на земле отцов ирландцы были привязаны к родине, но богопослушные католики твердо уяснили: господь оставил попечением «Зеленый остров». В середине 40-х годов разразился «картофельный голод». Недород, непонятная болезнь, поражавшая клубни картофеля, обрекали бедняков на мучительную голодную смерть. В стране, где тогда жило около 6,5 миллиона человек, за два года от голода умерло свыше миллиона. Слабые духом встречали смерть в родных домах, надеявшиеся на что-то бродяжничали, бросая ослабевших в дорожной пыли, и лишь самые энергичные, распродав все, устремлялись к портам, чтобы уехать в Америку, страну забытой сытости и сказочного счастья.

Поток эмигрантов унес молодого Патрика Кеннеди. По всей вероятности, в 1848 году. В числе 150 тысяч ирландцев, покинувших в том году родину [2]. Заплатив (по нынешним ценам) около 20 долларов, Патрик вступил на борт старого парусника. Шесть недель переполненное эмигрантами судно плыло к обетованной земле за океаном. Современники утверждали, что на кораблях работорговцев неграм было куда лучше: они считались ценным живым товаром, ирландцев не ждали покупатели. Ждали разочарования — люди без гроша в кармане не могли двинуться на пресловутый Дикий

Запад, возделывать тучные земли, строить бревенчатую хижину и американскую демократию. Они остались там, где ступили на землю США, — в городах на берегу океана.

Но и в Бостоне, где обосновался Патрик, не было ни сытости, ни спокойствия. Он нашел работу, стал бочаром, рабочий день — 14—15 часов, без воскресений. Его уделом стал сокрушающей силы труд, жизнь в сырых подвалах, забитых до отказа нищими иммигрантами. О жизни Патрика почти ничего не известно, он умер 35 лет от холеры, оставив четверых детей, последний сын Патрик Кеннеди-младший родился в 1862 году.

Мальчишке пришлось туго, а когда он подрос, то отчетливо понял: хваленая каторжная работа приведет его к скорой встрече с отцом. Патрик окончил только начальную школу и завершил образование в гуще жизни среди портовых грузчиков, чернорабочих. Как выбиться в люди? Случайность помогла: на Хаймаркет-сквер в восточном Бостоне продавался грязный кабак. Патрик сумел купить его в рассрочку и занял приличное по американским стандартам место — за стойкой. Разливая там дрянное пиво и дравшее горло виски, он на голову возвысился над своими соотечественниками, бившимися в тисках безысходной нищеты.

Как подобает доброму христианину, Патрик помогал обездоленным — окрестные ирландцы зачастили в кабак, где могли за плату получить стакан сивухи и бесплатно побеседовать с рассудительным и, как считалось, начитанным молодым владельцем. Их беды были известны: в Америке плохо относились к ирландцам, да еще католикам. Национальные предрассудки оборачивались худшими условиями труда для тех, кто был в меньшинстве, как ирландцы. А иногда объявления о работе заканчивались словами: «Ирландцы не нужны!» Они отвечали сплочением по религиозному — католики — и национальному признаку, яростным презрением к тем, кто уже считался коренным американцем. Господствовавшие тогда в США вероисповедания протестантского толка учили: верующий добьется лучшего в земной жизни, поощряли индивидуализм. За два с половиной столетия умеренное благополучие растворило пуританскую суровость и кальвинизм, протестанты теперь знали — прогресс угоден богу, а человек должен совершенствоваться.

Католическое вероисповедание, импортированное в США в те времена, в основном с ирландцами, окрашивало в мрачные тона без того безотрадную жизнь. Священники, впрочем, всегда были с паствой, указывая путь к спасению — через церковь, в семье. Уже в духовной области католики-ирландцы знали: нужно держаться вместе.

Кабатчик Патрик, или Пат, как его называли завсегдатаи заведения, стал своего рода политическим организатором, а под закопченными сводами душного зала родились честолюбивые замыслы — ирландцы покажут этому Бостону! В Аме-

рике, чтобы достигнуть успеха в политике, нужны верные соратники. Пат стремительно обрастал ими, он оказался отзывчивым — давал деньги в рост. Спокойный, черноусый кабатчик и ростовщик с головой окунулся в политическую деятельность. К 30 годам он был избран сначала в палату представителей, а затем в сенат легислатуры штата Массачусетс. Деньги двигали его личную политику, политика ускоряла обогащение.

Пат не любил произносить речей, доверив ведение своих кампаний верным соратникам. Он вообще не терпел быть на виду, ценя в политике сущность — власть. Инвестиции в политику приносили недурные дивиденды. Патрик Кеннеди стал «боссом» восточного Бостона. Одновременно он разумно распорядился доходами от торговли виски — приобрел акции угольной компании и помог основать два небольших банка. Брак оборотистого дельца с женщиной, семья которой стояла выше на социальной лестнице, упрочил его положение.

В 1888 году у них родился сын Джозеф. Отец позаботился всесторонне подготовить его к встрече с жизнью. Он расплывался в улыбке, когда девятилетний отпрыск приносил домой деньги, заработанные продажей сладостей, газет, выполнением поручений в банке и т. д. Впрочем, Пат не готовил Джозефа к карьере уличного торговца. Мальчик понял, что деньги значат все, и достаточно. Джозефа определили в привилегированную бостонскую латинскую школу, в которой с 1635 года обучались дети лучших семей города.

Из привычного католического ирландского окружения Джозеф попал в общество рафинированной молодежи протестантов. Ему трудно было тягаться с ними в учебе, он остался на второй год. Отец оплатил продолжение учебы в Гарвардском университете. И здесь Джозеф не блистал академическими успехами, хотя неплохо зарекомендовал себя как «полковник» студенческого полка. Основные усилия он употребил на то, чтобы обзавестись друзьями. И, кажется, преуспел.

В 1912 году он окончил университет. После года службы банковским контролером в Бостоне в 1913 году он обзаводится собственным делом. Заняв с помощью отца и друзей 45 тысяч долларов, Джозеф П. Кеннеди избирает себя президентом крошечного банка «Коламбия траст». Размеры банка, на его взгляд, не имели значения, в 25 лет он — самый молодой банкир страны.

Завершается другая чрезвычайно важная деловая операция: в 1914 году Джозеф добивается руки Розы Фитцджеральд, первой красавицы-ирландки Бостона. Она получила по тем временам отличное образование для девушки в монастырях, бегло говорила по-французски и немецки. Отец Розы, «милашка Фиц», как звали его близкие друзья, к этому времени стал мэром Бостона. Он упорно сопротивлялся бра-

ку с Джозефом, Роза могла составить партию получше. Дж. Кеннеди оказался настойчивым претендентом, он вновь и вновь повторял, что дал клятву к 35 годам быть миллионером, а следовательно, хорошим добытчиком для семьи.

Звучало заманчиво. Сыграли свадьбу, венчал архиепископ Бостона кардинал О'Коннел. Молодые переехали в новый дом, купленный в долг. Семья быстро выросла: в 1915 году родился Джо, в 1917 году — Джон, в 20-х годах пять дочерей, в 1925 году — Роберт и, наконец, в 1932 году — четвертый сын, Эдвард. Еще быстрее росло состояние Кеннеди.

ДЖОЗЕФ П. КЕННЕДИ В БИЗНЕСЕ И ПОЛИТИКЕ

Джозеф начинал свое дело скромно: земельными спекуляциями. Подлинное обогащение открыла первая мировая война — в 1917 году он стал заместителем управляющего верфями «Беттлхэм стил» в Квинси. 22 тысячи рабочих, оклад 20 тысяч долларов в год плюс значительные бонусы. «Милашка Фиц» добился выгодного поста для зятя. Джозеф и заместитель военно-морского министра Ф. Рузвельт хорошо узнали друг друга. Как-то Рузвельт прислал буксиры военного флота, чтобы забрать с верфей два линкора, которые не выпускал Джозеф до полной оплаты. После одного из посещений кабинета Рузвельта, Дж. Кеннеди, по собственным словам, «сломался и расплакался» [3].

Перемирие положило конец буму в судостроении. Джозеф немедленно бросается в знакомую сферу — биржевую игру. Ирландцу трудно пробиться в замкнутое общество финансистов-янки. Но он человек негордый, готовый оказать любые услуги. Вознаграждение — управляющий финансовой фирмой «Хайден, Стоун энд К°», которая не поглотила энергию Джозефа. С группой предприимчивых бостонцев он устанавливает финансовый контроль над 31 кинотеатром в Новой Англии [4].

Кеннеди еще не минуло 35 лет, а клятва перевыполнена — у него несколько миллионов долларов. Действовать в Бостоне становилось все труднее, здесь хорошо знали подноготную семьи, и местные тузы полагали, что Кеннеди хватает не по положению. Отсюда препятствия. В 1922 году Кеннеди расстается с «Хайден, Стоун энд К°» и «одиноким волком» охотится на нью-йоркской бирже. В 1926 году он перевозит в Нью-Йорк семью. Некий бостонский банкир с отвращением заметил: «Наш город небольшой, чистый пруд, а Нью-Йорк — громадное грязное болото. Оно-то и нужно Джо».

Преуспевающий делец приобрел громадный дом в Бронксвилле, к которому примыкал солидный земельный участок — пять акров. Цена — 250 тысяч долларов — не смутила главу семьи, детям нужен простор. Вскоре был приобретен для зимнего отдыха дом в Палм Бич, штат Флорида, а затем куп-

лен порядочный участок земли в Хайниспорте в окрестностях Бостона, где постепенно вырос семейный поселок клана Кеннеди. Три резиденции — пристойно для человека его состояния.

Финансовые операции Кеннеди по сей день интригуют американских исследователей и журналистов. О них мало знают. Дж. Кеннеди действовал скрытно, делал деньги в одиночку. Лишь немногие эпизоды стали достоянием гласности. Так, он оглушительной рекламой взвинчивал стоимость акций какой-либо компании, продавал их и выходил из игры. Держатели акций вскоре обнаруживали, что их обманули, а Джозеф подытоживал барыши. Подобные операции (о них Джозеф скромно говорил: «Я только рекламировал») теперь запрещены.

В 1926—1929 годах Джозеф объявляется в Голливуде. Его деятельность продолжалась в городе кино, падая на время расцвета киноиндустрии, триумфального шествия «Великого Немого», творца неиссякаемых иллюзий и сказочных грез. Кеннеди сумел пробиться в руководство трех крупнейших кинофирм, в 1928 году организовал громадную «Радио-Кейс-Орфеум».

Тогдашняя кинозвезда Глория Свенсон, женщина дорогая и разборчивая, оценила Джозефа. Он финансировал два фильма с ее участием, чтобы еще более прославить актрису. Глория стала близким другом Кеннеди, финансировавшего немало ее фильмов. Газеты судачили об их отношениях, еще бы: Дж. Кеннеди подарил актрисе «роллс-ройс». Увы, обнаружила она, деньги на покупку роскошной машины он снял с их общего счета в банке [5]. В конце двадцатых Кеннеди с выгодой продал свои интересы в кинопромышленности и вернулся в Нью-Йорк. В напряженных трудах в Голливуде он потерял 15 килограммов в весе и приобрел 5 миллионов долларов, компенсация более чем достаточная.

При первых ударах кризиса 1929—1933 годов Кеннеди обратил акции в деньги. Он сумел не только переждать финансово-экономическую бурю, но и умножить свое состояние. Кризисные годы, потрясшие устои капитализма, напомнили мультимиллионеру о политике. Деньги, оказывается, не все.

В 1932 году Гарвардский университет опубликовал анкету о роде занятий выпускников 1912 года. Против имени Кеннеди красовался его гордый ответ: «Капиталист» — не очень популярный титул в тогдашних Соединенных Штатах, где было 17 миллионов безработных. Но кому, как не капиталистам, спасать капитализм, рассудил Кеннеди. И когда спаситель Франклин Д. Рузвельт появился на президентских выборах 1932 года, Д. Кеннеди душой и деньгами был с ним. «Я единственный человек, стоящий больше 12 долларов, кто за Рузвельта», — смеясь, говорил он.

Он дал на избирательную кампанию 25 тысяч долларов,

тут же одолжил демократической партии еще 50 тысяч и помог собрать среди друзей 100 тысяч. Кеннеди крепко помог Рузвельту, добившись поддержки его кандидатуры газетным концерном Хэрста. После избрания президентом Ф. Рузвельт назначил Кеннеди главой вновь созданной Комиссии по регулированию денежных сделок и биржи. Либералы, шедшие за президентом, ужаснулись: акулам капитализма Белый дом пожаловал лоцмана той же нечистой породы, к тому же водившего дружбу с фашиствовавшим демагогом, отцом Кофлином. Президент отмалчивался. На Уолл-стрите ликовали. Капитализм отлично вписывался в программу реформ «нового курса».

Кеннеди знал о намерении Рузвельта отменить «сухой закон» и основал компанию по импорту спиртных напитков — «Сомерсетс импорерс, лтд.». Со старшим сыном Рузвельта Джозеф отправился в Англию, где, имея за спиной сына президента, легко получил монопольное право на ввоз в США популярнейших джина «Гордон», нескольких сортов виски, рома «Рон Рико». Вырвав у правительства разрешение на ввоз в страну крепких спиртных напитков для «медицинских целей», Джозеф отлично подготовился к тому времени, когда жаждущие американцы вновь бросились в бары [6].

Когда Джозеф сел в кресло председателя комиссии, в месяц выпускалось на рынок около 1 миллиона долларов ценных бумаг, через год — 235 миллионов долларов. Доверие к крупному капиталу было восстановлено. По иронии судьбы председатель данной ему властью запретил множество приемов деловых сделок, которые принесли ему обогащение в 20-х годах [7]. Пробыв 431 день на государственной службе, Джозеф подал в отставку. Он очень неплохо заработал на отмене «сухого закона». Пьяные миллионы не опьянили Джозефа, он сохранил трезвую голову и помнил о благодетеле.

Они крепко подружились — президент и мультимиллионер. В доме частного лица Дж. Кеннеди он был нередким гостем, хозяин велел соорудить специальный лифт для президента-инвалида, который еще наплавался всласть в домашнем бассейне. Места хватало, Дж. Кеннеди прозвал свой дом «Дворец Гинденбурга». Телефонные разговоры Кеннеди с Рузвельтом нередко начинались с официального «да, г-н президент, нет, г-н президент», а постепенно переходили в обращение «слушай, ты, парень». Когда Рузвельт как патриций посоветовал другу умерить публичные появления с Глорией Свенсон, последовал ответ — пусть президент сначала подаст пример, прекратив шашни с секретаршей Мисси Лихэнд [8].

В 1936 году, когда слепые реакционеры попытались было не допустить переизбрания ФДР, из-под пера, как было объявлено Кеннеди, выходит написанная кровью сердца книга

«Я — за Рузвельта!». Автор напомнил мрачные времена — кризис 1929—1933 годов и признался: «Я не боюсь зафиксировать, что тогда был готов расстаться с половиной своих богатств, если мог быть уверен, что в условиях закона и порядка сохраню вторую половину». Он не щадил слов в адрес «современных бурбонов», осуждал «неразумные, фанатические, иррациональные предубеждения» против Рузвельта. Идеи Кеннеди клонились к тому, что, если не улучшить положения трудящихся, тогда неизбежна революция: ибо зачем голодному избирателю право?

«Чудесная книга!» — восклицал Рузвельт, она важна не только для избирательной кампании, но и «для здравого просвещения народа». Прослышав о лестном мнении президента, автор потребовал от него письменного отзыва. После повторных напоминаний Рузвельт прислал собственноручную записку: «Я — за Кеннеди! Великолепная книга. Я в восторге от нее...» Джозеф вставил записку в рамку и вывесил в гостиной своего дома [9]. Пусть все знают — он состоит в переписке с президентом. Правда, он не афишировал, что книгу в основном написал публицист А. Крок.

Авторитет финансиста-политика круто шел в гору. Крупнейшие корпорации США наперебой приглашают его как эксперта дать рекомендации о лучшем ведении дел. Гонорары огромные. «Радио корпорейшн оф Америка» заплатила ему 150 тысяч долларов за обследование ее состояния, киносиндикат «Парамаунт Пикчерз» — 50 тысяч долларов. Концерн Хэрста пригласил его на работу с окладом в 10 тысяч долларов в неделю.

Но государственная служба превыше всего. В 1937 году Рузвельт назначает Кеннеди главой Комиссии по делам торгового флота. Нужно было разобраться, почему торговое судоходство в упадке. Кеннеди запротестовал: «Г-н Президент! — взывал он, — я только что закончил дела на посту председателя Комиссии по регулированию денежных сделок и биржи. Работа там мне обходилась в 100 тысяч долларов ежегодно, ибо я не мог одновременно заниматься сделками на бирже. Если Вам все равно, пригласите другого патриота, а я же сыт по горло. Мне бы хотелось изменить обстановку, насладиться обществом жены и девяти детей. Кроме того, на денежном рынке сейчас можно хорошо подработать, и я бы не хотел упустить своей доли прибылей».

Доводы звучали убедительно, но разве не Джозеф Кеннеди совсем недавно писал в книге «Я — за Рузвельта!»: нужна «плановая экономика», чтобы спасти капитализм, «чем более сложным становится общество, тем сильнее требования в пользу планирования... Когда нет планирования, воцаряется закон джунглей». Кеннеди, вероятно, напомнили, что теория без практики мертва. Он покорился, отправился работать в комиссию, выполнил поручение президента, заслужив очередную благодарность.

Впрочем, сколько раз еще придется ждать похвалы президента, не лучше ли стать им самому? Говорят, что в конце 30-х годов такие мысли все чаще навещали голову Джозефа. О них стало известно в Белом доме. Чтобы избавить честолюбца от мучений, Рузвельт назначает его послом в Лондон. Очень своевременно. В 1938 году в Европе поднимаются грозные тучи войны. Кеннеди отправился на самый ответственный, как считалось тогда, дипломатический пост за рубежом. Обладатель более чем 200 миллионов долларов, чрезвычайный и полномочный посол США при правительстве его величества в Лондоне. Говорят, что Рузвельт радовался — «опаснейший человек» выслан из США, а припоминая происхождение Дж. Кеннеди — ирландец, ведущий род от бедняков восточного Бостона, смеялся — «величайшая шутка во всем мире».

В день прибытия Кеннеди в столицу Великобритании толпы журналистов набежали в просторный особняк (подарок американца Дж. П. Моргана своему правительству) на Гросвенор-сквер, где помещалось посольство США. В кабинете их встретил дипломат необычайной формации.

Положив ноги на полированный стол, развалившись в кресле, Джозеф Кеннеди доверительно сообщил: «Ведь не могу же я мгновенно превратиться в государственного деятеля, верно?» Английские газеты умилились, мудрый президент оказал честь, аккредитовав у короля послом неподдельного американца.

Обычно осведомленная «Чикаго трибюн» вскоре комментировала: «Кеннеди надеется использовать пребывание у двора английского короля как трамплин, для того чтобы попасть в Белый дом» [10].

ВОСПИТАНИЕ ПО УОЛЛ-СТРИТСКИ

Отблеск миллионов Кеннеди ложился на страницы газет, ослепляя обывателя с глянцевых обложек еженедельников, а в доме их владельца на разговоры о деньгах было наложено строжайшее табу. На девять детей были заведены счета, и по достижении совершеннолетия они в конечном счете получали более чем 10 миллионов долларов каждый. Упоминать об этом в семье было категорически запрещено. Родители имели свои собственные педагогические идеи. Мать придавала большое воспитательное значение частому употреблению палки и ежедневному посещению церкви.

Отца просто распирали радужные надежды по поводу будущего детей. «Критерием успеха мужчины в жизни, — заметил Джозеф, — является не количество сделанных им денег; важнее, какую семью он создал. В этом отношении я бесконечно удачлив». Пока дети были маленькими, они всецело находились на попечении матери, подрастая — по-

падали под интеллектуальное влияние отца. Прежде всего спорт: бесконечные спортивные игры, атлетика. Специально нанятые тренеры следили за тем, чтобы дети находились всегда в отличной форме. Наказ отца — не пить и не курить до 21 года. Выдержавшему в день совершеннолетия выдаются 2 тысячи долларов в дополнение к первому миллиону долларов, доходами от которого отныне он или она могли распоряжаться.

Почему уже в 21 год миллион долларов? Джозеф объяснял: «Я хочу, чтобы любой из моих детей в финансовом отношении был совершенно самостоятелен и мог послать меня ко всем чертям». При запрещении пить и курить отцом двигали не высокоморальные, а весьма прозаические соображения: «Не могу понять, зачем тратить деньги на то, что приносит вред здоровью». Джон не взял чека на 2 тысячи долларов, когда ему минул 21 год, — он признался, что пил пиво со студентами.

Джозеф Кеннеди прочил сыновьям большое будущее, которое видел в политике. Он помнил свое детство, когда беседы в доме вращались исключительно вокруг политических дел Бостона. Одна из первых сцен, врезавшаяся ему в память: двое мужчин пришли к отцу и обычным тоном, как будто дело шло о пустяке, заявили: «Пат, сегодня мы проголосовали 128 раз» [11]. Со своей стороны, дед по материнской линии «милашка Фиц» был рад разбудить в мальчишках интерес к политике. Собственная политическая карьера была позади — в 1918 году ему удалось добиться избрания в палату представителей американского конгресса, но тут же были вскрыты злоупотребления при подсчете голосов, и «милашка Фиц», просидев с полгода в Капитолии, был с позором изгнан. Но рассказы о политике! Мальчишки заслушивались. Дед дожил до 1950 года, был свидетелем избрания Джона Кеннеди в палату представителей в 1946 году, а президент Дж. Кеннеди назвал президентскую яхту «Милашка Фиц».

В доме видного деятеля администрации Ф. Рузвельта Джозефа П. Кеннеди обсуждение политических дел никогда не прекращалось. «Я, пожалуй, не припомню ни одного обеда, — рассказывал впоследствии Роберт Кеннеди, — когда беседа не была бы посвящена тому, что делает Франклин Рузвельт или что происходит в мире... Поскольку общественные дела доминировали над всем нашим домом, казалось, что они простое продолжение быта семьи» [12]. Как водится, отец и мать любовались прежде всего старшим сыном. Еще подростком Джо гордо объявил, что будет первым президентом-католиком в США. Отец поддержал полет мысли сына, да и трудно сказать, не он ли подсказал идею.

Джону, на два года с небольшим моложе Джо, в детские годы пришлось трудновато. Джо ревниво оберегал свои прерогативы первенца, вживался в роль будущего президента,

великодушно опекая малышей, но не давал спуску ближайшему по возрасту брату, возможному сопернику. Схватки между мальчишками всегда давали победу Джо. Джону часто приходилось ходить в синяках, между ними происходили нешуточные драки. Отец философски относился к распрям братьев. «Пусть дерутся между собой, я вступлюсь только тогда, если они не будут драться вместе против посторонних». Финансисту, жившему в долларовых джунглях, был мил дух борьбы, который он вкалачивал в сознание детей.

Всегда будь первым! «Мне безразлично, кем ты будешь в жизни, — с наигранным равнодушием начал он, — но кем бы ты ни был, будь лучшим в мире в своей профессии. Пусть ты будешь землекопом, но будь самым лучшим землекопом». Энис, одна из дочерей, рассказывала: «Даже когда нам было по шесть-семь лет, папа заставлял принимать участие в состязаниях по плаванию... Он постоянно повторял — быть вторым скверно. Самое главное — победить, не прийти вторым или третьим, а победить, победить, победить!» Почему всегда побеждал адмирал Нельсон? — спрашивал отец и сам давал назидательный ответ: «Оттого, что всегда приходил на 15 минут раньше!» Джон был послушным сыном, и, когда ему подарили парусную лодку, он назвал ее «Виктура». Кто-то спросил: почему? Мальчик ответил: «Это латинское слово, означающее что-то вроде победы».

Родители поощряли только сильнейшего. Том Шрибер, приятель Джо, так описывает обстановку в доме Кеннеди в Бронксвилле. Было лето 1933 года. Отец собрал старших сыновей в библиотеке. Обстоятельно обсудил с ними и Томом последнюю реформу — создание в США корпуса сохранения ресурсов. Юноши дали разумные ответы. Затем он приказал играть в американский футбол, изобилующий силовыми приемами.

Высыпали все, вплоть до девочек. Том и Джо — одна команда, Джон возглавляет другую. «На нас повисали дети со всех сторон. Мы были старше и сильнее их и, конечно, выигрывали. Но их было больше, и нельзя было предугадать, что произойдет. Вокруг лужайки перед домом в Бронксвилле множество деревьев. Я бегал за мячом, помня об этом, но Джо, Джон и Бобби летели стремглав, и — р-раз! — они бились о деревья. Я помню множество случаев, когда того или другого из ребят поднимали без сознания и уносили. Они всегда были забинтованы и в синяках». А из окон дома сияли родители, подзадоривая отстающих.

Хотя на площадке для игр Джон старался не ударить лицом в грязь, он был самым тихим ребенком в семье. Это не очень помогало. Журналисты, спросившие Розу Кеннеди, как ей удалось воспитать сына-президента, получили точный и свирепый ответ: «Я довольно старомодная женщина и верю в телесные наказания. В детстве я нещадно лупила Джона». Красноперечивой сентенции Розы американские педа-

гоги придают столь большое значение, что неизменно помещают эти слова в назидательной литературе для юношества [13]. На удивление отцу, матери, братьям и сестрам он с детства приобрел черты книжного пьяницы. Быть может, помогли болезни: мальчик рос довольно слабым, перенес дифтерит, скарлатину, тяжелый аппендицит, имел хронически больной желудок.

В месяцы и месяцы вынужденного безделья в постели он пристрастился к чтению. Рано определились и вкусы: только исторические сочинения. Джон крайне неохотно читал романы, повести и т. д. Громадное впечатление на юного читателя произвели книги У. Черчилля, к пятнадцати годам он прочитал все его произведения. Он зачитывался его многотомным трудом о герцоге Мальборо. Обнаружилась поразительная память, Джон запоминал на всю жизнь множество цитат и мог безошибочно воспроизвести их. В детстве его редко видели без книги. С 11 лет у Джона были очки — близорукость. Но он почти никогда не носил их на людях.

Болезни затянули обучение. Только четырнадцати лет Джон попал в одну из лучших частных школ в Чоате, штат Коннектикут, где уже учился Джо. Здесь юношей побуждали, и беспощадно, заниматься спортом: тренер футбольной команды развивал резвость, бегая по полю с веслом. Тот, кого он настигал, получал увесистый удар. Джон оказался скор на ногу: президент Кеннеди, встретив постаревшего тренера, радостно закричал: «Вам так и не удалось заехать мне как следует веслом!»

Что до успехов в науках, то по-латыни Джон не успевал, по-французски шел немного лучше и имел крепкие тройки по английскому и истории. Учителя находили, что юноша способен учиться лучше, и ставили в пример брата-отличника. Джон кипятился по поводу формальностей в распорядке школы и вошел в конфликт с директором. Для разбора взаимных претензий в школу вызвали отца, который пригрозил, что лишит сына обещанной поездки в Англию. Джон раскаялся. Он пишет домой, что, обсудив с приятелем Биллингсом свои успехи, они «наконец решили перестать валять дурака».

Отец поддержал сына в похвальном намерении примечательным письмом. «Послушай, Джон, — пишет он, — я не хочу, чтобы ты считал меня занудой, ибо, да знают небеса, такой отец — худший отец. Я знаю людей и знаю, что у тебя хватит способностей пойти далеко. Разве ты не болван, отказываясь использовать дарованное тебе богом?.. В конце концов, я даже не был бы твоим другом, если бы не требовал, чтобы ты до конца использовал свои способности. Трудно нагнать знания, упущенные в молодости, и поэтому я всегда требую: учись! Я не жду от тебя слишком многого и не буду разочарован, если ты не окажешься гением. Но я

думаю, что ты способен быть достойным гражданином, со здравыми суждениями, понимающим жизнь...»

Джон внял голосу отца, подтянулся и кончил школу 65-м из 110 выпускников. Он пламенно возненавидел Чоат, и это чувство с годами не притупилось. Когда президент Кеннеди узнал, что в школе вывешен его портрет, он недовольно заметил: «Самая двусмысленная и смешная церемония, о какой мне когда-либо довелось слышать».

Джо был уже в Англии, отец послал его в Лондонскую экономическую школу к апостолу лейборизма профессору Гарольду Ласки. Туда же, в Мекку социалистических идей, по понятиям американской денежной элиты, предстояло отправиться и Джону. Почему к Ласки? Джозеф Кеннеди объяснил: «Ласки — умница и чудак. Я не согласен с тем, что он пишет. Мы — антиподы. Но я никогда не учил сыновей относиться плохо к кому-то только потому, что он мне не нравится. Они достаточно попаслышались от меня, и теперь для них настало время послушать умного и убежденного человека противоположных взглядов».

Теоретически возможно говорить о «противоположных» взглядах, но лукавый Ласки отлично знал, как надлежит вести себя буржуазному профессору среди моголов финансового капитала. В своем капитальном труде «Американская демократия» Г. Ласки сначала отозвался о Джозефе Кеннеди как об «удачливом спекулянте на бирже», а затем разъяснил: «Франклин Рузвельт избрал бедного ирландского юношу, который собрал громадное богатство и женился на дочери политического босса — ирландца, послом в Великобританию. В конце концов, каких-нибудь 70 лет назад то был высочайший пост» [14]. Суждения путаные, но очень лестные по тону. Джозеф мог быть твердо уверен, что дети его найдут самый внимательный прием в Лондоне.

У Ласки Джо провел год. По мнению маститого профессора, разум молодого американца в конце обучения «только-только начал открывать радость мышления». В таком состоянии Джо уехал из Лондона, не преминув заверить Ласки, что он преисполнен решимости стать президентом США. Его место летом 1935 года занял Джон. Учиться долго не пришлось. Жестокая желтуха прервала занятия. Он вернулся в США осенью, полежал в больнице, с большим трудом глубокой осенью отец устроил сына в Принстонский университет, но к исходу года приступы астмы заставили прервать учебу. Семья отправила Джона на ранчо друга в штат Аризону, набираться сил под южным солнцем. В сентябре 1936 года он поступил в Гарвардский университет, где уже учился Джо.

Отец все хлопотал, чтобы сыновья набирались политического опыта. Он послал Джо в Советский Союз. Сын, вернувшись на родину, объяснил отцу, что в «коммунистической идеологии есть кое-какие преимущества». Джозеф, раз-

умеется, горячо оспаривал незрелые суждения. Юный Джон внимательно слушал, а через несколько дней доверился матери: «Брат понимает обстановку лучше, чем папа» [15].

Старший брат, пробездельничав семестр, сдавал экзамены на «отлично». Он блистал в спортивной жизни университета. Джон безуспешно пытался угнаться за ним: он был слаб. В довершение всего, упав во время футбольного состязания, Джон серьезно повредил позвоночник. Последствия удара сказывались всю жизнь. В науках — почти сквозные тройки, хотя он специализировался по излюбленной истории. И самое поразительное: ничто не отвлекало его от занятий. Университет в те годы жил очень бурной жизнью. Студенты горячо обсуждали коммунизм и фашизм, спорили до хрипоты, устраивали демонстрации и выходили в пикеты. Самые отчаянные попадали в тюрьму за нарушение спокойствия. Сжигали, например, чучело Гитлера.

Напряженная жизнь сокурсников проходила мимо Джона. Он читал. Был избран в редакцию влиятельной студенческой газеты «Кримсон». Стал членом нескольких привилегированных клубов. Друзья поражались, что его не захватывала какая-нибудь одна идея. Сдержанный, вежливый, он одинаково хорошо ладил с разными людьми. Производил впечатление философа, мыслителя-идеалиста.

Летом 1937 года со своим другом Биллингсом Кеннеди объехал Францию, Испанию и Италию. Они передвигались в «форде», который привезли с собой. Мимолетные романы с девицами различных национальностей и темперамента. Джон не транжирил деньги, снимая, например, комнаты, он предусмотрительно оставлял машину за квартал, чтобы хозяин не взвинчивал плату. Поездка на многое открыла глаза. Он писал из Европы: «95 процентов американского народа почти ничего не знают об обстановке здесь. Например, большинство в США стоит за Франко, и я считаю, что для Испании победа Франко была бы лучше, ибо он укрепит и объединит страну, хотя (законное) правительство в самом начале было право, приняв программу, сходную с новым курсом... Его политика по отношению к церкви была просто реакцией на засилье иезуитов, ибо связь между церковью и государством стала слишком тесной». В Италии он восторгался фашистской корпоративной системой, которая, сообщил он отцу, «наверное, нравится всем в Италии». В Риме Джон удостоился аудиенции у папы.

Из поездки он вынес твердое убеждение: нужно учиться. На следующий год профессора удивленно пожимали плечами: троечник стал показывать хорошие успехи. Он штудировал книги о диктатурах, фашизме с особенным упором на биографии. Изучил «Манифест Коммунистической партии», работу В. И. Ленина «Государство и революция». Вместе с профессорами-наставниками Джон погрузился в античную политическую мысль, пытаясь, отправляясь от нее, решить

вопрос. — «если наверху так мало людей, почему массы повинуются им». Посол Дж. Кеннеди в Лондоне выяснил, что на американской дипломатической службе давным-давно установлен прецедент — дети работают в штате посольства. Джо и Джон зачастили в Лондон.

Сам посол стремительно набирался политической мудрости и охотно делился ею с желавшими слушать и учиться. 13 июня 1938 года немецкий посол Герберт фон Дирксен докладывал в Берлине, что во время беседы с ним Кеннеди заявил: «Хотя я не был в Германии, из многих совершенно различных источников я узнал, что нынешнее правительство сделало для Германии очень много, немцы довольны и наслаждаются высоким уровнем жизни». В ноябре 1938 года Джозеф Кеннеди выдвинул план — переселить 600 тысяч немецких евреев, подвергавшихся фашистским преследованиям, в отдаленные районы мира. Журнал «Лайф» превознес предложение посла до небес и добавил: «Если «план Кеннеди» удастся, он добавит большой блеск репутации, которая может привести Джозефа Патрика Кеннеди в Белый дом».

Из плана ничего не вышло, но Кеннеди в чисто американской манере отеческого обращения с европейскими туземцами советовал Дирксену, о чем тот так докладывал в Берлин: по словам Кеннеди, «не столько само наше стремление избавиться от евреев причиняет нам вред, сколько шумиха, поднятая нами в связи с этим делом... В США очень часто придерживаются такой же позиции, но люди избегают поднимать по поводу нее шум». В другом донесении Дирксен уточнял: «Сегодня, как и во время прежних бесед, Кеннеди указал, что в США существуют сильные антисемитские тенденции и большая часть населения страны понимает немецкую политику в отношении евреев... Учитывая всю его (Кеннеди) личность, я полагаю, что он хорошо поладил бы с фюрером» [16].

Когда эти документы были опубликованы в 1949 году, бывший посол сообщил печати, что не может припомнить таких бесед с Дирксеном...

В 1938 году Джозеф Кеннеди едва ли мог предположить, что сказанное в личных беседах с немецким послом станет достоянием гласности. Он приобрел вкус к политике и считал, что пора вводить в нее сыновей, предупредив «никогда не иметь дела с евреями» [17]. Он пристроил Джо на временную работу в американское посольство в Париже и посоветовал Джону взять отпуск на полгода, чтобы поездить по Европе. Джон ухватился за предложение, обусловленное требованием — из всех стран посылать подробные отчеты отцу в Лондон. В самый канун войны, с марта 1939 года, он колесит по Европе. Париж, Варшава, Данциг, Ленинград, Москва, Крым, Стамбул, Балканы, Ближний Восток, снова Париж и, наконец, Лондон. Советский Союз

очень не понравился студенту. Он называл его «грубой, отсталой, безнадежно обюрократившейся страной».

Из Берлина в самом конце августа Джон выехал в Лондон, где его застала война. Провожая сына на родину, посол порекомендовал взять темой дипломной работы Мюнхен, самый дискуссионный вопрос в то время. Нападение Германии на Польшу, начало мировой войны с ужасающей ясностью обнажили гибельность курса на сговор с агрессорами. Вместо того чтобы пойти на Советский Союз, Гитлер ввязался в войну с западными державами. Хотя Н. Чемберлен остался премьером Англии, в стране все больше и больше говорили о том, что именно он своей близорукой сделкой с фашистскими главарями в Мюнхене навлек беду на Запад. Провал расчетов Н. Чемберлена был провалом и Джозефа Кеннеди — американский посол в канун войны всецело разделял внешнеполитическую доктрину английского правительства.

Незадолго до Мюнхена Кеннеди собрался произнести в Лондоне речь, в которой были такие слова: «Я никак не могу взять в толк, почему кому-то хочется воевать ради спасения чехов». По прямому указанию Рузвельта посол был вынужден исключить из речи это место. Очевидные симпатии посла к Берлину тревожили президента. Между ними возникли натянутые отношения. «Молодцу нужно дать крепко по рукам» [18], — как-то признался Рузвельт министру финансов Моргентау.

Вскоре после Мюнхена Джозеф Кеннеди публично заявил: «Я давным-давно считал, что демократическим и тоталитарным государствам невыгодно усиливать то, что их разделяет, подчеркивая разногласия между ними... Они должны с пользой сосредоточить свою энергию на разрешении общих проблем, пытаясь установить добрые отношения» [19].

Джон одобрил речь отца. Он написал о реакции на нее в США: «Хотя она непопулярна среди евреев и т. д., ее считают очень хорошей все, кто не озлоблен против фашистов».

Начало войны не поколебало убеждения посла, напротив, формальное объявление военных действий между Англией, Францией и Германией побудило его с еще большей энергией выступать за примирение с агрессорами. Глубокой осенью 1939 года во время пребывания в США он объяснил группе высших офицеров американских вооруженных сил, почему продолжение войны гибельно: «Еще один год ее, и вся Европа будет подготовлена для коммунизма».

По этой причине и родовой склонности к операциям со спиртными напитками он приступил к заблаговременной «эвакуации» Европы. Злопамятные конкуренты зафиксировали для истории: Джозеф в канун войны вложил новое содержание в старинные обязанности посла, скупив почти весь наличный запас шотландского виски (около полумиллиона

ящиков). В предвидении военных трудностей он ввез товар в США, придержал его на складах, а затем продал с неслыханной прибылью.

«ПОЧЕМУ АНГЛИЯ СПАЛА?»

Джозеф П. Кеннеди всеми силами стремился к тому, чтобы сыновья походили на него. В 1940 году, когда двадцатипятилетний Джо и двадцатитрехлетний Джон впервые сделали самостоятельные шаги на политической арене, он мог быть удовлетворен. Усилия не пропали даром, оба с молодым пылом отстаивали одряхлевшие убеждения отца. Из Лондона он непрестанно требовал от своего правительства: коль скоро не удалось примирить воюющих, конфликт в Европе — не американская война, США следует остаться в стороне, но вооруженными до зубов. То была пламенная проповедь известных истин «изоляционизма»: хотя Джозефа заботило прежде всего благополучие Соединенных Штатов, объективно такая позиция играла на руку фашистским диктаторам.

Джо оказался среди самых оголтелых «изоляционистов», нападавших на правительство Рузвельта за помощь Англии. Летом 1940 года на конвенте демократической партии он был в крошечной группе, выступившей против переизбрания Рузвельта президентом на третий срок. В январе 1941 года Джо открыто заявил, что США лучше вести торговлю с завоеванной Германией Европой, чем быть союзником Англии. В Вашингтоне отлично знали, чей сын эксцентричный молодой оратор.

Тем временем Джон трудился над своим дипломом о Мюнхене, просиживая днями в библиотеке. Из американского посольства в Лондоне ему прислали множество материалов. Было что анализировать и над чем думать. Два профессора консультировали молодого исследователя. Весной 1940 года Джон завершил свои труды, получилось 150 страниц (вместо обычных 70). «Диплом Кеннеди, — заметил его биограф А. Барнс, — был типичным студенческим произведением: возвышенный и педантичный стиль, изобилие статистических материалов и сносок, встречались орфографические ошибки и неуклюже построенные фразы» [20]. Не в этом суть, в меру своих сил и таланта сын пытался воспроизвести политические взгляды отца.

Автор настаивал, что за Мюнхен следует винить не Н. Чемберлена, О. Болдуина и других английских руководителей, а всю страну в целом и господствующую в ней систему — капитализм и демократию. Капитуляция в Мюнхене была подготовлена тем, что капитализм «миролюбив», особенно по сравнению с тоталитаризмом. Демократия не может быть воинственной, не став тоталитаризмом, ибо она «вы-

нуждена расплачиваться за все из своего бюджета, который ограничен законами капитализма — спроса и предложения». В результате в тоталитарном государстве можно достичь высшей степени мобилизации ресурсов, а Англия с ее порядками — погоней за прибылями и мирной жизнью подрезала крылья своим лидерам, которым и пришлось уступить в Мюнхене фашистским главарям. Они — всего лишь инструмент народа, выступавшего против вооружения страны.

В заключение автор выражал надежду, что демократия «окажется сильнее», положительно оценил Мюнхен как выигрыш времени в подготовке к войне. Особых выводов в работе не делалось. Сын писал отцу: «Конечно, мне не хочется ясно становиться на чью-либо сторону».

Летом 1940 года Джон с отличием защитил диплом и, следовательно, с отличием окончил Гарвардский университет. Из Лондона отец отметил успех сына теплой телеграммой и чеком на изрядную сумму. «Приятно, что ты подумал об этом, теперь я платежеспособен», — ответил сын. Ему пришло в голову попытаться опубликовать работу. Отец немедленно связался с А. Кроком, который в 1936 году обслужил его пером, теперь пришло время сына. Что он звезда «Нью-Йорк таймс» ясно. Тем лучше!

Крок помог Джону переработать диплом, предложив интригующее название «Почему Англия спала?» (перефразировав название нашумевшей книги У. Черчилля «Пока Англия спала», вышедшей незадолго перед этим). Отец потребовал, чтобы сын все же указал, что и лидеры виноваты, и добавил выводы. Пламенная концовка книги — США необходимо вооружаться, сделать демократию «работоспособной», и люди должны думать, что «дать правительству, а не получать от него», — была списана Джоном из большого письма отца.

Предисловие к книге дал Г. Люс, миллионер, глава могущественного газетного концерна. «Если Джон Кеннеди, — писал Люс, — типичен для подрастающего поколения, а я думаю, что это именно так, тогда многие из нас были бы счастливы немедленно вручить судьбы нашей республики в руки его поколения». Так аттестовал молодого автора старый газетный волк, тот самый Г. Люс, который в собственной книге «Век Америки», вышедшей почти одновременно с книжкой Дж. Кеннеди, требовал установления американского господства над миром.

Книга Джона, увидевшая свет в дни «битвы за Англию», получила значительную известность. Было продано 40 тысяч экземпляров в США и столько же в Англии. Торжествующий отец послал по экземпляру Ласки, Черчиллю и королеве. В США «Почему Англия спала?» зачислили в разряд бестселлеров. Джон получил 40 тысяч долларов гонорара. Это были деньги. Он обзавелся «бьюиком», приобретенным на собственные средства. Публицистика оказалась прибыльным

занятием. Двадцатитрехлетний автор с улыбкой сравнил доходность писательского ремесла с биржевой игрой — весной 1940 года он с великим трудом, хитроумными спекуляциями акциями авиационных компаний заработал 200 долларов.

О книге «прекрасные рецензии», сообщил Джозеф Кеннеди Ласки, прося отзыва. Профессор прислал обескураживающий ответ: «Хотя книга написана парнем с головой, она очень незрела, в сущности, бесплановa, и автор почти всегда скользит по поверхности явлений. Честно говоря, я не думаю, чтобы какой-нибудь издатель взял бы книгу Джона, если бы он не был вашим сыном, а вы не были бы послом» [21]. В 1948 году Джон встретился с Ласки и сказал: «Как вы были правы относительно той книги. Я бы хотел, чтобы она никогда не была написана». О литературных дерзаниях достаточно, вернемся к политике.

Посол Кеннеди по-прежнему убеждал правительство, что Германия победит. Он всячески ободрял тех в высшем свете Англии, кто стоял за капитуляцию и сговор с гитлеровской Германией. Английский Форейн Оффис завел досье на посла США, убедительно названное «Кеннедиана». С приходом к власти Черчилля 10 мая 1940 года негласное наблюдение за послом резко усиливается, к нему подключаются американские спецслужбы. Важнейшие проблемы в американо-английских отношениях Рузвельт и Черчилль решают в обход Дж. Кеннеди.

Когда англичане оказались в очень тяжелом положении у Дюнкерка, Кеннеди сообщил в Вашингтон: «Только чудо может спасти британский экспедиционный корпус от уничтожения» [22]. Чудо произошло, англичане эвакуировались. Будучи свидетелем «блица» люфтваффе против Лондона, он сделал вывод, что с Англией покончено. Посол не скрывал и публично, что сделает все, чтобы удержать США от вступления в войну, обещая сговориться с Хэрстом о проведении нужной кампании в Америке. Министр внутренних дел в кабинете Рузвельта Г. Икес помечал в дневнике: «Кеннеди все твердит, что Германия победит, Англия и Франция провалятся ко всем чертям, и его единственная забота, как сохранить свои капиталы для собственных детей».

Иные внушения Дж. Кеннеди в Вашингтоне носили параноидный характер. Во время краткой командировки в США он выступил на закрытом заседании комитетов конгресса по военным делам и объяснил: Черчилль «неразборчив» в средствах, «хочет взорвать американское посольство, свалить это на немцев, и все, чтобы вовлечь американцев в войну». Что до помощи Англии, то Кеннеди не скрывал — США должны заставить ее оплатить все до последнего цента. Мнение Кеннеди не было секретом в дипломатических кругах Лондона. Советский полпред в Англии И. М. Майский в это время холодно отметил личную заинтересованность американского посла: «Усилия капиталиста Кеннеди добиться новых усту-

пок для себя в импорте виски «Хейг» и джина «Гордон», на продажу которых он имеет монопольное право в США, в обмен на содействие в получении американской помощи — грубый шантаж». Стоит ли удивляться тому, что постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт записал в «Кеннедиане»: «Мистер Кеннеди — грязный представитель мошенника и пораженца. Он заботится только о своем кармане. Будем надеяться, что эта война по крайней мере приведет к ликвидации таких типов» [23]. Досье «Кеннедиана» рассекретили через 35 лет, в 1976 году.

А в 1941 году для англичан Кеннеди стал символом пораженчества, для Вашингтона — крайне неудобной фигурой. Посла вызвали в Вашингтон. Ожидали, что последует его увольнение. Вместо этого, выйдя из Белого дома после продолжительной беседы с Ф. Рузвельтом, Дж. Кеннеди заявил, что он горячо поддерживает его кандидатуру на выборах: Рузвельт, нарушив все традиции, в третий раз баллотировался на пост президента. Много лет спустя осведомленный С. Олсон рассказывал, что президент и посол во время памятной беседы заключили сделку — в обмен на поддержку Кеннеди в 1940 году Рузвельт обещал поддержать кандидатуру Кеннеди на президентских выборах в 1944 году. Этого не случилось. Но что мог знать Джозеф осенью 1940 года? Другая версия беседы проще — президент пригрозил предать гласности дела и высказывания посла.

Как бы то ни было, он горячо агитировал за Рузвельта, а после его успешного переизбрания счел возможным вновь напомнить прессе о личных взглядах. В пространном интервью посол рассказал о лондонских впечатлениях: Черчилль — выпивоха, английский король — заика, королева похожа на домохозяйку, и совершенно нет в ней величия. Посол-миллиардер пообещал «истратить все, что у него есть, дабы удержать нас от вступления в войну». Читатели «Бостон глоб» радостно приветствовали интервью земляка, в госдепартаменте разразилась буря. В декабре 1940 года Джозефа Кеннеди «ушли» в отставку.

Тут нахлынули семейные дела, поглотившие внимание главы клана. Джон объявил, что не пойдет в юридическую школу Гарвардского университета — там был Джо. Он решил, как и отец, стать бизнесменом, а навыки в почтенной профессии получить в Стэнфордском университете, в Калифорнии. Когда осенью 1940 года он уехал туда, братьев разделил Американский континент. Он оставил о себе память в Стэнфорде как думающий молодой человек, очень начитанный и крайне болезненный. Впрочем, знавшие Джона всегда помнили, из какой он семьи. Пусть черный, открытый «бьюик» куплен на гонорар от книги, но тощий молодой человек — миллионер. В Стэнфорде Джон прочно заложил основание своей репутации женолюба, каскад романов, он положительно гордился своими победами на этом фронте.

Но рассеянное времяпрепровождение и учеба в Стэпфорде скоро наскучили. Джон бросил ее и отправился путешествовать по Латинской Америке.

Весной 1941 года он вернулся домой и узнал, что Джо пошел добровольцем в летное училище морской авиации. Джон поспешил на ближайший вербовочный пункт, разумеется, не авиации, а армии. Из-за поврежденного позвоночника его не взяли. Тогда он стал упорно тренироваться. Через пять месяцев Джон предстал перед комиссией, набиравшей добровольцев во флот. Прошел. Отец рассудил, что он принесет наибольшую пользу в военно-морской разведке. Несколько звонков высоким чинам, и Джона засадили за канцелярскую работу.

В столице репортером в газете «Вашингтон Таймс-Геральд» трудилась Катлин, сестра Джона. Газета занимала тогда резко антирузвельтовскую и «изоляционистскую» позицию. Приятельницей Катлин была 28-летняя Инга Арвад, дама с большим прошлым. И она работала в газете. Датчанка по происхождению, Арвад в свое время завоевала почетное звание «мисс Дания», с 1930 года она журналистка в Германии. Калейдоскоп знакомств — Геринг, Геббельс, Риббентроп. На Олимпийских играх 1936 года Гитлер пригласил Ингу сопровождать его, представляя ее как «подлинную нордическую красавицу». С конца тридцатых она в Вашингтоне, свободная от матримониальных уз. Два брака, последний еще не расторгнутый, забыты.

А. Крок привел в «Вашингтон Таймс-Геральд» обеих — Катлин и Ингу — и патронировал их. Естественно, ФБР с большой настороженностью следило за бойкой датчанкой, и люди Э. Гувера были положительно вне себя, когда узнали, что Катлин познакомила ее с братом. Сотрудник военно-морской разведки и женщина, знавшая нацистских главарей! Тревога в ФБР перешла в панику, когда обнаружили — Джон поселился с Ингой-Бингой, как он прозвал ее, в уютной квартирке. Там их забавы разнообразили нередкие визиты Катлин с приятелем журналистом.

По нарастающей — ФБР, Джозеф Кеннеди, президент Рузвельт сочли ситуацию невозможной. Джон не видел ничего особенного и доверился отцу — он, пожалуй, женится на Инге-Бинге. Он ввел даму в родительский дом, стоило ей выйти, как отец жарко отговаривал, а стоило Джону выйти — Джозеф с юношеским пылом соблазнял гостью. «Сложилась совершенно аморальная ситуация, — припоминала Арвад спустя десятилетия, — вся семейка невероятно грязная». Говорила, конечно, не жрица нравственности, а дама, вызывающе коллекционировавшая любовников.

В январе 1942 года Джона внезапно перевели в Чарлстон, в штате Южная Каролина. Инга бросилась навещать любимого, агенты ФБР с ухмылкой прослушивали записи пылких любовных встреч — по приказу президента Ф. Рузвель-

та за Ингой была установлена «самая строгая слежка». Джозеф, обеспечивший перевод сына в Чарлстон, увидел, что этого недостаточно. Он обратился к приятелю с Уолл-стрита — заместителю военно-морского министра Дж. Форрестолу — услать Джона воевать на Тихий океан. Проездом в офицерскую школу Джон повидался с Ингой в Вашингтоне и мрачно заметил: «Какой-то сукин сын направляет меня в действующий флот, я выясню, кто этот сукин сын».

Перед самим Джозефом война не открыла никаких перспектив на службе государству. После 7 декабря 1941 года он послал президенту телеграмму: «Прошусь на фронт, готов служить под вашим командованием». Правительство не отозвалось, ему не дали никакого поста. Разъяренный экс-посол засел за книгу. Он наконец собрался изобличить «глупость» Рузвельта, в результате которой США оказались в войне. Книга была почти закончена, когда Рузвельт позвал автора побеседовать и в интересах единства нации убедил не печатать ее. Президент прозрачно намекнул, что Дж. Кеннеди может вполне ожидать назначения на высокий пост — нужда в опытных администраторах была действительно велика.

Кеннеди отложил рукопись и стал ждать. В конечном итоге напрасно, но пассивное ожидание было не в его натуре. Если нет непривычного литературного труда, то есть привычный: он занялся спекуляциями недвижимой собственностью. Некоторые сделки имели скандальный характер. В 1944 году на Шестой авеню в Нью-Йорке он приобрел жилой дом, вложив в него 200 тысяч долларов. Новый владелец немедленно удвоил квартплату. Посыпались жалобы в легислатуру штата. Когда открылось, кто владелец, разгорался скандал. Легислатура, воспользовавшись этим случаем, «заморозила» квартплату. Но пока законодатели штата потрясали кулаками и сыпали угрозы, Дж. Кеннеди продал дом. Чистый доход — миллион долларов. По самым осторожным оценкам, на операциях подобного рода в годы войны Дж. Кеннеди только в Нью-Йорке заработал 100 миллионов долларов [24].

Деньги деньгами, а семья требовала внимания и внимания. Старшая дочь Роза с годами обнаружила буйные признаки душевной болезни. Джозеф не колеблясь разрешил в 1941 году провести лоботомию, после операции жалкое существо пожизненно заперли в надлежащее учреждение. Завершилась и затянувшаяся история с Джоном — он окончил ускоренные курсы командиров торпедных катеров и был выпущен младшим лейтенантом. Офицеры-катерники в то время слыли флотской аристократией. Среди них было немало опытных яхтсменов, получивших навыки вождения легких суденышек в привилегированных яхт-клубах. На войне Джону предстояло служить вместе с командирами торпедных катеров П. Пенойером, внуком Дж. П. Моргана, А. Ар-

кесом, отпрыском семьи нью-йоркских богачей, П. Фаем, сыном владельца громадной строительной корпорации в Сан-Франциско [25].

Весной 1943 года Джона откомандировали на театр военных действий в юго-восточную часть Тихого океана. Там, после овладения островом Гуадалканал, началось крупное наступление. Для американцев сражения, происходившие в районе Новой Гвинеи, представлялись необычайно важными, затмевавшими вялые боевые действия войск США и Англии в Африке.

6 марта 1943 года свинцово-серый военный транспорт «Рошамбо» вышел из Золотых ворот, покинув Сан-Франциско. Среди полутора тысяч пополнения Джон Кеннеди. Он оставил позади США и Ингу. Отец добился своего.

ТАК СТАНОВЯТСЯ ГЕРОЯМИ

12 апреля 1943 года «Рошамбо» вошел в воды Гуадалканала. Позади — месяц пути из Сан-Франциско. Опершись на поручни, младший лейтенант Кеннеди жадно вглядывался в берег — корабль прибыл к Соломоновым островам, где недавно происходили ожесточенные схватки. Место назначения Кеннеди — недавно отбитый остров Тулаги, теперь база легких сил. То самое место... До боли знакомые по газетным отчетам — «щель», «железное дно» — на военном жаргоне узкий пролив и район, где покоятся американские корабли. Как-то в одной короткой ночной схватке японцы потопили здесь четыре американских тяжелых крейсера, с ними ушли на дно тысячи моряков [26].

Тулаги при беглом взгляде — невзрачный тропический островок, ничто не говорит, что здесь было сломлено острие японского продвижения на юг. Но вот зримое напоминание о жестокой войне: на холме, возвышающемся над гаванью острова, исполинский плакат, далеко видный с моря: «Убивай япошек! Убивай япошек! Убивай побольше япошек! Ты можешь желтых ублюдков истребить, если будешь дело бдить!»

Призыв сочинил сам американский командующий в этом районе престарелый адмирал У. Хэлси. Флотоводец вдохновил его повыше и на этом счел политическую работу во вверенных ему частях и подразделениях оконченной. Остальное зависело от капелланов и изобретательности младших командиров. На арке, сооруженной над узким каналом, надпись: «Под этим порталом проходит лучшая флотилия торпедных катеров в мире». Кеннеди пожал плечами — несколько грязных хижин, поржавевшие рельсы старой узкоколейки, грузовой транспорт, к берегу приткнулись ободранные торпедные катера, едва видные под ветвями пышных тропических кустов. База! Здесь ему предстояло служить.

23 апреля Джон Кеннеди вступил в командование торпедным катером ПТ-109 «лучшей в мире» флотилии. 25-метровое деревянное суденышко имело четыре торпедных аппарата, пулеметы. ПТ-109 уже девять месяцев нес службу в тропиках в руках безалаберного экипажа. Грязный до изумления, кишащий крысами и тараканами, запущенный катер встретил юного командира устрашающим зловонием. Пришлось загнать ПТ-109 в импровизированный сухой док и основательно отремонтировать руками экипажа, включая командира.

Пробный выход в море сошел благополучно, но при возвращении на базу грохот спаренных пулеметов с носа ПТ-109 вызвал повальную панику. Моряки поспешно укрывались — внезапный налет японцев. Стрельба тут же прекратилась, и тогда на базе услышали срывающийся от бешенства голос Кеннеди: он осыпал бранью пулеметчика, случайно приведшего оружие в действие и не сумевшего прекратить огонь, пока не иссякли патроны в магазинах.

Начались боевые будни. ПТ-109 нес патрульную службу. В мае — пять выходов в море. Полный перечень происшествий, занесенных в судовой журнал рукой Кеннеди: «8 мая, 18.20. Вышли в море из Сесапи вместе с ПТ-59 для патрулирования района от островов Саво до мыса Эсперанс. Видимость равна нулю. 13 мая 0.45. Повторные вспышки, вероятно, перестрелка в районе островов Рассел. 17 мая, 0.40. Видели белый свет в центре островов Саво. 21 мая. Выпустили десять очередей из пулемета по плавающим бочкам из-под горючего. 23 мая, 5.30. Вышли из района патрулирования, направляясь к Сесапи; 5.40. Видны вспышки от стрельбы зениток, по-видимому, наши; 21.30. Увидели красный огонь на поверхности воды, 30° по курсу, расстояние четыре мили. Обследовали место. Ничего не обнаружили».

Моряки с торпедных катеров расквартировались кто как мог, Кеннеди с двумя приятелями приспособили под жилье хижину. Для обслуживания наняли местного парня, темнокожего Лами. Обычно он спал на полу между кроватями американцев. Киплинговская идиллия отношений белого и черного человека была нарушена, когда Лами как-то с большой похвалой отозвался о вкусе человеческого мяса. Американцы припомнили дурную славу Соломоновых островов — в свое время здесь было раздолье для каннибалов. Присмотрелись поближе к Лами, стали спрашивать. Он выдавил из себя загадочные слова: «Моя съела падре». Компания молодых моряков облегченно вздохнула, когда внезапно лишилась слуги — новозеландская полиция за что-то бросила в узилище Лами.

Загорелый до черноты, с подвешенным к поясу кинжалом устрашающих размеров, Джон быстро приобрел вид ветерана. Он обычно ходил голый по пояс, и только лихо заломленная фуражка напоминала об офицерском звании. Экипаж

полюбил его. Он смотрел сквозь пальцы на проделки подчиненных, «организовывавших» спиртные напитки. Иногда им удавалось украсть ящик-другой пива, как-то они утащили содержавшую большой процент этилового спирта канистру с жидкостью для торпед. Поскольку моряки с ПТ-109 были не одни — экипажи других катеров также приняли участие в расхищении канистр с вожделенной влагой, на базе провели повальный обыск. Разумеется, ничего не нашли, а когда опасность миновала, в трюме ПТ-109 заработал примитивный самогонный аппарат. Прохаживаясь по палубе катера, пропитанного отвратительным едким запахом сивухи, Кеннеди делал вид, что всецело поглощен высокой стратегией.

Среди командного состава Кеннеди прослыл образованнейшим человеком. В хижине на видном месте красовалась единственная книга — «Война и мир» Л. Н. Толстого, с которой хозяин не расставался. В спорах младший лейтенант высказывал весьма взвешенные суждения. Как-то среди офицеров разнесся слух, что Соединенные Штаты оплатят Австралии стоимость плантаций, уничтоженных американцами на Соломоновых островах. Офицеры нашли самую мысль чудовищной. Кеннеди, однако, обратил их внимание на то, что плантации — частная собственность и, следовательно, стремление владельцев получить компенсацию за ущерб совершенно законно. Боевые друзья не углубились в спор. Они уже знали, кто отец командира ПТ-109, по достоинству оценив значение семейных связей. В конечном счете Джон оказался на театре военных действий по личному распоряжению Дж. Форрестола, давнего друга посла Джозефа Кеннеди, хотя о подоплеке наверняка не знал сам бравый младший лейтенант [27].

Так и воевали тринадцать моряков на торпедном катере. Больших стычек с врагом не случалось, но мелких происшествий на борту катера — хоть отбавляй. Однажды в боевом походе ночью Кеннеди передал приказ в моторное отделение. Никакого результата. Бросив штурвал и громадную тарелку с мороженым — обычное лакомство командира на вахте, Кеннеди ринулся вниз. Три механика мирно спали, убаюканные мерным рокотом моторов. В другой раз оглушительный в крошечной каюте катера выстрел поставил на ноги команду: моряк, чистивший оружие, едва не убил своего товарища.

Летом 1943 года соединения адмирала Хэлси начали наступление, отвоевывая у японцев все новые острова. За продвигавшимися частями на передовые базы перебазировались торпедные катера, пока не оказались на острове Рендова, увенчанном высокой горой. Ночная патрульная служба на передовых рубежах становилась все опаснее. Как-то перед рассветом над катером вспыхнула осветительная бомба. В ответ бешено заработал 20-миллиметровый зенитный ав-

томат, паводчик старательно пытался поразить самолет. Озлобленный американский пилот по радио пригрозил расправиться с катером. Кеннеди остановил огонь. Такие случаи повторялись еще и еще: либо катер бомбили свои самолеты, либо с него обстреливали их.

19 июля ПТ-109 получил боевое крещение: японский самолет подкрался незамеченным и сбросил поблизости пару бомб. «Осколки бомб, сделанных из ручек автомашин «Форда», лезвий бритв, водопроводных кранов и других железных изделий, которые Япония импортировала из США в течение многих лет перед войной, пронизали катер и его оснастку от носа до кормы» [28], — замечает Д. Донован, биограф ратных подвигов Кеннеди. Трое моряков были ранены, командира спасло бронированное ограждение мостика.

Молодой командир стремительно набирал боевой опыт. ПТ-109 прославился лихими возвращениями на базу. Как громадная торпеда, катер врывался в небольшую гавань и давал обратный ход чуть не у самого причала. Эффектное зрелище. Однажды капитан не рассчитал и врезался в док. Невообразимая суматоха, резким ударом ремонтники были сбиты с ног, погребены под ящиками, мусором, инструментами. Когда они в панике выбрались, то увидели не японские пикирующие бомбардировщики, а скорбную фигуру капитана ПТ-109. Обнаженный по пояс, как он ходил в боевые походы, Дж. Кеннеди с невыразимой тоской озирал с мостика дело своего катера. Только новое ЧП — волна, сорвавшая несколько катеров с якорей, что привлекло всеобщее внимания, — спасло командира ПТ-109 от дисциплинарной расправы.

День первого августа на базе начался хлопотливо. Экипаж ПТ-109 повышал боевую мощь корабля. Кеннеди раздобыл 37-миллиметровое противотанковое орудие и вместе с командой ломал голову, как получше укрепить ее на палубе. Сложная задача. Решили снять колеса и прибить орудие гвоздями. Послали за плотником. Пока присели отдохнуть, прислушиваясь к патефону на соседнем катере, там прокручивали пластинки с модными мелодиями «Серенады солнечной долины». В этот момент около двадцати пяти японских пикирующих бомбардировщиков внезапно обрушились на базу. Их приняли за своих, и они сначала не встретили сопротивления. Японские летчики шли в атаку с обычным мужеством, подбитые самолеты врезались в скопления катеров и прибрежные сооружения. База понесла существенный ущерб. Кеннеди успел вывести ПТ-109 из-под огня. Искусно маневрируя, катер вырвался из гавани.

Пришедшая по пятам за дерзким налетом шифровка открыла глаза командиру соединения. Его извещали, что предстоящей ночью через пролив Блекетта, что в сорока милях от базы, пройдет японский «экспресс» — несколько вражеских эсминцев из Рабаула с подкреплением для гарнизонов

на соседних островах. Легким силам американцев надлежало не допустить прорыва противника. Оставшиеся пятнадцать исправных катеров базы, включая ПТ-109, получили задание перехватить «экспресс». Они были разделены на четыре дивизиона по числу катеров, имевших радарные установки.

В быстро сгущавшихся тропических сумерках соединение покидало базу. В трубах аппаратов светились торпеды, грозно сверкали стволы зенитных автоматов, покачивались антенны. Молчаливые, горбатые фигуры моряков в спасательных жилетах и касках. ПТ-109 вооружен до зубов, противотанковое орудие наскоро прикручено веревками. То был тридцать первый боевой выход Кеннеди в море. Набирая ход, торпедные катера быстро исчезли.

В 21.30 катера заняли боевые позиции и на приглушенных моторах попарно патрулировали пролив. Вскоре один из катеров, имевший радар, обнаружил противника. Полагая, что это самоходные баржи, катер ринулся в атаку и оказался под огнем четырех эсминцев, составлявших «экспресс». Командир выпустил все четыре торпеды, промахнулся и отошел. Хуже всего — он ни о чем не известил своих товарищей. Японские эсминцы черными призраками скользили по проливу. Обнаружив их, очередной торпедный катер выходил в очередную безрезультатную атаку и, выполнив боевой долг, ложился на обратный курс. Так развернулась, по словам автора трехтомной официальной истории действий торпедных катеров флота США в минувшую войну, «самая малоэффективная операция торпедных катеров... Их основная ошибка заключается в том, что они ни о чем не информировали друг друга. Каждый атаковал в одиночку, оставляя на долю остальных самим находить врага» [29]. Катера соединения израсходовали тридцать торпед, «экспресс» не потерпел никакого ущерба, успешно достиг места назначения, выгрузил войска и повернул назад.

ПТ-109 пока не посчастливилось встретить врага. В кромешной темноте Кеннеди со своим напарником ПТ-162 продолжал патрулирование. Они видели вспышки выстрелов, огрызавшихся огнем японских эсминцев, но приняли их за стрельбу береговых батарей. Глубокой ночью к ним присоединился еще один катер — ПТ-169, потерявший свой дивизион. Втроем стало веселее. Запросили базу, оттуда последовал категорический приказ — продолжать боевую работу! Катера в строю клина, имея во главе ПТ-109, бороздили пролив. Не было слышно обычного рева моторов, шли на малых оборотах, выхлоп — в воду! Командиры на мостиках не подозревали, что с каждой секундой они приближаются к «экспрессу». Японские эсминцы, выполнив задание, торопились покинуть опасные воды. Они неслись почти встречным курсом со скоростью 30 узлов.

Внезапно на ПТ-109 раздался испуганный возглас матроса у носового пулемета: «Корабль на двух часах!»

Почти сразу примерно в 800 м правее по курсу Кеннеди и командиры двух других катеров увидели темный силуэт. Несколько мгновений они вглядывались в мрак, полагая, что навстречу им идет свой катер. Корабль угрожающе рос в темноте. На мостике эсминца японского императорского флота «Амагири» капитан Ханами оценил обстановку быстрее. Расстояние до катера сокращалось так быстро, что его нельзя было обстрелять, суденышко попало в мертвую зону. Ханами приказал идти на таран [30].

Дальнейшее отняло не больше 40 секунд. Кеннеди одновременно скомандовал полный ход, попытался занять позицию для торпедного залпа (хотя на таком небольшом расстоянии торпеды не взорвались бы) и объявил боевую тревогу. «Она давно объявлена», — проворчал торпедист с правого борта. Пока Кеннеди вращал штурвал, а эсминец неумолимо нависал над катером, на палубе ПТ-109 суматоха нарастала. Слышался лязг металла, матрос заряжал 37-миллиметровое орудие. Не в состоянии оторвать глаз от эсминца, он не видел, что бьет снарядом в закрытый затвор. Радист на мостике рядом с Кеннеди схватился руками за амулет, который он носил на груди в боевых походах, и громко запричитал: «Дева Мария, зачавшая без греха, молись за нас...»

Оглушительный треск покрыл слова молитвы. «Амигири» протаранил катер почти в центре. Страшный удар вырвал штурвал из рук Кеннеди и отбросил его назад. Он ударился спиной об ограждение мостика. Слепящая боль, а перед глазами всего в нескольких метрах прошел и исчез чудовищно высокий борт эсминца. Мелькнула мысль: «Так вот как погибают!» Деревянный катер был разрезан почти точно посередине.

Ослепительно вспыхнул бензин, разлившийся по поверхности воды из разбитых баков. С «Амагири» пустили два-три снаряда в направлении громадного костра, полыхавшего на месте катера, но промахнулись. В критический для ПТ-109 момент ПТ-162 попытался атаковать эсминец еще до тарана; но торпеды не вышли из аппаратов, и катер отошел. ПТ-169 выпустил две торпеды по «Амагири», не попал и также ретировался. Командиры катеров решили, что экипаж ПТ-109 погиб в пламени, а поскольку, как выяснилось, в проливе Блекетта кишат японские эсминцы, сочли за благо вернуться на базу. Катера набрали полный ход, и исполинский факел, освещавший могилу моряков ПТ-109, скоро исчез за кормой.

Из тринадцати человек экипажа погибли двое. Одиннадцать человек сгрудились на части катера, оставшейся на плаву. Моряки ожидали помощи от боевых друзей с соседних катеров. Ожидали как военнослужащие, понаслышавшиеся о флотском товариществе, и просто как люди, попавшие в беду. В ближайшие часы помощь не пришла, а озлобление на «товарищей» осталось на многие годы [31]. Отчаявшись, они стали держать совет. Скоро рассвет, потерпевших

бедствие заметят японцы с соседних островов. Что тогда? Дискуссию открыл Кеннеди: «В уставах наше положение не предусмотрено. Похоже, мы больше не воинское подразделение. У многих из вас семьи, а у некоторых дети. Что вы хотите делать? Мне же терять нечего». Поспорили и сошлись на том, что смерть не принесет пользы никому. Решили, если японцы обнаружат их, сдаться в плен.

Настал день. Поблизости никого. Моряки проклинали войну и исчезнувшие торпедные катера, предали проклятию и свою авиацию — ни одного самолета. А обломки катера все глубже погружались в воду. Тогда Кеннеди предложили плыть к острову, видневшемуся в пяти с небольшим километрах. Сильно обожженного механика (при катастрофе он всплыл в пылающем бензине) Кеннеди тащил за собой, держа в зубах тесемки от его спасательного жилета. Остальные девять человек плыли за ними, вцепившись в бревно. К вечеру, пробыв в воде 15 часов, достигли необитаемого острова. Тут же мудрость командира подтвердилась — раздался стук мотора, и спрятавшиеся в кустах моряки увидели японский катер, прошедший вплотную к острову. Появись он на несколько часов раньше! Судьбу попавших в руки японцев знали хорошо и, хотя договорились сдаться, содрогались при мысли о плене.

Наступила ночь. Кеннеди, вооружившись сигнальным фонарем и повесив на шею пистолет, вновь бросился в воду. Он выплыл в середину пролива, надеясь привлечь внимание торпедных катеров, обычно проходивших здесь на патрулирование. Он смертельно устал, даже отбросил мысль об акулах и барракудах, кишащих в этих водах. 12-часовое дежурство оказалось напрасным, катера не появились. Утром с воспаленными глазами, изрезанными рифами ногами и руками Кеннеди предстал перед товарищами и без сил рухнул на песок. Отлежался, а на следующий день заставил товарищей переплыть на соседний островок, где виднелись кокосовые пальмы. Их орехами и стали питаться, а кокосовым маслом смазали пистолеты, однако напрасно — оружие отказало.

Прошло несколько дней. Они ежечасно вглядывались в сторону Рендова. Гора, хотя до нее было несколько более 50 километров, казалась обманчиво близкой. Перед рядовыми Кеннеди бодрился, но, когда оставался с двумя офицерами из команды, отчаянно ругался — ротозеи, не могут спасти их! Многие утратили всякую надежду. Один матрос печально заметил, что все умрут. Другой сказал, что только хорошим дано уйти в лучший мир молодыми. Попросили радиста пустить в ход свой спасительный амулет, тот предложил помолиться вместе — говорят, коллективная молитва легче доходит до бога. На это резонно возразили, что зрелище будет лицемерным, обычно только немногие ходили в церковь, и бог прекрасно поймет это, да к тому же в жизни все сквернословили и вообще были великими грешниками и

т. д. Кеннеди молча серьезно слушал, не вмешиваясь в споры. Он не хотел портить отношений со всевышним.

5 августа оборванных и оголодавших американцев заметили двое туземцев, проплывавших в пироге. Кеннеди знаками объяснился с ними. Насколько он понял, местные жители служили разведчиками союзников. Кое-как им растолковали — нужно добраться до Рендовы и передать послание. На кокосовом орехе он вырезал ножом: «Туземцы знают место. 11 в живых. Кеннеди». (Орех в изящной оправе впоследствии красовался на столе президента Дж. Кеннеди.) Еще два дня треволнений, и наконец 8 августа торпедный катер привез спасенных на Рендову.

Кеннеди получил сразу две награды: орден «Пурпурное Сердце», медаль флота и морской пехоты, и был произведен в лейтенанты. В письме матери он скромно объяснил: это звание на флоте равно армейскому капитану. Джон никогда не считал себя героем. Разумеется, история с ПТ-109 в последующие годы умело использовалась для создания ему популярности. Хотя недоброжелатели всегда жалели, почему не было проведения следствия по поводу потери капитаном корабля, много чаще его спрашивали, как стать героем. Джон отвечал коротко и точно: «Произошло это не по моему желанию. Взяли и потопили мой корабль».

За годы второй мировой войны только один торпедный катер — ПТ-109 отправился на дно, протаранненный вражеским кораблем. В 1960 году Д. Пирсон разузнал и оповестил о пикантных подробностях. Генерал Макартур в 1943 году, узнав о прискорбном инциденте, будто бы распорядился «предать суду военного трибунала» командира катера-ротозея, позволившего «японскому эсминцу протаранить его» [32]. В 1960 году со времен войны истекло много лет, и Д. Макартур немедленно опроверг сообщение Пирсона. Честь лейтенанта времен второй мировой войны, а ныне кандидата в президенты США была сохранена.

Хотя травма в позвоночнике и малярия мучили его, Кеннеди решил продолжать службу. Прозвище Спичка как нельзя лучше характеризовало лейтенанта, вступившего 7 октября 1943 года в командование торпедным катером ПТ-59. На судепышке были сняты торпедные аппараты и установлены орудия. Задача ПТ-59 — уничтожать японские самоходные баржи, снабжавшие гарнизоны на островах. Немало боевых выходов в море, повезло в одном — на рассвете 6 ноября огнем катера ПТ-59 были потоплены три вражеские баржи.

Конечно, достижение молодого лейтенанта. Тощий, с ввалившимися глазами, он очень изменился, приобрел осмотрительность и навыки командира. Но здоровье резко ухудшилось, и дни службы на флоте были сочтены.

18 ноября 1943 года лейтенант Кеннеди по болезни был списан с действующего флота. Он вернулся в США. Ветеран с Соломоновых островов — завидная находка для тыло-

виков. Боевому офицеру поручили организовать совместные учения торпедных катеров. Отличная погода, прелестное место — курорт Майами в штате Флорида. Толпы гуляющих. Вдруг с моря надвигается зловещая стена смрадного дыма, а за ней ревут моторы. Паника: газовая атака! Гуляющие разбегаются — приближается немецкий десант! Дело много проще: бравый лейтенант Джон Кеннеди, прикрывшись дымовой завесой, ведет торпедные катера в учебную атаку.

В январе 1944 года Джон возвращался в США, разумеется, через Калифорнию. Первый визит к Инге Арвад, которая теперь прижилась в Голливуде. Хотя в письмах с фронта Джон заверял ее — «ты самая яркая страница в 26 годах моей яркой жизни», встреча получилась холодной. Она не забыла, как ощетинился Джозеф Кеннеди против ее брака с сыном, критически осмотрела Джона — он производил впечатление смертельно больного и безвольного парня. Где ему драться с семьей за ее счастье. А Голливуд так манил. Любви пришел конец.

Годы войны преисполнили Дж. Кеннеди отвращением к военной службе. В 1944 году он пишет одному из друзей о флотских порядках: «Здесь обладают сверхчеловеческой способностью испачкать все, к чему только прикасаются... Даже простая доставка письма сверхобременяет нашу пыхтящую военную машину. Боже, спаси нашу страну от этих патриотов, чей военный клич: «США нужно, чтобы ими руководили с военной эффективностью». Падение Кеннеди на палубу катера положило конец военной службе: дали знать себя старые травмы.

Поздней весной 1944 года Джон лег в госпиталь и перенес мучительную операцию на позвоночнике — врачи прикрепили к спинному хребту стальную пластину. Он пробыл в постели большую часть 1944 года.

В госпитале его настигла тяжкая весть: 12 августа 1944 года погиб Джо. Еще осенью 1943 года Джо начал боевую службу в американской авиации в Англии. Он был пилотом тяжелого бомбардировщика в составе берегового командования. Задача — патрулирование Бискайского залива, Северного моря и Ла-Манша для предотвращения прорыва германских подводных лодок в Атлантику. Работа нервная и опасная. По всей вероятности, в этих экстремальных условиях он очень сблизился с сестрой Катлин, работавшей в организации Красного Креста в Лондоне. Катлин весной 1944 года доплетала свою сеть, с 1938 года она вела дело к браку с Хартингтоном, наследником герцогского титула. Это льстило семье Кеннеди, но брак католички с протестантом ни Джозеф, ни Роза не могли допустить.

Тут и протянул Катлин братскую руку помощи Джо, поддерживая ее вызов религии и родителям. Еще Катлин обратилась за поддержкой к прослывшему экспертом в делах сердечных Джопу. Она откровенно писала ему: «Я не понимаю,

почему мне так нравятся англичане, хотя они относятся к людям безразлично и не так обходительны с женщинами, как американцы, но, наверное, женщинам нужно именно английское обращение. Ведь это твоя техника, когда ты подгребаешь к нам?» Неизвестно, что ответил Джон сестре, отцу, однако он посоветовал — пусть Хартингтон уступит в вопросе вероисповедания.

Из этого ничего не вышло, как и из обращений семьи Кеннеди к знакомым кардиналам и даже к Папе Пию XII. Тогда 6 мая 1944 года Катлин разрубила гордиев узел: в гражданской церемонии бракосочеталась с будущим герцогом, а пока маркизом Хартингтоном. Она входила в одну из богатейших семей Англии, имеющей только земельные владения до 100 тысяч гектаров. Присутствовали несколько представителей высшей английской знати, от семьи Кеннеди Джо, как и жених, в военной форме.

Выдав сестру замуж, Джо не видел больше особых причин задерживаться в Англии. Он отслужил вместо одного срока два и уже собирался вернуться в США, как прослышал о намечавшейся весьма секретной операции. Вскоре после высадки в Нормандии гитлеровцы начали обстрел Англии управляемыми снарядами, за ними последовали ракетные удары неуязвимыми ФАУ-2. Хотя последствия всего этого оказались в конечном итоге не столь значительными, летом 1944 года Лондон был очень встревожен. Считалось необходимым любой ценой предотвратить смерть и разрушения, которые несло новое немецкое оружие.

Выход был один — попытаться подавить стартовые площадки управляемых снарядов и ракет. Мощная система противовоздушной обороны, созданная для их прикрытия гитлеровцами, почти начисто ликвидировала возможность успешной бомбардировки с воздуха. Тогда и родился план этой операции — использовать против стартовых площадок самолеты, начиненные взрывчаткой. Замысел был прост. Бомбардировщик стартует с английского аэродрома, ложится на курс, затем пилоты-добровольцы покидают машину на парашютах, а управляемый по радио с другого самолета бомбардировщик обрушивается на избранный объект.

Джо и вызвался быть пилотом обреченной машины. Его вещи уже были отправлены на родину, и участием в операции он хотел подвести черту под боевой карьерой. Сначала все пошло по плану. 12 августа 1944 года, натужно ревя, перегруженный четырехмоторный бомбардировщик взлетел, набрал высоту и лег на курс. Но с земли и сопровождавшего самолета увидели вместо двух фигурок — Джо и второго пилота, которые должны были отделиться от самолета, — ослепительный взрыв. Бомбардировщик, имевший на борту 11 тонн бомб, на глазах ужаснувшихся свидетелей катастрофы буквально обратился в пыль. Хоронить было некого, осталась только память.

По стечению обстоятельств взрыв бомбардировщика Джо па время ослепил в экипаже самолета сопровождения капитана Эллиота, сына президента Ф. Рузвельта. Джозеф Кеннеди был ослеплен ненавистью к президенту и вскоре осведомился у Г. Трумэна, баллотировавшегося на пост вице-президента вместе с Рузвельтом: «На кой черт ты помогаешь этому сукиному сыну, этому уроду, погубившему моего сына?!» Рузвельт все же пригласил в Белый дом Дж. Кеннеди поговорить на политические темы. В предпоследний раз в 1942 году они обменялись репликами:

«Кеннеди: Ты умрешь либо великим президентом, либо величайшей ж...

Рузвельт: Есть третья возможность — я помру президентом захудалой страны».

Теперь в их последнюю встречу Кеннеди изрек — если президент потерпит поражение на выборах, будут виновны «евреи и коммунисты», которыми он окружил себя [33].

Джон собрал воспоминания о старшем брате и принял участие в написании небольшой книжки «Джо, каким мы помним его», изданной ограниченным тиражом. В ней было много теплых слов родных и друзей, воспоминания 12-летнего Эдварда. Ему запомнилось, как он и старший брат попытались взять приз на парусных гонках. Эдвард зазевался, не успел выполнить команду. Джо в мгновение ока схватил невнимательного мальчишку за шиворот и с головой окунул в ледяную воду. «У Джо был один недостаток: он легко, как видите, приходил в ярость во время спортивных состязаний», — закончил панегирик брату 12-летний автор.

Профессор Г. Ласки в своем очерке припомнил другое: «Он интересовался всем, обладал удивительным энтузиазмом, если любил что-нибудь, то любил всем сердцем. Он глубоко интересовался политикой и решил посвятить себя до конца политической карьере. Частенько он сидел у меня в кабинете и с обворожительной улыбкой бесконечно дразнился, говоря, что решил стать ни больше ни меньше, как президентом Соединенных Штатов» [34]. Джон призвал в книжке быть верным памяти брата.

В составе флота США появился новый эсминец «Джозеф П. Кеннеди-младший». 19-летний Роберт бросил офицерское училище, пошел матросом первой статьи на корабль. Эсминец охранял покой в водах Карибского моря. За шесть месяцев службы молодой моряк не видел врагов, но научился сражаться за чистоту на корабле: в тропиках приходилось постоянно возобновлять краску на коррозирующем металле. Роберт демобилизовался с внушительным шрамом на лбу — результат потасовки с пуэрториканцем. Шрам остался на всю жизнь.

Семья Кеннеди понесла еще одну утрату: 10 сентября в Бельгии был убит в бою доставшийся с таким трудом Катлин супруг, 26-летний капитан гвардии маркиз Хартингтон.

Еще Ремарк тонко очертил психологию молодого человека, обожженного войной. Переход к мирной жизни мучительно труден. Тени ушедших окружают выжившего.

Инга Арвад по старой дружбе добилась у Джона интервью. Она попыталась заверить Джона, что он герой. «Во мне нет ничего героического, — отпарировал он, — настоящие герои не те, кто вернулся, а те, кто там остался, а таких много, включая двоих из экипажа моего катера».

Записные книжки Джона за 1945 год пестрели заметками о смерти. О гибели Раймонда Асквита в 1915 году (цитата из книги У. Черчилля «Великие современники»): «Война, сломившая множество людей, не могла ничего поделать с ним. И когда в реве и грохоте битвы на Сомме он пошел навстречу своей судьбе, то был он спокоен, горд, решителен и, в сущности, весел». Вырезки из газет о смерти Джо, письмо-рассказ Катлин о гибели мужа. Выписка из другой любимой книги — Джона Бьюкенена «Путь пилигрима»: «Он любил свою юность и остался юн навсегда. Любящий жизнь, блестящий и смелый, теперь он часть бессмертной Англии, не знающей ни старости, ни усталости, ни поражений». Шли годы, жена утверждала: горечь смерти молодым всю жизнь преследовала его.

В канун нового, 1945 года, Джон был демобилизован по инвалидности. Он отказался от пенсии, но взял 10 тысяч долларов, полагавшиеся ему как фронтовику по закону конгресса, именовавшемуся тогда «Солдатским биллем о правах». В начале года он несколько месяцев отдыхал. По наущению отца написал очерк «Попытаемся провести эксперимент — установить Мир», который не был опубликован. Мысли автора не были зрелыми, стиль далек от совершенства, но сердце было поставлено правильно: он обратился к самой волнующей проблеме — сотрудничеству с СССР. «Нам нужно самим продемонстрировать Советам свою готовность справедливо разрешать европейские проблемы, — писал Джон, — перед тем, как русские по-настоящему поверят нашим декларациям о дружбе. У русских память долгая, и многие лидеры нынешнего правительства помнят годы после первой мировой войны, когда в рядах Красной Армии они сражались против вторгнувшихся войск многих стран, включая английские и американские». Статья не пошла, хотя Джозеф приложил немалые усилия, чтобы протолкнуть ее [35].

В апреле 1945 года «герой с торпедного катера» Дж. Кеннеди «с точки зрения солдата» стал освещать конференцию в Сан-Франциско для газетного концерна, возглавлявшегося закадычным приятелем отца — У. Хэрстом. Уже 30 апреля 1945 года в его корреспонденции встречается суждение: «Самое главное здесь — наследие 25 лет недоверия между Россией и остальным миром, которое нельзя будет преодолеть ряд лет». Размышляя по поводу первой недели жарких споров на конференции, он заметил: «Русские, быть может,

простили, но не забыли. Они хорошо помнят предвоенные годы, когда Россию пускали только на задний двор. Поэтому любая организация, основанная здесь, будет лишь скелетом. Ее возможности будут ограниченными. Она будет отражать глубокие разногласия между своими членами».

К концу конференции молодой журналист впал в глубокий пессимизм. Он объявил, что ООН — «продукт тех же страстей и эгоизма, которые породили Версальский договор», и зафиксировал: «Идут разговоры, что с русскими будут воевать через 10—15 лет. Но человечество не может позволить себе еще одну войну» [36].

В 1945 году Гарвардский университет разослал бывшим выпускникам анкету, прося ответить на ряд вопросов. В конце анкеты Джон написал: «Я смотрю пессимистически на будущее нашей страны».

Наверное, атомное сожжение Хиросимы и Нагасаки через несколько месяцев не прибавили ему оптимизма.

СЫН МАССАЧУСЕТСА

Джозеф П. Кеннеди так и не оправился от гибели Джо. В 1957 году его посетил обозреватель хэрстовских газет, взявшийся написать серию статей о семье Кеннеди. Состояние Джозефа Кеннеди достигло 500 миллионов долларов. Он считался двенадцатым по счету богачом в США. Глава семьи гордо, загибая пальцы, перечислял достижения детей, упомянул о старшей дочери Розмари, о Катлин, погибшей при авиационной катастрофе в 1948 году. Журналист заметил, что отец старательно умалчивает о Джо. Он задал вопрос в лоб. Старик разрыдался и сквозь слезы кивнул в сторону жены: «Спросите о нем ее, она может говорить о нем. Я не могу».

Эмоции эмоциями, а жизнь продолжалась. После смерти Джо отец, не входя в тонкости переживаний Джона, приказал ему заняться политикой. Сын пробормотал что-то насчет журналистики. Ведь он уже с полгода работал у Хэрста, побывал на конференции в Сан-Франциско, съездил в Лондон, где наблюдал, как избиратели вышвырнули его кумира — У. Черчилля. Джон пожаловался другу-журналисту: «Все это выглядело, как будто меня призвали. Мой отец хотел, чтобы старший сын был политиком. «Призвали», пожалуй, не то слово. Он потребовал. Ты же знаешь отца». Позднее политик по принуждению объяснял: «Я вступил в политику только потому, что умер Джо, и, если со мной что-нибудь произойдет, брат Бобби займет мое место в сенате. А если и Бобби умрет, Тедди встанет на пост» [1].

Отец никогда не скрывал своей роли. В 1957 году он

хвастливо заявил в печати: «Я ввел Джона в политику. Только я один. Я сказал, что Джо умер и теперь на нем лежит ответственность быть избранным в конгресс. Он не хотел. Он считал, что не способен к политике, и все еще так думает. А я сказал — ты должен». Деваться было некуда. Отец решил, и где выставить кандидатуру — оказался вакантным 11-й избирательный округ в штате Массачусетс, включавший восточный Бостон. Там в свое время начинал политическую карьеру дед — Пат Кеннеди, умерший в 1929 году. 89-летний Фитцджеральд еще был жив, практически единственный местный житель, которого знал Джон.

Джозеф Кеннеди послал сына в Бостон. И по его пятам явился сам, сняв роскошный многокомнатный номер в отеле «Ритц-Карлтон». Он взял в руки негласное руководство избирательной кампанией Джона в палату представителей конгресса США. Пронесся слух, что Джозеф выругался: «С теми деньгами, которые я трачу, можно избрать в конгресс собственного шофера». Политическим наставником к сыну Джозеф приставил родственника, опытного политикана Д. Кейна. «В политике, — поучал Кейн, — нет друзей, есть только сообщники... Политика подобна войне. Нужны три вещи, чтобы победить: деньги, деньги и еще раз деньги» [2]. Джон покорно слушал, предстояли предварительные выборы с участием 10 кандидатов.

Как водится в США, никто не собирался просвещать избирателей, какую политику будет проводить их избранник. Просто старались внушить, что молодой герой, вернувшийся с войны, просит разрешить ему послужить стране. Задача — создать чарующий образ молодого политика. 28-летний Джон был просто трогателен. Тощая мальчишеская шея, непокорные волосы. Очень худой, истощенный, желтый от лекарств, застенчивый, непрерывно улыбающийся. Очень интеллигентный, окруженный друзьями, милыми молодыми людьми. Они учились с ним или служили во флоте, вот теперь приехали все вместе «помочь Джону». Говорят, что миллионеры люди высокомерные, судачили бостонцы, так нет же: эти «прелестные девочки Кеннеди» — три сестры Джона — ходят по квартирам и, приветливо улыбаясь, раздают агитационные брошюрки. Основной лозунг кампании «Новое поколение предлагает лидера».

Наконец, сам кандидат. По 14 часов в день на ногах, из конца в конец обходит округ, населенный преимущественно беднотой. Он карабкается по крутым лестницам, заглядывает в мрачные трущобы, даря их обитателям солнечные улыбки. Своим спутникам кандидат доверительно говорит: «Я никогда не думал, что в одной грязной комнате могут стоять рядом газовая плита и туалет». Он часто горестно вздыхал: «Пришлось надеть сапоги Джо. Если бы только он был жив, мне никогда бы не пришлось заниматься этим». Вечеринки в домах избирателей, приятные молодые люди

доставляли еду, кофе, цветы. Тщательно составленное расписание позволяло Джону побывать за вечер на десятке таких собраний.

Все было очень и очень мило. На первый взгляд трудились любители. Только почему-то чуть ли не все автобусы в Бостоне облеплены плакатами, призывающими отдать голос за Джона Кеннеди. Радио надрывалось, превознося его достоинства, а на улицах было полно агитационных машин. В общем, заметил очевидец, «видели Кеннеди, слышали Кеннеди, ели с Кеннеди, пили с Кеннеди, засыпали с Кеннеди, Кеннеди говорил, и мы говорили весь день о Кеннеди». Иначе и быть не могло. Сын с толпой политиков-любителей нарушал покой и искушал сердца избирателей, а номер отца в отеле заполняли другие люди. Положив ноги на стол, не снимая шляп и дымя отвратительными сигарами, профессиональные политики разрабатывали избирательную стратегию. Они пашли, что парень толковый. Смущается, но говорить может, только неспосный интеллигентский акцент. Ничего, обомнется.

Кандидат не уставал напоминать, что он почти умер за родину. Декламируя наизусть сагу южных морей о подвигах ПТ-109, кандидат говорил о себе в третьем лице: «Командир ПТ-109, узрев в корабле японский эсминец, разворачивал свой корабль, чтобы...», и т. д. Правда, внуку Дж. П. Моргану Пенойеру, воевавшему с ним, Джон в сердцах доверился: «История с этим столкновением все улучшается. Смотри, теперь мне, католику, набрали в экипаж и еврея, и черномазых. Ну, знаешь...» Конечно, доверился втайне. Кандидат наставлял: «Наше время налагает на каждого мыслящего человека обязательство прилежно работать в мире, как мы неутомимо служили на войне». Кандидат требовал: «Мы в нашей стране должны быть готовы сражаться за старые идеи, доказавшие свою ценность, с тем же энтузиазмом и порывом, с каким люди сражаются за новые идеи».

Противники не могли выдержать могучего натиска денег, энергии кандидата и его друзей. В «Истории президентства Кеннеди», выпущенной «Нью-Йорк таймс», сказано: «Сколько стоила эта кампания, сказать нельзя, как и в отношении всех других избирательных кампаний Кеннеди. При честолюбии и возможностях его отца деньги можно было беззаботно бросать на ветер» [3]. Печать сообщала, что, по самым скромным подсчетам, истрачено 250 тысяч долларов. Противникам оставалось только отругиваться, обзывать Джона «маленьким бедным богачом», «проходимцем» и другими малолестными эпитетами. Джон страдал. Все время на ногах, а корсет, оберегающий позвоночник, больно врезается в тело. Единственное утешение — ожидание горячей ванны вечером, но утром опять всходит солнце и снова работа.

Он победил. Собрал на предварительных летних выборах 42 процента голосов. Выборы в конгресс в ноябре 1946 года

ознаменовались куда большим успехом: 69 тысяч против 26 тысяч голосов.

Сразу после выборов Дж. Кеннеди разъяснил причины своей победы: «В политике своевременность почти все. На выборах я был единственным кандидатом, участвовавшим в войне, и если бы мой брат Джо не был убит, то конгрессменом оказался бы он».

Отныне Джон Кеннеди сидел на надежном месте в конгрессе — он опирался на округ, где победа на очередных выборах была обеспечена. Здесь Кеннеди переизбирался еще два раза — в 1948 и 1950 годах. Популярность конгрессмена подкреплялась широким патронажем — содействием в получении выгодных мест. Он уяснил и другую истину — партия значила мало, нужна личная организация. «Я и есть вся демократическая партия в моем избирательном округе», — говорил Джон Ф. Кеннеди.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БУДНИ

«Как вам поправится, — полушутливо-полусерьезно возмущался конгрессмен Дж. Кеннеди, открывая дверь своей канцелярии, — в лифте мне только что приказали: «Парень, четвертый этаж!» 29-летний Джон мало походил на избранников нации, свивших гнездо в Капитолии. Небрежно одетый, иной раз с дурно повязанным галстуком, в мятых брюках хаки. Он нашел, что удобнее всего протирать очки рубашкой, вытащив ее из брюк. Так однажды и произнес речь в палате представителей — белый хвост рубашки колыхался в такт жестикуляции оратора. Он выглядел мальчишкой, много моложе своих немногих лет. Зеленый студент, из чистого любопытства бродивший в лабиринте величественного здания высшего законодательного органа республики.

Джон не стремился исправить впечатление. Его случайно выбрали в комитет палаты представителей по вопросам труда и просвещения. Некий поседевший под сводами Капитолия лоббист на заседаниях комитета неизменно обращался к конгрессмену: «Барышня!» Кеннеди не обращал внимания. Ему ничего не стоило сбежать с серьезного обсуждения на ближайшую футбольную площадку гонять мяч с кучей белых и черных подростков. Много позднее крупный политик Дж. Кеннеди признавался: «Там, в палате представителей, все мы были червями, в масштабах страны на нас почти не обращали внимания», а затеряться среди 435 депутатов было немудрено.

Оценка эта точно измеряет размах усилий представителя от 11-го округа штата Массачусетс. Как-то, зайдя на заседание, Кеннеди высказался против антирабочего билля Тафта — Хартли. Введение закона, предупредил он, «вызовет реакцию слева», что может уничтожить систему свободного

предпринимательства. Закон прошел. Кеннеди получил признательность лидеров организованного рабочего движения. В острых дебатах по жилищному строительству Кеннеди крепко выругал Американский легион, требовавший исключительных льгот для ветеранов. «Руководство Американского легиона, — говорил он, — не выдало для блага страны ни одной конструктивной идеи с 1918 года». Вместе со своим другом, малоизвестным тогда сенатором Дж. Маккарти, он донес святую истину до сознания миллионов через национальную радиосеть.

Во второй половине 40-х годов прозвучали последние речи Джозефа П. Кеннеди. Видя «справедливый курс» Гарри Трумэна, он ощутил острую потребность высказаться. Старик поносил «безусловное сползание к государственному контролю», что «убьет всю инициативу». В Англии лейбористское правительство на практике претворяло в жизнь идеи фабианского социализма. Г. Ласки звал США последовать примеру своих друзей. «Я знал Ласки, этого высокомерного апостола анархии», — гремел в ответ Джозеф.

Обращаясь к своим друзьям — светилам делового мира Америки, Джозеф Кеннеди учил: «Дело бизнесменов объяснить нашу экономическую систему народу. Они обязаны так же хорошо справиться с этим, как с выпуском собственных товаров. Если преимущества нашей системы над другими не будут поняты всеми, тогда нет оснований ожидать, что тенденция к усилению вмешательства государства будет пресечена... У верящих в наше конституционное правление — последний шанс. Ныне мы должны победить или проиграть». С этих позиций Кеннеди звал заняться внутренними делами, одновременно сократив внешние обязательства Америки. А говорилось это как раз тогда, когда провозглашалась «доктрина Трумэна».

Что мог возразить Г. Трумэн эксцентричному старику. Повторять совет, который он неизменно давал друзьям с 1944 года: «Не пей шотландское виски, пей виски других сортов. Ибо каждый раз, как ты глотаешь шотландское виски, ты кладешь деньги в карман Джо Кеннеди» [4]. Тогдашний президент рассуждал по-простому, а для молодого гарвардского историка профессора А. Шлезингера представился удобный повод внести классовое сознание в умы миллионеров и тем самым широко продемонстрировать свой интеллект. В мае — июне 1947 года в журнале «Партизан ревю» А. Шлезингер с высот теории петерпеливо объяснял Кеннеди и К°, что Джозеф являет собой «трусость, рационализированную в терминах высшей морали». Шлезингер писал: «Даже в Америке, на родине капитализма, инстинкт смерти деловой общины заходит дальше обычных границ политической некомпетентности... Внешняя политика деловой общины трусость... Чрезвычайно типично в этом отношении величайшее нежелание взяться как следует за русских. Не кто

другой, как дуайен американских капиталистов Джозеф П. Кеннеди, недавно доказывал, что США не следует сопротивляться распространению коммунизма. Больше того, по его словам, США должны «разрешить коммунизму пройти проверку вне пределов СССР, если в том состоит судьба и воля некоторых народов».

Шлезингер негодовал — идти по пути, рекомендованному Джозефом Кеннеди, означало бы «снять все нынешние препятствия завоеванию Советами Европы». Профессор требовал обратного — немедленного приступа к «громадным программам экономического восстановления» за рубежом, активной поддержке в других странах «некоммунистических левых партий». Все это, конечно, рискованно, признавал он, но в любом случае «нужно бороться против инстинкта смерти капиталистов, пример чему дает г-н Кеннеди». В ходе борьбы против коммунизма парламентский социализм, по мнению Шлезингера, мог бы быть очень полезен: «По-видимому, нет непреодолимых препятствий постепенному распространению социализма в США через серию новых курсов» [5].

Молодой конгрессмен мудро избежал спора по поводу внешних дел, но, не приняв прямо вызова Шлезингера, в последующие годы все же посильно защитил экономические теории отца. В речи в 1950 году Джон с большим неодобрением отозвался о том, что «ныне красной нитью через помыслы и дела народов всего мира проходит стремление делегировать важнейшие проблемы Левиафану — государству». В конгрессе Дж. Кеннеди тогда встал на сторону тех, кто был против увеличения государственных расходов на экономику. В таких случаях приходилось голосовать вместе с республиканцами. Но конгрессмен нашел пристойное объяснение: 15 мая 1951 года, требуя снизить с 8 миллионов до 2,5 миллиона долларов ассигнования министерству сельского хозяйства на защитные работы против наводнений, он восклицал: «Сегодня доллар стал стратегическим материалом, и тратить его на нестратегические цели нельзя!» Палата отвергла предложение Кеннеди, он не сберег Пентагону «стратегических материалов», но сохранил свою репутацию.

Кеннеди до 1949 года до точки поддерживал внешнеполитический курс администрации Трумэна — Ачесона. Когда обнаружился провал американской политики в Китае, он потребовал решительных мер. «То, что наша молодежь спасла на полях сражений, наши дипломаты и президент расточили», — причитал Кеннеди. Он предложил: «Теперь конгресс должен взять на себя ответственность, с тем чтобы нарастающая волна коммунизма не поглотила всю Азию». И без советов молодого человека Вашингтон развязал агрессию в Корее. Туда были направлены крупные контингенты американских войск. «Я думаю, что теперь нас ждет громадная катастрофа в Европе», — настаивал Кеннеди в августе 1950 года. Он потребовал усилить американские войска

в Европе, однако соблюдая паритет: одна дивизия из США — шесть дивизий союзников. В принципе он был против увеличения расходов на американскую «помощь» за рубежом.

Молодой конгрессмен был склонен именовать всю концепцию целей американской «помощи» другим странам «утопией». В начале 50-х годов он неоднократно возвращался к этому вопросу. Объездив Азию, Дж. Кеннеди в ноябре 1951 года объяснил бостонской торговой палате: «Мы не можем исправить весь мир... Роль дядюшки Сахарок столь же опасна для США, как роль дядюшки Шейлока... Наши ресурсы не неограниченны... перспектива дать по бутылке молока в день каждому готтентоту прекрасна, однако осуществление ее нам не по плечу». В другой раз Дж. Кеннеди подчеркнул: «Несмотря на то что мы истратили миллиарды долларов на экономическую помощь странам Западной Европы, мы не укрепили их, как и не повысили жизненного уровня рядовых граждан и рабочих в этих странах».

Дж. Кеннеди с тоской смотрел, как уплывают из страны доллары, ибо полагал, что тем самым подрывается стабильность США. Как и надлежит сыну финансиста, он поклонялся сбалансированному бюджету. Экстравагантные траты повергли его в ужас. Просмотрев бюджет на 1950/51 финансовый год, Джон объявил в палате представителей: нужно что-то сделать, дефицит запланирован в 6 миллиардов долларов, пусть хоть расходы госдепартамента будут урезаны на 10 процентов. «Как мы можем свести дефицит в 6 миллиардов долларов к разумной сумме, если не проведем некоторые из этих сокращений?» Обращаясь к коллеге, стороннику дефицитного бюджета, Джон спрашивал: «Разве джентльмен не верит в то, что важным аспектом в ведении холодной войны является экономическая стабильность, с тем чтобы мы располагали ресурсами на случай войны?» [6]. То был очевидный пересказ воззрений отца.

В декабре 1950 года Джозеф П. Кеннеди разразился громовой речью, по существу, то было последнее публичное выступление старика. Называя политику Трумэна «самоубийственной», он считал, что США понапрасну расточают средства, помогая своим союзникам. «Что мы выиграли, оставаясь в Берлине? Все знают, что русские могут вышвырнуть нас, когда захотят. Не лучше ли убраться сейчас?» Или: «Глупо говорить об удержании линии на Эльбе или Рейне. Не лучше ли уйти оттуда сейчас? Дело в том, что, если Россия сочтет нужным начать наступление, мы можем удержать ее только на нашей стороне Атлантики. Быть может, Европе на десять лет, на поколение или больше суждено стать коммунистической». Потрясенный конгресс (речь Кеннеди была напечатана в переводе и в «Правде») захотел узнать отношение сына к речи отца.

Через два месяца Джона вызвали в сенатский комитет по иностранным отношениям. Старик сенатор У. Джордж со

старомодной учтивостью воздал должное «выдающейся семье» и спросил, не совпадают ли взгляды конгрессмена с мнением отца. В зале замерли от любопытства. Джон ответил очень туманно, но все же высказался за то, что американские войска должны находиться за морями. «Так считаю я, — закончил он, — что до мнения отца, то обратитесь прямо к нему». Отец облегчил положение сына, сообщив прессе, что «он ни с кем так не ругается по делам внешней политики, как с сыном».

По всей вероятности, к началу 50-х годов отец и сын стали по-разному смотреть на ряд вопросов. Джозеф не видел в том ничего предосудительного — сыну на месте виднее. Джон, по собственному признанию, становился более либеральным по сравнению с тем временем, когда он «только что вышел из отцовского дома»[7]. Но в одном отношении железное единство никогда не нарушалось — только вверх по политической лестнице, если нужно, перепрыгивая через ступеньки. Главной отличительной чертой Дж. Кеннеди как конгрессмена было все же отсутствие на заседаниях.

Как так? А так, рассказывается об этом периоде в самой обстоятельной на сегодняшний день двухтомной биографии Дж. Кеннеди Г. Пармета, вышедшей в 1980—1983 годах: «Джону было просто неинтересно и скучно в Вашингтоне. Так считал старый друг старшего Кеннеди с тридцатых годов судья У. Дуглас, ибо «Джон, по-видимому, не увлекался какой-нибудь всепоглощающей великой политической мыслью, тем или иным делом. Он был человеком, склонным плыть по течению. А когда он плыл, тогда он больше походил на плейбоя».

Джону Кеннеди всегда было легко отыскивать женщин и весело проводить с ними время. Конечно, он был очарователен, умен, но куда важнее его деньги и положение». Перечислив толпу приятельниц Джона тех лет, Пармет продолжает: «Сын, по-видимому, в этом отношении не только шел по стопам посла (Дж. Кеннеди), но даже эта сторона его жизни не обходилась без отцовского покровительства. Как и в случае с Ингой Арвад, Джозеф Кеннеди пристально следил за личной жизнью Джона. «Мистер Кеннеди всегда приглашал женщин, с которыми встречался Джон, к обеду», — рассказывала подружка Энис и ее брата (Джона). Она запомнила тот вечер в доме в Хайниспорте, когда посол проскользнул в спальню для гостей и расцеловал ее, в одной ночной рубашке, на ночь. «Так и поступал со всеми», — слышала она».

В похождениях с женщинами Джон не был индивидуалистом. Он развлекался нередко в компании с тогдашней молодежью конгресса, например, с сенатором Дж. Маккарти. Джозеф Кеннеди был без ума от сенатора, которого представлял знакомым «моим драгоценным другом». Не только это сближало Джона Кеннеди и Дж. Маккарти. Пармет за-

канчивает эту главу в жизни Дж. Кеннеди, конгрессмена, коротким рассказом о склонности обоих, скажем мягко, к непристойным развлечениям. «В молодости между ними было много сходства... (Джон) не утратил своего юношеского увлечения пакостями и не стыдился нецензурной брани. В гостиных приличных домов он чаровал элиту отточенным интеллектом, но с такой же легкостью в других обстоятельствах он смачно ругался, талант, развитый и флотской службой. В матерщине он легко тягался с Маккарти...

Он бегал за юбками и бросался в такие сексуальные приключения, которые опозорили бы казарму. Как-то Кеннеди купил для красотки с западного побережья билет на самолет. Она провела с Джоном несколько ночей в злачных местах Калифорнии. Красотка долетела до Вашингтона и исчезла. Оказалось, ею воспользовался для себя приятель Джэка. «Слушай ты, сукин сын, — вспоминал потом он, что сказал ему Джэк, — не возражаю, что ты развлекаешься с моей девкой. Но, по крайней мере, оплати половину билета». Вспоминают подобный случай у Джона с Маккарти. Хотя Кеннеди и Маккарти так по-мужски развлекались, дерзкий, опрометчивый политический стиль Маккарти был чужд Кеннеди как политическому деятелю» [8].

Но все же кем быть? Губернатором штата? Джон скорчил гримасу, проходя мимо дворца губернатора штата Массачусетс: «Я не могу представить себя в этой дыре выносящим решения по делам золотарей» [9]. Не быть вторым — в этом он проявлял похвальное постоянство. В 1958 году известного сенатора Дж. Кеннеди спросили, не пожелает ли он выдвинуть свою кандидатуру на пост вице-президента в 1960 году. Молниеносный ответ: «Хватит болтать о пороках. Я против любых пороков». (Игра слов: по-английски vice-president, vice — порок).

Наиболее перспективный путь, рассудили отец с сыном в конце 40-х годов, стать сенатором. Помыслы о том, как достичь желанного кресла, поглощали силы и время. И не мудрено: в сенат посылают избиратели всего штата. Как завоевать их доверие? Кеннеди соглашался с мнением известного американского публициста Ф. Кейта: «Бизнес получения голосов — практическое дело, вопросы морали, правоты или неправоты не имеют к нему никакого отношения» [10]. Можно манкировать обязанности в конгрессе, но недопустимо портить отношения с избирателями. Если для лидеров конгресса депутат Дж. Кеннеди был почти неуловим, то для избирателей 11-го округа штата Массачусетс легко доступен. Джон с готовностью откликался на их просьбы.

С начала 1949 года конгрессмен зачастил в штат Массачусетс. На протяжении трех лет почти каждый четверг вечером Джон вылетал из Вашингтона в Бостон и возвращался в столицу к вечеру в понедельник. В Бостоне он садился в машину и колесил по штату, выступая везде, где удавалось

вырвать приглашение или в крайнем случае без него. Школы, заводы, рыбачьи поселки, женские клубы, собрания ветеранов. Кеннеди говорил, говорил, говорил. По минимальным подсчетам, за три года он пожал 750 тысяч рук и перебросился несколькими фразами с миллионом людей. Он побывал почти во всех городах и поселках Массачусетса.

Кеннеди не открывал Америк перед потомками тех, кто открыл Америку. На этот счет у Джона было четко сформулированное кредо. В декабре 1951 года он откровенно заявил группе журналистов: «Знаете, политика трудна тем, что стоит вам занять определенную позицию по какому-нибудь вопросу, как вы начинаете терять сторонников». Разъезжая по штату, оратор доходчиво беседовал о местных делах, необходимости экономии в федеральном правительстве, социальном обеспечении. Он добивался, в сущности, немногого. Зеваки, а они по большей части составляли аудиторию, должны хотя бы запомнить фамилию Кеннеди. Слушатели, принимавшие его всерьез и пытавшиеся рассудительными беседами задержать летучего конгрессмена, приводили собеседника в бешенство. Кое-как освободив пуговицу или лацкан пиджака, ослепительно улыбавшийся Кеннеди спасался в машине. Брань в адрес очередного благонамеренного простака слышали только шофер и сопровождавшие. Затейливые словосочетания — нетленная память о военных месяцах — скрашивали в высшей степени стандартные поездки.

Напряженный режим (Кеннеди, отнюдь не гурман, отводил на еду десять минут) сделал свое дело. Спина болела все больше, не всегда помогали горячие ванны. Пришлось вновь прибегнуть к костылям. В 1951 году он познакомился с Жаклин Бювье. В редкие встречи, выпадавшие между поездками по штату, она видела Джона по большей части на костылях. «Но он терпеть не мог появляться на людях на костылях, — вспоминал друг. — Когда мы подходили к дверям зала, где ему предстояло выступать, он вручал костыли одному из нас и, развернув плечи, шел к трибуне, как кадет Вест-Пойнта на строевых занятиях. Как ему удавалось это, я не знаю».

Действительно, было чему удивляться. Один из сопровождавших Дж. Кеннеди в поездках по штату припоминал: «Вы едете с Джоном в машине со скоростью 130 километров в час, а он требует ехать еще быстрее, ибо уже опаздывает на 10 минут в следующий город. За машиной увязывается полицейский на мотоцикле, приходится остановиться и, о чудо, удается быстро заговорить зубы полицейскому, и он разрешает следовать дальше. Естественно, испытываешь гордость за это достижение. Через несколько километров железнодорожный переезд. Мигает красный сигнал, звенит звонок. Джэк говорит: «Давай, давай, обгоним поезд». Жмем вовсю к переезду, но локомотив оказывается там на два дюйма раньше, едва-едва избежали столкновения. Джэк злобно

шипит сквозь зубы: «Если бы мы не потеряли столько времени на разговор с полицейским, мы были бы первыми» [11]. Скоростная гонка за кресло и трибуну сенатора!

ЛОДЖ

Сенатор Генри Кабот Лодж происходил из семьи коренных бостонцев. Он представлял штат с 1936 года, за исключением двух лет, отданных фронту. В 1952 году Лодж принадлежал к ближайшему окружению Д. Эйзенхауэра, уверенно шедшего к победе на президентских выборах. Маститый сенатор, по горло занятый в Вашингтоне, — именно он окончательно уговорил Эйзенхауэра баллотироваться в президенты [12], не подозревая о планах Кеннеди.

В начале апреля 1952 года Лодж с удивлением прочитал в газетах заявление Дж. Кеннеди: «Кризис существует не только за рубежом, но и здесь, в штате Массачусетс... Представители штата в сенате США уж слишком долго не ударяют палец о палец, в то время как промышленность штата приходит в упадок, растет безработица». Поэтому, смело заключал Джон, «я выступаю против Генри Кабота Лоджа-младшего, за место в сенате Соединенных Штатов от Массачусетса». От заявления тридцатичетырехлетнего конгрессмена отдавало наглецой и даже дурным тоном.

Лодж поморщился, поразмыслил и решил поставить на место бойкого конгрессмена, обратившись к его отцу. «Только послушайте, что он пишет, — потрясал телеграммой Джозеф, — он поручил Артуру Кроку передать мне — «пусть Джон не бросает денег на ветер, ибо он не сможет победить. Я же одержу победу большинством в 300 тысяч голосов». И такое он сказал Кроку — предостерег меня сберечь деньги, потому что Джон не может победить!» [13]. Лодж действительно совершенно напрасно потратился на телеграмму, дружная семейка уже принялась за работу.

Они все слетелись на будущую добычу — Бостон. Семеро Кеннеди вручили по тысяче долларов каждому из пяти комитетов, преследовавших прекрасные цели: «Улучшим рыболовство Массачусетса», «Улучшим обувную промышленность Массачусетса», «Улучшим текстильные фабрики Массачусетса», «Комитет перестройки Массачусетса», «Граждане за Кеннеди и процветающий Массачусетс». Почему только по тысяче долларов? Закон штата запрещал одному лицу передавать одной организации больше указанной суммы. Сумма 1000, вероятно, имела магическое значение в глазах семьи. Несколько публицистов были наняты именно за эту оплату в неделю, чтобы писать речи Джону. Вновь доллары на марше.

Спустя несколько лет Дж. Кеннеди возмущался: «Все еще говорят: «Кеннеди купил выборы. Кеннеди никогда бы не из-

брали, если бы его отец не был миллионером». Но не деньги Кеннеди и его имя помогли победить на выборах. Я работал три года и заработал успех». Посмотрим! Официально на выборы Кеннеди было истрачено 349 646 долларов. Лоджу кампания обошлась в 58 266 долларов. В неофициальных подсчетах приводились куда большие суммы, обеспечившие Джону пост сенатора, — полмиллиона долларов. Фокс, редактор бостонской газеты «Пост», находившейся в тяжелом финансовом положении, сразу после выборов получил заем от Джозефа П. Кеннеди 500 тысяч долларов. «Обычная коммерческая сделка», — невинно объяснял кредитор. Газета в разгар избирательной кампании обнаружила: Лодж «нетверд в своих убеждениях», и рекомендоваал добрым гражданам Массачусетса подарить голоса Кеннеди.

Когда официально объявился руководитель кампании — двадцатисемилетний Роберт, замечает компетентный наблюдатель, «мы все знали, старик берет в руки нити. Что Бобби сделал до тех пор в политике? Ничего. Ни черта, и вот внезапно он стал руководителем, размахивающим знаменем» [14]. Роберт развил невероятную деятельность, указывая всем и вся. Однажды он ворвался в кабинет губернатора Девера и с порога стал заносчиво поучать седого отца штата, как вести себя. Губернатор показал наглецу на дверь, схватил телефонную трубку и, соединившись с Джозефом, заорал: «Я знаю, ты большая шишка здесь, и все же потрудись выслушать. С этой минуты пусть ни один твой сопляк не попадается мне на глаза!» Девер швырнул трубку и вытер со лба пот, полегчало.

Роберт умел схватывать все на лету. Некий видный бостонский политик ввалился в штаб-квартиру по выборам Джона в сенат. В грязной прокуренной комнате его не узнали. Он возмутился: «Вы еще спрашиваете, кто я? Вы хотите сказать, что никто здесь меня не знает? И вы называете это политическим штабом?» Роберт, не вдаваясь в объяснения, схватил именитого визитера за шиворот и пинком выставил на лестницу. В другой раз группа политических деятелей заполнила помещение и затеяла беседу об избирательной стратегии. Но «Бобби работал в бешеном темпе... — рассказывал президент Дж. Кеннеди, — он сказал им: «Вот конверты. Хотите писать на них адреса, прекрасно. Если нет, то убирайтесь прочь». Они засели писать адреса» [15].

Срывы типа описанных все же случались редко, семейная машина Кеннеди работала четко, а это решало все — различий между кандидатами почти не было. Проверка их голосования в конгрессе как будто в насмешку показала — они стояли за и против по одним и тем же вопросам. Оба — выпускники Гарварда, оба в войну служили в вооруженных силах, оба слыли «либералами», наконец, оба не отличались прилежанием в Капитолии. Лодж был таким же редким гостем на заседаниях, как и Кеннеди. Их, наконец, роднило и то, против чего они не выступали, — маккартизм.

В то знойное лето 1952 года зловещая звезда сенатора Маккарти почти достигла зенита, испепеляя своими лучами репутации множества людей, вселяя страх в сердца и смятение в умы. Исследователь, строящий модель американского общества в соответствии со своими убеждениями, волен рассуждать о том, что здоровые силы негодовали, давая отпор происках маккартистов. В политике приходилось считаться с реальными фактами — в 1952 году Маккарти имел массовую поддержку. Выступить против него означало навлечь на себя осуждение внушительной части избирателей Массачусетса, рукоплескавших антикоммунистическому походу.

У Джона в запасе были такие заслуги в борьбе с «коммунизмом», упоминание о которых легко срывало аплодисменты, а следовательно, голоса на выборах в его пользу. Еще в 1947 году, за три года до появления Дж. Маккарти на политической арене, Джон внес свой вклад в антикоммунистический поход. Во время слушаний в комитете палаты представителей по вопросам труда и просвещения Джон добился осуждения за «лжесвидетельство» руководителя местного профсоюза — коммуниста Г. Кристоффеля. Добился на основании показаний провокатора Л. Буденца. В результате Кристоффель получил четыре года тюрьмы, а 29-летний Дж. Кеннеди не придал особого значения своему «подвигу». Так, рядовая скучная работа.

Теперь выяснилось, по льстивым словам конгрессмена Ч. Керстена: предложение Дж. Кеннеди привлечь к суду Г. Кристоффеля «прозвучало как один из выстрелов на мосту в Конкорде. То была первая схватка между конгрессом и коммунистическим заговором». Когда в Массачусетс приехал кандидат в президенты от демократической партии Э. Стивенсон, к нему явился один из организаторов избирательной кампании Джон С. Шривер, напомнил о деле Кристоффеля, заявив: «У нас подчеркивать антикоммунизм дело выигрышное».

На восьмитысячном митинге Э. Стивенсон послушно грохнул: «Джон Кеннеди парень моего типа. Сколько из вас знают, что конгрессмен Кеннеди, а не сенатор Никсон был первым, добившимся осуждения коммуниста за лжесвидетельство... Больше того, этого коммуниста упекли в тюрьму» [16]. Никсон поминался по той причине, что тогда он баллотировался в вице-президенты. Так что демагогу Маккарти было трудно тягаться в избранной им профессии — преследовании «коммунистов» с интеллигентнейшим Дж. Кеннеди.

Уже после выборов, когда либералы стонали по поводу грязных инсинуаций и инквизиторских замашек Маккарти, Джон объяснил: «Я знаю Джо (Маккарти) очень хорошо, в нем что-то есть». Дело не в личных симпатиях. В конце 1952 года Джон Кеннеди в интервью журналу «Сатердей ивнинг пост» заявил, что ему надоели упреки в том, что он

«не истинный либерал». Он так сформулировал свое кредо: «Я очень рад сказать таким людям, что я вовсе не либерал. Я никогда не участвовал в работе организации «Американцы за демократическое действие» и в комитетах Американских ветеранов; я не в ладах с ними».

Это можно было понять уже на выборах. Один из советников Дж. Кеннеди принес проект заявления кандидата с резким осуждением маккартизма. Он не застал Джона, на месте оказался старший Кеннеди, проявлявший величайшую обязательность во всем, касавшемся кампании. Джозеф схватил заявление и, едва прочитав пару фраз, вскочил, опрокинул столик и чуть не с кулаками набросился на непрошеного гостя. «Вы и ваши друзья, — ревел старик, — стремитесь изгадить карьеру моему сыну. Я не против Маккарти, я субсидировал его кампанию». Разгневанный мультимиллионер обвинял либералов, профсоюзных деятелей и евреев в том, что они наносят ущерб сыну. В разгар бурной сцены в комнату вошел Джон. Он никак не выразил отношения к происходившему. Джозеф раз и навсегда решил дело. А когда пропесся слух, что республиканцы могут прислать в Массачусетс для поддержки Лоджа Маккарти, Джозеф прореагировал оперативно — перевел в фонд самого Маккарти, переизбиравшегося в штате Висконсин, 3 тысячи долларов. Пусть только держится подальше от Массачусетса [17].

Политические будды еще не могли поручиться за исход кампании. Лодж сиял отраженным светом Эйзенхауэра. Тогда семья Кеннеди двинула в бой последний резерв — мать. Даже видавший виды Джозеф смутился, когда тертые политиканы предложили ему бросить в водоворот избирательной кампании немолодую жену. «Помилуйте, она уже бабушка!» — изумился Джозеф. В ответ ему объяснили, что золотая звезда миссис Кеннеди (право носить ее имеют матери, потерявшие сына на войне) очень впечатляет. Джозеф скосил глаза на свой новый синий галстук с надписью: «Кеннеди в президенты!», который он завел с недавних пор, и согласился.

Избирательницы Массачусетса стали пачками получать приглашения на «семейные чаепития» (по самым скромным подсчетам, таковых состоялось свыше тысячи, с числом участниц более 70 тысяч человек). В зависимости от социального состава присутствующих Роза Кеннеди представала в скромном платье — ирландка, выбившаяся из низов и вырастившая девятерых детей. По пути на другой «чай» она в машине переодевалась и появлялась перед избранной аудиторией в норковой накидке, усыпанная драгоценностями. Несколько слов о сыне, «а теперь я расскажу вам о последних модах, которые я видела в Париже месяц назад».

Джон в меру своих сил поддерживал усилия матери. На «чаях» он выступал со стандартной речью, звучавшей примерно так: «Во-первых, по странной причине в Массачу-

сетсе больше женщин, чем мужчин. Во-вторых, мой дед покойный Джон Ф. Фитцджеральд боролся за место в сенате 36 лет назад с дедом моего нынешнего противника — Генри Каботом Лоджем-старшим. Мой дед проиграл, его оппонент получил на 30 тысяч голосов больше. Это случилось тогда, когда женщины на выборах не имели права голоса. Я надеюсь, что, апеллируя к вам, избирательницы, сумею с лихвой наверстать упущенное тогда». Женские сердца таяли. Роберт Кеннеди выразился очень точно: «Мы сосредоточили внимание на женщинах, ибо они работают в избирательной кампании. Мужчины же болтают» [18].

Некий республиканец, свидетель поразительной тактики семьи Кеннеди, вопрошал: «Что в этом Джоне Кеннеди? Что заставляет всех девиц католического вероисповедания Бостона в возрасте от 18 до 28 лет считать, что избрание его — крестовый поход?» Поседевший журналист с оттенком профессионального цинизма заметил: «У избирательниц наблюдалась тенденция падать на колени». Особенности женской психики были точно учтены, в том числе сострадание. В разгар кампании Бостон украсили плакаты — снимок погибшего на войне старшего брата Джона. Под ним размашистая надпись: «Джон выполняет мечту брата Джо, встретившего смерть в небе над Ла-Маншем».

Вероятно, в самой короткой политической речи, зафиксированной в американской истории, Роберт Кеннеди точно схватил как суть, так и методы кампании: «Мой брат Джон не смог прийти сюда, моя мать не смогла прийти сюда, моя сестра Энис не смогла прийти сюда, моя сестра Пат не смогла прийти сюда, моя сестра Джэйн не смогла прийти сюда, но если бы Джон был здесь, он сказал бы вам, что Лодж всегда очень плохо голосовал в сенате. Благодарю вас» [19].

Кеннеди победил Лоджа, получив 1 211 984 голоса против 1 141 247, большинством примерно в 70 тысяч. «Виноваты эти проклятые чаепития!» — ругался поверженный противник. Он не был не прав. Когда голоса были подсчитаны, один из организаторов «чаепитий» сопоставил большинство с количеством женщин, пивших чай, и торжествующе заключил: «Именно 70 тысяч человек были у нас в гостях, значит, мы и обеспечили победу Джону».

Д. Эйзенхауэр выразился много точнее: «Кабота просто побили деньгами. Было истрачено чрезмерно много денег» [20].

ЗРЕЛОСТЬ: СЕМЬЯ И ПРОЩАНИЕ С МАККАРТИЗМОМ

Сенатору от штата Массачусетс полагалось тогда жалованье 22 500 долларов в год и отпускалось на секретарей 36 тысяч долларов. Сумма изрядная, целиком шедшая на благотворительные цели. Джон Кеннеди жил, но не сущест-

вовал политикой. Отец сумел обеспечить ему куда более изысканный жизненный уровень, чем дают средства государственного казначейства. Сенатор тратил из собственного кармана только на содержание своего аппарата в Вашингтоне 70 тысяч долларов в год. Канцелярия в Капитолии и канцелярия в Бостоне квалифицированно обслуживали просителей из Массачусетса. Делалось все возможное, чтобы удовлетворить каждого. Об отзывчивости Кеннеди громко заговорили. Постоянно открытая по приказу Кеннеди дверь в вашингтонскую канцелярию служила символом.

Для полной респектабельности надлежало обзавестись семьей. Разве мыслим сенатор без супруги!

12 сентября 1953 года многотысячная толпа собралась у дверей церкви, где происходило бракосочетание 36-летнего сенатора и 24-летней Жаклин Бювье. Джон взял в жены дочь биржевого дельца, который в середине тридцатых годов разорился. Практичная мать развелась с ним и в 1942 году вышла замуж за богатого биржевика Х. Окиншлоса, для которого то был третий брак. Отец Жаклин немного поправил свои дела и многие годы делал дорогие подарки дочерям — ей и сестре, оплачивал их обучение, верховых лошадей и пр. Окиншлос находил это в порядке вещей, а дед Жаклин сочинил лестные легенды об аристократическом происхождении семьи.

Элегантная, по критериям косметики, Жаклин училась в лучшей, а следовательно, самой дорогой, американской школе для девушек Вассаре, продолжала образование в Сорбонне и к моменту выхода замуж делала первые шаги в журналистике: не умея снимать, работала фоторепортером «Вашингтон Таймс Геральд». Ее семья всегда поддерживала республиканскую партию, Жаклин призналась, что в детстве путала Ф. Рузвельта с дьяволом. Теперь она бракосочеталась с сенатором-демократом, не дьявол, конечно, но все же.

Папа Пий XII в специальном послании благословил молодых [21], толпа любопытных чуть не сбила у церкви невесту с ног, на свадьбе присутствовало 1200 гостей. Разместились. Дом-дворец Окиншлоса, где происходила церемония, стоит на участке площадью свыше 100 га. Невесту сопровождал, разумеется, хозяин. Отца не пригласили. Он отчаянно напился в отеле, утром получил телеграмму от дочери — «извини». Семья Кеннеди приняла Жаклин в свое лоно, тут же обучила регби, и она немедленно сломала щиколотку в дружеской свалке милых родственников.

Жизнь молодой четы оказалась на первых страницах светской хроники. Они купили за 125 тысяч долларов дом в Вирджинии и стали планировать большую семью. Кеннеди предупредил жену — не менее пяти детей. В августе 1956 года Жаклин разрешилась мертворожденной девочкой. Дом, где подготовили детскую, продали. Купили другой, в Джорджтауне. В ноябре 1957 года родилась дочь Каролина, в ноябре

1960 года — сын Джон, в августе 1963 года родился второй сын, умерший через два дня.

Жаклин внесла в дом оттенок тщательно отрепетированного аристократизма в американском понимании. Немного живописи, немного музыки, непринужденные беседы. Она сумела осадить грубияна, главу клана Джозефа, воспротивилась его отцовской тирании, сократила посещения дома отца до приличного минимума и подарила старику массу написанных ею картин. Отметив необычайное разнообразие лексикона престарелого сквернослова, Жаклин тепло порекомендовала Джозефу писать «Рассказы деда для внуков». Присмотрелась к мужу и сокрушенно призналась: «Он куда более серьезен, чем мне казалось до замужества» [22].

Жаклин часто позировала фотографам рядом с мужем-сенатором. Она интересовалась и политикой. Пример ее суждений мыслимое и немыслимое в одном абзаце: «Я наполнила наш дом мебелью восемнадцатого столетия, которую я люблю, моими картинами, ну теми, которые собираю. Джэк был очень мил, он разрешил мне устроить все, как я хотела, однако не все было по-моему, мне никогда не хотелось жить в доме, где нужно говорить детям — не трогай, а мужу — неуютно. Хотя везде в доме масса мелких вещей, есть также большие, удобные кресла, а рядом с ними столики, необходимые каждому политику, на них он может класть газеты, ставить кофейные чашки, пепельницы». В одном Жаклин не преуспела: не смогла приучить мужа к изысканной роскоши. Она купила пару ковров за бешеные деньги, скрыв цену. Джон не заметил этого, но подаренный ею на новый 1957 год роскошный белый «ягуар» он вернул дилеру. Сенатор прекрасно знал стоимость автомобиля.

Клан Кеннеди разросся. Они породнились с известными богачами. Жена Роберта Этель Скакель представляла в семье «Грейт Лейкс карбон корпорейшн», одну из крупнейших монополий страны. Муж Джейн Стефан Смит — из семьи нью-йоркских судовладельцев, охотно принялся работать в финансовой империи Джозефа Кеннеди. Серджент Шривер, уже трудившийся в одной из компаний Дж. Кеннеди, вошел в семью, женившись на Энис.

Помимо обеспечения деловых интересов, многие Кеннеди занялись политической деятельностью. В Нью-Йорке Джейн стала помощницей преподобного Д. Келлера, основавшего организацию для борьбы с коммунизмом «путем поощрения христиан работать в областях, излюбленных коммунистами, — государственном управлении, просвещении, трудовых отношениях, литературе и искусстве». Патриция, единственная дочь, оскверпившая семейные традиции (она вышла замуж за актера), в Калифорнии участвовала в движении — побудить семьи собираться раз в день за молитвой.

Патриарх клана Джозеф П. Кеннеди по-прежнему внимательно следил за делами своих детей. В 1951 году Эдвард

павлек позор на семью — его с треском исключили из Гарвардского университета. По словам автора его биографии, беда началась с изучения испанского, который считается самым простым иностранным языком. Тед успевал на тройку и понимал, что в Хайниспорте ее сочтут плохой отметкой. Привыкнув к легкой жизни, он нанял приятеля сдать контрольную за себя. Обоих поймали и выгнали. Реакция старика Кеннеди была неоднозначной. Он обозлился на Гарвард за суровое наказание, публично пообещав оплатить обучение 31 молодого человека, выгнанного (за аналогичные проступки) из Вест Пойнта. Он прочел суровую лекцию Эдварду, который «в такой спешке добровольцем вступил в армию, что не обратил внимания, — он обязался прослужить четыре года. Несколько телефонных звонков Джозефа Кеннеди — и срок был сокращен вдвое.

Молодой Тед прослужил в Европе, не побывав на войне в Корее. В 1953 году демобилизовался солдатом» [23].

Наверное, он подучил испанский и во время поездки в 1961 году по Бразилии чувствовал себя прекрасно, рекламируя «новые рубежи» по-испански, пока кто-то не сказал ему, что в Бразилии говорят по-португальски.

Когда в январе 1953 года сенатор Дж. Кеннеди приступил к работе, его ожидало предложение стать членом подкомитета по расследованиям сенатского комитета по деятельности правительства. Коротко говоря, его звал к себе сенатор Дж. Маккарти. Предложение было не случайным. Связи семьи Кеннеди с рьяным борцом против коммунизма были общеизвестны, а после напоминаний в кампании 1952 года о роли Дж. Кеннеди в «расследованиях», видимо, вернулись к его свершениям 1947 года. Наверное, восхитились тем, что теперешний сенатор на диво подкован в теоретических вопросах. В самом деле, в 1947 году среди прочих перед свирепым молодым конгрессменом предстал юридический консультант объединенного профсоюза рабочих электротехнической промышленности Рас Никсон. По курьезному совпадению Никсон в свое время учил Джона в Гарварде, где он преподавал экономику. Теперь ученик допрашивал учителя.

Кеннеди сразу же взял быка за рога, определив новое положение сторон:

Кеннеди: Как бывший ваш ученик, я поражен вашей изворотливостью при ответах на сегодняшние вопросы.

Никсон: Понимаете, мистер Кеннеди, я должен был дать пример ученику.

Кеннеди: ...Как вы считаете, коммунизм является угрозой экономической и политической системе США?

Никсон: Не думаю, чтобы он был угрозой. Я думаю, угрозой является наша неспособность демократически разрешить некоторые основные экономические проблемы собственного народа, постоянная неспособность расширить его гражданские права...

Кеннеди: На мой вопрос все еще нет ответа. Руководство вашего профсоюза в каком-либо заявлении где-нибудь когда-либо обрушивалось на агрессию Советской России? Отвечайте: да или нет?

Никсон: Ответ прост — нет.

Кеннеди: Благодарю вас [24].

Если маккартисты с удовлетворением перечитывали этот и аналогичные диалоги, то не только президент, но и сенатор Джон Ф. Кеннеди, вероятно, предпочел бы забыть о проделках политической юности. Но о них помнили. Когда впоследствии появлялись не только статьи, но и книги типа разгромной работы В. Ласки «ДФК: человек и миф», Джон философски заметил: «Мы все учимся, с момента рождения до самой смерти... Меняются события... изменяются условия, и... было бы чрезвычайно неразумно... следовать политике, которая не принесет удачи» [25]. Предложение Маккарти в 1953 году в глазах Кеннеди и было приглашением принять участие в проведении политики, утрачивавшей шансы на успех. Репутация Маккарти к этому времени была основательно подмочена. Джон не связал себя с проигрышным делом, отклонил предложение, но не воспрепятствовал Роберту в том же январе 1953 года стать юрисконсультом пресловутого подкомитета по расследованиям.

Столичные журналисты гадали, пытаясь уточнить политические воззрения Дж. Кеннеди. Король тогдашней американской журналистики Дрю Пирсон записал в дневнике в начале 1953 года: «Завтракал с Джэком Кеннеди, новым сенатором от Массачусетса. У него данные быть первоклассным сенатором или отъявленным фашистом, все зависит от того, какие люди возьмут на себя труд окружить его. Брат Джэка — советник в подкомитете Маккарти. Было время, когда я не понимал, почему ФДР порвал с Джо Кеннеди. Чем больше я вижу Джэка, тем лучше теперь я могу понять почему» [26].

Роберт давно водил дружбу с Маккарти, в традициях семьи почитал его человеком почтенным. Этель и Роберт Кеннеди избрали Маккарти крестным отцом своего первого ребенка, дочери, родившейся летом 1951 года. Старый Джозеф Кеннеди горячо одобрил выбор Роберта. Он говорил: «Мне нравится, как Маккарти борется против коммунистов в нашем правительстве. Я полагаю, что он сделает сенсацию, он ловкий парень». Маккарти приставил Роберта к делу — искать гомосексуалистов в государственном департаменте и изучать, не попадают ли американские товары в социалистические страны. Об успехах Роберта в ловле гомосексуалистов ничего не известно, что до торговли со странами социализма, то Роберт подготовил доклад, получивший значительную известность в прессе. Он выяснил, надо полагать, заглянув в справочники, что суда стран—членов НАТО заходят в порты социалистических государств. Однако 31 июля 1953 года Ро-

берт объявил, что хочет заняться «частной юридической практикой», и ушел в отставку. Маккарти в прощальном письме отметил, что Роберт «оказал честь комитету и выполнил великое дело» [27].

Р. Кеннеди вовремя унес ноги. Маккартисты вызывали растущее омерзение и даже озлобление в широких кругах. С окончанием войны в Корее массовый антикоммунистический психоз стал спадать. Против Маккарти все настойчивее выступали многие. Три сенатора, демократическое меньшинство в подкомитете Маккарти, пригласили Роберта в свои советники. В этом качестве Роберт в январе 1954 года вернулся, встав на сторону тех, кто не одобрил действия Маккарти. Пути сенатора и молодого представителя клана Кеннеди — Роберта — расходились, по крайней мере, по поводу методов «расследований».

Самому Дж. Кеннеди, не рискуя политической репутацией, больше нельзя было молчать. Он избрал средний путь — не осуждать, но и не поддерживать. На вопрос корреспондента «Нью-Йорк пост», что сенатор думает о Маккарти, Кеннеди ответил: «Не слишком много. Я лажу с ним. Когда я был в палате представителей, я ладил с Маркантонио и Рэнкином. Пока мне не мешают, я не хочу лишних ссор» [28].

Своим друзьям Кеннеди объяснял: «Черт возьми, ведь половина избирателей Массачусетса считают Маккарти героем!» В сенате также считались с Маккарти, никому не хотелось прослыть коммунистом. Г. Хэмфри выдвинул гениально простой план: «Я устал читать заголовки о том, что мягок к коммунизму, — говорил он, — я устал читать в газетах о том, что я левый. Пришло время разрешить вопрос о коммунизме, запретив коммунистическую партию». 75 сенаторов проголосовали за, среди них Кеннеди.

Маккарти торжествовал. Через несколько дней он взял слово и поделился с сенаторами детскими воспоминаниями. Мальчишкой он с приятелями истреблял скунсов, пожиравших кур. «Очень неприятная работа, — сетовал Маккарти. — Резолюции не помогали против скунсов. Милые маленькие мальчики могли принять резолюции против скунсов, но они не помогали нам выкапывать зверюшек из нор. А то был тяжкий труд. Иногда после этой работы наши друзья в церкви не хотели сидеть рядом с нами». Бессовестный демагог оконфузил сенат и вместе с другими Кеннеди.

Все приходит своим чередом, и сенат наконец взялся за Маккарти. Его сторонники оттягивали решение. Сенатор Кеннеди голосовал за предложение Истленда отложить рассмотрение дела Маккарти по веской причине: откладывалась и его речь.

2 декабря 1954 года сенат осудил Маккарти 67 голосами против 22. Кеннеди не присутствовал на заседании, лежал в больнице. Однако все остальные отсутствовавшие сенаторы

дали знать, как они проголосовали бы. Только от Кеннеди — ни звука.

Вместо Маккарти председателем подкомитета по расследованиям стал сенатор Дж. Маклеллан, а Роберт возвысился до поста главного советника. Он напыщенно объявил, что подкомитет вернется к расследованию бесхозяйственности, мошенничества, коррупции, но «это не означает, что подкомитет хоть на волос будет меньше заинтересован в выкорчевывании коммунизма в государственных органах, чем когда это дело возглавлял сенатор Маккарти» [29].

Много спустя Дж. Кеннеди дал развернутое объяснение: «Мы все голосовали за то, чтобы пустить Маккарти в сенат. Мы ассигновали на его деятельность средства. Следовало высказаться по любому вопросу до января 1953 года. По праву справедливости тот, кто не говорит, когда нужно говорить, теряет право говорить. В конце концов Маккарти осенью 1952 года был избран жителями штата Висконсин, которые послали его в сенат представлять их интересы. Сенат принял его, сделал председателем комитета, ассигновав ему деньги. Если были возражения против его деятельности до 1953 года, тогда следовало бороться в январе 1953 года, когда он занял свое место... И черт возьми, если начать осуждать сенаторов, можно зайти далеко... Мы никогда очень строго не судили о наших пэрах и, вероятно, поступали правильно.

Поведение Кеннеди запомнили. Во всяком случае, когда в 1959 году, преодолевая предполье на пути к Белому дому, он посетил штат Висконсин, его радушно встретили. В местном пресс-клубе группа журналистов пропела на мотив «Клементины»:

О Джон, о Джон, где ты был, где ты был,
Когда сенат Джо осудил?

Пропели в лицо высокому гостю. Среди скорых на слово журналистов пришлось отмолчаться. Но в другой раз в ответ на невинное замечание об отношении к маккартизму Джон всплыл: «Вы что от меня хотите, чтобы я совершил харакири?»

О ПОЛИТИЧЕСКОМ МУЖЕСТВЕ

В 1954 году Джон Кеннеди гласно не занял определенной позиции в деле Маккарти. Либералы совершенно основательно указывали, что возраст сенатора — 37 лет — начисто исключает стариковскую осмотрительность. Тогда каковы его мотивы? Кеннеди не по своей воле получил достаточно времени, чтобы обдумать политические последствия своего каменного молчания. Осенью 1954 года боли в спине резко усилились, и он был помещен в Манхэттенскую больницу специальной хирургии.

21 октября Кеннеди перенес первую операцию — врачи

попытались выправить больные позвонки. Вместо выздоровления мучительные недели на больничной койке, состояние здоровья ухудшилось. Пациента отпустили провести невеселый Новый год с семьей, а в феврале 1955 года — новая операция. Врачи решили вынуть стальную пластину, приделанную к спинному хребту Кеннеди военными хирургами в 1944 году. С тех пор она виднелась в отверстии на спине. Кеннеди причастился, а родные, собравшиеся у дверей операционной, поддерживали хирургов молитвами. На этот раз исход оказался удачным, больной набирал силы. В конце февраля Кеннеди покинул стены больницы и отправился в Палм Бич, штат Флорида, чтобы встать на ноги.

Попался наконец толковый врач, разобравшийся в сущности заболевания, — дело было в нервных связках спинных мускулов. Он подобрал эффективную терапию, попутно выяснил то, чего не замечали раньше, — одна нога была почти на два сантиметра короче другой, отсюда постоянная нагрузка на позвоночник. Заказали ортопедическую обувь. Стало много легче. Джон стоически выносил лечение. Он часто повторял слова Сомерсета Моэма: «Страдание не облагораживает, а озлобляет человека». Наверное, он соглашался с писателем.

Во время выздоровления чаще, чем раньше, он просил Жаклин прочитать давно полюбившееся ему стихотворение Алана Сигора «Встреча со смертью». (Сигор в 1917 году вступил в американскую армию, убит на западном фронте.) Там были такие строки:

Насколько лучше было бы, о Боже,
Зарыться в пух и шелк душистый ложа,
Где в сладком сне любовь нашла покой,
Где губы в губы и рука с рукой,
Где дорог миг немого пробужденья...
Мне ж в полночь смерть принять без промедленья...
В каком-то городе, что пламенем пылает,
Тогда как к северу весна уже шагает.
Что ж, давши, не нарушу обещанья —
Со смертью я не пропущу свиданья.

Джон, полузакрыв глаза, согласно качал головой, покачиваясь в кресле-качалке — он полюбил и это кресло, удобное для больной спины. «По крайней мере, половину дней, проведенных им на земле, — писал о брате Роберт, он страдал от страшной физической боли» [30]. Упорно подозревали туберкулез адреналиновых желез.

Тяжкие испытания или мучительная необходимость объяснить свой подход к маккартизму, а скорее и то и другое, побудили сенатора задуматься над политическим мужеством. Если болезнь не дала ему возможности явиться в Капитолий 2 декабря 1954 года, когда сенат осудил Маккарти, то выздоравливающий мог свободно владеть пером. Кеннеди решил

на бумаге разрешить щекотливый вопрос о политическом мужестве. «Из-за боли иной раз он мог спать не больше часа, — вспоминал Джозеф, — и, чтобы приглушить ее, стал заниматься. Так готовилась книга». На свет появился символ веры Джона Фитцджеральда Кеннеди — «Очерки политического мужества».

О творческих свершениях Кеннеди друзья говорили много лестного. Они представлялись особенно внушительными на фоне того, что в 1954—1955 годах сенатор пунктуально исполнял часть, и обременительную, своих обязанностей — переписка с избирателями, совершил несколько поездок по стране, а с августа по октябрь 1955 года путешествовал по Европе.

Журналисты, просмотрев творение сенатора, пустили в обиход едкую остроту — Кеннеди следовало бы поменьше показывать профиль и быть более мужественным [31], а «многие, — отмечал Соренсен, — полагали, что книга всего-навсего «помет души», рвотное, оправдание или эрзац его позиции при осуждении Маккарти». Но книга была неплохо написана по профессиональным критериям. Сочинитель получил премию Пулитцера, в стране поставили под сомнение авторство, заявляя, что «писатели-тени» написали ее за Кеннеди. Это порядком раздосадовало самолюбивого автора.

Когда Джо Пирсон прокомментировал в массовой телевизионной программе получение премии Пулитцера указанием на то, что книга сделана руками других, Кеннеди сначала серьезно решил пойти в суд и привлечь Пирсона за клевету. Договорились с адвокатом К. Клиффордом, собрали черновики, показания стенографисток, лиц, видевших, как Дж. Кеннеди работал над книгой. Но руководство телевизионной компании АБС все не верило, Пирсон назвал автора — Т. Соренсена. Его подвергли перекрестному допросу. Соренсен писал:

«Быть может, — заявил вице-президент АБС сенатору, пока я ожидал в соседней комнате, — Соренсен сказал об этом, будучи пьяным.

— Он не пьет, — отрезал сенатор.

— Быть может, он сделал это, рассердившись на вас.

— Он никогда не сердится на меня!

Из всех почестей, которые он получил за всю жизнь, ни одна не радовала его больше, чем премия Пулитцера в 1957 году. И из всей клеветы, распространявшейся в отношении него в течение всей жизни, его больше разозлило утверждение, что не он написал собственную книгу» [32]. Настолько разгневался, что просил Э. Гувера установить слежку ФБР за группой лиц в Нью-Йорке, пытавшихся установить поименно «писателей-теней».

В конечном итоге АБС сдалась и принесла извинение. Чтобы окончательно рассеять подозрения, Кеннеди распорядился снять фотокопии со страниц рукописи и пустил их в

дело в кампании 1958 года по перевыборам в сенат. Фотокопии украсили окна штаб-квартиры сенатора в Бостоне.

Неверующие могли убедиться в том, что во время выздоровления весной 1955 года во Флориде Кеннеди не бездельничал. Перед их глазами были плоды титанического труда: автор боролся с непокорными словами, часто перечеркивал написанное, делал вставки и с черновика диктовал второй вариант стенографистке. Не было только одного — окончательного варианта рукописи, писанного рукой или продиктованного автором! Но тогда на это не обратили внимания, умилялись массе бумаги, отрывочных заметок, испещренных неразборчивыми выписками Джона из второстепенных книг.

Так что же сочинил Джон Кеннеди, сидя, как говорили, на своем рабочем месте в кресле перед плавательным бассейном у громадного дома в Палм Бич? Он трактовал о мужестве на примерах жизни десяти американских сенаторов с начала XIX века до 50-х годов XX века.

Список американских витязей составили коллективными усилиями автор и несколько профессоров истории, возглавлявшихся А. Невинсом. Уже тогда не отрицали, что он еще написал предисловие к книге и отредактировал ее. Первым героем повествования был сенатор Джон Квинси Адамс, служивший в первом десятилетии XIX века, а в 1824—1828 годах президентом США. Заключал работу рассказ о сенаторе Роберте Тафте (сыне президента США в 1908—1912 гг.), достигшем своего политического потолка на рубеже 40-х и 50-х годов XX века.

Исторически как-то сложилось мнение, что величайшее мужество проявляют люди, презирающие смерть ради идеи. Автор внес поправку в устоявшееся понятие — все десять упомянутых им лиц не шли на смерть, они выступали в сенате вразрез с мнением большинства. И все. Иногда им удавалось убедить политических противников, иногда нет, отсюда разные судьбы каждого из сенаторов в дальнейшем. Не политическая принадлежность, предупреждал автор, определяла выбор героев книги. «Мы в США, — настаивал Кеннеди, — где брат когда-то сражался с братом, не судим о мужестве человека под огнем, исходя из цвета знамен, под которыми он служил» [33].

Автор сумел обнаружить мужественных сенаторов в XIX веке только среди тех, кто в Капитолии отстаивал дело Юга до или после гражданской войны в США. Пламенный, поэтически взволнованный очерк посвящен сенатору Э. Россу, тому самому, который в 1868 году сорвал осуждение сенатом президента-реакционера Эндрю Джонсона. Когда состоялся единственный в истории США суд сената над президентом, голоса Росса не хватило для вынесения обвинительного вердикта — по конституции требуется большинство в две трети.

В мертвой тишине зала, вспоминал Росс впоследствии, я

подал свой голос против и «буквально заглянул в свежевырытую собственную могилу». Ужасных последствий не наступило, Росс прожил остаток жизни парией, отвергнутый своими согражданами в штате Канзас. Он сам избрал свой жребий, не приняв совет канзасцев, шедший от души: «Веревка Иуды Искариота потеряна, но пистолет у тебя под рукой». На взгляд Кеннеди, подвиг Росса в том, что он «сохранил для нас и для потомства конституционное правление в США», ибо сорвал появление прецедента — суд над президентом.

Допустим, тем более что Кеннеди рассуждает: «После длительного изучения документов я убежден, что национальный интерес, а не личные или политические выгоды двигали поступками тех, кого я описал». Не будем углубляться в дебри американской истории, на месте виднее. Однако как быть с героем-сенатором Робертом Тафтом, который попал на страницы книги за подвиг, далеко выходящий за пределы США? Накануне исполнения приговора, вынесенного международным трибуналом, судившим главных немецких военных преступников в Нюрнберге, Р. Тафт 6 октября 1946 года заявил: «Суд победителей над побежденными не может быть беспристрастным, как бы его не обставляла формальностями юриспруденция... В этом процессе мы восприняли русскую идею целей процессов — правительственная политика, а не справедливость, что имеет крайне отдаленное отношение к англосаксонскому наследию. Скрыв политику в форме судебной процедуры, мы можем дискредитировать всю идею правосудия в Европе в грядущие годы... Процесс нарушает основополагающий принцип американского права — человека нельзя судить по закону, принятому после совершения преступления». В целом, заключил сенатор Тафт, процесс в Нюрнберге — «пятно» на американской конституционной истории. Он предложил избавить осужденных от петли и выслать их на отдаленные острова, как в свое время поступили с Наполеоном.

Защита Тафтом нацистских убийц вызвала громадный взрыв негодования в самих Соединенных Штатах и, признает Кеннеди, навсегда исключила для Тафта возможность выдвижения кандидатом на пост президента, хотя многие считали, что он будет таковым на выборах 1948 года. Сочиняя свою книгу в 1955 году, Кеннеди утверждал, что «ныне (взгляды Тафта. — *Н. Я.*) разделяются большей частью американцев. И их, по крайней мере негласно, разделяло значительное количество в 1946 году». Добавим: в 1946 году Маккарти также выступил против осуждения нацистских военных преступников. Если так, тогда рассуждения Кеннеди о том, что Тафтом и иными двигали «национальные интересы», приобретают любопытное звучание.

И все же, чего добивался автор своей книгой? Он пытался выступить апостолом американской демократии, подкре-

пить ее престиж необычными концепциями. В США обычно считают, что представители, посланные в Капитолий, отражают волю избирателей. По изощренной логике Кеннеди выходит совершенно противоположное. «Трудно согласиться с таким узким взглядом на роль сенатора Соединенных Штатов, — писал он, — когда утверждают, что избиратели штата Массачусетс направили меня в Вашингтон просто в качестве сейсмографа, чтобы отражать сдвиги в настроении народа. Я отвергаю этот взгляд... Коротко говоря, избиратели выбрали нас, потому что доверяют нашему суждению и нашей способности претворять его в жизнь с позиции, когда мы можем оценить, в чем заключаются их истинные интересы, как часть национальных интересов. Отсюда следует, что мы должны руководить, информировать, исправлять и даже игнорировать мнение избирателей, если мы хотим полностью осуществить наше понимание, за которое нас избрали».

Поразительную доктрину отношений между избирателями и их избранниками автор развил отнюдь не ради академического исследования механизма американской демократии. Его основной вывод гласил: «Поскольку наша общественная жизнь во все возрастающей степени сосредоточивается на, вероятно, бесконечной войне, названной нами странным эпитетом «холодная», возникает тенденция поощрять строго идеологическое единство и ортодоксальный образ мысли. Поэтому в грядущие годы только самые мужественные политики смогут принимать тяжелые и непопулярные решения, необходимые для того, чтобы выжить в битве с могучим противником» [34].

Это заключение стирает грани между голой тиранией и так называемым представительным правлением. Сенатор Кеннеди взялся теоретически обосновать ничем не ограниченное правление ссылками на американскую историю. Игнорирование воли народа в прошлом он поставил в заслугу избранным им лицам и возвел в принцип желательного правления в нынешних США. В этом и состояло «мужество» по Кеннеди...

Книга Дж. Кеннеди вызвала острый интерес и напряженное внимание тех, кто истосковался под скипетром считавшегося пассивным Д. Эйзенхауэра. Сенатор рассказал о себе как о человеке дела. Хорошо организованная кампания повышения его популярности набрала силу.

Дж. Барнс замечает, что в январе 1957 года «при опросе общественного мнения (кого хотят видеть кандидатом от демократической партии. — *Н. Я.*) 38 процентов высказались за Кефавера и 41 процент — за Кеннеди. Четыре месяца спустя в ответ на этот вопрос результаты выглядели так: 33 и 45 процентов. Поскольку единственным событием за эти месяцы было присуждение ему премии Пулитцера, представляется вероятным, что литературные почести означают больше для общественного мнения, чем обычно думают» [35].

Автор отлично понял это. В апреле 1961 года президент Дж. Кеннеди наставлял Р. Никсона, только что потерпевшего поражение на президентских выборах 1960 года: «Каждый государственный деятель должен написать книгу в интересах умственной дисциплины, а также потому, что это в глазах общественного мнения возвысит его до уважаемого статуса интеллигента» [36]. Добавим — только нужно избрать уместную тему и подобрать полезных для создания книги людей, во всяком случае, хоть один из них должен быть наделен даром литератора.

С годами, точнее десятилетиями, прояснилось — хотя автор собирал материалы и почитывал разные книги, «Очерки политического мужества» «на рабочем уровне — исследования, наброски и планирование выпали на долю целого комитета, талантливые ученые, такие как профессор Дэвидс, сделали ключевой вклад. Однако очевидно, что Соренсен потратил время, проявил свой литературный талант, и он придал книге как динамику, так и изящество, которые сделали ее читабельной» [37]. К апрелю 1958 года было продано примерно 124 тысячи экземпляров, прилично по американским масштабам.

Лица, хорошо знавшие Дж. Кеннеди, согласны, что именно во время болезни, на рубеже 1954—1955 годов, он стал серьезно размышлять о том, как стать президентом. Если так, тогда книга «Очерки политического мужества», дав ему популярность, послужила серьезным камнем преткновения. Памятуя о маккартизме, Элеонора Рузвельт сказала: «Я дважды подумаю, прежде чем дать совет относительно принятия трудных решений, которые предстоит вынести следующему президенту, который знает, что такое мужество, восхищается им, но не обладает достаточно независимым характером, чтобы проявить его» [38].

Видимо, сам Дж. Кеннеди понял это. Во всяком случае, когда А. Шлезингер заметил, что за название книги пришлось тяжко поплатиться, автор сухо ответил: «Несомненно, однако в ней нет главы обо мне».

ДЖ. КЕННЕДИ В ПРЕЗИДЕНТЫ!

23 мая 1955 года под гром аплодисментов исцеленный Дж. Кеннеди занял место в зале заседаний Капитолия. Физические страдания вызывают уважение. В кабинете сенатора в Капитолии его ожидала громадная корзина фруктов с лаконичной запиской: «С возвращением домой. Дик Никсон».

Дж. Кеннеди погрузился в рутинную законодательную работу, стремясь укрепить свою репутацию сенатора не от одного штата Массачусетс, а от всей Новой Англии. Еще с 1950 года Кеннеди добивался проведения законов в инте-

ресах хозяйства этого района. Промышленники и лидеры организованного рабочего движения Новой Англии благословляли рачительного сенатора, а он вместе с Т. Соренсеном вне всяких пропорций распропагандировал достижения на страницах респектабельных «Нью-Йорк таймс мэгэзин», «Атлантик», «Нью рипаблик». Кеннеди по достоинству оценил публицистический дар своего помощника. 24-летний Соренсен начал работать с Кеннеди в 1953 году, к этому времени сенатор серьезно отзывался о нем: «Мой интеллектуальный банк».

Чем глубже уходил Кеннеди в повседневную работу, тем отчетливее он видел — стены Капитолия тесны. Сенатор рвался в политическую стратосферу — в Белый дом. В 1956 году о президентском кресле думать было рановато, поэтому — хотя бы в вице-президенты. Значит ли это, что он вдруг отступил от собственного принципа — никогда не добиваться второго места, а быть первым? Вовсе нет. Джозефу Кеннеди, указавшему на бессмысленность всей затеи («Эйзенхауэра все равно переизберут», — говорил он), Джон и его советники ответили: поражение создаст национальную известность.

Но как добиться выдвижения на конвенте демократической партии? Наилучший путь — оказать серьезные услуги Э. Стивенсону, несомненному кандидату на пост президента от демократов. Случай отличиться представился, пожалуй, неожиданно.

Организация демократической партии штата Массачусетс взбунтовалась — ее лидеры заявили, что не поддержат Стивенсона. Кеннеди явился в Бостон наводить порядок. Ему были брошены привычные обвинения — он «покупает» голоса. На заседании комитета демократической партии в прокуренной комнате дело чуть не дошло до кулачной драки. Спорящих с трудом удалось развести. Кеннеди сумел перезбрать руководство организации, вырвав у новых лидеров согласие поддержать Стивенсона. Берке, смещенный председатель комитета, честил Кеннеди перед репортерами: «Пусть в будущем он еще раз попытается купить голоса, как сделал на этих выборах. Он и его миллионы не знают, что такое приличие и честь».

С января по август 1956 года — начало конвента демократической партии — Кеннеди истратил на политические цели более 72 тысяч долларов. Банкеты стоили дорого. На конвенте в Чикаго Кеннеди и его помощники обхаживали делегатов и влиятельных деятелей, особо выделив 50 человек, близких к Стивенсону. На долю Кеннеди выпала честь — выдвинуть Стивенсона кандидатом в президенты, за что тот сердечно поблагодарил сенатора. На первый взгляд все великолепно.

Но политические боссы вынашивали собственные планы, а либералы с большим подозрением отнеслись к Кеннеди.

Он попытался лично убедить Э. Рузвельт. «Она куда-то торопилась, — саркастически вспоминал Кеннеди, — в комнате было полно Рузвельтов и иных — представьте телефонную будку, куда набьется восемнадцать человек. Из-за суматохи она почти не слушала меня. Она высказывалась по поводу Маккарти, пропуская мимо ушей, что я говорил. Я пытался убедить ее, поскольку я никогда не выступал против Маккарти в разгар его деятельности, что если я сейчас переменю фронт и начну поносить политического мертвеца, то стану обычной политической проституткой». Дело было не совсем так [39]. Э. Рузвельт требовала, чтобы Кеннеди публично признал вред, нанесенный маккартизмом не только сенату, но и всей стране. Он отказался.

Разумеется, не принципиальные вопросы, а закулисные махинации в конечном счете сорвали выдвижение Дж. Кеннеди кандидатом в вице-президенты. Парализовать их семья Кеннеди не смогла. Член делегации штата Северная Дакота рассказывал о конвенте: «Я никогда не забуду Бобби Кеннеди во время голосования. Стоя перед нашей делегацией, он со слезами на глазах домогался наших голосов». Когда же при окончательном подсчете голосов прошел другой кандидат в вице-президенты, Дж. Кеннеди появился на трибуне конвента и с изяществом необыкновенным признал поражение. Лучезарно улыбаясь, он поблагодарил делегатов, «оказавшихся столь добрыми ко мне сегодня. Я думаю, что это вне всяких сомнений доказывает силу и величайшее единство демократической партии».

Роберт Кеннеди уезжал из Чикаго в мрачном настроении. «Мы им покажем», — цедил он сквозь зубы, не называя никого конкретно по имени. Джон подошел к делу куда более реалистически — прямо с конвента он отправился в поездку по стране агитировать за Стивенсона. Он выступил со 140 речами в 26 штатах. А Джозеф Кеннеди в эти недели отдыхал на Французской Ривьере. Джон сообщил отцу по телефону: «Мы сделали все, что могли, папочка. Повеселились, и я не валял дурака». Джозефа навестила на Ривьере К. Люс, тогда американский посол в Италии.

— Вы, наверное, горды тем, что Джэк был так близок к посту вице-президента, — польстила она отцу.

— Да, — невозмутимо отозвался Джозеф, — но мне было бы куда более приятно, если бы он проходил от республиканцев.

Кеннеди вернулся в сенат с национальной славой неудачливого кандидата в кандидаты на пост вице-президента. Это значило немало и, во всяком случае, утяжелило его суждения в сенате. При прохождении законов он настаивал на скрупулезном соблюдении конституционных норм, даже рискуя заработать репутацию ретрограда, как случилось при принятии закона о гражданских правах в 1957 году. Пристрастие Кеннеди к юридическим нормам сыграло на руку

крайним реакционерам, всячески затягивавшим обсуждение законопроекта. К концу года он получил сомнительную славу «любимого янки диксикратов». У Р. Кеннеди вошло в обычай припоминать о конвенте в Чикаго как о времени, когда его брат «был спасен от вице-президентства».

Постепенно Дж. Кеннеди прослыл, и вполне обоснованно, сторонником компромиссов, а сам подчеркивал важность интеллектуального подхода к политическим проблемам. Политиков, сообщил он в речи в Гарвардском университете, следует для отрезвления «окунать в студеные воды научных учреждений... чтобы они не стали пленниками собственных лозунгов». Роль политиков и ученых в области общественных наук аналогична: «Если первый удар свободе в любой стране с репрессивным режимом наносит политик, то второй — книга, газета, брошюра». Такие ученые даже более опасны, они «могут легко менять свои позиции, ибо им не нужно тащить за собой якорь общественного мнения». Поэтому необходимо содружество политиков и ученых — «компромиссы и завоевание большинства, процедурные установления и права оказывают воздействие на принятие конечного решения о том, что правильно, или справедливо, или хорошо».

Молодой, но маститый сенатор не упускал из виду постоянно напоминать, что его призвание — политика и только политика. В интервью журналу для женщин «Лейдис хоум джорнал» он сообщил: «У меня нет цельной философии жизни. У меня есть семья и работа. Я согласен с мнением греков времен античности — нужно полностью использовать свои возможности и добиться совершенства. Я люблю политику. Иная жизнь для меня немыслима. Жить — значит действовать. Политика дает мне все, что может обеспечить другая работа, и кое-что сверх этого: она интересна, достойна, полезна и является средством вершить великие дела». Очень целеустремленная сентенция — по статистике, тогда в США насчитывалось избирательниц-женщин на два миллиона больше, чем мужчин.

Философия философией, а тем временем пришел 1958 год — год перевыборов в сенат. То, что победа на выборах была обеспечена, сомнений не было. Задача заключалась в другом — сделать ее по возможности внушительной. Газеты предсказывали, что он победит большинством в 200—250 тысяч голосов. Республиканцы выставили против Кеннеди малоизвестного юриста В. Целеста, уже раз побежденного Кеннеди в 1950 году на выборах в палату представителей. «Я сражаюсь против этого миллионера Джона Кеннеди», — внушал Целест. Он говорил еще: «Какое право имеют Кеннеди и его брат Бобби судить о делах рабочих, не проработав ни дня за всю свою жизнь» [40].

Учитывая направления обвинений, Дж. Кеннеди относительно без больших затрат провел кампанию (он вежливо отозвался частным образом о политиках Массачусетса как

о «банде воров»[41]), положившись на добровольцев. Он сам потрудился достаточно, по проторенным дорогам вновь объездил штат, произносил речи, принимал различных лиц, улыбался, а как-то раз, выхватив палочку у дирижера, прошел во главе оркестра. Накануне выборов усталый Джон возвращался в Бостон. Автомобиль притормозил — через дорогу ковыляла дряхлая старушка. «Останови машину», — приказал Кеннеди. Он вышел, поздоровался и попросил бабушку отдать ему голос на выборах на следующий день.

Победа оказалась головокружительной — большинство в 874 608 голосов. Такой победы никто и никогда не одерживал в штате Массачусетс. С точки зрения дальнейших перспектив, удача в 1958 году с лихвой перекрыла позитивные последствия неудачи в 1956 году.

ПОИСКИ И НАХОДКА «ДЕЛА»

Многие неудобства — повседневная работа, неизбежные схватки и вырастающие из них симпатии и антипатии, — сенат компенсирует одним — возможностью ораторствовать на национальном форуме. Крупный сенатор заметен на Капитолийском холме, видном даже из отдаленных уголков страны. Значит, нужно являть собой зрелище, приятное для глаз. Еще в 1952 году 300 вашингтонских корреспондентов сошлись на том, что Джон Кеннеди — «самый красивый» депутат в Капитолии. Парикмахер сената Дэвид Хайли, колдуя над прической Джона, всецело сознавал важность своих обязанностей. «Подрежем спереди, но не слишком много», — бормотал он, а любопытствующим газетчикам скромно объяснил: «Мы должны показать лицом торговую марку сенатора!»

Во второй половине 50-х годов Кеннеди до конца использовал завидное положение. Еженедельно в канцелярию сенатора в среднем поступало до 100 приглашений выступить. Он не мог удовлетворить всех, в 1957 году произнес лишь 150 речей, в 1958 году — только 200. Коль скоро выяснилось, что Кеннеди обладает неплохим слогом, интересно и внятно пишет, журналы засыпали его заказами. Писал он обильно: о политическом мужестве для женщин в «Маккол», страницы «Американ уикли» украсила его статья «Чему научила меня болезнь», о братьях рассказал в «Парейд». О великом множестве других вопросов он трактовал во многих журналах. Среди сенаторов, пользовавшихся библиотекой конгресса, Кеннеди стоял на первом месте. По самым скромным подсчетам, его производительность составляла в среднем 12 крупных речей и статей в месяц.

Труд, неподъемный даже для человека, живущего пером. Технология творчества выглядела примерно так: когда Соренсен, например, вручил Кеннеди проект статьи, которая в

конечном итоге появилась в октябрьском номере за 1957 год «Форейн Афферс» под заголовком «Демократ смотрит на внешнюю политику», нет сомнений, как именно ее составили. За месяц до вручения проекта профессор Латам писал Соренсену: «Надеюсь, что не слишком запоздал с обещанным материалом для статьи о внешней политике, которую вы, сенатор, и бог знает кто еще, пишете для «Форейн Афферс». Посылая окончательный вариант статьи Кеннеди, Соренсен выразил надежду: «Она в целом удовлетворительна и не слишком помешает Вам наслаждаться поездкой по Калифорнии». Редактору журнала Г. Армстронгу статья поступила с запиской Кеннеди, в которой говорилось: «Мне было приятно как написать эту статью, так и поразмышлять по поводу некоторых поднятых в ней вопросов». Иные работы с именем Дж. Кеннеди издавались заинтересованными организациями. Книгу «Нация иммигрантов», написанную в основном Соренсеном в 1958 году, издала Лига против дефамации евреев Бнай Брита [42].

Кеннеди, добиваясь популярности, еще законодательствовал в сенате. Вместе с Р. Кеннеди он принял активнейшее участие в подготовке антирабочего закона Ландрама — Гриффина, вступившего в силу в 1959 году. Сенатор был среди тех, кто настоял на крупных ограничениях прав профсоюзов. Даже прожженный профбюрократ Дж. Мини бросил в лицо Кеннеди: «Я могу только сказать: спаси бог нас от наших друзей». «То же могу сказать и я», — невозмутимо отозвался сенатор.

Главное было сделано — закон прошел. Что касается публичного отношения к организованному рабочему движению, то в октябре 1959 года сенатор выступил на съезде объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности и горячо заявил: «Я понимаю, что закон о трудовых отношениях 1959 года — не тот закон, которого хотели вы и я. В нем содержится много статей, вписанных врагами рабочих». Тут же Кеннеди подкрепил симпатии к «рабочему движению» делами: различного рода маневрами он сумел погасить обвинения в коррупции руководства этого профсоюза. За это он удостоился признательности со стороны У. Рейтера и части профбюрократов, избавленных от публичного позора.

Популярность Кеннеди кругами шла по стране. Летом 1959 года отъявленный расист, губернатор штата Алабама Д. Паттерсон объявил, что поддержит кандидатуру Кеннеди в президенты. Он оказал поистине медвежью услугу — лидеры движения афроамериканцев пришли в ужас. В связи с поддержкой Паттерсона они призвали черных и их друзей исключить Кеннеди из числа кандидатов. Заявление Паттерсона — «жернов на моей шее», жаловался Дж. Кеннеди. Он пригласил видных негритянских деятелей, поддерживавших демократов, и еще раз объяснил, что заявление Паттерсона — «самый тяжкий крест, который мне приходилось не-

сти». Не очень помогло, редактор негритянской газеты «Нью-Йорк ситизэн колл» Ч. Стоун писал в передовице: «Есть одна вещь, которую нельзя купить за деньги, — либеральную и честную позицию в отношении негров и их борьбы за равноправие. Кеннеди — тот человек, который завтракает с одним из величайших ненавистников негров — Паттерсоном. Кеннеди — тот человек, который ездил в штат Миссисипи, произнес там речь, покрытую горячей овацией. Разве можно назвать человека другом негров, если его встречают овацией в Миссисипи?»

Реноме политического деятеля, озабоченного судьбами страны, подрывали, однако, финансовые проделки отца. Старик не бросал своего основного занятия — спекуляции. В конце 50-х годов он продал в Нью-Йорке за 2,4 миллиона долларов старое здание, предназначенное к сносу, которое стоило, как он сам показал под присягой, 1,1 миллиона долларов. Площадку приобретали городские власти, здесь сооружался Линкольновский центр искусств. Дело дошло до суда, председательствующий мудро заключил: пусть город заплатит 2,4 миллиона долларов, хотя владелец старого здания и проявил «жадность». Налогоплательщики переплатили 1,3 миллиона долларов. Эти досадные «мелочи» порядком досаждали Дж. Кеннеди и удваивали его рвение в поисках дела, которое обеспечило бы верное движение к заветной цели — Белому дому. Он старался говорить и писать побольше.

Интеллектуальный уровень устной и печатной продукции Кеннеди на исходе 50-х годов резко выделялся в политической общине. Он не скрывал, что стремился достичь синтеза политики и науки. «Среди первых великих политических деятелей нашей страны, — писал сенатор или писали от его имени — тех, кто дал ей рождение в 1776 году, а в 1787 году дал ей крещение, находилось большинство крупнейших писателей и ученых нации». Однако ныне «разрыв между умственным работником и политиком, по-видимому, растет... ныне эта связь почти утрачена. Где они, ученые — государственные мужи? Нынешний американский политик опасается, если не брезгует, вступить в ученый мир с мужеством Бевериджа» [43]. Словечко «мужество» неизменно украшало речи сенатора: «Авраам Линкольн имел мужество, и будущему президенту США потребуется мужество», и т. д. Главное, Кеннеди пытался дать пример научного подхода к важнейшим проблемам, вставшим перед Соединенными Штатами. Внезапно ему представился случай проявить пресловутое мужество, положенное на музыку ярких и впечатляющих слов.

4 октября 1957 года — революционная дата в истории человечества. То был день, когда первый в мире советский спутник донес до сознания человечества исполинские успехи социализма. Тогда сомнений в научно-технических свершениях СССР, а следовательно, в том, что они достояние передовой социально-экономической системы, больше быть не

могло, достаточно бросить взгляд в небо. Узколобые американские политики усмотрели в спутнике лишь военный вызов. В Вашингтоне царило невероятное замешательство: злобная брань и сбивчивые объяснения, разговоры о «массированном возмездии» и «порабощенных странах». Администрация Эйзенхауэра — Даллеса в эти месяцы нагляднейшим образом продемонстрировала скудоумие, с большим запозданием оценив значение успеха Советской страны.

В водовороте обвинений и контробвинений в США, когда пытались найти козла отпущения за промахи в военно-технической области, а к этому и сводили в США значение эпохального события, прозвучал голос Кеннеди. Он не произнес Нагорной проповеди. Он не взял на себя роль Кассандры. Он не проповедовал и не пророчествовал. Джон Ф. Кеннеди говорил как потрясенный член правящей элиты, предупреждая, что необходимо навести порядок в собственном доме, чтобы выдержать соревнование с Советским Союзом. Встав на эту стезю, Кеннеди не сошел с нее вплоть до президентских выборов 1960 года. Этот путь прямо вывел его к Белому дому и не потому, что традиционно дипломатия вызывает интерес, а потому, что он сумел показать и обосновать неразрывную связь внешней и внутренней политики.

Точнее, Кеннеди доказал с достаточной для американцев степенью убедительности, что на нашей планете во второй половине XX века внутренняя политика в значительной степени является производной от политики внешней. «В XVIII и XIX столетиях, — указывал он, — мы могли сосредоточивать внимание то на внешних, то на внутренних проблемах. Если мы ошибались в одной области, то это не затрагивало наших возможностей в другой. Однако линия, разделявшая внутренние и внешние дела, теперь стала столь же неразличима, как линия, проведенная по воде. То, что происходит внутри нашей страны, непосредственно связано с тем, что мы можем или должны сделать за рубежом. Если мы ошибаемся в одной области, ошибка затрагивает обе».

Вероятно, град критических камней, обрушенных Кеннеди на правительство Эйзенхауэра — Даллеса, в какой-то степени был вызван соображениями межпартийной борьбы и мостил дорогу в Белый дом. Продуманность стройной системы обвинений в адрес республиканской администрации наводит, однако, на мысль, что Кеннеди смотрел дальше. В сущности, в 1957—1960 годах он теоретически развил всю программу своей будущей деятельности на посту президента. Разумеется, он был не одинок — другие теоретики также разбирали внешнюю политику США, разница между ними и сенатором заключалась не в глубине анализа, а в том, что Кеннеди, добывавший критические глыбы в той же каменоломне, что и теоретики, предназначал их не для чистой игры разума, а для практической работы. Своей, ибо был еще и практиком, уже тогда причастным к ведению государственных дел.

Словом, он закладывал фундамент будущей политики США.

Он начал с анализа соотношения военных сил, указав, что успехи СССР в ракетостроении опрокинули посылки, на которых строилась стратегия «массированного возмездия». В течение 1960—1964 годов, по мнению Кеннеди, СССР будет значительно превосходить США в средствах доставки ядерного оружия к целям. Громадный флот пилотируемых бомбардировщиков, созданный в США, оказался устаревшим. Принцип «массированного возмездия» привел к деформации в строительстве вооруженных сил — страна готова к ведению всеобщей ядерной войны, но не готова к ограниченным войнам, ибо не располагает достаточными обычными вооруженными силами. Первопричина всего этого — экономия в военных расходах при правительстве Эйзенхауэра.

В речи в сенате 14 августа 1958 года Кеннеди говорил: «В недавние годы нам бесконечно приводили цитату, будто бы взятую из работ Ленина, который якобы говорил, что гибель капитализма наступит в результате чрезмерных расходов на вооружения. На мой взгляд, то, вероятно, самая ценная цитата, имеющаяся у коммунистов, помимо лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Дело, однако, в том, что Ленин никогда не произносил этих слов. Но десять лет нам напоминали их, дабы оправдать важность экономических соображений по сравнению с соображениями военными, и эти слова использовались как авторитетное суждение для подкрепления этой политики. Хотя Ленин никогда не сказал их, я убежден, что приведенное положение в будущем будет фигурировать среди лозунгов, оказавшихся наиболее полезными в попытках уничтожить капиталистическую систему... В этот период делается акцент на экономическую, а не на военную мощь, и мы растратили решающие годы, когда бы мы могли сохранить преимущество в ракетах по сравнению с СССР» [44]. Ценитель фразы, Дж. Кеннеди закончил: «Мы вступили в период, который Стенли Болдуин... удачно назвал годами, съеденными саранчой».

Поднялся сенатор Саймингтон: «Не согласен ли, мой просвещенный друг из Массачусетса, что обстановка, в которой находится Америка в конце 50-х годов, в значительной степени напоминает положение Англии в конце 30-х годов?»

«Сенатор совершенно прав», — ответил Кеннеди.

Выражение «годы, съеденные саранчой» плотно легло в предвыборные документы демократов.

19 февраля 1959 года Кеннеди произнес новую программную речь, посвященную экономическим проблемам. Он нашел, что разрыв между жизненным уровнем развитых стран и азиатскими, африканскими, латиноамериканскими странами громаден. «Этот разрыв изменяет лицо мира, нашу стратегию, нашу безопасность больше, чем любой военный вызов... Соединенные Штаты, самая богатая страна в мире, не вдохнули новых надежд бедным странам. К сожалению, СССР...

привлек внимание слаборазвитых стран к другому, по-видимому, более быстрому способу уничтожения разрыва».

Кеннеди призвал расширить американскую помощь развивающимся странам, чтобы не допустить в них роста симпатий к социализму.

Выступая в штате Висконсин 13 ноября 1959 года, Кеннеди особо выделил успехи советского сельского хозяйства. Опираясь на наши данные и прогнозы, сенатор объяснял: «Оно уже растет быстрее, чем увеличивается население. Производство зерна возросло почти на 30 процентов. Производство удобрений увеличивается с 1951 года на 11 процентов ежегодно. Если наша сельскохозяйственная экономика рухнет, если наши так называемые излишки останутся бременем для налогоплательщика, а не явятся благословением для голодного мира, тогда они, а не мы, могут стать величайшим в мире арсеналом продовольствия».

Корень бед, по словам Дж. Кеннеди, обрушившихся на Соединенные Штаты, он усмотрел в состоянии американского просвещения и образования. «Мы в кризисе, — говорил Кеннеди 24 февраля 1958 года перед университетской аудиторией, — не русские спутники положили ему начало. Американский «Эксплорер» не положил ему конца. Кризис носит не только военный характер. Величайшая опасность, угрожающая нам, не ядерное нападение. Голая правда такова: мы подвергаемся величайшей опасности проиграть титаническое соревнование с Россией, причем при этом не будет запущена ни одна ракета. Год назад при обсуждении внешних дел, вероятно, не упомянули бы просвещения. Сегодня мы не можем избежать этого. Я не знаю, верно ли, что битва при Ватерлоо была выиграна на площадках для игр в Итоне. Однако не будет преувеличением сказать, что битва, которую ведем мы сейчас, может быть выиграна или проиграна в школьных классах Америки».

Кеннеди подсчитал: «Русские тратят в два с половиной раза больше от своего национального дохода на образование, чем мы... У них учитель приходится на семнадцать учеников, у нас — на двадцать семь... В их школах в прошлом году было выпущено 1,5 миллиона учеников с основательным знанием арифметики, алгебры, геометрии, астрономии, тригонометрии. Мы выпустили менее 100 тысяч учеников с некоторой подготовкой в высшей математике!.. Русские выпускают в 10 раз больше инженеров, чем поколение назад, и в 2,5 раза больше, чем США».

Что делать? «Мы должны положить конец такому положению, когда только четверо из пяти наших лучших школьников оканчивают школу и только двое из пяти идут в колледж. Мы не можем позволить себе платить преподавателям в колледжах и школах, развивающим умы наших детей, меньше, чем мы платим слесарям и водопроводчикам, обслуживающим наши дома... Если согласиться с нашим бывшим

министром обороны в том, что в теоретических исследованиях «нельзя заранее знать, куда идешь», тогда наши ученые будут заниматься только прикладными вопросами. Если вы презираете интеллигенцию, мешаете ученым и вознаграждаете только спортивные достижения, тогда будущее действительно мрачно».

В 1958 году конгресс США принял «Закон об образовании в целях обороны», впервые в истории страны вводивший ограниченные стипендии студентам. Условие получения ее — дача подписки стипендиатом в том, что он не разделяет целей «подрывных» организаций. Попытка поставить финансовую помощь студентам в зависимость от их лояльности правительству вызвала негодование в академических кругах. Кеннеди присоединился к ним по чисто практическим соображениям. «Совершенно очевидно, — говорил он в сенате 30 января 1959 года, — что большинство лиц, исключенных этим условием из числа получающих стипендии, можно назвать неконформистами и еретиками, однако когда мы стремимся вовлечь в науку самых одаренных, самые любознательные умы наши, мы не должны исключать неконформистов и еретиков. Лица, желающие дать подписку, не обязательно самим фактом согласия с ней доказывают, что они более лояльны или более талантливы, чем те, кто отказывается дать ее». Конгресс отменил подписку.

Кеннеди нарисовал безотрадные Соединенные Штаты перед лицом Советского Союза. Это послужило отправным пунктом, чтобы начертать программу на будущее. Нужна ли всеобщая термоядерная война? «Ни одно разумное общество не намерено совершать национальное самоубийство. Однако только эту судьбу уготовила нам гонка вооружений... Ресурсы США и СССР позволяют уничтожить всю жизнь на земле семь раз», — говорил он в выступлении 11 декабря 1959 года.

Успехи СССР в военно-технической области начисто ликвидировали прежнюю неуязвимость США от ответного удара, США — не всемогущи. «Отсутствие мощи, — заключил Кеннеди, — не в большей степени диктует отсутствие политики, чем наличие мощи. Напротив, первобытный человек поборол более сильных животных, окружавших его, своей мудростью — стратегией и политикой преодолел отсутствие силы. Мы можем поступить таким же образом». Следовательно, необходимо применять гибкие политические методы.

Сенатор в отношении их был похвально откровенен.

Нужно пестовать науку и образование. В этом отношении он шел в едином строю с такими людьми, как Э. Теллер. «Отец» американской ядерной бомбы в то время заявил: «В Советском Союзе наука почти религия, самых способных людей выделяют и к ним относятся как к привилегированным, в то время как их недооплачиваемые американские кол-

леги не имеют должного статуса в обществе и не могут ничего предложить своим блестящим протеже».

Что до внешней политики, то, настаивал Кеннеди, нужно «вбивать новые клинья в каждую трещину в железном занавесе. Нет необходимости сплачивать красный блок разговорами о массированном возмездии — теперь мы должны искать пути разъединения его», а тем временем решительным образом наращивать военную мощь[45]. В беседе с редактором «Харперс мэгэзин» Д. Фишером 9 декабря 1959 года, который поинтересовался, как именно следует сделать это, Кеннеди сказал: «Нужно решить, что важно для безопасности нашей страны, а затем уже думать, откуда получить средства. Эти решения потребуют от нас жертв. Не стройте иллюзий на этот счет. При обеспечении безопасности нельзя торговаться». Он перечислил первоочередные потребности: «неуязвимые силы возмездия плюс достаточные обычные вооруженные силы».

Резко подчеркивая тезисы взмахами руки, Кеннеди отчеканил: «Во-первых, в области финансов мы можем сделать значительно больше, чем предполагается. Я помню, как в конце 40-х годов Луи Джонсон (министр обороны. — *Н. Я.*) утверждал, что страна может выдержать военный бюджет максимально в 15 миллиардов долларов, а теперь у нас бюджет 41—42 миллиарда долларов. Совершенно очевидно, что мы можем позволить себе это. Вы не посмеете утверждать, что капиталистическая система не может позволить себе этого... Если у нас будут достаточные темпы роста, мы получим дополнительные доходы от налогов нормальным путем — без их повышения. Мы должны, применив более эффективную фискальную политику, попытаться избежать спада, который некоторые экономисты предсказывают на 1961 год (припомните, что спад 1958 года обошелся нам в 12 миллиардов долларов, не поступивших в виде налогов)».

Твердо глядя собеседнику в глаза, зная, что его слова немедленно станут достоянием страны, Кеннеди заявил: «То, что следует сделать в 60-е годы, должно быть сделано. Ни одна из двух американских партий не должна уверять американский народ, что для достижения успеха в 60-е годы нужно сделать жизнь легче и мягче... Я убежден, что, если Советский Союз способен делать то, что он делает при их системе, с нашей системой мы можем сделать больше».

2 января 1960 года Джон Ф. Кеннеди объявил, что предлагает себя демократической партии кандидатом на пост президента. Это было очень серьезно. Настало время выполнить заветы отца, прямые и недвусмысленные. Именно он настаивал на занятии высших постов в стране. «Наш отец, — вспоминал Р. Кеннеди, — постоянно говорил, что он не мог бы добиться всего того, что сделал, а мы не могли бы жить так, как жили, если бы находились в другой стране. Он говорил, что мы задолжали правительству и поэтому должны

на него работать[46]. Иными словами — отработать те блага, которыми капитализм осыпал семью. Прямолинейная и жутковатая философия...

14 января 1960 года Дж. Кеннеди выступил с речью, пронизанной именно этой философией, в национальном клубе печати. «В грядущие годы нам нужно действительно боевое настроение в Белом доме... — с металлом в голосе говорил он. — В ближайшее десятилетие президент должен погрузиться в гущу борьбы, он должен страстно заботиться о судьбе руководимого им народа, он должен руководить им, не боясь вызвать временного неудовольствия... Он должен быть готов полностью использовать прерогативы своей должности, предусмотренные и непредусмотренные законами... Президент, и только он один, должен принимать важнейшие решения по внешней политике».

Разбитные журналисты притихли. Высказался сильный человек.

ПРОФЕССОРА ГЕЛБРЕЙТ, ШЛЕЗИНГЕР, КЕННАН И ДРУГИЕ

Решение Кеннеди не удивило сведущих людей. Он и его сторонники уже около двух лет почти в открытую вели подготовительную работу. Когда доброжелатели указали, что, начав слишком рано, можно утратить инерцию к моменту выборов, Джозеф Кеннеди ответил: «Мы можем добиться успеха, только погрузившись в дела очень и очень рано. В нашем положении мы готовы идти на этот риск, и он меньше всего нас беспокоит. Когда начинаешь, не имея ничего за душой, нужно пестись всю дорогу, как черт». Хотя старик говорил о выборах как о «нашем» деле, он старался не попадаться на глаза. На авансцене выступал только Джон Кеннеди.

Осмотрительность Джозефа была обоснованной, слишком тесная связь между отцом и сыном могла только навредить. Г. Трумэн, а он был не одинок, высказался недвусмысленно: «Мне нравится Джон. Он хороший парень. Но я не люблю и никогда не любил его папочку». Джозеф во многом преуспел. Т. Уайт в книге «Как сделали президента в 1960 году» напомнил, что Джозеф Кеннеди склонил к поддержке сына на конвенте демократической партии делегатов Нью-Йорка, Чикаго и штата Нью-Джерси. С хорошо знавшими его финансистами не считал нужным маскироваться. Когда он явился к председателю организации демократической партии в Олбани Д. О'Коннелу переговорить о мобилизации ньюйоркцев, О'Коннел задумчиво произнес: «А не молод ли он?» «Да, ему сорок два, — отпарировал отец, — мне семьдесят два, и я хочу насладиться всем, будучи рядом».

Чтобы выйти на национальную арену, официальным претендентам на президентскую должность от демократической

партии предстояло преодолеть политический звуковой барьер — добиться одобрения своей кандидатуры на конвенте партии. Задача не из простых. Вероятные соперники — сенаторы Л. Джонсон, Г. Хэмфри и С. Саймингтон — люди известные, имеющие поддержку определенных групп. Они могли, и так почти случилось, организовать традиционную коалицию — движение типа «Остановить Кеннеди!». Коалиции такого рода нередки в американской предвыборной борьбе, их участники в высшей степени бескорыстны. Они блокируют дорогу самому сильному кандидату, а сами в конечном счете остаются с носом: конвент мирится с «серенькой лошадкой» — непосредственным человеком, устраивающим всех.

Кеннеди понимал, что впереди серьезные трудности, мысли об этом не оставляли его ни на минуту, ни наяву и ни во сне. Еще в декабре 1958 года он полушутливо-полусерьезно говорил на банкете, устроенном журналистами. «Позавчера мне приснился сон о 1960 годе, и вчера я рассказал о нем в раздевалке Стюарту Саймингтону и Линдону Джонсону. Я поведал, как господь бог явился в мою спальню, помазал мне голову и сказал: «Джон Кеннеди, настоящим назначаю тебя президентом Соединенных Штатов». Стюарт Саймингтон заметил: «Странно, Джон, у меня был такой же сон прошлой ночью, во время которого бог помазал меня и объявил президентом США и космоса». А Линдон Джонсон заключил: «Очень интересно, господа, потому что и мне снилось то же самое прошлой ночью, но я не помню, чтобы я назначил кого-либо из вас» [47].

28 октября 1959 года в Хайниспорте состоялось ключевое совещание. В доме Роберта, недавно построенном рядом с домами отца и Джона, собрались 16 человек — разумеется, глава клана Кеннеди Джозеф с сыновьями Джоном и Робертом, зять С. Смит, неизменный Т. Соренсен. Были здесь и старые друзья Джона — 35-летний К. О'Доннел и 42-летний Л. О'Брайн (последнего друзья прозвали специалистом по проблеме «Как избрать Кеннеди куда угодно»), эксперт по делам печати 34-летний П. Сэлинджер, председатель Организации демократической партии штата Коннектикут Д. Бейли и некоторые другие.

Джозеф открыл совещание категорическим заявлением: все финансовые ресурсы семьи бросаются на предвыборную кампанию. «Не надо все, — закричал в притворном ужасе Роберт, — не забудь нас с Тедди!» [48].

Собравшиеся исходили из того, что Кеннеди победит. Оставалось определить, как именно. Сам Кеннеди, опершись спиной о камин, произнес трехчасовую речь. «Все трудности, — записывал П. Сэлинджер, — сводились к следующему: страна никогда не выбирала католика президентом, страна никогда не избирала 43-летнего президента, и только один сенатор в текущем столетии попал в президенты». Поразительно! Нет лучшей возможности оценить специфику амери-

канской политики, как призадуматься над этим. Ни программа, ни стратегия не имеют значения — время тратится на обсуждение тактических вопросов, которые поднимаются участниками совещания до уровня решающих. Впрочем, им лучше знать, как проводить в президенты человека в Америке. Руководителем кампании стал Роберт Кеннеди.

Сошлись на том, что первоочередная задача — победить на предварительных выборах, итоги которых в избранных штатах (таких наметили семь) убедят страну, что Белый дом никак не может обойтись без Джона. Главное, победить на этих выборах соперников-демократов, в первую очередь подвижного и эмоционального Г. Хэмфри. О расходах не думали, хотя кампания в каждом штате, по минимальной оценке, обойдется в 200 тысяч долларов. Порешив с делами, проследовали в дом Джозефа Кеннеди, где закусили индейкой в честь грядущей победы.

Итак, основное внимание — организационной работе по принципам, проверенным сначала в 11-м избирательном округе штата Массачусетс, затем во всем штате, а теперь примененным к стране в целом. Штаб-квартиру, возглавленную С. Смитом, развернули в Вашингтоне. Сняли помещение, наняли девушек-секретарей, завели досье, карты и стали налаживать связи с самыми отдаленными уголками США. Были использованы всевозможные каналы: обработка руководителей партийных организаций штатов и на местах, ухаживание за национальными лидерами и колоссальная переписка с рядовыми избирателями.

Пришло наконец время снять дивиденты с давней дружбы Джозефа Кеннеди с директором ФБР Э. Гувером. В досье ФБР старик Кеннеди значился как «специальный контакт ФБР по району Бостона», что означает по официальной полицейской терминологии «человек, считающийся в ФБР полезным для проведения расследований». Специальный агент ФБР Дж. Келли после приема в Хайнисспорте докладывал Э. Гуверу, что Джон Кеннеди заверил: «ФБР единственный орган правительства, оправдывающий себя, меня восхищают его достижения». Биограф Дж. Кеннеди Г. Пармет к этому добавляет: «Лесть и помощь директору ФБР были важны для обеспечения карьеры Джэка, особенно памятуя о том, что в досье ФБР хранились потенциально убийственные материалы на него. Отнюдь не лишним было иметь друзей в ФБР, когда ставилось под сомнение авторство «Очерков политического мужества».

Еще Г. Пармет конкретизировал: «Если бы, например, история длительной интимной связи с Ингой Арвад была бы предана гласности, вновь тут же вспыхнули бы сомнения в отношении посла и нацистов, а отсюда всего шаг до отношений Джэка и Джо Маккарти. В момент, когда Джону предстояло вести борьбу за выдвижение кандидатом, преодолев вопрос о вероисповедании, скандальные разобла-

чения ему были совершенно не нужны. Хотя не было добыто сведений о шпионаже Арвад, ее тесные связи с лидерами «третьего рейха» дали бы первоклассное оружие противникам Джэка, подтвердив давние сомнения либералов в его отношении. Все необходимые данные на этот счет были в досье ФБР, весьма опытный в таких делах Э. Гувер мог легко организовать их «утечку». Но Джэк был в безопасности. Семья Кеннеди никогда не игнорировала этот центр силы — ФБР»[49].

Имея на своей стороне и за спиной могущественное ведомство политического и уголовного сыска, можно было без опаски ринуться в избирательную борьбу. Летели бешеные деньги, расходы на аренду 40-местного самолета и оплату постоянного экипажа заняли очень скромное место. Джон окрестил самолет «Виктура» и принялся облетать на нем страну. Сенатор получил возможность как гром с ясного неба (машина, оборудованная новейшим навигационным оборудованием, летала в любую погоду) обрушиваться на избирателей, применяя против них первоклассное идейное оружие, откованное опытными умельцами.

В январе 1960 года Дж. Кеннеди собрал в клубе Гарвардского университета группу профессоров, с некоторыми сенатор работал с 1952 года. Он без обиняков объявил, что мобилизует их под свои знамена (сторонники Стивенсона могут уйти!), и засадил за работу. Так возник его «политический мозговой трест» — профессора Шлезингер, Гелбрейт, Кокс, Банди и Ростоу. Параллельно наращивал темпы работы «личный мозговой трест» — Соренсен, Гудвин и Фелдман.

Профессора рекрутировались за их идеи. Наблюдая массовую мобилизацию профессорского личного состава, «Уолл-стрит джорнэл» 4 августа 1960 года заметил: «Ни один политик в американской истории, даже Франклин Д. Рузвельт, не может потягаться с Кеннеди с точки зрения размеров его «мозгового треста». Для целей избирательной кампании профессора помогут подготовить документы по 120 вопросам. Количество профессоров, прямо или косвенно вовлеченных в это дело, далеко перевалило за 100. Представлены университеты, начиная от Гарварда до Рутгерса, от Мичигана до Калифорнии», практически всей страны.

Одним из первых под знамя будущего президента встал профессор экономики Дж. Гелбрейт, в свое время учивший обоих старших братьев Кеннеди в Гарварде. Едва ли тогда они произвели впечатление на язвительного и острого на язык преподавателя, но Джон крепко запомнил его. В конце 50-х годов Гелбрейт утвердил себя чуть ли не экономическим буддой в США, хотя завистники профессора в академических кругах были склонны больше признавать ценность его отчеканенных фраз, чем теорий. Но теория все же была, объяснепная в книге Гелбрейта «Общество изо-

билия», увидевшей свет в 1958 году. К тому же Гелбрейт давно почувствовал вкус к политике и состоял среди интеллектуальных адъютантов Э. Стивенсона. В книге и в кружке стивенсоновцев он убедительно отстаивал перефраз джефферсоновской формулы, которая в устах ученого теперь звучала так: «Лучше то правительство, которое больше правит». Дело оставалось за малым — поставить такое правительство у власти. Э. Стивенсон, потерпевший поражения на выборах в 1952 и 1956 годах, превращался в профессионального неудачника. Сильный Дж. Кеннеди, несомненно, привлекал Гелбрейта, под рукой был человек, вероятно, способный претворять его идеи в жизнь.

Исходным пунктом рассуждений Гелбрейта, развитых в книге, было утверждение о том, что в США существует громадный разрыв между «частным изобилием и общественной скудостью». Обладая неслыханными ресурсами, страна скаредничает в отношении государственного сектора, то есть средства в основном идут на потребление, а не на выполнение задач, которые повсеместно считаются достойными развитой цивилизации. Виновата в этом перехваленная система частного предпринимательства, рождающая ненужные потребности и объявляющая безусловной необходимостью их удовлетворение. Как настаивал Гелбрейт: «Частное предпринимательство не дало нам атомной энергии. Эта система проявила относительно небольшой интерес в получении ее, ибо трудно было решить, как можно совместить атомную энергию с коммерческими традициями цены и прибыли. Хотя никто не ставит под сомнение энергию, с которой «Дженерал моторс» развивает транспорт в США, корпорация мало заинтересована в космических путешествиях». Чтобы добиться достижений в этой области, оказалось необходимым вмешательство государства.

При существующей структуре экономики, соотношении производства и спроса громадные возможности США с точки зрения, скажем, военных нужд, а это, собственно, и интересовало Гелбрейта, — оптический обман. Не щадя слов, профессор крепко раскритиковал магнатов монополистического капитала, которые в погоне за прибылью при производстве привычных потребительских товаров постоянно запускают отрасли экономики, являющиеся становым хребтом военно-промышленной мощи. Он сослался на то, что в период второй мировой войны в постоянных ценах 1947 года поставки потребительских товаров с 1940 по 1945 год увеличились на 23 миллиарда долларов. В первые послевоенные пять лет это увеличение было немного больше — на 38 миллиардов долларов. Обрушиваясь на «обыденную мудрость», автор отмечает, что с тех пор с позиций такой мудрости мы «испытывали суетную гордость. Побеждая в величайшей войне в истории, мы смогли в то же время увеличить наше гражданское потребление на 20 процентов.

Но если бы мы проиграли войну, тогда возник бы другой взгляд, более ясный, хотя менее утешительный». Гелбрейт суммировал: «Во второй мировой войне мы не использовали мало-мальски разумным образом наши производительные ресурсы для военных целей».

Обратившись к недавней истории, автор продолжал: «Стоило разразиться войне в Корее, как гражданская экономика и стремление сохранить привычный уровень жизни стали непосредственной и ясной угрозой эффективному ведению войны. Потребители, предвидя возможные нехватки, немедленно стали защищаться от лишений, каковые в их понятиях, воспитанных в мирное время, неизбежно должны быть страшными и даже невыносимыми. В беспрецедентных размерах они стали скупать автомобили, радиотовары, кухонные принадлежности, стиральные машины, утюги, мебель, консервы и т. д. Со второго квартала 1950 года, последних трех мирных месяцев, до третьего квартала, первых трех военных месяцев, расходы на национальную оборону увеличились на 1,8 миллиарда долларов, а потребительские расходы — на 13,1 миллиарда долларов. К первому кварталу 1951 года военные расходы возросли на 12,9 миллиарда долларов по сравнению с последним кварталом мирного времени, но расходы на гражданские нужды повысились на 19 миллиардов долларов. В этих условиях общие размеры экономики не имели никакого значения. Военное производство возрастало мучительно медленно перед лицом конкуренции производства гражданских товаров».

Наконец, Гелбрейт нашел, что министр обороны Ч. Вильсон и министр финансов Г. Хэмфри в президентство Эйзенхауэра по-прежнему стояли за то, чтобы «не брать больше, чем мы можем». В результате «тот же процесс, который увеличивает экономику, повышает частный спрос к ней и уменьшает то, что, вероятно, можно было бы использовать для государственных целей». Гелбрейт подчеркнул, что привел все эти сравнения, чтобы развеять «миф о том, что военная мощь производна от общего уровня промышленного производства». Когда он сочинял книжку в середине 50-х годов, то, вероятно, слабо верил в то, что быстро увидит свои идеи материализованными в государственной практике США.

Однако ему суждено было дописать ее в самом конце 1957 года, внезапно получив весомое доказательство справедливости своих слов — советский спутник. «Советский Союз, — заканчивал исследование Гелбрейт, — продемонстрировал серию захватывающих дух достижений в области науки и техники. Никто не утверждает (а если это и делают, то очень немногие), что относительно небольшой валовой национальный продукт был ему в этом помехой. Те, кто еще недавно столь разумно рассуждал о важности производства, теперь помалкивают, по крайней мере по этому

вопросу. Стало очевидно, что наша неспособность потягаться в этих достижениях — результат того, что мы не смогли сосредоточить потребные ресурсы для достижения желательных целей. Некоторые даже указали, что в ту самую неделю, когда русские вывели на орбиту первый спутник Земли, мы представили на выставке великолепную гамму автомобилей, включая новейшую элегантную модель «Эдзела». Урок полностью не усвоен. Слишком многое относят за счет случайных факторов — неразумных бюджетных сокращений, личных странностей министра обороны, конфликтов между видами вооруженных сил и вообще плохого правления. Мы все еще не видим, что причины лежат много глубже — наша экономика и экономическая теория, объясняющая и рационализирующая ее ведение, сковывают, за небольшим исключением, все производство в частном, а с точки зрения национальной безопасности не имеющем никакого значения секторе» [50].

Гелбрейт требовал покончить с таким ведением дел, резко усилив государственный сектор, а следовательно, повысить военно-промышленный потенциал Америки. Джон Кеннеди безоговорочно согласился со сказанным и написанным Гелбрейтом, приблизил его и, в сущности, в меру сил стал популяризировать идеи профессора. Это было совсем нетрудно, ибо речи Кеннеди по экономическим проблемам писал собственноручно автор разрушительных доктрин. Труднее было Гелбрейту. «Знаете, — признался он в 1960 году, — писать за кого-то — самый трудный литературный жанр. Необходимо всеми силами отрицать собственное авторство». Так зачем же брать на себя сокрушительное бремя? «Ни один экономист не имеет и тени влияния, если он пишет только для других экономистов», — добавил профессор.

А. Шлезингер отлично дополнил Дж. Гелбрейта. Профессиональный историк, гарвардский профессор Шлезингер также рвался оказать влияние на политику. Он давно прославился высокомерием, холодно-оскорбительными сентенциями в адрес коллег и желанием занять исключительное положение не только в академической общине. Автор биографии президента Э. Джэксона, способный биограф Ф. Рузвельта, теперь он горел желанием быть среди творцов нового президента. Сверх своих воззрений он развивал и теории Гелбрейта, полируя и без того блестящую аргументацию экономиста. Со слезами на глазах Шлезингер простился с Э. Стивенсоном и отдал свое перо Кеннеди. Уже в 1959 году в брошюре «Контуры грядущей политики» он разъяснил, что «период эйзенхауэровского застоя» пришел к концу, американцам нужно «смелое, новое наступление». В начале 1960 года Шлезингер сочиняет брошюру «Великое решение: частное расточительство или национальная мощь». Уже из заголовка видно, что автор шел по стопам Гелбрейта. Позднее Кеннеди объявил эти изыскания Шлезингера

«библией» своей избирательной кампании на пост президента [51].

Когда стало ясно, что противником на выборах выступит республиканец Ричард Никсон, Шлезингер напечатал повую брошюру «Кеннеди или Никсон: есть ли разница?». Автор чернил Никсона и превозносил Кеннеди, в пух и прах разнес весь подход республиканцев к внутренним делам. «Одна из проблем темпов экономического роста в том, — изрекал Шлезингер, — что валовой национальный продукт — экономическая абстракция, при которой миллионы долларов косметических средств равноценны миллионам долларов, истраченных на больницы или ракеты. Предложения Никсона могут, конечно, увеличить валовой национальный продукт, стимулировав расширение производства помады и краски для ресниц. Но у нас в США нет нехватки потребительских товаров. У нас не хватает того, что частная экономика не производит и в основном не может произвести — всего, начиная от школ и кончая атомными подводными лодками. Перед нами стоит яспая задача направить наше фантастическое богатство на такие цели, когда оно, вместо того чтобы служить национальной распущенности, создаст национальную мощь».

Соображения Шлезингера разделяли и другие члены интеллектуальной элиты США, хотя и не входившие в «мозговой трест» Дж. Кеннеди. Едва ли он не заметил тогдашних усилий виднейшего в США эксперта по СССР, профессора Принстонского университета, в прошлом дипломата, Дж. Кеннана. В статьях и выступлениях Дж. Кеннан бил тревогу по поводу неблагополучного состояния дел в США. В мае 1959 года он объяснял сенатскому комитету по иностранным отношениям: «В основе основ — внутреннее положение в США, на которое опирается любая наша внешняя политика. Если вы спросите меня, можно ли ожидать, что наше распущенное, недисциплинированное, пессимистическое общество в конечном счете будет способно соперничать с целенаправленностью, дисциплиной и сосредоточением человеческой энергии, что так характерно для Советского Союза, то я отвечаю — это едва ли вероятно. Нам следует значительно изменить положение вещей в собственной стране, прежде чем мы сможем надеяться долго выстоять в этой борьбе... Мы стали распущенны и мягки, а это с некоторых точек зрения ужасающе».

Председатель комитета сенатор Дж. Фулбрайт поинтересовался у Дж. Кеннана, какие пути он усматривает для улучшения положения, Кеннан ответил: «Я всегда инстинктивно чувствовал, что претворение в жизнь рекомендуемого мной возможно только таким правительством, которое горячо в этом заинтересовано и готово приступить к работе».

Фулбрайт: Итак, нужно сильное правительство?

Кеннан: Да, сэр [52].

Описанные идеи легли в основу подхода Дж. Кеннеди к решающим, по мнению Вашингтона, проблемам, стоявшим перед Соединенными Штатами. Трудно сказать, были ли удовлетворены их авторы. Гелбрейт в своей обычной манере как-то съязвил: «Иногда я с благоговением и удивлением читаю о том, насколько влиятельным меня считают». Профессора были очень довольны — с ними советовались, а президент Дж. Кеннеди вознаградил самых отличившихся: Шлезингер стал его помощником: Гелбрейта и Кеннана отправил подальше, услав послами соответственно в Индию и Югославию. Быть может, чтобы не докучали новыми рекомендациями?

Шлезингер оставался при Кеннеди до конца и вовсю развернул государственную деятельность. Внешние атрибуты налицо. Консервативный издатель У. Бакли пригласил Шлезингера вскоре после восшествия Дж. Кеннеди в Белый дом на дискуссию в Бостоне. Бакли так описывал приезд оппонента: «Он великолепно прибыл в зал, с запозданием на 20 минут, подъехав к зданию с эскортом полицейских машин с включенными сиренами. Очевидно, мистеру Шлезингеру не потребовалось много времени на приобретение королевских привычек».

Но вот с реальным влиянием на политику дело обстояло сложнее. Президент Кеннеди как-то показал посетителю документ, составленный Шлезингером: «Взгляните! Семь страниц через один интервал. И сколько воды. Я бесконечно привязан к этому человеку. У него великолепный интеллект, но в этом случае... — Кеннеди сделал паузу и продолжил: — Он предлагает, чтобы я вел себя как Франклин Рузвельт в 1933 году, но ему никак не приходит в голову, что я не ФДР и сейчас 1963, а не 1933 год, а что подходило для Рузвельта, сейчас не подходит по простой причине — в 1933 году у Рузвельта основной проблемой была депрессия и он мог свободнее вести себя в отношении внутренних проблем, чем я. Кроме того, в 1933 году не было ядерных бомб, ракет, реактивных самолетов и холодной войны».

Публицисту У. Уайту Кеннеди категорически заметил: «Артур (Шлезингер. — *Н. Я.*) не имеет никакого отношения к выработке политики. Он работает там, — президент кивнул в сторону восточного крыла Белого дома, — где нет оперативных ведомств, а вообще он хороший писатель» [53].

Все это обнаружилось со временем. А в 1960 году профессора ожидали великого будущего. Но, уходя с государственной службы в 1963 году, Гелбрейт заявил на одном собрании национального значения: «Тем, кто считает, что они могут наилучшим образом послужить, облагодетельствовав политическую арену своим присутствием, а не осуществлением в жизни своих убеждений, я говорю просто — да, такая жизнь прекрасна, но она похожа на положение статуй воинов в вашингтонских парках — поза полна ге-

роики, меч вынут из ножен, но, увы, никакого движения» [54].

Опыт, как известно, приходит с годами.

ПЕРВЫЙ РАУНД: ИЗБИЕНИЕ ХЭМФРИ

Начало было достаточно трудным. Самые различные люди с тревогой смотрели, как Джона Ф. Кеннеди выдвигают на исходные позиции. Выступая по телевидению, пожилая почтенная дама Элеонора Рузвельт изрекла: «Мне кажется, что вам хотелось бы видеть следующим президентом человека, мужество которого при принятии решений бесспорно». Кроме того, вздохнула она, отец Кеннеди «тратит пачками деньги по всей стране и сейчас, вероятно, имеет по оплачиваемому представителю в каждом штате». Сенатор от Орегона У. Морзе, прославившийся прямолинейнейшими суждениями, бросил: «Американский народ должен показать сенатору Кеннеди, что Белый дом никогда не поступит в продажу». Сенатор Б. Голдуотер возвел глаза к небу: «Я искренне боюсь за мою страну в случае избрания Джэка Кеннеди президентом. У парня абсолютно нет принципов, семья Кеннеди имеет только деньги и нахальство» [55]. Говорили люди, хорошо известные в Соединенных Штатах.

Ранней весной 1960 года сенаторы Кеннеди и Хэмфри скрестили мечи в штате Висконсин. Первый прилетел с многочисленной родней, его уже ждал на месте легион сотрудников, второй приехал в дешевом автобусе с кучкой сторонников. Кеннеди неутомимо обследовал штат, заверяя всех, что от исхода первичных выборов зависит судьба президентских. Избирателей штата оглушила и ослепила пропагандистская машина Кеннеди. Хэмфри сокрушался: вести кампанию против Кеннеди все равно, что «мелкому торговцу сражаться с универсальным магазином» [56]. Намек был прозрачным. На одном из банкетов Кеннеди огласил телеграмму, будто бы полученную от отца: «Дорогой Джон! Не покупай ни одним голосом больше, чем необходимо. Я разорюсь, если придется оплатить стопроцентную победу». Дружный смех.

Кеннеди получил 56 процентов голосов демократов Висконсина. Результат не блестящий.

— Что это означает? — спросила одна из его сестер.

— Это означает, — ответил спокойно и печально Джон, — что нам предстоит проделать все сначала. Мы должны победить во всех этих штатах — Западная Вирджиния и Мэриленд, Индиана и Орегон — на пути на конвент.

Следующая схватка — в штате Западная Вирджиния. Хэмфри шутил, покидая Висконсин: «Я попытался пристроиться на самолет Джона, но он постановил, что мне ехать на автобусе». За кампанию в Висконсине над Хэмфри повис долг в 75 тысяч долларов, для борьбы в Западной Вирд-

жинии он смог наскрести только 30 тысяч долларов. Больше денег взять было неоткуда, лейтенанты Кеннеди резко одергивали тех, кто пытался финансировать противника. Т. Бейли, узнав, что издатель «Британской энциклопедии» Бентон, живущий в штате Коннектикут, дал Хэмфри в начале года 5 тысяч долларов, предупредил: если это повторится, Бентон не может рассчитывать на какой-нибудь пост в штате. Угроза политического остракизма подействовала.

Одни расходы Кеннеди на телевидение во время кампании в Западной Вирджинии достигли 34 тысяч долларов, а общие затраты составили 250 тысяч долларов. Хэмфри восклицал: «Есть три вида политики — большого бизнеса, больших боссов, больших денег. Я — против их всех, я — за народную политику». Никакого результата. Он развивал тезис: «У меня нет папочки, платящего по моим счетам. Я не могу позволить себе летать по штату с маленьким черным саквояжем и чековой книжкой». Никакого резонанса. Тогда, поздней весной 1960 года, Хэмфри пожаловался избирателям, что Роберт Кеннеди борется против него за брата методами, которым он научился, «работая в комиссии Маккарти в период ее расцвета». Никакого внимания.

Что случилось, жители штата оглохли? Вовсе нет. Организация Кеннеди точно рассчитывала, куда направить средства, — в первую очередь местным политикам. Они знали, как употребить их. В связи с упадком угольной промышленности штат превратился в один из «бедствующих», даже по официальным критериям, районов страны. Хэмфри насмешливо отзывался о тратах Кеннеди как «о краткосрочной программе развития Западной Вирджинии». Но семья Кеннеди была куда более практичной, голоса бедняков просто скупались, что стало известно, например, в округе Логан. Редактор местной газеты «Знамя Логана» писал: предварительные выборы в округе «самые коррумпированные за всю его историю... за голос платят от 2 долларов и стакана виски до 6 долларов и двух пинт виски».

Конечно, на место действия пожаловали агенты ФБР расследовать обвинение, но они ничего не добились; оказалось невозможным выяснить, где граница между прерогативами полиции штата и федеральных властей. Джон Кеннеди наигранно возмущался: «С каких пор ФБР используется как политическое оружие?» На вопрос ответило большое жюри округа Логан, обвинившее 11 человек в нарушении избирательных законов. Случилось это уже после избрания Дж. Кеннеди президентом. Никто из 11 не подвергся дальнейшему судебному преследованию [57]. Доклад ФБР, занявший 200 страниц, Э. Гувер списал в архив.

Пропагандистская машина Кеннеди бесперебойно оповещала: перед вами герой («Послушать их чепуху, — негодовал сторонник Хэмфри, — можно вообразить, что Джон в одиночку выиграл войну») отличный человек. Приглашен-

ный Кеннеди Франклин Рузвельт-младший даже нашел, что Хэмфри в годы войны умышленно избегал военной службы. Это было слишком. Кеннеди дезавуировал утверждения ревностного сторонника. В Западной Вирджинии клан Кеннеди одолел противника при соотношении голосов 3 и 2. Раздосадованный Хэмфри заявил, что он снимает свою кандидатуру в президенты. Наутро после поражения он вышел из отеля к потрепанному автобусу: на ветровом стекле белел листок — полиция оштрафовала владельца за стоянку в запрещенном месте.

Хэмфри пал жертвой рассчитанной тактики семьи Кеннеди — на предварительных выборах было необходимо победить соперника во плоти, а не собирать голоса только в пользу лозунгов. Один из помощников Кеннеди выразился коротко и точно: «Если бы Губерт Хэмфри не существовал, нужно было бы изобрести его». Исследователи политической карьеры Г. Хэмфри отмечают: «Травмы, полученные Хэмфри от рук Кеннеди, никогда не зажили. Острая ненависть к этому клану была одной из причин, по которой он крепко привязался к другому их ненавистнику — Линдону Б. Джонсону»[58].

Победа над Хэмфри в двух штатах, успех на предварительных выборах еще в пяти выдвинули Кеннеди на первое место. Он на глазах уверенно набирал темпы. Плеяда старых политиков с сокрушенными сердцами следила за возвышением молодого, верные соратники которого уже занялись массовой обработкой будущих делегатов конвента. Г. Трумэн слабым старческим голосом воззвал к Кеннеди: «Выйдите из игры, уступите место кому-нибудь более зрелому политически и более опытному». Экс-президент отказался поехать делегатом на конвент, где «все предрешено». В ответ Кеннеди на пресс-конференции в Нью-Йорке заявил, что Белый дом нуждается «в силе, здоровье и энергии», и начисто отверг возводимый на семью поклеп, будто бы она «оказывает несносное давление» на делегатов конвента.

В ходе предварительных выборов в основном упало препятствие, считавшееся серьезным, — принадлежность кандидата к католической церкви. Он высмеивал как чепуху, что лояльность к Риму может стоять выше приверженности к США. Это поняли, хотя случались и курьезные эпизоды. В штате Индиана религиозные ханжи, называвшие себя объединением индианских баптистов, проведя ночь в молитвах, утром явились к Дж. Кеннеди и предложили ему резолюцию: «Решено, что президент-католик не может беспристрастно защищать конституцию и способствовать благу США, оставаясь верным своей религии». Кеннеди невозмутимо принял резолюцию, а на пресс-конференции который раз повторил: «Лица, вручившие мне документ, могут придерживаться своих взглядов, но я также верю в первую поправку к конституции, предусматривающую отделение церкви от государства», а «также в статью шестую, предусматри-

вающую, что при избрании на государственные посты не должно быть никаких ограничений по религиозным основаниям». В общем, утверждал американский знаток вопроса, подтвердилось, что «Кеннеди никогда не проявлял особого интереса к католической вере» [59].

Тут нахлынули международные события: 1 мая 1960 года над Советским Союзом был сбит самолет-шпион У-2, правительство Эйзенхауэра сорвало совещание в верхах в Париже. Наглая ложь американских руководителей о полете У-2 выставила США к позорному столбу. Реакция в стране была очень острой, и Кеннеди не мог оставаться в стороне от возникших споров, на время смешавших рассчитанный ход избирательной кампании. Кеннеди довольно сбивчиво заметил, что президент «допустил, что риск войны зависит от отказа двигателя» (тогда в США никак не могли поверить, что высотный У-2 был сбит советской зенитной ракетой), а Эйзенхауэр мог бы «выразить сожаление» по поводу полетов У-2, если от этого зависело проведение совещания в верхах [60]. Следовательно, принести извинения, что и требовало Советское правительство. Это навлекло на него свирепый гнев не только республиканцев, но и партийных собратьев.

Лидер демократического большинства в сенате Л. Джонсон уже продвигал свою кандидатуру на пост президента от демократической партии. Поскольку главным противником в период до конвента был Джон Ф. Кеннеди, кампания Джонсона сосредоточилась на Кеннеди, а, сделав это, Джонсон любопытным образом предвосхитил позднейшую кампанию Никсона. Кеннеди, вновь и вновь повторял Джонсон, слишком молод, неопытен, в то время как страна нуждается в человеке, «голову которого тронула седина». Кеннеди, говорил Джонсон, не прав в деле с У-2, нужно не уступать русским ни дюйма. «Извиниться за У-2, как предлагал Кеннеди — значит пойти на умиротворение» [61].

В разгар замешательства Кеннеди 14 июня выступил в сенате с тщательно подготовленной программной речью. «Я не собираюсь возвращаться к печальной истории с У-2», — начал он. Провал совещания в верхах был подготовлен не полетом Пауэрса, а тем, что «мы не сумели в последние восемь лет создать позиции силы, необходимые для успешного ведения переговоров». Если кампания 1960 года выродится в состязание, «какая партия является партией войны, а какая — партией умиротворения, или какой кандидат может сказать американским избирателям то, что им угодно слышать, а не то, что им нужно услышать, или кто мягок к коммунизму, или кто наиболее непримирим к иностранной помощи, тогда, на мой взгляд, нет большой разницы, кто победит в июле и ноябре».

Он привел обычный тезис: у республиканцев нет политики. «В качестве замены ее Эйзенхауэр попытался улыбаться русским, госдепартамент хмурился им, а Никсон делал то и

другое. Ничто не помогло... Задача заключается в восстановлении нашей мощи и мощи свободного мира, с тем чтобы доказать Советам — время и ход истории не на их стороне, баланс сил в мире меняется не в их пользу». Затем Кеннеди начертал программу из двенадцати пунктов, на которой, в сущности, базировалась стратегия «гибкого реагирования», положенная в основу внешнеполитического курса администрации демократической партии с 1961 года.

Необходимо иметь превосходящие ракетно-ядерные силы; решительным образом расширить обычные вооруженные силы; укрепить НАТО; увеличить помощь развивающимся странам; по-новому вести дела со странами Латинской Америки и Африки; решительнее проводить политику в германском вопросе, включая Берлин; вносить раскол в социалистический лагерь; пересмотреть политику в отношении Китая; заняться проблемами разоружения, а главное — строить «более сильную Америку».

Заключая речь, Кеннеди сказал: «Америка сегодня, заявил вице-президент в субботу национальному комитету своей партии, является самой сильной военной державой, самой сильной экономической державой с самыми лучшими системой образования и учеными на нашей земле». Кормить американский народ в предстоящие месяцы такими утверждениями, сводить положение нашей страны к все более и более громким речам, держа все меньшую и меньшую дубину, — значит пожертвовать долговременными нуждами нации в пользу краткосрочных иллюзий безопасности» [62].

Речь задала тон предвыборной кампании демократов.

КАК И ЗА ЧТО ВЫБИРАЛИ ДЖОНА КАНДИДАТОМ В ПРЕЗИДЕНТЫ

11 июля открылся конвент демократической партии в Лос-Анджелесе. 4509 делегатов, 4750 журналистов. С ними родственники, знакомые. Всего в город съехалось 45 тысяч человек. Радостная толпа встретила Кеннеди на аэродроме. Едва он сошел с самолета, как громадный человек в коричневом костюме схватил Джона за лацканы пиджака и привлек к себе. Толпа восторженно заревела — дружеские объятия! Полиция определила точнее: душевнобольной! И с трудом вырвала помятого, побледневшего кандидата из медвежьих объятий.

Кеннеди все до единого явились в Лос-Анджелес. Но на банкете, данном семьей делегатам конвента, председательствовала мать, отец не появлялся. Он прятался на вилле, тайком снятой для него. На улицах гремели оркестры, проходили шумные демонстрации. Лосанджелесцы несли и такие лозунги: «Молитесь, христиане! Мы хотим богобоязненного человека, а не человека, управляемого из Рима или Мо-

сквы». Опять прямой намек на Кеннеди. Он огрызнулся: «Что, я потерял право быть президентом 42 года назад в церковной купели?»

Когорты партийных активистов тепло рекомендовали делегатам избрать кандидатом в президенты либо Э. Стивенсона, либо Л. Джонсона. Последним очень хотелось в Белый дом, только никак не могли договориться, кто же из них будет вице-президентом. Л. Джонсон, официально выдвинувший свою кандидатуру 5 июля, великодушно сообщил, что «не может допустить, чтобы рядом со мной вертелся 42-летний парень, пусть вице-президентом будет Эдлай (Стивенсон)». Он задавал риторический вопрос: «Не решен ли исход в какой-то задней комнате, и остается только объявить об этом делегатам?» [63]

Руководитель кампании по выборам Джона Роберт Кеннеди не прятался, он был на виду. Приказывал, кричал, что капрал на плацу, уговаривал, запугивал. Люди Роберта надзирали за картотекой, в которой значилось 3200 человек из участвовавших в конвенте. С ними поддерживался прочный контакт. Английский журналист, увидев Роберта, исступленно бранившего какого-то политика, обратился к жене Роберта Этель: не будет ли она возражать, если мужа сравнят с «индейцем, собирающимся снять скальп?» «Нисколько, — отозвалась Этель, — именно это он обычно и делает!» Другие наблюдатели смотрели на Роберта куда менее вежливыми глазами, заключив, что он человек резкий, нетактичный, беспощадный. Но никто не отрицал энергию, с которой он пробивал дорогу старшему брату.

Л. Джонсон внушительно заговорил о международных делах. Суровый реалист Джон Кеннеди, памятуя о проделанной им организационной работе, усмехнулся: «Линдону нужна помощь, но не из Парижа или Москвы, а из крупных городов Севера и с Запада». А в них машина Кеннеди утвердилась. Пока сторонники Стивенсона ревели и свистели на конвенте, Л. Джонсон вызвал Кеннеди на словесный поединок перед телевизионными камерами. 12 июля они встретились, передача транслировалась по всей стране, в зале сидели делегации от Техаса и Массачусетса на конвенте. Перед ними — прижавшиеся друг к другу, настороженные Джон и Роберт Кеннеди.

Лидер демократического большинства припомнил известные грехи сенатора, так и не научившегося высиживать на заседаниях. Джонсон говорил о круглосуточных бдениях в сенате: противники закона о гражданских правах тянули заседание, ища момента, когда в зале не окажется кворума. Им это было нужно, чтобы внезапно поставить вопрос на голосование и сорвать принятие закона по процедурным мотивам. «В течение шести дней и ночей, — раздельно говорил Джонсон, обращаясь к телевизионным камерам, — я должен был представить по первому требованию кворум — 61 сена-

тора, чтобы заседание продолжалось и сенат мог принять закон. Я горд сообщить вам, что за это время проводилось 50 перекличек и каждый раз слышался голос — Линдон Джонсон здесь! В то же время некоторые вознамерившиеся пройти в президенты на платформе гражданских прав ни разу не ответили на перекличках».

Пошептавшись с Робертом, Джон со светлой улыбкой насмешливо ответил: «Он сослался на недостатки других кандидатов в президенты. Поскольку никто не назван по имени, я полагаю, что речь идет не обо мне. Сенатор Джонсон в самом деле вел себя чудесно, отвечая на всех перекличках, и я хвалю его за это. На них я действительно не присутствовал — я не лидер большинства... Поэтому сегодня я полон восхищения сенатором Джонсоном, преисполнен любви к нему, всецело поддерживаю его как лидера большинства и убежден, что сработаюсь с ним как с лидером большинства».

Гомерический хохот потряс зал, сотрясались от смеха миллионы американцев перед телевизорами.

На следующий день «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Лос-Анджелес. 13 июля. Сенатор Линдон Б. Джонсон завершил свою кампанию за выдвижение в президенты от демократической партии серией личных нападок на сенатора Джона Ф. Кеннеди и его семью.

Техасец, уверенный в себе и своей победе, косвенно обрушился на богатство семьи Кеннеди, на его отношение к маккартизму и довоенную позицию отца Кеннеди относительно Гитлера.

В цветистой речи он объявил, что звезда Кеннеди остановлена, и предсказал «мятеж» делегатов, которые, по его выражению, как «овцы за бараном», шли за кандидатом от штата Массачусетс...

Некоторых уверенный вид мистера Джонсона убедил. Другим его тактика казалась тактикой человека, делающего последнюю попытку предотвратить поражение».

Джонсон понимал, что клан Кеннеди времени не теряет. Накануне конвента распространились слухи, что у Джонсона инфаркт, а иногда сплетничали, что он уже умер. Поймав в кулуарах конвента Роберта, секретарь Джонсона Б. Бейкер сказал: «Знаешь, Бобби, Линдону наплевать на все, что вы тут ему делаете, за исключением одного. Он не может простить слухов, распространившихся одновременно в Далласе, Хьюстоне и Остине накануне конвента демократической партии в штате Техас о том, что Линдон Джонсон умер от сердечного приступа. В редакцию хьюстонской «Пост» за день позвонили три тысячи человек. Линдон не любит таких шуток». Роберт горячо отверг инсинуации. Но Джонсон стоял на своем: «Это проделки маленького мерзавца Бобби!»

А на конвенте сторонники Э. Стивенсона организованно

завывали, требуя выдвинуть его в президенты. Они сумели провести почти 4 тысячи своих людей на галереи, откуда раздавались непрерывные крики: «Хотим Эдлая!» Оглушительное единодушие оказалось блефом, когда вечером 13 июля начался подсчет. Клан Кеннеди точно знал обстановку: была установлена специальная телефонная связь с делегациями, в зале конвента восемь групп (каждая с переносным радиопередатчиком) немедленно реагировали на малейшие изменения настроений. За всем надзирал Роберт Кеннеди. Делегация за делегацией отдавали свои голоса Кеннеди. Ему нужно было набрать 763 голоса, он получил 806, Джонсон собрал 409, Стивенсон — 79, остальные разделили второстепенные кандидаты.

Политические боссы, обеспечившие победы, поспешили в маленький коттедж, где размещался узел связи кандидата. Они собрались там — А. Гарриман, Д. Бейли, мэр Чикаго Д. Дейли, Д. Маккормик из Бостона и другие. «Вот он идет», — сказал кто-то. Разговоры смолкли. Легкой, танцующей походкой вошел Кеннеди, выглядевший необычно молодым по сравнению с собравшимися. Он подошел к Роберту и Шриверу, стоявшим отдельно, пожилые почтительно ждали в десятке шагов. Роли переменились: перед ними был вероятный будущий президент, и подойти к нему можно было только по приглашению. Оно последовало; кандидат, его родственники, губернаторы, мэры и боссы в оживленной беседе наспех вновь пережили перипетии борьбы, от которой еще не улеглась пыль.

Осталось выдвинуть кандидатуру в вице-президенты. Ожидали, что Кеннеди изберет человека либеральных взглядов. Однако, посоветовавшись с отцом, он предложил взять Линдона Б. Джонсона. Всеобщее недоумение в окружении Кеннеди, и не только из-за выбора — политики не верили, что Л. Джонсон предпочтет должность вице-президента посту лидера большинства в сенате. Джонсон уже высказался, имея в виду, что единственная прерогатива вице-президента председательствовать в сенате: «Я не обменяю право голосовать на молоточек». Кеннеди понимал, что выдвижение Джонсона несомненно вызовет недовольство лидеров организованного рабочего движения и либерального крыла партии. Он, по-видимому, полагал, что неудобства с лихвой компенсирует твердая поддержка партийных руководителей южных штатов. Им техасец Джонсон был по сердцу.

Утром 14 июля по поручению Кеннеди редактор «Вашингтон пост» Ф. Грэхам явился в номер отеля к Л. Джонсону и повел с ним переговоры. Джонсон с трудом понимал, почему вдруг именно ему надлежит баллотироваться в вице-президенты. Уселись в спальне на кровати — Грэхам, Джонсон, жена Джонсона. Они никак не могли прийти к определенным выводам. «Тогда, — писал Ф. Грэхам, — около 2 часов 30 минут я соединился с Джоном по телефону (прямо

из спальни)... Он сказал, что все перепуталось — ряд либералов против ЛБД. Сейчас он как раз совещается с некоторыми из них, и они настаивают на Саймингтоне... Он попросил позвонить через три минуты и сообщить окончательное мнение... Я снял часы и положил у телефона. Мы оба решили, что при этих обстоятельствах три минуты означают десять, и в 2 часа 40 минут вновь позвонил Джону... Он совершенно спокойно ответил: «Все улажено. Скажи Линдону, что я хочу его, Лоуренс выдвинет его кандидатуру на конвенте».

Едва успел положить трубку, ворвался Роберт Кеннеди и с порога зачастил — против Джонсона оппозиция, ради единства партии пусть снимет свою кандидатуру. Джонсон был вне себя от бешенства. Никто ничего не понимал. С трудом дозвонились до Джона. Тот выругался, подтвердил свое предложение. Позвали к телефону Роберта. Переговорив с братом, Роберт швырнул трубку и вылетел из комнаты. А в холле отеля уже стоял Джонсон с супругой. Они выглядели, по словам Ф. Грэхама, как «люди, пережившие авиационную катастрофу». Джонсон вертел в руках листок с текстом заявления о том, что он согласен быть кандидатом в вице-президенты.

Он обратился к Грэхаму: «Я было собрался прочитать заявление по телевидению, а теперь не знаю, что делать!»

Грэхам прорвало: «Конечно, вы знаете, что делать. Расправьте плечи, выпятите подбородок и читайте заявление. А затем вперед к победе! Все чудесно!»

Джонсон поступил соответственно. На конвенте выкликнули кандидата: «Джонсон!» Кто-то предложил: «Не голосовать, а принять кандидатуру на основании единодушного одобрения». Хотя присутствовавшим показалось, что возгласов «да» и «нет» раздалось поровну, председательствующий торопливо объявил, что кандидатура Джонсона в вице-президенты принята.

Очевидец Т. Уайт писал в 1961 году: «Разобраться в действительной истории избрания Линдона Б. Джонсона кандидатом в вице-президенты США должны завтрашние историки, а не сегодняшние журналисты. Время и годы в конце концов сольют воедино противоречивые воспоминания участников в истину, с которой согласятся все, а она, в свою очередь, станет конечной истиной» [64]. Надежды журналиста сразу не оправдались. А. Шлезингер в 1965 году выпустил книгу «1000 дней Кеннеди», имеющую более тысячи страниц, напечатанных мелким шрифтом. Он сообщал: «Путаница в тот день не поддается исторической реконструкции, включая мое повествование». А. Шлезингер не из тех историков, кто сидит в кабинете. Он находился в самой гуще событий.

Верный соратник президента Кеннеди П. Сэлинджер в конце 1966 года написал о нем книгу. Он утверждал, что

вскоре после конвента Кеннеди рассказывал о выдвижении Джонсона в вице-президенты: «Внезапно он сделал паузу и сказал: «Все обстоятельства никогда не будут известны. И очень хорошо, что это так». Я не могу объяснить эту загадочную реплику. Просто сообщаю, что ДФК сделал ее» [65].

Биограф Дж. Кеннеди Г. Пармет во втором томе своей книги, увидевшем свет в 1983 году, согласился, что неразбериха в тот день в отеле не поддается описанию. «Тем не менее, — замечает он, — к настоящему времени доступно достаточно информации, чтобы сделать выводы о случившемся в действительности». Перебрав, и последовательно, ряд версий, Пармет указывает: «Есть разумные основания предположить, что вопрос был окончательно разрешен вмешательством Джо Кеннеди. Очень вероятно, что в тот момент, когда Бобби был внизу (у Джонсона. — *Н. Я.*), отец и сын (Джон. — *Н. Я.*) еще раз обменялись мнениями. То, что Джо Кеннеди был в курсе происходившего и поддерживал Джонсона, вполне установлено. Еще более очевидно, что вмешательство отца в политическую судьбу сына не прекратилось внезапно в момент принятия Джэком важнейшего решения. Посол, не менее кого-либо другого, находившегося тогда в отеле «Балтимор», действовал» [66].

ПОБЕДА!

15 июля 1960 года 80 тысяч человек заполнили колизей в Лос-Анджелесе. Перед ними выступил Дж. Кеннеди с первой речью как кандидат в президенты. Усталый, серый от бессонницы, он говорил, стоя лицом к заходящему солнцу. Багровые лучи беспощадно выделяли обычно мало заметные морщины на его лице.

«Я сегодня смотрю на Запад, где некогда проходила наша последняя граница. На землях, простиравшихся на 3 тысячи миль за моей спиной, пионеры прошлого отказывались от уюта, бросали все и иногда жертвовали своими жизнями, чтобы построить новый мир здесь, на Западе... Сегодня кое-кто заявляет, что все битвы позади, что все горизонты познаны, что американской границы больше не существует... Но не все проблемы решены, и не все битвы выиграны. Сегодня мы стоим у новой границы — границы 60-х годов, границы непознанных возможностей и дорог, границы неизведанных надежд и опасностей... Граница, о которой я говорю, не ряд обещаний, а ряд вызовов. Речь идет не о том, что я могу предложить американскому народу, а о том, что я намереваюсь попросить у него... Речь идет о больших жертвах, отнюдь не о благах... Суровая действительность такова, что мы стоим на этой границе, стоим у поворотного пункта в истории».

Речь блистала и искрилась, как прекрасное ожерелье — оратор чувствовал родной язык, его помощники были недурно образованны. От работавших бок о бок с Кеннеди профессоров всегда можно было получить компетентные советы и хорошо написанные проекты речей. Термин «новая граница» предложил У. Ростоу. Отсюда — порядочный интеллектуальный накал кампании кандидата в президенты от демократической партии, что стали называть «стилем Кеннеди». Даже Г. Трумэн поддался обаянию Дж. Кеннеди и в своей манере брюзги заявил, что, пожалуй, примирился с молодым человеком. Слова экс-президента ободрили кандидата в будущее.

Кеннеди решил встретиться с ним и перед фотоаппаратами сцементировать единство старости и молодости демократической партии. Накануне встречи, состоявшейся 20 августа 1960 года, Джон предвкушал: «Надеюсь, что он извинится за то, что именовал меня сукиным сыном, а я принесу извинения за то, что являюсь таковым». Они обнялись в библиотеке Трумэна в Индепенденсе, штат Миссури. Кеннеди напомнил Трумэну о кампании 1948 года.

Тогда Трумэн сравнивал своего противника — республиканца Т. Дьюи со злом сразу в трех лицах — Гитлера, Муссолини и Тодзио. Трумэн говорил: «Если республиканцы победят, они разорвут вас в клочья... Республиканцы не осмеливаются открыть свои цели, ибо в таком случае народ вытащит их и повесит... Дьюи — беспощадный человек, считающий, что расстрел на рассвете — лучший способ излечить неэффективность...» На радостях примирения с Трумэном Джон в экстазе восклицал: «Я займусь плагиатом с вашей кампании 1948 года. Я внимательно изучил ее и задам республиканцам, особенно Никсону, перцу».

Зигзаги политики столкнули Джона в 1960 году с человеком, с которым он поддерживал 13 лет добрые отношения, — Ричардом Никсоном, теперь выступившим кандидатом в президенты от республиканцев. Никсон был избран в палату представителей вместе с Кеннеди в 1946 году. Он произвел большое впечатление на Джона. Много спустя припомнили, что, когда они оба выступали по радио вместе с другими молодыми конгрессменами, Джон, указав на Никсона, вполголоса заметил соседям: «Вы пока не слышали об этом парне, но он станет здесь большим человеком». В 1950 году, когда Никсона выбрали в сенат, Джон поддержал его кампанию, дав чек на одну тысячу долларов. Поразительный поступок для демократа — помогать республиканцу.

Во всяком случае, до 1960 года Кеннеди публично не спорил с Никсоном. В 1956 году энергичный журналист Л. Спивак попытался выяснить отношение сенатора Кеннеди к вице-президенту Никсону. Журналист процитировал место из одной речи Кеннеди, в которой было сказано: «Когда

мистер Эйзенхауэр говорит о партии будущего, он говорит о партии Ричарда Никсона».

— Предположим, так оно и есть. Что в этом плохого? — осведомился Спивак.

— Я, мистер Спивак, указывал, — заявил Кеннеди, — что у демократов дюжина молодых сенаторов и конгрессменов, которые, на мой взгляд, подают большие надежды на будущее. У республиканцев в руководстве нет молодых людей, за исключением Ричарда Никсона... и поэтому истинной партией будущего является демократическая партия, ибо у республиканцев только один молодой руководитель — Никсон.

— Вы были вместе с ним в палате представителей в 1946—1950 годах?

— Верно.

— Как вы думаете, крайние суждения относительно Никсона, высказанные ораторами-демократами, оправданны?

— Ну, знаете, — заметил Кеннеди, — я ничего не говорил о нем крайнего, за исключением того, что он ведущий молодой человек в республиканской партии.

Теперь, в 1960 году, вступив в схватку с Никсоном, Кеннеди обязался найти в нем качества, которые не устраивали его. Где искать? Помощники вручили кандидату в президенты «Никсопедию» — чудовищный том в тысячу страниц, куда были занесены все деяния и речи противника. Наведение справок в «Никсопедии» также определило «стиль Кеннеди».

Республиканцы повели борьбу в ином плане, апеллируя к «простому американскому человеку». Разумеется, не было оставлено в покое богатство семьи Кеннеди. Республиканские острословы изобрели и пустили по стране множество ядовитых анекдотов, например такой. Джозеф говорит сыночку: «Не волнуйся, проиграешь выборы, куплю тебе другую страну». Клан Кеннеди всегда бросался в глаза, поэтому отсутствие отца, прятавшегося от репортеров, удивляло. Сочинили стишок:

Джон и Бобби руководят, всегда в дороге,
А где же Эдвард?
Запят — прячет папочку в берлоге! [67]

Республиканцы отдавали изрядную дань шуточкам, фактический руководитель кампании демократов — Роберт Кеннеди насаждал железную дисциплину во вверенных ему политических легионах. Роберта впервые увидели в большом деле, куда он внес немыслимо сочетавшиеся черты сухого бостонского пуританина и католика по вероисповеданию — морализирующего ригориста, практичного дельца и образованного человека. Тогда припомнили отзывы отца о Роберте. Джозеф, сравнивая Джона и Роберта, говаривал: «Бобби куда более прям, чем Джон, Джон только уговаривает... Бобби напоминает меня больше всех из моих детей». Резкость он

возвел в систему работы. Группе демократов в штате Нью-Йорк, затеявших распри с местной организацией партии, он коротко и внятно разъяснил: «Господа! Я не поручусь и полушкой за то, что организация города и штата выживет после ноября. Я не поручусь и полушкой за то, что выживите вы. Я хочу избрать Джона Ф. Кеннеди». Поколебленное единство мгновенно восстановилось.

После выборов стало известно, что на службу Кеннеди была поставлена специально сконструированная для выборов электронно-счетная машина. Она обошлась в 65 тысяч долларов (Роберт дал 20 тысяч долларов) и именовалась посвященными народной машиной. Электронный мозг рассчитывал сравнительные параметры кандидатов, давал ответы на вопросы о возможной реакции избирателей и вообще освещал множество вопросов. Для оценки настроений избирателей в машину были введены результаты опросов 100 тысяч человек в связи с выборами, 66 общих национальных опросов общественного мнения. Программирование было внушительным — опрошенные лица разбиты на 480 категорий! Много позднее стратеги из окружения Кеннеди хвастались, например, что народная машина помогла определить направление кампании с целью завоевать голоса избирателей негров.

С сумасшедшей скоростью Дж. Кеннеди вел свою кампанию, облетая 50 штатов страны. Не менее энергично трудился 47-летний Р. Никсон. Журналисты сбились с ног. Типичное описание глазами газетчика повседневных плоскостей избирательной кампании дал Т. Уайт: «В 96-й раз слышим от мистера Никсона: «Пусть никогда не настанет время, когда любому президенту США, демократу или республиканцу, придется извиняться за то, что он пытается защитить США от внезапного нападения» (по поводу инцидента с У-2. — *И. Я.*), и в 96-й раз — от мистера Кеннеди: «Мы живем в великой стране. Но я думаю, что она может быть еще более великой. Мы можем заставить страну двинуться вперед» [68].

Затем спешат на утренний митинг, сражаясь с полицией («Я думаю, здесь собралось десять тысяч», «Десять тысяч! Ты сошел с ума! Если здесь десять тысяч, тогда в Нэшвилле было сорок тысяч». «Я слышал, пять тысяч», — сказал начальник полиции. «Этот сукин сын, демократ. Явился бы сюда Кеннеди, он насчитал бы все двадцать». «Ну, ладно — восемь, пойдет?..»)

Усталые корреспонденты не слышат ответа кандидата («Что он сказал?», «Ты слышал?», «Кто спросил?»), а местный фотограф пригвождает к месту кандидата — еще один снимок со старым другом из экипажа торпедного катера во время войны. («Еще один? Боже всевышний, у этого Кеннеди на катере хватило бы парней на экипаж линкора! Как его зовут?») Или он уже снимается с индейцем в орлиных

перьях («Это индеец из племени сиу», — сказали местные журналисты. «Нет, из племени виннебаго, разве не видишь?» «Да, кто-то говорил, что Никсон наполовину индеец». «Да нет же, дурак»), а кандидат поднимает ногу на ступеньки, но ему суют в нос микрофон («Еще одна запись, не больше минуты»), и кандидат говорит: «Подумайте об основной проблеме — мир без капитуляции. Пусть никогда не настанет время, когда любому президенту...», или: «Это очень важный штат! Это очень важные выборы! Я думаю, что наша страна велика. Но я думаю, что она может быть еще более великой...»

В крупных городах кандидатов встречали необозримые толпы, океан голов. В Нью-Йорке Кеннеди приветствовало свыше миллиона человек. Так, во всяком случае, сообщили журналисты на основании уже известных нам методов подсчета.

Л. Джонсон больше не называл Джона Кеннеди Джэком, а уважительно ссылался на него как на Джона. На митинге в штате Техас он степенно разъяснял землякам: «Избираться с Джоном Кеннеди — честь. Я могу узнать человека, взглянув ему в глаза. Я взглянул в глаза Джону Кеннеди, и мне понравилось, что я увидел там». Сенатор Б. Голдуотер улыбался: «Линдон был всегда склонен к акробатике». Впрочем, друзья Джонсона по Капитолию вошли в его положение: «Джон после конвента превратился в лидера — лидера большинства».

Кеннеди бросил в бой наличные и будущие ресурсы семьи. Как-то на митинге в штате Орегон он извинился, что не присутствует Жаклин. По неписаным законам кандидату приличествует быть с женой. «Она занята другим», — неловко отшутился Джон. Дружеский смех. На следующее утро на митинге в Калифорнии: «У нее есть еще обязанности». А хохот пуще. В середине дня: «У моей жены будет ребенок». Днем спустя: «Она родит мальчика в ноябре». Шутка отработалась и отныне применялась везде. «Откуда вы знаете, что будет мальчик?» — спрашивали кандидата. «Жена сказала». Улыбки от уха до уха.

Сестры Джона трудились неутомимо. Известный писатель Дж. Митченер, собиравшийся поработать в пользу Кеннеди, описал в книжке «Рассказ председателя округа» перипетии кампании у себя в штате — на Гавайских островах. Он был весьма дружески настроен к Кеннеди, но по поводу методов кампании семьи писал: «Мы, бывало, выходим на сцену, и вдруг таинственным образом появляется одна из сестер Кеннеди, откуда-то прилетевшая и улетающая сразу же по окончании митинга. Они всегда находили возможность пожать руки всем в зале... и запомнились как прелестные дамы, которые не ели, не спали и ничего не делали, только торопились из города в город» [69].

Хотя второстепенные республиканские ораторы не остав-

ляли в покое всю семью Кеннеди, Никсон строго воздерживался от личных нападок. Позднее он объяснял: «Я несу единоличную ответственность за решение не втягивать отца Кеннеди и других членов его семьи в кампанию и не сожалею об этом. На протяжении всей моей политической деятельности я всегда считал, что нужно разоблачать и наносить сильнейшие удары по политическим поступкам кандидата. Однако его личная жизнь и жизнь его семьи не являются достойными поводами для обсуждения, если только все это в какой-то мере не затрагивает его пригодности к избранию на должность» [70]. Решение Никсона быть сдержанным развязало руки Джону. Он мог не опасаться последствий любых эскапад.

Республиканцы непрестанно и довольно упорно поучали «простого американского человека», настаивая на том, что пристойно и что непристойно. На большом обеде в Нью-Йорке Джон сообщил: «Вице-президент очень трогательно предостерегает детей, президентов и экс-президентов против употребления скверных слов. Пробыв 14 лет в конгрессе, я знаю, что вице-президент искренен. Мне, однако, сообщили, что некий видный республиканец заявил вчера вице-президенту в Джэксонвилле, штат Флорида: «Послушай, ты произнес чертовски хорошую речь». Вице-президент ответил: «Ценю комплимент, но не выражение». Республиканец продолжил: «Да, сэр, но она мне так понравилась, что я внес тысячу долларов на твою кампанию». На что Никсон ответил: «Черт возьми, это дело» [71]. Успех неимоверный. Помощники Кеннеди, сочинившие речь, довольно ухмылялись: недаром они битых два дня осаждали журналистов, слывших остроумными: «Вы не знаете какой-нибудь шутки?» Проиллюстрировать широко известное — Р. Никсон уже приобрел славу великого сквернослова. Пока в тесном кругу, разумеется.

Шутки шутками, а в кампании нет-нет да и поднимались серьезные вопросы. Суть возражений Никсона против Кеннеди сводилась к трем положениям: 1) объявив о том, что дела Америки плохи, Кеннеди «чернит страну и прививает нам комплекс неполноценности»; 2) если предложения Кеннеди будут претворены в жизнь, жизнь в США вздорожает на 25 процентов; 3) в столь серьезный период нельзя вверять бразды правления неопытному сенатору.

Тогда Кеннеди избрал мишенью конкретный вопрос: как могло случиться, что администрация Эйзенхауэра допустила победу революции на Кубе или, как он выразился, «возникновение коммунистического сателлита в 90 милях от наших берегов»? Сотрудники кандидата развили его тезис и передали в печать заявление Кеннеди: «Мы должны попытаться укрепить антикастровские демократические силы, но не поддерживающие Батисту, как в изгнании, так и на самой Кубе, которые подают надежду на конечное свержение

Кастро. Эти борцы за свободу практически не получали никакой помощи от нашего правительства».

Ни Кеннеди, ни его штат по позднейшей официальной версии не знали, что еще 17 марта 1960 года правительство Эйзенхауэра одобрило рекомендации ЦРУ использовать против Кубы контрреволюционеров. На предприятие ассигновали 13 миллионов долларов, и подготовка к вторжению в секретном лагере в Гватемале уже шла полным ходом. Республиканцы, частично опасаясь, что Кеннеди стремится заранее приписать себе «светлую» идею, обозвали заявление Кеннеди «самым постыдным, самым безответственным когда-либо сделанным кандидатом в президенты». «Если бы мы последовали этой рекомендации, — причитали они, — ...мы бы растеряли всех друзей в Латинской Америке, нас, возможно, осудила бы Организация Объединенных Наций, и мы бы не достигли наших целей».

Кеннеди забил отбой. Он больше не заикался о «борцах за свободу», настаивал только на экономических санкциях. Соренсену и Гудвину, состряпавшим заявление, он сухо сказал: «Ладно. Если я одержу победу на выборах, то добьюсь ее сам. Если проиграю, тогда вы, ребята, будете виноваты» [72]. Он распорядился не давать в печать никаких заявлений, не показав их предварительно ему. Еще подумав, Кеннеди счел за благо больше не упоминать о Кубе.

Решающий обмен любезностями между Кеннеди и Никсоном произошел на экранах телевидения — впервые в телестудиях устроили дискуссии кандидатов под руководством ведущего программу. Политики правильно оценили значение телевидения в жизни США. В 1960 году 40 миллионов семей, или 88 процентов всех семей, имели телевизоры. В среднем каждый телевизор работал 4—5 часов в день. Три основные телевизионные компании продали кандидатам за 2 миллиона долларов 19 часов национального вещания. Компании рассматривали дебаты как дело коммерческое, оговорив, чтобы они протекали интересно и в приличных рамках, а спорящие не имели перед собой записок.

В 20 часов 30 минут по чикагскому времени на экранах телевизоров погасли последние кадры музыкальной комедии. Через несколько секунд раздался голос диктора, восхвалявшего сигареты «Лиггет и Мейерс». Показали марку «Л. М.». Затем 15 секунд рекламировался крем, «особо оттеняющий глаза и придающий бархатистость коже». Покончили с кремом. Другой диктор с сожалением сообщил, что зрители, включившие этот канал, не увидят представление с участием Энди Гриффитс. На экране появились ведущий и оба кандидата в президенты.

Они любезно обсудили спорные вопросы. Кеннеди потом признался: на него было направлено четыре прожектора, на Никсона — один, значит, освещением ведали республиканцы, старавшиеся ослепить его. Никсона же скверно загри-

мировали. Его сотрудники заподозрили, что гример — демократ, и собственноручно подводили глаза и пудрили своего кандидата для последующих передач. Перед телекамерами состоялось четыре встречи. Кеннеди начисто выиграл их, проявив лучшие артистические данные. В общей сложности дебаты по телевидению смотрело 120 миллионов человек. Последующий опрос показал, что 75 процентов предпочло Кеннеди.

Мастерским ударом Кеннеди оказалось выражение сочувствия по поводу ареста в Атланте во время избирательной кампании известного борца за гражданские права Мартина Лютера Кинга. Узнав об этом, Кеннеди связался по междугородному телефону с его женой и утешил женщину. Накануне выборов демократы роздали среди афроамериканцев 2 миллиона экземпляров брошюр с описанием трогательного инцидента. Отец Мартина, престарелый священник, возгласил: «Поскольку Кеннеди пожелал утереть слезы моей невестке, я наберу чемодан голосов и положу ему на колени». Кеннеди шел на все. 26 сентября 1960 года журнал «Ньюсуик» сообщил, что в ответ на очередной вопрос о позиции в деле Маккарти он покаялся: «Если бы тогда я знал, что буду баллотироваться в президенты, то приполз бы на костылях и проголосовал бы за осуждение».

К концу кампании республиканцы подтянули тяжелую артиллерию — за Никсона принялся агитировать президент Эйзенхауэр. Кеннеди ухватился за новую тему. Он напомнил, что эмблема республиканской партии — слон. «Видели слонов в цирке? — говорил он 5 ноября в Нью-Йорке. — У них головы из слоновой кости, толстая кожа, видят плохо, помнят долго, а когда они гуськом обходят арену, то каждый держится хоботом за хвост идущего впереди... Так Дик (Никсон. — *Н. Я.*) держался за хвост в 1952 и 1956 годах, но в этом году добивается избрания не президент, а он сам» и т. д. [73].

Постепенно самые различные силы заявляли о поддержке Джона Кеннеди. На Юге Л. Джонсон заверял обеспокоенных расистов, что Кеннеди в душе «консерватор», на Севере А. Шлезингер жизнью клялся обеспокоенным либералам, что кандидат в президенты «с ними». В Алабаме имя Дж. Кеннеди ассоциировалось с «господством белого человека», за него агитировал в Миссисипи сверхрасист сенатор Дж. Истленд. Тем временем У. Липпман разъяснял: «Кеннеди перерос многие свои прошлые ошибки и колебания юности» и теперь «в основном стоит на тех же позициях, что и Стивенсон». Конечно, не по внушению Липпмана, а по собственным основаниям за него высказались председатель комитета по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей конгрессмен Ф. Уолтер и нефтяной магнат Г. Хант.

Поддержка приходила от самых различных деятелей.

Кеннеди утверждал, что «17 миллионов американцев ложатся спать голодными», и, по скромным подсчетам, дал на будущее 220 обещаний: 54 — по внешней политике, 21 — по сельскому хозяйству, 15 — по национальной безопасности, 41 — по труду и социальному обеспечению, 24 — по естественным ресурсам, 14 — по торговле, 16 — по экономической политике, 35 — по управлению и судебной системе. Личная радиостанция диктатора Доминиканской Республики генералиссимуса Трухильо вышла в эфир с сенсационной находкой: Кеннеди — «динамичный молодой человек, называющий вещи своими именами, слова и дела которого могут оказаться очень полезными для исправления ошибок и слабостей, вследствие которых США и утратили руководство в мире, вложенное в их богатые руки минувшей мировой войной». В общем, сложился могучий фронт — от Липпмана до Трухильо, не говоря уже о матери кандидата, трогательно объяснившей, что политические интересы у сына пробудились, когда он «ходил пешком под стол».

Утром 8 ноября Кеннеди проголосовал на своем участке в Бостоне и отправился в Хайниспорт. Оставалось только ждать. В семейное гнездо слетелись родственники. День прошел в страшном напряжении. Новости не всегда утешали. Из Техаса по телефону Л. Джонсон сообщил: «Я слышал, вы теряете Огайо, но мы побеждаем в Пенсильвании!» Вечером разошлись. На командном пункте в своем доме у 14 телефонов просидел на вахте всю ночь неугомонный Роберт. Счет за его междугородные разговоры в памятную ночь превысил 10 тысяч долларов.

По некоторым подсчетам, избрание Джона президентом обошлось семье Кеннеди в 7 миллионов долларов [74].

Около 6 часов утра 9 ноября зловещие фигуры окружили дом Кеннеди. 16 агентов секретной службы заняли свои места — первое подтверждение победы на выборах. Они явились охранять президента. Через 6 часов Никсон признал поражение.

В день выборов 68 836 389 американцев (из 107 000 000 имеющих право голоса), или 64,5 процента, сочли необходимым явиться на избирательные участки — самый высокий процент участия в выборах за всю историю США. Кеннеди получил 34 227 096 голосов, Никсон 34 107 646, или на 119 450 голосов меньше, 1/10 процента склонила чашу весов. «Телевидение больше, чем что-нибудь другое, повернуло течение», — комментировал Дж. Кеннеди.

Побитые политические противники придерживались иного мнения. В газетах и журналах прошли десятки статей с утверждениями о том, что демократы на выборах изрядно жульничали, особенно отличившись в штатах Иллинойс и Техас. В округе Кук (Чикаго) было зарегистрировано 100 голосов еще до начала голосования, в другом районе Чикаго выяснилось, что 71 человек проголосовал под вымышленным

имепем, 34 человека проголосовали дважды, а один трижды. Когда журналисты спросили Р. Кеннеди, не давал ли национальный комитет его партии советов ловкачам из округа Кук, он отмахнулся: «Там на месте знают, как работать».

В штате Техас в одном из округов было выдано 86 бюллетеней, при подсчете оказалось: 147 голосов отдано Кеннеди, 24 — Никсону. По сообщениям из разных округов Техаса следовало, что таинственно исчезли десятки тысяч бюллетеней. Иной раз в штате объявлялись недействительными голоса, отданные Никсону. Так, в одном округе Никсон получил 458 голосов, Кеннеди — 350. 182 бюллетеня, отданные первому, были признаны недействительными. Естественно, что рьяные республиканцы-активисты озлобленно требовали расследования. Р. Кеннеди презрительно отозвался: «Буря в стакане воды». Суды медлили, оценивая конъюнктуру.

Дело решил Р. Никсон. Он высказался против пересчета голосов в Иллинойсе и Техасе. Как объяснял Никсон в своей книге, если бы он пошел на это, «то создание новой администрации и упорядоченная передача власти от старого правительства к новому могли бы затянуться на месяцы. Кроме того, озлобление, вызванное таким поступком с моей стороны, причинило бы неисчислимый и длительный ущерб всей стране» [75].

В ноябре 1968 года английская газета «Обсервер» опубликовала интервью своего корреспондента К. Харриса с Р. Никсоном, теперь избранным президентом США. Корреспондент напомнил, что многие до сих пор придерживаются мнения — махинации в штатах Иллинойс и Техас в 1960 году стоили Никсону президентства. Почему же он не потребовал пересчета голосов? Президент Р. Никсон ответил: «Независимо от того, были или не были нарушения в ряде округов некоторых штатов, я был убежден, что США не могли позволить мук конституционного кризиса в такой момент своей истории. Дело пельзя было разрешить в неделю, потребовалось бы много месяцев. Было важно, чтобы новый президент в рамках демократической партийной системы имел за собой сплоченную страну. Поэтому я не поощрял настроений в пользу того, что какой-то пересчет голосов желателен».

Корреспондент «Обсервер» попросил Никсона ответить, почему все же он проиграл выборы 1960 года. Ричард Никсон сказал: «Определить трудно... Я не знаю, имело ли это действительно значение, но говорили, что я выглядел немного усталым и истощенным во время передач по телевидению. Если дело обстояло так, то я осмелюсь заметить, что действительно устал и был истощен. Говорили, и я не знаю, так ли это, что мы придерживались различных стилей поведения перед камерами и стиль Кеннеди оказался удачнее. Я относился к этим передачам как к дебатам, поэтому, выслушав каждый его аргумент, старался опровергнуть его, сделав

собственное позитивное заявление, глядя на него и обращаясь к нему. Мистер Кеннеди, однако, обращался к аудитории... Что касается содержания, то мистер Кеннеди больше выступал с речами, а не дискутировал в моей, можно сказать, академической манере... Главное, о чем говорили многие знатоки политики уже тогда, — после восьми лет правления республиканцев американский народ был готов к переменам и любой достойный кандидат-демократ победил бы на выборах. Мистер Кеннеди был более чем достойным кандидатом» [76].

Так выглядело дело при ретроспективном взгляде спустя восемь лет, а в 1960 году в Хайниспорте, куда слетелись все Кеннеди, безмерно ликовали. В 13 часов 45 минут президент Джон Ф. Кеннеди торжественно заверил: «Моя жена и я готовимся к новой администрации и к новому ребенку». Рядом с сыном в вспышках магния сиял отец — впервые за многие месяцы их видели вместе. После церемонии вернулись домой, агенты секретной службы в ужасе протирали глаза, вверенный их попечению президент затеял с родственниками игру в регби. Они носились как бешеные, сбивая с ног друг друга, не щадя самого президента.

Обитатели Хайниспорта, давнишние соседи Кеннеди, не одобряли как итоги выборов, так и нравы семьи. Они хорошо знали этих ирландцев, и поэтому 4515 жителей местечка отдали голоса Никсону и только 2783 — Кеннеди. Немного поразмыслив, Джон признался: избрание президентом произошло все-таки «чудом» [77].

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

«Почему ты захотел взять на себя ужасающее бремя президентских обязанностей?» — спросил отец. «Их всегда несли люди, — ответил Джон, — и они могут нести их ныне». В своей нью-йоркской конторе довольный отец просветил журналистов: «В нашей истории еще не было президента, который так хорошо был бы подготовлен к своей должности». Сын разделял чувства отца. В середине декабря 1960 года он рассуждал перед пылающим камином в громадной гостиной своего дома: «Конечно, должность высокая. Но я не знаю никого, кто мог бы лучше справиться с обязанностями президента, чем я... Будет неплохо. Будет время подумать, и не будет всех этих деятелей, которые дергали меня в сенате. Потом — довольно приличная зарплата». В предвидении переезда в Белый дом, дом сенатора в Джорджтауне был продан за 102 тысячи долларов.

Кеннеди отметал узкую интерпретацию функций президента. Президент, учил он, «решающий центр действия во всей нашей системе правления, президент должен быть в гу-

ще борьбы, страстно заботиться о судьбах руководимого им народа, стремиться служить ему даже с риском вызвать его недовольство, выполнять до конца возложенные на него функции, определенные и не определенные законами». И в другой речи: «Пост президента требует творческого и динамического человека. Выносить решения должен только сам президент. Он не может делить власть с кем-либо, не может делегировать ее. Только он глава государства».

Ранней весной 1960 года крупный американский ученый профессор Р. Нейштадт выпустил книгу «Власть президента», в которой он обосновал необходимость тщательного подбора президентом сотрудников, рационального и гибкого правления. Кеннеди пригласил его и еще до выборов получил от профессора пространный меморандум по всем этим вопросам. Нейштадт накануне избрания Кеннеди уточнил свои взгляды, напомнив о том, как подбирал кадры Ф. Рузвельт. «Ваш доклад о Рузвельте великолепен», — заключил Кеннеди.

В конце 1961 года Кеннеди прочитал книгу Т. Уайта «Как сделали президента в 1960 году». Он сказал А. Шлезингеру: единственный недостаток книги в том, что автор делает героев большими, чем самую жизнь, впрочем, то — профессиональный недостаток историков. «Когда я читал ваши книги, — поведал Кеннеди, — я размышлял, какие исполины окружали Рузвельта — Моли, Тагвелл, Берли и др. Лишь прочитав книгу Тедди, я понял, что они такие же, как Соренсен, Гудвин и вы».

До 20 января 1961 года — даты вступления в должность — оставалось 72 дня, а предстояло заполнить массу высших государственных постов. Очень просто было подтвердить пребывание в должностях А. Даллеса — главы ЦРУ и Э. Гувера — главы ФБР, что Кеннеди и сделал. Нужно было наладить контакты с уходящей администрацией. Они были крайне важны по многим соображениям, хотя бы для своевременной проверки ФБР прошлого лиц, назначаемых на государственные должности. 14 ноября Кеннеди встретился с Никсоном и выразил убеждение, «что в грядущие годы вы и я сможем сохранить наши давние сердечные отношения». В начале декабря состоялась первая личная встреча с Эйзенхауэром. После нее старый президент изменил мнение о преемнике. Раньше он лаконично именовал его: «Юное, самонадеянное ничтожество». Теперь обнаружил, что «сенатор Кеннеди понимает международные дела, ставит глубокие вопросы, схватывает суть проблемы, обладает острым умом» [1].

Около двух месяцев Кеннеди был поглощен кадровыми делами. «Люди, люди, люди! — как-то закричал он. — Я никого не знаю. Я знаю только избирателей. Где мне найти 1200 человек на открывшиеся вакансии... Ну, я слышал — Джим Перкинс. Что за черт, кто он?» Его озарила спаситель-

ная мысль — создать личный отдел кадров, вверив учреждение С. Шриверу. Несколько срывов, и дело пошло. Критерии подбора: рассудительность, честность, способность работать в коллективе, преданность идеям президента и твердость. Последнее качество послужило поводом для бесконечных звонков Шриверу по телефону и лестных предложений: «Возьмите меня, я тверд».

Назначения на ключевые посты решал сам Кеннеди. По совету отца он избрал министром обороны профессионального бизнесмена 44-летнего Р. Макнамару. Он служил в армии в годы войны, демобилизовался подполковником ВВС. 9 ноября 1960 года стал президентом концерна Форда. «Очерки политического мужества» произвели на удачливого дельца сильное впечатление, а особенно заявление автора, что он действительно написал эту книгу. Республиканец по партийной принадлежности, Макнамара тем не менее сделал во время кампании 1960 года значительный взнос в фонд Кеннеди и голосовал за него. Первоочередное поручение новому министру обороны — добраться до Пентагона и аннексировать наконец зазнавшуюся вольницу в пользу правительства США.

Отец подсказал и государственного секретаря — Д. Раска, только что отпраздновавшего 50-летие. Весьма сдержанный человек, в прошлом специалист в области политических наук, Раск служил в Пентагоне, госдепартаменте, а с 1952 года возглавлял «Фонд Рокфеллера». Более половины своей служебной карьеры, включая войну, он провел бок о бок с военными и крайне не любил, когда в адрес генералов отпускались остроты. Кеннеди назначил его и за все годы президентства, по собственным словам, «не получил от него никаких предложений... Его мнение узнать совершенно невозможно». По этим или иным причинам он вызывал уважение — единственный член кабинета, которого президент не называл по имени.

Министерство финансов Кеннеди поручил Д. Диллону, довольно известному деятелю предшествующей администрации. Когда президенту напомнили, что Диллон — заклятый республиканец, внесший в избирательный фонд Никсона 26 тысяч долларов, он ответил: «Мне это безразлично. Меня интересует только следующее: способен ли он? Будет ли он выполнять нашу программу?» Трое видных ученых были завербованы членами совета экономических советников при президенте. Один из них — Д. Тобин запротестовал: «Я всего-навсего экономист в башне из слоновой кости». Кеннеди ответил: «Самый лучший тип экономиста. Я сам президент в башне из слоновой кости». Вероятно, он не считал, что указанная башня должна быть одноместной.

Из первых 200 человек, назначенных Кеннеди на высшие посты, почти половина пришла из государственного аппарата, 18 процентов профессора из университетов и лишь

6 — из делового мира. В администрации Д. Эйзенхауэра картина была иная: 42 процента — бизнесмены и только 6 — из университетов. Примерно аналогичное нашествие интеллигенции на Вашингтон произошло в 30-х годах при Ф. Рузвельте. Тогда они явились в столицу по зову президента, чтобы вытащить нацию из трясины кризиса, в которую завела ее деловая община.

Теперь второе нашествие, в сущности, диктовалось аналогичными причинами. По твердому убеждению Кеннеди, дельцы, окружившие Эйзенхауэра, внесли в государственные дела много местничества, что привело к решительному ослаблению государства. Поскольку они были тесно связаны с администрацией, постольку из деловых кругов не раздавалось серьезной критики в адрес Белого дома. Внешне все обстояло благополучно. Самое острое замечание Кеннеди в адрес своего предшественника касалось именно этой стороны дела: «Я мог бы понять Эйзенхауэра, если бы он играл в гольф со старыми друзьями по армии, однако нет человека, менее верного своим старым друзьям, чем Эйзенхауэр. Он ужасающе холодный человек. Все его приятели по гольфу — богачи, с которыми он познакомился после 1945 года».

«Ньюдилеры» 30-х годов имели в своем активе только интеллектуальные достижения, сторонники «новых рубежей» в 60-х годах могли ссылаться и на практический опыт. Среди них был поразительно высок процент не только написавших книги, но и участвовавших в войне. Что до книг, то досужие статистики подсчитали: ставленники Кеннеди на высшие посты государственного аппарата написали столько книг, что президент не смог бы одолеть их и за четыре года, даже читая по 1200 слов в минуту.

Теперь относительно военного опыта. Лейтенант О. Фримен (министр сельского хозяйства) сражался в джунглях Бугенвиля и получил тяжелое ранение в челюсть. Лейтенант К. О'Доннел (специальный помощник президента) сделал 30 боевых вылетов бомбардиром в 8-й воздушной армии. Дважды его самолет сбивали. Лейтенант М. Банди (специальный помощник по вопросам национальной безопасности) был в первых частях американских войск, высадившихся в Нормандии в июне 1944 года. Лейтенант Н. Катценбах (заместитель министра юстиции) был сбит в боевом полете и провел два года в гитлеровских концлагерях, дважды неудачно бежал. Лейтенант морской авиации Д. Диллон пережил атаки камикадзе, совершил дюжину боевых вылетов. Моряк П. Сэлинджер награжден за службу в районе Окинавы. Майор А. Гольдберг (министр труда) работал в разведке. Список можно было бы продолжить. С Кеннеди в Вашингтон пришли тертые люди. По возрасту — самый молодой кабинет в XX столетии.

Президент достойным образом представил в администра-

ции родную семью. Еще в период избирательной кампании поползли слухи, что Р. Кеннеди станет министром юстиции, хотя кандидат в президенты сурово осуждал опасный «для нашей национальной морали» непотизм. Корреспонденты все же допросили Роберта — верно ли, что он метит на министерский пост. Он холодно ответил: «В слухах нет ни крупицы правды. Такое назначение было бы отвратительным непотизмом» [2]. Стоило Джону стать президентом, как Роберт был назначен министром юстиции. Объявить об этом представлялось несколько затруднительным. Перед выходом к толпе репортеров старший брат сказал младшему: «Наплюй на все, пригладь волосы и не улыбайся во весь рот, иначе решат, что мы радуемся твоему назначению».

Вышел небольшой скандал. Послышались обвинения, что назначение беспрецедентно. Президент отшутился: «Что же, мы устанавливаем прецедент». 35-летний Роберт не имел сколько-нибудь основательной подготовки в юриспруденции. Дж. Кеннеди знал лучше: министр юстиции, одновременно являющийся генеральным прокурором, может очень много. Он властитель над судами — назначение новых судей зависит от него. Федеральное бюро расследований подчинено ему. Он назначает расследования в любых сферах. Короче говоря, в его власти — действие или бездействие могучего судебно-полицейского аппарата республики. И вообще, рассмеялся в лицо журналистам вновь избранный президент, «не вижу, почему бы ему (Роберту) не получить небольшую юридическую подготовку перед тем, как стать юристом-практиком!».

Старому Джозефу Кеннеди пожаловались, что, как ни крути, нехорошо назначать Роберта министром. Он взревел: «Тысяча чертей, опять болтают о непотизме! Что, Бобби безработный? Он воевал за президентство (Джона) так, что чуть не свел с ума Джона и меня! Множество людей в нашем лагере также свирепо воевали за это в полном согласии с ним. Они хотели, чтобы он вернулся в Бостон и стал сенатором. Этого не захотел я!»

Вакантное место сенатора, освободившееся после Джона, патриарх клана облюбовал для Эдварда. Старшим мальчикам отец кротко сказал: «Вы, ребята, получили, что хотели, и вам все помогли. Теперь очередь Тедди. Я постараюсь, чтобы и он остался доволен». Джон и Роберт тактично указали папе, что семья ведет себя не слишком прилично. Джозеф разъяснил: Эдварду 28 лет, по закону сенатором можно стать в 30. На пару лет обязанности сенатора нужно поручить другу семьи. «И вообще, — заявил Джозеф, — я заплатил очень много за это место в сенате. Оно принадлежит семье». На последнее возражение Джона, что Эдвард мог бы подождать, старик отрезал: «Но я не могу ждать».

По этой веской причине президент США Дж. Кеннеди назначил на свое место в сенате Б. Смита. Не ожидавшие

такого оборота потенциальные претенденты на лакомое кресло сенатора поинтересовались — кто такой Б. Смит? Ответ получился исчерпывающим, сосед по комнате Дж. Кеннеди в студенческие годы. Ныне мэр захолустного городишки в Массачусетсе, человек, четко представлявший свое место в обществе.

Все проходит своей чередой. В 1962 году 30-летний Эдвард объявил о своем желании представлять штат Массачусетс в сенате и провел кампанию по выборам в несколько модернизированном стиле Кеннеди. Он промаршировал по штату за взводом выступавших гусиным шагом прелестных девушек в коротких юбках. Медь оркестров. В Уорчестере из толпы выскочила старуха и почтительно поцеловала руку Эдварда. Журналист С. Олсоп отчеканил фразу, имея в виду богачей, вступавших церемониальным маршем в политику: «народные герцоги». Эдвард оттеснил соперника в демократической партии прокурора штата Э. Маккормика. Под прессом семьи Кеннеди познания в американской юриспруденции оказались бесполезными, как и то, что Э. Маккормик приходился племянником спикера палаты представителей конгресса США. В естественном озлоблении неудачливый кандидат причитал: «Если это политика, если это им сходит с рук, тогда я не хочу иметь к ней никакого касательства». Тридцати девяти лет он ушел в отставку с государственной службы. Другой недоброжелатель бросил: «Тед хочет кресло в сенате так же, как другие молодые люди жаждут получить спортивную машину «ягуар».

Но магическое имя Кеннеди в золотом ореоле миллионов Джозефа сделало свое дело: Эдвард побил республиканцев Дж. Лоджа. Газеты нашли забавной «битву династий» — в 1916 году «милашка Фитц» потерпел здесь поражение от прадеда Дж. Лоджа, а в 1952 году Дж. Кеннеди победил его внука. Эдвард в 1962 году получил 1 миллион 143 тысячи против 863 тысяч голосов [3]. Представителям прессы из-за частокола микрофонов сияющий Тедди сообщил, что он не успел еще поделиться радостью с братом-президентом и братом-министром. А с отцом? «Да, — расплылся в улыбке Тедди, — я поговорил с ним. Он очень взволнован». Как именно поговорил, неясно. Примерно за год перед этим, 19 декабря 1961 года, Джозеф П. Кеннеди перенес удар. Отныне он был парализован, прикован к креслу и с трудом произносил невнятные слова.

Не остались не у дел и зятья. С. Шривер занял пост руководителя «Корпуса мира» с символическим окладом — доллар в год. С. Смит работал в различных правительственных ведомствах, а в 1964 году должен был руководить кампанией по переизбранию Дж. Кеннеди президентом. Жена и сестры Кеннеди постоянно не сходили с первых страниц газет, они много путешествовали, выполняя государственно-семейные «миссии доброй воли» за рубежом.

Проницательный Дж. Рестон писал в «Нью-Йорк таймс» по горячим следам после победы Эдварда: «Если бы сам президент вступил в должность, отстаивая старые знакомые правила политического патронажа и влияния, Вашингтон встретил бы Тедди циничной усмешкой. Но президент не сделал этого. Он взошел на пост, провозглашая новый прагматизм в новые времена. Критерий всего и вся — способности... Кеннеди применяли этот критерий при подборе лучших людей ко всем, за исключением самих себя. Известия о победе Тедди вызывают здесь недобрые чувства частично потому, что он требует слишком много, имея ничтожно мало... О семье Кеннеди в столице говорят так много, что у людей, по-видимому, не остается времени для его программы. Что особенно удивительно: семья просто не понимает этой критики, больше того, глубоко обижена ею. Они вызвали к жизни новый прагматизм, но не видят, что в том, что касается самой семьи, они верны древнему непотизму».

Став президентом, Джон наконец освободился от отцовской опеки в домашнем быту. Друзья семьи зафиксировали, что совсем недавно Джон и Роберт замолкали, стоило отцу, пожелавшему вздремнуть, закричать: «Заткнуться!» Теперь, когда семья собралась за столом и Джозеф величественно предложил пойти кататься на лодках, Джон спокойно возразил — у него есть дела дома. Все притихли, ожидая привычных проклятий отца. Их не последовало. Джозеф, помолчав, сказал непривычно кротким тоном: «Не думаю, чтобы президенту следовало ехать, если он не хочет».

В политическом фольклоре страны господство семьи Кеннеди заняло видное место. Шуткам, добродушным и злым, не было конца, языки работали без устали. Например, вопрос: «Если Джон, Бобби и Тедди окажутся на тонущем корабле, кто будет спасен?», ответ: «Страна». Или: «Трумэн показал, что каждый может быть президентом, Айк доказал, что можно прожить без президента, а Кеннеди — опасно иметь президента».

Некоторые шли дальше слов. Добрый гражданин Ричард П. Павлик в декабре 1960 года набил свою машину динамитом и разработал план — протаранить автомобиль Дж. Кеннеди. Павлик заготовил письмо, изъятое потом полицией: «Я считаю, что семья Кеннеди скупила на корню пост президента и Белый дом. Еще до того, как он станет президентом, я решил разделаться с ним единственным доступным мне способом». Он приехал в Палм Бич и в автомобиле поджидал Кеннеди у его дома. Кеннеди вышел, попрощался на пороге с Жаклин и Каролиной и сел в машину. Павлик счел непристойным убивать мужа на глазах семьи. Он отложил возмездие, а на следующий день был схвачен агентами секретной службы.

ВЫХОД НА «НОВЫЕ РУБЕЖИ»

Последние приготовления. 10 января Дж. Кеннеди свернул дела в Нью-Йорке и вылетел в Вашингтон. Спутник в самолете — Дж. Кеннан. Биограф президента Г. Пармет коротко сообщает: «Кеннан охарактеризовал положение Хрущева и, в особенности, предложения, сделанные Кеннеди (через Р. Кеннеди. — *Н. Я.*) советским послом Михаилом Меньшиковым» [5]. Видимо, речь шла о предложениях Советского Союза улучшить отношения с США.

Так что мог насоветовать Дж. Кеннан? Только в середине восьмидесятых выяснились некоторые поразительные стороны его мировидения. В биографическом очерке о Кеннане, опубликованном в августе 1987 года, приведены выдержки из его неоконченной книги, которую автор никогда не предлагал для публикации. Оказалось, что Дж. Кеннан стоял за превращение США в авторитарное государство, управляемое элитой. Нужно ограничить избирательные права для неимущих и некоренных американцев, вернуть женщин «на кухню», а черным много лучше, если они «открыто зависят» от милости общества. Эта рукопись, заметили авторы очерка, «несомненно открывает темную сторону человека обычно воспитанного, указывает на его глубокую нетерпимость, которая иногда была заметна в его позднейших работах и интервью» [6].

Видимо, в этом плане и давал советы Кеннан Дж. Кеннеди, наверняка усматривая в нем предтечу прихода к власти долгожданной элиты. Еще в августе 1960 года Кеннан поучал тогда будущего президента: «Возможно, к январю мы окажемся в чрезвычайно тревожном, если не катастрофическом положении. В любом случае оно будет неблагоприятным и властно потребует улучшения... нужно крепить нашу оборону, усилив обычные вооруженные силы». Кеннеди согласился, что касается отношений с СССР, то Кеннан объяснил: «Трудно понять, как американский президент может встречаться с людьми, подписывающими антиамериканские заявления, которые недавно слышали из Москвы» [7]. Дж. Кеннеди выслушал и это. В Вашингтоне он расстался с ученым профессором, провел молниеносные встречи с политиками и в Палм Бич, отдохнул неделю перед инаугурацией.

12 января 1961 года «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Джон Ф. Кеннеди, избранный президентом, реализовал в последние 60 дней все свои акции. Он сделал это, чтобы не случилось каких-либо финансовых конфликтов после 20 января с вступлением в должность президента. Он вложил средства, полученные от продажи акций, в правительственные займы — федеральные, штатов и муниципалитетов. Мистер Кеннеди, чье состояние оценивается в миллионы долларов, решил, что дополнительные средства, которые будут поступать к нему во время пребывания в Белом доме, также пойдут в прави-

тельственные займы, а не на покупку акций». В семье Кеннеди не было принято брать жалованье на государственной службе. Ни Джон с братьями, ни отец не получили ни доллара из казначейства.

17 января 1960 года на пути в Вашингтон в самолете Дж. Кеннеди продиктовал последние абзацы вступительной речи. Отложил заметки, кивнул в их сторону, улыбнулся: «Позавчера нашли черновик вступительной речи Рузвельта. Продан за 200 тысяч долларов на аукционе».

Он не мог предвидеть того, что случилось спустя почти тридцать лет. В мае 1987 года были предложены за 150 тысяч долларов записки Дж. Кеннеди во время избирательной кампании 1960 года. Тогда эти измятые клочки (81 страница) извлекла из корзины для бумаг стюардесса на самолете Кеннеди. Прозванная Джоном «моя девица Пятница» оказалась на диво проворной, предложив среди записок «первое признание, писанное рукой будущего президента, о его легендарном сексуальном аппетите» — констатировал еженедельник «Ньюсуик» [8], а «Вашингтон пост» напечатала текст одной из записок: «Если я одержу победу, моим дням... придет конец», употребив солдатское выражение о сексуальных подвигах» [9].

Снегопад в ночь на 20 января 1961 года парализовал уличное движение в столице. Солдаты пустили в ход огнеметы, чтобы очистить от смерзшихся сугробов площадь, на которой предстояло проводить церемонию вступления в должность нового президента. Хотя днем ярко светило солнце, леденящий, как сообщали газеты, «сибирский ветер» пронизывал до костей. Более пяти тысяч агентов секретной службы обеспечивали теплую встречу президента с народом.

По традиции уходивший президент утром провел преемника по Белому дому. Айк разъяснил: «Я показал моему другу, как можно быстро выбраться отсюда». Присутствовавшие натянуто улыбнулись, а лично Кеннеди Эйзенхауэру сообщил: «Я как-то путром чувствую, что, если мы будем достаточно тверды, русские не начнут войны». Вспомнили войну минувшую, похвалили книгу Корнелиуса Райана «Самый длинный день» о высадке в Нормандии в июне 1944 года.

В полдень у Капитолия католический кардинал Кашинг вступительной молитвой открыл церемонию. 80 миллионов телезрителей и присутствовавшие на площади не слушали кардинала, их внимание приковал деревянный аналой — из него валил дым. Сотрудники секретной службы засуетились, принесли огнетушитель и под размеренную молитву кардинала вскрыли аналой — оказалось короткое замыкание, горели провода. Погасили.

Среди приглашенных выделялась группа лиц, которых раньше не видели на подобных церемониях, — деятели культуры, искусства и науки. Было приглашено 155 человек, откликнулись почти все. Как могло быть иначе, в тексте

приглашения черным по белому значилось: «Во время нашего предстоящего президентства мы надеемся наладить плодотворное сотрудничество с нашими писателями, артистами, композиторами, философами, учеными и главами культурных учреждений. Для начала, в качестве признания их значимости, разрешите сердечно пригласить Вас на церемонию вступления в должность...» Теперь они ежились на морозе — Игорь Стравинский и Артур Миллер, Лайнус Полинг и Пауль Тиллих, Рейнгольд Нибур и Джон Стейнбек. Некоторые приняли участие в торжествах. Марпан Андерсон спела «Звездное знамя». По движению губ Кеннеди журналисты заключили, что «он был единственным человеком, который знал слова дальше первого куплета».

Архиепископ православной церкви Иаковос привел к присяге вице-президента Л. Джонсона. Вслед за этим — молитва преподобного Баклая, протестантского священника из штата Техас. Появился 86-летний поэт Роберт Фрост. Его пригласили, чтобы придать «оттенок культуры» церемонии. Кеннеди горячо поддержал идею, правда, оговорил, что «при умении Фроста обращаться со словами запомнят его речь, а не мою. Пусть он лучше прочтет стих». Фрост и сочинил стихи на восшествие президента Кеннеди, слепящее солнце не дало ему возможности разобрать строки на листке бумаги. Вместо свежей оды поэт порадовал замерзших людей старой поэмой ура-патриотического содержания. Он помнил ее наизусть.

Вперед выступил новый президент. Верховный судья привел его к присяге, и Кеннеди стал держать речь, недлинную и некороткую. Пристойную. Он был без пальто и шляпы. Поэтому американцы, сидевшие в теплых квартирах перед телевизорами и наблюдавшие продрогнувшее сборище у дверей Капитолия, легко поверили словам Кеннеди: «Мы не осмеливаемся забывать сегодня, что мы наследники той первой американской революции (в XVIII в. — *Н. Я.*). Пусть отныне и навсегда друзья и супостаты знают — факел переходит в руки нового поколения американцев, рожденных в нашем столетии, закаленных войной, дисциплинированных холодным и горьким миром, гордых нашим древним наследием...»

Речь была почти целиком посвящена внешним делам. Кеннеди очень напыщенно объявил: пришел «час максимальной опасности... Пусть каждая страна знает, независимо от того, желает ли она нам добра или зла, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, пойдем на любые тяготы, поддержим любого друга, выступим против любого врага, дабы обеспечить выживание и успех свободы». Он призвал к единству среди американских союзников, посоветовал народам развивающихся стран «помнить, что в прошлом те, кто по недомыслию пытался достичь власти, оседлав тигра, в конце концов неизбежно оказывались внутри его». Сказал,

что США будут помогать бедным странам «не потому, что это делают коммунисты... а потому, что, если свободное общество не может помочь многим бедным, оно никогда не спасет немногих богатых».

Хотя Кеннеди бросал вызов Советскому Союзу, о социалистических странах в отличие от предшествующих послевоенных президентов он отозвался не как о «врагах», а использовал уклончивое выражение «те страны, которые сделались бы нашими противниками». Необычная неуклюжесть златослова Кеннеди, свидетельствует М. Банди, говорила о том, что пришлось просеять тонны словесной руды в поисках нужного определения. У. Липпман был автором, и это выражение неизменно использовал Кеннеди все годы своего президентства. Кеннеди предложил: «Давайте никогда не будем вести переговоры из страха, но давайте никогда не бояться переговоров».

Он заверил, что будет искать сотрудничества, укреплять вооруженную мощь США, и «таким образом, мои друзья-американцы, не спрашивайте, что ваша страна сделает для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для нее... Поведем вперед нашу возлюбленную страну, прося благословения бога и его помощи, памятуя, однако, что истинная работа бога здесь, на земле, в наших руках». При подготовке речи Кеннеди попросил дать ему подходящие цитаты из Библии — ему представили 25 страниц извлечений из библейских текстов. Он не использовал их, но очень умело перефразировал военные речи А. Линкольна.

Затем раввин Глюк благословил Джона Ф. Кеннеди на президентство. Оркестр сыграл еще раз гимн и встречный марш «Салют вождю!». 35-й президент США вступил в должность.

Избранные отправились на банкет в Белый дом. Отец и мать, шествовавшие рядом, гордились сыном и своей бережливостью. Джозеф был в пальто, которое носил 21 год назад, послом в Англии («оно даже не потребовало переделки»), а мать надела на вечерний бал то же платье, в котором в свое время представлялась королеве в качестве супруги американского посла.

В 3 часа дня открылся парад в честь нового президента. Перед трибуной прошло 32 тысячи человек, играло 40 оркестров, в шествии участвовало 275 лошадей, 22 мула, ковбой, проехало 40 платформ с различными аллегорическими сценами. Провезли на грузовике торпедный катер под номером ПТ-109, с палубы президента приветствовали посиневшие от холода боевые соратники.

Итак, президент. Надлежит обжить Белый дом. На второй день Дж. Кеннеди позвал в овальный кабинет, еще не обставленный по вкусу нового владельца, брата Эдварда и старого приятеля Поля Фая. Президент оглядел пустые стены и обратился к Полю: «Ну как, места хватит?» Фай высказал

мнение, видимо, разделявшееся ими всеми: «Знаешь, у меня впечатление, что в любой момент может кто-то войти и приказать — ну-ка, вы, трое типов, убирайтесь отсюда!» Посмеялись, а Дж. Кеннеди стал осваивать новое жилище: полежал на кровати президента Линкольна, пощупал обивку мебели, выспросил у сына Рузвельта, что и где стояло при великом президенте, сокрушался по поводу паркета, исковерканного Эйзенхауэром ботинками для гольфа.

Начались деловые будни. В овальный кабинет поставили кресло-качалку. Политические противники тотчас объявили — вот символ «новых рубежей»: сидя в качалке создается впечатление движения, но движения нет. Неверно. Кеннеди коренным образом изменил распорядок работы президента. Он отменил регулярные длительные заседания кабинета и совета национальной безопасности. Заседания правительства обычно созывались по такой причине: «Наверное, нам нужно собраться, — спохватывался президент, — прошло уже несколько недель с последнего заседания». По мнению президента, министру сельского хозяйства, например, незачем терять время на выслушивание длинных рассуждений государственного секретаря о положении в Лаосе. Кеннеди предпочитал работать с небольшими группами лиц, заинтересованных в решении конкретных проблем, не очень считаясь с чинопочитанием. «Мне нужно министерство талантов», — твердил он. Это так, но не оставил и тени сомнений, что будет править сам. «Президент не заключает договоров с членами кабинета», — говорил он.

Дж. Кеннеди постановил: максимальное количество государственных деятелей получают прямой доступ к нему, и ликвидировал пост своего рода начальника штаба при президенте, кем был у Эйзенхауэра Ш. Адамс. По вопросам внешней политики и национальной безопасности связующим звеном между президентом и госдепартаментом стал М. Банди. Т. Соренсен — «перо президента», поставлял идеи и работал над речами, профессор А. Шлезингер занимался научной разработкой проблем, а «ирландская мафия» — О'Донелл, О'Брайен и Риардон выполняли различные поручения. Президент непрерывно дергал бюрократов, заполнивших вашингтонские ведомства, — работа телефонного узла Белого дома при Кеннеди возросла на 60 процентов по сравнению с периодом Эйзенхауэра. В среднем рабочий день штата Белого дома достигал 12 часов.

От ближайших советников Кеннеди требовал безусловного послушания и публичной анонимности! Он настаивал, чтобы они всегда пребывали в тени. Еще до вступления в должность Кеннеди, узнав, что Соренсена засыпали просьбами писать статьи и выступать с речами, приказал ему: «Откажите всем. Любой, занимающий пост, подобный вашему, — Шерман Адамс, Гарри Гопкинс, Хауз и все остальные — кончал в дерьме. Либо на них обрушивался конгресс,

либо они обижали президента. Лучший способ избежать беды — не быть на виду»[10]. Только президент должен быть владельцем совокупного интеллектуального капитала, уникальным генератором, в сущности, коллективных идей. Вообще, философствовал журналист Р. Спивак, «президент Кеннеди прочно верит в право на несогласие. Только он приказывает вам, с чем не соглашаться».

В месяцы, предшествовавшие вступлению Кеннеди в должность, он поручил подготовить серию докладов с рекомендациями к действию по важнейшим проблемам внешней и внутренней политики. За дело посадили 29 групп ведущих ученых в области общественных наук, военных специалистов, экономистов. К 20 января 24 группы представили доклады, некоторые из них — небольшие книги. Эксперты предлагали соблазнительные пути, следуя которым Америка непременно одержит верх на всех фронтах. Для осуществления рекомендаций ученых мужей требовалось время, пока пришлось ограничиться наличными возможностями. Кеннеди не терпелось начать действовать.

Выступая на объединенном заседании конгресса 30 января 1961 года с первым ежегодным посланием о положении страны, Кеннеди выдержал его в духе сопоставления США и СССР. «Одна из ироний нашего времени в том, что методы жесткой и репрессивной системы способны создать дисциплину и возбудить рвение у служащих ей, в то время как благословения свободы очень часто обеспечивают привилегии, материализм и легкую жизнь». Он поторопился сообщить, что уже попытался посильно исправить дело, ускорив программу строительства подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис», расширил ракетостроение и обеспечение транспортными самолетами вооруженных сил. «Жизнь в 1961 году не будет легкой, — напыщенно заявил президент. — Желать лучшей доли, предсказывать ее и даже просить ее — бесполезно. Нас постигнут новые неудачи, прежде чем течение будет повернуто вспять. Но мы должны повернуть его вспять. Все человечество возлагает свои надежды на нас».

Президент не уточнил, что в начале 1961 года те, кого правительство США именовало «человечеством», указанные надежды возлагали на некоего агента ЦРУ.

ЗАЛИВ СВИНЕЙ

Он откликался на фамилию Бендер, тот самый сотрудник Центрального разведывательного управления США. Принадлежность к надежной фирме у вашингтонских бюрократов рождало уверенность в его сверхъестественные способности. Беда заключалась разве в том, что книги советских сатириков Ильи Ильфа и Евгения Петрова слабо известны в про-

свещенной республике. Если бы было по-другому, тогда принятие неким Роллером фамилии Бендер по крайней мере вызвало бы веселые ассоциации. Во всяком случае, мистер Фрэнк Бендер явился олицетворением известного литературного героя Остапа Бендера, а последовавшая история напомнила Кеннеди то, во что он сам верил, — книги нужно читать.

Главной отличительной чертой американского Бендера было пахальство и умение ласково втирать очки. Он не знал испанского языка, не представлял положения в Латинской Америке и являлся руководителем готовившегося вторжения на Кубу. Мистер Бендер полагал, что все пойдет как по маслу. «Я ношу контрреволюцию в кармане, в моей чековой книжке», — говаривал Бендер. Фонды ЦРУ, как известно, весьма значительны. Бюрократический склероз побуждает высокопоставленных чиновников свято полагаться на бумаги. Бендер ловко погрузил самодовольное руководство ЦРУ в бумажную трясину. А. Даллес смотрел из его рук. А от руководителя ЦРУ до президента — рукой подать.

Разумеется, и ФБР не осталось в стороне. Историографы внутреннего сыска, конечно, на этот счет сочиняют буколические версии. В отеле, где свил свое гнездо Бендер, в соседнем номере оказалась-де некая женщина, брат которой работал в ФБР. Она услышала горячие дискуссии у соседа, записала их и передала запись брату, а тот начальству — Э. Гуверу [11]. Надо думать, слежка ФБР за соперниками — деятелями ЦРУ, была рутинной процедурой в великой «демократии».

18 ноября 1960 года А. Даллес впервые информировал Кеннеди о предстоявшем набеге. ЦРУ планировало вторжение на Кубу довольно крупными силами, в тайных лагерях Гватемалы американские инструкторы обучали бригаду из 1500 человек, оснащенную тяжелым оружием, включая танки. В отряд вошли отъявленные негодяи, бежавшие с Кубы после победы революции. Пока они готовились восстановить «демократию» в вышвырнувшей их стране, обучались владеть оружием, пьянствовали и склочничали, в Белом доме 22 января открылась серия совещаний.

Кеннеди, руководители ЦРУ, командование вооруженных сил США не задумывались над тем, боеспособна ли таинственная «бригада 2506». Они обсуждали детали операции, исходя из того, что вооруженная банда будет действовать успешно. А. Даллес и его заместитель Р. Биссел (автор программы шпионских полетов самолетов У-2 над СССР) отстаивали сумасбродный план. Они внушали, что стоит «бригаде» высадиться и вступить в боевое соприкосновение с кубинской армией, как там начнется организованный вооруженный мятеж, что откроет путь на Гавану. Местом высадки наметили Залив Свиней. Предполагалось, что, как только разбойники утвердятся на кубинской земле, США признают

их «правительство» со всеми вытекающими последствиями. Одним из последних актов правительства Эйзенхауэра был разрыв дипломатических отношений с Кубой. В США заготовили «кубинский революционный совет».

Президент, озадаченный сложностью операции, рекомендовал представить дело так, будто вторжение — дело рук кубинских эмигрантов. Открытая американская поддержка исключается. И тут же с чарующей последовательностью предложил: не лучше ли провести налет с Гуантанамо, с тем чтобы в случае неудачи борцы за «демократию» могли укрыться за колючей проволокой американской военной базы. Начальники штабов пришли в ужас. «Интересно наблюдать поведение этих самых пентагоновцев, — комментировал Кеннеди. — Они рвутся положить голову президента на плаху, но отшатываются от любой идеи, которая могла бы поставить под риск Гуантанамо».

Чтобы рассеять последние сомнения, А. Даллес разъяснил: подготовка зашла далеко. «Не забудьте, что теперь перед нами стоит проблема, как распорядиться этими людьми. Если мы вызовем их из Гватемалы и ввезем в США, то они будут шляться по стране, рассказывая каждому встречному и поперечному, к чему готовились». Да, согласился Кеннеди, «нужно сбыть с рук эти 800 человек. Лучше свалить их мусором на Кубу, чем на США, тем более что они хотят попасть туда». Когда президент согласился, тогда практически все имевшие отношение к плану одобрили его: министр обороны, государственный секретарь. Единственный голос протеста раздался со стороны оробевшего сенатора Фулбрайта. На него не обратили внимания.

Постепенно президент забрал в свои руки непосредственную подготовку всей операции. Он рвался действовать, положив конец разговорам о том, что Вашингтон проводит-де «умиротворение» коммунизма на международной арене. Командир корпуса морской пехоты генерал Д. Шуп на одном из воинственных сборищ в Белом доме спросил: «Господа, а вы представляете размеры Кубы?» Кеннеди с советниками молча переглянулись. Генерал положил на карту вырезанный из бумаги силуэт острова, покрывший 800 миль от Вашингтона до Чикаго. Удивились. Тогда генерал положил еще маленькую бумажку, объяснив, «таковы, господа, размеры острова Таравы, нам потребовалось три дня и 18 тысяч морской пехоты, чтобы взять остров». Ссылка на кровавую операцию 1943 года не произвела никакого впечатления. Кеннеди закусил удила.

Старому коллеге по сенату Б. Голдуотеру, забредшему в Белый дом поболтать, президент признался: «Должность-то оказалась гнусной, вшивой». Анализируя впоследствии цепь событий, приведших к провалу честолюбивое предприятие, Кеннеди сокрушался: «Если бы кто-нибудь пришел ко мне с теми или иными соображениями по поводу закона

о минимальной заработной плате, я в случае необходимости без колебаний не согласился бы с ним. Но всегда как-то так получается, что начинаешь думать — военные и разведчики обладают некими скрытыми качествами, недоступными для обычных смертных». Уточняя проблему, Кеннеди подчеркивал: «Я, вероятно, ошибся, оставив Аллена Даллеса на его посту. Дело не в том, что Даллес неспособен. Напротив. Но мне не приходилось работать с ним, и я не могу понять, что он имеет в виду... Даллес — человек, овеянный легендой, а с такими чрезвычайно трудно иметь дело».

Раскаяние пришло своим чередом, а тогда, 15 апреля, восемь самолетов Б-26, вылетевших с баз в Никарагуа, нанесли удар по кубинским аэродромам. Один поврежденный бомбардировщик пошел на вынужденную посадку во Флориде. Почти одновременно в Майами приземлился еще один Б-26. Великие умы в ЦРУ возложили на его экипаж важную миссию — прокричать на весь мир, что самолет принадлежал ВВС Республики Куба. Экипажу надлежало рассказать впечатляющую историю, как ему удалось бежать, разбомбив по дороге все кубинские аэродромы. Прилет первого самолета спутал карты.

В те дни Совет Безопасности обсуждал жалобу кубинского правительства на агрессивные действия США. Кеннеди особо предупредил: тщательно проинструктировать американского представителя в Совете Безопасности. «Честность и вера в правдивость Эдлая Стивенсона, — поучал он, — являются одним из наших величайших национальных достояний. Я не хочу, чтобы это было каким-либо образом поставлено под сомнение». Э. Стивенсон по шпаргалке ЦРУ уведомил ООН, что «пилоты и другие члены экипажей, очевидно, бежали от тирании Кастро». Лживость заявления выяснилась в ближайшие часы.

На рассвете 17 апреля банды кубинских контрреволюционеров вторглись на Плайя-Хирон в Заливе Свиней. Высадка производилась от имени «кубинского революционного совета», члены которого во Флориде узнали из передачи по радио, что они руководят вторжением. Бригада вступила в боевое соприкосновение с кубинской армией и через 72 часа боя, потеряв несколько десятков убитыми, дружно подняла руки. Кубинский народ в напряженных боях одержал историческую победу!

Кеннеди ежечасно докладывали о прискорбном развитии операции. ЦРУ требовало поднять на помощь десанту самолеты с авианосца «Эссекс», подведенного на расстояние удара к Кубе. Кеннеди отдал осторожный приказ: послать с авианосца самолеты без опознавательных знаков для прикрытия налета Б-26 из Никарагуа. В спешке в Вашингтоне забыли о разнице во времени между Никарагуа и Кубой — ровно час. Бомбардировщики Б-26 появились точно на час

раньше эскорта и понесли потери. Четверо американцев, входивших в их экипажи, погибли.

В Белом доме воцарился траур, а «кубинский революционный совет», запертый в заброшенной сторожке старого аэродрома в Опа-Лока, штат Флорида, неистовствовал. Вечером 18 апреля Кеннеди распорядился привезти членов «совета» в Вашингтон. А. Шлезингер, участвовавший в деликатной миссии, рассказывал: по прилете в Майами «знаменитый Бендер встретил нас и с бросавшейся в глаза скрытностью усадил в автомобиль. Мы немного проехали, затем пересели в другой автомобиль. Мы начали чувствовать себя героями детективного фильма»[12]. Наконец посланцы президента достигли сторожки в Опа-Лока, где под охраной военной полиции бесновались кубинские контрреволюционеры. Наскоро успокоив членов несостоявшегося правительства, Шлезингер привез их в Белый дом.

В похоронной атмосфере президент выразил глубокое соболезнование по поводу неудачи. Он сказал, что «борьба против коммунизма идет на многих фронтах». США должны считаться с положением дел во всем мире. «Однако, — подчеркнул Кеннеди, — как ни трагично случившееся, никто не может поставить под сомнение наше обязательство видеть Кубу свободной!» Он также заверил, что американские эсминцы с приказом открывать ответный огонь патрулируют в Заливе Свиней и готовы поднять на борт спасающихся вплавь. Аудиенция окончилась. Контрреволюционеры отправились переживать случившееся, президент с супругой отбыли на обед в греческое посольство. Банкротство не изменило привычек Кеннеди — после обеда он выкурил свои обычные две сигары, не больше.

Оставалось немногое, что можно было сделать. Информационное агентство США начало круглосуточные передачи на Латинскую Америку, выступив с «объяснениями». Но дело заключалось в том, как писал официальный историограф ЮСИА, что поражение в Заливе Свиней «случилось всего через пять дней после того, как СССР послал первого человека в космос... Требовалось больше, чем слова, но и слова могли помочь» [13]. По крайней мере, президент утешился: что-то делалось...

Почему Кеннеди не отдал приказа о прямой поддержке бригады? Он соразмерил цели с наличными силами США — наследие Эйзенхауэра, — доктрина «массированного возмездия» завела далеко. В тот момент, пишет А. Шлезингер, «американская армия имела 14 дивизий, из которых только 11 боеспособных. Из этих 11 лишь 3 дислоцировались в США. Через несколько недель после вступления в должность Кеннеди ужаснулся, узнав, что отправка 10 тысяч солдат в Азию истощит стратегические резервы, и практически он останется ни с чем, если возникнут чрезвычайные обстоятельства в других районах. Более того, США даже не могли провести

вторжение на Кубу после Залива Свиней, не взяв войска из различных районов земного шара, тем самым пригласив коммунистов к наступлению на других фронтах» [14]. В дни американской авантюры на Плайя-Хирон Советский Союз сурово предостерег Соединенные Штаты.

Фиаско привело Кеннеди в крайнее бешенство, объясняясь на жаргоне лейтенанта флота, он не сдерживал языка. Кто-то в его окружении заикнулся, что, не поддержав бандитов, США теряют престиж. «Какой престиж? — почти истерически закричал Джон. — Что, речь идет о тени силы или о сущности силы? Мы будем укреплять сущность силы. Разумеется, пару недель нам будут давать пинки в зад, но это не должно повлиять на выполнение главной задачи». Он напомнил: во время событий в районе Суэцкого канала осенью 1956 года Англия потерпела поражение, неудачи преследуют Францию в Алжире. Но мощь Англии или Франции — 6—7 процентов мощи Запада, тогда как США составляют 70 процентов его мощи. «Мы не можем позволить ни болезни Суэца, ни болезни Алжира. Если мы допустим, что Куба овладеет нашей политикой, отравит ее, понесет ущерб весь Запад».

Престарелый Джозеф твердил сыну: «Куба — самый лучший урок для начала правления», но Кеннеди остро переживал позорные последствия. Он сгоряча заявил: «Передам-ка проклятую должность Линдону». Поразмыслив, понаблюдав за политическими истеричками, взывавшими о мщении, президент более спокойно произнес: «Меня поражает, почему эти люди хотят моего провала. Они не понимают, что, если я не преуспею, другого президента вообще не будет» [15]. Роберт как мог утешал старшего брата: «Как они могли поступить так с тобой, эти чернобородые коммунисты?» Не совсем понятно, чего хотел министр юстиции — чтобы защитники острова братались с интервентами?

Личный урок, извлеченный Кеннеди из авантюры, — не полагаться на советников. «Всемогущий боже, — твердил он, — какой букет советников мы унаследовали! Возможно ли, чтобы человек, исполнив обязанности президента, оставил после себя таких людей?» 22 апреля президент поручил Р. Кеннеди и отставному генералу М. Тейлору изучить постановку дела в американской разведке и возможности США вести противопартизанские боевые действия. Вскоре М. Тейлор был возвращен на действительную службу и назначен председателем комитета начальников штабов. А. Даллеса через несколько месяцев уволили в отставку. Вместе с ним из ЦРУ ушли ряд лиц, включая великолепного Бендера.

В мае 1961 года Ф. Кастро заявил, что обменяет примерно 1200 пленных на 500 бульдозеров стоимостью в 28 миллионов долларов. Кеннеди организовал комитет «Тракторы для свободы», возглавленный Э. Рузвельт, М. Эйзенхауэром и У. Рейтером. Республиканские лидеры расценили затею как

«еще один удар по нашему руководству миром». В декабре 1962 года кубинские контрреволюционеры были освобождены в обмен на продовольствие и медикаменты общей стоимостью в 53 миллиона долларов.

29 декабря 1962 года Кеннеди в присутствии 40 тысяч кубинских эмигрантов устроил в Майами смотр «бригаде». Ему вручили знамя, осенявшее воинов в Заливе Свиней. Глубоко взволнованный президент схватил древко и сквозь слезы выдавил из себя достойные слова: «Заверяю вас, что знамя будет возвращено бригаде в свободной Гаване». Жаклин, прибывшая на торжество с крошечным сыном, на приличном испанском языке продолжила речь мужа: «Мальчик еще мал, чтобы понять происходящее здесь. Я почитаю своим долгом рассказать ему, когда он подрастет, о вашем мужестве. Хочу надеяться, что когда-нибудь он станет мужчиной хотя бы наполовину столь мужественным, как члены бригады 2506».

В конце 1962 года известный публицист обратился к Кеннеди с просьбой открыть ему архивы, чтобы написать книгу о случившемся в апреле 1961 года. Президент отказал, объяснив: «Сейчас не время, кроме того, мы собираемся сами рассказать об этом».

Людям, бравшимся за этот сюжет, угодить президенту было трудно. Его не устроила статья даже в журнале «Тайм», отнюдь не светоче либерализма. Узнав, что автор должен пройти кратковременную подготовку в ВВС и направлен служить в Пентагон, президент мстительно изменил назначение. «Пусть отслужит в какой-нибудь пустыне», — распорядился он.

ПРОБА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЧЕРКА

Кеннеди громко признал ответственность за кубинскую эскападу. Есть старая поговорка: «Победа имеет сотню отцов, а поражение — сирота», — сказал он на пресс-конференции. Белый дом официально указал: «С самого начала президент Кеннеди заявил, что он несет за все единоличную ответственность». Опрос общественного мнения в стране дал беспрецедентную цифру — 82 процента одобрили правительство. Кеннеди высказал вслух обуревавшие его мысли: «Если бы я был британским премьером, меня бы с треском выгнали, а в Америке — по-другому. Ну, совсем как с Эйзенхауэром. Чем хуже мои дела, тем более я популярен».

Невзирая на установление любопытной закономерности, Кеннеди стал много осторожнее — проучили. В другом районе земного шара — Лаосе другие мятежники при американской поддержке с конца 1960 года вели борьбу одновременно против нейтралистского правительства и патриотических сил страны. США к началу 1961 года дали Лаосу

займов на 300 миллионов долларов. На душу населения приходилось 150 долларов американской помощи — самая высокая цифра в мире. Оборотная сторона статистики заключалась в том, что 85 процентов средств пошли на содержание армии, поднявшей мятеж.

Дела мятежников шли плохо, и вашингтонская бюрократия высказалась за американскую интервенцию. Президент предложил военным высказать соображения. Он получил семь меморандумов с совершенно различными точками зрения (три от военных министров и четыре от членов комитета начальников штабов). Собрался совет национальной безопасности. Председатель комитета начальников штабов генерал Лемнитцер сообщил, что в Лаос следует направить 140-тысячное войско с тактическим атомным оружием. «Если нам дадут право использовать атомное оружие, мы гарантируем победу», — заявил генерал. Кеннеди мрачно молчал, потирая щеку, как при зубной боли. «Г-н президент, — раздался голос, — пусть генерал разъяснит, что значит победа».

Кеннеди не ответил и распустил совещание. Когда спины военных исчезли, он выругался: «Поскольку генерал не мог придумать более высокой степени эскалации, он пообещал нам победу!» [16].

Президент тем не менее осведомился у Пентагона, как планируется доставка войск в Лаос. Генералы охотно разъяснили, что можно высаживать по тысяче человек в день, правда, только при дневном свете, ибо рядом с аэродромами джунгли кишат партизанами. Хорошо, прервал президент, а если партизаны пару дней полюбуются на высадку войск, а потом нападут? Военные признались, что как раз об этом не подумали. «Не вижу, как мы можем что-либо сделать в Лаосе в пяти тысячах миль, если мы ничего не делаем в отношении Кубы — в 90 милях отсюда», — сокрушался Кеннеди. «Если бы не Куба, мы, пожалуй, подошли бы вплотную к интервенции в Лаосе».

В тот же день Кеннеди учил редакторов американских газет: «Значение Кубы, Лаоса, растущие силы коммунистов в Азии и Латинской Америке означают одно и то же. Благодушные, сытые и мягкие страны стоят на пороге того, что их сметут в навоз истории. Выживают лишь сильные и трудолюбивые, решительные и мужественные государства, способные различать смысл борьбы». Сердитое бессилие. Шесть тысяч американских солдат, переброшенных в Таиланд, потоптались у границ Лаоса. США были вынуждены согласиться на созыв международного совещания по Лаосу, которое 23 июля 1962 года приняло «Декларацию о нейтралитете Лаоса».

Покончив с неотложными делами, Кеннеди собрался в Европу.

29 мая, накануне отъезда, в Бостоне он сказал: «Я искре-

нен. Я не прибегну к экивокам. Я не буду извиняться. Я не уступлю ни дюйма. Меня услышат». Прекрасные слова принадлежали американскому аболиционисту XIX века У. Гаррисону. Кеннеди, проезжая по улице города, заметил памятник и приказал сопровождавшему мотоциклисту остановиться и списать надпись на цоколе.

В Париже президент сказал журналистам: «Полагаю, что все же нужно представиться. Я — тот самый человек, который сопровождает Жаклин Кеннеди в Европу, чем я очень доволен». Влиятельный журналист Сульцбергер писал в «Нью-Йорк таймс», что цель европейской поездки — рассеять впечатление, «будто из-за недавних дипломатических поражений США менее склонны защищать свои широкие интересы. В последние месяцы Советскому Союзу поразительно везло. Гагарин совершил полет вокруг Земли, вторжение на Кубу разгромлено, наши клиенты в Лаосе потерпели поражение...». В столице Франции Кеннеди объявил: «Американские войска останутся в Европе столько, сколько потребуется, готовые встретить необходимыми средствами любой вызов».

Переговоры с де Голлем. Рестон сообщил 1 июня из Парижа: «Каждая трехдневная встреча руководителей союзных держав имеет тенденцию проходить по одному образцу. В первый же день великие люди клянутся в вечной любви и дружбе. На второй день они пытаются доказать их и терпят неудачу. На третий день они пишут коммюнике, заявляя, что все равно любят друг друга... Тысяча журналистов, считающих, что встречи проводятся только для них, взбешены, однако молчание двух президентов показывает, что, хотя они не разрешили своих противоречий, они столкнулись лицом к лицу с ними». После встречи Кеннеди получил конфиденциально обнадеживающие сведения. Он понравился старому французу. Де Голль отозвался о нем — дитя Жак».

3—4 июня в Вене Кеннеди встретился с Н. С. Хрущевым. Состоялся откровенный обмен мнениями об отношениях между СССР и США. Американский президент признал, что между обеими державами существует равенство в силах. Трезвое умозаключение не подвинуло решение вопросов, поставленных советской стороной: о разоружении, прекращении ядерных испытаний, германской проблеме. СССР предложил заключить мирный договор с Германией и на этой основе урегулировать вопрос о Западном Берлине. Положительной реакции американской стороны не последовало. Во время венской встречи представители обоих правительств лишь подтвердили заинтересованность в сохранении Лаоса нейтральным и независимым.

По пути на родину Кеннеди провел еще одно совещание на высшем уровне — в Лондоне с Макмилланом. Европа повидала американского президента, особое впечатление про-

извели изысканные туалеты Жаклин. В Лондоне тысячные толпы скандировали: «Джеки, Джеки!»

Инициатива советской дипломатии по урегулированию германской проблемы и нормализации положения в Западном Берлине послужила дополнительным поводом для Кеннеди усилить военные приготовления. Изучить положение НАТО и германский вопрос Кеннеди поручил Д. Ачесону, известному сторонника «твердой линии». Он предложил президенту ввести чрезвычайное положение в США, немедленно расширить вооруженные силы, что повлечет увеличение военных расходов на пять миллиардов долларов в год. Макнамара доложил о планах, имевшихся в Пентагоне; в случае стычек в Западном Берлине — почти немедленное обращение к всеобщей термоядерной войне. Только идиоты, реагировал Кеннеди, могут надеяться на победу в такой войне.

Он избрал средний курс. Запросил и получил у конгресса дополнительные военные ассигнования на 3250 миллионов долларов, призвал резервистов, направил в Западную Германию 45 тысяч американских военнослужащих, увеличил авиацию США, дислоцировавшуюся в ФРГ. Усилили военные приготовления американские союзники, в первую очередь боннское правительство. В Европе запахло порохом, центром провокаций стал Западный Берлин. Кеннеди подлил масла в огонь. В большой речи он заявил: «Говорят, что в военном отношении Западный Берлин удержать нельзя. Да, так считали и с Бастонью, так считали и со Сталинградом. Но любое уязвимое место удержать можно, были бы смелые люди» [17].

Социалистические государства приняли меры по обеспечению своих интересов. С 13 августа 1961 года в Берлине была установлена система ограждений, прикрывавшая границу и исключавшая возможность проведения подрывной деятельности. В Белом доме заседали круглосуточно. Кеннеди считал, что на начало термоядерной войны один шанс из пяти. После длительных обсуждений американские руководители пришли к выводу: единственный открытый путь — крутое увеличение военной мощи США, включая возобновление испытаний ядерного оружия. Любые конкретные акции при существовавшем соотношении сил приведут к большой войне. «По моему мнению, — заключил Макнамара, — мы не можем выиграть термоядерную войну, стратегическую термоядерную войну, в принятом смысле слова «выиграть».

В Бонне не хотели понять большой стратегии Кеннеди. Оттуда поступали бесконечные жалобы, требования от США заверений в поддержке, просачивавшиеся в печать. Кеннеди утомила назойливость союзника на Рейне. Он сухо сказал своим советникам: «Бонн напоминает жену, каждый вечер спрашивающую мужа: «Ты меня любишь?» Тот говорит «люблю», а она повторяет: «Действительно ли любишь?», а затем приставляет к нему детективов из сыскного агентст-

ва». В целях «улучшения связи» между Вашингтоном и Бонном Кеннеди попросил ФРГ убрать посла В. Греве, надоедавшего сверхпедантичными меморандумами.

Кеннеди отправил в ФРГ своего особо уполномоченного генерала Л. Клея. В конце сентября 1961 года генерал заявил в Западном Берлине, что политический реализм требует «примириться» с существованием двух германских государств. На этой базе возможно вести переговоры с социалистическими странами. Горестные протесты Бонна Кеннеди оставил без внимания.

Публично президент встал в позу. 25 сентября 1961 года Дж. Кеннеди явился в ООН и произнес трескучую речь. Аргументации по поводу защитных мер, принятых ГДР, явно недоставало, президент попытался компенсировать нехватку, продемонстрировав эрудицию. В этой связи, заявил он, «нельзя не вспомнить приказа царя в «Борисе Годунове» Пушкина:

...Взять меры сей же час,
Чтоб... Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань: чтоб заяц
Не прибежал... к нам, чтоб ворон
Не прилетел...» [18].

Декламацией стихов А. С. Пушкина в приличном переводе дело и кончилось — в 1961 году Кеннеди действовал, осознав ограниченные возможности США. Хотя их арсеналы ломились от ядерных бомб, а бомбардировщики с термоядерным оружием на борту круглосуточно висели над всеми континентами, способность начать всеобщую войну не предотвратила цепи поражений Вашингтона.

Не удалось провести контрнаступления в духовной области. В 1961 году в СССР был опубликован проект, а затем принята Программа КПСС. А. Гарриман с обостренным интересом к идеологии предложил выступить с «демократическим контрзаявлением». Кеннеди подхватил идею. Специально отобранной штурмовой идеологической группе он заявил, что не заинтересован в еще одном повторении банальностей «холодной войны», а нужно показать — будущее за капитализмом. «Одна из целей документа, — записывал Шлезингер слова Кеннеди, — уничтожить концепцию неизбежности прихода коммунизма. Главная задача — дать положительное описание мира, который мы стремимся построить».

Отдать ценные указания убежденным в тишине президентского кабинета труда не составило. Документ, однако, так и не был написан. Шлезингер отговаривался недостатком времени: «Текучка заела». Поскольку не представилось возможным дать убедительный ответ, президент в тесном кругу отчаянно ругался. Вердикт о колорите его выраже-

ний могут вынести разве специалисты политической порнографии и сквернословия.

Президент, хотя и распускался, понимал, что ругань никогда дел не делала. На международной арене в 1961 году США терпели поражение за поражением, а в вашингтонских ведомствах кипела работа. Президент двигал разработку общего правительственного курса, который, как он надеялся, даст возможность Америке в конечном счете возобладать. Теоретическая доктрина «гибкого реагирования» обрастала плотью. Американские руководители, претворявшие ее в жизнь с безумным рвением алхимиков, памятовали напутствие президента: «Внутренняя политика может привести нас к поражению, внешняя — к смерти».

Очередному журналисту, который осенью 1961 года признался, что хочет написать книгу о первом годе президентства, Кеннеди озлобленно ответил: «Кто захочет читать книгу о катастрофах?» [19].

БОМБОУБЕЖИЩА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Собственно, почему США тогда потерпели цепь поражений? Не потому, что кто-то взял их за глотку, а потому, что Вашингтон попытался хватить через край, недостаточными средствами достичь крупных целей. Иными словами, была предана забвению старая аксиома: политика — искусство возможного. То был личный кризис честолюбивого руководства, а руководство объявило его национальным кризисом. Чтобы обратить в свою веру инакомыслящих, представлялось необходимым изменить психологический климат страны. К тому клонились усилия Дж. Кеннеди уже с конца 50-х годов.

Американский государствовед Р. Ровери с обычным блеском констатировал: «Ныне президент Кеннеди пытается встретить вызов, который видят, пожалуй, только он и его ближайшие соратники». Непросвещенная страна такового не усматривала. Если так, заключил молодой президент, просветим ее и поднимем на ноги. Будучи человеком начитанным, Кеннеди любил цитировать слова Глендауэра (В. Шекспир, «Генрих IV», ч. I): «Я духов вызывать из тьмы умею» — и ответ Готспера:

> И я, как, впрочем, всякий человек,
> Все дело в том лишь, явятся ли духи.

Теоретические экскурсы слабо зажигали американцев, ничтожное большинство на выборах, которое никак нельзя было истолковать «как мандат народа», скорее вызвало к жизни использование до отказа традиционных политических инструментов. Нужно было донести до сознания каждого и всякого опасности, преследовавшие президента.

В мае и июле 1961 года Кеннеди сумрачно предложил американцам готовиться к худшему. «Следует, — гремел президент с экранов телевизоров, — наметить и подобрать места в существующих зданиях — государственных и частных, где устроить на случай нападения убежища, снабдить их запасами продовольствия, воды, медикаментов и всем потребным, чтобы выжить...» Эффект получился потрясающий и даже страшный. Строительные фирмы, почувствовавшие приближение волнующего момента — ободрать как липку своих ближних, искренне разделили тревогу президента. Они организовали широкий показ фильмов ужасов об атомном нападении на Соединенные Штаты, смертельно запугав зрителей.

Состоятельные люди бросились закапываться в землю. Один из руководителей местной обороны в штате Калифорния призвал сограждан вооружиться, чтобы отразить натиск пришельцев из других штатов, которые попытаются укрыться в Калифорнии. В Лас-Вегасе, штат Невада, руководители местной обороны предложили ополчению штата быть начеку — отбить вторжение из штата Калифорния. Сохранивший здравый смысл юморист комментировал: «В гражданской обороне наш президент тверд: не можешь добраться до русского, довольствуйся американцем».

Паника нарастала. Министерство обороны, исходя из того, что спасение в ядерной войне — дело рук спасающихся, и следуя прославленным принципам американского индивидуализма, заключило: пусть каждая семья сама позаботится о семейном убежище. Министерство подготовило вдохновенную брошюру с этим и подобными спасительными советами, намереваясь разослать ее всем без исключения американцам. Текст предварительно представили на одобрение Белого дома. Его обитателей глубоко потряс откровенный подход к делу пентагоновских литераторов: «Открытие рынка семейных убежищ, — сообщалось в брошюре, — очень полезно и соответствует принципам, придерживаясь которых система свободного предпринимательства справляется с изменяющимися условиями нашей жизни». Гелбрейт, просмотревший по поручению президента брошюру, доложил: «Сочинение, в котором ставится цель спасти лучших, списав со счетов избравших вас, меня не привлекает. Оскорбительно, больше того — неслыханно, пропагандировать: некая семья, купившая кабину на крейсере, отправляется спасаться в море. Считанные трудящиеся могут отплыть на крейсере».

Кеннеди приуныл, президенту всего народа поступать так не к лицу. Первосвященники Белого дома стали держать совет. Нашли, что население деморализовано. Припомнили призыв священника Л. Макюза, прогремевший на всю Америку: владелец убежища имеет моральное право отражать натиск своих соседей «любыми средствами, необходимыми для эффективного предотвращения проникновения в убежи-

ще». Коль церковь так смотрит на дело, мрачно заключил Р. Кеннеди, «тогда проблемы нет — поставим по преподобному отцу Макюзу с автоматом у входа в каждое убежище».

Президент распорядился: переписать брошюру, подчеркнув, что программа обеспечения убежищами будет государственной, не рассылать ее по домам, а держать в почтовых отделениях достаточное количество экземпляров для желающих. В соответствующие законы были включены ассигнования на постройку убежищ.

Паника дала козыри в руки правых организаций — разве не мы всегда говорили: война у порога? А осмотрительные уже задумывались: уж не готовится ли Вашингтон к превентивной войне, прячет народ под землю, чтобы развязать руки. Неожиданно раздался голос прошлого. Объявился священник, отец Кофлин, тот самый радиопоп, который в 30-х годах доставил столько хлопот Ф. Рузвельту. В то время фашистские симпатии Кофлина были общеизвестны. Со времен второй мировой войны он помалкивал. Теперь он нашел, что администрация Кеннеди «работает лучше, чем можно было ожидать. Возможно, президент Кеннеди, его советники наделали ошибок, но от них никто не избавлен. Они великолепно работают в труднейших условиях». Опозорил! Поцелуй Иуды!

Кеннеди принялся очищать затуманившийся либеральный лик администрации. Осенью 1961 года, объезжая отдаленные места западного побережья страны, он разъяснял: «В США есть две группы экстремистов — правые и левые. Любопытно, что они очень напоминают друг друга. Каждая группа верит, что есть лишь две альтернативы: умиротворение или война, самоубийство или капитуляция, унижение или гибель, красный или мертвый». Главная опасность справа, и поэтому «в век, когда стычка может мгновенно вызвать ужасающие грибовидные облака, великая держава не доказывает своей твердости, вверяя часовым задачу выявления намерений другой стороны» (речь перед университетской аудиторией в городе Сиэтле).

Есть люди, развивал тезис Кеннеди в Лос-Анджелесе, которые «с подозрением относятся к своим соседям и к своим руководителям. Они жаждут склониться перед «человеком на коне», ибо не доверяют народу. Они находят измену в наших церквах, в наших высших судах, в наших программах очищения воды. Они ассоциируют демократическую партию с государством всеобщего благосостояния, это государство — с социализмом, а социализм — с коммунизмом. Пусть наш патриотизм проявляется в доверии друг к другу, а не в крестовых походах подозрений... Ибо такие люди, не желая усмотреть опасности извне, ищут опасность внутри» [20].

Эквилибристика поступков и слов президента вызвала основательное недоумение, по крайней мере, у части американской интеллигенции. Не совсем было ясно, к чему кло-

пил Дж. Кеннеди. Как, например, понять: «Либерализм и консерватизм, — поучал он, — являются категориями 30-х годов, и они больше неприменимы... Беда консерваторов в том, что они в подавляющей части мыслят наивно. Что до либералов, то их мышление посложнее, однако их функция должна заключаться в выдвижении новых идей, а таковых нет». Или: «Мы должны просто примириться с тем фактом, что в ядерный век абсолютные решения невозможны».

Эрнест Хемингуэй приветствовал приход Джона Кеннеди в Белый дом. Церемония вступления президента в должность побудила его написать: «Я убежден, что наш президент выдержит любой зной, как он выдержал холод в этот день. Ежедневно я возобновляю свою веру в него и пытаюсь понять практические трудности правления, встающие перед ним. Я видел, какое мужество он вносит в дела. Чудесно, что в дни тяжкие для мира и нашей страны у нас смелый президент».

Надежды интеллигенции, выраженные в незаурядных строках Э. Хемингуэя, постепенно таяли, по мере прояснения разворота деятельности просвещенного президента. Постепенно, справедливо заключил американский историк Р. Хофстадтер, «большинству интеллигентов... мышление нового президента представлялось хотя и неглубоким, но, по крайней мере, живым и сложным» [21]. Белый дом чутко реагировал на смятение мыслящих умов.

Прослышав, что влиятельный литературный критик А. Казин засел за статью о нем, Кеннеди пригласил литератора отобедать. Побеседовали. Критик написал, напечатал и послал президенту статью. «Ну вот, — сокрушался Кеннеди, — кормили его, поили вином, говорили с ним о Хемингуэе и Драйзере, потом я сказал Джеки, что напрасно она не пришла на обед. Он ушел, и на тебе, эта статья!» Обижаться, в сущности, было не на что. За обедом толковали о возвышенных материях, но разве не сам президент сказал: «Какое отношение все это имеет к бумагам, ожидающим меня на столе?» Казин заключил: «Кеннеди ясно понимает, как много могут сделать интеллигенты, и внутренне даже уважает некоторых писателей, ученых и мыслителей, однако это абсолютно не связано с трагически громадными государственными проблемами и не способствует их разрешению».

Казин прозрел спустя некоторое время после въезда Кеннеди в Белый дом. Другие были проницательнее. У. Фолкнер не оценил высокой чести и не откликнулся на приглашение украсить своим пребыванием церемонию 20 января 1961 года. Незадолго до смерти прославленного литератора еще раз позвали на прием в Белый дом... «Зачем мне идти туда, — заметил Фолкнер, — я ведь ни с кем из них не знаком». Некоторые интеллигенты выражались еще резче.

Американский социолог Райт Миллс, давший внушитель-

ные исследования о правящей элите США, а также незадолго до смерти говорил: «Стыжусь, что я американец, стыжусь, что Джон Ф. Кеннеди наш президент». Экзистенциалисты давно объяснили, что в пограничном состоянии между жизнью и смертью люди способны на очень откровенные суждения...

КОСМОС ЗОВЕТ

Перегнать Советский Союз! Немедленно! Нигде это не представлялось Кеннеди более настоятельным, чем в области космических исследований. «Самые большие достижения советской системы, — говорил он, — в космосе» [22]. Советские спутники зримо утверждали в небе над всеми континентами великие свершения социализма. На пресс-конференции в середине февраля 1961 года Кеннеди упавшим голосом докладывал: «У нас есть достаточно мощные ракеты-носители, чтобы защищаться в военном отношении. Однако для больших, глубоких исследований космоса нужны ракеты-носители посильнее. В этом отношении СССР впереди нас. (Президент, вероятно, не видел иронии в сопоставлении. — *Н. Я.)* Наша главная задача — перегнать их».

Научные советники правительства, закостенелые в утверждениях об «отсталости» Советского Союза, бесхитростно рекомендовали: в сообщениях печати подчеркивать превосходство американской аппаратуры; тогда авось перестанут обращать внимание на советские успехи. Кеннеди, однако, рассматривал проблемы исследования космического пространства прежде всего под углом зрения политики. Если советская программа освоения космоса имела в виду научные интересы и проводилась спокойно, шаг за шагом, то в Соединенных Штатах вокруг решения соответствующих проблем была поднята невероятная пропагандистская шумиха.

В газетах и журналах печатались бесчисленные сенсационные статьи, тема космоса занимала громадное место в передачах по телевидению и радио. В соответствии с принципами американской рекламы говорилось обо всем, причем особый акцент делался на национальном приоритете. Поразительная картина! Ведь речь шла о выходе в космос в интересах всего человечества, а американские пропагандисты вносили в благородное дело нездоровый элемент спекулятивных предположений.

В 5 часов 30 минут утра 12 апреля 1961 года Сэлинджеру сообщили: Москва объявила о космическом полете Ю. Гагарина. Около 8 часов утра Сэлинджер позвонил президенту, удрученно выслушавшему сообщение. Кеннеди дал согласие на передачу в печать специально подготовленного заявления: «Достижения СССР, пославшего человека на космическую орбиту и благополучно возвратившего его на землю, — ве-

ликий технический успех. Мы поздравляем советских ученых и инженеров, которые сделали возможным этот подвиг...»

В 4 часа дня расстроенный президент предстал перед журналистами на пресс-конференции. Недобрая встреча, колючие вопросы:

— Г-н президент! Сегодня один из конгрессменов заявил, что он устал видеть США второй державой после России в космических исследованиях. Вы уже просили конгресс отпустить дополнительные средства, чтобы ускорить наши космические программы. Каковы перспективы того, что мы догоним и, возможно, перегоним Россию в этой области?

— Да, — ответил Кеннеди, — Советский Союз получил важные преимущества, создав мощные ракеты-носители, способные вывести большой вес на орбиту, и в течение некоторого времени это преимущество будет принадлежать СССР. Из всех уставших больше всех устал я, однако потребуется время, чтобы догнать русских. В послании конгрессу о положении страны я уже указывал, что нас ждут скорее плохие, чем хорошие новости... Надеюсь, что в других областях, могущих в конечном итоге облагодетельствовать человечество, мы окажемся первыми. Но мы позади.

Президент наглядно подтвердил умение говорить, не сказав ничего. Он не рассеял всеобщего чувства унижения в Вашингтоне, удвоенного кубинским фиаско, случившимся на той же неделе.

— Сидите и ждите до тех пор, — язвил публично один из руководителей американской космической программы, — пока русские не пошлют в космос троих, затем шестерых, потом лабораторию, соберут ее на орбите, снимут из космоса Нью-Йорк и пришлют нам карточки полюбоваться.

— Ничего, — успокаивал высокопоставленный сотрудник Белого дома, — Рузвельта сочли сумасшедшим, когда он сказал, что мы можем выпускать 50 тысяч самолетов в год. Мы сделали это. Только представьте, как он чувствовал себя, приказав приступить к манхэттенскому проекту, не имея никакой гарантии на успех.

— Кеннеди может потерпеть поражение на выборах 1964 года из-за этого, — предрекал другой вашингтонский авгур.

Президент не нуждался в напоминаниях. Он пытался сам разобраться в лабиринте проблем, нагроможденных предшествовавшими администрациями в ракетостроении. Читал, собирал совещания. Консультировался с Л. Джонсоном, отвечавшим за космические программы по линии конгресса.

В конце апреля поздно вечером он провел совещание с руководителями национального управления аэронавтики и исследований космического пространства. Они доложили о весьма плачевном состоянии дел.

— Пожалуй, мы никогда не догоним русских, — задумчиво произнес Кеннеди и тут же оживился. — И все же, как

догнать их? Сможем ли мы первыми облететь вокруг Луны? Сможем ли мы первыми высадить человека на Луне?

Ему объяснили, что такая программа обойдется в 20—40 миллиардов долларов, причем без гарантии на успех быть первыми.

— Мы делаем все, г-н президент, — заявил глава управления Д. Уэбб. — А теперь благодаря вашему руководству и проницательности двигаемся быстрее, чем когда бы то ни было...

Кеннеди прервал говорившего на полуслове. Не время для лести. Стоимость программы, вот что беспокоит его.

— Когда мы будем знать больше, — закончил он, — мы сможем решить, стоит ли приступать к программе или нет. Хоть кто-нибудь объяснил бы мне, как обогнать! Пусть это сделает любой, хоть дворник там у вас, если он знает, как! Для нас нет ничего более важного![23].

5 мая 1961 года американский космонавт А. Шеппард пробыл в космосе 15 минут, ракета подняла его на высоту 115 миль. То были мучительные минуты для Кеннеди, наблюдавшего с правительством по телевизору за подготовкой и полетом. Вдруг неудача? Страхи оказались напрасными. В честь Шеппарда устроили невероятный по пышности прием в Вашингтоне, полчаса он ехал по центральной улице столицы в открытом автомобиле, приветствуемый сотнями тысяч людей.

К концу мая 1961 года Кеннеди во второй уже раз в должности президента появился в конгрессе: «Пришло время сделать большие усилия, пришло время для нового, великого американского предприятия — время для нации взять на себя ведущую роль в овладении космосом, что во многих отношениях определит наше будущее... Пусть поймут, что я прошу конгресс и страну твердо связать себя с новым образом действия, — мы надолго вступили на этот путь, и он нам обойдется очень дорого: 571 миллион долларов в 1962 финансовом году, — 7—9 миллиардов долларов дополнительных расходов в ближайшие пять лет. Если мы пройдем только до половины пути или спасуем перед трудностями, тогда лучше вообще не выступать... Мы должны достичь Луны». Кеннеди назвал срок прилунения американцев — 1970 год.

В 1970 году в США отметили первую годовщину прилунения человека, «величайшая неделя в истории человечества со времен Сотворения мира», — сказал президент Р. Никсон о полете «Аполлона-11». То дела космические, а на Земле, в США можно подвести итоги выполнения того, что в Вашингтоне наметили на 1970 год. И сравнить с эрой до Спутника.

В 1956 году в США было 2918 тысяч, в 1970 году — 7920 тысяч студентов. Расходы на высшее образование увеличились с 3,5 миллиарда до 21 миллиарда долларов, на среднее с 10,9 миллиарда до 40,7 миллиарда долларов. В возрастной группе с 18 — 24 года в 1956 году училось 19,5 про-

цента, в 1970 году — 31,1 процента. Для мужчин в возрасте свыше 25 лет каждый лишний год учебы в школе или колледже оборачивался прибавкой к годовой заработной плате в среднем в тысячу долларов — средняя ежегодная заработная плата такого мужчины с восьмилетним образованием 9 тысяч долларов, окончившего высшее учебное заведение — 16 тысяч долларов.

Советский Спутник стремительно поднял американскую науку и интеллигенцию на невиданную в той стране высоту, в считанные годы правящая элита Соединенных Штатов выучилась — в эпоху научно-технической революции первейшая задача правления — развитие интеллектуальных ресурсов общества.

ДОКТРИНА «ГИБКОГО РЕАГИРОВАНИЯ» В ДЕЙСТВИИ

За три тысячи дней администрации Эйзенхауэра Соединенные Штаты израсходовали на военные цели 315 миллиардов долларов, за тысячу дней правления Кеннеди — 167 миллиардов долларов.

В годы президентства Кеннеди, сообщил Р. Макнамара:

— увеличилось на 150 процентов количество ядерных боевых головок, повысился на 200 процентов общий мегатоннаж стратегической авиации, находящейся в состоянии боевой готовности;

— на 60 процентов увеличена мощь тактических ядерных сил в Западной Европе;

— стало на 45 процентов больше дивизий в армии;

— на 44 процента увеличилось количество эскадрилий тактической авиации;

— на 75 процентов возросло количество транспортных самолетов и вертолетов;

— произошло 100-процентное увеличение постройки кораблей;

— на 800 процентов расширились части, предназначенные для ведения специальных операций и противопартизанской борьбы.

Администрация Дж. Кеннеди пошла на дальнейшее расширение ракетно-ядерного арсенала США. Теперь, спустя более чем четверть века доступны абсолютные цифры — администрация Д. Эйзенхауэра, которую Дж. Кеннеди поносил как «отставшую» в военной подготовке, увеличила количество ядерных боевых головок в американских арсеналах с 6 тысяч в 1958 году до 18 тысяч в 1960 году. При Кеннеди к 1962 году их накопили 26 500![24]. Дело было не только в количественном увеличении, претерпела резкие изменения качественная сторона: межконтинентальные баллистические ракеты «Минитмэн» на американской территории укрывались в стартовых шахтах под землей. Подводные лодки с атомны-

ми двигателями несли ракеты «Поларис». Эти меры имели в виду обеспечить неуязвимость и рассредоточить ракетно-ядерный потенциал США.

Весной 1962 года журнал «Сатердей пвнинг пост» опубликовал чрезвычайно важное интервью президента С. Олсопу: «Основная задача большой стратегии Кеннеди, которая сейчас начинает явственно вырисовываться, может быть сформулирована в нескольких словах: цель, которую ставит перед собой Кеннеди, заключается в том, чтобы обеспечить себе «выбор» при том изменившемся положении, с которым столкнулись США. «Выбор» — вот решающее слово. Президент... терпеть не может, когда ему связывают руки. Основная цель большой стратегии Кеннеди состоит в том, что США сами должны выбирать способ ответа, не допуская, чтобы нам навязывали такой выбор. Все вытекающие отсюда принципы стратегии и предназначены для достижения этой цели».

В беседе с Олсопом Кеннеди подчеркнул, что правительство отнюдь не рассматривает эти «силы сдерживания» как пассивный груз арсеналов. Разумеется, говорил президент, «при определенных обстоятельствах мы должны быть готовы к применению ядерного оружия с самого начала, каковы бы ни были последствия, например, в случае великого конфликта в Западной Европе. Однако если придется применить это оружие, важно сохранить контроль над его использованием и гибкость в этом деле, надо иметь выбор». И с замечательной последовательностью президент продолжал: «При известных обстоятельствах мы, возможно, проявим инициативу» [25]. Итак, превентивная война?! Разумеется, сразу же за опубликованием интервью П. Сэлинджер от имени Белого дома сделал соответствующие оговорки.

Разбухание ракетно-ядерного потенциала США не вносило качественных изменений в предшествующие военные программы Вашингтона, нашедшие наиболее яркое выражение в доктрине «массированного возмездия». Кеннеди, как и его послевоенные предшественники в должности, вооружался для Армагеддона — уже к исходу президентства в результате полетов У-2 количество целей на территории Советского Союза, подлежавших ядерному уничтожению, повысилось с 3 до 20 тысяч [26]. Но новые ядерные боеголовки, ракеты и прочее ни в малейшей степени не способствовали «повороту течения» — попыткам добиться, не переводя дыхания, изменения хода международных событий в пользу США, о чем неустанно хлопотал президент.

Как писал профессор У. Ростоу: «В начале президентства Кеннеди обстановка, в особенности во внешних делах, мне представлялась следующим образом: наша задача — вкатить автомобиль с плохими тормозами на гору. Машина медленно скользит вниз. Если приложить большую силу, удастся постепенно замедлить сползание и остановить машину. Не ос-

лабляя прилагаемую силу, можно заставить автомобиль двинуться вперед и в конце концов втащить его на гору»[27]. Иными словами, ни минуты пассивности — действовать и действовать. Отсюда другая сторона доктрины «гибкого реагирования» — расширение обычных вооруженных сил, в первую очередь специальных контингентов, предназначенных для борьбы с национально-освободительным движением. Введение их в действие, когда и где найдет нужным правительство.

Когда Кеннеди принял бразды правления, американская армия насчитывала 11 дивизий и 2 бригады, к 1965 году в результате реализации его указаний Соединенные Штаты располагали 16 дивизиями и 10 бригадами. Резко возросла мобильность частей и соединений, которые за относительно небольшой срок могли быть переброшены в отдаленные районы земного шара.

Разница в подходе к военным делам между администрациями Эйзенхауэра и Кеннеди в этом отношении была разительной. Министр обороны США в середине 50-х годов Ч. Вильсон настаивал: «Мы не можем позволить себе вести ограниченные войны. Мы должны вести только большую войну, и, если вспыхнет вооруженный конфликт, он превратится именно в такую войну». На что Кеннеди возразил: «Мы загнали себя в угол; перед нами выбор — все или ничего, уничтожение мира или капитуляция». На взгляд Кеннеди, решимость и способность США вести ограниченные войны обычными вооруженными силами начисто ликвидируют стратегический тупик.

Мысли эти не принадлежали исключительно президенту, он взял на вооружение идеи, высказанные в конце 50-х годов критиками правительства Эйзенхауэра, а также мобилизовал под знамена своей администрации самих носителей этих идей. Толпы обычно неряшливо одетых профессоров наводнили святая святых — военное ведомство, вызывая отвращение профессиональных военных. «Вместе с другими военными на активной службе или в отставке, — писал в 1963 году бывший начальник штаба ВВС США генерал Т. Уайт, — я глубоко не доверяю этим покуривающим, мудрствующим интеллигентам, наводнившим столицу. Я не верю многим из этих сверхсамоуверенных молодых профессоров, математиков и других теоретиков». Конгрессмен Э. Хеберт, как эхо, отозвался: «Военные имеют годы опыта, видели врага на поле брани... а эти новички из интеллигентских кругов никогда не слышали выстрела». Критика не произвела ни малейшего впечатления ни на Кеннеди, ни на Макнамару, уверовавших в доктрину «гибкого реагирования», созданную теоретиками. Потом станет известным — ревностными служителями ЦРУ.

Личным проектом президента, подсказанным мыслителями описанной разновидности, было чудовищное расширение

войск особого назначения, предназначенных для противопартизанских действий. Кеннеди старательно изучал соответствующую литературу. Центр подготовки этих частей — Форт-Брагг, штат Северная Каролина, при Кеннеди достиг внушительных размеров. Аналогичные центры были развернуты в Панаме, на Окинаве, в Южном Вьетнаме и ФРГ. Там обучались не только американцы, но и солдаты союзных США армий.

Президент, дабы поднять боевой дух войск особого назначения, вернул им право носить зеленые береты, отмененные было Пентагоном. «Мне они нравятся, — заявил он. — Мы чем-то должны отличать эти войска. Мой отец носит берет по сей день». Сделав смотр подтянутым головорезам в Форт-Брагге, президент восхитился их выправкой и бравым видом. Немедленно строгий приказ по вооруженным силам: штабным офицерам заняться физподготовкой. Штату Белого дома предписано — каждому спустить по пять фунтов веса.

Кеннеди настаивал, что борьба против национально-освободительного движения должна носить комплексный характер: без учета политической обстановки военные средства окажутся бессильными. Основной путь предотвращения партизанской войны, по его мнению, заключался в «контролировании температуры воды», с тем чтобы рыбы-партизаны не размножались. Для эффективной работы против партизан необходимо укрепить политические, экономические и социальные основы режимов, которые лизали языки пламени партизанской борьбы. Пробным камнем ученой стратегии Кеннеди был избран Южный Вьетнам, на который градом обрушились теоретически безупречные меры. Разработанные теми, кого Д. Халберштам уместно обозвал уже в названии своей книги о войне США против народа Вьетнама «Самые лучшие и умные».

Еще в 1951 году конгрессмен Дж. Кеннеди побывал в этой стране. Вернувшись в США, он в пух и прах раскритиковал французов и высказал здравые мысли. «В Индокитае, — говорил он, — мы связали себя с отчаянными попытками Франции сохранить остатки империи». Он засадил Жаклин за дело — переводить для него с французского книги о Вьетнаме. Разумеется, он почитывал не только переводы супруги, а проглотил массу литературы и подковался теоретически. В речи 9 марта 1954 года он даже высказался за «продолжение войны и доведение ее до победного конца». Но обстановка стремительно менялась — французские колонизаторы оказались на грани банкротства. В 1954 году, когда силы освобождения добивали колонизаторов, в США раздались голоса — необходимо послать в Южный Вьетнам американские войска. Кеннеди стремительно исправил свои взгляды.

Он разгневанно говорил 6 апреля 1954 года: «Я убежден до глубины души, что американская военная помощь в Индокитае, вне зависимости от ее размеров, не может победить...

«врага народа», имеющего симпатии и тайную поддержку этого самого народа... Если США односторонне вмешаются и пошлют войска на самый трудный по природным условиям театр в мире, мы окажемся в куда более трудном положении, чем в Корее». Противоречивые убеждения Дж. Кеннеди о Вьетнаме до прихода в Белый дом привели в отчаяние американских исследователей. Как заметил знаток вопроса Т. Дрейпер: «Легкость, с которой можно цитировать Кеннеди против Кеннеди, указывает на опасность и трудность судить о политике того, чей стиль считается важнее его существа» [28]. Как бы там ни было, в 50-х годах американские войска не были отправлены в Южный Вьетнам, но поставленная там у власти клика Нго Динь Дьема пользовалась практически неограниченной поддержкой США. Однако антинародный режим, получивший сотни миллионов долларов из-за океана, не смог остановить освободительную борьбу.

Научно-исследовательская группа по Вьетнаму, одна из многих учрежденных Кеннеди, предложила провести в стране широкую программу военных и социальных реформ, гарантируя по завершении их победу через полтора года. В начале 1961 года Кеннеди утвердил ее рекомендации, а в мае в Южный Вьетнам отправился вице-президент Л. Джонсон в сопровождении С. Смита с супругой, сестрой президента Джейн. Вице-президент публично уподобил жалкую марионетку Нго Динь Дьема Уинстону Черчиллю Азии, по-государственному обсудил с ним дела, а в Вашингтоне в полном соответствии с мнением начитанного президента доложил: опасность в Южном Вьетнаме исходит не от коммунизма, «а от голода, невежества, бедности и болезней. Мы должны, вне зависимости от применяемой стратегии, вести главное наступление против этих врагов, творчески использовав наши научные и технические возможности».

По наущению американцев Нго Динь Дьем занялся реформами — сотни тысяч крестьян сгонялись за колючую проволоку, создавался пояс «укрепленных деревень». Очередная миссия из США. Глава ее — генерал М. Тейлор, уже на действительной службе, и профессор У. Ростоу явились в Сайгон в конце 1961 года. Выдающиеся деятели не обратили внимания на «реформы», а изучили военное положение. М. Тейлор рекомендовал направить в Южный Вьетнам помогать в войне против патриотов 10 тысяч американских солдат.

Предложение затронуло чувствительные струны в сердце президента: с высот рафинированной доктрины «гибкого реагирования» миссия спустилась на низменную почву — опять солдаты! «Они хотят послать туда американские войска, — заявил он. — Они говорят, что это необходимо для восстановления доверия и поднятия морали... Хорошо! Солдаты промаршируют под барабанный бой, их встретят ликующие толпы, пройдет четыре дня, и все забыто. Тогда нам скажут — давайте еще солдат. Как пьянство. Глоток, опья-

нел, отрезвел, нужен еще глоток. Война во Вьетнаме может быть выиграна только как их война. Стоит превратить ее в войну белого человека, и мы потерпим поражение, как французы десять лет назад» [29].

Отличные слова! Все понимал президент, по-государственному реагировал на события. Только когда он въехал в Белый дом, во Вьетнаме было менее 700 американских военнослужащих, а осенью 1963 года — 16 тысяч. Их именовали «советниками». В 1961 году был убит один «советник», в 1962 году — 32, в 1963 — 71. От «советов» в учебных центрах они очень быстро перешли к участию в боевых действиях.

Практика определенно расходилась с теорией. Если так, рассуждал президент, пусть никто об этом не знает. П. Сэлинджер, которому по долгу службы приходилось иметь дело с прессой, отвел десятки страниц в своей книге рассказу о том, как Дж. Кеннеди затыкал рот журналистам, писавшим с полей боев в Южном Вьетнаме. «Одна история, — отмечал П. Сэлинджер, — особенно взбесила президента. Пришло сообщение, что в бою было сбито восемь американских вертолетов. То было преувеличение, в действительности было сбито пять машин. Но новые сообщения о широком и растущем участии США в войне во Вьетнаме крайне тревожили правительство» [30]. Кеннеди поступил просто: инструкцией госдепартамента № 1006 от 21 февраля 1962 года была введена строжайшая цензура на сообщения из Южного Вьетнама.

В январе 1963 года в послании конгрессу Кеннеди выразил надежду на скорый успех в Южном Вьетнаме. Вероятно, его вдохновили результаты новой поездки туда М. Тейлора. Генерал доложил, что обнаружил «подъем громадного национального движения», направленного против патриотов. Весной 1963 года Макнамара подтвердил: «Да, мы миновали критический рубеж во Вьетнаме». А положение в стране складывалось не так, как вещали оптимисты в Вашингтоне. В 1963 году недовольство марионеточным режимом прорвалось в связи с зверскими расправами нгодиньдьемовцев над буддистами. Пришлось срочно менять фронт и американскому правительству.

3 сентября 1963 года Кеннеди заявил: «Я не думаю, что войну возможно выиграть без поддержки народа, и, по моему мнению, правительство в последние два месяца утратило связь с народом». В Южный Вьетнам отправилась новая миссия — генерал морской пехоты Крулак в сопровождении чиновника госдепартамента. По возвращении генерал доложил президенту: все идет отлично, а чиновник сообщил — режим накануне краха. Кеннеди вежливо выслушал обоих и в заключение только осведомился: «Господа, вы побывали в одной и той же стране?» Неразбериха в Вашингтоне нарастала. США истратили к концу 1963 года 3 миллиарда долларов на войну в Южном Вьетнаме, а большая часть страны — в руках партизан.

В Белом доме и правительственных ведомствах размышляли без конца. В Южный Вьетнам съездили Макнамара, группа Гарримана и многие другие. Генерал Ландсдейл дал разумный совет: «Должно быть найдено дело, близкое сердцу народа, поддерживаемое законным правительством, дело, которое притягивает народ больше, чем дело коммунизма... Когда праведное дело найдено и использовано правильно, тогда антикоммунистическая борьба становится пронародной борьбой». Совершенно правильно, только защита эксплуататоров против народа — никак не «праведное дело». Простая истина так и не проложила дорогу к умам Вашингтона.

На очередном совещании Гарриман пожаловался: «Беда нашего государственного департамента в том, что он всегда недооценивает динамизм революции». «Наша беда, — согласился Гелбрейт, — в том, что мы плохо делаем революции». Маховик американской государственной машины все же раскручивался, в Вашингтоне зрело убеждение, что все беды — от сайгонского режима. Д. Меклин, чья обязанность заключалась в поддержании контактов с высшими южновьетнамскими деятелями, в мемуарах припомнил: однажды ему «приснился сон об американской дипломатической миссии, постепенно осознающей, что она имела дело с правительством рехнувшихся людей» [31]. Он проснулся и спросил себя: был ли то сон?

Наяву Дж. Кеннеди, разумеется, в глубокой тайне одобрил рекомендации как госдепартамента, так и ЦРУ убрать, то есть убить Нго Динь Дьема. Американскому послу (при сайгонском режиме Т. Лоджу, телеграммой — А. Гарримана, заместителя государственного секретаря Р. Хилсмена и М. Форрестола (сотрудника штата Белого дома) было поручено сообщить группе южновьетнамских генералов — если они возьмут власть, США признают их правительство.

1 ноября 1963 года в Сайгоне произошел переворот. Нго Динь Дьема с братом убили, власть захватила военная хунта Зыог Ван Миня.

Конечно, в Вашингтоне встретили известия из Сайгона с постно-благочестивыми физиономиями. Съязвил Д. Меклин: «Утверждать, что США не участвовали в заговоре, равносильно попытке доказать невинность ночного сторожа в банке, который сообщает прославленному взломщику — я отлучусь выпить пивка» [32]. Генерал Тейлор был свидетелем, как Кеннеди, узнав об убийствах в Сайгоне, «вскочил на ноги и выбежал из комнаты с выражением потрясения и ужаса, которого я у него никогда не видел». Кеннеди среди своих обвинял во всем ЦРУ, заявив, что «нужно что-то сделать с этими мерзавцами», у них нужно отнять «чрезмерную» власть. Он попытался, наверное неловко, объясниться с кардиналом Спеллменом [33]. В самом деле, было нелегко объяснить, как президент-католик подтолкнул прикончить единоверца.

МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И КЕННЕДИ

Выступая в ноябре 1961 года в Вашингтонском университете, Дж. Кеннеди предложил студентам «взглянуть в лицо фактам. США не всемогущи, не всеведущи. В нашей стране всего 6 процентов населения мира, и мы не можем навязать свою волю остальным 94 процентам человечества, мы не можем исправить все несправедливости и одолеть всех противников, и поэтому не существует американского решения всех международных проблем». Президент полагал, что, поскольку США физически не могут побудить мир принять нужные им решения, «политика социального идеализма — единственно возможная дорога истинного реализма для Соединенных Штатов». Разумеется, последнее соображение доверялось узкому кругу лиц, американская пропаганда под бдительным присмотром Кеннеди сочными мазками рисовала идеализированную Америку.

Идеализация носила курьезный характер: Кеннеди строго-настрого запретил изображать США страной, где пышно расцвел капитализм. Помогала статистика. В Индии, считавшей себя «социалистической» страной, на исходе 50-х годов правительство через бюджет распоряжалось 13 процентами национального дохода, в США — 19. Когда информационное агентство США разослало брошюру, где страна уподоблялась гигантской корпорации, народ — держателями акций, правительство — совету директоров, а президент — председателю совета, Кеннеди призвал агентство к строгому ответу. Он всецело разделил мнение Гелбрейта, забившего из Индии тревогу по поводу брошюры: в таком случае нация ошиблась — президентом следовало избрать отца, а не сына из семьи Кеннеди.

Для Латинской Америки Кеннеди 13 марта 1961 года провозгласил программу «Союз ради прогресса». «Давайте вновь превратим Американский континент в громадный тигль революционных идей и действий, — с пафосом восклицал президент, — чем воздадим должное творческой энергии свободных мужчин и женщин, показав всему миру пример того, что свобода и прогресс могут идти плечом к плечу». Очень возвышенный призыв, рожденный следующими рекомендациями научно-исследовательских групп:

«Проблема заключается в том, как разъединить неизбежную и необходимую трансформацию в Латинской Америке с политикой силы заморских коммунистических держав» (январь 1961 г.).

«Разработать политику и программу, которые канализируют происходящую ныне в Латинской Америке революцию в надлежащем направлении» (февраль 1961 г.).

Коротко говоря, по мысли Кеннеди, США предстояло откупиться от революции относительно дешево — на десятилетие действия программы «Союз ради прогресса» намеча-

лось истратить 20 миллиардов долларов, что, однако, почти в десять раз превышало всю сумму американской «помощи» Латинской Америке с 1945 года. Официальными целями программы провозглашалось: добиться в этих странах ежегодного прироста промышленной продукции не менее 2,5 процента в год, ликвидировать неграмотность на континенте, провести аграрные реформы и т. д.

В первую годовщину существования «Союза ради прогресса», 12 марта 1962 года, Кеннеди обратился к «людям, имеющим богатство и власть» в развивающихся странах. «Вы,— настаивал президент, — должны возглавить борьбу за коренные реформы, проведение которых только и способно сохранить в неприкосновенности структуру вашего общества. Те, кто делает невозможной мирную революцию, создают неизбежность насильственной революции. Социальные реформы — сердце «Союза ради прогресса».

Другая широко распространенная идея Кеннеди — «корпус мира». Он часто в кругу друзей с откровенной завистью говорил о том, как при социализме концентрируется энергия людей. Взять, например, Кубу, заметил Кеннеди: «В конце каждой недели 10 тысяч учителей отправляются в деревню вести борьбу с неграмотностью. Столь крупные усилия в социальной области привлекательны для желающих служить своей стране». В марте 1961 года был учрежден небезызвестный «корпус мира» — число добровольцев, первоначально определенное в 500 человек, к марту 1963 года удесятерилось.

В конгрессе при утверждении очередного федерального бюджета обычно вспыхивает непристойный спор как относительно общих размеров иностранной помощи, так и о ее целевых назначениях. К концу 50-х годов в американской иностранной помощи подавляющую часть составляла военная или предназначенная на выполнение краткосрочных политических программ. Научно-исследовательская группа, назначенная президентом, доложила ему, обследовав состояние программ при Эйзенхауэре: «Они разрабатывались главным образом как инструмент против коммунизма, а не для конструктивного экономического и социального развития».

Эту узколобую концепцию антикоммунизма никак не разделяло политическое племя Кеннеди. С. Шривер уже продемонстрировал более широкий взгляд на вещи: опираясь на поддержку президента, он провел название «корпус мира», невзирая на возражения ретроградов: «мир» — слово-де, экспроприированное коммунистами. Кеннеди поручил Соренсену и Шлезингеру подготовить программную речь. «Мир, — напутствовал писак президент, — здорово изменился в последние десять лет. Большинство изменений в нашу пользу — национальная независимость и т. д. Представьте мне ваши соображения».

Соренсен и Шлезингер написали проект речи и отправились к президенту. В дверях они столкнулись с гостем

Кеннеди — Э. Гувером. Президент не стал представлять их главе ФБР. Когда за главным американским полицейским закрылась дверь, он объяснил: «Не хочу расстраивать мистера Гувера». Вполне понятно. В глазах идейно устойчивого и по причине возраста морально выдержанного руководителя ФБР Соренсен и Шлезингер очень смахивали на смутьянов. Кеннеди просмотрел проект и предложил переписать. Как? Президент встал и направился к выходу.

У дверей Кеннеди остановился: «Напишите новый проект к 5 часам. Мой отец поступал так. Когда ему подавали идею или меморандум, то он бывало скажет — дрянь, ничего не стоит! Его спросят, что ему надо. А он ответит — подумайте сами! И уйдет из комнаты». Зазвонил телефон. Шлезингер снял трубку. Президент из воды, он купался в бассейне Белого дома, отдал ценнейшие указания.

С совместным творением Кеннеди ознакомил мир в речи в Беркли, штат Калифорния. «Глубочайшие тенденции истории, а не яркие события-однодневки, формируют наше будущее. При пристальном рассмотрении оказывается, что решающим фактором нашей эпохи является революция национальной независимости. Эта революция не остановится». Следовательно, складывается мир «разнообразных и независимых государств», который «не только не противоречит американской концепции международного порядка, а... составляет самую суть нашего представления о будущем». Отсюда задача США: «Претворяя в жизнь наши программы помощи, помочь максимально быстрому движению государств вперед на пути истинной национальной независимости».

Речь в Беркли была не только и не столько упражнением в области политической пропаганды. Концепция Кеннеди была громадным шагом от даллесовской доктрины — «нейтралитет аморален». Суть вновь объявленной философии международных отношений сводилась к тому, что, если в мире возникло необоримое стремление к обеспечению истинной независимости, то попытки противодействовать ему гибельны. Коль скоро нельзя совладать с волной национальных чаяний, то нельзя ли оседлать ее гребень? Кеннеди положительно ответил на этот вопрос.

Для теоретиков, выросших в условиях биполярного мира, рассуждения Кеннеди звучали опасным новшеством. Для знавших основные принципы внешней политики заокеанской республики, речь в Беркли вызывала хорошо знакомые ассоциации: собственно, в таком мире жили и действовали США до второй мировой войны. Только в таком мире были пригодны традиционные орудия американской дипломатии — искать выгоду для США в розни других государств: а если возможно, раздувать конфликты за океанами, добиваясь новой прибыли для Вашингтона. Кеннеди не изобрел пороха, всего-навсего подтвердил правильность испытанных в прошлом и проверенных на прочность методов американской

внешней политики. Вероятно, сказалась его начитанность в истории.

Адепт плюрализма в мире, Кеннеди внимательно следил за противоречиями в социалистической системе. То, что противоречия эти подлежали использованию к вящим интересам США, у него сомнений не вызывало, однако выступить с открытым восхвалением политики «баланса сил» политически представлялось затруднительным. Отсюда публично экивоки, стремление уйти от ясных ответов. Вероятно, самые большие откровения были сделаны в телеинтервью 17 декабря 1962 года — президента попросили подвести итог двухлетнего пребывания у власти.

Вопрос: Можем ли мы сделать что-нибудь для оказания влияния на растущий раскол в коммунистическом блоке или мы должны заботиться о нашей части мира, не допускать, чтобы она созрела для коммунистического проникновения?

Президент: Я полагаю, что эти распри, которые усиливаются, являются таким делом, что если мы, следуя вашему предложению, уделим внимание значительной части мира, живущей в ужасающих условиях, некоторым странам Латинской Америки, Африки и Азии, нуждающимся в нашей помощи и поддержке, если мы выполним свою задачу укрепления свободного мира, тогда мы создадим давление, контрдавление наступлению коммунизму, и внутренне под таким давлением судьба коммунизма окажется хуже [34].

Дипломатический язык, однако суть куда как понятна.

ЧТО ТАКОЕ «ПОЗИТИВНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ»?

В сентябре 1959 года сенатор Дж. Кеннеди произнес примечательную речь в университете Рочестера. В свои президентские годы он как-то застенчиво возвращался к ней по причинам, видным из приводимых ниже извлечений. Сенатор сообщил, что капиталистическая система «со своей уникальной комбинацией государственных усилий и частной конкурентной экономикой является динамичной, прогрессивной и все еще эволюционирующей... Конечно, время от времени она может приостанавливаться или проявлять слабости. Но она способна дать нам необходимую оборону, а также все потребные школы, дома и заводы и в то же время помочь создать обстановку силы и стабильности во всем некоммунистическом мире.

...Речь идет не об атрофирующейся, приходящей в упадок распадающейся капиталистической системе, которой не существует. Мы живем не в умирающей системе, уходящей со сцены, как феодализм несколько столетий назад». Торжествующие нотки в голосе сенатора президент Кеннеди попытался претворить в возрождение капитализма практическими делами и по многим линиям.

Президент Кеннеди любил повторять, что нет ничего страшнее ядерной войны и дефицита платежного баланса. Он даже высмеивал, разумеется не слишком серьезно, утверждения о том, что ядерное оружие необходимо для поддержания государственного престижа. «В сущности, важна лишь стабильность валюты, — говорил он советникам. — Валюта, а не ударная мощь, превратила Францию в фактор на международной арене. Англия имеет ядерные бомбы, однако фунт стерлингов слаб, и поэтому никто не считается с ней. Почему ныне так обходительны с Испанией? У Испании нет термоядерной бомбы, а есть большой золотой запас».

Благополучие платежного баланса определяется состоянием здоровья национальной экономики, которое внушало серьезное беспокойство Кеннеди. Здесь он считал себя компетентным поставить диагноз. В сущности, Кеннеди действительно лучше знал внутриполитические проблемы, хотя силы и время президента отнимала внешняя политика. Обратившись как-то за консультацией к Гелбрейту просветить его по техническим вопросам платежного баланса, президент просил не бояться сложности изложения, ибо «я чертовски много узнал об экономике, занимаясь под руководством Раса Никсона в Гарварде» [35]. (Как мы видели, в 1947 году ученик сполна воздал учителю за науку.)

В 50-х годах ежегодный прирост валового национального продукта Соединенных Штатов составлял 2,5 процента. В 1954 и 1958 годах страна пережила серьезные спады производства. В начале 1960 года — вновь застой, к президентским выборам количество безработных увеличилось на 1,2 миллиона человек. На 1961 год экономисты предсказывали экономические затруднения. Время не ждало, если политика «новых рубежей» вообще имела смысл. В феврале 1961 года 8,1 процента занятых оказались без работы.

Кеннеди, проводивший свою избирательную кампанию под лозунгом жертв и дисциплины, дабы возобладать над Советским Союзом, выдвинул цель — добиться ежегодного увеличения национального продукта не менее чем на 5 процентов. «Темпы экономического роста, — настаивал он, — задача номер один в области внутренней политики». Как достичь желанных 5 процентов? В министерстве торговли на всех столах установили таблички: «Что ты сделал сегодня для роста» [36]. Вопросы, обращенные к профессорам, не оставались без ответа, но ответы получались самые различные. Утешало, по крайней мере, то, что было из чего выбирать. Кеннеди не был крупным теоретиком и даже не претендовал на ученое звание. С хваткой разумного человека он попытался совместить на практике пестрые теории. Что, объяснял он группе бизнесменов, очень трудно: «Экономический рост начинает напоминать погоду в Вашингтоне — каждый говорит о ней, никто не знает точно, что делать, и единственное утешение — погода не станет хуже» [37].

Как-то президент пригласил на обед видного французского деятеля. Разговор коснулся живучести старых мифов в обновленном мире. «В XIX веке, — заметил француз, — внешним конфликтом в Европе было: республика против монархии. Однако в действительности конфликт сводился к следующему: пролетариат против буржуазии. В XX столетии внешне конфликт предстает так: капитализм против пролетариата. Но мир идет вперед, и в чем же ныне основной спорный вопрос?» Подумав и, вероятно, припомнив внушения Гелбрейта, Кеннеди ответил: «Речь идет о руководстве промышленным обществом. Это проблема не идеологии, а администрации».

Об этом президент говорил и в массовой аудитории. Выступая в мае 1962 года в Нью-Хевене, он подчеркнул, что главная спорная проблема современности «сводится не к глубоким столкновениям в философии или идеологии, а к путям и средствам достижения общих целей... Сейчас речь идет не о великой войне соперничающих идеологий, потрясающей страну страстями, а о практическом управлении современной экономикой. Нам нужны не ярлыки и клише, а серьезное обсуждение сложных и технических вопросов, связанных с тем, как двигать вперед громадную экономическую машину».

Кеннеди и его советники в то время, видимо, верили — за океаном Н. С. Хрущев знает точно, как это сделать. На рубеже пятидесятых и шестидесятых годов он выдвинул «задачу в течение ближайшего десятилетия превратить нашу страну в первую индустриальную державу мира, добиться преобладания над США как по абсолютному объему промышленного производства, так и по объему производства промышленной продукции на душу населения... Я помню, в молодости мы пели: «Наш паровоз вперед лети! В Коммуне — остановка». Теперь же мы и вся социалистическая система двигаемся вперед не на паровозе, а на могучем электровозе. Нет никакого сомнения в том, что наш социалистический экспресс перегонит и оставит капитализм позади. Не те силы у капитализма, не та тяга!»

Эти расчеты основывались на том, что в 1960—1980 годы среднегодовой прирост промышленной продукции в СССР должен был составить 9—10 процентов, а в США не более 2 процентов. Н. С. Хрущев сообщал: «Многие западные политические деятели иной раз говорят:

— В достижения вашей промышленности мы верим, но не понимаем, как вы выправите положение с сельским хозяйством.

Беседуя с ними, я говорил:

— Обождите, мы вам еще покажем кузькину мать в производстве сельскохозяйственной продукции» [38].

Когда ураган речей Н. С. Хрущева подкреплялся успехами советской науки и техники, в первую очередь Спутником,

тогда администрация Дж. Кеннеди очень серьезно взялась за дело — не допустить победы социализма в экономическом соревновании с капитализмом. Вашингтон ввел в дело многие и разнообразные меры. В первую голову двинуть американскую экономику.

Теоретики-экономисты в США в то время, грубо говоря, разделились на две школы. Первая из них утверждала, что автоматизация, структурные изменения в экономике приводят к тому, что, как ни парадоксально, возникает нехватка квалифицированной рабочей силы. Новые виды производства требуют постоянного притока обученных рабочих. Достаточное количество таких рабочих не приходит на предприятия, хотя существует «технологическая безработица». Отсюда — замедление темпов экономического роста. Выход — лучшая подготовка рабочих при помощи государства, забота правительства о «районах упадка» и т. д.

Другая школа усматривала беду в недостаточном платежеспособном спросе. Экономисты этого направления настаивали на том, что высокие налоги на предпринимателей замедляют темпы экономического роста, что, в свою очередь, умножает ряды безработных. В результате происходит дальнейшее сужение платежеспособного спроса. Выход — более гибкая фискальная политика: снижение налогов главным образом на предпринимательскую деятельность, не останавливаясь перед ростом государственного долга. За каждым из двух описанных подходов стояли живые люди, убежденно отстаивавшие соответствующие доктрины.

Кеннеди попытался синтезировать оба подхода, назначив министром финансов, председателем совета экономических советников при президенте и директором бюро бюджета людей, придерживающихся различных точек зрения в рамках двух указанных направлений. Он именовал их русским словом «тройка». В первые месяцы его администрации «тройка» выдвинула предложение снизить налоги на предпринимателей. Кеннеди ответил: «Я понимаю необходимость снижения налогов, однако это не очень совпадает с моими призывами к жертвам». Он предвидел политические затруднения — нельзя в самом начале президентской карьеры открыто связать себя с крупным бизнесом.

Пока он пошел по пути, рекомендованному сторонниками структурных изменений. Первая сессия 87-го конгресса приняла законы о развитии отдельных районов, о жилищном строительстве, об увеличении пособий безработным, помощи детям безработных, о повышении минимальной почасовой заработной платы и ряд других. То были структурные реформы, приведшие к дальнейшему укреплению государственно-монополистического капитализма. Организующая роль правительства в экономических делах повысилась. Президент в интересах страны, как он понимал их, требовал от бизнеса дисциплины, дисциплины и дисциплины. Это подготовило

серию серьезных конфликтов президента с деловыми кругами.

Еще президент Рузвельт создал совещательный комитет бизнеса, организацию, связывающую министерство торговли с крупнейшими монополиями. К приходу Кеннеди в Белый дом комитет занял особое положение при правительстве, его члены обсуждали втайне с официальными лицами важнейшие экономические проблемы, имея доступ к конфиденциальной информации, отсюда — понятные злоупотребления. Кеннеди приказал положить конец скверной практике. Соответственно его министр торговли Л. Ходжес информировал бизнесменов: «Вы никогда не услышите от меня, что наша страна должна поступить так или иначе, ибо этого желает бизнес. То, что хорошо для «Дженерал моторс», для страны может быть хорошо, а может быть и плохо».

Негодованию некоронованных королей Америки не было предела, они не привыкли подчиняться. Кеннеди счел необходимым отмежеваться от Ходжеса. В августе 1961 года он встретился с руководителями торговой палаты, национальной ассоциации промышленников и комитета экономического развития. Президент в лоб спросил их: «Господа! Правительство считают настроенным против бизнеса. Почему?» Внятного ответа президент не получил. В кругу единомышленников он сокрушался: данный бизнесмен может быть умнейшим человеком, но деловая община в целом не понимает государственных интересов. «Дело в том, что бизнес больше не уверен в себе. Стоит мне сказать что-либо, что расстраивает бизнесменов, они просто увядают. Мне приходится тратить время и энергию, чтобы вдохнуть в них бодрость, иной раз крутыми мерами».

По словам Гелбрейта, «самым важным нововведением в экономической политике администрации Джона Ф. Кеннеди» было давление правительства в пользу стабильности цен и зарплаты [39]. Тем самым Кеннеди надеялся избежать инфляции и достигнуть внушительных темпов роста. Ему в общем удалось договориться с руководителями профсоюзов и заручиться согласием монополистов. Президент предвкушал гармоническое развитие экономики в соответствии с «направляющими» — зафиксированным уровнем цен и заработной платы.

Но оказалось, что он все же плохо знал нравы среды, в которой сам вырос. 10 апреля 1962 года председатель правления «Юнайтед стейтс стил» Р. Блау без предварительной договоренности явился в Белый дом и сообщил о решении повысить цены на сталь на 6 долларов за тонну. Еще не окончилась беседа с президентом, как сталелитейные кампании передали сообщение об этом в прессу. Кеннеди был потрясен. Повышение цен на сталь неизбежно повлекло бы за собой лавину отрицательных последствий — автоматически возросли бы цены на важнейшие промышленные това-

ры, профсоюзы выдвинули бы требования о повышении заработной платы и т. д. Упорядоченный курс, имевший в виду развитие экономики, которая налаживалась с таким трудом, был бы сорван. Вместе с «Юнайтед стейтс стил» выступили еще пять крупных монополий. В холодном бешенстве Кеннеди поклялся проучить зазнавшихся стальных баронов-разбойников — 6 концернов давали 85 процентов продукции сталелитейной промышленности.

Президент, нисколько не заботясь о том, что его слова станут достоянием страны, бросил: «Мой отец всегда говорил мне, что все бизнесмены — сукины сыны. Я не верил этому до сегодняшнего дня». Реплика президента попала в печать. Впервые за 111 лет существования «Нью-Йорк таймс» такие бранные слова появились на ее страницах. На пресс-конференции он уточнил: «Отец имел в виду именно сталелитейные компании и сообщил мне в 1937 году свое мнение, которое я счел необходимым напомнить сейчас... Я процитировал сказанное им и указал, что в этом случае, как и во многих других, он не был полностью не прав». Восторг публики неописуем: выпускник Гарварда отлично владеет лексиконом человека улицы. Через несколько дней в беседе с Соренсеном и Шлезингером президент добавил: «Они действительно банда сволочей. Теперь я говорю это от себя, а не потому, что мне сказал отец».

В считанные часы после опрометчивого визита в Белый дом Блау и К° ощутили тяжесть руки федерального правительства. Министерство юстиции занялось выяснением вопроса, в какой мере решение сталелитейных компаний нарушает антитрестовское законодательство. Агенты ФБР рьяно взялись за дело, поднимая далеко за полночь с постелей интересовавших их лиц. «Методы гестапо» [40], — восклицал председатель национального комитета республиканской партии. Министерство обороны объявило о передаче заказов концернам, не повысившим цены на сталь. Заказ на стальной лист для подводных лодок на 5,5 миллиона долларов, половина которого была намечена для «Юнайтед стейтс стил», целиком пошел компании, сохранившей старые цены. Экономисты быстро подсчитали, что передача правительственных заказов таким компаниям сразу поднимет их долю в национальном производстве стали с 15 до 25 процентов.

На специальной пресс-конференции Кеннеди жестко заявил, что повышение цен на сталь «совершенно неоправданный и безответственный вызов государственным интересам», брошенный горсткой руководителей сталелитейной промышленности, чья жажда личного обогащения превышает чувство ответственности перед обществом. Тем временем юристы по поручению президента засели составлять чрезвычайное законодательство с целью обуздать монополистов. В Нью-Йорке министр труда Гольдберг и доверенный юрист президента К. Клиффорд тайком встретились с руководителями

сталелитейных компаний. Клиффорд без лишних слов описал «ужасающее» будущее, уготованное для них [41]. Во время встречи пришло сообщение о том, что одна из компаний, «Бетлехем стил», поднявшая цены, уже капитулировала. Правительство выиграло. Через 72 часа после памятного визита председателя «Юнайтед стейтс стил» в Белый дом сталелитейные компании вернулись к прежним ценам.

Торжествующий Кеннеди повесил в своей приемной карикатуру, появившуюся в газетах в дни схватки с монополистами: бизнесмен сообщает другому: «Мой отец всегда говорил мне, что все президенты — сукины сыны». Последствия конфликта оказались более серьезными, чем предполагал президент. Монополии не простили молниеносной расправы. Опрос летом 1962 года шести тысяч руководителей компаний показал: 52 процента из них считали правительство «резко настроенным против бизнеса», 36 процентов — «умеренно настроенным против бизнеса» и только 9 — «нейтральным». Президент произнес примирительную речь в торговой палате. Ее председатель взял слово после Кеннеди и туманно заметил: «Мы должны помнить, что в других странах диктаторы приходили к власти, используя конституционные методы...» Но, как подчеркивали опросы общественного мнения, в национальном масштабе президент, ограничив монополистов, нисколько не утратил популярности. Эксперт по этому вопросу высказывает предположение, что, выступив против сталелитейных компаний, Кеннеди, собственно, «с ехидцей хотел проверить свою популярность» [42].

Президент никак не мог понять, почему монополии так ополчились против него. Он размышлял вслух: «Нет, мы не воюем с ними. Я не против бизнеса, я готов оказать ему посильную помощь. Посмотрите — целый год я пытался поощрять бизнес, и вот что получил взамен!» В другой раз Кеннеди заметил: «Быть может, следует быть потверже с бизнесом. Я думаю, что так вернее. Когда с бизнесменами обращаешься мягко, они отвечают пинками. Возможно, я буду потверже с ними, и это принесет только пользу». Благим намерениям не суждено было осуществиться. События в деловой жизни выставили борца с монополиями положительно в смешном свете.

28 мая 1962 года произошел резкий спад на нью-йоркской бирже. Перепуганные сторонники ортодоксальных экономических доктрин возвестили — 1929 год грядет! Кеннеди промолчал, а конъюнктура сама собой восстановилась. 29 мая Кеннеди исполнилось 45 лет, в соответствии с волей отца по достижении этого возраста он получил еще 5 миллионов долларов, теперь он «стоил» 15 миллионов долларов [43]. Злополучное совпадение живо напомнило о подлинном месте Кеннеди в американском обществе. Что миллионеру до забот труженика! В анекдоте, со скоростью звука облетевшем стра-

ну, было много соли и правды. Джозеф читает заголовок газеты, сообщающей о панике на бирже, и произносит: «Напрасно я голосовал за этого сукина сына».

Вторая сессия 87-го конгресса приняла ряд важных законов, рекомендованных Кеннеди. Среди них был закон о расширении внешней торговли, закон о подготовке людских ресурсов, ограниченный закон о реформе налогообложения. Подготовленный по его указанию обширный закон о снижении налогов вступил в действие уже в президентство Л. Джонсона. Чистая прибыль монополий увеличилась на 15—20 процентов в год, или на 4—5 миллиардов долларов. Президентство Кеннеди ознаменовалось дальнейшим ростом государственного долга. Кеннеди не видел в этом ничего страшного. Он начисто отказался от старой концепции сбалансированного бюджета, рассматривая бюджетный дефицит просто как показатель разрыва между действительными и возможными достижениями американской экономики. Если дефицит есть, то в интересах экономического роста правительство покрывает его увеличением государственного долга, что не препятствует снижению налогов.

Механизм действия этой политики сводился к следующему. Во-первых, дополнительные средства, остающиеся у монополий в результате снижения ставок налогов, шли в производство. Во-вторых, выпуск очередной партии облигаций государственного долга позволял немедленно мобилизовать средства, хранящиеся «в кубышках», и направить их в сферу производства. Поскольку темпы экономического роста резко увеличивались и масса прибыли росла, постольку через определенное, относительно небольшое время даже при сниженных ставках государство получало от налогов сумму большую, чем раньше. Это, в свою очередь, создавало дополнительный стимул для экономического роста. Что до государственного долга, то он рос абсолютно, однако по сравнению с увеличивавшимся национальным доходом его доля падала.

При вступлении Кеннеди в должность валовой национальный продукт составлял 500 миллиардов долларов, неустойчивый ежегодный рост национального продукта — 2,5 процента. В 1964 году валовой национальный продукт достиг 622 миллиардов долларов, то есть увеличился за его президентство на 25 процентов. Ежегодный прирост составил 5,6 процента.

Администрация Кеннеди была убеждена, что военная и экономическая мощь страны тесно связана с уровнем народного просвещения и высшего образования. С 60-х годов, собственно впервые за всю историю США, федеральное правительство стало оказывать серьезнейшее давление в пользу расширения и улучшения среднего и высшего образования. По самым консервативным оценкам, в трети всех программ Кеннеди по проблемам внутренней политики образование

занимало центральное место. Он помнил наизусть и постоянно приводил позорную статистику: только 6 из 10 школьников 5-го класса оканчивают среднюю школу, только 9 из 16 выпускников школы идут в колледжи. По опросам института общественного мнения, 71 процент американцев хотел, чтобы их дети получили высшее образование, но только 51 процент смог материально позволить себе это.

Ежегодно Кеннеди направлял конгрессу послания с предложениями улучшить постановку образования. «Наш прогресс как нации, — подчеркивал он, — не может обогнать прогресса образования. Наши важнейшие ресурсы — человеческий интеллект». Предложения президента представлялись чрезмерно новыми, отпугивали законодателей. С большим трудом в 1963 году удалось провести закон о высшем образовании, по которому в 5-летний период предусматривались ассигнования на большую сумму, чем за предшествовавшие сто лет, строительство 25—30 новых колледжей ежегодно, обеспечение учебными помещениями нескольких сот тысяч студентов, улучшение библиотек и т. д. Но в конгрессе неизменно вычеркивались предложения о государственном обеспечении стипендиями.

Коль скоро не удавалось провести в жизнь широкую федеральную систему материальной помощи студентам, президент шел на различного рода уловки и все же добивался своего. Средства начали притекать через специализированные программы, включенные в законодательство по разным экономическим вопросам. Кеннеди постоянно напоминал, что образование — не самоцель, а средство усиления Соединенных Штатов. Как он заявил в одной из речей перед студентами: «Я не стал бы заимствовать положение из конституции Бельгии 1893 года — человек с высшим образованием имеет три голоса, а не один, по крайней мере, пока в колледжах не будет обучаться побольше демократов... Но я настоятельно требую, чтобы вы применили свои таланты к решению великих проблем нашего времени» [44]. При этом он подчеркивал, что улучшение образования, — дело прежде всего федерального правительства, ибо масштабы затеянных реформ громадны. «Мы собираемся с 1960 по 1970 год удвоить количество студентов, поступающих в колледжи. Это значит, что нам нужно построить за 10 лет столько же зданий для колледжей, сколько мы соорудили за предшествующие 160 лет... Мы не можем поддержать нашу промышленную, военную, научную и социальную мощь, не имея хорошо образованных граждан. В этом отношении должно сыграть свою роль федеральное правительство». Расширять образование нужно, ибо «Советский Союз сосредоточил свои усилия на этом».

В начале 60-х годов борьба афроамериканцев за гражданские права достигла новых высот. «Сидячие» демонстрации, походы стали легальными средствами их протеста. Расисты,

в первую очередь в южных штатах, ответили террором. Вполне правомерно сравнение массового движения черных, развернувшегося к 1963 году, с другой массовой компанией — движением американских рабочих в 1937 году за создание производственных профсоюзов. Тогда Рузвельт бросил шекспировскую фразу: «Чума на ваши оба дома» (труда и капитала). В 1963 году президент Кеннеди счел необходимым поддержать ряд требований афроамериканцев. Возможно, поэтому негры понесли меньше потерь, чем в наступлении 1937 года американские рабочие.

В речи 12 июня 1963 года Кеннеди, пламенно призывая обеспечить равноправие негров во всех сферах жизни, объяснил, почему это необходимо: «Мы говорим миру и друг другу, что живем в свободной стране. Разве это означает, что страна свободна для всех, кроме негров? Что у нас нет второсортных граждан, кроме негров, что у нас нет классовой или кастовой системы, нет гетто, нет расы господ для всех, кроме негров?» Иными словами, президент также видел в обеспечении прав негров не самоцель, а рассматривал это как средство укрепления Соединенных Штатов. Не будет ли такая интерпретация искажением гуманных действий Дж. Кеннеди?

При его жизни в 1962 году увидела свет книга профессора-католика Ф. Ферниса «Коммунизм сегодня: теория и практика». Сама по себе ничем не примечательная, если не считать предисловия кардинала Спеллмена и четких формулировок: книга-пособие для студентов. В разделе «Позитивный антикоммунизм» сказано: «Здоровая экономика внутри страны важна для обеспечения военного и экономического ответа коммунистическому вызову, равно как для поддержания нашего морального духа и морального духа наших союзников. Расовая несправедливость является серьезным препятствием для наших успехов в холодной войне, ибо как в стране, так и за ее пределами она омрачает представление о нас как о стране, обеспечивающей индивидуальные свободы. Мы должны бдительно охранять наши гражданские права...» [45]. Здесь и лежат истоки заботы правительства США о неграх, здесь — первопричина усилий Вашингтона, направленных на ускорение темпов экономического роста, улучшение образования!

Однако не сразу и не вдруг Дж. Кеннеди выступил в поход за гражданские права негров, он сделал это только тогда, когда дальнейшее промедление стало невозможным. В предвыборную кампанию Дж. Кеннеди поносил администрацию Эйзенхауэра за то, что она не положила конец расовой дискриминации в строительстве на федеральные средства, для чего «достаточно росчерка пера президента». Очутившись в Белом доме, Кеннеди также не пошел на это. Участники движения за гражданские права пачками слали президенту ручки. Они напоминали. Президент медлил.

Черные, коллективно и индивидуально, стали брать судьбу движения в свои руки. В 1962 году негр Д. Мередит подал заявление о приеме в университет штата Миссисипи, в стенах которого с момента основания в 1848 году учились только белые студенты. Он получил решение федерального суда, признававшего законным его просьбу, и 20 сентября 1962 года в сопровождении судебных исполнителей явился к зданию университета в Оксфорде. У входа толпы студентов скандировали: «Славься, славься, сегрегация!» Губернатор штата Барнетт встретил Мередита у входа и не пустил его в здание. Расисты бросили вызов федеральным властям.

Р. Кеннеди, рубя с плеча, возбудил дело против Барнетта. Губернатору угрожал арест и штраф в 10 тысяч долларов. Президент созвал узкое совещание. Решили связаться по телефону с Барнеттом. Дж. Кеннеди шутливо возгласил, положив руку на трубку: «А теперь, господа, представляю вам губернатора Росса Барнетта». Роберт подхватил шутку: «Валяй, задай ему, Джонни-молодец!» Кеннеди рассмеялся, как бы репетируя предстоящий разговор: «Губернатор! Говорит президент США, не Бобби и не Тедди». Он взял трубку и серьезно попытался побудить Барнетта прекратить обструкцию. Губернатор увильнул от ответа.

Пока в Белом доме забавлялись, обстановка в Оксфорде накалилась. Громадная толпа расистов окружила университет. 500 судебных исполнителей попытались сдержать ее, пустив в дело слезоточивый газ, раздались выстрелы. Сотни людей были ранены, двое убиты. Кеннеди приказал ввести в действие федеральные войска, разогнавшие озверевших расистов. Мередит получил возможность год посещать занятия в сопровождении судебных исполнителей, и год около 500 солдат были расквартированы в университете. Федеральное правительство штыками открыло двери университета для студента-негра, губернатор не пострадал.

Последовали новые вспышки. В начале июня 1963 года в штате Миссисипи был убит негр М. Эверс, близкий друг Мередита. Президент пригласил семью покойного навестить его в Белом доме. 19 июня Кеннеди направил в конгресс законопроект о гражданских правах. Обычное промедление с принятием. В это время стремительно нарастала популярность лидера борьбы за гражданские права афроамериканцев Мартина Лютера Кинга. Директор ФБР Э. Гувер уже давно ввел в действие против Кинга программу «Коинтелпро», предназначенную для борьбы с иностранной «агентурой».

Воффорд, в то время помощник президента по гражданским правам, спустя примерно два десятилетия скорбно писал: «под сокращением «коинтелпро», по словам Гувера, крылись усилия «разоблачить, разрушить, направить в другие каналы, дискредитировать или иными методами нейтрализовать» Кинга и его организацию. «Нейтрализовать» — термин, который может означать в тайных операциях убий-

ство». В середине семидесятых расследованием комитетом сената под руководством Ф. Черча были показаны методы «коинтелпро», но, замечает Воффорд, «коль скоро возможности комитета были ограничены сведениями, представлявшимися самим ФБР, очевидно — была освещена лишь вершина айсберга «коинтелпро» против Кинга и едва ли когда-нибудь о ней будет полностью рассказано».

Тогда что спрашивать с президента в 1963 году! Он видел набухавший гнев черных, требовавших положить конец сегрегации в области гражданских прав. Дж. Кеннеди понимал, что иного не дано. А ФБР докладывало президенту: Кинг и его движение связаны с «коммунистами». Разумеется, президент мог бы призвать Э. Гувера к порядку, но вступить в конфликт с ФБР? Немыслимо! Дж. Кеннеди ограничился приглашением Кинга в Белый дом. Побеседовали о пустяках, а затем вывел гостя в сад и там быстро сказал: «Вы под очень тщательным наблюдением ФБР». Помолчал и добавил загадочно: «Если они пристрелят вас, то пристрелят и нас. Поэтому мы просим — будьте осторожны» [46]. По утверждению А. Шлезингера, Кинг придал должное значение тому, что президент объяснялся с ним в саду. «Полагаю, что Гувер подслушивал и его», — закончил Кинг [47].

Черный проповедник внял внушениям президента, потребовав от своих сторонников строжайшего соблюдения порядка. 28 августа 250 тысяч белых и черных приняли участие в походе на Вашингтон, требуя обеспечения гражданских прав. Во главе — М. Кинг. Президент принял руководителей похода и поздравил их. «Страна может гордиться», — заявил он. Законопроект начал трудное восхождение на Капитолийском холме. Он был одобрен в 1964 году.

Лидеры движения за гражданские права упрекали Кеннеди в том, что он не проявлял должной энергии. Он собрал их в Белом доме и объяснил: «Борьба очень серьезна. Вице-президент и я знаем, что будет означать наше поражение. Я видел результаты последнего опроса общественного мнения — процент одобряющих администрацию упал с 60 до 47». Другие подсчеты показали, что законопроект о гражданских правах восстановил против президента 4,5 миллиона белых избирателей, которые отдали ему голоса на выборах 1960 года.

Социолог С. Любелл провел выборочное обследование в одном избирательном округе Бирмингема, где в 1960 году Кеннеди имел подавляющее большинство. С тех пор Бирмингем был ареной яростных расовых беспорядков, подавленных с участием федеральных войск. С. Любелл обнаружил, что в округе остался лишь один сторонник Кеннеди. Типичные отзывы о президенте, записанные им: «Он пропихивает негров нам в глотку», «Если его переизберут, Америке конец!»

ОКТЯБРЬСКИЕ РАКЕТЫ

Летом 1962 года малоизвестный автор Барбара Такман опубликовала книгу «Августовские пушки» об августе 1914 года, когда мир был ввергнут в первую мировую войну. Полное трагизма и безысходности, профессионально написанное исследование завораживало читателей, и среди других президента США. Кеннеди прочел книгу и стал горячо рекламировать ее не только среди своих сотрудников, американских послов и генералов, но вручил экземпляр премьеру Англии Гарольду Макмиллану. Его поразил мастерский рассказ Б. Такман о том, как «затаившиеся «если», ошибки и обязательства первого месяца» повлекли за собой четырехлетнюю драму, потрясшую основы цивилизации.

Заканчивая книгу, Такман писала: «Люди не могли бы выдержать сокрушительной и мучительной войны без надежды, что сама ее чудовищность явится гарантией того, что такая война больше не повторится, надежды, что, когда ее как-то довоюют, будут заложены основы лучшего мира. Как мираж Парижа поддерживал солдат Клюка на марше, так и мираж лучшего мира мерцал за опустошенными снарядами полями и обрубками деревьев, когда-то бывших лесами. Ничто другое не могло придать достоинства или смысла чудовищным наступлениям, когда ради занятия десятка метров или обмена одной залитой водой траншеи на другую гибли тысячи и сотни тысяч людей... Когда наконец война закончилась, то основным из ее многих последствий было разочарование. «Все великие слова отныне ничего не значили для нашего поколения», — написал простую эпитафию Д. Х. Лоуренс, подводя итог для своих современников» [48].

Когда Джон Кеннеди читал, перечитывал и рекомендовал другим книгу, давно истлели павшие на полях первой мировой войны, ушло из жизни большинство женщин, оплакивавших их, но и новые поколения жили под дамокловым мечом новой войны. Обращаясь к событиям августа 1914 года, Кеннеди часто пересказывал диалог ушедшего тогда в отставку канцлера кайзеровской Германии фон Бюллова со своим преемником. «Как же все это случилось?» — допытывался первый, а второй отвечал: «Ах, если бы знать!» «Если эта планета, — продолжал Кеннеди, — будет когда-либо опустошена ядерной войной, если останутся выжившие в огне, радиоактивном отравлении, хаосе и катастрофе, то мне не хотелось бы, чтобы один из выживших спрашивал другого: «Как же все это случилось?» — и получал невероятный ответ: «Ах, если бы знать!» [49].

Теоретически Дж. Кеннеди таким образом отлично представлял проблему. А как с практикой, готов ли был он дойти до роковой, безвозвратной черты? Или, другими словами, усвоил ли он мораль любимой книги Барбары Такман «Августовские пушки»? Случай представился вскоре после того

как высокопоставленный читатель прочитал и оценил книгу. Осложнилась обстановка в бассейне Карибского моря.

Вашингтонские бешеные по мере роста военной мощи США рвались провести пробу сил. Им не давала покоя Республика Куба. ЦРУ готовило убийство Ф. Кастро, и президент не был в неведении о бесчисленных планах, составленных для этого. Этого мало. Еще в конце сентября 1962 года президент подписал совместную резолюцию конгресса: правительство США преисполнено решимости «воспрепятствовать любыми необходимыми средствами, включая применение оружия, марксистско-ленинскому режиму на Кубе распространять силой или угрозой силы свою агрессивную или подрывную деятельность на любую часть этого полушария». Остров жил в длинной тени угрозы американской вооруженной интервенции.

Во второй половине 1962 года Советский Союз и Куба пришли к соглашению разместить на острове средства обороны (в том числе ракетное оружие и бомбардировщики среднего радиуса действия). 14 октября американские самолеты У-2, совершавшие систематические облеты Кубы, сфотографировали строившиеся позиции для ракет. Около девяти часов утра 15 октября Банди отправился к президенту с увеличенными фотографиями позиций и докладом ЦРУ. Президент в халате, не прерывая завтрака, рассмотрел материалы.

Не отходя от стола, оба государственных мужа согласились, что ВВС США должны немедленно разбомбить позиции. Тут же ЦРУ подлило масла в огонь. «Мои эксперты по ракетам, — писал Р. Клин, тогда заместитель директора ЦРУ по разведке, — заверили меня, что мы видим громадное скопление ядерных ракет, удваивающее количество ядерных головок, которые СССР может обрушить на США». Перед Вашингтоном, заявил Клин, — «кризис» [50]. Запросили военных. В Пентагоне после фиаско в Заливе Свиней план вторжения на Кубу постоянно обновлялся. Генералы доложили, что обнаруженные объекты разбить можно, необходимо 500 боевых самолето-вылетов. Кеннеди осведомился: а могут ли быть использованы в ответ ракеты? Военные хладнокровно ответили: через несколько минут после налета еще до подавления объектов ракеты, разумеется, могут стартовать. Сообщение как-то погасило воинственный пыл президента.

В 11 часов утра в кабинете президента собрались высшие руководители нации. Открылось совещание, с небольшими перерывами шедшее до конца недели. Дж. Кеннеди настоял, чтобы обсуждение пошло без него. Группу, запявшуюся вплотную проблемой, назвали исполнительным комитетом совета национальной безопасности. «То было мудрое решение, — заметил Р. Кеннеди. — Люди меняются в присутствии президента, и даже обладающие сильным характером

делают рекомендации на основе того, что, как они предполагают, хочет услышать президент»[51]. Коль скоро Р. Кеннеди был родным братом президента и, следовательно, опасность деформации его взглядов была минимальной, он возглавил исполнительный комитет.

Обсуждались и взвешивались преимущества различных вариантов эскалации того, что сочли кризисом, — вторгнуться на Кубу; разбомбить ракетные позиции с воздуха; объявить блокаду острова; предъявить ультиматум СССР; никак не реагировать. Хотя президент с самого начала высказался против вторжения или бомбардировки с воздуха, начальники штабов получили указание собрать во Флориде силы, достаточные для проведения крупной десантной операции. В неделю там были сосредоточены 5 дивизий (включая 2 авиадесантные), части морской пехоты. На юго-восточных аэродромах США готовились к действию более 2 тысяч самолетов тактической авиации, почти 200 боевых кораблей крейсировали в Карибском море. Для вторжения подготавливались соединения, насчитывавшие в общей сложности 250 тысяч человек личного состава[52]. Все в обстановке глубочайшей секретности.

Лиц, занимавшихся планированием, строжайше предупредили: создавать видимость того, что в столице не происходит ничего чрезвычайного. Они по-прежнему появлялись на людях, по возможности придерживались расписания деловых встреч и заседаний. В Белый дом проникали с заднего хода, а чтобы служебные автомашины не скоплялись у резиденции президента, высокопоставленные чиновники группами приезжали в одной машине. Как-то из среднего по размерам автомобиля высыпал десяток сотрудников государственного департамента. Кеннеди подал пример, отправившись в политическое турне по стране — в ноябре предстояли очередные выборы в конгресс. Он выступал, как обычно, только в речи в Индианаполисе прорвалась непривычная нотка. Президент осудил «людей, назначающих себя генералами и адмиралами и желающих послать чужих сыновей воевать».

Жили как в тумане, в созданном собственными руками безумии. Вокруг Белого дома «скрытно» патрулировали полицейские машины. Сэлинджер ободрил избранных журналистов — в случае атомного удара они последуют за президентом в укрытие. Куда? Поползли тревожные слухи, что оперативные работники правительственных ведомств будут руководить страной из подземных убежищ. Откуда? Никто не имел представления. Как-то в Белом доме из-за неплотно прикрытой двери журналист подслушал обрывок зловещей фразы: «Убежище под землей, сверху несколько сот футов скалы, там места достаточно, есть кафетерий...».

Тем временем прозаседавшийся исполнительный комитет совета национальной безопасности погряз в спорах. Некоторые, в первую очередь Д. Ачесон, по-прежнему стояли за

вторжение и за пять дней заседаний комитета больше всего времени потратили, обсуждая этот вопрос. Р. Кеннеди и Р. Макнамара высказались за средний курс — ввести блокаду. Они предлагали попробовать, не исключая в последующем интервенции. Интеллигентный Э. Стивенсон представил обширнейший политический план: нейтрализация Кубы под наблюдением ООН, включая американскую базу в Гуантанамо, вывод американских ракет «Юпитер» из Турции и Греции, США дают гарантию, что они не будут проводить вторжения на Кубу. Противоречия резко обострились. «Я сам видел, — писал Т. Соренсен, — во время длинных дней и ночей кубинского кризиса, как сокрушающая физическая и умственная усталость могут извратить здравый смысл и реакцию обычно разумных людей» [53]. Кеннеди, внимательно следивший за ходом совещаний, наконец решился прекратить словопрения. Сославшись на сильную простуду, он прервал турне и 20 октября вернулся в столицу.

Последнее заседание. Председательствует президент. Военные за удар с воздуха и вторжение. Р. Кеннеди посылает брату записку: «Теперь я знаю, что чувствовал Тодзио, планируя Пёрл-Харбор». Через несколько дней он добавил — США не должны «создавать Пёрл-Харбор наоборот», Д. Ачесон надулся — «совершенно ложная и возмутительная аналогия» [54]. А на том заседании Дж. Кеннеди согласился в принципе с программой Стивенсона. Поставили вопрос на голосование: 11 — за блокаду, 6 — за удар с воздуха и вторжение. Президент скорбно заметил, что ясного решения не видно. Кто-то предложил, чтобы все участники совещания написали по меморандуму со своими рекомендациями. Кеннеди поморщился — не надо, если дело провалится, тогда некоторые задним числом будут утверждать, что вот их не послушали. Разошлись в глубоком унынии. Завтрашний день страшил.

Штабные планировщики определенно запугивали правительство. Комитет начальников штабов представил подсчет: залп ракет с Кубы приведет к гибели в несколько мгновений 20 миллионов американцев. Директор ЦРУ Дж. Макоун трагично нашептывал: боевые действия на Кубе окажутся делом очень трудным. «У них там чертовски много вооружения и снаряжения. А выкурить их с гор, как мы выяснили в Корее, будет дьявольски сложно». А на гражданских аэродромах в США смятение нарастало — соединения бомбардировочной стратегической авиации рассредоточивались. Гигантские машины Б-52 с полным грузом ядерных бомб на борту садились на взлетно-посадочные полосы для заправки и краткого отдыха экипажа и вновь поднимались в воздух [55].

На пять часов вечера 22 октября Кеннеди назначил встречу с лидерами конгресса. Их собирали в страшной спешке. Некоторые прилетали из отдаленных районов страны в военных самолетах, одного конгрессмена буквально выудили

из воды — он с лодки ловил рыбу в Мексиканском заливе, когда над ним загрохотал вертолет, сбросивший веревочную лестницу. Правительство стремилось произвести сильное впечатление решительно на всех. Но, напутствуя Шлезингера, отправлявшегося в Нью-Йорк в ООН, Р. Кеннеди от имени президента предупредил: «Мы пойдем на сделку в конце концов, однако теперь мы должны быть абсолютно тверды. Уступки последуют не в начале, а в конце переговоров». И тут же отдал распоряжение госдепартаменту: подготовить срочную программу введения «гражданской администрации» на Кубе после ее оккупации.

Лидерам конгресса он сообщил о намерении ввести блокаду. Последовало шумное несогласие. Сенатор Рассел пронзительно требовал вторжения. Его неожиданно поддержал сенатор Фулбрайт, который в апреле 1961 года был против авантюры в Заливе Свиней. Президент молча слушал. Когда за воинственными законодателями закрылась дверь, он саркастически заметил: «Беда в том, что стоит собрать группу сенаторов, как среди них доминирует предлагающий самую смелую твердую линию. Так и случилось сейчас. Стоит поговорить с ними порознь, как выяснится, что они разумны». Он тут же разрядил атмосферу, обратившись к группе оставшихся доверенных советников: мир следует сохранить, ибо, «надеюсь, вы понимаете, что для всех не хватит места в убежище Белого дома» [56].

В 7 вечера 22 октября Кеннеди выступил по телевидению. Резкая речь изобиловала нападками на Советский Союз. Он заявил, что США введут блокаду Кубы, созывают консультативный совет ОАГ для обсуждения вопроса об «угрозе» Западному полушарию. На следующий день ОАГ вынесла резолюцию: поддержать индивидуально или коллективно блокаду.

23 октября Кеннеди с большой помпой подписал прокламацию о введении с 10 часов утра 24 октября военно-морской блокады Кубы. Он был бледен, серьезен, сдержан, внешне владел собой. Только президент почему-то трижды переспросил стоявшего поблизости техника-осветителя, какое число. Нервы, вероятно, отказывали. От Черного до Карибского моря американские разведывательные самолеты стали следить за курсом советских судов, направлявшихся к Кубе.

Военщина сделала поспешные выводы, решив, что правительство готово на все. Из штаба ВВС США курьер привез разведывательные снимки кубинских аэродромов: самолеты стояли крыло к крылу. Генералы соблазняли президента — считанные бомбы выведут из строя кубинскую авиацию. Президент распорядился провести аэрофотосъемку американских аэродромов. Аналогичная картина. Кеннеди отправил фото в Пентагон, мстительно приписав приказ рассредоточить самолеты. В ООН Э. Стивенсон закатывал глаза в бла-

гочестивом негодовании. В Англии Бертран Рассел, уже давно обнаруживший, что Кеннеди «куда хуже Гитлера», телеграфировал президенту: «Ваши действия отчаянны, им нет никакого оправдания, мы не должны впасть в массовое убийство. Прекратите безумие!» В Париже де Голль заявил посланцу президента Д. Ачесону: «В случае войны я — с вами. Но войны не будет».

Но далеко не все в тот момент разделяли оптимизм де Голля. Здравый смысл восторжествовал только в конечном счете, когда в Вашингтоне окончательно убедились, что перед лицом спокойной и твердой позиции СССР обращение к вооруженной мощи — самоубийство. Кеннеди заявил, что, если с Кубы будет вывезено «наступательное оружие» (ракеты и бомбардировщики), США не пойдут сами и не допустят совершения страной, входящей в ОАГ, вооруженной интервенции против Кубы. СССР в ответ заявил о готовности вывезти эти виды вооружения с Кубы. В результате советско-американских переговоров во второй половине октября были достигнуты соответствующие соглашения. США получили возможность визуально наблюдать за вывозом с Кубы ракет и бомбардировщиков. С острова была снята блокада. Человечество, вплотную подведенное Соединенными Штатами к грани термоядерной войны, вздохнуло с облегчением.

Кеннеди заметил: «На этой неделе я, кажется, отработал свою заработную плату». Вашингтонские экстремисты, однако, остались крайне недовольными. Президенту, разумеется не публично, пришлось мучительно долго объясняться. Он открылся Шлезингеру: «Республиканцы будут нападать на нас за то, что мы, имея возможность разделаться с Кастро, вместо этого дали ему гарантию против вторжения. Я попросил Макнамару дать мне примерный подсчет потерь в случае вторжения (оказалось 40—50 тысяч человек)... Происшедший эпизод показал ценность морской и воздушной мощи, вторжение было бы ошибкой, неверным использованием нашей мощи. Однако военные рассвирепели. Им так хотелось вторжения».

Брату пришлось хуже — Р. Кеннеди непосредственно объяснялся с военными. «Один из членов комитета начальников штабов, — вспоминал он, — как-то заметил мне, что он считает необходимым пойти на превентивную войну против Советского Союза. В то памятное воскресное утро, когда русские сообщили, что они вывезут свои ракеты, некий высокопоставленный военный советник заявил мне, что нам нужно в любом случае напасть (на Кубу) в понедельник. Другой считал, что нас каким-то образом предали. Президент Кеннеди был крайне озабочен обнаружившейся неспособностью выйти из ограниченных рамок военной сферы».

Заканчивая в 1967 году книгу о карибском кризисе, Роберт Кеннеди вспомнил, что говорил Джон Кеннеди: «Я не собираюсь следовать курсу, который позволит написать кни-

гу, подобную Б. Такман, на этот раз под названием «Октябрьские ракеты». Это он сказал мне в ту субботнюю ночь 26 октября...» [57].

В начале декабря Дж. Кеннеди указал своим советникам: «Если бы мы вторглись на Кубу... я убежден, что Советский Союз так же стал бы действовать. Он должен был бы сделать это, как поступили бы и мы на его месте. На мой взгляд, у любой великой державы побудительные поводы к действию аналогичны». Официальным лицам Кеннеди запретил проявлять любое ликование по поводу исхода кризиса. В канун Нового, 1963 года он делился мыслями с газетчиками в Палм Бич: «Если мы или они потерпим серьезное поражение, есть вероятность изменения баланса сил... что, возможно, увеличит шансы на возникновение войны». Несколько позднее Кеннеди уточнил: «Каждое поражение несет в себе семена возмездия, если речь идет о достаточно сильном государстве».

Спустя четверть столетия, в марте 1987 года в отеле во Флориде собрались постаревшие деятели администрации Дж. Кеннеди обсудить с современной перспективы кризис в бассейне Карибского моря в октябре 1962 года. Они провели четырехчасовое совещание с историками — 70-летний Р. Макнамара, 77-летний Д. Диллон, 58-летний Т. Соренсен, 69-летний А. Шлезингер, 77-летний Дж. Болл. Участники порассуждали о том, что тогда проблему малообоснованно свели к военной, что чуть не бросило мир в пропасть ядерного всесожжения.

В самом деле, объявил Р. Макнамара, «моя память, может быть, и плоха, но у нас в то время было 5 тысяч ядерных боеголовок... могло ли изменить военное соотношение сил размещение 40 пусковых установок на Кубе? Я не верил в это тогда и не верю ныне... Проблема заключалась не в изменении стратегического баланса». Выяснилось, по словам политолога Р. Гартлоффа, ЦРУ «никогда не подтверждало наличие на Кубе ядерных боеголовок». Да, согласился Макнамара, «Белый дом не имел бесспорных доказательств, что они там были, но нам нужно было быть осмотрительными и действовать так, как будто они были размещены» [58].

На совещании огласили письмо Д. Раска, который спустя двадцать пять лет открыл тайну — оказалось, что президент Дж. Кеннеди в случае отказа СССР вывезти ракеты с Кубы был готов еще на один шаг — предложить через генерального секретаря ООН У. Тана сделать это в обмен на вывоз американских ракет «Юпитер» из Турции. Практическая ценность предложения была ничтожна, в любом случае устаревшие ракеты должны были быть сняты с позиций в Турции. «Но эту уступку не пришлось сделать, к удивлению президента Дж. Кеннеди, Н. С. Хрущев согласился с американскими предложениями» [59].

На совещании всплыли некоторые детали, подтвердившие

подстрекательскую роль военщины. Командование стратегической авиации США отдало приказ о приведении всех частей в боевую готовность по радио открытым текстом. Участники просмотрели видеозапись выступления М. Тейлора (сделанную четыре года назад, когда ему был 81 год). Генерал подтвердил, что стоял за военное решение и т. д. Все это детали, принципиальное значение имело напоминание Т. Соренсена: Дж. Кеннеди опасался, как бы не сделали неверных выводов из уроков кризиса и не пришли бы к заключению — «нужно быть твердыми с русскими, и они отступят».

Тогда понятно, почему в дискуссии стариков, описанной с пониманием дела политологом А. Лукасом, «что-то происходило, был подтекст, какой-то танец под самой поверхностью. Частично обсуждение, эхо тайных дебатов во время самого ракетного кризиса — является ли советский вызов преимущественно военным или политическим» [60]. В этом же ключе прошло обсуждение теми же людьми в октябре 1987 года кризиса в бассейне Карибского моря в Гарвардском университете.

Спустя четверть века пробивается наконец реалистическое понимание мотивов политики Дж. Кеннеди после фиаско военщины в октябре 1962 года.

РЕЧЬ В АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Летом 1963 года президент Дж Кеннеди посетил Ирландию — продолжение сентиментального путешествия конгрессмена Кеннеди в 1947 году по «Зеленому острову». Он много говорил с ирландцами о пустяках. Но должность обязываст, важна и официальная сторона поездки. Речь шла не об американо-ирландских отношениях, а о проблеме — США и остальной мир. Президент был первым иностранцем, выступившим перед ирландским парламентом, и сказал он о делах, далеко выходивших за пределы острова. Памятуя о недавнем прошлом, Кеннеди попытался бросить взор в будущее. «Хотя пропасти и препятствия разделят нас, — внушал президент, имея в виду большой мир, — мы должны помнить, что нет вечных врагов. Да, враждебность существует, но она не незыблемый закон. Высшая истина наших дней — наша неразделимость как детей бога и наша общая уязвимость на нашей планете».

Возвышенная риторика, продемонстрированная в ирландском парламенте, выросла из очень земной реальности. В 1963 году Кеннеди получил новые доказательства справедливости уже сложившегося у него убеждения — биполярному миру пришел конец. Американская политика должна учитывать множество независимых государств. Это привело бы в отчаяние ригориста Джона Ф. Даллеса, но ободряло

реалиста Кеннеди: неизмеримо выросли возможности выбора для Соединенных Штатов, дипломатия возвращалась на принадлежавшее ей по праву достойное место, хотя основополагающий контекст международных отношений — «равновесие страха» — не изменился.

Летом 1963 года Кеннеди предпринял большую поездку по странам Западной Европы. Президент инструктировал помощников, готовивших для него речи: «Следует должным образом признавать тот факт, что Европа считает себя «большим парнем» — европейцы сыты по горло тем, что они рассматривают как американскую привычку выносить односторонние решения о направлении европейской политики и навязывать их, не считаясь с мнением Европы» [61]. Так он и выступал в европейских городах.

Разумеется, президент подтвердил верность старым догмам. Во Франкфурте он возвестил: «Соединенные Штаты готовы рискнуть своими городами, чтобы защитить ваши, ибо ваша свобода нужна для защиты нашей». В подобных ремарках было мало смысла, оратор нисколько не верил в мифическую советскую угрозу. В узком кругу перед поездкой за океан он заметил: вся громадная военная подготовка в Западной Европе, включая американскую, ведется в предвидении нападения СССР, что «совершенно невероятно». Спаак у в мае 1963 года Кеннеди говорил: «Все дискуссии об атомных силах в Европе, в сущности, абсолютно бессмысленны, потому что положение Берлина прочно и Европа в целом хорошо защищена».

Убеждение в этом, а не подновление истершихся клише, отражает суть политики Кеннеди в последние месяцы его президентства. Да, во время поездки по Европе Кеннеди сполна и даже с процентами отдал дань «холодной войне». В Западном Берлине он довел реваншистскую аудиторию до исступления, яростно браня коммунизм, и, даже забыв, что он сын Массачусетса, воскликнул: «Я — берлинец!» Оратор почувствовал неловкость, увидев бурную реакцию слушателей. Но эти выступления необходимо рассматривать в общем контексте политики Кеннеди. И не были ли они искусным маневром, чтобы скрыть направление пробного шара, запущенного президентом накануне выезда в Европу?

Экстремистская западноевропейская голытьба отбила ладони, аплодируя Кеннеди. Просвещенная часть публики проектировала услышанное на его речь, произнесенную незадолго до поездки в Американском университете 10 июня 1963 года. Чрезмерно искушенные усматривали в различии содержания речей в Америке и Европе некий творческий замысел — оратор стремился дать сбалансированное изображение мира, как он виделся ему. Политически грамотные шли дальше: через завесу словесного заградительного огня, поставленную президентом в Европе, они пытались разгля-

деть происходившее на его командном пункте, расценивая речь 10 июня как сознательное открытие карт.

«Речь мира», как ее именовали в окружении президента, готовилась долго — с весны 1963 года. Собирались идеи, писался и переписывался текст. Потом, много спустя, выяснилось — написание ее поручили тем, кто был связан с ЦРУ, расправившим крылья после кризиса в Карибском море.

6 июня Кеннеди посетил учения флота, он был на борту чудовищно громадного авианосца «Киттихаук». Днем двухчасовые стрельбы ракет. Спустилась ночь, учения продолжались — президенту демонстрировали ночной взлет и посадку палубных реактивных истребителей. Фантастическая картина открывалась с затемненного мостика, где в кресле сидел президент. Оглушающий рев двигателей, мерцание приборов на мостике, малопонятные команды. Адмиралы показывали президенту товар лицом — слаженный военный механизм. Съежившийся в кресле-качалке президент — во мраке с трудом можно было различить, что он в штатском, — казался совсем лишним на празднике техники войны. Над Кеннеди навис взволнованно-торжественный адмирал, дававший бесконечные пояснения.

Случайно пробравшийся на мостик корреспондент ББС Алистер Кук, видевший много раз президента, запомнил его лучше всего именно в эту зловещую ночь: «Он мало говорил, просто смотрел на взлетающие самолеты. Он не расспрашивал о происходившем, что так не походило на него, обычно пытливого человека. Адмирал, нагнувшись над креслом, все объяснял и объяснял. Неожиданно президент тихо, с бесконечной усталостью сказал: «Адмирал, извините, больше не могу». Он схватился за ручки кресла и, корчась, неловкими движениями начал подниматься. Это продолжалось не менее минуты, а затем двое офицеров провели его в каюту. Снова спина. Всегда было трудно определить выражение его глаз — юмор или страдание» [62].

С учений флота президент вылетел на Гавайские острова. В дороге туда и обратно доработал «речь мира». Только за день до ее произнесения он разрешил показать текст руководству государственного департамента и министерства обороны.

Собравшиеся 10 июня 1963 года в Американском университете были поражены с первых слов президента. В своей речи он предложил «рассмотреть наше отношение к миру. Слишком многие среди нас считают, что мир невозможен. Очень многие думают, что он недостижим. Однако это опасное, пораженческое убеждение... Я говорю о мире потому, что у войны новое лицо. Тотальная война не имеет никакого смысла в век, когда великие державы могут держать большие и сравнительно неуязвимые ядерные силы и отказываться сдаваться без применения их. Она не имеет никакого смысла в век, когда одна ядерная бомба имеет взрывную силу

почти в десять раз больше той, которая была использована всеми союзническими военно-воздушными силами во второй мировой войне. Она не имеет смысла в век, когда смертельные яды, выделенные в результате взаимного применения ядерного оружия, с помощью ветра, воды, почвы и семян перенесутся в самые отдаленные уголки земного шара и к еще не родившимся поколениям».

Нарисовав устрашающую и точную картину последствий всеобщей термоядерной войны, Кеннеди призвал «обеспечить мир не только в наше время, по навсегда». Говоря о том, что сохранение мира зависит от обеих сторон, он указал: «Я считаю, что мы также должны пересмотреть нашу позицию, каждый человек и нация в целом, ибо наша позиция столь же существенна для достижения этой цели, как и их позиция».

Второй тезис, выдвинутый в речи: «Давайте пересмотрим нашу позицию в отношении Советского Союза... Нам, американцам, глубоко отвратителен коммунизм... Но тем не менее мы приветствуем многие достижения русского народа — в науке и космосе, в экономическом и промышленном развитии, в культуре и отдаем должное его мужеству. Среди многих общих черт народов наших двух стран самая выдающаяся — взаимное отвращение к войне! Среди великих держав наши страны занимают уникальное положение: мы никогда не воевали друг с другом. И ни одно государство в истории битв никогда не пострадало больше от войны, чем Советский Союз во вторую мировую войну. Погибло по крайней мере 20 миллионов человек. Достояние многих миллионов семей сожжено или разграблено. Треть территории страны, включая две трети ее промышленной базы, была превращена в пустыню, то есть, если сравнить с США, это эквивалентно тому, как если бы разрушить часть нашей страны к востоку от Чикаго».

Будущая война, независимо от того, как она разразится, «будет направлена прежде всего против США и СССР. По иронии судьбы, но совершенно бесспорно, две сильнейшие державы мира подвергаются самой большой опасности. Все, что мы построили, все, над чем мы работали, будет разрушено в первые 24 часа». Пока, настаивал Кеннеди, отношения между двумя величайшими державами современности развиваются «по зловещему и опасному циклу, подозрения одной стороны питают подозрения другой стороны, а новые виды вооружения вызывают к жизни контрвооружения»...

Печальный рассказ президента студентам Американского университета и остальному человечеству считают его политическим завещанием. Р. Кеннеди, например, в предисловии к мемориальному сборнику, посвященному речи 10 июня 1963 года, добавляет «личное» замечание: «В течение первых двух с половиной лет своего президентства президент Кеннеди считал величайшей неудачей, что мы не достигли пи-

какого конкретного соглашения с Советским Союзом в сторону уменьшения международной напряженности». По мнению Р. Кеннеди, выступление в Американском университете и последовавшее заключение договора о запрещении испытаний атомного оружия в трех средах были «первым шагом» к смягчению напряженности [63]. Из речи можно сделать и другие далеко идущие выводы, особенно если иметь в виду последовавшую вскоре за ней трагическую смерть оратора. А если представить вещи в должной перспективе, не внося привходящие моменты? К чему звал и чего ожидал президент?

Он подчеркнул: «Следует помнить, что мы не занимаемся спором, пытаясь нагромоздить спорные истины. Мы не должны распределять бремя ответственности, тыкая указующим перстом». Цель должна состоять «прежде всего в том, чтобы, защищая собственные важнейшие интересы, ядерные державы избегали таких столкновений, когда противник стоит перед выбором: унизительное отступление и ядерная война». Для этого нужно «расширение взаимопонимания между СССР и нами... не рассматривать другую сторону в извращенном и безнадежном виде, не считать конфликт неизбежным, а каналы связи только средством обмена угрозами». Короче говоря: «Вовсе не требуется, чтобы соседи любили друг друга, требуется только, чтобы они были взаимно терпимы». История учит, что вражда между государствами не вечна, «с течением времени и событий часто происходят удивительные изменения в отношениях между ними».

В очень уместной аудитории — перед учащейся молодежью президент подтвердил, что Соединенные Штаты свободны в проведении своей политики. Они готовы, следовательно, составить такие политические комбинации, которые будут соответствовать видам Вашингтона, и не рассматривают узкие рамки «холодной войны» как канал с односторонним движением. Эта философия с трудом доходила до общественности. За неделю после речи в Американском университете Белый дом получил 50 тысяч писем, почти до 30 тысяч были посвящены новым тарифам, вводимым в США. О речи упоминалось примерно в 900 письмах, почти без исключения хвалебных. Президент был раздосадован политической пассивностью.

Летом 1963 года завершились переговоры представителей СССР, США и Англии о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах — в воздухе, на земле и под водой. Договор был подписан в Москве 5 августа 1963 года. Кеннеди считал его многообещающим началом и выразил готовность ради ратификации договора пожертвовать шансами на избрание президентом в 1964 году. Тяжкой борьбы не потребовалось: 24 сентября сенат 80 голосами против 19 ратифицировал договор. Страна согласилась с оценкой президента: договор — «шаг в сторону разума». К моменту вступления

его в силу — 10 октября 1963 года под ним поставили подписи более 100 государств. 17 октября представители СССР и США голосовали за единодушно принятое Генеральной Ассамблеей ООН решение о запрещении вывода на орбиту объектов с ядерным оружием на борту.

В октябре 1963 года Дж. Кеннеди санкционировал продажу крупной партии зерна Советскому Союзу, Л. Джонсон объявил, что продажа пшеницы Советскому Союзу — «самая крупная ошибка во внешней политике за все время пребывания нынешнего правительства у власти». Кеннеди сказал другое: «Это новый обнадеживающий признак, что более мирный мир не только возможен, но и выгоден всем нам» [64].

О ГЕНЕЗИСЕ КЕННЕДИЗМА

Любил он, Джон Ф. Кеннеди, рассудительно поговорить о мире на трибуне и в доверительных беседах. Как-то в 1963 году президент США в ходе тридцатиминутной аудиенции таинственному визитеру, помимо прочего, сказал: «Хочу заверить вас, из того, что мне известно об обстановке в Советском Союзе, я более чем знаю о сделанном вами для дела мира во всем мире не только ради Запада, но и ради вашего народа. Если бы было возможно рассказать каждому о ваших усилиях, ваше имя прозвучало бы на весь мир. Вы прекрасно знаете, что мы не желаем зла русскому народу, мы печемся только о мире на земле» [65]. Посему человек, к которому прочувственно обращался президент, получил чин полковника сразу двух армий — американской и английской, поочередно облачился в оба мундира, сфотографировался в них и увез фотографии с собой в Москву, где хранил в тайнике.

Очень скоро мир узнал имя собеседника Дж. Кеннеди — в Москве был расстрелян по приговору суда шпион спецслужб США и Англии Пеньковский. Он передавал им секретные сведения, а во время пребывания в командировке в Англии был представлен американскому президенту в Белом доме. Операция заняла 18 часов — тайный перелет из Лондона в Вашингтон и обратно.

То не было проявлением внимания Дж. Кеннеди исключительно к этому шпиону. Сразу после вступления в должность он поразил руководство ЦРУ просьбой показать ему американского «Джеймса Бонда», умеющего убивать. Любопытство президента удовлетворили с лихвой, он уважительно побеседовал с головорезом, поразившим его «мягкими и уважительными манерами» и массивной золотой цепью на жилете [66].

Руководители ЦРУ вызывали давно глубочайшее почтение Дж. Кеннеди, особенно глава тайных операций ведом-

ства, кем в начале его президентства был Р. Биссел. Мультимиллионер, дерзкий и нередко безответственный деятель, Биссел бесспорно принадлежал к американской элите. Пожалуй, даже входил в ее узкую правящую группу. Прекрасно знавший Дж. Кеннеди Г. Воффорд заметил:

«ЦРУ по просьбе Кеннеди как-то прислало ему на показ в Белый дом агента типа 007, носящего оружие и пьющего мартини авантюриста. Биссел не носил оружия, однако смело применял куда более изощренные средства уничтожения, находился в центре самых опасных авантюр правительства. Биссел больше походил на литературного героя, воображаемого, а не живого, погрязшего в заговорах куда более важных, чем рожденные фантазией любого Джеймса Бонда.

В свой лучший час глава тайных операций ЦРУ походил на Великого инквизитора, созданного воображением Ивана Карамазова. Он стоял во главе тайного ордена, готового заплатить любую цену, вынести любое бремя, преодолеть любые трудности, использовать любую силу, совершить любое преступление ради обеспечения интересов Соединенных Штатов или спасения человечества от коммунизма. Его разведывательные спутники вертелись вокруг земного шара, фиксируя все, что движется, его агенты работали на всех континентах, поддерживая друзей Америки и выступая против ее врагов. Как Испанский инквизитор он вооружился мечом Цезаря, прибегал к лжи и обману, сеял смерть и разрушения, чтобы достичь целей, которые он считал законными. И он бросал вызов моралистам судить его, ибо сам примкнул к тем, кого Достоевский именовал «умными людьми».

Воффорд который раз продемонстрировал, что гуманитарное образование в США скользит по поверхности. Ф. М. Достоевский вложил в уста Смердякова слова об «умной нации» совершенно в ином смысле, чем написано у Воффорда. Но пусть так, пусть по крайней мере в заокеанской республике узнают и таким путем о Ф. М. Достоевском. Главное он передал — провел аналогию между руководителем американских тайных операций и деяниями Великого инквизитора.

Когда честолюбивые замыслы ЦРУ пошли ко дну в Заливе Свиней, Дж. Кеннеди без труда сообразил, что на замечательном посту не тот человек. «После этого разгрома, — сообщает Воффорд, — президент решил, что Биссел должен уйти, но провел акцию вежливо и уважительно. Он объяснил Бисселу: «Если бы речь шла о британском правительстве, в отставку шел бы я, а вы, высокий государственный служащий, остались бы. У нас не так. В нашей системе правления уйти должны вы с Алленом (Даллесом), а должен остаться я». На публичной церемонии Кеннеди вручил Бисселу высшую гражданскую награду страны — медаль свободы» [67]. И так реорганизовал ЦРУ, что практически заре-

зервировал за собой прерогативы описанного Великого инквизитора.

Английский историограф ЦРУ Дж. Ранели благодушно отозвался в 1986 году о Дж. Кеннеди: «Императив президентства Кеннеди — энергичные, решительные действия... в большей степени объяснялись тем, что он оказался в положении маленького мальчика в кондитерском магазине, не знающего, что делать, когда ему сказали, что он владелец магазина. Раньше отец или богатство и связи семьи давали возможность Кеннеди выпутаться из трудностей» [68]. Теперь Дж Кеннеди, президент, положился на себя, опираясь на дарованные ему расплывчатой американской конституцией права, далеко уйдя за их границы. Д. Халберштам, признанный в США одним из самых авторитетных знатоков президентства Дж. Кеннеди, уместно заметил: «Он был, несмотря на все свои преимущества, все равно очень голоден, хотя располагал всеми дарами богача... Отсутствие голода, возможно, было той трудностью, с которой сталкивались члены семьи Кеннеди позднее, но в начале 60-х голод терзал его» [69]. Голод по власти, ее самым темным проявлениям, что олицетворяет ЦРУ.

Директор ЦРУ, назначенный Дж. Кеннеди, Дж. Макоун, миллионер, сколотивший состояние в годы второй мировой войны в судостроительной и авиастроительной промышленности, 16 января 1962 года получил директиву президента, уравнявшую его в правительственной иерархии с государственным секретарем и министром обороны, определив место Макоуна «как главного деятеля правительства, отвечающего за разведку» [70]. Дж. Кеннеди очень скоро признал заслуги ЦРУ именно в этой области. «Главный фактор восстановления престижа ЦРУ и активного участия ведомства в политике, — заметил один из его руководителей, Р. Клин, — были заслуги, которые оно оказало во время кубинского кризиса 1962 года» [71].

А оперативную сторону руководства подрывными акциями взял на себя Джон Ф. Кеннеди, действуя в основном через брата. Как заметил Дж. Ранели: «Президент Кеннеди перенес планирование и контроль над тайными операциями в Белый дом, Макоуну оставалось надзирать за сбором информации и анализом... Это изменение (по сравнению с временами А. Даллеса. — *Н. Я.*) явилось также результатом растущего признания того, что тайные операции больше не являются чем-то необыкновенным или исключительным, они обычны во внешней политике США и требуют контроля на самом высшем уровне». А получилось из всего этого то, что в рамках операции «Мангуст» — убийства Ф. Кастро — было рассмотрено «тридцать три различных плана сделать «что-то» в отношении Кастро, включая шпионаж, использование вооруженной силы, сгубить с помощью биологических и химических средств посевы сахарного тростника на Кубе» [72].

Операция «Мангуст» была детищем Дж. Кеннеди, а оперативное планирование в ее рамках крепко держал Р. Кеннеди. Разумеется, с годами и десятилетиями участники диких затей постарались подзабыть о том, что они делали в то время. Очень сведущий автор Т. Пауэрс в хвалебной биографии одного из директоров ЦРУ Р. Хелмса с большей долей иронии отозвался о распропагандированных потугах на Капитолийском холме раскопать истину в середине семидесятых: «Можно ли сомневаться в реакции людей Кеннеди и, вероятно, самого сенатского комитета по разведке, если бы какой-нибудь чиновник ЦРУ рискнул без ссылок на документы заявить — кто, по вашему мнению, отдал приказ об убийстве Кастро, рассыльный? Приказ отдали Джон Ф. Кеннеди и его брат Бобби. Если бы впоследствии об этом заявил Хелмс (на мой взгляд, у него были все основания для этого), он бы оказался мишенью не только для самых ядовитых комментариев, но с этого дня был бы навсегда осужден съедать свой ленч в одиночестве» [73].

Да, следы, запутанные уже «людьми Кеннеди», со временем присыпал песок времени. Но если оказалось в конечном счете невозможным навсегда скрыть душевную склонность братьев Кеннеди к организации политических убийств (то, что они не преуспели в описанном случае, вопрос другой), то никакой слой песка забвения не в состоянии сгладить жесткие контуры их грандиозного замысла — мобилизовав все ресурсы США, раздавить Советский Союз под бременем гонки вооружений, тем самым сорвать наши планы экономического и социального строительства, обнародование которых на рубеже пятидесятых и шестидесятых годов повергло в смятение и панику Вашингтон. Два профессора университета штата Миссури Дж. Кларфилд и У. Вицек, вернувшись в середине восьмидесятых к свершениям администрации Дж. Кеннеди, рассудили: «Кеннеди унаследовал 5 тысяч самолетов, способных нести ядерные бомбы, и приблизительно 1100 ракет, либо уже размещенных, либо находившихся в процессе строительства. Несмотря на то, что президент Эйзенхауэр оставил США достаточно обеспеченными стратегическими вооружениями, администрация Кеннеди — Макнамары более чем удвоила количество ракет «Минитмэн» и увеличило число подводных лодок, несших ракеты «Поларис» с 19 до 41. Основной результат этого — драматическая эскалация гонки ядерных вооружений.

Кажущееся бесцельным наращивание сил объясняют, указывая на важность риторики избирательных кампаний для принятия решений. Согласно этой точке зрения, молодого президента привели к власти его утверждения, что политика Эйзенхауэра поставила под угрозу национальную безопасность. Он особо подчеркивал необходимость ликвидировать ракетное отставание. Он не мог дезавуировать эти заявления сразу после выборов». Профессора пространно и со знанием

дела показали, что риторика избирательных кампаний в США не имеет решительно никакого отношения к последующей практической политике, а посему «коль скоро политическая риторика не объясняет решение Кеннеди расширить ракетные силы США, тогда, по-видимому, большую роль сыграли экономические соображения... Белый дом увидел в увеличении расходов на ракеты часть своего замысла увеличить федеральный бюджет и тем самым оживить экономику. Это, однако, никак не доказывает, что Кеннеди, приказав провести это расширение, руководствовался экономическими соображениями. Значительно вероятнее, что играли решающую роль сначала стратегические, а затем политические причины: руководители правительства считали экономическое воздействие программы желанным тонусом, важным и нужным побочным эффектом» [74].

Вот и профессора затрудняются, никак не могут схватить и точно определить цели администрации Дж. Кеннеди. В любом случае никак не сообразят, как «вписать» бешеную гонку вооружений в рациональную политику. Это, разумеется, невозможно. Один из заместителей министра обороны США заметил главному советнику по науке аналогичного министерства в Англии З. Цукерману об усилиях администрации Дж. Кеннеди в области ядерных вооружений: «Разве вы не понимаете, что мы собираемся сделать? Сначала нам нужно достаточно «мипитмэнов» для уничтожения всех городов России. Потом нам потребны ракеты «Поларис», чтобы взорвать все фундаменты в них на глубину до 10 футов. Затем, когда во всей России воцарится молчание и не останется противовоздушной обороны, нам нужны тучи самолетов, которые сбросят достаточно бомб, которые перевернут всю территорию России па глубину до 40 футов с тем, чтобы предотвратить колонизацию страны марсианами. А на радиацию наплевать» [75].

Американец, разумеется, сардонически объяснил английскому лорду цели строительства, ракетно-ядерных сил при Дж. Кеннеди. Заложенная в них идея — «сверхубийства», причем остаточная радиация погубила бы и США, начисто подрывала самую мысль о войне. Тогда в чем резон безумной гонки вооружений, затеянной Дж. Кеннеди? Принудить нашу страну дать симметричный ответ и в этой области, пустив по ветру планы созидательного строительства. Больше того, разорив нас дотла.

Тем решался и щекотливый вопрос о том, какая система способна на самые высокие темпы экономического роста. При ретроспективном взгляде выглядит все это очень неважно уже по моральным соображениям, но, объясняет американский биограф того президентства Г. Пармет, в том, «что не удалось заставить Кеннеди сделать Гелбрейту, совету экономических советников при президенте и другим либеральным экономистам, с блеском преуспел Хрущев. Советское

поведение явилось катализатором громадных военных расходов, ежегодного увеличения их, что в конечном итоге поставило рекорды экономического роста в мирное время» [76].

Так Дж. Кеннеди и К° решили проблему экономического соревнования двух систем. На свой лад и своими методами они тогда сочли себя в выигрыше.

КЕМ ОН БЫЛ КАК ЧЕЛОВЕК?

Джон Ф. Кеннеди к исходу тысячи дней, отведенных ему судьбой на занятие президентского кресла и трибуны, стал популярен в Америке. Появились сильные признаки почитания и всей семьи «замечательных Кеннеди». Ядовитый английский журналист М. Магеридж в либеральствующем лондонском еженедельнике «Нью стейтсмен» с большой долей иронии сравнил американского президента с британским королем. Он писал о возникновении понятия «кеннедизм», которое, «вероятно, станет еще сильнее. Возникает что-то похожее на народную монархию... Читаешь: вся Америка жаждет услышать, что Джеки снова забеременела. Дни рождения и пикники их детей — материал для первых страниц газет. Люди роятся вокруг президента, сжигаемые желанием прикоснуться к нему так, как об этом писал в своих мемуарах герцог Виндзорский... Видимо, такое руководство и нужно в наши дни. Народ хочет восхищаться тем, что презирает, и презирать то, чем восхищается. Когда администрация Кеннеди приобретет наследственный характер, титул наследника, эквивалентный нашему принцу Уэльскому, будет звучать — сепатор от штата Массачусетс».

В августе 1962 года газеты опубликовали срочное сообщение — президент Кеннеди демократически погрузился в море на общем пляже в Санта Моника, штат Калифорния. Несколько дам, не сняв платьев, бросились в море, чтобы приблизиться к кумиру! На следующий день газеты напечатали фотографию президента в плавках, окруженного несметной толпой женщин. Побывавший на месте исторического заплыва фельетонист газеты «Сан-Франциско кроникл» комментировал: «Теперь нам нужно всем вырезать снимок и приклеить на стену. Коль скоро распространилось убеждение, что все мы обязаны слепо верить президенту, давайте глазеть на него. Ибо ничто так не освежает веру в политическое равенство и погрешпость нового руководства, как созерцание пупа президента. В конечном счете и у меня есть пупок» [77].

Если отвлечься от газетных гипербол, все же, несомненно, культ личности Джона Ф. Кеннеди возник и укреплялся. Именно культ, который не следует путать с популярностью. Опрос общественного мнения летом 1963 года дал поразительный результат — 59 процентов заявили, что в 1960 го-

ду они голосовали за него (такой же опрос летом 1964 года после убийства Кеннеди повысил эту цифру до 65 процентов). Между тем известно, что Кеннеди был «президентом меньшинства»: в 1960 году за него отдали голоса менее 50 процентов избирателей [78]. Люди «подправляли» память.

Большой знаток института президентства проф. Дж. Барнс усматривал во всем этом объективные причины. Социологические обследования, проведенные в США сразу после смерти Дж. Кеннеди, показали, что школьники, например, путали должность с человеком, идентифицировали широкие прерогативы президента с возможностями личности. Выяснилось, что для подавляющего большинства американских школьников президент — «лучший человек в мире». По понятной причине, американские книги для детей и юношества «имеют цель увеличить гордость за президента и нашу историю» [79]. Это общее замечание, применимое к президентству вообще, в случае с Дж. Кеннеди вдвойне верно, ибо его личные качества получали самое благоприятное освещение средствами массовой информации.

Соратники любовно прозвали его «тигром». Не из страха, а за энергию, независимость суждений, стремительность решений и иногда резкость манер. Он мчался через годы, не останавливаясь и не оглядываясь, весь в работе, в движении. Казалось, что Кеннеди неотделим от политики. А он именовал политическую жизнь «каторгой».

Как он отбывал ее, в сущности, не очень здоровый человек, не растратив жизненных сил, оставаясь бодрым и собранным?

Ищут разгадку в продуманном чередовании труда и отдыха президента. Он вставал в 7 часов 15 минут. Завтрак в спальне, ознакомление здесь же со срочными телеграммами, просмотр газет. В спальню вбегали дети, около часа он играл с ними, смотрели телевизор. После 9 часов президент, обычно ведя за руку либо Каролину, либо Джона, отправлялся в кабинет. После полудня — полчаса в бассейне Белого дома. Ленч с Жаклин, затем час дневного сна по примеру Черчилля — в пижаме, в постели. Вторая половина дня в работе, вечером иногда гости, иногда кино, где Кеннеди редко просиживал больше 20 минут. Конец недели — с семьей без посторонних в Хайниспорте, Палм Бич или в загородной резиденции президента, названной при Рузвельте Шангра-Ла и переименованной Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвид. Упорядоченный, спокойный режим.

Журналист Хью Сиди, летописец Кеннеди с 1958 года для журнала «Тайм», хорошо знавший его, предлагает несколько иную интерпретацию: «Отделить от деловой личную жизнь Кеннеди журналистам было столь же трудно, как физикам расщепить атом. Во всяком случае, в заурядный день. Правильно утверждение, что он играет в гольф (или играл, пока боли в спине не заставили отказаться от этого) во вре-

мя работы и работает, играя в гольф. Плавая, он может дать интервью, таких бесед на залитом солнцем дворе или на борту яхт великое множество. Однако эти пресс-конференции столь же важны, как и другие. Он заряжается энергией одновременно с разрядкой. В последние годы у него не было ни минуты отдыха, как понимают отдых большинство американцев. Кажется, что он был вечным двигателем из плоти и крови.

Многие восхищались его энергией. Ответ несложен: поскольку он был очень богат, все заботы, все материальные хлопоты, поглощающие половину или больше времени у менее состоятельных граждан, даже не приходили на ум Кеннеди. Его одежда, его автомобили, его самолеты — все это появлялось как по мановению волшебного жезла. Потребности жены и детей его не заботят. Он хочет поплавать, покататься на яхте, оказаться на юге — все исполняется в мгновение ока. Его сотрудники, журналисты, удивленная публика с трудом представляют, как можно поспеть за ним. Измотанные, они распространяют миф о Кеннеди-сверхчеловеке. Ответ таится в мистике долларов. Когда долларов предостаточно, они окружают человека совершенным обслуживанием, полностью высвобождая ум для работы» [80].

Обладание крупным состоянием сформировало психологию, малодоступную рядовому человеку. Как-то Джон Кеннеди обратился к своему садовнику:

— Передвиньте, пожалуйста, это цветущее дерево, мне хотелось бы видеть его из окна за завтраком.

— Но это обойдется очень дорого!

— Я не спрашиваю — сколько, я прошу передвинуть дерево!

Отношение Дж. Кеннеди к деньгам поражало знакомых. «Они — само собой разумеются, и он забывает быть при деньгах», — заметил один из них. Обедавшие или ездившие с ним в такси зачастую расплачивались из собственного кармана. Как правило, Джон забывал возвращать эти «мелкие долги», это изумляло и раздражало плативших по счетам [81].

Жена спросила, какое его лучшее качество. Президент ответил: «Любознательность!» Вероятно, политика интересовала Кеннеди как самое острое проявление духовной жизни человечества. В предисловии к книге Т. Соренсена «Как принимаются решения в Белом доме» Кеннеди писал: «Каждый президент должен смириться с разрывом между желаемым и возможным» [82]. Он любил цитировать слова Ф. Рузвельта: Линкольн «был несчастен, ибо не мог получить всего сразу. И никто не может».

Впрочем, одно стремление Кеннеди пытался сполна удовлетворить: страсть к чтению. Видевшие улыбавшегося президента на приемах или трибунах плохо представляли то, что знали семья и близкие друзья. Его самые счастливые часы:

удобно устроившись в постели, водрузив на нос роговые очки (он никогда не носил их на людях — мужественный профиль!), президент поглощал книги. Круг читательских интересов Кеннеди был ограничен исторической и политической литературой. Исключение делалось лишь для детективов Яна Флеминга, повествующих о дивных приключениях британского агента Джеймса Бонда. Но и эту «литературу» президент использовал утилитарно. После Залива Свиней он задумчиво спрашивал: «Почему такого не могло бы случиться с Джеймсом Бондом?» Он читал каждую свободную минуту: одеваясь, за сдой, в ванне, иногда на прогулке. Читал и запоминал. Кеннеди верил, что возвышение У. Черчилля в значительной степени подготовило овладение литературным языком. Отсюда постоянная забота о собственном стиле, повторные попытки, перечитывая книги Черчилля, доискаться, в чем магия слов. «Рузвельт черпал большинство своих идей из бесед с людьми, — говорил он, — а я — из книг» [83].

Поразительная быстрота чтения — до двух тысяч слов в минуту — приводила к неприятным последствиям работавших с ним. Рано поутру он успевал проглотить множество статей в газетах (владелец газетного киоска, где покупались газеты для Белого дома, с приходом Кеннеди к власти увеличил свой оборот в четыре раза) и имел обыкновение тут же обсуждать их с посетителями. Горе тому, кто несколько раз неловко бормотал, что пропустил ту или иную статью. Проклиная ненасытного чтеца, сотрудники Белого дома стали посещать курсы ускоренного чтения — они прослышали, что сенатор Кеннеди окончил их. Президент послал учиться и Жаклин. Чтобы далеко не ходить, открыли класс в Белом доме.

Семья Кеннеди внесла свой стиль в столичное общество, им старались подражать. Больше не устраивалось роскошных банкетов, на приемах у президента почти не подавалось крепких напитков. Интеллектуальное общение, простота манер и одежды. Все очень скромно. Личный самолет семьи, стоящий несколько миллионов долларов, — не в счет. В Белый дом зачастили художники, писатели, музыканты, а Жаклин потратила немало времени и сил, воссоздавая исторический облик резиденции правителя республики. Первый этаж Белого дома, открытый для посетителей, Жаклин постепенно превратила в неплохой музей, разыскав в подвалах старую мебель, книги, картины. Она издала впервые в США «Путеводитель по Белому дому», за год разошлось свыше 600 тысяч экземпляров [84].

Президент охотно взял на себя роль покровителя искусств. Он учредил совещательный комитет по делам искусств и вынашивал обширные проекты развития архитектуры, литературы, театра и музыки в США. Американский социолог Л. Мэмфорд нашел, что Кеннеди «первый американский президент, предоставивший искусству, литературе и

музыке достойное и почетное место в жизни нации». Разве не сказал сам президент: «Качество американской жизни должно последовать за количеством американских товаров. Страна не может позволить себе быть материально богатой и духовно бедной». В Белом доме устраивались камерные концерты выдающихся музыкантов. Столица загудела — Кеннеди без ума от музыки! Жаклин с готовностью подтвердила: «Единственная мелодия, которую он действительно любит, — «Салют Вождю!», лучше в исполнении духового оркестра.

Интеллигент-президент? Вероятно, да. Ему была свойственна анекдотическая профессорская рассеянность: забывчивость в мелочах, постоянно что-то терялось, вещи оставлялись в отелях. Он прерывал разговор на полуслове и невидящими глазами смотрел на собеседника, мысли витали где-то далеко. Его видели щеголявшим в носках разных цветов, в немыслимых галстуках. Отец, пока был здоров, наслаждался частыми набегами сына-президента на родной дом. Парень не изменился, размышлял старик, «он все еще пишет письма матери, как будто учится в Чоате. А у меня в доме, если ему подвернутся под руку мои новые носки, он стащит их».

Болезнь позвоночника преследовала Кеннеди до конца жизни. Часто он носил корсет, делавший грудь необычайно выпуклой и придававшей мужественность фигуре. Временами он передвигался в Белом доме на костылях. Каждый день приходилось неукоснительно проделывать специальные физические упражнения. Чувство юмора, однако, никогда не оставляло его. С друзьями он по-мальчишески посмеивался над собой в роли президента. По-видимому, больше всего его забавляло, почему великие люди зачастую напыщены и чопорны, принимают себя всерьез. Ему ничего не стоило во время деловой беседы вскочить, схватить трость и начать размахивать ею как будто он играет в гольф. Изумленным коллегам Кеннеди серьезно объяснил: «С каждым днем я все больше похожу на Эйзенхауэра!» У него была постоянная привычка раскачиваться на стульях, как-то стул сломался, и президент с треском полетел на пол. Новый удар по позвоночнику. Он прочитал первый том мемуаров Эйзенхауэра, немало позабавился. «Выходит, что Айк никогда не ошибался, — заметил Кеннеди. — Когда мы напишем мемуары о нашей администрации, дело будет изложено совершенно по-другому».

Он чрезвычайно серьезно относился к истории с одной оговоркой: «Во время пребывания президентом он не раз и не два заметил, что история зависит от того, кто ее пишет [85]. Кеннеди, безусловно, разделял мнение Т. Соренсена, отметившего в книжке «Принятие решений в Белом доме»: «Выдумки в большинстве дневников и автобиографий вашингтонских деятелей превосходят только бесстыдство их

авторов» [86]. В предисловии к этому сочинению Дж. Кеннеди горячо рекомендовал написанное вниманию читателей, представляя Т. Соренсена как своего друга. Только подход к «дружбе» у президента носил узкоутилитарный характер. Как писал с оттенком неудовольствия А. Шлезингер: «Следует помнить, что он был человеком, наделенным большим даром дружбы, и имел самых различных друзей. Частью этого дара была способность придавать созвездию друзей чувство, что именно данный человек держит волшебный ключик к тайне Джона Ф. Кеннеди, в то время как ни один из них таким ключом не обладал» [87].

Президент иной раз размышлял, чем заняться, когда истекут его полномочия. «Прослужу я один или два срока президентом, — говорил он, — все равно мой возраст будет, так сказать, неудобным, — слишком стар для новой карьеры и слишком молод, чтобы взяться за мемуары». То он намеревался стать редактором, купив газету, например «Вашингтон пост», то вернуться в сенат, а еще лучше основать свою библиотеку при Гарвардском университете. Там он будет жить часть года, учить студентов, организовывать встречи ученых, политиков и государственных служащих для обмена идеями.

В начале октября 1963 года Кеннеди повел переговоры с Гарвардским университетом о передаче под его библиотеку участка земли. Заготовили проект письма, начинавшегося словами: «Когда президент попросит...» Кеннеди потребовал изменить текст: «Разве можно знать, кто будет президентом через год?» Пессимизм, слабо заметный с первого взгляда, не оставлял его. Рестон попытался выпытать, чего он надеялся достичь к концу своей администрации. «Он посмотрел на меня, — записал публицист, — как будто я был ребенком в стране грез. Я попытался еще раз, по-другому: не чувствует ли он необходимости при принятии повседневных решений руководствоваться какой-то определенной целью? Опять неловкая пауза. Только когда я обратился к непосредственным, конкретным вопросам, он оживился, и полилась речь, посыпались цифры».

Личные качества Кеннеди накладывали отпечаток на методы его руководства, но не меняли основного — он отдавал себя до конца служению государству. Президент Кеннеди оставался Джоном Кеннеди в партийной политике, но с почти религиозным трепетом исполнял административные обязанности. Здесь шутки кончались, здесь он не щадил живота своего. Физическая опасность для президента? «Если меня захотят убить, то убьют», — констатировал он. Перед отъездом в Мексику летом 1962 года ЦРУ сообщило президенту, что на него готовится покушение. Кеннеди как раз испытывал серьезные трудности в конгрессе. «Если мне суждено умереть, эта неделя очень подходит», — философски отозвался он.

Прочитав книгу Д. Бишопа «День, когда был застрелен Линкольн», Кеннеди встретился с автором и заметил: «К убийству я отношусь так же, как Линкольн. Любой может обменять свою жизнь на мою» [88].

Нужно служить. Эта мысль постоянно, хотя и в различных вариантах, проходила почти через все его публичные выступления. Незадолго до гибели, принимая почетную степень доктора права от колледжа Амхерст, Кеннеди говорил на торжественной церемонии: «Много лет назад Вудро Вильсон сказал: что хорошего в политической партии, если она не служит великой национальной цели? Что хорошего в частном колледже или университете, если он не служит великой национальной цели? Библиотека, которую сооружают здесь сегодня, сам колледж — все это не просто предназначено дать выпускникам экономическое преимущество в жизненной борьбе. Они это получают. Но в обмен за большие преимущества, дарованные обществом выпускникам этого и других колледжей, они должны признать свою ответственность за государственные интересы... (Они) должны отслужить Великой Республике» [89]. Так в 60-х годах Кеннеди развивал идеи Вильсона.

В государственных делах рассеянности как не бывало. Он запоминал мельчайшие детали и часто ставил соратников в тупик, напоминая о вопросах, о которых, как они полагали, президент начисто забыл. Кеннеди был превосходным слушателем. «Он, бывало, слегка нагнется вперед, — писал Шлезингер, — немного расширив глаза, используя возможность не для того, чтобы высказать собственные мысли, а чтобы вытащить из говорящего все, что может оказаться полезным». Приведя несколько примеров напряженного внимания Дж. Кеннеди к говорившему, Шлезингер заключил: «Таким путем он подробнейшим образом знакомился с проблемами, не раскрывая собственных карт и не давая понять посетителям, о чем он сам думал». Барнс обратил внимание на крайнюю сухость Дж. Кеннеди: «Он никогда не отдается целиком смеху. Он терпеть не может чувствительных сцен дома или на работе... Он, по-видимому, никогда страстно не влюблялся».

Философия государственного правления Джона Ф. Кеннеди наиболее точно может быть определена так: верность конституции, не букве, а существу ее. Он высоко ценил пост президента, как предусмотренный конституцией верховный орган власти. Править должно правительство, никто иной. Входившие в правительство в широком смысле составляли привилегированную касту, могли рассчитывать на твердое заступничество президента. Один из помощников президента оказался замешанным в скандальной истории, попавшей в печать, и пришел каяться в грехах. Кеннеди успокоил его: «Пустяки, я просмотрел досье ФБР, и из них следует, что мы поголовно что-нибудь да натворили». Никто из подчинен-

ных организаций не должен и не может посягать на правящее правительство. Увеличение заработной платы государственному аппарату при Кеннеди явилось материальным овеществлением его взглядов.

Его усилия были направлены на то, чтобы очистить Вашингтон от бюрократического нароста, возникшего в годы «холодной войны». Идеи Кеннеди очевидны: Америка имеет достаточный государственный аппарат, а если возникает некое «невидимое правительство», то это результат неспособности или нерадивости работающих в нормальных конституционных учреждениях. Еще хуже, когда они вместе с невыполненной работой делегируют власть учреждениям, созданным для выполнения специфических, подчиненных функций. Президентство Кеннеди — упорная, не всегда заметная, но неослабевающая война против «невидимого правительства», за утверждение конституционного правления.

Президент должен править, ни с кем не делить власть. Хотя Пентагон вырос в исполинскую империю, Кеннеди подчеркивал, что генералов нужно держать в узде. На этот счет не должно быть никакой неясности. «Наше оружие, — напомнил Кеннеди конгрессу, — должно находиться в конечном счете и во все времена, как в войну, так и в мире, под гражданским контролем». Он ни на минуту не забывал: по конституции президент — главнокомандующий вооруженными силами. Ограничив генералов даже в словах, Белый дом резко сузил возможности военных без предварительной цензуры выступать с политическими заявлениями.

Исполнение обязанностей главнокомандующего доставляло Кеннеди чуть ли не наслаждение. Начальники штабов с первых месяцев пребывания Кеннеди у власти получили директиву: при разработке стратегии и новых систем вооружения не думать о бюджетных ограничениях, тратить, сколько они считают нужным. Кеннеди лично отдал указания о разработке новых видов оружия для частей, предназначенных вести «противопартизанские» операции. В этом отношении он оказался педантичным даже в мелочах: решал выбор нового образца винтовки, примерял специальную обувь для джунглей, постоянно подталкивал министерство обороны, чтобы было закуплено достаточное количество вертолетов для войны во Вьетнаме, и т. д.

Президент прочитал имевшиеся уставы и наставления по ведению «противопартизанской» войны, счел, что они не разрешают всех проблем, и приказал комитету начальников штабов подготовить новые. Было сделано. Не очень доверяя конечным результатам исполнения своих приказаний, Кеннеди хотел видеть все собственными глазами. Он устраивал смотры создаваемым «боевым группам», парады. Перед одним из парадов он распорядился: «Выведите мне дивизию целиком, я должен представлять, что это такое». Комитет на-

чальников штабов отлично знал, что над ним стоит главнокомандующий.

Хотя вице-президент Л. Джонсон был много старше и опытнее президента, его не допустили в кружок доверенных советников Кеннеди. Президент отвел ему главным образом функции представительства — пока Кеннеди был у власти, Джонсон посетил 33 страны, произнес 150 речей. Он практически не имел голоса в государственных делах. Кеннеди даже не использовал Джонсона, что представлялось разумным, для связи с конгрессом. «Меня ни разу не спросили по делам законодательства», — негодовал вице-президент.

Т. Уайт точно описал место Джонсона в системе правительства при Кеннеди: «Джонсон пришел на выборы 1960 года с уже уязвленной гордостью, которая подверглась новым испытаниям за три года его вице-президентства. Отношения вице-президента и штата Кеннеди были холодными, полными подозрительности. Джонсон остался на подступах к власти, преждевременно состарившийся государственный деятель, а в ее твердыне — группа молодых людей, столь же молодых, как он в годы «нового курса», перескочивших через его поколение, экспериментировала с государственной властью, как хотелось экспериментировать ему самому... Удары по самолюбию начинались с самых простых вещей — может ли он ехать во втором автомобиле после машины президента? Может ли он прилететь в Белый дом на вертолете? — и кончались серьезными делами. Один из постоянно сидевших с ним на заседаниях совета национальной безопасности с восхищением вспоминает о дисциплине Джонсона: «Молчалив, внимательно слушает, говорит редко и лишь тогда, когда попросят, только сплетенные пальцы рук в постоянном движении, иногда он сжимает их так, что белеют суставы» [90].

Кеннеди не видел необходимости ломать традицию, вице-президент в США — фигура малозначительная. Единственное изменение: президент приказал, чтобы вице-президент был должным образом подготовлен занять место президента, если он погибнет в термоядерной войне. Однако Л. Джонсона не слишком информировали по всем текущим государственным делам. Кроме того, Кеннеди, вероятно, считал, что за Л. Джонсоном нужен глаз да глаз. В результате, писал один журналист в 1965 году, «во время пребывания в должности лояльность Джонсона подверглась суровому испытанию. У него было неприятное ощущение, что за ним негласно следят, а его телефонные разговоры подслушивают. Посторонние могли только догадываться, как тяжела была его жизнь и какие мрачные мысли обуревали его по поводу собственного политического будущего» [91].

Кеннедизм как система правления складывался в довольно стройную систему, корни которой питали американские спецслужбы и карательные органы. Слов нет, Дж. Кеннеди поголовно завидовали в политическом мире Соединенных

Штатов, завидовали, конечно, по-разному — по доброму и с различными степенями злости. Единодушны были в одном — ЦРУ и ФБР возвели Дж. Кеннеди в Белый дом. «Ни одно правительственное ведомство не вызывало более мрачных подозрений (у Р. Никсона), чем ЦРУ... По словам Эрлихмана (помощник Никсона. — *Н. Я.*), он злобствовал как собака по поводу того, что в разведывательном сообществе кадры раздуты, контроль над ним был слишком слаб, и обходилось оно чрезмерно дорого. Однако истинная причина недовольства Никсона носила личный характер — он винил ЦРУ за то, что на президентских выборах 1960 года Джон Ф. Кеннеди нанес ему поражение» [92].

Вознаграждение ЦРУ от президента Дж. Кеннеди последовало. К началу 60-х годов ЦРУ превратилось в гигантского кальмара, придушившего в своих интересах внешнеполитические учреждения США. Бюджет ЦРУ на 50 процентов превышал бюджет госдепартамента (составляя, однако, менее половины расходов на разведку министерства обороны). В ЦРУ работали люди, лучше подготовленные, чем на дипломатической службе. В разведке получали больше, а поскольку А. Даллес отбил попытки маккартистов освободить от «неблагонадежных» его подразделения, аппарат ЦРУ, в отличие от дипломатического, не был деморализован, оставался сплоченным и высоко ценил честь мундира. Работа ЦРУ проходила вне контроля американских послов. Не говоря уже о праве шифропереписки, разведка постепенно создала свою систему авиационной связи и даже сообственные боевые части, Во многих американских посольствах было больше работников ЦРУ, чем дипломатов.

Кеннеди, разумеется, не поставил под сомнение проведение подрывной и разветвленной разведывательной деятельности, он просто напомнил, и недвусмысленно, что ЦРУ — только исполнительный орган конституционного правительства. Президент циркулярным письмом американским послам приказал: «Контролировать всю внешнеполитическую деятельность правительства США». То был удар по самодовольной разведке. Выполнение указания президента зависело в значительной степени от личности данного посла. Это очевидно, как очевидно и то, что впервые после второй мировой войны разведчики попали под прямой политический контроль.

Изменения эти были невозможны без участия министра юстиции Р. Кеннеди, которому президент поручил наблюдение за ЦРУ. Р. Кеннеди всецело разделял взгляды президента и внес со своей стороны большую лепту в упорядочение правления и ограничение функций «невидимого правительства». К тому времени более четверти века глава ФБР Э. Гувер взял за правило прямо обращаться к президенту. Хотя Дж. Кеннеди охотно принимал Гувера и взахлеб сплетничал с ним, братья Кеннеди указали Федеральному бюро рассле-

дований его место: орган в системе министерства юстиции. Негодующему Э. Гуверу пришлось признать непосредственного начальника — Р. Кеннеди. Гувер в бессильной ярости все возвращался к своей ошибке 1960 года, «по словам Салливана (У. Салливан до 1971 года третий по положению человек в ФБР. — *Н. Я.*), Гувер винил себя за то, что Кеннеди стал президентом» [93].

Не ослабив ни на йоту систем разведки, контрразведки и политического сыска в выполнении их прямых функций, а, напротив, усилив их, президент основательно развенчал героев плаща и кинжала, самозваных сверхпроницательных гениев шпионажа, возомнивших себя выше и способнее всех. Он сбил позолоту, многими слоями облепившую ЦРУ и ФБР, а обе достойные организации с незапамятных времен широко рекламировали себя, и представил их в первозданной наготе исполнительных органов правительства. Не больше.

Интеллигентный Дж. Кеннеди был глубоко убежден, что сумеет куда лучше справиться с руководством шпионско-полицейской работой. Р. Кеннеди по указанию брата четко определил позицию в отношении коммунистического движения в США. Он заявил: «Я думаю, что коммунистическая партия как политическая организация не представляет никакой опасности для Соединенных Штатов. Она не имеет последователей и в течение многих лет игнорируется» в стране. Коснувшись антикоммунистических кампаний сверхбдительности защитников Америки, он сказал, что «они оказывают дурную услугу Соединенным Штатам», крепко высказался против тех, кто «во имя борьбы с коммунизмом сеет семена раздора и недоверия, делает ложные и безответственные заявления не только против своих соседей, но и против мужественных учителей и государственных служащих». Заявления министра юстиции никоим образом не остановили упорядоченной работы ФБР и судебной системы против американских коммунистов.

Рецидивы маккартизма неизменно получали резкий отпор президента. Он очень редко терял контроль над собой на людях, и один такой случай произошел на пресс-конференции, когда репортер осведомился, почему двое «сомнительных» взяты на работу в госдепартамент. Кеннеди потребовал от журналиста «быть готовым подтвердить фактами» свое заявление и безоговорочно взял под защиту обоих. Он реабилитировал ряд лиц, облитых грязью маккартистами, и вернул их на государственную службу. Кеннеди нашел возможность пригласить в Белый дом и обласкать Р. Оппенгеймера.

В президентство Дж. Кеннеди многие высокопоставленные лица в Вашингтоне подозревали, что за ними установлено негласное наблюдение. Сенатор К. Китинг предпочитал вести серьезные беседы не в служебном кабинете в Капитолии. Э. Стивенсон поверял своей сестре: «Ну прямо как в романе Оруэлла «1984». Большой Брат следит за тобой! Без-

де кишат шпионы»[94]. Психологически и попятно — президент страстно хотел, чтобы «новая граница» была на замке. Сыск — монополия семьи, находящейся у власти, не терпящей постороннего вмешательства, а особенно импровизации дилетантов.

Администрация, вставшая на защиту конституционных форм правления, отнюдь не поощряла критики в адрес президента и его семьи. Сатирик Морт Сал, тогдашний Марк Твен американской эстрады, прославился шаржами на президентов. Эйзенхауэр от всего сердца хохотал, прослышав об очередной шутке в свой адрес. Во время кампании 1960 года Сал сочинял остроты для речей Дж. Кеннеди, а затем переключился на победоносного президента. Очень скоро он получил сверху суровое предостережение. Сал не унялся. Тогда его внесли в «черный список». За год заработок сатирика упал с 400 тысяч до 19 тысяч долларов.

Только в самом близком кругу тогда знали, что и в Белом доме Дж. Кеннеди не оставил привычек женолюба, оставшись в этом отношении имитатором отца. «Джэк научился ряду вещей у отца, — суммирует Г. Пармет, — в том числе, как по-умному вести дела. Продукты своего времени, ни отец, ни сын не относились к женщинам с той серьезностью, которая у них была для мужчин. Барбара Уорд (способная публицистка. — *Н. Я.*) приблизилась к истине, заметив: Дж. Кеннеди «не нравились образованные интеллигентные женщины. В этом отношении холодность была взаимной»[95]. Отец подавал пример как «образовывать» женщин. по сей день в архиве семьи сохранился список книг, которые в 1928 году он приобрел для своей голливудской любовницы Глории Свенсон: «Секс и свет любви», «Психоанализ и любовь», «Искусство любви»[96]. Надо думать, Джон горячо соглашался с отцовским вкусом.

Женщин-артисток и секретарш, дам общества и дорогих проституток, близость с которыми Дж. Кеннеди занес в свой актив, вероятно, насчитывались сотни и сотни, хотя «близость» чаще, чем реже занимала несколько минут. При таком размахе, естественно, могли вспыхнуть, но не вспыхнули скандалы — Р. Кеннеди в зародыше умел ликвидировать сенсации, опасные для репутации брата. Но, во всяком случае, потом стало известно, что одной из любовниц президента была Юдифь Кэмбелл (в браке Экснер), которая одновременно обслуживала гангстеров С. Джинкано и Дж. Розелли. Оба, помимо ласк Юдифь, разделяли с Дж. Кеннеди государственную тайну — они обязались по поручению ЦРУ убить Ф. Кастро. За это должны были получить от ЦРУ 150 тысяч долларов.

Конгрессмены Ф. Томпсон и Т. Макдональд также разделяли его политические взгляды и одних и тех же женщин. «Любовь втроем» освежала и интриговала президента. И, конечно, на протяжении двух последних лет жизни Кеннеди в

Белый дом в отсутствие Жаклин проскальзывала Мэри Мейер, которая развелась с мужем, тузом в ЦРУ. Через год после убийства президента пристрелили и ее. Разумеется, обо всем этом не писалось при жизни Дж. Кеннеди.

Да, немало запретных тем как при жизни, так и после смерти президента Дж. Кеннеди. «Вот встает проблема личной жизни Кеннеди, — писал А. Шлезингер в 1986 году. — Мы живем в век одержимости сексом... (публицисты) собирают пустые, ничем не подкрепленные слухи, относятся к ним как к установленным фактам и кладут в основу в высшей степени спекулятивного анализа личности. Каждое утверждение любой переспавшей с Джоном Кеннеди принимается как евангельская истина, хотя, если бы хотя бы половина этих утверждений была правдой, у него почти не осталось бы времени на что-либо другое. Некий ученый тактично предложил мне написать продолжение к «Тысячи дней», назвав его «Тысяча ночей»... Эти утверждения, безусловно, содействовали подрыву мифа о Камелоте, не в том смысле, что Камелот прославлен супружеской верностью. Пересмотр Кеннеди зажег в некоторых негодование, граничащее с гневом. Вспоминая о своей наивной и незамысловатой надежде, люди чувствуют, что ими манипулировали, их совратили, предали и бросили. Что, он одурачил нас? Или мы сами обманулись» [97].

Колоритные похождения Дж. Кеннеди стали широко известны только к середине семидесятых, но эти сведения всегда таили потенциальную угрозу для него, как президента. Стоило, например, распространиться слухам о том, что он числился в «тайном браке» с 1939 по 1953 год, как были сняты фотокопии с «документов». «Расистские организации на Юге и ханжи по всей стране распространяли их тысячами, в одном Массачусетсе по почте разослали по крайней мере 100 000 экземпляров» [98]. Тут выразили «озабоченность» Дочери Американской революции, Католические дочери Америки и даже Бнай Брит. Р. Кеннеди в своем качестве министра юстиции пришлось трудиться в поте лица, чтобы притушить следовавшие одна за другой кампании по поводу «аморальности» президента.

Дальше больше. От морали быстро переходили к политическим делам. Правые организации, как грибы возникавшие в США на рубеже 50-х и 60-х годов, шумно провозглашали, что Кеннеди безнадежен, его невозможно наставить на путь истинный. Зловещие намерения президента, по их мнению, выяснились до конца, когда в 1961 году он уволил в отставку генерала Э. Уокера, командира американской дивизии, расквартированной в ФРГ. Президент нашел, что проповедь во вверенных генералу войсках крайне правых взглядов несовместима с занятием командной должности. «Общество Джона Бэрча», «Христианский антикоммунистический поход» и иные реакционнейшие организации объявили президента

своим противником. По самой консервативной оценке, бюджет экстремистских групп, составлявший в 1958 году 5 миллионов долларов, подскочил до 12,1 миллиона и 14,3 миллиона долларов в 1962 и 1963 годах соответственно.

По адресу президента распространялись сплетни. Многие тысячи американских семей получили размноженное на ротаторе письмо с просьбой прислать деньги на сооружение статуи Кеннеди в Вашингтоне. «Не нужно ставить ее рядом с памятником Джорджа Вашингтона, кто никогда не говорил неправды, и рядом с памятником Франклина Рузвельта, который никогда не говорил правды, ибо Кеннеди не отличает правды от лжи», — говорилось в письме. «Пять тысяч лет назад Моисей сказал евреям: «Возьмите мотыги, садитесь на ослов и верблюдов, и я приведу вас в Обетованную Землю». Почти спустя пять тысяч лет Рузвельт сказал: «Положите мотыги, садитесь на зад (игра слов — ass также осел. — *Н. Я.*), закуривайте «Кемел» (сорт сигарет) — вот ваша Обетованная Земля». Теперь Кеннеди крадет ваши мотыги, бьет вас в зад, поднимает цены на «Кемел» и отбирает Обетованную Землю».

В штате Джорджия в кинотеатре на афише, рекламировавшей фильм по сценарию Донована «ПТ-109», красовалась огромная надпись: «Заходите посмотреть, как япошки чуть-чуть не прикончили Кеннеди». На Юге был необычайно популярен анекдот: Кеннеди вызывает призрак А. Линкольна, чтобы спросить, как быть с гражданскими правами. Призрак отвечает: «Рекомендую отправиться в театр Форда» (где был убит Линкольн). За два года с ноября 1961 года было расследовано тридцать четыре случая угроз убить президента, исходивших только из штата Техас.

Разгул экстремизма в стране побудил публициста Флетчера Нибела и Чарльза Бейли написать политический памфлет «Семь дней в мае» — фантастический роман о попытке военщины произвести фашистский переворот в Соединенных Штатах. Книга нашумела. Кеннеди, прочитав ее заметил: «Я знаю парочку генералов, которые не прочь поступить так», но обеспокоился не на шутку. Позвал своего адъютанта генерал-майора Ч. Клифтона и стал допытываться, где же пребывает таинственный человек с «черным портфелем», в котором находится электронное оборудование. Набрав условный код, президент в мгновение ока может начать ядерную войну. В книге сказано, что он всегда под рукой президента.

— Тут написано, что один из этих людей сидит каждую ночь у дверей моей спальни. Верно?

— Нет, не совсем так, ведь это роман, — слабо оправдывался Клифтон.

— Это меня и беспокоит. Я не встречал у себя дома людей, бродящих по комнатам без моего разрешения. Так где же он?

— Он в служебных помещениях, но поддерживает по-

стоянный контакт с узлом связи Белого дома. Он всегда следует за вами. Он прибежит к вам в жилые комнаты в случае нужды через полторы минуты, даже если не будет работать лифт. Проверено много раз. Конечно, в одну прекрасную ночь он может постучать в дверь вашей спальни, войти и открыть портфель. Тогда вы и обратите на него внимание, ну а мы тут как тут [99].

Кеннеди поежился — приятная перспектива. Ведь он твердо стоял на своем: президент — единоличный даже не правитель, а хозяин страны. Что бы ни писали о советниках, Кеннеди придерживался мнения: решает в конечном итоге президент. Он отозвался о комитете начальников штабов: «Они советуют, как один мужчина советует другому, стоит ли ему жениться на данной девушке. Не ему жить с ней». В последние месяцы жизни Кеннеди «все чаще говорил об ограниченности власти президента» [100], а он хотел действовать решительно. Сохранилась резолюция Кеннеди относительно одного активного агитатора-республиканца, которая в допустимом перефразе звучит так: «Как бы нам кастрировать его?» [101]. Подчиненные, естественно, сочли указание президента за шутку. На практике не все делалось по первому зову и слову.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ДАЛЛАСЕ

Осенью 1963 года Кеннеди стал готовиться к избирательной кампании 1964 года. Руководство республиканской партии также было озабочено предстоявшими выборами. В высших советах партии опасались, что осенью 1964 года Кеннеди устроит новый кризис типа кубинского, чтобы гарантировать переизбрание. У страха глаза велики... 12 ноября Кеннеди провел первое совещание, в общих контурах обсудил избирательную стратегию, конечно, не носившую характера дьявольского плана. Много проще. Выяснилось, что неладно в демократической организации штата Техас, ее глубоко разъединила склока. Президент решил сочетать приятное с полезным — объехать Техас, произнести политические речи, а одновременно навести порядок в пришедших в расстройство рядах демократов штата. Он пригласил с собой Л. Джонсона, тамошний уроженец, несомненно, будет полезен в переговорах с местными партийными боссами.

Президент знал, что на Юге к нему не испытывали горячей любви. Правые давно вели злобную кампанию. Еще во второй половине 1961 года внимание Кеннеди обратили на свирепую передовицу в газете Далласа «Морнинг ньюс», в которой утверждалось, что президент — слабый человек, и делался вывод: «Нам нужен для руководства страной человек на коне, а многие в Техасе и на юго-западе считают, что вы оседлали велосипед Каролины». В Далласе поселился не-

ненавистник президента — отставной генерал Э. Уокер, посвятивший свой досуг делу «Общества Джона Бэрча». В конце 1961 года в городе собрался съезд «Национального негодования» — 1800 делегатов драли глотки, понося Вашингтон. Некоему делегату показалось мало, он влез на трибуну и, обращаясь к председателю, провозгласил: «Вы стоите лишь за предание суду Уоррена (председатель Верховного суда США. — *Н. Я.*), а я предлагаю — повесить его!»

В конце октября 1963 года Э. Стивенсон приехал в Даллас провести День Объединенных Наций. Бэрчисты устроили контрсобрание. Э. Уокер во все легкие клеймил ООН. Стивенсона освистали и ошикали, при выходе из зала толпа набросилась на него: женщина крепко ударила посла по голове древком плаката, двое смачно плюнули в лицо. Полиция с трудом оттеснила патриотов Уокера. Вытирая лицо носовым платком, Стивенсон вопросил: «Кто они, люди или звери?» Стивенсон и др. по-доброму советовали Кеннеди объехать Даллас стороной. Президент счел, что изменение намеченного и объявленного маршрута сочтут трусостью.

Этот город, стремительно выросший на прибылях от недавно открытых нефтяных месторождений, — деловой центр Восточного Техаса. Население его перевалило за 600 тысяч жителей, преимущественно это были конторские служащие. Город без значительного рабочего класса, без старой интеллигенции. Финансовая олигархия, верховодящая делами в Далласе, культивировала идейные ценности Техаса середины XIX века — оголтелых всадников в сомбреро, пьющих, стреляющих с маху и спешивающихся, чтобы отравить правосудие собственными руками. Их энергию поглощали бескрайние прерии, искусственно возрожденный культ старины создал истерическую обстановку в каменных джунглях современного города. Свобода нравов вылилась в разнузданную преступность, в Далласе на тысячу жителей случалось в два раза больше убийств, чем в среднем по стране. За 1963 год к 7 ноября в городе уже произошло 98 убийств.

Правые готовили президенту «радушный» прием. Единомышленники генерала Уокера тайком отпечатали 5 тысяч листовок, составленных по образцу полицейского объявления о розыске преступника. На них было фото Кеннеди в профиль и анфас. Подпись гласила: «Разыскивается изменник. Нужно поймать этого человека за изменническую деятельность против США». За день до приезда Кеннеди листовки разбросали по городу. Трое известных богачей города пожертвовали 1500 долларов и откупили страницу в даллаской «Морнинг ньюс» для помещения беспримерного объявления.

Утром 22 ноября на пути в Даллас Кеннеди доставили пахнущий типографской краской номер «Морнинг ньюс». Целую страницу занимало объявление в траурной рамке от имени «граждан Далласа, мыслящих по-американски». Заголовок

гласил: «Добро пожаловать, мистер Кеннеди, в Даллас». И далее следовал ряд вопросов: почему Кеннеди «отказался от доктрины Монро в пользу духа Москвы?» Почему внешняя политика США «деградировала до того, что ЦРУ составляет заговоры в целях кровавого избиения верных антикоммунистических союзников Америки?» Почему Кеннеди «приказал или разрешил своему брату Роберту... быть мягким в отношении коммунистов, их попутчиков и ультралевых в Америке и разрешил ему преследовать лояльных американцев, критикующих его»? Почему глава американской компартии Гэс Холл «хвалит почти все ваши политические меры и заявил, что партия одобряет и поддерживает ваше переизбрание»? И так далее, все в том же духе. Кеннеди с глубоким отвращением отбросил газету. «Как могут печатать такие вещи?» — спросил он.

С точки зрения блюстителей порядка Далласа, все это не выходило за рамки законности. В 7 часов с небольшим утра на экране местного телевидения появился благообразный пожилой начальник полиции города Керри. Он сообщил согражданам, что к ним прибывает президент, и просил их «любезно» информировать полицию о лицах, которые в связи с визитом высказывают резкие суждения о Кеннеди или готовятся организовать бурные демонстрации. Керри подчеркнул, что городские власти в этот день стоят за соблюдение порядка.

Последняя остановка перед Далласом, самолет президента приземлился в Форт-Уорс. Тысячная толпа перед отелем. Президент вышел, дружные аплодисменты. Улыбающийся Кеннеди извинился, что он один: «Миссис Кеннеди организуется, — дружески сказал он, — а это требует времени. Но она выглядит лучше после этого, чем мы». Смех. Президент коротко рассказал о самом интересном: неделю назад он видел ракету «Сатурн». В декабре США «запустят самую мощную ракету в истории, что впервые обеспечит нам первое место по сравнению с Советским Союзом».

Теперь в Даллас. По пути Кеннеди затеял разговор с Жаклин и К. О'Доннелом о значении охраны президента. Агенты могут лишь прикрыть его от буйной толпы, сказал Кеннеди, «но если кто-нибудь в самом деле серьезно захочет убить меня, сделать это нетрудно: достаточно забраться с винтовкой с оптическим прицелом на высокое здание, и никто не сможет защитить жизнь президента». В самолете он пытался выяснить мнение спутников о генезисе скверных настроений в Далласе. Сошлись на том, что виновата постоянная обработка жителей правыми.

Сели на аэродроме у города. На летном поле — Л. Джонсон, приземлившийся несколькими минутами раньше. Конгрессмен Г. Гонсалес, продолжая разговор в самолете, пошутил: «Ребята, рискую. Я не надел стальной жилет». Разместились по автомобилям, и к городу. Впереди множество мо-

тоциклистов и две полицейские машины. В открытом автомобиле на заднем сиденье — Кеннеди с Жаклин, на откидных — губернатор штата Коннэли с супругой. За рулем агент секретной службы, рядом еще один, поддерживающий связь по радио. Автомобиль президента сопровождают четыре мотоциклиста. Вплотную за ним машина с охраной — восемь человек. Затем машины вице-президента и его охраны, спецмашина с мощной радиоустановкой, автомобили с журналистами и местными деятелями. Кавалькаду, растянувшуюся на километр, замыкали полицейская машина и мотоциклисты.

Въехали в город, группы людей на улицах довольно сдержанны, президент улыбался, помахивал рукой. Заметив, что какой-то парень высоко поднял плакат с громадной надписью «Кеннеди, убирайся вон!», он обратился к губернатору: «Видишь, Джон, я встречаю такие плакаты везде». Тут он обратил внимание: Жаклин надела темные очки, президент всегда полагал, что они портят внешний вид. Не переставая улыбаться, он процедил: «Сними очки!» Жаклин поспешно повиновалась...

Ближе к центру, народу побольше, мелькают приветливые лица. Жена губернатора повернулась: «Г-н президент, вы не можете сказать, что Даллас не любит вас». Он ответил: «Это совершенно очевидно». Выехали на площадь, справа — громада книжного склада. Кортеж замедлил ход, машина президента ползла со скоростью 15 километров в час — приближался поворот. Было 12 часов 30 минут.

В этот момент раздался звук откуда-то справа и сзади, который в автомобиле президента и вокруг него приняли за выхлоп мотоцикла. Кеннеди схватился руками за шею и простонал: «Боже мой, я ранен». Еще выстрел, захрипел, заваливаясь набок, губернатор, сидевший впереди президента; третий выстрел, пуля снесла часть черепа президента. Жаклин попыталась было выскочить из машины, встала на заднее сиденье. Подоспевший агент прижал ее к сиденью и прикрыл своим телом, раздробленная голова опустилась ей на колени, кровь залила платье и чулки женщины, пропитала букет роз. Водитель с бешеной скоростью — до 130 км — погнал машину в госпиталь.

В машине вице-президента охранник, едва прозвучал первый выстрел, с быстротой молнии перескочил на второе сиденье, прижал вице-президента и уселся на него. Автомобиль Джонсона стремительно последовал за машиной президента. С места действия исчезли все сотрудники секретной службы. Остались галдящие, перепуганные зрители — часть из них лежала ничком — и бестолково метавшиеся полицейские. Сумятица нарастала — какой-то водитель включил сирену.

На пятом этаже здания книжного склада в окне как раз под тем, из которого раздались выстрелы, торчали головы

троих рабочих-негров. Винтовочные выстрелы протрещали прямо над ними, зеваки слышали даже звон гильз, падавших на пол. Они переглянулись, один неуверенно начал: «Кто-то стрелял в президента»... Другой оборвал его нецензурной бранью, и все трое разбежались — не ловить убийцу, а спасаться куда глаза глядят [102].

Кеннеди, доставленный в госпиталь через 5 минут после ранения, скончался, не приходя в сознание. Смерть президента зафиксирована в 13 часов. Жаклин выкурила сигарету, другую. Ей предложили сменить окровавленную одежду, она отказалась: «Пусть они видят, что натворили!» Она повторяла эту фразу 22 ноября еще и еще.

В небольшой палате, поблизости от операционной, где умирал Кеннеди, ожидал Л. Джонсон. В палату тенью проскользнул офицер, обязанность которого быть постоянно под рукой у президента. В руках офицера пресловутый «черный портфель». В 13 часов 20 минут Л. Джонсону доложили — президент скончался. Он задержал сообщение об этом. «Нужно подождать, — сказал Джонсон. — Давайте выберемся отсюда».

Вскоре после 13 часов министр обороны Р. Макнамара приказал американским войскам в стране и за рубежом поддерживать высшую боеготовность.

В полицейской машине, пригнувшись ниже окон, Джонсон приехал на аэродром. Вслед за ним на санитарной машине доставили гроб с телом Кеннеди и погрузили в президентский самолет. Жаклин, забрызганная кровью, ни на секунду не отходила от гроба. Из Вашингтона тут же посоветовали Л. Джонсону, не вылетая из Далласа, принять присягу президента. Местный федеральный судья Сара Юз в 14 часов 38 минут в самолете президента, всхлипывая, привела Л. Джонсона к присяге. Две женщины стояли рядом с ним — Жаклин, по-прежнему в пропитанной кровью одежде, и его жена. Л. Джонсон стал 36-м президентом США. Спустя несколько минут самолет взлетел, увозя нового президента и тело прежнего. Джон Ф. Кеннеди, живой и мертвый, пробыл в Далласе менее трех часов.

Жаклин, хватив две стопки виски, сказала: «Похороны по образцу погребения А. Линкольна». Она вспомнила, что в Белом доме есть книжка с гравюрами, по ним можно скопировать ритуал. Уже в 15 часов 20 минут радиостанции НБС сообщили: «После первого шока секретариат Кеннеди начал методически очищать его кабинет — убраны семейные фото, сувенир ПТ-109. Готовятся к прибытию нового президента».

* * *

Своей чередой прошли расследования, ожесточенные споры по поводу обстоятельств убийства Дж. Кеннеди, а в ноябре 1963 года многие страны выразили соболезнование амери-

канскому народу, потерявшему президента. На похороны Кеннеди 24 ноября в Вашингтон прибыли официальные лица из различных стран, среди них была советская делегация.

Похороны были проведены четко, по-военному. Сказалась выучка специальной части. Вот уже неделю в Форт-Майерс, штат Вирджиния, капитан Р. Клой муштровал своих солдат. В середине ноября ожидали, что вот-вот скончается бывший президент Г. Гувер, и ему готовили похороны. Пригодилось для Кеннеди.

Страна оделась в траур. А в Далласе школьники бурно аплодировали, узнав, что президент мертв. В США было сделано немало, чтобы увековечить память Дж. Кеннеди, за исключением штата Техас. Там легислатура провалила предложение назвать школу для умственно отсталых людей именем погибшего президента. Владелец похоронного бюро в Далласе, предоставивший гроб для покойного президента стоимостью в 3900 долларов, больше года безуспешно пытался побудить семью Кеннеди оплатить счет. Тогда он предъявил счет правительству. Получил 3400 долларов.

Достаточно левый публицист И. Стоун уже 9 декабря 1963 года проанализировал случившееся в статье под названием «Мы все держали палец на спусковом крючке».

Напомнив о позиции Дж. Кеннеди во время кризиса в бассейне Карибского моря в октябре 1962 года, И. Стоун закончил статью, посвященную памяти павшего президента, так: «Если целый народ готов пойти на собственную гибель и гибель других, лишь бы добиться своего в международных делах, тогда готовность к убийству превращается в образ жизни и становится угрозой миру. Поскольку блефом такого рода нетрудно заняться и его преемники могут попытаться повторить пример, следует дважды подумать перед тем, как канонизировать Кеннеди апостолом мира»[103].

С обычной для семьи пламенной заботой Кеннеди попытались оградить парализованного, потерявшего речь старика Джозефа от страшного удара. Убрали газеты, сказали, что испортился телевизор. Старик помрачнел. 23 ноября Эдварду ничего не оставалось делать, как сказать. Джозеф не изменился в лице. Врачи разрешили ему вылететь в Вашингтон на похороны сына. Он отказался, остался в доме один. В день похорон он знаком попросил провезти его по Хайнисспорту. Холодные улицы пусты. Джозеф приказал шоферу ехать медленно. Машина ползла мимо витрин магазинов, старик пристально вглядывался — за стеклами в каждой витрине портрет сына. Рамки повязаны траурным крепом.

НЕОКОНЧЕННАЯ ГЛАВА

В суматохе на месте покушения на Джона Ф. Кеннеди нашелся сверхзоркий молодец — кочегар Г. Бреннан. Он сообщил полиции, что видел худощавого молодого человека, ростом в 5 футов 10 дюймов, весом в 160—170 фунтов, стрелявшего из винтовки из окна шестого этажа здания книжного склада, который только что миновала машина президента. В 12 часов 34 минуты полиция по радио сообщила, что убийца, вероятно, укрывался в этом здании. В 12 часов 45 минут радио передало со слов Бреннана примерное описание примет убийцы. Полицейский М. Бейкер уже был в здании. Вместе со служащим он вбежал по лестнице на второй этаж и задержался — в вестибюле столовой он увидел человека с бутылкой кока-колы в руке. Удостоверившись, что встреченный 24-летний Л. Освальд — работник склада, полицейский помчался наверх.

Освальд вышел тем временем из здания, поехал домой, переоделся и опять на улицу. В 13 часов 15 минут полицейский Д. Типпит в патрульной машине увидел человека, приметы которого сходились с сообщенными по радио. Он остановил машину, человек подошел, перебросился несколькими словами с ним, а затем застрелил Типпита. Убийца побежал по улице, на ходу вытряхивая гильзы из барабана револьвера. Он сбросил куртку, и, не купив билета, в 13 часов 40 минут скрылся в кинотеатре. Полиция ринулась в другом направлении, задержав в городской библиотеке человека, похожего на убийцу. Но тут пришло сообщение из кинотеатра, который немедленно окружили. Зажгли свет, опознали среди зрителей убийцу. Когда ему приказали встать, он ударил полицейского и выхватил револьвер, но тут же был схвачен, помят в свалке. Когда задержанного вытаскивали из кинотеатра, он кричал: «Вот оно, зверство полиции!» Его бросили в машину и доставили в участок. Навели справки, оказался Освальд.

К этому времени в здании книжного склада разыскивали винтовку, выяснили, что из служащих на месте нет только Освальда, принялись разыскивать его. Началось расследование. Тут пришло сообщение, что Освальд задержан. Установили, что именно он владелец старой винтовки итальянского производства с дешевым японским телескопическим прицелом. За двое суток, которые Освальд провел в руках полиции, его допрашивали около 12 часов, протоколы и записи на магнитофонную ленту не велись. Участвовали в допросах и присутствовали на них 25 человек.

Различные следственные действия — опознание личности, предъявление фотоснимков, изъятых при обыске квартиры Освальда, и т. д. В 19 часов следователь капитан Фриц составил постановление о привлечении его к ответственно-

сти за убийство Типпита, в 23 часа 26 минут — за убийство президента. Задержанный очень спокоен и начисто отрицает все. Освальд объяснил, что в момент покушения на президента находился в столовой склада, где, кстати, его видел полицейский. Почему ушел из здания? Потому что решил: в этот день больше не будет работы. Переоделся дома и пошел в кино.

Он заявил, что никогда не имел винтовки. Когда ему показали увеличенную фотографию, найденную на квартире, — Освальд спят с винтовкой в руке, задержанный мягко указал, что ее сфальсифицировали в полиции — подклеили лицо. Попутно Освальд весьма нелестно отозвался о методах работы ФБР. Не коммунист ли он? Освальд разгневанно ответил: «Нет!»

«Дело в том, — сказал Освальд, — что коммунист — марксист-ленинец, а я марксист» *. В дальнейшие объяснения Освальд не стал входить, высокомерно заявив, что, учитывая состав аудитории, это потребует слишком много времени. И вообще, закончил Освальд, он не будет давать никаких показаний, пока не заручится помощью опытного адвоката.

В промежутках между допросами Освальда содержали во внутренней тюрьме полицейского управления, на пятом этаже. Когда он заявил о том, что желает получить адвоката, следователь капитан Фриц вручил ему монету и посоветовал связаться с любым адвокатом. В коридоре тюрьмы Освальд вскоре после 16 часов позвонил в Нью-Йорк, попросив соединить его с известным своими левыми убеждениями адвокатом Д. Абтом. Ничего из этого не вышло — телефонистка в Нью-Йорке не соединила в кредит. После неудачной попытки Освальд попросил следователя дать ему возможность переговорить с Абтом, оплатив разговор. При аресте у него изъяли 13 долларов. Фриц замял просьбу задержанного.

В 15 часов 26 минут полиция Далласа объявила, что убийца схвачен и допрашивается в городском управлении. Сыщики делали достоянием гласности данные о задержанном по мере их сбора, некоторые, разумеется, неточные. Представители прессы, радио и телевидения штурмом взяли здание управления. Им никто не препятствовал: местным полицейским страсть как хотелось показать товар лицом. Вместе с журналистами в здание имел свободный доступ любой, кто только хотел взглянуть на задержанного. На третьем этаже, где допрашивали Освальда, в коридорах скопилось более 300 корреспондентов. Давка была, как у стадиона на матче популярных команд. Вокруг здания машины телевидения, кабели от них тянулись прямо в окна третьего этажа.

Через густую толпу журналистов детективы водили Освальда на допросы и с допросов. Они с трудом проталкивались через людскую стену. Журналисты коршунами набрасывались на арестованного, одновременно требуя ответа на

сотни вопросов, тыкая ему в лицо десятки микрофонов. С кривой ухмылкой, не сходившей с лица, Освальд с трудом отстранялся от журналистов и, спотыкаясь о телевизионные кабели, кое-как проделывал свой скорбный путь в лапах дюжих полицейских.

В местном отделении Американского союза демократических свобод (АСДС) вскоре после задержания Освальда узнали, что он просит адвоката. Узнали просто — по телевидению передавали происходившее в здании полицейского управления: на экране Освальд, подняв над головой скованные руки, кричал, что ему нужна юридическая помощь, а вокруг теснились полицейские с искаженными злобой лицами. Председатель местного отделения АСДС Г. Олдс с трудом дозвонился до капитана Фрица и вежливо осведомился, разъяснены ли арестованному его права, и сказал, что АСДС готов немедленно оказать содействие Освальду. Фриц коротко ответил: задержанный отклонил сделанные ему предложения о юридической помощи.

Олдс был терпеливым человеком и счел необходимым вместе со своими сотрудниками явиться в полицейское управление. Он хорошо знал нравы полиции. В управлении после препирательства с полицейскими чинами Олдса направили к судье второго участка Далласа Д. Джонстону, который наблюдал за ведением следствия. Судья оценил благородство намерений Олдса и его коллег. Он заверил их, что Освальд отказался от услуг защитника. Он солгал. Освальд, потерпев неудачу связаться с Абтом, заявил, что является членом АСДС, платит членские взносы и просит прислать адвоката от этой организации.

С судьей Олдс встретился около полуночи, как раз в тот момент, когда в здании все пришли в сильнейшее волнение — окружной прокурор Вейд объявил, что, уступая настояниям прессы, полиция выведет Освальда на пресс-конференцию. Ее проведут в подвале, единственном помещении, способном вместить сотни людей. Пусть полюбуются, в Далласе не бьют арестованных. Наконец, Освальд в наручниках, с подбитым глазом — перед толпой журналистов. Ничего путного не вышло. В подвале галдели, требуя друг от друга замолчать, фоторепортеры лезли по головам. Освальда забросали беспорядочными вопросами, допытываясь, он ли убил президента. Он спокойно ответил, что «совершенно не понимает происходящего», он-де не убивал ни президента, ни Типпита. «Я настоятельно прошу, чтобы мне оказали юридическую помощь». Вопросы, вопросы. Арестованный сказал, что глаз ему подбил полицейский. Вейд сделал знак — убрать арестованного, толпа охотников за сенсацией пришла в ажиотаж. Детективы уволокли Освальда, пробывшего перед журналистами несколько минут. Пресс-конференцию продолжил Вейд.

Прокурор внушительно рассказал, что Освальду предъяв-

лено обвинение в убийстве президента, что действовал он один, а следствие уже собрало о нем достаточно изобличающих материалов. Вейд заверил, что прокуратура имеет возможность поддержать обвинение в суде. Он определенно хвастался оперативностью вверенного ему полицейско-следственного аппарата.

После часа ночи Освальда разбудили в тюрьме и повели на четвертый этаж. Открылась тяжелая дверь, и он оказался в другой камере среди группы людей. Судья Джонстон глубокой ночью решил формально предъявить ему обвинение в убийстве президента. Пометив время 1 час 35 минут 23 ноября, Джонстон зачитал постановление. Освальд все это уже слышал. Он запротестовал, требуя адвоката. Судья ответил, что он получит любого адвоката. Арестованный слышал и это.

Необычная процедура предъявления обвинения. Д. Бишоп, автор книги «День, когда был убит Кеннеди» (около 700 страниц, и все только о дне 22 ноября 1967 г.), не сомневается в виновности Освальда. Но и он замечает: «Арестованный мог кричать, как только мог, требуя адвоката, или вопить о своей невинности, и никто не услышал бы, кроме полицейских, считавших его виновным. Исход слушания был бы одинаковым в любом случае (при открытых или закрытых дверях. — *Н. Я.*), но представители закона хотели повторить оба обвинения — в убийстве Типпита и Кеннеди — негласным образом. По единственной причине — заткнуть рот Освальду... Некоторые полицейские, молча стоявшие за его спиной, знали, что Американский союз демократических свобод связался с полицией, предлагая защитить права Освальда. Представители закона лгали, утверждая, что он отклонил услуги адвоката. Он содержался в инквизиторской тайне людьми, заявлявшими, что стоят на страже закона»[2]. Так обстояло дело по существу. Что касается американской «паблисити», то из Далласа шло сообщение за сообщением — вина Освальда очевидна.

Провинциальные сыщики Далласа настолько увлеклись происходящим — в их руках был человек, объявленный убийцей популярного президента, — что игнорировали повторные обращения из Вашингтона: прекратить рекламу, которая неизбежно повредит дальнейшему расследованию. Впоследствии начальник полиции города Керри чистосердечно признался: «Мы нарушили все принципы допросов... вели дело с начала до конца вопреки принятой практике дознания». В декабре 1963 года американская ассоциация юристов заключила: «Широкая гласность предъявления обвинения Освальду, заявления полицейских чинов и оповещение о деталях «доказательств» сделали чрезвычайно трудным подобрать для обвиняемого беспристрастный состав жюри присяжных и обеспечить ему справедливый суд». С этим мнением полностью солидаризировалась ассоциация юристов

штата Техас. Но тогда, 22—24 ноября, полиция Далласа до конца и с лихвой использовала свои прерогативы: судопроизводство по преступлениям, не являющимся федеральными, отнесено по конституции США к сфере компетенции штатов.

Президент Джонсон отдал категорическое указание Э. Гуверу: расследование поручается ФБР. Президент не понимал, что юридически ФБР не могло подменить органы юстиции штата. Вейд и Керри отвергли поползновения из Вашингтона изъять дело в компетенцию федеральных властей. Они великодушно допустили сотрудников ФБР на допросы и позволили с разрешения следователя задавать вопросы арестованному. С самого начала между прокуратурой Далласа и ФБР сложились крайне напряженные отношения — Керри уже в середине дня 22 ноября дознался, что ФБР давно вело досье на Освальда, но перед приездом президента не поставило в известность полицию города о «потенциальной опасности» подозрительного человека. При желании полицейские власти города могли свалить ответственность за убийство президента на ФБР.

По существующей в Далласе практике после полицейского дознания арестованный передается на время ведения следствия шерифу, который помещает его в окружную тюрьму. Вечером 23 ноября Керри оповестил журналистов, что утром на следующий день Освальда перевезут из полицейского управления в окружную тюрьму. Около 3 часов ночи неизвестный сообщил по телефону в местный отдел ФБР, что таинственный комитет «решил убрать человека, убившего президента». Вслед за этим аналогичное предупреждение было передано по телефону в канцелярию шерифа. Керри информировали об обоих предупреждениях.

К 11 часам утра 24 ноября в подвале управления, где Освальда должны были посадить в автомобиль, скопилось около 75 полицейских и более 50 журналистов, операторов телевидения и кинохроники. Ярко сияли прожекторы — прямо из подвала национальные телевизионные компании вели передачу. В 11 часов 21 минуту Освальд появился из двери, его правая рука была прикована к руке сопровождавшего детектива. Другой держал его за левую руку, еще трое агентов сопровождали арестованного. Но вопреки общепринятой практике никто не шел впереди, Освальд был открыт. Едва он шагнул вперед, как из толпы выскочил человек и на глазах десятков миллионов телезрителей выстрелил в упор в живот арестованному. Рана оказалась смертельной: не приходя в сознание, Освальд умер.

На стрелявшего набросились, сбили с ног, повалили и вырвали пистолет. Из-под навалившихся полицейских он прохрипел: «Вы все знаете меня. Я — Джек Руби». Его действительно хорошо знали — владелец двух ночных клубов, сомнительный субъект, хулиган и драчун. По оценке Керри,

не менее 50 полицейских из 1175 личного состава полиции города поддерживали с ним знакомство. Руби имел обыкновение бесплатно кормить и поить полицейских в своих заведениях, где демонстрировали прелести голые девицы.

Руби арестовали, втолкнули в лифт и повезли на допрос. Сопровождавший полицейский сочувственно заметил: «Джек, ты наверняка убил его». «Я хотел выстрелить трижды», — ответил Руби.

Почему он стрелял? Через 15 минут после задержания Руби объявил полицейским: «Я хотел показать миру, что евреи также мужественны». Во время суда над Руби полицейский, слышавший эти слова, показывал: «У меня было ощущение, что он говорил не то, что думал. Звучало так двусмысленно, так не к месту».

Руби закусил удила. Он разглагольствовал: «Кто-то должен был сделать это. Вы, ребята, не могли... Самодовольный, высокомерный коммунист... хитрый и злобный... Мне казалось, что я смотрю на крысу»[3]. В машине по дороге в тюрьму Руби дружески беседовал с тем же агентом, который был прикован к Освальду в момент убийства: «Хотелось быть героем, черт возьми! Вообще я отвратительно поступил!»

Повели следствие. Руби уперся, выдвинув трогательную версию: убил, чтобы избавить горячо любимую им семью Кеннеди, в первую очередь Жаклин, от тяжких переживаний во время процесса над Освальдом. Сколько ни бились, стоял на своем. Зародились подозрения в его умственных способностях, вокруг подследственного захлопотали психиатры. Нашли, что он человек неустойчивый, склонный к буйству. За последние 14 лет 8 раз арестовывался полицией за незаконное ношение оружия, за драки. В своих ночных клубах Руби охотно брал роль вышибалы, правда, тщательно выбирая жертвы — бил пьяных и кто послабее, иногда женщин. Финансовые дела Руби оказались очень запутанными: в 1962 году ночные клубы принесли ему 41,5 тысячи долларов дохода, но за ним числилось недоимок по налогам свыше 40 тысяч долларов.

В начале марта 1964 года Руби предстал перед судом в Далласе по обвинению в умышленном убийстве Освальда. Случайно выяснилось, что судья Д. Браун в 1959 году рекомендовал Руби в торговую палату Далласа. Вообще-то нужно было бы в таком случае отстраниться от ведения дела. Браун отказался сделать это, объяснив, что тогда не знал по-настоящему Руби[4]. Патриархально-провинциальная американская обстановка в зале суда — дважды пришлось разоружать зрителей. О XX веке напоминали только два громадных вентилятора под потолком, мерное вращение лопастей нагоняло сон в переполненном суде.

Добряк судья Браун, не способный поддержать не только порядок в зале, но и уважение к отправлению правосу-

дия (защитнику: «Сделай одолжение, говори проще, оставь эту свинскую латынь!»), суровый прокурор Вейд (в 1963 году поставил национальный рекорд — по 93,5 процента его дел вынесен обвинительный приговор), щеголь-адвокат Белли из Сан-Франциско (взялся защищать бесплатно, домогаясь национальной известности). Самая малозначительная фигура — подсудимый. За семь дней процесса ему дали произнести четыре слова: в ответ на вопрос судьи, признает ли себя виновным, — «не признаю, ваша честь». Они утонули в потоке слов, низвергавшихся обвинением и защитой.

В судебном заседании исследовался лишь один вопрос — о вменяемости Руби в момент совершения преступления. Защита не вскрыла, как работал мозг подсудимого, не предъявила записи его мозговых волн (200 м лент). Размахивая папкой с ними, защитник доказывал, что его клиент невменяем: болен психомоторной эпилепсией. В суд вызвали крупнейших специалистов США по эпилепсии. Они с готовностью защищали теоретические основы своих собственных научных воззрений, забыв о подсудимом. Диспут получился весьма ученый. Звезда защиты доктор М. Гуттмахер сообщил, что отец Руби — еврей, выходец из России, «неграмотный иммигрант-пьяница», с 12 лет Руби не имел семьи, рос у чужих людей. Мать — шизофреничка, брат страдал депрессивным психозом, сестра также. Кеннеди для Руби — идеал, глава благополучной семьи, и его трагическая смерть разрушила внутреннее «я» подсудимого, для его восстановления Руби убивает. «Быть может, в этой любви к президенту таились скрытые тенденции гомосексуалиста?» — осведомился Белли. «Полагаю, что есть показания в пользу этого», — заверил Гуттмахер. И дальше в том же духе, непристойности на высокоученом жаргоне. У жюри присяжных — постных баптистов, судящих еврея, владельца вертепов разврата, впечатление, будто разверзся ад. Обвинение, помимо своих психиатров, провело через суд вереницу полицейских, показывающих, что Руби был вменяем. Белли неистовствовал. Еще в начале процесса он заявил Руби: «Дело трудное. Жюри — сучий выводок. Мы все равно будем апеллировать. Ты сиди смирно, а я поведу все». Вот как он вел. Идет судебное следствие. Дает показания полицейский чиновник Дин.

Дин: Руби сказал мне, что, когда он увидел саркастическую улыбку на лице Освальда (вечером 22 ноября по телевидению. — *Н. Я.*), он решил, что, если сможет, убьет его. А также хочет показать миру, что и евреи мужественны.

Вейд: Что он сказал?

Белли: (кричит). Евреи! Е-в-р-е-и! Я хочу, чтобы слышал весь мир, чтобы все гремело. Евреи! [5].

В заключительной речи Вейд потребовал смертной казни для подсудимого. Он напомнил жюри, что перед началом процесса присяжные поклялись — они сторонники смертной казни. «Мы поверили вам тогда, — наставлял Вейд, — мы

верим вам сейчас... Если вы освободите этого человека, вы отбросите цивилизацию на сто лет назад. Вы вернете мир к суду Линча».

Выслушав заклинания прокурора, присяжные заседатели удалились на совещание, которое продолжалось более 25 часов.

14 марта жюри вынесло вердикт: «Руби виновен в умышленном убийстве». Суд приговорил его к смертной казни. Когда осужденного уводили, Белли возгласил на весь зал: «Поздравляю присяжных с победой фанатизма... Не беспокойся, Джек. Мы апеллируем. Мы будем апеллировать в самый высокий суд на земле». Колесо судебной машины завертелось.

КОМИССИЯ УОРРЕНА: ПРОТИВ И ЗА

В первые часы после убийства президента губернатор Коннэли, морщась от боли, сумрачно заметил на госпитальной койке: «Мы допустили возникновение такой обстановки, когда фашизм и экстремизм вошли в моду... Мы все вынуждены страдать от ненависти и нетерпимости, пронизывающих общество сверху донизу... что проявилось здесь в пятницу. Ведь это не только один эпизод» [6]. Коннэли пока не имел никаких сведений об обстоятельствах преступления, кроме непосредственных крайне болезненных ощущений. В обыденной жизни первые впечатления — самые верные, иное дело у жрецов высокой политики.

Со временем выяснилось — в тот самый драматический день 22 ноября 1963 года уполномоченный ЦРУ во исполнение уже согласованного плана попытался вручить для убийства Ф. Кастро кубинскому контрреволюционеру Р. Кубело (проходивший в ЦРУ под кличкой ЭМ/ЛАШ) «ручку», которая могла выбросить смертоносный яд. Кубело, приискивавший вместе с работниками ЦРУ уже несколько месяцев орудие убийства Кастро, отверг «ручку» как «игрушку», потребовав «более изощренное» оружие» [7]. То, что стало достоянием гласности в середине 70-х годов, по всей вероятности, было известно уже в первые недели после смерти Дж. Кеннеди в избранном кружке правителей США.

Л. Джонсон, захлебнувшийся полнотой власти, в мгновение поднявшийся от вице-президента в президенты, строил далеко идущие предположения. До ушей работника ФБР дошло: Джонсон «уверен, что убийство — результат заговора, в котором замешано ЦРУ» [8]. Крупному журналисту президент открылся: Дж. Кеннеди «руководил распроклятой корпорацией Убийство Инк. в бассейне Карибского моря». А Р. Кеннеди Джонсон наверняка не без задней мысли благочестиво объяснил: «В молодости в Техасе я знал косого парня. У него был такой же косой характер, как и глаза.

Так Господь помечает плохих людей, и вы должны опасаться косых, ибо на них отметка Бога. Иногда, когда я вспоминаю об убийстве Трухильо (диктатор в Доминиканской республике, убит 30 мая 1961 года при участии ЦРУ. — *Н. Я.)* и убийстве Нго Динь Дьема, мне представляется, что случившееся с Кеннеди — возмездие свыше» [9].

Ссылки на высшие силы президент Л. Джонсон зарезервировал для частных, не подлежащих огласке, бесед, а для расследования убийства Дж. Кеннеди учредил 29 ноября 1963 года комиссию, возглавленную председателем Верховного суда США Э. Уорреном. В нее вошли семь человек, в том числе два сенатора, два конгрессмена (включая будущего президента Дж. Форда), А. Даллес и Дж. Макклой. Работа была закончена 24 сентября 1964 года. Доклад комиссии занял 469 страниц плюс 408 страниц приложений. В дополнение к нему опубликовано 15 томов свидетельских показаний (552 человека) и 11 томов документов.

Комиссия единодушно нашла: «Выстрелы, которыми был убит президент Кеннеди и ранен губернатор Коннэли, были произведены Ли Харви Освальдом... На основании данных, имеющихся в ее распоряжении, комиссия считает, что Освальд действовал в одиночку». Почему он пошел на убийство? Комиссия не дала на это четкого ответа, ограничившись указанием: у Освальда не было рациональных мотивов «по критериям разумных людей» [10].

Личность Освальда была изучена очень подробно. Прослежена его служба в морской пехоте, почти трехлетнее пребывание в СССР, где он в основном жил и работал в Минске, женился и откуда вывез жену в США, и, наконец, последний период перед убийством президента. В выводах комиссии сказано: «Его никогда ничто не удовлетворяло. Когда он был в США, то возмущался капиталистической системой. Когда он был в СССР, то, очевидно, возмущался членами Коммунистической партии... У него была глубокая ненависть к любой власти, выражавшаяся во враждебности к любому обществу, где он жил... а он страстно хотел занять место в истории». В 16 лет он хотел прикончить президента Д. Эйзенхауэра [11].

Было собрано множество доказательств того, что Освальд считал себя незаурядным человеком, только никак не мог применить свои способности. В апреле 1963 года он безуспешно пытался убить генерала Э. Уокера, выстрелив в окно его дома. Он начитался биографий исторических деятелей (в том числе Гитлера) и основал осенью 1963 года фиктивный комитет «За справедливую политику к Кубе!». Он занимался сомнительными делами, а в сентябре 1963 года пытался посетить Кубу. Кубинский консул в Мехико, отказавший в визе, объяснил, что «такие люди, как он, вредят кубинской революции». Освальд вернулся в США, где жена не хотела иметь с ним ничего общего (побои, нет заботы о двух

маленьких детях). Засунув за пояс револьвер, Освальд както рванулся из дома — убивать вице-президента. Жена заперла кровожадного супруга в ванной и не выпускала, пока он не остыл. Серьезное объяснение между ними произошло вечером 21 ноября, но, заключила комиссия, нельзя считать, что «отношения между Освальдом и женой заставили его убить президента».

В целом, указывалось в выводах комиссии Уоррена, «Освальд имел преувеличенное представление о своих достоинствах, однако терпел неудачу во всех делах, за которые брался». (Если не считать убийства Кеннеди...) Что до роли Руби, то в докладе сказано: «Расследование дела Джека Руби не дает никаких оснований предполагать, что убийство им Освальда было частью заговора». Комиссия разобрала различные версии о «заговоре» с целью убийства президента, указав на их необоснованность. Были начисто отвергнуты утверждения, что к убийству Кеннеди причастны некие иностранные державы или политические организации в США. Особо подчеркивалась необоснованность слухов о том, что Освальд был агентом ФБР или ЦРУ. Было указано также, что к выводам, аналогичным выводам комиссии, независимо пришли: Д. Раск, Р. Макнамара, Д. Диллон, руководитель ЦРУ Дж. Маккоун, Э. Гувер и Р. Кеннеди.

Автор первой большой книги о далласовской трагедии У. Манчестер с большой долей сарказма заметил: «Доклад комиссии Уоррена можно было бы снабдить подзаголовком «Жизнь Ли Харви Освальда». В основном это его биография, и он бы с радостью прочитал ее, в индексе Освальд упоминается в четыре раза чаще, чем Кеннеди и Джонсон, вместе взятые... В документе постоянно повторяется, что Ли Освальд был убийцей президента». При всем этом, подчеркивал У. Манчестер, «обвинительные материалы, собранные в пользу того, что преступление совершил он, значительно более убедительны, чем обвинение против Брута, не говоря уже об Иуде Искариоте. Он и был убийцей» [12].

Жизнеописание Освальда, начатое в докладе комиссии Уоррена, с годами углубилось экскурсами в сферу его психологии и семейной жизни. Куда как неглупая и прекрасно владеющая русским языком филолог Присцилла Макмиллан в 1977 году выпустила огромную книгу «Марина и Ли». Она знала нашу страну — получила степень магистра по истории Советской Средней Азии и как «советолог» обслуживала сенатора Дж. Кеннеди в середине пятидесятых. Особой близости не было, «я была в числе сотен друзей в его жизни, он был уникальным явлением в моей». Случилось так, что профессиональные интересы занесли ее в Москву, где она познакомилась с Освальдом и даже написала статью о нем.

П. Макмиллан годами беседовала с вдовой Освальда, опрашивала знавших его, читала, размышляла и нашла, как

ей представилось, ключ и побудительные мотивы убийцы, каким, не сомневается она, и был Ли. Марина заверила, что «цифра «три» производила на ее мужа магическое воздействие с первых дней их брака. Ли часто бегал смотреть фильм, поставленный по опере «Пиковая дама» на основе рассказа Пушкина. В Минске он каждый день ставил пластинки с музыкой из этой оперы и впадал в транс, слушая любимую арию, когда герой клянется свершить невиданные подвиги. В эти моменты он воображал себя Германном. Молодой гвардейский офицер Германн, живший в двадцатые годы XIX столетия, уверовал, что судьба определяет его жизнь, и был обуреваем магией цифры «три»... Марина была убеждена, что в тот вечер, 21 ноября, Ли вновь оказался во власти фантазии — он Германн».

Макмиллан добавила собственные разыскания: «Возможно, еще один голос нашептывал Ли перед убийством, говоря, что ему делать, — голос Джона Ф. Кеннеди. За несколько месяцев до этого Ли прочитал книгу Кеннеди «Очерки политического мужества»... Писал Кеннеди: «Нужно сделать что должно, независимо от последствий для себя, несмотря на препятствия и опасности». Эти или подобные слова могли быть в голове Ли Освальда, когда он прицелился и выстрелил после полудня 22 ноября». Еще Макмиллан просмотрела семейную жизнь супругов Освальда через призму «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, учла пьесы А. П. Чехова, а также нашла «при взгляде со стороны — Марина очень напоминает княжну Мэри... а Печорин очень походит на человека, за которого она вышла замуж, — Ли Освальда».

Американских читателей, чтобы они убедились в этом, она отослала к «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова в переводе Владимира и Дмитрия Набоковых. Макмиллан высмеяла представление о левых политических взглядах Освальда, приведя поразительный обмен мнениями в начале ноября 1963 года между агентом ФБР Хости и Р. Пейн, у которой снимала комнату Марина. Она доложила Хости, что Освальд признался ей — он «троцкист». Может быть, Ли «душевно неуравновешенный», обеспокоился посланец ФБР. Пейн разъяснила: «Я не понимаю хода мысли любого заявляющего, что он марксист» [13].

Официальная версия убийства Кеннеди подверглась, подвергается и будет подвергаться атакам. Американские ультра не уставали сокрушаться, почему убийство не было объявлено «коммунистическим заговором». Они исходили из своей логики, по которой тогдашний председатель Верховного суда США Э. Уоррен был якобы коммунистом. В то же время создано множество теорий, объясняющих убийство президента происками правых сил. Теории эти обосновываются фактами, не получившими, по мнению авторов этих теорий, должной оценки или вообще не рассмотренными комиссией Уоррена.

Комиссия очень торопилась, имея в виду завершить работу к выборам 1964 года. Как заметил Дж. Рестон в «Нью-Йорк таймс» в связи с выходом ее доклада: «Президент Джонсон приказал верховному судье Уоррену и его комиссии «обеспечить раскрытие истины, насколько это возможно». Президент Джонсон не размышлял об отдаленном будущем. Его тревожили слухи, распространившиеся в Европе, о том, что убийство — дело рук заговорщиков. Он просто пытался собрать факты. Он не думал об увековечении легенды о Кеннеди, больше того, по иронии судьбы, ему было бы трудно эффективно править, пока страна занималась историей Кеннеди. Однако, потребовав «факты», он сам создал драму, которая будет волновать нацию еще много лет после того, как историки определят место президента Кеннеди в истории» [14].

Стиль работы комиссии Уоррена в США часто квалифицировали как «придворный». У мыслящих людей вызвало раздражение ее стремление успеть поставить все точки над «и» до президентских выборов 1964 года, с тем чтобы снять с повестки дня избирательной кампании прискорбный эпизод. Президенту Л. Джонсону не пришлось отвечать на вопросы комиссии, хотя список их был подготовлен и представлен близкому ему юристу Э. Фортасу, позже назначенному членом Верховного суда США. Уоррен, к удивлению многих, послушно согласился с мнением Э. Фортаса о том, что президент не должен отвечать на вопросы.

Написали без большого промедления множество книг и статей, в которых поставили под сомнение центральный тезис комиссии — Освальд действовал в одиночку. Т. Бьюкенен в Англии в своей книге разработал версию о том, что за убийством Кеннеди стоит американский нефтяной магнат Х. Вслед за ним выступил Й. Йостен с книгой «Освальд: убийца или козел отпущения?». Эти две первые книги об убийстве Кеннеди, вышедшие в 1964 году, отличались большими преувеличениями и не нашли серьезного читателя [15]. Известные английские деятели Б. Рассел, лорд Бойд Орр, Дж. Пристли, проф. Х. Трейвор-Ропер, М. Фут, К. Мартин и другие учредили комитет «Кто убил Кеннеди?» Комитет, сказал Б. Рассел, «считает, что никогда не было более подрывного, непатриотического и опасного курса для безопасности США и всего мира, чем попытка правительства США укрыть убийцу их недавнего президента».

Первая реакция на первые сомнения — книга члена комиссии Уоррена конгрессмена Дж. Форда «Портрет убийцы». Автор расхвалил себя и своих коллег, прибегнув к крайним гиперболам. «Монументальные достижения комиссии президента будут возвышаться как Гибралтар в документальной литературе грядущих веков», свидетельствовал он. Допустим. А как с таким обстоятельством: прокуратура штата Техас доложила комиссии, что Освальд с 1962 года со-

стоял на службе ФБР под № 179, получая 200 долларов ежемесячно. В момент ареста он все еще был агентом ФБР. Поразительное сообщение! Комиссия палец о палец не ударила, чтобы выяснить, так ли дело обстояло в действительности. Сообщение прокуратуры списали как «грязные слухи» [16].

В своих мемуарах в 1980 году экс-президент Дж. Форд вернулся к месяцам, когда он заседал в комиссии Уоррена. Он доразъяснил свою прежнюю книгу: «По поводу заговора мы погрузились в споры, что едва не привело к появлению не единогласного доклада. Штат комиссии хотел, чтобы мы указали — не может быть и речи о заговоре иностранном или внутри страны. Рассел, Боггс и я сочли такое заявление слишком сильным, уговорив других членов комиссии внести небольшое, но очень значимое изменение в формулировку. В докладе указали: «Комиссия не обнаружила никаких данных, свидетельствующих о заговоре». Это, по моему мнению, куда точнее. Когда доклад был опубликован, критики заявили — мы оправдываем органы правительства, скрывая их соучастие в смерти президента.

Чепуха. Не было никакого соучастия ЦРУ, ФБР, секретной службы, полиции Далласа, любых других органов — штата или федеральных. Что до иностранного заговора, то ничто из ставшего мне известным в последующие годы, не заставит изменить хоть один из важнейших выводов, сделанных нами тогда» [17]. Чтобы ни у кого не возникло и тени сомнений в его правдивости, Дж. Форд открыл свои мемуары цитатой из книги Экклесиаста Ветхого завета, назвав сами мемуары словами из этой цитаты — «Время врачевать».

В октябре 1965 года известный американский журналист, лауреат премии Пулитцера С. Фокс попробовал свои силы, выпустив книгу «Оставшиеся без ответа вопросы по поводу убийства президента Кеннеди». К сомневающимся прибавился молодой американский ученый Э. Эпштейн, развернувший свою диссертацию в книгу, названную «Расследование». Он утверждает, что работа комиссии Уоррена была «предельно поверхностной». Автор обратил внимание на скверную организацию дела — члены комиссии, занятые своими прямыми обязанностями, могли уделить расследованию только часть времени. Между тем материалы поставляли 28 правительственных ведомств, снабдивших комиссию документами, занявшими 300 кубических футов. Рассмотрение и оценка всех их легли на плечи юристов, привлеченных к работе.

Они избегали заниматься сложными вопросами, сосредоточив усилия на одном доказательстве вины Освальда. Но даже в этой ограниченной сфере, замечает Эпштейн, было сделано далеко не все: «Так, например, было свидетельство очевидца о возможном втором убийце, которое никогда не дошло до сведения комиссии, хотя материал представило ФБР». В то же время Уоррен отказался ознакомиться с досье

ФБР об Освальде. Сославшись на «национальные интересы», он отослал досье назад в ФБР, удовлетворившись заявлением Э. Гувера о том, что Освальд никогда не работал в этой организации. В сущности, такой подход означал, подчеркивает Эпштейн, что «ФБР поверили на слово». Был или не был Освальд агентом ФБР, так и не проверили. Назвав еще множество странностей в работе комиссии и изучив обстоятельства убийства, автор заявляет: «Существуют веские доказательства того, что Освальд не мог действовать в одиночку... Отстаивая свою версию истины, комиссия Уоррена стремилась разубедить народ и охранить национальные интересы» [18].

Известный американский журналист Ф. Кук в обстоятельной статье в журнале «Нэйшн» в июле 1966 года вернулся к тому, что вызывало сомнение с самого начала. Он указал, что Освальд не мог за 5,6 секунды произвести приписанные ему три прицельных выстрела, а комиссия Уоррена наделила его качествами сверхстрелка. Кук настаивал на основании игнорированных показаний свидетелей, что 22 ноября 1963 года в Далласе раздалось больше трех выстрелов. Он не снимал вины с Освальда, высказав, однако, остроумное предположение: Освальд стрелял не в президента, а в губернатора Коннэли. Последнего он мог считать повинным в том, что в бытность Коннэли морским министром обычная формулировка о демобилизации Освальда из морской пехоты была изменена на позорящую его. Одновременно с Освальдом стрелял кто-то другой, метивший в президента.

«Освальд, безусловно, являющийся преступником, — писал Кук, — был использован как удобное прикрытие теми силами, которые имели больше оснований, чем он, стремиться к расправе с президентом. Кто они, эти люди?

Улик для вынесения определенного решения не осталось, поскольку сама эта возможность была отброшена в сторону сначала властями Далласа, затем комиссией Уоррена. Никакого глубокого расследования, которое могло бы дать ответ на этот вопрос, проведено не было, а это означает, что человек, чья пуля оборвала жизнь президента Кеннеди, находится на свободе» [19].

Декан философского факультета Калифорнийского университета профессор Р. Попкин начал с написания рецензии на книгу Эпштейна, а закончил выпуском собственной книги, в которой потребовал расследования, «независимого от правительства США, очевидно, являющегося заинтересованной стороной». Раскритиковав доклад комиссии Уоррена, профессор нашел, что в Далласе должен быть двойник Освальда. Он предупреждал, что «каменное молчание» в деле убийства президента к добру не приведет [20].

Громадный толчок кампании против доклада комиссии Уоррена дал нью-йоркский юрист Марк Лейн. Правдолюбец

в стиле американских «разгребателей грязи» начала XX века давно подыскивал дело, которое с такой же силой прозвучало бы в наше время. Заступник бедняков, юрист, защищавший клиентов против полиции, лихоимства властей, жадных домовладельцев, Лейн получил известность в части Гарлема, граничащей с кварталами белого населения. В 1960 году его избрали в легислатуру штата Нью-Йорк от этого района, заселенного городской голытьбой. Он боролся за гражданские права угнетенного негритянского народа, идя на личный риск. На политическом собрании в Восточном Гарлеме ему запустили в голову жестянкой из-под пива, а в заповеднике расизма — штате Миссисипи Лейна вместе с местным негритянским лидером арестовали за совместное пользование сегрегированным туалетом в аэропорту. Летом 1962 года Лейн объявил, что не будет переизбираться в легислатуру, а посвятит себя написанию книги, дабы сделать «вклад в борьбу за мир».

Наблюдая по телевизору за происходившим в Далласе после гибели Кеннеди, Лейн был потрясен нарушением прав арестованного, который был убит, когда находился под стражей. Лейн немедленно встал на защиту правосудия, попранного местной полицией и Руби. Он энергично высказал свое мнение в печати, мать Освальда назначила Лейна защищать интересы убитого сына. Комиссия Уоррена отказалась признать его официальным адвокатом, но разрешила выступить перед ней со своими показаниями. Лейн использовал предоставленное ему право, сообщив личное мнение, и начал собственное расследование. 15 августа 1966 года появилась его книга «Торопливое суждение» — фронтальный удар по всей работе и выводам комиссии Уоррена.

В книге поставлен ряд интригующих вопросов. Автор отмечает, что 58 из 90 свидетелей убийства слышали выстрелы не из книжного склада, а с поросшей травой насыпи, находящейся по правой стороне улицы. Бреннан, давший полиции поразительно точное описание Освальда, которого он видел с расстояния в 40 метров от здания и в полумраке комнаты на шестом этаже, не мог опознать его в полицейском управлении вечером в тот же день! Разумеется, побеседовав с сотрудниками ФБР, он «освежил» свою память, уже после убийства Освальда положительно указал, что видел в окне именно его.

Почему же он лгал при опознании? Бреннан ответил: «Тогда и сейчас я считаю, что все это была коммунистическая деятельность, и, поскольку, по-видимому, я был единственным свидетелем и об этом знали, моя семья и я не были бы в безопасности». В этой связи Лейн нашелся: «Если Бреннан действительно верил, что «коммунистическая деятельность» стоила президенту Кеннеди жизни, и искренно опасался в этой связи, у него были бы основания опасаться и ныне, ибо заговорщиков не обнаружили». Шаг за шагом

Лейн опровергал официальную версию убийства Кеннеди. Как и Эпштейн, Лейн полагал, что в президента стреляли и спереди, следовательно, было, по крайней мере, двое убийц. Комиссия заслушала 552 свидетеля, писал Лейн, «свидетельства, совместимые с презумпцией о том, что Освальд был единственным убийцей, принимались, даже когда они были неправдоподобны, свидетельства, противоречившие этой точке зрения, пусть самые убедительные, отвергались».

Лейн заклеймил работу комиссии Уоррена: «Если комиссия покрыла себя позором, то так же опозорено и федеральное правительство». Автор хватал широко, грозно закончив книгу: «Прецедент доклада комиссии Уоррена будет подрывать закон и бесчестить тех, кто написал его, не намного больше, чем тех, кто хвалит доклад» [21]. Солидная книга — около четырехсот страниц — производила впечатление уже своим внешним видом, не говоря о том, что предисловие к ней написал Х. Трейвор-Ропер, а во введении автор выразил благодарность Б. Расселу и А. Тойнби, «прочитавшим рукопись и сделавшим замечания».

Книга Марка Лейна послужила поводом для нового обсуждения доклада Уоррена. В США раздались настойчивые голоса о небходимости провести новое расследование трагедии в Далласе. Указывалось, например, что выяснить, откуда стреляли, невозможно: посмертные рентгеновские снимки и материалы вскрытия куда-то исчезли, а многие важные документы засекречены комиссией Уоррена на семьдесят пять лет. «Нью-Йорк таймс» в передовой комментировала: «Споры по поводу точности и полноты доклада Уоррена теперь достигли размеров небольшой, но процветающей отрасли промышленности в США» [22]. Вскоре газета сообщила: «Группа общественных деятелей в Нью-Йорке попыталась провести конференцию «круглого стола» по поводу доклада Уоррена... Главная трудность, с которой встретилась группа, — невозможность найти достаточно авторитетного человека для защиты доклада Уоррена и его выводов» [23]. Сомнения множились.

Тогда близкий к правительственным кругам «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» выступил с серией материалов в поддержку официальной версии. В числе их журнал напечатал громадное интервью с советником комиссии Уоррена А. Спектром, который повторил известные доводы в пользу того, что Освальд — единственный убийца. Рентгеновские снимки действительно не были представлены комиссии Уоррена, ибо Р. Кеннеди «отказался показать их кому-либо». Что до комиссии, то «из уважения к памяти покойного президента было решено не требовать их; комиссия заключила, что фотографии и рентгеновские снимки не были, безусловно, необходимыми». Отвечая на вопрос, следует ли открыть новое расследование, А. Спектор заявил: «Я не выскажусь против него, равным образом я против ограничения работы

любого ученого, занимающегося рассмотрением и анализом работы комиссии, и его права не соглашаться с ее выводами» [24]. 29 октября 1966 года семья Кеннеди передала в национальный архив материалы вскрытия и посмертные рентгеновские снимки, оговорив, что доступ к ним возможен только с ее разрешения. Материалы, которые не были представлены комиссии Уоррена, так никто и не видел [25].

Тем временем приговоренный к смерти Дж. Руби взывал к правосудию. Он повторно обращался к комиссии Уоррена выслушать его. 7 июня 1964 года Уоррен в сопровождении члена комиссии Дж. Форда встретился с Руби в тюрьме Далласа. При беседе присутствовали полицейские чины Далласа. Осужденный очень просил перевезти его в Вашингтон, где он скажет «правду», ибо «моя жизнь здесь в опасности». Руби страстно повторял, что он хочет сказать правду, «почему я совершил это, но здесь об этом нельзя говорить». Уоррен ответил: «Если бы я был в вашем положении, то, конечно, испытывал бы нежелание говорить. Я бы, конечно, тщательно взвесил, поставит ли это меня под угрозу или нет». Верховный судья отказался перевезти Руби в Вашингтон, ибо это привлекло бы «всеобщее внимание» и потребовало дополнительной охраны в самолете. Руби крикнул вслед уходившему Уоррену: «Теперь вы больше меня никогда не увидите. Я уверен». В своих мемуарах Дж. Форд вернулся к визиту в тюрьму в Далласе к Руби, который-де «оказался неуравновешенным субъектом, и хотя хотел рассказывать, на деле изъяснялся непонятно и почти ничего не прояснил» [26].

В октябре 1966 года апелляционый суд по уголовным делам штата Техас отменил приговор Руби, по формальным основаниям вернув дело на пересмотр. Осужденный не дождался нового слушания — 3 января 1967 года он умер в тюремной больнице. Официальный диагноз — рак. Руби написал несколько писем, они были изъяты охраной, а после его смерти проданы с аукциона. В одном из них, проданном за 950 долларов, Руби клялся в своей невиновности, жаловался и яростно бранился по адресу «нациста худшего сорта Л. Джонсона».

Пространно рассуждая об обстоятельствах убийства Кеннеди (письмо заняло 33 страницы), Руби писал: «Разве не удивительно, что Освальду, почти не работавшему всю жизнь, посчастливилось получить должность в здании книжного склада за две недели до приезда президента в Даллас, хотя об этой поездке не знал сам президент? Как же эта мелкая сошка Освальд узнал о приезде президента в Даллас? Только один человек мог знать об этом за несколько педель, ибо он и организовывал поездку президента... Единственный, кто выиграл от убийства президента, — Джонсон... Если Джонсон был так расстроен по поводу Кеннеди, то почему он не сделал чего-либо для Роберта Кеннеди? Он, однако, только обижал его». Следуя личной логике и в пред-

видении неизбежной «страшной смерти» (как он сам выразился), Руби писал: «Джонсон попытается начать большую войну с Россией, когда она разразится, Джонсон со своими лизоблюдами спрячется, а американцы могут быть сметены с лица земли» [27].

Смерть Руби придала новые силы М. Лейпу. Он умножил выступления по радио, телевидению, на митингах, в газетах, в США и за рубежом. (Лейн объездил с лекциями 15 стран.) Через месяц после кончины Руби «Плейбой» опубликовал «Откровенный разговор с неистовым юристом, автором «Торопливого суждения», документального, лучше всех распродающего обвинения доклада Уоррена». В сжатом виде Лейн повторил основные тезисы книги, указав, что нет «убедительных доказательств, что Освальд был более чем зрителем на месте убийства президента». Он обратил внимание: Освальда допрашивали 12 часов, но не сохранилось протоколов допроса. Начальник отдела по расследованию убийств полиции Далласа капитан Фриц «признал, что сделал запись (допроса), но разорвал ее после убийства Освальда!». Хирург Хьюмз, вскрывавший тело президента, также показывал: «Я, Джеймс Д. Хьюмз, удостоверяю, что сжег предварительные заметки» вскрытия. В упомянутом интервью Спектор объяснил действия Хьюмза тем, что «он никогда не проводил вскрытия тела президента». Лейн насмешливо заметил: «Несомненно, Хьюмз навещал пациента на дому во время смерти президента Рузвельта, и потому у него не было опыта, который научил бы его не уничтожать ценные правительственные документы». На письмо Лейна объяснить свои действия Хьюмз не ответил.

В национальном архиве собрали 1555 досье по делу об убийстве Кеннеди. 508 из них засекретили, некоторые на 75 лет. Сотрудники журнала особенно интересовались мнением Лейна об отношении семьи Кеннеди к докладу комиссии Уоррена. «После того как Х. Трейвор-Ропер выступил с критикой доклада в «Санди таймс», сказал Лейн, он сообщил мне, что косвенно получил весточку от сенатора Роберта Кеннеди: «Продолжайте хорошее дело...» Примечательно, что когда бы кого-либо из Кеннеди ни спрашивали о докладе Уоррена, то ответ гласил: «Я не читал его, но согласен с ним». Они не читали его! Для меня эти заявления значат: Кеннеди держат руки развязанными и выигрывают время в ожидании, когда смогут сказать: «Теперь мы прочли доклад и нашли, что он лжив».

Касаясь утверждений Руби о причастности Л. Джонсона к убийству Кеннеди, Лейн заявил: «Я не думаю, что президент Джонсон как-то замешан в убийстве, однако, пока не станут известны все факты, я не могу подкрепить мое неверие доказательствами». Лейн выразил убеждение, что доклад Уоррена полностью дискредитирован, сославшись на опрос Харриса в октябре 1966 года — только один из трех

американцев тогда все еще верил в него. Высказав убеждение, что доклад Уоррена «не переживет следующие шесть месяцев», Лейн заключил: «В истории доклад может получить известность как «обеление Уоррена», его можно будет поставить в ряд с Типот Дом [28] и процессом о поджоге рейхстага как синоним политических уверток и циничного извращения истины». Сверх того, Лейн пожаловался высокоморальной редакции «Плейбоя», что ФБР незаметно притесняет его: в национальном архиве он обнаружил 35 досье ФБР с записями его выступлений, а квартирный телефон подслушивается [29].

Накал страстей вокруг доклада комиссии Уоррена привел к тому, что поиски истины в деле убийства президента превратились в прибыльный бизнес. В самом конце 1967 года журналисты Р. Льюис и Л. Шиллер выпустили книгу с характерным названием: «Стервятники и критики доклада Уоррена». Они полностью поддерживают все выводы официального расследования и в меру своего таланта опровергают концепции М. Лейна, Э. Эпштейна и К°. Авторы настаивают, что все критические замечания — плод воображения и спекулятивных догадок.

Р. Льюис и Л. Шиллер обратили внимание на удивительное совпадение: в США книгу М. Лейна опубликовало издательство «Холт, Рейнхарт энд Уистон», печатающее труды его архиврага Э. Гувера. Книга, разошедшаяся в твердом переплете тиражом 225 тысяч экземпляров, не поддающиеся учету издания в мягком переплете и переводы, демонстрация фильма по книге (фильм шел два с половиной часа, Лейн играл в нем роль защитника Освальда), наконец многочисленные платные лекции дали автору изрядный доход. Аналогична история Эпштейна. «Финансовые выгоды, — напомнили Р. Льюис и Л. Шиллер, — совпавшие с известностью автора хорошо продаваемой книги, более чем компенсировали Эпштейна за нападки на его самые прочные теории» [30].

Критики критиков доклада Уоррена, разумеется, не унялись. Соавтор политического детектива «Семь дней в мае» — Ф. Нибел, хорошо знающий особенности жанра, обрушился на новичка Эпштейна: «Я скоро пришел к выводу, что Эпштейн повинен в тех же грехах, в каких он обвинял комиссию Уоррена, — извращениях, игнорировании документов, тенденциозном отборе фактов, дабы они соответствовали его теориям. В худшем случае Эпштейн написал опаспо лживую книгу. В лучшем — он повипен в том, в чем обвиняет комиссию Уоррена: «поверхностном» расследовании» [31].

К тому же соперники в вскрытии истины М. Лейн и Э. Эпштейн не могли поладить друг с другом. Их сенсационные изыскания вышли почти одновременно, и они схватились при дележе добычи — популярности авторов хорошо продающихся книг. Лейн сказал: «Книга Эпштейна имеет

один недостаток. Заявления, которые исходят от членов комиссии, нельзя проверить, — Эпштейн не использовал записывающую аппаратуру. Я предлагал ему скрытый магнитофон, он отказался, заявив, что это будет неэтично. Поскольку нет доказательств, возникают серьезные проблемы». Эпштейн отрицал, что Лейн обращался к нему с таким предложением. «Я могу только предположить, что Лейн лжец», — вздохнул он [32].

Десятилетнюю годовщину со дня гибели Дж. Кеннеди ознаменовал выход книги юриста, работавшего в комиссии Уоррена, Д. Белина «22 ноября 1963: Вы и есть жюри присяжных заседателей». В пятидесяти главах капитального труда Белин проаннотировал двадцать шесть томов материалов комиссии со своими комментариями. Он скромно определил свою задачу — «предоставить в распоряжение жюри присяжных заседателей мира суть показаний основных свидетелей... разоблачив методы творцов сенсаций — извращения, жульнические умолчания, клевета». В качестве выводов он перепечатал в конце своей книги подробное «заключение» комиссии Уоррена, начинавшееся словами: «убийство Джона Фицджеральда Кеннеди 22 ноября 1963 года было жестоким и постыдным актом в отношении человека, семьи, страны и всего человечества». Меньшими категориями ни комиссия Уоррена, ни Белин, всецело согласившийся с ней, не мыслили.

Горячо одобривший труд Белина Г. Солсбери от просвещенной «Нью-Йорк таймс» объяснил, откуда разные версии об обстоятельствах смерти Дж. Кеннеди: «В нашем горе мы инстинктивно схватывались за сверхъестественное. Казалось слишком банальным поверить, что Джон Ф. Кеннеди мог умереть в обстоятельствах менее королевских, чем Цезарь. Ли Харви Освальд представлялся слишком ничтожным человеком, чтобы повергнуть Камелот» [33].

Г. Солсбери выразил уверенность, что книга Д. Белина, подтверждавшая до последней запятой доклад Уоррена, поставила официальную точку на спорах по поводу убийства Дж. Кеннеди. Ошиблись все — «Нью-Йорк таймс», Г. Солсбери и Д. Белин.

У. МАНЧЕСТЕР И «СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА»

Профессиональный публицист Уильям Манчестер принадлежал к ближайшему окружению Дж. Кеннеди. До того как автор интеллектуально сошел на «новые рубежи», он написал семь книг, сотрудничал практически во всех ведущих американских общественно-политических журналах. Манчестер не стал придворным хроникером семьи Кеннеди, хотя хорошо примелькался около нее. В сентябре 1962 года

увидел свет его лирический рассказ-книга «Портрет президента: Джон Ф. Кеннеди в профиль».

Автор так любовно выписал портрет своего героя, что журналист Т. Уикер, выступивший критиком на страницах «Нью-Йорк таймс Бук Ревью» не сдержался: «Встает вопрос: на пользу ли любому президенту восторг, в какой впал г-н Манчестер и какой печать слишком часто проявляла в отношении г-на Кеннеди? Не приведет ли это к тому, что, как у Кеннеди, так и у парода возникнет эйфория? И когда придет беда, что неизбежно, не окажется ли падение с пьедестала чрезмерно болезненным. Президент Кеннеди заслуживает лучшего отношения со стороны своих биографов» [34].

Смерть президента от руки убийцы и убийство убийцы глубоко потрясли Манчестера. Он, зрелый мужчина 41 года, овладевший тайнами древнейшей профессии — журналистики, часами плакал навзрыд и слез не скрывал, сообщив об этом в статьях, написанных для массовых журналов, например «Лук» с тиражом в 8 миллионов экземпляров. «Припоминаю, — скорбно писал Манчестер после похорон Дж. Кеннеди, — как я поторопился в родной город, являвший собой, как и вся Америка, исполинский храм. В недели, последовавшие за трагедией, я просыпался ночами, все еще слыша страшный, заглушенный рокот барабанов на Пенсильвания-авеню, пришедший из моих снов. Мне казалось, что там, на склоне холма в Арлингтоне, погребены надежды целого поколения. Я дважды побывал на кладбище после похоронной мессы — каждый раз я вспоминал высказывание Нью Латимора, записанной мной в то светлое утро вступления в должность президента в 1961 году: «В день этот мы милостью божьей вздуем такую свечу... которая никогда не погаснет». Свет померк в наших жизнях, и я остался бродить во мраке мертвого прошлого» [35].

В начале 1964 года безысходный мрак прорезал слепящий луч надежды — Жаклин Кеннеди от имени семьи предложила Манчестеру написать книгу о смерти супруга. Предложение было принято с благоговением. Манчестер прервал работу над историей германских монополий, которую вел на Рейне, и поспешил в США. Министр юстиции США Роберт Кеннеди подписал договор, автор обязался к 1968 году закончить работу. Гонорар от книги — Библиотеке Кеннеди, от публикации отрывков в журналах — автору, что впоследствии составило соответственно 5 миллионов и 665 тысяч долларов.

Итак, дело сделано. Автор найден и засажен за дело. В договоре оговаривалось, что «члены семьи Кеннеди не будут сотрудничать с любым другим автором, который возьмется за эту тему». Мудрая осмотрительность! Многие публицисты рвались отстукать на пишущих машинках манускрипты любого размера. Роберт сказал: «Уже пишут множество книг, идет масса информации, в большинстве неверной. Множество

людей пытаются подзаработать на этом. Поэтому мы решили — пусть все материалы будут доступны только одному человеку» [36]. Р. Кеннеди был не совсем прав — не все измеряется деньгами, еще до избрания Манчестера два искушенных публициста Т. Уайт и У. Лорд отклонили предложение семьи взяться за книгу [37].

Позиция семьи в отношении будущей книги была недвусмысленно изложена Ж. Кеннеди. 1 октября она писала: «Я избрала мистера Манчестера, ибо уважаю его способности, полагаю, что он объективен и точен... Я не надзираю за его работой и не намерена делать этого. Он закончит рукопись, и она будет опубликована без моей или еще чьей-либо цензуры. Я не желаю определять, кому писать историю. Многие будут писать о прошлом ноябре, однако серьезным историкам следует подождать выхода книги мистера Манчестера. Эту книгу историки будут уважать». Автор был бесконечно благодарен Ж. Кеннеди за дарованную свободу творчества — она переслала ему копию письма, процитированного выше, а также Э. Уоррену. Манчестеру выделили стол в здании, где работала комиссия, и открыли неограниченный доступ ко всем ее документам и материалам.

Тут объявился конкурент — писатель Д. Бишоп, набивший руку в жанре описания убийств президентов. Он только что выпустил и прекрасно распродал книжку «День, когда был застрелен Линкольн». Бишоп обратился к Жаклин с просьбой дать материалы о покойном президенте. Вдова написала самозванцу: «Я наняла Уильяма Манчестера, чтобы он защитил президента Кеннеди и истину... Если я решу, что книга никогда не будет опубликована, тогда мистер Манчестер будет материально компенсирован за свои труды». Она, заключил Бишоп, «пытается получить исключительное право на публикацию рассказа об убийстве» [38]. Перед Бишопом захлопнулись все двери. Он не отчаялся и стал писать книгу без сотрудничества с семьей Кеннеди.

Но никто не мог угнаться за Манчестером, труд которого приобрел самоотверженный характер.

Два с половиной года бешеной работы по двенадцать, пятнадцать, иногда двадцать часов в сутки. Находки и разочарования, успехи и неудачи. Манчестер изучает документы, опрашивает сотни и сотни людей, рассказы которых ложатся на многие километры магнитофонных лент. Работа в Вашингтоне, поездка в Техас, снова столица. Роберт Кеннеди официально объявил в прессе, что Уильям Манчестер — историограф убийства в Далласе. Небольшие накопления Манчестера быстро тают, он экономит на всем — на такси, машинистках, обедает в дешевых ресторанах. Знакомые удивленно поднимают брови: костюм на Манчестере висит мешком. Будущее неопределенно; за исключением группы друзей, никто не верит, что книга будет иметь успех, а это финансовая катастрофа для автора.

Душевные страдания: «Наконец пришел день, когда мое перо остановилось. Я точно помню когда. Я пытался сказать: Освальд, окруженный более чем семьюдесятью полицейскими, был убит в подвале тюрьмы в Далласе. Но перо не двигалось. Это слишком. Мой разум возмутился. Как мог взрослый человек поверить, не говоря уже о том, чтобы написать такую глупость? Слова «Освальд, окруженный...» назойливо звучали в ушах». Манчестер не мог ничего с собой поделать и был госпитализирован. Диагноз — истощение нервной системы. «Двенадцать дней я лежал пластом, мучаясь над проблемой, как Джек Руби проскользнул мимо часового у входа...»

По мере того как авторский замысел обретал плоть и кровь, стали нагромождаться трудности. Манчестер предполагал, что они будут. Память услужливо подсказала — американский публицист Ред Смит как-то заметил: «Писать легко. Смотришь себе на каретку машинки, пока на лбу не выступят крошечные капельки крови». Людям пишущим известно — материал властно ведет за собой исследователя. Нескончаемый диалог рукописи и автора. Под пером Манчестера вставал жизнелюбивый, не хрестоматийный Джон Ф. Кеннеди. В абсолютно «свободной» Америке автор волен осуществить свой творческий замысел только в соответствии с договором.

Тем временем, заметил Манчестер, Жаклин Кеннеди, «изолированная громадным богатством, боготворимая сторонниками новых рубежей, перенесшими почитание с президента-мученика на его молодую вдову, а также теми, кто связывал свои надежды на будущее с услугами, оказываемыми ей и могущественному новому главе семейного клана, председательствовала над окружившим ее элегантным миром как прекрасная, грациозная, бесконечно трагичная королева-регентша. Оглядываясь назад, я понимаю, почему она стала считать избранного ею автора членом своего двора. Она даже убедила себя, как заметила в письме одному корреспонденту, что «наняла» меня, обмолвка, по моему мнению, забавная. В этих условиях Жаклин Кеннеди представлялось невероятным, чтобы я отказал ей в чем-то. Когда я пытался объяснить ей, что объективность моей работы не может быть предметом сделки, она не понимала. Она просто не верила. Обворожительно улыбаясь, Жаклин прошептала: «Вся ваша жизнь доказывает, что вы человек чести». На карту действительно была поставлена честь. Трудность заключалась в том, что ее понятие о чести резко расходилось с моим. Я — писатель, а не придворный».

Конфликт был неизбежен. Манчестер с глубокой тревогой и сокрушенным сердцем следил за тем, как легко идут на уступки авторы других книг, близкие к покойному президенту. Объемистые труды Т. Соренсена «Кеннеди» и

А. Шлезингера «Тысяча дней» по настоянию семьи Кеннеди пестрят купюрами. Семейную цензуру прошли мемуары душевного друга убитого президента П. Фая «Счастье знать его». Страницы испещрены пометками Р. Кеннеди: «Мистера Кеннеди нельзя именовать Джо, Большим Джо, следует называть его послом или мистером Джозефом Кеннеди»; «Хотел бы я знать, — мог ли Пол Фай написать это, если бы был здоров мой отец. Наглость!», и т. д. В общей сложности из книги Фая по настоянию семьи была исключена половина содержания. Но и этого оказалось недостаточным. Когда по выходе книги автор передал 3 тысячи долларов Библиотеке Кеннеди, Жаклин отвергла дар, объявив его «лицемерным».

Учитывая накопившийся опыт, Манчестер попытался убедить Селенджера, сочинившего воспоминания «С Кеннеди», не идти на обширные изъятия из текста. «Я два часа умолял его не сдаваться. Он отказался. Он — государственный деятель, не писатель. Он не мог понять, какие принципы были поставлены на карту».

Манчестер закончил работу над книгой значительно раньше обусловленного срока — к середине 1966 года. 28 июля 1966 года сенатор Роберт Кеннеди официально сообщил, что семья не возражает против опубликования книги, добавив: «Хотя я не читал рассказа Уильяма Манчестера о смерти Кеннеди, я знаю об уважении президента к мистеру Манчестеру как историку и журналисту». Редакторы занялись «доводкой» текста рукописи в издательстве, журнал «Лук», приобретший право первой публикации, готовил серию статей, материалы переводились более чем в десяти странах, а близкие к семье Кеннеди уже зачитывались написанным. К удивлению Манчестера, воспринявшего заявление Р. Кеннеди как окончательное одобрение рукописи, от имени Ж. Кеннеди посыпались требования исключить весьма существенные места.

Ни жизненный путь Манчестера, процветающего в США публициста, ни текст книги даже отдаленно не дают оснований представить его Дон Кихотом. Он прекрасно понимает границы «объективности» в условиях американской цивилизации. Собирая материалы к книге (включая беседы с Ж. Кеннеди), он отказался ознакомить с ними даже комиссию Уоррена. Автор сам изъял двести страниц из первоначального варианта рукописи, заключив, что они носят «слишком личный характер или необоснованно критичны в отношении людей, все еще занятых государственной деятельностью». Теперь, когда от клана Кеннеди волнами пошли требования сделать купюры в тексте, Манчестер стал в тупик. Он подсчитал: Ж. Кеннеди требовала исключить 6472 слова из текста серии статей, подготовленных для журнала «Лук». Поведение «этих крыс из «Лук» совершенно нетерпимо, истерически внушала Жаклин. «В целом, — за-

метил Манчестер, — 75 процентов изъятий не касались ее лично. То была попытка исключить чрезвычайно важные факты». Манчестер отказался.

Тогда Ж. Кеннеди подала в суд, чтобы воспрепятствовать выходу книги, а автор предстал перед разъяренным Р. Кеннеди. Манчестер попытался отшутиться: «Ну, Боб, нам нужно встать друг против друга с дуэльными пистолетами и шпагами!» В ответ он услышал поток брани и угроз. Трехчасовая беседа окончилась безрезультатно. Манчестер оказался в центре внимания печати, радио и телевидения. Предстоявший суд разбередил страсти. За Манчестером по пятам ходили и ездили в машинах с радиоустановками частные детективы.

Дальше — больше. «Мой редактор и я, — вспоминал Манчестер, — притаились в мрачном молчании в номере гостиницы в Мапхэттене, а сенатор, требовавший изменить текст книги, ломился в дверь, выкликая мое имя!.. Встретив друга-врача на улице, я спросил: «Не болен ли я манией преследования?» Он слабо улыбнулся: «Только не манией». Он был прав. Попытки принудить меня были абсолютно реальными, и, поскольку я изучал в свое время Германию при фашистах, я усмотрел в происходившем американский вариант гитлеровского приказа «Мрак и Туман».

До суда все же дело не дошло. Семья Кеннеди умерила страсти, а Манчестер кое-что выбросил из книги. За несколько часов до начала слушания дела в суде Жаклин Кеннеди отозвала иск. В середине 1967 года «Смерть президента» увидела свет. Советский читатель знает книгу У. Манчестера в русском переводе под заголовком «Убийство президента Кеннеди».

Манчестер поместил материалы, собранные во время работы над книгой, в Библиотеку Кеннеди — 18 томов с записями интервью и 27 досье с документами с условием: «Доступ к этим материалам будет открыт опытным ученым после смерти всех прямых потомков Джона Ф. Кеннеди, при жизни которых он был убит» [39]. Что касается места книги У. Манчестера в свирепой битве теорий, догадок, сплетен, обвинений, контробвинений, то Б. Консидин, написавший предисловие к книге Льюиса и Шиллера «Стервятники и критики доклада Уоррена», подчеркнул: «Марк Лейн — автор самой популярной книги «Торопливое суждение», направленной против комиссии (Уоррена), продолжает развивать свои личные торопливые суждения, скорее подстегнутый, чей сдерживаемый остро полемической книгой У. Манчестера «Смерть президента». Марк Лейн, очевидно, станет богатейшим человеком» [40].

Распри Манчестера с семьей Кеннеди ушли в прошлое, хотя шрамы остались. «Тайм», оценивая шансы Роберта Кеннеди на избрание президентом, восхитился: «Он способен изломать и избить Уильяма Манчестера, а затем убедить

писателя стать почетным председателем клуба «Кеннеди в президенты!» [41]. Жизнь брала свое, перед живыми встали новые задачи.

ЕЩЕ О РОБЕРТЕ КЕННЕДИ

Люди, уходящие из жизни молодыми, навсегда остаются в памяти молодыми. Особенно, когда такой человек, а им был Роберт Кеннеди, не уставал до последних дней подчеркивать свою молодость. В пьянящие дни конвента демократической партии летом 1960 года он восклицал: «Мы — молодая группа — будем править Америкой» [42].

В последней предсмертной книге «Обрести новый мир», посвященной «моим и вашим детям», Р. Кеннеди в 1968 году добавил важность индивидуальных условий молодости: «Многие величайшие движения в мире, мысли и действия проистекали от одного человека. Молодой монах начал протестантскую реформацию, молодой полководец расширил границы Македонской империи до пределов тогдашней земли, молодая женщина отвоевала Францию, молодой итальянский путешественник открыл Новый Свет, а тридцатидвухлетний Томас Джефферсон провозгласил, что все люди созданы равными. «Дайте мне точку опоры, — сказал Архимед, — и я переверну землю». Эти люди двигали мир, и мы можем сделать то же самое» [43].

Высоко метил Роберт; хотел оставить после себя «перевернутую землю». В личной жизни он преуспел — продлил молодость спортом, стал альпинистом и отцом 11 детей. Сложнее было в сфере политической и государственной, хотя и здесь Роберт очень старался. Голос его оставался молодым. Министр юстиции США Р. Кеннеди рекомендовал американской молодежи помнить, что «за исключением войны, ничто в Америке не готовит юношу лучше к жизни, чем футбол». Война и молодость в его представлении были неразрывно связаны. В 1948 году 23-летний Роберт выехал в многомесячную командировку в Европу и на Ближний Восток, в том числе корреспондентом на театр военных действий — возникал Израиль, и израильтяне схватились с арабами. Как обычно, обо всем позаботился отец — аккредитовал сына в газете «Бостон глоб». Роберт давал телеграммы из лагеря израильтян: «Вот молодая, твердая, решительная нация. Они сражаются с неслыханным мужеством. У них величайший и последний шанс, пути назад нет» [44]. Набрался мудрости из душевных бесед с боевиками сионистских террористических организаций Иргуна и Хаганы.

Впечатления, полученные тогда, Роберт спроектировал на некоторые прошлые события. В 1964 году он со специфической точки зрения припомнил свое детство: «Мой отец провел в 30-х годах много времени в Голливуде и познакомился с

массой еврейских семей. Он поддерживал дружеские отношения с братьями Варнс, Сэмом Голдвином и восхищался их умением учить детей уважать родителей и любить друг друга. Моему отцу все это так понравилось, что он решил воспитать своих детей аналогичным образом. Именно так и было поставлено воспитание в семье Кеннеди» [45]. Известно, однако, что Джозеф Кеннеди был заклятым антисемитом. Но в 1964 году, когда Роберт своеобразно истолковывал свое детство, он добивался избрания в сенат от штата Нью-Йорк, где жили 2,5 миллиона избирателей-евреев.

Смолоду Роберт любил простые решения сложных проблем, что отчетливо обнаружилось еще в Гарвардском университете и школе права в Вирджинском университете. Зимой 1950/51 года он трудился над дипломной работой, избрав ожесточенно дискутировавшуюся тогда тему — Ялтинская конференция глав правительств СССР, США и Англии в феврале 1945 года. Вопрос в общем был уже решен профессиональными историками — ялтинские соглашения отражали соотношение сил, сложившееся в антигитлеровской коалиции. Роберт энергично перевоевал минувшую войну. Он утверждал: «Принимая во внимание, что японцы не собирались продолжать войну, я не могу усмотреть, как военная мощь России в Маньчжурии могла бы спасти жизни американских солдат при вторжении на Японские острова... Совершенно очевидно, что при торге надо выяснить ценность приобретаемой вещи».

Упрощение, простительное для человека из семьи дельца с подобающим менталитетом и специально не занимавшегося международными отношениями, не простительно для студента-дипломника. Накануне Ялты американский комитет начальников штабов в Вашингтоне и генерал Макартур на Дальнем Востоке считали, что без вступления Советского Союза в войну с Японией ее удастся победить не раньше 1948 года, а потери при вторжении превысят миллион человек. Роберт все это знал, но его интересовала не история, а политика. «Политический просчет, — горячо доказывал молодой человек, — очевидный сейчас, следовало усмотреть тогда — не в наших интересах, не в интересах Китая или мира было превращать Россию в тихоокеанскую державу, не в наших интересах было просить Россию вступить в войну на Тихом океане. За эту ошибку мы платим кровью» [46].

Начинающий юрист указал виновников: «Президент Рузвельт считал, что путь разбить общего врага и обеспечить будущий мир — жить в дружбе с Россией... Эта философия достигла зенита в Ялте, и она означала смерть и катастрофу для мира... 11 февраля 1945 года мы сделали последний шаг, после которого спасения не было» [47].

Дипломник поставил все с ног на голову, очевидно бесцеремонное извращение фактов и желание высказать самые крайние суждения. Какова же была мораль всего этого, по

Роберту? «Отсюда урок: библейский принцип «лучше давать, чем брать» не всегда применим». Профессора, читавшие сердитый диплом, поставили автору четверку за вторжение новичка в историческую науку. Они, вероятно, соглашались, что студент проявил больше характера, чем знаний. Впрочем, учитывая время и социальный статус студента, об этом благоразумно промолчали и оказали честь напористому студенту, депонировав его работу среди достойных в библиотеке школы права. В 1968 году «Юпайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» выразил установившуюся точку зрения на успехи Роберта в науках: «Как ученый, он не проявил себя, получив в 1948 году степень бакалавра в Гарварде, где играл в футбол. Среди 125 выпускников Вирджинского университета в 1951 году он занял 56-е место» [48].

Впрочем, Роберт и не готовил себя для науки — общению с учеными он предпочитал общество кинозвезд, к которым неудержимо тяготел. Кандис Берген и Мэрилин Монро прекрасно знали Роберта, не говоря о множестве других, с которыми он был просто знаком. Все это он не считал нужным скрывать. Тем и отличался он от старшего брата, любившего показать, что его сердцу дороже интеллектуальные беседы с учеными.

Прямо со студенческой скамьи Роберт перешел в сферу государственной деятельности. В 1951 году он работает в отделе министерства юстиции, ведавшем надзором за уголовным судопроизводством, затем в подкомитете у Маккарти. Когда в 1954 году Р. Кеннеди в роли советника сенатского подкомитета по расследованиям вновь встретился с Маккарти не в роли подчиненного, тупость и глупость маккартистов глубоко опротивели ему. Во время позорнейшего расследования, затеянного Маккарти в армии, Роберт посильно высмеял инквизиторов.

На заседании 11 июля 1954 года сенатор Дж. Маккарти огласил очередной обширный план борьбы «с коммунизмом», предусматривавший создание международного альянса «демократических» партий — «Деминформа». Ухмылявшийся Роберт уселся рядом с сенатором-демократом Дирксеном и сформулировал ряд издевательских вопросов. Дирксен задал их, поставив Маккарти в тупик. Напыщенный трибунал превратился в бурлеск, смеялся зал, покатывались со смеху Дирксен с Робертом. Исполинско-идиотский план основания «Деминформа» рухнул.

По окончании заседания подручный Маккарти, отъявленный негодяй Р. Кон, подбежал к Роберту и, задыхаясь от злобы, стал бранить его. Словесная перепалка чуть-чуть не превратилась в драку. Их разняли. «Поскольку регби и альпинизм не были моими хобби, я, вероятно, выиграл от того, что до драки не дошло» [49], — признался с облегчением Кон.

С 1955 года, когда из подкомитета ушел Маккарти с его

великолепными помощниками, Р. Кеннеди — главный советник реорганизованного подкомитета. В силу политической принадлежности к демократам и по личным склонностям Роберт охотно занялся расследованием деяний правящей республиканской администрации. Возможности проявить себя оказались неограниченными. В поле зрения подкомитета попали дельцы, мошенничавшие на поставках обмундирования для армии. В ходе дознания всплыло имя некой Харт, правительственного чиновника, закупавшего обмундирование у нью-йоркских фирм. Роберт куда как круто обошелся с нечистой на руку дамой.

Он, жаловалась Харт журналистам, заперся с ней и своим подручным «в страшно душной комнате», где занялся «издевательством, запугиванием, рукоприкладством». В этих условиях она созналась во всем. Изобличенная взяточница добавила: «Я была бы готова сознаться в чем угодно, я бы под присягой подтвердила, что именно по моей вине треснул Колокол Свободы» [50]. Едва ли стоит сокрушаться. Незавидная участь в конечном счете постигла женщину, по уши погрязшую в лихоимстве. На скамью подсудимых сели шесть человек. Роберт мог быть доволен — в общем, по малозначительному и банальному поводу у позорного столба выставлялась администрация Эйзенхауэра.

Вероятно, самым крупным делом, которое провел Р. Кеннеди через подкомитет, было изобличение в мошенничестве министра авиации США Г. Тэлботта. По существующей в США практике при вступлении на государственный пост необходимо прервать на время работы в правительственном аппарате все деловые отношения с миром бизнеса. В марте 1955 года Роберт и его шустрые помощники получили донос, что Тэлботт содействует нью-йоркской фирме «Маллиган», связанной с военными поставками. Пикантность положения была в том, что до занятия должности министра Тэлботт был партнером владельца фирмы, а негласная проверка показала, что с воцарением Тэлботта в Вашингтоне «Маллиган» стала необычайно процветать, и доходы министра круто пошли вверх.

Р. Кеннеди доложил результаты изысканий председателю подкомитета Макеллану, однако дело не было предано огласке. Тогда случилось невероятное. «Нью-Йорк таймс» опубликовала письма Тэлботта, компрометировавшие его. Как они попали в печать? Разнесся слух, что письма передал редакции Р. Кеннеди. Он отрицал. Тэлботт, пылая негодованием, потребовал публичного расследования и явился в подкомитет, где попал в руки Роберта. Высокомерный министр, вероятно, полагал, что легко справится с малоизвестным юристом, каким был тогда Р. Кеннеди. Но Роберт вцепился в него мертвой хваткой.

В конце июля 1955 года он подверг Тэлботта допросу с пристрастием, под присягой.

Понятно, что вести допрос таким образом можно было, только имея все козыри в руках. Тэлботт оценил серьезность положения и на следующий день послал председателю подкомитета записку: «Сегодня утром я разговаривал с Джоном Джонсоном. Он напомнил мне о моем разговоре с Эвингом. Заявление Кеннеди о том, что я разговаривал с Эвингом, правильно. Мне изменила память». Точнее, министр сообразил, что ищейки Роберта собрали компрометирующие его факты. В последующие дни Роберт допросил в подкомитете Джонсона, Эвинга и др., которые потопили министра.

Тэлботт рванулся исправлять дело. Отказавшись от всех своих показаний, он объявил, что порывает с фирмой «Маллиган». Но было поздно. Эйзенхауэр затребовал протоколы допросов в подкомитете. Тэлботту предложили подать в отставку, что он и сделал 1 августа 1955 года. В какую-нибудь неделю Роберт свалил министра авиации США, главу исполинского ведомства, поглощавшего значительно более половины чудовищных военных расходов США.

Пытаясь как-то уладить скандал, Д. Эйзенхауэр наградил Тэлботта при уходе из министерства медалью «За выдающуюся общественную деятельность» и высшей наградой министерства обороны для гражданских служащих — «Медалью свободы». Это только подчеркнуло серьезность достижений Р. Кеннеди, положительно становившегося грозой для мошенников. Подкомитет в официальном докладе одобрил отставку Тэлботта, указав, что он «действовал нечестно, находясь на посту министра ВВС» [51]. Спустя два года Тэлботт умер от кровоизлияния в мозг. Вдова публично заявила, что ее бесподобный супруг пал жертвой «травли» Роберта.

В 1957—1959 годах Р. Кеннеди — главный советник сенатского комитета по расследованию недопустимых методов деятельности профсоюзов и предпринимателей. Очень ответственный пост — группа по расследованиям насчитывала 65 человек, фактический руководитель — Р. Кеннеди. Тяжелая, грязная работа — приходилось отстаивать интересы крупного капитала и иметь дело с уголовниками, засевшими в руководстве ряда профсоюзов.

Роберт быстро навел порядок в комитете. Сенаторы только дивились проворству молодого юриста. Он повел заседания так, что они иной раз оказывались простыми зрителями. Республиканец Б. Голдуотер, входивший в подкомитет вместе с Дж. Кеннеди, как-то резко выразил несогласие с методами Роберта. «Вы не верите в мою честность?» — заревел Роберт и, сжав кулаки, бросился к сенатору от штата Аризона.

«К счастью, — сухо комментировал Голдуотер, — Джек Кеннеди вскочил со стула, схватил Бобби за шиворот и не дал побить сенатора США».

Такие сцены объяснить можно — изнурительная работа.

Во второй половине 50-х годов Р. Кеннеди ввязался в тяжбу с руководством профсоюза водителей грузовых машин и грузчиков, насчитывавшего 1,7 миллиона членов. Президента профсоюза, гангстера Д. Бека, нагло грабившего профсоюзную кассу, удалось быстро упрятать за решетку. Сложнее пришлось с его преемником, ловко оборопявшимся жуликом крупного масштаба Дж. Хоффа. Иной раз Хоффа выходил победителем из словесных поединков с Робертом, которого именовал «маленьким садистским чудовищем».

Понять озлобление гангстера можно — Роберт с железной настойчивостью загонял его в угол. В конце 50-х годов ему удалось направить материал на Хоффа в суд. На радостях Роберт публично поклялся, что бросится головой вниз с купола Капитолия, если Хоффа оправдают. Настал день суда. В составе жюри — восемь негров. Хоффа учел это обстоятельство, в зале суда появился его давний друг негр Джо Луис, в прошлом кумир всех мальчишек Америки — чемпион мира по боксу в тяжелом весе. Луис объявил, что пришел посмотреть, «что хотят сделать с моим другом Хоффа». Негры в жюри не упустили этого обстоятельства, они сообразили, что подкомитет, в котором работает Р. Кеннеди, равнодушен к обеспечению гражданских прав цветного населения. Жюри оправдало Хоффа. Адвокат гангстера послал Роберту парашют для обещанного прыжка с Капитолия.

Роберт на все корки ругал министерство юстиции — завалили дело! Но не отступился, продолжая изнурительное расследование. Сыщики Роберта быстро установили кое-какие сомнительные связи Луиса и Хоффа. Но Роберт не стал трогать бывшего чемпиона, разумно рассудив, что тот не понимал размеров вреда, причиненного появлением в зале суда. Роберт прижимал более одиозных людей. Перед сенатским комитетом предстал подручный Хоффа некий Бейкер, звероподобный мужчина, весящий 150 килограммов.

Р. Кеннеди: Знаете ли вы Хама Данна?

Бейкер: Я не знаю его как Хама Данна. Я знаю его его как Джона Данна.

Р. Кеннеди: Где он теперь?

Бейкер: Встретился с богом.

Р. Кеннеди: Как это случилось?

Бейкер: Полагаю, на электрическом стуле в Нью-Йорке.

Р. Кеннеди: А как насчет ловкача Шеридана? Вы его знаете?

Бейкер: Эндрю Шеридана?

Р. Кеннеди: Да.

Бейкер: Он также встретился с богом.

Р. Кеннеди: Как он умер?

Бейкер: Вместе с мистером Джоном Даппом.

Р. Кеннеди обращается к Хоффа и спрашивает, не тревожат ли его тесные связи близкого сотрудника с уголовным миром. «Нисколько», — хохотнул тот.

Развязка наступила позднее, когда Р. Кеннеди стал министром юстиции и получил в свое распоряжение прокуратуру и полицейско-сыскной аппарат. Хоффа понимал, что его ждет — он публично отозвался о Роберте как «мерзавце», пообещав «вырвать ему обе руки». Одна из первых мер нового министра — создание специальной оперативной группы, неофициально названной «Изловить Хоффа!». Кольцо сжималось, преследуемый гангстер взывал к справедливости: «Наши телефоны, номера в отелях, которые мы занимаем, подслушиваются. Мы специально скажем что-нибудь, и на следующий день правительственные прокуроры уже знают. Профсоюз строит новое служебное здание в Детройте стоимостью в 800 тысяч долларов. Ко мне приходят и сообщают — оно уже все оборудовано аппаратурой для подслушивания... Они являются в школу и изучают моего сына. Они пристают к его друзьям, спрашивают, сколько костюмов у Хоффа, сколько денег у него в кармане. Всем аэропортам в стране дана команда — стоит Хоффа купить билет, они тут же сообщают ближайшему отделению ФБР точное время, когда он улетает и когда он прилетает» [52]. Джозеф Кеннеди мог только радоваться: подслушивание — вещь дорогостоящая. Если во время работы в сенатских комитетах Роберт оплачивал установку нужной аппаратуры на отцовские деньги, то теперь он располагал государственными фондами.

В середине 60-х годов Р. Кеннеди наконец довел до конца сражение с Хоффа. В январе 1963 года Р. Кеннеди отозвался о своем противнике как о человеке, «запугавшем лидеров рабочего движения сильнее, чем эсэсовцы Гитлера». Хоффа не остался в долгу. Он настаивал, что министр юстиции «составил заговор... создал гестапо из 72 полицейских агентов, 23 прокуроров и 32 членов большого жюри, чтобы сокрушить крупнейший профсоюз в Соединенных Штатах». В марте 1964 года Хоффа был присужден к восьми годам тюремного заключения и штрафу в 10 тысяч долларов. Р. Кеннеди одержал трудную победу. О следственной работе Роберта сложилось вполне определенное впечатление. Дружественный публицист писал: «Рвение Кеннеди в разгроме преступных синдикатов напоминает иезуита XVI столетия в погоне за еретиками» [53].

В 1960 году Роберт Кеннеди обобщил впечатление о борьбе с гангстерами в профсоюзном движении в книге «Внутренний враг». Он красочно описал этих людей: «Они выглядят как бандиты Капоне. Они ловкие, иногда толстые, иногда худые, но твердые и холодные. У них невозмутимые лица и жестокие глаза гангстеров, они дорого одеты,

носят кольца с брильянтами, часы, украшенные драгоценными камнями, и сильно надушены». Поймать их трудно. Кеннеди предложил в книге создать национальную комиссию по борьбе с преступностью, которая являлась бы «Центральным разведывательным управлением» в уголовном мире, обслуживающим 70 федеральных ведомств и более 10 тысяч местных органов по борьбе с преступностью по всей стране. Руководитель ФБР Э. Гувер, усмотрев в предложениях Р. Кеннеди угрозу возникновения конкурирующего ведомства, лицемерно воззвал к «демократизму» и осудил инициативу как попытку создать «национальную полицию», что-де подорвет права граждан.

Книга произвела впечатление на Голливуд. В начале 60-х годов там решили экранизировать произведение, фирма «Твенти сенчури фокс» заготовила контракт с Р. Кеннеди. Неожиданно возникли трудности с его подписанием — вмешался Джозеф Кеннеди. Представитель фирмы запротестовал и заявил отцу: «Ваш сын, министр юстиции, говорит, что согласен с формулировками контракта!» «Он ни черта в этом не понимает», — невозмутимо ответил старый делец. Контракт был изменен в соответствии с требованиями отца.

Помимо занятий высокой политикой, министр юстиции Р. Кеннеди неизменно весьма напористо действовал в сфере своих прямых обязанностей. Он пытался применять антитрестовское законодательство, вмешивался в расовые конфликты, решительно требовал расследования нарушений избирательных прав, особенно на Юге. Министерство возбудило судебное преследование должностных лиц, включая двух конгрессменов, трех членов верховных судов штатов, пяти мэров, нескольких местных начальников полиции и т. д. Роберт приобрел хобби — вести личный учет арестам и осуждениям важнейших преступников.

Подслушивание телефонов при Р. Кеннеди получило громадный размах. Он был недоволен, как ему казалось, ограниченными усилиями и возможностями ФБР в этой области и требовал расширить масштабы подслушивания. Министерство юстиции внесло в конгресс соответствующий законопроект. Туманные ссылки на «национальную безопасность» плохо маскировали спланированный Р. Кеннеди полицейский произвол. Несмотря на то что изобретательный министр несколько раз видоизменял проект, билль не прошел. Другое предложение Р. Кеннеди дать право «брать под арест» свидетеля, не сотрудничавшего с органами следствия, также застряло в комитетах конгресса. Как заметил конгрессмен, изучивший хитроумный законопроект: реализация предложения Роберта «превратит в преступника человека, свистнувшего в направлении агента ФБР».

Административные восторги Р. Кеннеди в стенах министерства юстиции порядком озадачили конгресс. Позднее он

попытался исправить сложившееся впечатление. В конце 1966 года разразился небольшой скандал — Э. Гувер напомнил, что именно в эру Кеннеди подслушивание телефонных разговоров стало обычной практикой. Роберт решил отрицать все. Но даже в высшей степени дружественный к нему биограф Маргарита Лэнг заметила: «В декабре (1966 г.) Р. Кеннеди заявил: «Хотя мистер Гувер утверждает, что эта деятельность усилилась во время моего пребывания министром юстиции, и подразумевает, что мы обсуждали ее, в действительности он никогда не обсуждал этот чрезвычайно важный вопрос со мной. Из сказанного им также следует, что руководство ФБР лгало мне в лицо, отрицая подслушивание телефонов, когда я официально запрашивал об этом».

Эти заявления клонятся к тому, что в области, к которой Роберт Кеннеди проявлял столь сильный личный интерес и которая действительно была необычайно важна, он будто бы был небрежен и не проявлял рвения. Но каков бы Роберт ни был в других отношениях, его никак нельзя упрекнуть в недостатке рвения. Работник министерства юстиции по этому поводу сказал просто: «Любой утверждающий, что Гувер действовал, не имея санкций на то, что он делал, говорит неправду. А любой утверждающий, что Билл Роджерс, Бобби Кеннеди и Ник Катценбах не знали, что делает Гувер, не знаком с фактами» [54].

Несмотря на запирательство бывшего министра юстиции, Э. Гувер стоял на своем. В письме любопытному конгрессмену шеф ФБР уточнил: «Мистер Кеннеди во время пребывания на посту проявил громадный интерес к делам такого рода и, объезжая различные города, не только лично прослушивал записи телефонных разговоров, но и ставил вопросы, как обзавестись лучшим оборудованием». Выяснилось также, что подслушивание проводилось отнюдь не только для изобличения преступных элементов, — государственный департамент, например, оказался опутанным сетью соответствующей аппаратуры [55].

Опровержения Р. Кеннеди не очень убеждали. Он усмотрел причину в другом, горестно заметив: «Воевать с Э. Гувером все равно, что сражаться со святым Георгием». Не только с ним одним — газеты рассказали, что схватка Гувера с Р. Кеннеди была делом рук Л. Джонсона, который подстрекал к ней руководителя ФБР [56]. В разгар Уотергейта президент Р. Никсон оправдывал подслушивание телефонов ссылками на свершения Р. Кеннеди на этом поприще. «Подслушивание телефонов, — разъяснил он на пресс-конференции 22 августа 1973 года, — достигло зенита, когда Роберт Кеннеди был министром юстиции в 1963 году. Подслушивалось более 250 номеров, по сравнению со 110 в среднем в администрации Эйзенхауэра и Никсона» [57].

Можно, конечно, без труда разглядеть в усилиях Гуве-

ра мстительное желание если не прямо очернить Роберта, то поставить его, по крайней мере, на одну доску со штатными сыщиками. Классификация для человека первого положения, каким был Р. Кеннеди в США, нетерпимая. Однако не вызывает больших сомнений очевидное обстоятельство, что почти за пятнадцать лет работы в органах юстиции Роберт приобрел профессиональные навыки в уголовном розыске. Человек, избравший целью жизни эти занятия, мог бы только гордиться полезными качествами. Но Роберт собирался стать ведущим политическим деятелем, поэтому он доказывал, что сыск — отнюдь не единственное его занятие. Он внушал, что занимался обеспечением гражданских прав, которые, однако, тесно связаны с гражданскими свободами. Вот о судьбе последних он, вероятно, не всегда задумывался.

Еще при жизни Джона Кеннеди поползли слухи, что Роберт в 1968 году обязательно будет баллотироваться в президенты. Весной 1963 года драматург Г. Видал представил на суд читающей публики свою оценку Роберта: «Нет никакого сомнения, что, когда в 1968 году Бобби предстанет перед конвентом, он прекрасно подойдет». Но, предупреждал Видал, «потребуется гений пропаганды, чтобы представить кандидата приятным человеком. Он не таков. Его самые примечательные качества — энергия, мстительность, прямолинейность в оценке мотивов людей — могут привести к падению. Бобби видит мир только в белых и черных красках. Они и Мы. Он совершенно не обладает качествами брата — легкостью в обращении с людьми и умением очаровывать». По словам Видала, Р. Кеннеди «окажется опасно-авторитарно настроенным президентом». В заключение он процитировал соратника Р. Кеннеди по государственной службе, который отчеканил: «Дело не в том, что Бобби против гражданских свобод. Он просто не знает, что это такое» [58].

Впрочем, на впечатления Г. Видала о Р. Кеннеди несомненно наложила отпечаток болезненная, чисто физически, стычка с министром юстиции. Как-то еще в 1961 году на танцах, устроенных в Белом доме в честь сестры Жаклин, Видал по-родственному обошелся с Жаклин. Р. Кеннеди на правах члена семьи президента призвал его к порядку. «Ты, наглый сукин сын», — бросил драматург в лицо министру. Гора выдворили из Белого дома, а Жаклин повелела не пускать его больше [59].

В поведении министра юстиции были и другие странности. Он очень любил войска специального назначения — «зеленые береты», созданные Дж. Кеннеди. Министр юстиции нередко приглашал группы «зеленых беретов» в семейный дом, «там они демонстрировали свою ловкость, прыгая с дерева на дерево, перелезали через сооруженные препятствия. Шривер выражал протест против этих военизиро-

ванных представлений, игнорируя их. Как-то на предложение жены Энис посмотреть на упражнения «зеленых беретов» он ответил — он не хочет, чтобы и дети видели это. «Зеленые береты» оказывают скверное влияние»[60]. Надо думать, Р. Кеннеди резко расходился во мнениях на этот счет со своим родственником.

В свою очередь, сверхподготовленные специалисты противопартизанских операций, получившие исключительный статус в вооруженных силах, платили горячей привязанностью Р. Кеннеди. В знак признательности они стали именовать себя «стрелки Кеннеди». Министр юстиции добился, чтобы в похоронах президента приняли участие солдаты частей специального назначения. Командир отряда майор Ф. Радди демонстративно возложил на могилу президента рядом с вечным огнем зеленый берет. Роберт подружился с преданным майором, «а среди самых дорогих для Бобби Кеннеди вещей — запонки с эмблемой войск специального назначения и зеленый берет, подаренный Радди и всегда лежащий на его столе»[61]. Вероятно, диверсанты в глазах Р. Кеннеди олицетворяли боготворимую им молодость и дисциплину.

В книге «Внутренний враг» он писал: «Великие свершения в истории нашей страны были достигнуты твердыми людьми, рисковавшими своей безопасностью и будущим ради свободы и идеалов: солдаты у Вэли Фордж, солдаты, штурмовавшие Семетри Хилл и стоявшие у орудий на вершине его, люди, покорившие Запад, морская пехота, сражавшаяся в Белью Вуд и на Тараве, не измеряли свои жертвы валютой личного вознаграждения. Но именно в результате достигнутого ими и бесчисленным множеством других ныне мы — могучая и процветающая держава». Суждения эти носили ура-патриотический характер, но все же наводили на печальные размышления: куда может направить свою энергию пылкий государственный деятель, если ему доверить высокий пост. Многим, несомненно, прочно запала в память сентенция Р. Кеннеди, высказанная весной 1963 года. В мантии власти министр юстиции наставительно произнес: «Нам очень нужен своего рода диктатор, который выслушивает всех, имеющих отношение к делу, взвешивает все факторы, затем выносит решение и говорит — это нужно сделать сейчас, а это вы сделаете потом»[62]. Общую установку он конкретизировал в надлежащих случаях.

В июне 1966 года сенатор Р. Кеннеди посетил Африку и побывал в Танзании. Он много говорил, и то, что дошло до США, вызвало, мягко говоря, недоумение. В Танзании Р. Кеннеди заявил группе лидеров правящей партии: «Я знаю, у вас однопартийная система. Именно такую систему я хотел бы ввести на родине». Шутка? Возможно. Но президенту Танзании американский сенатор повторил: «У вас

только одна партия. Мы можем использовать такую же систему в Соединенных Штатах»[63]. Что, на Р. Кеннеди подействовал африканский климат или он высказал свои сокровенные мечты? Вопрос остался открытым.

Во всяком случае, Роберт постоянно находился под огнем критики. В статье журнала «Тайм», подводившей итоги жизненного пути Р. Кеннеди, говорилось: «Многие политики и бизнесмены не только не любили, но искренне боялись его за то, кем он был и кем мог стать. Немало людей усматривали беспринципное честолюбие в любом его жесте и поступке»[64]. Все это прояснилось в 1968 году. Сторонники Р. Кеннеди, разумеется, были не согласны. Они были склонны списывать все за счет вечной молодости Р. Кеннеди.

А. Шлезингер, призывая к большей терпимости к нему, в 1968 году написал по поводу одного из самых деликатных вопросов: «В возрасте 27 лет Роберт Кеннеди короткое время прослужил младшим советником в комитете Маккарти. Но Губерт Хэмфри в то же время и в куда более зрелом возрасте (43 года) вместе с Мартином Дайсом внесли закон о контроле над коммунизмом 1954 года. Юджин Маккарти голосовал в палате представителей за все осуждения комиссии по расследованию антиамериканской деятельности... Хэмфри и Маккарти простили за дела, совершенные отнюдь не в молодости, в то время как проступки молодого Кеннеди не забыты. Я думаю, что это следствие того, что Хэмфри и Маккарти не вписываются в стереотипы обвинителей».

Сам Р. Кеннеди, когда ему исполнилось сорок лет, говорил: «Я прекрасно знаю, многие меня не любят, но теперь меня это больше не удивляет и не тревожит. Напротив, я великолепно понимаю причины. Я был замешан в стольких схватках, в стольких стычках»[65].

Все же дело не только в этом. По словам Т. Уайта, «в самом облике Р. Кеннеди было что-то, что отталкивало от него миллионы... Миллионам американцев его стремление к власти представлялось зловещим». Отпугивала прежде всего «беспощадность»[66]. Они хорошо запомнили по телевизионным передачам Роберта во время частых приступов гнева — указующий перст, громоподобные удары кулаком по столу, холодный взгляд.

Живое воплощение ярости.

«Я НЕ БОЮСЬ БОЯТЬСЯ»

Эти слова Р. Кеннеди произнес незадолго до гибели. После смерти Джона он, вероятно, решил на каждом шагу бросать вызов судьбе. Новое несчастье в семье только добавило отчаянности — через восемь месяцев после траге-

дии в Далласе Эдвард Кеннеди попал в авиационную катастрофу, двое пассажиров погибли, Эдвард получил серьезную травму спинного хребта. Только через несколько месяцев он смог снова стать на ноги, но отныне вынужден носить специальный корсет. Журналист У. Шаннон осведомился у Роберта, не поколебалась ли его вера в бога после гибели двух старших братьев и увечья младшего. «Не поколебалась, — ответил Роберт. — Конечно, нам иногда думается, что кто-то на небесах иной раз дремлет в то время, когда надо было бы заниматься делом».

Полеты, казалось, должны были ассоциироваться с семейными трагедиями. Родители жены разбились в самолете, при авиационной катастрофе погиб ее брат вместе с близким другом Роберта Дином Марком. В самолете погибла Катлин, пострадал Эдвард. Роберт был далек от суеверий и предпочитал самолет всем видам транспорта. Осенью 1967 года самолет Р. Кеннеди попал в бурю, машину страшно болтало. Он успокоил попутчиков: «Не волнуйтесь! Пока я с вами, опасности нет», а соседу по креслу шепнул: «Кроме того, все знают, как нашей семье везет с самолетами».

Авиация ладно, но в последние годы жизни Роберт шел на эскапады, чрезвычайно трудные и опасные для 40-летнего мужчины. В нем обнаружилось какое-то болезненное чувство неотложности, торопливости. Как заметил Х. Сиди: «Казалось, что он скользит в ужасную пропасть, к неминуемой катастрофе. Он стремился сделать и перепробовать все. Тогда-то он и начал на лодке форсировать пороги и карабкаться по горам». Все-таки не первоклассный альпинист, он совершил восхождение на самую высокую среди непокоренных вершин в Северной Америке — Маунт-Кеннеди (4000 м), названную так в память Джона. Опаснейшее предприятие — обрывистая гора находится почти в арктическом районе Канады. «Я сделал это, потому что боюсь высоты», — объяснил Роберт. Другое испытание в тропиках: в 1965 году он прыгнул с лодки в воды Амазонки, кишащие пираньями. Индейцы в ужасе закричали, что он рискует своей жизнью. «Слышали ли вы хоть об одном американском сенаторе, сожранном пираньями?» — отозвался из воды Роберт, продолжая плыть. Подвиги самоутверждения.

Роберт прекрасно понимал, что одного физического мужества мало для продвижения в жизни, где существенную роль играют и привходящие факторы.

В бытность министром юстиции он любил произносить перед подчиненными назидательную речь примерно такого содержания: «Не забывайте, что я пришел сюда, в министерство, десять лет назад на должность помощника прокурора с окладом в 4200 долларов в год. Но я способен. Я честен. Я интересовался делом. Я задерживался по вече-

рам. Мой брат стал президентом, и теперь я министр». Помедлив и улыбнувшись, Бобби заканчивал: «Конечно, эти обстоятельства перечисляются не в порядке их значимости». Так описывали довольно регулярную процедуру журналисты Н. Тимеш и У. Джонсон [67].

Смерть Дж. Кеннеди лишила министра юстиции привычной поддержки (да и Гувер немедленно возобновил старую практику непосредственного доклада президенту, минуя министра), но не могла отнять у него духовного наследия покойного брата. Известность Роберта в стране круто возросла, и пришел 1964 год — время очередной кампании по выборам президента. У тех, кто работал с Кеннеди, сомнений не было: Роберта — в вице-президенты! Жаклин, собиравшаяся приветствовать конвент демократической партии, уже объявила, что она-то в любом случае за Бобби. Сам Роберт 22 июня 1964 года официально заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру в сенат от штата Нью-Йорк. Он, несомненно, считал, что заслужил пост вице-президента.

Джонсон придерживался противоположного мнения. Буквально с 22 ноября он подыскивал повод, чтобы избавиться от Роберта, живого напоминания об унизительных годах вице-президента в захолустье «новых рубежей». Только-только усевшись в президентское кресло, Джонсон поставил министра на место. Когда на совещании Роберт заикнулся было, что президент Кеннеди поступил бы не так, Джонсон ледяным тоном возразил: «Президент Кеннеди — больше не президент». Придворным он говорил о Роберте: «Этот выскочка вылез слишком быстро и забрался слишком высоко. Он перепрыгивал ступени, когда другие учились жить. Я никогда ему не нравился, но его отношение ко мне ничто по сравнению с тем, как я отношусь к нему». На подступах к избирательной кампании 1964 года представилась долгожданная возможность свести счеты.

29 июня президент вызвал Роберта и, не отрывая глаз от бумаги, зачитал: «Я думаю о вице-президентстве. У вас блестящее будущее, хорошее имя и мужество, но вы находились на правительственной службе слишком долго. Я серьезно рассмотрел вашу кандидатуру и счел нецелесообразным выступать на выборах с вами». Президент осведомился, не откажется ли Роберт сам от выдвижения. Тот отклонил предложение. Выходя из кабинета, потрясенный министр просительно произнес: «Я был бы вам очень полезен». Джонсон отечески заверил, что в ближайшие месяцы Р. Кеннеди сумеет оказать неоценимые услуги любимой партии.

Выбросив за борт Роберта, президент был вне себя от радости. «И надерусь же я теперь, ребята!» — сообщил Джонсон в лучшем стиле техасца. «Наконец смахнул треклятую птицу с моей шеи!» — торжествующе кричал он. Нисколько

не заботясь о последствиях, президент на следующий день позвал в Белый дом троих журналистов. За затянувшимся ленчем он со смаком, издевательски рассказал о том, как проходила беседа с честолюбивым министром, разумеется, в собственной интерпретации. Президент забавно передразнивал Роберта и даже настаивал, что услышал, как тот «поперхнулся», узнав вердикт. Услужливые сплетники тут же донесли все дословно и с прибавлениями до сведения клана Кеннеди [68]...

Джонсон официальпо объявил, что для поста вице-президента не подходит ни один член кабинета или любой человек, часто поддерживающий коптакт с правительством. Роберт, встретившись вскоре с кандидатами в конгресс от демократической партии, со злобно-невинной улыбкой заявил: «Просто трепещу перед вами. Вы — не члены кабинета, не поддерживаете часто контакта с правительством и потому можете быть кандидатами в вице-президенты!» В окружении Р. Кеннеди чувств не скрывали, один из его соратников отозвался о Джонсоне: «Этот сукин сын сбил нас!» [69]. Президент отказал Роберту еще в одной просьбе — отправиться американским послом во Вьетнам.

25 августа, в день открытия конвента демократической партии в Атлантик-Сити, Р. Кеннеди объявил, что будет баллотироваться в сенат от штата Нью-Йорк. На конвенте почти 15 минут 5 тысяч делегатов и гостей, собравшихся в огромном зале, кричали: «Мы хотим Кеннеди!» Он раскланялся на трибуне, поблагодарил за доверие и напомнил о брате. «Когда я думаю о президенте Кеннеди, то припоминаю слова Шекспира в «Ромео и Джульетте»:

Когда же он умрет,
Изрежь его на маленькие звезды,
И все так влюбятся в ночную твердь,
Что бросят без вниманья день и солнце».

Слова Шекспира, вложенные в уста пламенно влюбленной Джульетты... Вслед за этим был показан документальный фильм о покойпом президенте, с большим вниманием просмотренный присутствовавшими. Л. Джонсон на семейную церемонию, в которую превратился конвент, счел целесообразным не являться.

Затем Р. Кеннеди отправился в штат Нью-Йорк отнимать место у 64-летнего, благообразного сенатора-республиканца К. Китинга, отслужившего в Капитолии восемнадцать лет. Республиканцы попытались объяснить пьюйоркцам, что у них уже есть свой сенатор, Китинг, делавший добро. Рассудительного Китинга действительно неплохо знали. Роберту было необходимо срочно предстать не холодным государственным деятелем, а добродушным кандидатом. 3 сентября он ушел в отставку с поста министра юстиции.

С государственной службой покончено. Это просто, а как

приобрести образ добряка? Роберт не недооценивал сложности задачи. Когда организатор пропагандистских телевизионных передач в штате Нью-Йорк заявил ему: «Основная цель нашей пропаганды, Боб, — изобразить вас мягким, искренним человеком», Роберт с редким юмором отозвался: «Вы собираетесь использовать двойника?» [70].

Но до этого дело не дошло, поступили много проще и привычнее. За 10 тысяч долларов наняли сатирика Г. Гарднера, сочинявшего шутки для развлекательных программ. О том, что он оплачивался, стало известно позднее, а тогда Гарднер объявил, что добровольно вышел сражаться за Р. Кеннеди.

Первая шутка, добросовестно повторенная кандидатом на массовых митингах: «Я привез в Нью-Йорк девять с половиной Кеннеди. Пусть любой другой кандидат попытается превзойти меня». Э. Кеннеди, уже имевшая девять детей, собиралась родить еще одного. Престарелая мать кандидата Роза Кеннеди постаралась стереть грань, отделявшую сурового политика от сына. Она разъезжала по митингам, рассказывала о детстве Роберта: «Я обычно лупила его линейкой» [71], — вздыхала мама.

Арендованный сине-белый вертолет, вмещавший двадцать пять человек, задал темп кампании. Роберт облетал на нем штат, выступая в скверах, на площадях, на улицах. Оплата проката вертолета — 525 долларов в час.

Прием был не везде дружественным. Он не обращал внимания, а делал свое дело в воздухе и на земле. Китинг, удобно устроившись в кресле в телестудии, агитирует за себя. Вдруг суматоха, перебранка в дверях, в студию врывается Роберт — приглашение сенатору превратить монолог в диалог. Парад на улицах города по случаю польско-американского дня. Роберта не пригласили, но он явился и пошел во главе колонны, игнорируя недружественные возгласы.

Перед еврейскими аудиториями он появлялся в ермолке. Сразу после выборов еврейский университет Есива в Нью-Йорке получил дар от фонда Джозефа Кеннеди 1450 тысяч долларов. В Гарлеме Роберт сообщил: «Ассигнования на войну с бедностью в Гарлеме сокращены до 30 миллионов долларов, это даже не капля в бочке для города, тратящего на общественное благосостояние ежегодно 600 миллионов долларов. Ребята здесь не глухие. Они знают, что наше общество расходует для отправки человека на Луну 7 миллиардов долларов в год. Они видят новые здания на Пятой авеню и Медисон-авеню. Но они лишены всего этого». Наконец, вспомнив об острой проблеме загрязнения воды, Роберт доверительно сообщил на митинге: «Вы знаете? Поговаривают: Китинг сбрасывает мусор в Гудзон».

Влиятельные демократы в Нью-Йорке, а их собралось 120 человек, образовали комитет «Демократы за Китинга». Среди них были журналисты, писатели (в том числе Б. Так-

ман), актеры. В заявлении комитет указал: «Мы не можем поддержать Роберта Кеннеди на выборах в сенат от штата Нью-Йорк. Мы считаем, что один из величайших мифов современной американской политики — широко распространенное мнение, что Роберт Кеннеди либерал. Мы считаем, что он противник либералов и человек с весьма опасными авторитарными тенденциями». Одни руководствовались чистыми помыслами. Другие стремились нанести поражение Р. Кеннеди чем попало. В разгар кампании была опубликована брошюра Ф. Копелла «Странная смерть Мэрилин Монро». На 70 с небольшим страницах доказывалось, что актрису убил Р. Кеннеди в сговоре с «коммунистами», ибо он потерпел неудачу в любовных домогательствах к «королеве секса».

Борьба поэтому не была легкой, и кампания обошлась дорого. 18 сентября «Нью-Йорк таймс» сообщила: «Стратеги Кеннеди собираются истратить на нее 1—1,5 миллиона долларов... Мистер Кеннеди должен собрать или оплатить сам почти весь избирательный фонд». Точных подсчетов по завершении выборов не оглашалось, известно только, что на оплату выступлений по телевидению Р. Кеннеди ушло около миллиона долларов. И. Ф. Стоун саркастически заметил накануне выборов: «Голосовать за Кеннеди не означает просто голосовать за сенатора. Он ведет себя так, будто страна задолжала ему Белый дом». С легкой руки публициста «Нью-Йорк таймс» борьбу за место в сенате обозвали «блицкриг Кеннеди», увенчавшуюся победой. В ноябре 1964 года Р. Кеннеди был избран в сенат от штата Нью-Йорк большинством в 719 693 голоса. Л. Джонсон прошел в президенты в штате большинством в 2 666 597 голосов.

Выступая после выборов, Роберт сообщил, что их итоги «являют собой убедительный мандат в пользу политики Джона Кеннеди». 4 января 1965 года в сенате были приведены к присяге впервые с 1803 года одновременно два брата: Роберт и Эдвард Кеннеди. Президент ответил тем, что ему было доступно, — он вскоре пригласил бывшего сенатора Китинга в Белый дом и демонстративно обласкал его. Расторопный старик, выходя из резиденции президента, возгласил: «Когда Белый дом занимали республиканцы, меня там даже толком не кормили» [72].

С 1965 года Роберт Кеннеди заседал в сенате США. Он оборудовал канцелярию, доставшуюся по праву добычи от Китинга, поставил там чучело громадного бенгальского тигра. Тут же провели параллель между зверем и новым сенатором. «Убрать тигру!» — распорядился расстроенный Роберт и обратился к делам. Он всецело поддерживал программу «Великого общества» Л. Джонсона, исправно голосуя за все социально-экономические меры, клонившиеся к улучшению материального положения тех групп населения, которые становились объектами законодательных мер.

Если сенатор Р. Кеннеди не соглашался с администраци-

ей, то главным образом относительно размеров ассигнований, потребных на социальное обеспечение, помощь бедпякам, расчистку трущоб и т. д. Он требовал их увеличения. Мультимиллионеру было петрудно показать и личный пример — из собственного кармана он доплачивал к зарплате своего штата сенатора 100 тысяч долларов в год. Учел трудности работы, Р. Кеннеди получал 1200 писем ежедневно.

Конечно, ему хотелось бы войти в престижный комитет по иностранным отношениям, но, увы, пока он оставался среди «младших» сенаторов, и пришлось довольствоваться членством в комитетах, имевших отношение к административным и социальным вопросам. Что же, можно отличиться и здесь. В 1966 году он предложил, чтобы автомобильная промышленность тратила пять процентов своих прибылей на обеспечение безопасности машин. В августе 1967 года Р. Кеннеди обвинил ряд банков и универсальных магазинов в том, что они рекламируют потребительский кредит, «прибегая к обману». Постоянно нападал на табачную промышленность за то, что ради прибылей фабриканты «проталкивают смерть», и внес три билля об ограничении продажи табачных изделий. К 1968 году организация «Американцы за демократические действия» нашла, что Кеннеди — один из двух сенаторов в текущем составе конгресса, «полностью набравших очки как либералы».

В связи с волнениями черных летом 1965 года Р. Кеннеди категорически указал: «Нет смысла говорить неграм — повинуйтесь закону... ибо для многих негров закон — враг». Он выдвинул программу: на федеральные средства расселить афроамериканцев из гетто крупных городов. В области трудового законодательства сенатор высказывался за отмену ненавистного раздела 14 б закона Тафта — Хартли, разрешающего штатам отменять «закрытый цех». Не случайно поэтому комитет политического просвещения АФТ — КПП нашел, что Р. Кеннеди всегда «на сто процентов голосовал за профсоюзы». Эти и многие другие деяния Роберта Кеннеди на трибуне и составили ему репутацию либерала.

Он очень торопился — говорил, говорил, говорил. Старался прослыть образованным, ссылаясь на авторитеты. Группе сенаторов Роберт заметил: «Описывая войны древнего мира, один из их генералов Тацит сказал...» Сенаторы подняли брови — до сих пор они считали Тацита историком. Политика меняла Роберта на глазах. Он показал руку журналисту и объяснил, что из-за рукопожатий правая ладонь у него стала шире левой. «Но, — добавил Роберт быстро, — у моего брата она была еще шире».

Внешне первые политические разногласия с администрацией Л. Джонсона у сенатора Р. Кеннеди возникли по проведению внешней политики. Сенатор Р. Кеннеди остался верен своей прежней привычке — при оценке внешнеполитических проблем исходить из личных впечатлений. Еще в

1955 году вместе с членом Верховного суда У. Дугласом он посетил Советский Союз. «Поездка в Россию, — рассказывал Дуглас, — была идеей его отца, и он попросил меня взять Роберта. Поездка заняла семь недель. Бобби много не говорил, но был очень наблюдателен и вообще составил приятную компанию. Поездка по России потрясла его. Мы воспитаны в замкнутом обществе, где все коммунистическое считается злом. Однако в Сибири Роберт заболел, температура подскочила выше 40 градусов. Русская женщина — врач просидела безотлучно у его постели 36 часов и спасла ему жизнь». По возвращении из СССР Роберт в беседах с близкими друзьями стал высказываться в том смысле, что Соединенные Штаты не заключают в себе всего мира. Вероятно, путешествия за рубежом расширили его кругозор. В этом отношении Роберт был верен семейным традициям, члены клана Кеннеди много разъезжали по разным странам.

За годы пребывания в сенате Р. Кеннеди предпринял три больших зарубежных турне — в Европу, Южную Африку и Латинскую Америку. В Латиноамериканских странах, где он был в конце 1965 года, сенатор собственными глазами увидел ужасающие условия жизни. Он побеседовал с рабочими на одной плантации, а затем встретился с плантатором. «Я вам хочу сказать, — заявил сенатор, — вы собственными руками готовите себе погибель. Если вы не платите приличной заработной платы, вы подрываете собственное общество». Им двигали отнюдь не сентиментальные порывы филантропа, а трезвый расчет. Посетив угольные шахты в Чили, где добыча угля велась под дном океана, он в лоб спросил управляющего: «Если бы вы работали там простым шахтером, то стали бы коммунистом?» Немного поколебавшись, тот ответил утвердительно. Кеннеди резюмировал: «Если бы я работал на этой шахте, то также был бы коммунистом».

Вернувшись в США, Р. Кеннеди похвалился, как именно он донес истину до туземцев, живущих южнее Рио-Гранде. Разумеется, Роберт не припомнил, как в одном из чилийских университетов сдержанные студенты объяснили ему, что он «представляет правительство, руки которого запятнаны кровью», менее сдержанные на встрече с ним скандировали: «Кеннеди к стенке!», а самые экспансивные бросали в сенатора тухлые яйца и всякую дрянь. Он пробормотал спутнику: «Если эти юнцы хотят стать революционерами, им бы нужно лучше научиться целиться». Плевок, однако, точно угодил в физиономию сенатора [73].

Выступая в Нью-Йорке на конференции, посвященной развивающимся странам, он, опустив драматические обстоятельства своего появления среди студентов, сказал, что описывал американскую экономику во время поездки как «электрический социализм» «не потому, что она является таковой, а потому, что для них такой термин будет звучать точнее, чем система свободного предпринимательства». Тер-

мип в аудитории прошел как-то незамеченным, только потом выяснилось, что машинистка при перепечатке речи по ошибке написала «электрический» вместо «эклектический». Оратор, не задумываясь, прочитал текст [74], но, в конце концов, он никогда не был ученым.

Что до сути речей, то философия была знакомой — сформулированная уже Дж. Кеннеди и слегка отредактированная советниками Роберта. Сумма взглядов сенатора на внешнюю политику США сводилась к трем положениям: обеспечение мощи, достаточной для достижения американских интересов, причем «необходимо иметь мудрость не использовать эту мощь непосредственно и без разбора»; распространение в мире «понимания того, за что стоят Соединенные Штаты»; борьбу против коммунизма надлежит вести через «прогрессивные практические программы, ликвидирующие нищету, бедность и недовольство, на которых он процветает». Не слишком сложные теоретические выкладки, тем не менее он считал их достойными книг, хотя и умеренных размеров.

В труде «Достижение справедливости» Р. Кеннеди изрек: «Москва остается энергичной и бдительной, и ее постоянный вызов нашей свободе опасен. Календарь коммунистических замыслов рассчитан на десятилетия, а не на недели». Как же оборониться от того, что именовал автор «агрессией, принимающей множество форм»? Требуются «различные реакции». Р. Кеннеди убежденно считал: «Хотя мы достигли некоторых успехов, мы не овладели искусством противопартизанских действий. Еще более важно с точки зрения практических соображений: мы не отточили технику подготовки подданных других государств для борьбы против коммунистического терроризма и партизанских действий. Этот вид войны может необычайно затянуться, оказаться дорогостоящим, но он необходим, если коммунизм должен быть оставлен. Мы обязаны выполнить это дело до конца [75]. Журналист, взявший в начале 1967 года интервью у Р. Кеннеди, заключил: «Кеннеди не за окончание холодной войны, а за то, чтобы вести ее новыми, изощренными методами» [76]. Новизна сомнительная.

Во второй половине XX века Р. Кеннеди реформулировал традиционные принципы внешней политики американской буржуазии — воевать чужими руками, придерживаясь известных принципов «баланса сил». С этих позиций он и подошел к войне во Вьетнаме, оказавшейся необычайно удобным поводом для флангового маневра против администрации Л. Джонсона — обхода слева. То, что война была непопулярной в стране, сомнений не вызывало, как был очевиден и факт, что сенатор Кеннеди послушно вотировал все правительственные ассигнования на ее ведение. Пути Р. Кеннеди и администрации начали расходиться где-то на рубеже 1965 и 1966 годов, когда Вашингтон отправил во Вьетнам крупные контингенты американских войск. Сенатор Кеннеди

усмотрел в этом нарушение вековечных принципов внешней политики США, взваливших на себя бремя военных операций. Прогрессивные силы страны, протестовавшие против вьетнамской авантюры по совершенно иным основаниям, объективно оказывались на его стороне.

Хотя в начале 60-х годов Р. Кеннеди стоял у истоков агрессии во Вьетнаме, ее размах оказался, во всяком случае для него, непредвиденным. В 1962 году министр юстиции убежденно писал: «Мы победим во Вьетнаме. Мы останемся там до победы... Я думаю, что американский народ понимает и полностью поддерживает эту борьбу» [77]. Теперь он заговорил по-другому. В речи 19 февраля 1966 года Р. Кеннеди высказался за прекращение войны путем переговоров, предусмотрев для Национального фронта освобождения Южного Вьетнама «долю власти и ответственности» в новом правительстве.

Джонсон впал в ярость. Он вызвал сенатора в Белый дом. Президент изъяснился на знакомом ему жаргоне техасских скототорговцев: «Если ты еще посмеешь так говорить, то потеряешь политическое будущее в стране... В ближайшие шесть месяцев все вы «голуби» будете уничтожены... Не желаю больше слышать о твоих взглядах на Вьетнам и не желаю больше тебя видеть». Роберт, в свою очередь, обозвал президента «мерзавцем» и так закончил разговор: «Не хочу сидеть здесь и жрать это...» [78].

С тех пор они практически не виделись, но с острым любопытством допрашивали: Роберт — вернувшихся из Белого дома: «Что он сказал обо мне?», а Джонсон осведомлялся: «Как там младенец Кеннеди?» Президент сполна отплатил бывшему министру юстиции. «Этот трус» Джонсон, говаривал Роберт друзьям, отдал приказ подслушивать телефонные разговоры сенатора [79]. Впрочем, по принципу — око за око. «Люди Кеннеди» поносили президента, сторонники последнего не оставались в долгу. Они упомипали о Роберте с малолестными эпитетами, например: «Этот — следствие отказа противозачаточных средств», «либерал-фашист», а среди сикофантов, толпившихся в Белом доме, был популярен призыв: «За бога и родину вперед на Кеннеди!» [80].

Роберт, открыв золотую жилу политического роста — войну во Вьетнаме, без устали эксплуатировал ее. В Нью-Йорке 23 августа 1967 года он нашел, что выборы в Южном Вьетнаме — «надувательство», в Чикаго 9 февраля 1968 года доказывал, что США не могут выиграть войну там. Другу он сказал: «Я попытался всем, чем мог, остановить войну, но Джонсона остановить нельзя» [81]. А жизнь шла своим чередом, ему все больше надоедал сенат, раздражала парламентская процедура. Летом 1966 года на заседании комитета, членом которого он был, Роберт некоторое время следил за спором почтенных сенаторов по поводу формулировки резолюции. Наконец, вскочил и завопил: «О, дьявол, да бросьте же мо-

нету: орел или решка!» — и выскочил из зала. Вспомнили: еще будучи министром юстиции, он терпеть не мог сенатских словопрений. Тогда, в августе 1961 года, его выставили с галереи сената: он жевал резинку.

Прежний оптимизм уступал место трагическому фатализму. Он зачитывался Камю, находил, что Эсхил, введший трагедийного героя в литературу, — «любимый поэт». Если раньше, в разгар кампании 1964 года, фразы типа: «А, впрочем, не все ли равно, что я решу предпринять? Быть может, все мы уже обречены» — были редкостью, то к концу 1967 года набили оскомину, перемежаясь приступами молчаливого, болезненного уныния. «Каждый из нас имеет только одну жизнь, — говорил он. — Я думаю, что мы появились в этом мире, чтобы внести в общую сокровищницу свой вклад, каков бы он ни был... Для этого не следует ждать целое десятилетие». В другой раз: «Я не могу сидеть сложа руки и гадать, не повредит ли мне в политической обстановке 1972 года то, что я собираюсь сделать сейчас. Кто знает, буду ли я жив в 1972 году?» А заканчивал свои размышления стереотипной сентенцией: «Я не знаю, что делать, если не изберусь президентом».

Мысль о президентстве как рок неотступно преследовала его. Отвоевать семье и себе Белый дом, вернуть американцам президента Кеннеди. Они поймут. «Послушание легче при понимании, — писал он еще в книге «Достижение справедливости». — Американцы замечательный народ, когда дело доходит до выполнения того, что от них требуется. Я надеюсь, что следующая за этим лекция (не проповедь!) поможет разъяснить, что от них ожидается». И это писалось для сведения демократической американской нации, каковой она себя почитает! Роберт был уверен, что встреча народа с ним, сидящим в кресле президента, неизбежна.

Его спросили, стал бы он баллотироваться в президенты, если был бы жив Джон. Роберт ответил: «Полагаю, что в конечном счете да. В противном случае мне пришлось бы ждать какого-нибудь правительственного поста... Мне нужно что-то делать и занять свой мозг. Я бы баллотировался, даже если бы Джон был жив. В сущности, я не хотел быть сенатором». Роберт бережно хранил портсигар, подаренный ему Джоном после конвента 1960 года, с надписью: «Когда я отбуду свою повинность, как пасчет тебя?»

Вокруг него стало собираться «правительство в изгнании» — лица, поставившие все на возвращение к власти администрации Кеннеди. «Мозговой трест» грядущей администрации заработал с осени 1966 года, когда в Гарварде произошли события, беспрецедентные в истории университета. Корпорация Библиотеки Кеннеди предоставила в дар аспирантуре по общественной администрации 3,5 миллиона долларов, с тем чтобы отныне это учреждение носило имя Джона Ф. Кеннеди. Никогда в истории университета до тех пор

ни одно из его учреждений не переименовывалось по имени мецената.

Главное — корпорация Библиотеки Кеннеди пожертвовала еще 10 миллионов долларов на учреждение в рамках этой аспирантуры Института политики. В совещательном комитете, создаваемом для руководства институтом, одно место навсегда резервировалось за семьей Кеннеди. С финансовой точки зрения безупречная операция — средства на основание этих организаций не принадлежали семье, а составились из пожертвований тысяч американцев, радевших об увековечении памяти погибшего президента.

Однако, стоило институту открыть свои двери, как стало очевидным: под маркой академического учреждения вырос «мозговой трест», обслуживающий нужды Р. Кеннеди. Средства массовой информации указали: попраны каноны — политика властно вторгалась в сферу науки. Руководители новых учреждений Д. Прайс — директор аспирантуры, Р. Нейштадт — директор института и А. Гарриман — председатель совещательного комитета института энергично опровергли инсинуации.

Д. Прайс возмущенно написал в газеты: «Я допускаю, что для Гарварда необычно присваивать чье-либо имя учреждению, однако также необычно, когда выпускника Гарварда убивают в должности президента США». Семья Кеннеди сохранила приличествующее молчание, предоставив отругиваться профессуре, собравшейся в институте. Профессора неплохо справились с задачей, доказав респектабельность новейших изменений в заповеднике академических свобод, каким по традиции почитается Гарвард. Некий анонимный поэт-сатирик откликнулся:

Оставь надежды подкупить иль принудить ученого-политика,
А посмотри, что он творит неподкупным критиком.
И ясно станет тут, друзья,
Что деньги ты истратишь зря.

Как бы то ни было, «культ личности» получил солидную базу.

2 апреля 1966 года журнал «Нью рипаблик» писал: «Кеннеди не сколачивает блока или коалиции и не отрабатывает программы. Происходящее менее драматично, вокруг него собираются люди на правительственных постах и не имеющие таковых, которые, грубо говоря, и составляют партию Кеннеди... Партия Кеннеди может быть антивоенным правительством в изгнании. Она уже стала прибежищем для многих государственных деятелей эры новых рубежей, преждевременно лишившихся своих постов. Возник своего рода «теневой кабинет», который Кеннеди использует как источник идей и в меньшей степени для политической деятельности». Короче говоря, он мостил путь к высшей власти.

Действительно, с 1966 года Роберт повел себя как канди-

дат в президенты, разумеется, не объявляя об этом официально. Он ввязался в избирательную кампанию по выборам в конгресс, агитируя за двух приятелей. Влиятельный журнал заключил: сенатор «вел себя так, как будто стремился всеми силами быть избранным в президенты, хотя сейчас не год президентских выборов, а Бобби Кеннеди не кандидат на какой-нибудь пост» [82]. Он исподволь разворачивал организацию, необходимую для национальной кампании. В основном это были те же люди, которые в свое время работали на Джона Кеннеди. В Капитолии из ста сенаторов у Р. Кеннеди был самый большой штат секретариата и канцелярии — около пятидесяти человек.

Тем временем сенатор объяснил, каким путем надлежит пойти Соединенным Штатам. Его речи по калибру были крупнее поста оратора. Он говорил как уже наслаждающийся властью президент. Будущие Соединенные Штаты виделись Р. Кеннеди крепко сплоченной нацией, объединенной единой целью. Он понимал, что становой хребет государства — экономика. Как ее двигать дальше?

«Мы должны развивать просвещение и образование, основной капитал технологического общества. Министр обороны как-то сказал: «Контракты заключаются с теми, кто имеет мозги», — и по основательной причине, 80 процентов нашего промышленного роста в XX столетии было результатом ни капиталовложений, ни роста населения, но последствием изобретений и рационализации. А изобретения и рационализация — прямое следствие состояния просвещения и образования, что достигается в великих университетах людьми, которые там обучаются» (речь 21 апреля 1965 года в Сиракузской торговой палате).

Выступая за отмену раздела 14 б закона Тафта — Хартли, по которому во многих штатах введен «открытый цех», то есть возможность коллективного договора сведена к нулю, Р. Кеннеди говорил на съезде профсоюза дамских портных в Майами 18 мая 1965 года: «В штате Луизиана, единственном штате края, в котором нет закона «о праве на труд», средняя заработная плата в обрабатывающей промышленности составляла 100 долларов 62 цента в неделю, на 23 доллара больше, чем средняя зарплата в регионе... Я говорю вам, что еженедельная заработная плата 77 долларов, или 4 тысячи долларов в год, совершенно недостаточна в нашей стране в 1965 году... Эта цифра демонстрирует вам то, что вы и без того знаете, — где профсоюзы сильны, там расцветает прогресс и социальная справедливость, где они слабы, страдает все общество».

Зачем хлопотать о приличной заработной плате дамским портным и иным трудящимся? Р. Кеннеди полагал, что это не только американская программа: «Как мы выполняем свою ответственность, чтобы накормить голодных, исцелить страждущих и помочь жертвам угнетения у нас и за рубе-

жом? На какой мы стороне? Ответ прискорбен... За одно поколение наш валовой национальный продукт утроился. Но, по мере того как мы становимся богаче, мы делаем все меньше усилий в этом направлении. Пятнадцать лет назад, приняв вызов — Европа была разорена войной, мы отдавали 10 процентов федерального бюджета, 2 процента валового национального продукта на иностранную помощь. В текущем году мы уделяем менее 2 процентов федерального бюджета, менее $^1/_3$ одного процента валового национального продукта на нужды голодающих, а их полмира. Даже у себя, где строительство справедливого общества важно не только само по себе, но для обеспечения эффективности нашей внешней политики, мы тратим на собак 3 миллиарда долларов в год, а на бедняков — 2 миллиарда долларов в год. Чтобы было спокойно у нас и за рубежом, все это надлежит изменить» (речь 10 июня 1967 года в университете Фордхэм, Нью-Йорк).

Он был великим филантропом? Нет! Иного пути нет, предупреждал Р. Кеннеди, ибо «ответственность в наше время состоит ни больше ни меньше, как в том, чтобы возглавить революцию. Революцию, которая будет мирной, если мы окажемся мудрыми, человечной, если мы позаботимся о ней, успешной, если мы будем удачливы, но революция придет, хотим мы этого или нет» («Ньюсуик», 22 ноября 1965 года).

«От нас требуется больше, чем повторение достижений и воплощенных чаяний. Ибо ныне мы должны быть готовы немедленно провести революцию, не менее глубокую и серьезную, чем борьба минувших тридцати лет. Вопрос в том, подняли ли мы наши взоры к новым горизонтам и неизведанным далям, лежащим за ними. Вопрос в том, готовы ли мы дерзнуть, готовы ли мы поставить на карту наше положение и популярность, рискнуть нашими интеллектуальными и материальными удобствами» (речь в Майами 27 мая 1966 года). «Революция грядет, независимо от нашего желания... Вопрос в том, как делают революции и как руководят ими» («Коммонвелс», 3 июня 1966 года).

Р. Кеннеди собирался оседлать революцию и в определенных целях, о чем было известно еще до того, как он стал сенатором: «Коммунизму в конечном итоге должно быть нанесено поражение прогрессивными политическими программами, которые устранят бедность, нищету и недовольство» (речь в Калифорнийском технологическом институте 8 июня 1964 года). Этот тезис Р. Кеннеди постоянно развивал, и для него он был не нов. Еще в 1962 году он писал: «Исторический парадокс в том, что свободное (капиталистическое. — *Н. Я.*) общество, а не коммунизм осуществит старую мечту Маркса об освобождении человека и создании эры всеобщего изобилия» [83]. Вот так «марксист»!

Необходимо выработать собственную философию, ибо «в прошлом мы слишком часто опирались на негативный ответ

коммунизму, оставив миру иллюзию, что только Карл Маркс имел философию. Мы слишком часто давали людям повод думать, что существуют только две философии — коммунизм и антикоммунизм. А этого теперь недостаточно» (речь в Торонто, Канада, 14 апреля 1964 года). Иначе получается, что за рубежом «большинство людей с глубочайшим подозрением относятся к «капитализму», который они ассоциируют только с алчными колониальными империями собственной истории. Они почитают себя «социалистами», хотя их «социализм» на деле менее дерзок, чем платформа демократической партии США. Поэтому, что такое США и что они делают, неизвестно, наше же описание капитализма звучит для них примерно так, как для нас фашизм» (речь в Колумбийском университете, 12 марта 1966 года).

Настоятельная задача — покончить с разномыслием в США: «Мы теряем молодежь в пользу экономических движений или общественного безразличия, ибо она не находит ответа на свои опасения и ожидания в прошлой политике. Мы теряем старшее поколение, которое утрачивает веру в возможность защитить будущее и примыкает к консервативным движениям, надеясь, по крайней мере, сберечь то, что имеет. Радикализм и реакция, новые правые и новые левые отражают одно — желание найти индивидуальное значение, приняв участие в достижении широкой общей цели» (выступление в Детройте 5 мая 1967 года).

Завершая странствие в лабиринте речей Р. Кеннеди, позволительно спросить, какова же позитивная цель?

Выступая 11 октября 1966 года по случаю Дня Колумба в Нью-Йорке, сенатор Роберт Кеннеди открыл: «Наш истинный интерес — помочь создать мировой порядок, который заменит и улучшит порядок, потрясенный первой мировой войной, открывшей двери XX столетия». Здесь и прорвалась щемящая тоска — до той войны в мире не было социалистических государств. Вернуть человечество назад, на основе новой технологии перевести часы истории до 1917 года. Вперед на гребне научно-технической революции, но вспять в области социальных отношений! Разумеется, не только с приличествующими словесными украшениями.

Под этим углом зрения Роберт рассматривал правление погибшего брата. Когда его спросили, в чем высшее достижение тысячи дней администрации Джона Ф. Кеннеди, он объяснил: «Главное — восстановление в американском народе уверенности в себе, веры в наши идеалы и уверенности, что мы сможем выполнить требующееся от нас. В течение многих лет, в особенности в результате советских успехов в космосе, распространялось убеждение, что коммунизм — волна будущего. Я думаю, что он (Дж. Кеннеди) повернул течение вспять, и теперь мы осознали, что мы — волна будущего. То, во что мы верим, правильно. У нас есть смелость и упорство, а они в конечном счете победят.

Я думаю, что он восстановил необычайно важное — веру других стран в США, и мы заслуживаем быть лидером свободного (капиталистического. — *Н. Я.*) мира и им останемся, потому что у нас есть мужество, и в конечном счете победят те, кто верит в наши исконные принципы» [84].

Так развивалось политическое мышление Роберта Ф. Кеннеди, и «жесткость его суждений, — отмечает Т. Уайт, — была такова, что внешнему миру он представлялся человеком с диктаторскими замашками» [85]. Тем не менее многие склоняли головы, ибо в стране широко распространилось убеждение: что ни делай, а Кеннеди придет в Белый дом.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КЕННЕДИ

Когда 16 марта 1968 года во главе отряда — жена, девять детей и сотрудники — Роберт Кеннеди появился в парадном зале Капитолия и объявил о выдвижении своей кандидатуры на пост президента, то это не было неожиданностью. Легенда Кеннеди вновь обрела плоть и кровь — в 1960 году в этом же зале Дж. Кеннеди сделал такое же заявление, теперь здесь стоял брат президента-мученика. Обосновывая свое решение, Р. Кеннеди сказал: «На карту поставлено не просто руководство нашей партией и даже нашей страной, а наше право на моральное руководство этой планетой». Говоря о возможностях американского президента, он сообщил: «Ни один человек, знающий, как я, о неслыханных требованиях, предъявляемых к президентству, не может быть уверенным, что сил смертного достаточно для выполнения их». Тем не менее «я добиваюсь поста президента... чтобы повести новую политику... Я делаю это, чтобы уничтожить разрыв между белыми и черными, богатыми и бедными, молодыми и старыми в нашей стране и во всем мире».

Прослышав о выступлении Роберта, к нему слетелись почти все те, кто в 1960 году дрался вместе с Джоном. Они постарели на восемь лет, обзавелись выгодными должностями. Но из небытия вставали незабываемые тысяча дней, изнурительная и увлекательная работа бок о бок с президентом. Из Нью-Йорка приехал Т. Соренсен, бросив доходную юридическую практику, из Бостона — К. О'Доннел, с западного побережья, из Лос-Анджелеса, поспешил П. Сэлинджер, только недавно познавший спокойную жизнь, Л. О'Брайен оставил правительственную службу. Их рвение не вызывало сомнений. Все они материально были бескорыстны.

20 марта 1968 года вниманию американцев было предложено исправленное и дополненное издание книги Р. Кеннеди «Обрести новый мир», первоначально увидевшей свет в

конце 1967 года. То было его кредо для избирательной кампании. Скучноватая книжка, занявшая 235 страниц, не слишком блистала стилем, но изобиловала цитатами философов и общественных деятелей античной Греции. Язвительные либеральные критики, осилив труд сенатора, нашли, что гонорар — 150 тысяч долларов — великоват[86]. За что заплачено? Они утверждали, что перефраз речей из «Конгрешнл рекорд» никак не подпадает под понятие изящной словесности.

Книга открылась главой, обращенной к молодежи. Автор развивал тезис, что общество, живущее ради прибылей, не может зажечь молодежь, отсюда растущий разрыв между поколениями и студенческие волнения. Только 12 процентов студентов колледжей видят свое будущее в бизнесе. Это понятно: «В глазах молодежи мы слишком часто измеряем ценность человека размерами его жалованья или состояния... Еще более ненавистна молодежи, как была ненавистна моралистам на протяжении тысяч лет, мораль, определяющая ценность все и вся прибылью. Они знают, что руководители крупнейших корпораций вступают в сговоры, чтобы фиксировать цены, собираются на тайные совещания, чтобы красть по грошу в месяц у миллионов американцев».

Мир наживы не имеет высоких идеалов, убеждал Р. Кеннеди. Между тем человечество живет под угрозой термоядерной войны. Для иных бесконечное ожидание ее мучительно и тягостно, психологически они ждут развязки Атомного Дня. «Только возможности техники ограничили масштабы разрушений в двух мировых войнах. Теперь ядерное оружие ликвидировало эти ограничения. Кто может заранее сказать, что оно не будет использовано и рациональный баланс страха сдержит эмоции, которых мы не понимаем?» Что делать? Ответ автора носил весьма расплывчатый характер: «Как сказал папа Павел: «Истинная опасность исходит от человека». Это самая трудная опасность, которую нужно отвратить. Но мы должны лицом к лицу встретить ее».

Необходимость борьбы против коммунизма для Кеннеди была самоочевидной, и вся книга, собственно, посвящена этой проблеме. Роберт Кеннеди, не ставя под сомнение основной внешнеполитический курс США, популяризировал наиболее рациональные, с его точки зрения, методы. «Мы не построили Соединенные Штаты на антикоммунизме, — заявлял он. — Наша мощь проистекает из позитивной веры, нам не нужно ни бояться, ни ненавидеть наших противников... Если мы хотим свести до минимума ущерб и опасность революции, мы должны сосредоточить основное внимание на программах социальных улучшений».

Во внешних делах необходима гибкость, гибкость и гибкость; отказ от жестких позиций, особенно в отношении Китая. «Мы должны понять, что не все расширения китай-

ского влияния угрожают нам». Вновь в осторожной форме автор предлагает следовать политике «баланса сил».

Наибольшего труда, вероятно, от автора потребовали главы о войне во Вьетнаме, занявшие треть книги. «Я был связан, — бил себя в грудь Р. Кеннеди, — с многими из ранних решений по поводу Вьетнама, которые помогли поставить нас на дорогу нынешней политики. Возможно, что наши усилия были обречены с самого начала. В таком случае, а это весьма вероятно, я хочу понести свою долю ответственности перед историей и согражданами. Однако прошлые ошибки не оправдывают их повторения. Трагедия — средство для живых извлечь мудрость, а не истина, которой следует руководствоваться в жизни». Анализируя причины неудач США во Вьетнаме, Кеннеди настаивал, что американцы совершили колоссальный промах, превратив политическую проблему в военную. Никаких социальных реформ в Южном Вьетнаме не было проведено, а поэтому народ неизбежно против сайгонского режима. «Орудия и бомбы не могут наполнить пустых желудков, дать образование детям, построить жилища, исцелить больных».

Война во Вьетнаме превратилась в американскую войну, основные потери и издержки несут США. Коррумпированные южновьетнамские власти не ведут ее должным образом, и с этим ничего не поделаешь. Где выход? Уход США из Вьетнама «теперь совершенно невозможен» по многим причинам, хотя бы потому, что сайгонский режим в этом случае «не продержится и месяца». В то же время достижение полной победы невозможно, и она не нужна в национальных интересах Соединенных Штатов. «Единственная дорога к миру — политический компромисс». Для начала следует прекратить эскалацию войны, перестать наращивать военные силы США в Южном Вьетнаме и соответственно пожинать растущие потери. Конечная цель — заключение мира при участии Национального фронта освобождения в новом правительстве.

Заканчивая книгу, Р. Кеннеди повторил привычные для него слова: «Наш ответ на надежду мира — полагаться на молодость, выраженную не возрастом, а складом ума, волей, способностью к воображению, преобладанием мужества над робостью, желанием пойти на приключения, а не расслабляться». Американцам автор напомнил: «Если Афины кажутся вам великими, сказал Перикл, учтите, что их слава была добыта выдающимися людьми, знавшими, в чем состоит их долг» [87]. Автор сказал не слишком много в своей книжке, да и большего, собственно, по его мнению, не требовалось, разве что еще раз подтвердить приверженность к молодости и заявить о необходимости покончить в принципе с войной во Вьетнаме. Что касается избирательной кампании, то основная его забота — убедить проголосовать за себя. Книжка со считанными идеями в конечном счете

имела ограниченное значение для достижения практической задачи сбора голосов.

Итак, Роберт снова воззвал к молодежи, утверждая, что она, независимо от ее возраста, должна сыграть решающую роль. В чем? Вопрос оставался открытым. Иначе как объяснить поразительную тактику его предвыборных выступлений. Роберт выходил на трибуну и обращался к толпе:

— Будете голосовать за меня?

— Да! — кричат в толпе.

— Скажете вашим друзьям, чтобы голосовали за меня?

— Да!

— Когда услышите что-нибудь плохое обо мне, будете опровергать?

— Да!

— Вы читали мою книгу?

— Да!

— Врете! [88]

Со второй половины марта 1968 года Р. Кеннеди погрузился в водоворот предварительных выборов, исход которых решал многое на конвенте демократической партии. Кампания в стране, раздираемой страстями.

Очень привычные обвинения во время любых вылазок семьи Кеннеди на политическом поприще — они «скупают» выборы. Мать дает ответ за Роберта. Роза Кеннеди с обескураживающей откровенностью оповещает народ: «Это наши деньги, и мы тратим их, как хотим. Все это часть бизнеса проведения кампаний. Если у вас есть деньги, вы тратите их и побеждаете. И чем больше вы можете позволить себе, тем больше вы тратите. Рокфеллеры похожи на нас. Наши семьи имеют много денег для кампаний. Это не регулируется. Поэтому в таких тратах нет ничего неэтичного». Уже 25 марта 1968 года «Вашингтон пост» отметила: Сотрудники (Р. Кеннеди. — *Н. Я.)* объезжают страну, используя кредитные карточки Джозефа П. Кеннеди и различных семейных предприятий». Итак, не только наличные, но и кредит. Последствия не замедлили сказаться.

Кампания, начавшаяся относительно вяло, быстро изменилась — триумф за триумфом. Обнаруживается явный перевес Р. Кеннеди над соперниками — вице-президентом Г. Хэмфри и сенатором Ю. Маккарти.

Президент Л. Джонсон с возрастающим смятением, постепенно переходящим в панику, следит за гигантскими шагами Р. Кеннеди. Его глубоко потрясла и шокировала тактика молодого претендента на Белый дом — решать исход предвыборной борьбы на улицах. 28 марта «Вашингтон пост» приводит к единому знаменателю деяния Р. Кеннеди — «это революция, народное восстание такого накала и размаха», что конвент не сможет отклонить его кандидатуру в президенты. Пусть, конечно, преувеличение, но все равно Л. Джонсон не видел для себя никаких шансов — за

соперником в собственной партии еще маячил Р. Никсон, лидировавший у республиканцев.

Джонсон, делившийся сокровенным с дамой сердца Д. Кернс, поведал ей о кошмаре, преследовавшем его по ночам. Он сидит в кресле на равнине Техаса, а со всех сторон накатываются волны «бунтующие черные, студенты-демонстранты, матери, живущие на пособия, квакающие профессора, истерики-журналисты. И последняя соломинка — обертывается былью то, чего я опасался с первого дня президентства. Роберт Кеннеди открыто заявил о своем намерении отвоевать трон в память своего брата. А американский народ, завороженный магией его имени, танцует на улице»[89]. Джонсон, помимо других причин, преследуемый Р. Кеннеди во сне и наяву, не выдержал. 31 марта 1968 года он заявил, что не будет баллотироваться в президенты, а также заверил, что положит конец эскалации войны во Вьетнаме и будет искать путь к примирению.

Выход из игры непопулярного президента лишил Р. Кеннеди и других мишени для нападок. Он, впрочем, быстро перестроился. «Другие кандидаты, — говорит Роберт, например фермерам, — явятся сюда и расскажут вам, как много они делают для фермеров. Но я уже делаю для фермеров больше, чем любой из них. Если не верите — обследуйте мой стол за обедом или завтраком в любой день недели. Мы потребляем больше молока, больше хлеба и больше яиц, тем самым способствуя сбыту продуктов сельского хозяйства, чем семья любого другого кандидата. Вызываю двух других кандидатов-демократов попытаться сравняться со мной ко дню предварительных выборов!»

Кеннеди убеждает, что он большой друг маленького человека. В негритянском гетто в Вашингтоне его приветствуют: «Наш голубоглазый духовный брат». В Коламбусе, штат Огайо, обезумевшие обожатели вытаскивают Роберта из машины, его силой пришлось вырывать из рук дружественной толпы, без запонок, в порванной рубашке. В Уоттсе, месте недавних кровавых расовых столкновений, его встречает плакат: «Дорогу президенту США». Р. Кеннеди торжественно возвещает: «Я единственный кандидат, против которого ополчились Крупный Капитал и Крупный Труд (руководство профсоюзов. — *Н. Я.*)». «Видите, на какие жертвы я пошел, чтобы стать президентом? — кричит он в микрофоны, показывая на лоб. — Я срезал чуб». Везде радость встреч. Они, разумеется, не готовились. Раз во Фриско, штат Калифорния, засекли: работники Кеннеди, приехавшие раньше кандидата, предлагали по 25 долларов за штуку «самодельного» приветственного плаката. 4 апреля убит Мартин Лютер Кинг. Р. Кеннеди на стороне павшего — он оплачивает реактивный самолет для доставки тела борца за права негров из Мемфиса в родной город Атланту. Безутешный сенатор в трауре появляется на похоронах.

Впечатляющие поступки, трогательно-волнующее зрелище. Слезы на глазах у возвышенно мыслящих людей.

Тут объявился с очередной статьей неугомонный старик Д. Пирсон. Он раскопал, что в 1963 году министр юстиции Р. Кеннеди распорядился установить негласное наблюдение за Мартином Лютером Кингом, телефонные разговоры которого подслушивались. Пирсон привел в статье соответствующие документы и указал: министр юстиции полагал, что Кинг «связан с различными коммунистами». Р. Кеннеди не отрицает факты, добытые Пирсоном, но всячески пытается ускользнуть от прямого ответа. Во время дебатов, передававшихся по телевидению, сенатор Ю. Маккарти задал вопрос в лоб и попросил рассказать, как обстояло дело. Роберт объяснил, что, будучи генеральным прокурором, он отдавал распоряжения об установлении наблюдения в случаях, когда речь шла о «национальной безопасности». И добавил, что закон запрещает ему детально обсуждать дело. Дальнейших объяснений не потребовалось, и так все ясно.

Накал кампании нарастает, в обиходе все более и более резкие эпитеты. Не прекращаются споры по поводу 22 ноября 1963 года. Заместитель окружного прокурора города Далласа У. Александер кричит в массовой телевизионной программе: «Эрла Уоррена нужно предать не суду, а повесить!» Хиппи, собравшиеся в Сан-Франциско, от души квалифицируют Р. Кеннеди «фашистской свиньей». Доброжелатели говорят о его охране, он отвечает: «Решительно невозможно защитить кандидата во время избирательной кампании. Приходится отдаваться на милость толпы и полагаться на свое счастье». Он отклоняет предложение прикомандировать к нему полицейскую охрану, а личным телохранителям приказывает не носить оружия.

Кеннеди побеждает в штатах Индиана, Небраска, округе Колумбия. Он проповедует смелость и реализм. Спросившим, кто будет оплачивать программу помощи беднякам, Кеннеди отвечает: «Вы!» Рабочим на предприятиях аэрокосмической промышленности кандидат говорит: «Мы можем снизить темпы гонки к Луне», студенту, предложившему «вырвать» шпионский корабль «Пуэбло» из рук корейских властей, Роберт отвечает: «Еще не поздно вступить в армию». Еще одна победа в штате Южная Дакота. Единственное поражение в штате Орегон. Как объяснил помощник Кеннеди: в этом зажиточном штате с белым населением «мы перепугали всех». В начале июня Р. Кеннеди в крупнейшем штате страны — Калифорния. Он собирает здесь 46 процентов голосов, 42 процента отданы за Ю. Маккарти. Победа в Калифорнии почти наверняка делает его кандидатом в президенты от демократической партии.

Проанализировав тактику незавершенной избирательной кампании Р. Кеннеди, Т. Уайт констатировал: «С точки зрения программы то, за что он выступал, немногим отли-

чалось от программы Ричарда Никсона». Уайт усматривает различие в поведении кандидатов. Р. Кеннеди представлялся «парушителем спокойствия. Он собирался выполнить то, что говорил. Если его изберут, он будет верен обещаниям и страна претерпит изменения». Он обращался к тем, кому жилось плохо, «когда он появлялся перед неграми, или мексиканцами, или индейцами, или любыми бедствующими группами, то не был холодным Бобби — нет, появлялся Избавитель на коне, все существо его кричало: цель власти и правительства — позаботиться о них и безразлично, какая политическая или физическая опасность стоит на его пути» [90].

Вечером 5 июня 1968 года Р. Кеннеди в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе принимал поздравления. Он не выглядел ни молодым, ни красивым, мешки под глазами, резкие морщины, седина. Роберт рассеянно пожимал руки, собирался с мыслями — предстояла очередная пресс-конференция. Он знал, что неизбежна новая встреча с Г. Хэмфри и новая борьба с ним. Теперь не за брата, а за себя. Друзьям он только что сказал: «Я буду преследовать толстомясого Губерта Хэмфри по всей Америке. Я пойду за ним во все избирательные округа. Где бы он ни появился, я буду тут как тут».

Поздравлявшим Роберт выразил ту же мысль: «Надеюсь, что предварительные выборы в штате Калифорния позади. Теперь откроется диалог или дискуссия между вице-президентом и мной относительно дальнейшего пути страны». «Всыпь ему!» — завопили хором почитатели.

Он устало улыбался. Нужно еще и еще говорить все о том же и тут же — журналистам, ожидавшим в другом зале отеля. Толпа наводнила здание, и родилась мысль пойти через служебный ход, мимо кухни. Сразу после 12 часов ночи Р. Кеннеди в сопровождении жены, невооруженных телохранителей, друзей и журналистов вступил в мрачное помещение — комнату, похожую на коридор, мокрый цементный пол, слева — длинный оцинкованный прилавок, заставленный тарелками и бутылками, справа — ряд холодильников.

Шум аплодисментов, радостные возгласы. Кеннеди приостановился, ритуальное пожатие руки с мойщиком посуды. Он не успел отнять руки, как раздались выстрелы. Опершись локтем на прилавок, молодой человек стрелял в упор. Расстояние — немногим больше метра. Роберт упал, на стрелявшего набросились, но никак не могли выхватить пистолет, а он все нажимал курок — пули ранили еще пять человек. Наконец, восемь мужчин, навалившись на покушавшегося, буквально распяли его на прилавке, сломали ему указательный палец и выхватили пистолет.

Задыхаясь под тяжестью державших его, а среди них были двое атлетов-негров, охранявших Роберта, парень за-

вопил: «Почему я сделал это? Я объясню! Дайте сказать!» Никто не слушал, толпа сгустилась, набегали люди из коридоров. С трудом удалось оттеснить их от покушавшегося, кто-то воззвал к рассудку: «Нам не нужно еще одного Освальда!» Вокруг распростертого на мокром грязном полу сенатора тесно столпились друзья, Этель с трудом пробралась к мужу, наклонилась, что-то шептала. В ответ ни слова.

В 12 час 30 минут истекавшего кровью сенатора увезли в госпиталь. Обнаружили, что он ранен двумя пулями — одна прошла через мягкие ткани предплечья и застряла под кожей на шее, другая поразила голову сразу за правым ухом. Сделали рентгеновские снимки и приступили к операции. Трепанация черепа, тщетные попытки удалить мельчайшие осколки пули и кости, проникшие в мозг. Операция продолжалась 3 часа 40 минут.

В полиции допрашивали задержанного. Он невозмутимо болтал о пустяках, но отказывался назвать себя и рассказать о случившемся в отеле «Амбассадор». После проверки отпечатков пальцев выяснилось, что задержанный не значился в картотеке. При личном обыске было изъято 400 с небольшим долларов, ключ от машины, вырезки из газеты со статьей Д. Лоуренса «Кеннеди выступает за Израиль». Арестованному в 7 часов 30 минут утра, не допуская посторонних, предъявили обвинение в убийстве и отправили в тюрьму, поместив в строжайше изолированную камеру. Для охраны выделили сто человек, двое тюремщиков неотлучно состояли при нем. Личность арестованного наконец установили по номеру пистолета — Сол Сирхан, 24-летний подданный Иордании. С 1965 года с матерью, четырьмя братьями и сестрой он жил в Лос-Анджелесе. Мэр города Уорти тут же огласил содержание записной книжки, найденной в доме Сирхана. Тот будто бы писал, что Р. Кеннеди следует убить до 5 июня, первой годовщины начала семидневной войны на Ближнем Востоке, он якобы называл себя в этой книжке «прокоммунистом и антиамериканцем».

Органы юстиции воздержались от официальных комментариев — нужно провести расследование [91]. Министр юстиции 6 июня ограничился заявлением: «Нет никаких данных о наличии заговора, все свидетельствует о том, что это акт одиночки» [92]. Полиция же начисто сняла с себя ответственность за случившуюся трагедию. Один из крупных полицейских чинов заявил прессе: «Нас не было на месте не потому, что мы не были нужны. Сенатор Кеннеди неоднократно заявлял нам, что не желает видеть поблизости от себя полицейских».

Роберт Кеннеди прожил весь день 6 июня, но с каждым часом его состояние ухудшалось. В 1 час. 44 минуты утра через 25 часов после покушения он умер, не приходя в сознание. Труп самолетом доставили в Нью-Йорк, отслужили мессу, затем погрузили в траурный поезд, перевезли в Ва-

шингтон и вечером 8 июня похоронили на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне поблизости от могилы Джона Кеннеди. Политическая карьера Роберта Кеннеди оборвалась. Он не успел произнести любимые им слова Эсхила: «Когда поднимешься на высоту, станет легко».

Новая трагедия — в центре внимания американской печати, сначала изложение фактов, потом поток комментариев. На обложке популярнейшего журнала «Лайф» снимок: умирающий Кеннеди, на последней странице на фоне стакана с бурой жидкостью реклама — «Жизнь лучше с кока-колой. Всегда бодрит. Вкус никогда не надоест. Пейте кока-колу».

Статья о смерти Р. Кеннеди под заголовком: «Семья Кеннеди — принцы, которых уничтожают боги». Другая статья, в которой описана его смерть, заканчивается разговором двух американцев:

— Почему убили Роберта Кеннеди?

— Они стреляют по звездам!

«Да, той ночью действительно упала звезда» [93], — меланхолически заключает журнал.

В Соединенных Штатах скорбь по поводу смерти Р. Кеннеди сменили новые заботы. Э. Кеннеди перевесил картину эсминец «Джозеф Патрик Кеннеди-мл.» из кабинета погибшего брата в свой кабинет в Капитолии. Этель занялась воспитанием 11 детей, на руках большое хозяйство. Первейшая забота — расплатиться с долгами за избирательную кампанию Роберта в 1968 году. К весне 1969 года из долга в 3, 5 миллиона долларов погашено 2 миллиона долларов, включая счет в 85 тысяч долларов от отеля «Амбассадор» [94].

Немедленно начала комплектоваться библиотека книг о Р. Кеннеди. Симпатизировавшие ему открывали все новые и новые привлекательные черты. Редактор «Харперс мэгэзин» Д. Халберштам в книге «Незаконченная Одиссея Роберта Кеннеди» обнаружил, что он был, в сущности, Гамлетом, терзаемым страстями, по большей части добрыми. Журналист Д. Уитковер установил сходство Р. Кеннеди с героями древнегреческих трагедий. Другой журналист — Д. Ньюфильд, соратник Кеннеди, пошел дальше — проследил эволюцию героя от маккартизма к защитнику обездоленных; весь анализ — с позиции экзистенциализма [95].

В. Ласки, относившийся, мягко говоря, к семье Кеннеди прохладно, посвятил жизненному пути Роберта большую книгу и уже во вступительной статье собрал массу нелестных отзывов о покойном. Он напомнил, что певец песен протеста, трубадур «новых левых» Фил Окс так отозвался о Роберте: «Бобби напоминает мне хорошего гангстера». Тем либералам, кто посмертно узрел в Роберте единомышленника, Ласки припомнил отзыв сенатора о них. Увидев, что в кампании 1968 года либералы толпами сбегались под его

знамя, Роберт выразился о них: «отвратительные бороды», «нужны как здоровый гвоздь в заду»[96]. Конечно, сказано тогда не для их ушей.

КРЕСТНЫЙ ПУТЬ ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА

В ноябре 1966 года окружной прокурор Нью-Орлеана Джим Гаррисон внезапно перестал быть доступным для посетителей. Он исчез. Только немногие сотрудники канцелярии знали, чем он занят. Истратив за три месяца 8 тысяч долларов, Гаррисон приступил к собственному расследованию убийства президента Дж. Кеннеди.

18 февраля 1967 года заточению прокурора пришел конец. Он объявился на пресс-конференции. Вид прокурора, мужчины громадного роста, внушал уверенность, а заявление его произвело сенсацию: «Мы расследуем роль города Нью-Орлеана в убийстве президента Кеннеди и добьемся успехов, я думаю, значительных успехов». Помедлив и переждав волнение журналистов, он добавил: «И еще будут аресты».

В тот же день 49-летний Д. Ферри, в прошлом летчик, сообщил прессе, что Гаррисон «пришивает» ему дело об убийстве президента. 22 февраля Ферри был найден мертвым у себя в квартире. Официальное заключение — самоубийство. Гаррисон комментировал: «Ферри, по моему мнению, один из самых важных людей в истории... Мистер Ферри был одним из тех, о которых мы сообщили, что они вскоре будут арестованы. Мы решили арестовать его в начале следующей недели. Очевидно, мы ждали слишком долго».

Новая смерть в связи с делом Дж. Кеннеди привела смакующих новости в нервное состояние. В самом деле, ряд лиц, которые могли бы быть свидетелями, скончались, частично насильственной, частично естественной смертью. К лету 1968 года, по подсчетам парижского еженедельника «Экспресс», их количество превысило тридцать человек. Гаррисон охотно объяснил, что побудило его заняться расследованием. Освальд незадолго до убийства президента полгода прожил в Нью-Орлеане, встречался с рядом лиц, включая Ферри. По поручению комиссии Уоррена они были допрошены прокуратурой Нью-Орлеана и отпущены восвояси. ФБР также дало заключение об их полной непричастности к трагедии в Далласе. Повторное расследование, проведенное Гаррисоном, дало ему основание заключить: они соучастники убийства президента.

1 марта 1967 года Гаррисон арестовал нью-орлеанского бизнесмена Клея Шоу. Арест носил символический характер — Шоу вызвали в прокуратуру, объявили об аресте, сняли отпечатки пальцев, надели наручники, в таком виде представили фотокорреспондентам, а вечером, отобрав

подписку о невыезде, выпустили под залог в 10 тысяч долларов. Окружная прокуратура передала прессе заявление: «Шоу арестован и будет обвинен в участии в заговоре с целью убийства президента Кеннеди»[97]. Шоу полностью отрицал предъявленное обвинение. Пошатываясь, он вышел из здания прокуратуры. Возвращаться домой не имело смысла — квартира была отдана на разграбление полиции и журналистам. Детективы хозяйничали там, выискивая вещественные доказательства преступления. Обвиняемый счел за благо укрыться в доме некой дамы, с которой поддерживал дружественные отношения.

Гаррисон 2 марта заявил, что Клей Шоу в действительности «Бертранд». Открытие окружного прокурора заинтриговало: работник прокуратуры Нью-Орлеана Дж. Эндрюс в свое время показал, что «Бертранд» был приятелем Освальда. Следов «Бертранда» комиссия Уоррена не обнаружила. 14 марта Шоу предстал на распорядительном заседании суда. Трое судей должны были решить, есть ли достаточные доказательства для предания его суду.

60-летний Шоу выслушал показания 25-летнего страхового агента П. Россо, приятеля Ферри, который сказал, что в сентябре 1963 года он был дома у Ферри. Хозяин квартиры сговаривался-де с Освальдом и «Бертрандом» убить президента Кеннеди. Пройдя курс гипнотического внушения и подвергнувшись впрыскиваниям «сыворотки правды», Россо безошибочно опознал в Шоу «Бертранда». Другой свидетель — 29-летний В. Банди, известный наркоман, показал, что якобы собственными глазами видел: летом 1963 года Шоу передал Освальду большую сумму денег.

После четырехдневного слушания суд 17 марта постановил: есть основания для предания суду К. Шоу по обвинению в заговоре с целью убийства президента. 22 марта жюри присяжных заседателей подтвердило выводы суда. Гаррисон одержал победу: впервые расследованием убийства Дж. Кеннеди занялся тот орган, кому надлежит это делать,— прокуратура. М. Лейн, прослышав о волнующих событиях, поспешил в Нью-Орлеан. Он быстро нашел общий язык с Гаррисоном. Пятьдесят богатых предпринимателей Нью-Орлеана во главе с нефтяным магнатом Дж. Раультом образовали комитет «Истина», взявшийся финансировать расходы окружного прокурора[98]. Инвестиции сулили неслыханную политическую прибыль — изобличить низких убийц!

О Гаррисоне заговорила Америка. Опрос общественного мнения Харриса, проведенный в мае 1967 года, показал: 66 процентов американцев верят, что существовал заговор с целью убийства президента и «основной фактор, способствовавший появлению этих сомнений, — расследование убийства окружным прокурором Джимом Гаррисоном в

Нью-Орлеане». Попутно средства массовой информации подробно осветили жизненный путь Гаррисона.

Во вторую мировую войну пилот самолета-корректировщика принимал участие в боевых действиях, в 1950 году служил в ФБР, отвоевал в Корее, а после увольнения из армии работал в прокуратуре Нью-Орлеана до тех пор, пока в начале 60-х годов не добился избрания на пост окружного прокурора. В ходе политической борьбы в штате противники Гаррисона еще в 1964 году огласили заключение врачей-психиатров, сделанное в 1951 году, на основании которого он был уволен: «психоневроз», выражающийся в так называемом «комплексе Наполеона». Гаррисон тогда публично заявил, что в 1951 году он просто устал от военной обстановки, а оглашение медицинского заключения противниками является федеральным преступлением. Раскрытие содержания военного документа карается тюремным заключением и штрафом в 10 тысяч долларов.

Нью-орлеанские журналисты писали о нем: «С того дня, как Гаррисон стал окружным прокурором, он никогда не скрывал своих честолюбивых политических планов. Он много раз говорил, что жаждет стать сенатором. В 1966 году он не выставлял своей кандидатуры против сенатора Аллена Эллендера, вероятно, мудро заключив, что Эллендеру нельзя нанести поражение. Однако Эллендеру 76 лет и, если он умрет, будучи в должности, или уйдет в отставку, губернатор назначит ему замену. Союзник Гаррисона губернатор Маккейтен был избран в 1967 году на срок до 1972 года... что дает Гаррисону большие шансы заменить Эллендера» [99]. Печать сообщала, что Гаррисон прицелился на пост повыше — в случае успеха расследования он рассчитывал стать вице-президентом США. Окружной прокурор гневно опроверг инсинуации, указав, что ищет только истину, и ее одну.

Когда круги от расследования в Нью-Орлеане докатились до Вашингтона, министр юстиции Р. Кларк, преемник Р. Кеннеди, покритиковал окружного прокурора за то, что тот не сотрудничает с министерством. Гаррисон отрезал: Кларк «по деловым качествам не подошел бы к моему ведомству». Конгрессмен Дж. Форд, бывший член комиссии Уоррена и будущий президент США, поддержал Кларка и посоветовал окружному прокурору не только сотрудничать с министерством юстиции, но и передать добытые следствием материалы президенту Л. Джонсону. Из Нью-Орлеана Гаррисон ответил: «Веду расследование я, а не президент и не министр юстиции. Мы расследуем заговор, очевидно, имевший место в Нью-Орлеане, и их это совершенно не касается. Если они хотят помочь мне, я буду приветствовать это. Но я неподотчетен никому». Серьезное заявление, свидетельствовавшее о серьезных намерениях. Интерес к Гаррисону все возрастал.

Журнал «Плейбой» в октябре 1967 года попытался удов-

летворить его, поместив пространное интервью с Гаррисоном. Окружной прокурор оказался очень разговорчивым человеком и весьма словоохотливо раскрыл свой символ веры. Он дал личную оценку основных тенденций развития Соединенных Штатов. По словам Гаррисона: «Мы... стоим перед громадной опасностью превращения в государство типа фашистского. Это государство будет отличным от Германии, там фашизм вырос из депрессии, обещая хлеб и работу, а наш фашизм, как ни парадоксально, вырастает из процветания. Однако в конечном счете он основывается на силе и неспособности поставить человеческие цели и совесть выше потребностей государства... Конечно, вам не разглядеть обозначившейся тенденции... Пробный камень проверки — это то, что случается с несогласным. В нацистской Германии он подлежал физическому уничтожению, у нас процесс более тонкий, но результаты аналогичны... Хью Лонг как-то сказал: «Фашизм придет в Америку в обличье антифашизма». Основываясь на собственном опыте, я опасаюсь, что фашизм придет в Америку во имя национальной безопасности».

Любознательные и деловые люди из редакции «Плейбой» постарались выведать у Гаррисона все, что относилось к убийству президента Кеннеди и последующему расследованию. Как со смертью Руби? Не был ли он заражен раком? Об этом уже болтали в печати. Гаррисон установил, что Руби знал Освальда, К. Шоу, Д. Ферри, дружил с генералом Э. Уокером (по словам Гаррисона, тот «по уши» увяз в заговоре с целью убийства президента), водился с Типпитом и в дополнение ко всему прочему еще сотрудничал с ЦРУ.

Что касается возможности насильственной смерти Руби, то окружной прокурор сказал: «Я не могу ни подтвердить, ни отрицать ее, ибо у меня нет данных для этого. Но мы установили довольно странное хобби Дэвида Ферри, не считая увлечения баллистикой, — он занимался исследованиями рака. Он наполнил квартиру мышами, как-то собрал две тысячи штук (по этому поводу соседи заявляли жалобы), написал медицинскую статью о своих исследованиях, сотрудничал с рядом нью-орлеанских врачей, пытаясь привить рак мышам. После убийства президента одного из этих врачей — Мери Шерман обнаружили мертвой, заколотой кухонным ножом в ее нью-орлеанской квартире, преступника не нашли. Исследования Ферри могли носить только теоретический характер, а смерть доктора Шерман могла приключиться независимо от ее знакомства с Ферри. Однако, на мой взгляд, примечательно, что Джек Руби умер от рака спустя несколько недель после отмены апелляционным судом приговора по его делу, и ему предстояло предстать перед судом вне Далласа. Таким образом, при желании он мог бы свободно высказаться. Добавлю, что Ли Освальда убили

без колебаний, чтобы он не заговорил. Нет никаких оснований сомневаться, что у руководителей заговора не было бы больше причин щадить Руби, если бы он оказался для них опасным».

Каковы же мотивы убийства президента Кеннеди? Гаррисон ответил: «Президент Кеннеди был убит по одной причине — он стремился к примирению с СССР и Кубой Кастро. Убийцы были группой фанатичных антикоммунистов, их интересы сходились в том, чтобы не допустить установления Кеннеди мирных отношений с коммунистическим миром. На оперативном уровне заговора находились эмигранты — противники Кастро, которые так и не простили Кеннеди отказа обеспечить американскую поддержку с воздуха в Заливе Свиней. Они опасались, что оттепель после ракетного кризиса в октябре 1962 года возвещает полный провал их планов освобождения Кубы... На высшем уровне находился ряд лиц ультраправых убеждений, не консерваторов, а людей, которых можно назвать неонацистами, включая небольшую группу, отколовшуюся от минитменов, сочтя их «слишком либеральными». У этих людей было все готово, оставалось приискать цель. После действий Кеннеди внутри страны в направлении расовой интеграции и его попыток повести мирную внешнюю политику, что выразилось в подписании договора о запрещении ядерных испытаний, цель была найдена. Таким образом, обе эти группы были жизненно заинтересованы в изменении американской внешней политики — парамилитаристы идеологически, а антикастровские изгнанники идеологически и лично». Поскольку все они поддерживали контакты с американскими спецслужбами, «ЦРУ было связано с обеими этими группами в Нью-Орлеане, где и был составлен заговор».

Гаррисон реконструировал перед потрясенными сотрудниками «Плейбой» картину кошмарного преступления. Дело, оказывается, было так. Президента убивали семь человек — четверо стреляли, а трое подхватывали гильзы. Разумеется, «один человек стрелял из здания книжного склада, но то был не Освальд». Стреляли спереди и сзади, фатальный выстрел, снесший часть черепа президента, раздался из канализационного люка, находившегося спереди и справа по движению машины президента. «То была точная операция, выполненная хладнокровно и отлично скоординированная. Убийцы даже поддерживали контакт друг с другом по радио» [100].

Открытия Гаррисона вызвали новые интервью с ним. Выступая по радио и телевидению Далласа 9 декабря 1967 года, окружной прокурор объяснил, что он со своими людьми облазил канализационную систему под площадью, на которой был убит Кеннеди, и пашел, что необычайно удобно стрелять из канализационного люка. Гаррисон вновь сослался на то, что находившиеся на площади расходились во

мнениях, откуда раздавались выстрелы. Уже это подтверждает его реконструкцию чудовищного преступления! Ибо нет никаких сомнений, что в президента стреляли спереди. Фильм кинолюбителя Запрудера, снятый в момент выстрела, показал, что Дж. Кеннеди, получив первую пулю, качнулся назад. Но комиссия Уоррена «отказалась просмотреть фильм, ибо знала, что пули президента поразили спереди, по крайней мере дважды... Комиссия обманула американский народ умышленно, сознательно».

— По расчету? — спросили его.

«По расчету? Конечно! Комиссия должна была знать, что, по крайней мере, две пули попали в президента спереди, а они притворялись, будто его застрелил один человек сзади. Вот вам старые доказательства. А мы все еще слышим, как председатель Верховного суда Эрл Уоррен и его Микки-Маус министр юстиции Рамзей Кларк заявляют: «Мы не усмотрели ничего нового». Да, существует масса материалов, так и не представленных американскому народу, и они знают об этом» [101].

Новый, 1968 год открылся громадной статьей в журнале «Рэмпартс», озаглавленной «Комиссия Гаррисона по расследованию убийства президента Кеннеди» [102]. На обложке — портрет прокурора без страха и упрека, под портретом его слова: «Кто назначил Рамзея Кларка и сделал все для срыва расследования? Кто контролирует ЦРУ? Кто контролирует ФБР? Кто контролирует архивы и держит их под замком, так что когда материалы увидят свет, никого из сидящих в этом зале не будет в живых? А они — ваша собственность и собственность народа нашей страны. Кто настолько высокомерен и нагл, что не дает возможности людям познакомиться с материалами? Кто он? От убийства больше всех выиграл ваш дорогой президент Линдон Джонсон». Примерно через год журнал «Рэмпартс», специализировавшийся на разоблачениях, прекратил было свое существование из-за финансовых затруднений. Со значительными трудностями выпуск журнала был возобновлен.

Судя по многочисленным интервью и статьям Гаррисона, расследование вступило в решающую фазу. В конце 1967 года М. Лейн поселился в Нью-Орлеане, чтобы быть под рукой и наконец распутать сатанинский заговор, соткапный темными силами. Весной 1968 года М. Лейн в статье в «Нью-Йорк фри пресс» утверждал: «В последние несколько недель в Нью-Орлеане появились два эмиссара. Оба разыскали Джима Гаррисона, оба указали, что привезли послание от Роберта Кеннеди. Гаррисон знает, что они оба связапы с Робертом Кеннеди. Оба указали, что Роберт Кеннеди не верит выводам комиссии Уоррена и согласен с Гаррисоном, что президент Кеннеди пал жертвой заговора». Эмиссары заверили Гаррисона, что в случае избрания президентом Р. Кеннеди откроет новое расследование, найдет и покарает ви-

новных. На вопрос Гаррисона, почему Р. Кеннеди не выскажется прямо против доклада комиссии Уоррена, таинственные эмиссары заявили: «Он знает, что между ним и Белым домом стоит множество пистолетов» [103].

Вскоре после убийства Р. Кеннеди 12 июля 1968 года Гаррисон объявил, что от разведывательной службы одного иностранного государства, «проникшей в тайну убийства», он получил новые материалы. Упомянутая служба даже «опросила одного из убийц» [104]. Смерть Р. Кеннеди вслед за убийством М. Кинга удвоила интерес к окружному прокурору. Ведь, по его словам, он держал ключи к мрачному заговору. Публицист Парис Фламмонд засел писать книгу о Гаррисоне, увидевшую свет в начале 1969 года. При подготовке обширного исследования — более 300 страниц убористой печати, он неоднократно встречался с Гаррисоном. После гибели Р. Кеннеди П. Фламмонд провел очередное интервью.

Вопрос: Джим, прокомментируйте убийство Роберта Кеннеди?

Гаррисон: Дело идет о количестве имеющихся материалов. По очередности убийства происходили так: убийство Джона Кеннеди, доктора Мартина Лютера Кинга и сенатора Кеннеди... Имеющихся данных во всех трех случаях достаточно, чтобы указать, что, по всей вероятности, все они были совершены одной и той же силой и все они... были убийства усилиями разведки.

Вопрос: Американской разведки?

Гаррисон: Да. Это особенно верно в отношении убийства президента Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Ныне, на мой взгляд, все иные альтернативы исключаются. Эти убийства, в которых глубоко замешано Центральное разведывательное управление. Это не означает обязательно, что команда была дана самим руководством. Речь идет о том, что, по крайней мере, важная часть ЦРУ ныне занята физическим истреблением любых национальных лидеров, выступающих против увековечения холодной войны и наших авантюр в Азии. Я думаю, что так будет и в дальнейшем...

Вопрос: Вы рассматриваете убийство второго Кеннеди с таких же позиций?

Гаррисон: Если бы Роберт Кеннеди проиграл в Калифорнии, он был бы жив сегодня... Он был на грани превращения в самого важного политического деятеля Америки... с великолепными шансами... стать президентом. Как таковой, он бы руководил внешней политикой, а он уже высказывался против нашей войны в Азии.

Вопрос: Джим, что вы скажете о выступлении (Марка) Лейна по радио (в котором он утверждал, что незадолго до смерти Роберта Кеннеди его эмиссары связались с Гаррисоном)?

Гаррисон: Мне бы не хотелось подробно говорить об этом. После беседы...

Вопрос: Частным образом?

Гаррисон: Да. Я не собираюсь критиковать Марка... Но то, что он сказал, правильно. Единственное уточнение... речь идет не столько об эмиссарах... Мы (Гаррисон и Р. Кеннеди. — *Н. Я.*) имели несколько общих друзей... некоторые из них приезжали в Нью-Орлеан и не обязательно в последние несколько недель. С другой стороны, фраза: «Бобби прекрасно знает, что между ним и Белым домом стоит множество пистолетов», определенно принадлежит им, хотя я не помню, сказал ее один из них или оба. Я очень долго не мог понять, почему он (Кеннеди) ничего не говорил, но потом стало совершенно ясно: он сообразил, что за сила противостояла ему, и он считал ее столь могущественной, что счел за благо помолчать, пока не станет президентом.

Вопрос: У вас нет никаких сомнений, что он назначил бы новое расследование, если бы попал в Белый дом?

Гаррисон: Думаю, что в этом можно не сомневаться. Сам факт, что он был столь поспешно убит, указывает, что и в ЦРУ не питали никаких сомнений насчет этого. Я думаю, что в этом случае у них не было другого выхода. Я убежден, что они не хотели идти на новое убийство, но они не могли рисковать, чтобы он стал президентом...

Вопрос: Как насчет суда над Шоу и будущего всего вашего расследования?

Гаррисон: Правительство... сделает все необходимое, чтобы не допустить нашего успеха. Если не удастся достигнуть этого законным путем, тогда последуют новые убийства. Думаю, что у них есть возможность добиться этого, используя законные методы, однако это не означает, что убийств больше не будет. Они не остановятся ни перед чем... Моя позиция проста. Я не думаю, что переживу все это, но не беспокоюсь. Я собираюсь идти вперед. По крайней мере, они знают, о чем идет речь. Пока я живу, я буду действовать [105].

Чего же достиг Гаррисон на стадии предварительного расследования к исходу 1968 года? Он сосредоточил усилия на подтверждении фактами своей версии об убийстве Дж. Кеннеди. Это оказалось сложно. 16 апреля 1967 года бывший работник нью-орлеанской прокуратуры Дж. Эндрюс был осужден на полтора года тюремного заключения. Сколько ни бился Гаррисон, он не смог получить от него новых сведений о пребывании Освальда в Нью-Орлеане, но добыл достаточно доказательств лжесвидетельства, что и легло в основу обвинительного приговора.

Гаррисон заинтересовался неким Гордоном Новелом, сотрудником ЦРУ, занимавшимся вместе с Ферри таинственными делишками в Нью-Орлеане. Весьма скользкий субъект, работавший в ночном клубе, узнав о внимании Гаррисона к его персоне, ускользнул за пределы юрисдикции окружного прокурора. Он обосновался в штате Огайо. Попытки

Гаррисона добиться выдачи не увенчались успехом, хотя, помимо соучастия в заговоре с целью убийства президента, Гаррисон предъявил властям штата Огайо доказательства, что Новел — заурядный уголовный преступник и вор. 3 июля 1967 года суд штата Огайо окончательно отказал Гаррисону выдать Новела. Аналогичный результат имели усилия Гаррисона добиться выдачи С. Смита и С. Мофетта (соответственно из штатов Техас и Небраска).

Гаррисон комментировал: «В минувшие пять лет мы получили сотни обвиняемых и свидетелей из других штатов, ни в одном случае не было задержки. Внезапно все изменилось, ибо идет независимое расследование убийства Кеннеди». Гаррисону пришлось работать только с двумя свидетелями — П. Россо и В. Банди, уже дававшими показания перед судом в марте 1967 года. Насмешкам не было конца. Указывали, что первый под постоянным гипнотическим внушением, второй — наркоман, и вообще они люди очень ненадежные. На что доведенный до крайности Гаррисон с юмором висельника как-то ответил: «Становится все труднее и труднее отыскивать образованнейших и благороднейших свидетелей таких гнусных преступлений, как убийство президента» [106].

Окружной прокурор не покладая рук готовил процесс, намеченный на весну 1969 года.

ЕЩЕ ТРАГЕДИЯ В СЕМЬЕ КЕННЕДИ

Незадолго до гибели президента Дж. Кеннеди львица вашингтонских салонов Кей Холл с Рандольфом Черчиллем заглянули в Белый дом. Так, по-светски, припомнила дама, «провести несколько минут» с Кеннеди. Р. Черчилль с порога затеял политический разговор с президентом. «В разгар его, — писала К. Холл, — я увидела, что нижняя панель письменного стола приподнимается. Удивительное дело, подумала я, наверное, он толкает ее ногой. Но тут появилась мордашка Джона-младшего. Наша встреча состоялась, я думаю, когда Джеки каталась на той «греческой яхте».

Президент сказал, что забота об обоих детишках на нем, и он по-настоящему счастлив. Малыш Джон заявил мне: «Я большой медведь и хочу есть». На полу была разбросана мятая бумага, и я стала делать вид, что кормлю его. Джон Кеннеди повернулся и сказал: «А я громадный медведь и вас проглочу». Ребенок закатился смехом. Президент сказал, что его самые лучшие дни, когда приходится возиться с обоими детьми. Когда они не были на занятиях, то проводили большую часть времени в кабинете с ним, и это ему было бесконечно приятно» [107].

Та «греческая яхта», обычно крейсировавшая в Средиземном море, принадлежала Аристотелю Онассису. Он был хо-

рошо знаком с семьей Кеннеди. Жаклин находила на борту радушный прием со стороны владельца и еще пятидесяти вычурно одетых людей — экипажа судна. Во время одного двухнедельного вояжа Жаклин с дочерью гостила у Онассиса. Президент США дал на борт яхты радиограмму: «Мне бы хотелось видеть в заголовках газет немного побольше о Каролине и немного поменьше об Онассисе» [108]. Шутка, конечно.

«Золотому греку», как прозвали Онассиса, в 1968 году было по паспорту 69 лет, он же определял свой возраст в 62 года. Дело в том, объяснял Онассис, что, когда в 1922 году он бежал из Турции и объявился в Аргентине, для занятий коммерцией нужен был возраст посолиднее, пришлось натянуть семь лет. Торговец табаком и судовладелец Онассис преуспел в жизни. По американским стандартам, он был неприлично богатым иностранцем — состояние около одного миллиарда долларов. Многообразная деятельность: в 1954 году американские власти оштрафовали Онассиса на 7 миллионов долларов за спекуляцию судами, в 1955—1966 годах — совладелец казино в Монте-Карло.

Жил Онассис не так, как прижимистые американские миллиардеры. Он владел солнечным островом Скорпинос (площадью около 150 га) у берегов Греции, резиденциями в Афинах, Париже, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Монте-Карло, Нью-Йорке. Деньги проложили дорогу в круг высшей европейской и американской знати. В сорок лет Онассис женился на шестнадцатилетней Тине, племяннице богатейшего греческого судовладельца Ливаноса, она мать двоих его детей. Развод, Тина выходит замуж за наследника Черчиллей, владеющих крупнейшим частным поместьем в Англии. Семьи поддерживали добрые отношения. Дети Онассиса — Александр и Кристина — прекрасно знали престарелого Уинстона Черчилля. Но по паспорту Александр и Кристина — американские граждане. Предусмотрительные родители позаботились о том, чтобы они родились в США.

Любящий отец завел на Кристину и Александра по фонду в банке — на первый случай по 20 миллионов долларов каждому. Сын пошел по стопам отца, занялся бизнесом в судоходстве, который делил с великосветскими похождениями. Увлечение с 1968 года — «дружба» с 36-летней лондонской манекенщицей Фионой, тогда только что расторгнувшей брак с наследником Круппа Генрихом фон Тиссеном. Братство крупного капитала. Американское гражданство сына и фонд в банке США обеспечивали Онассису многое: «Именно этот фонд, — наставительно писал американский журнал в 1969 году, — дает возможность судам Онассиса обслуживать войска США во Вьетнаме, ибо неамериканец Ари Онассис не мог бы делать этого, а его сын может» [109].

Положение первой дамы США при жизни Дж. Кеннеди ввело Жаклин в мир сказочно богатых людей и глав прави-

тельств. Она была с ними на короткой ноге. Супруга президента путешествовала по миру, иногда со своей сестрой, теперь княгиней Радзивилл. Они побывали и в экзотических странах, например в Индии и Пакистане. Прокатились на слонах, посетили Д. Неру. «С ним мы никогда не говорили о серьезных вещах», — болтала Жаклин с журналистами. Американский посол в Индии Дж. Гелбрейт состоял при супруге президента. «Ну, он просто душка, — лепетала Жаклин. — А знаете, что Памела Маунтбеттен сказала о нем? «Я прочитала книги посла, и, если пропустить части, посвященные экономике, они ужасно остроумны!» Такой он и есть. Когда мы так уставали, так уставали и думали, что не сможем сделать и шага, он смешил нас и придавал нам мужества идти дальше».

Жаклин рассказала, что хотела посетить восточный базар. «Секретная служба пришла в ужас, и они закричали — нет! нет! В мгновение ока базар был у наших дверей!» А президент Пакистана Аюб Хан! «Аюб так похож на Джека... Какой он красавчик в военной форме! Я спросила, почему он не оделся в военное, встречая меня. Он ответил, что церемония не носила военного характера. Я наказала ему всегда носить военную форму. По дороге в аэропорт мы говорили о его каракулевой шапке. Я попросила дать примерить — подошла! Он подарил мне ее... Может быть, я уговорю Джека носить каракулевую шапку» и т. д. [110].

Они жили разными интересами. «Президент, — писал Дж. Бишоп, — часто заверял обеспокоенных политиков: «Я могу контролировать Бобби», но никто не слышал, чтобы он так говорил о жене. Некоторым наблюдателям представлялось, что они живут совершенно обособленно. Кеннеди применял свои способности в тяжелом мире политики, г-жа Кеннеди наслаждалась поездками на яхте у греческих островов или организацией балета в Восточном зале Белого дома».

Журналист Б. Брэдли, поддерживавший приятельские отношения с Дж. Кеннеди, и в бытность его президентом, точно указал, что, помимо прочего, соединяло супругов — совместное ведение хозяйства и разъединяло — споры о том, как и куда тратить семейные средства. Только в конце 1962 года Жаклин обнаружила — супруг отдает все президентское жалованье на благотворительность. Она заявила, что могла бы найти лучшее применение деньгам (тогда 100 тысяч долларов в год). Помрачневший Джон предъявил жене счет из универсального магазина на 40 тысяч долларов. Что куплено? Жаклин так и не припомнила.

Разбушевавшийся президент заявил, что они живут в Белом доме на государственном обеспечении, казна даже оплачивает его камердинера и служанку Жаклин. Джон объявил, что пригласил, чтобы разобраться с семейными расходами К. Беллино, опытного финансового ревизора конгресса. О нем у президента самые лучшие отзывы. Беллино

только что ревизовал по просьбе Роберта расходы супруги Этель.

Через полгода за обедом в Белом доме двух супружеских пар Кеннеди и Брэдли президент попросил гостей быть арбитрами в новой схватке с Жаклин по поводу расходов. Он признал, что усилия К. Беллино не очень помогли, «расходы растут фантастически, ну кто эта самая мадам Купер, которой заплачено 1400 долларов? — спрашивал он Джеки. Она не могла припомнить и в замешательстве ерзала на стуле. Она заявила, что не купила ничего, кроме двух купальных костюмов. Ни одного платья. «На мне надета эта старая тряпка, купленная за 60 долларов два года назад». Облегчив душу руганью, Дж. Кеннеди постепенно затих.

Надо думать, прогулки на яхте Онассиса раздражали отпрыска типичной американской семьи мультимиллионера Дж. Кеннеди и тем, что на ее борту Жаклин привыкала, пожалуй, к варварской роскоши. Еще прошел слушок — Онассис намеревается породниться с семьей Кеннеди, отбив у мужа сестру Жаклин, княгиню Радзивилл. В общем, когда Жаклин вернулась из очередной поездки в обществе Онассиса в октябре 1963 года по Средиземному морю, Джон задал ей семейную трепку (надо думать, только словесную). Брэдли еще написал: «Президент не сообщил (Жаклин), что потребовал от Онассиса не появляться в США, пока не пройдут президентские выборы 1964 года. Лучшее доказательство того, что он считал поездку на яхте политически вредной. Но он подчеркнул: «чувство вины» Джеки может быть полезно ему самому.

— Может быть, ты поедешь с нами в Техас на следующий месяц, — сказал он с улыбкой.

— Конечно, Джек, — ответила Джеки» [111].

Во время фатальной поездки в Даллас Жаклин практически впервые приняла участие в политике.

Там Жаклин потеряла мужа. Она стойко вынесла возвращение в столицу, не снимала почти сутки окровавленную одежду, принимала соболезнования, но не сочла возможным принести соболезнования родителям покойного, доводившимся ей родственниками по браку. В ночь с 22 на 23 ноября убранное тело Кеннеди в гробу доставили в Белый дом для прощания. Жаклин с Робертом вошли в зал. Подгримированный труп выглядел как Кеннеди в жизни. Почетный караул попытался уйти, Жаклин остановила их, она хотела прощаться на людях.

Вдова, вглядываясь в черты мертвого мужа, попросила ножницы и несколько театральным жестом отрезала прядь с головы покойного. Внимательно посмотрела на нее, вздохнула: «Это не Джека». Она держала в руках часть волос с парика, прикрывавшего рану...[112].

В последующие годы Жаклин попыталась заполнить пу-

стоту. Ее не привлекали дела государственные. Сославшись на траур, она отклонила предложение Л. Джонсона стать американским послом в Мексике. Она разъезжала — модные курорты на Антильских островах, пасхальные каникулы в Аргентине, зимние курорты, в гостях у герцогини и герцога Альбы в Севилье и множество других мест. А ежегодный доход Жаклин — только 250 тысяч долларов. Онассис один из первых явился к осиротевшей семье и как мог утешал вдову. Яхта в Средиземном море — в распоряжении Жаклин. Онассис был верен своему принципу: «У меня только один лозунг — не дерзаешь, ничего не получаешь... Я должен карабкаться выше и выше, хотя понимаю, что все это глупость». Одновременно он продолжал затянувшуюся «дружбу» с великой оперной певицей и артисткой Марией Каллас, грезившей о браке с Онассисом. О чем много писали и говорили.

Внимание Онассиса к вдове брата далеко не радовало Роберта, считавшего своим долгом опекать ее.

Убит Роберт Кеннеди. Аристотель снова среди первых явился утешать. В августе 1968 года Жаклин и Э. Кеннеди неделю гостили у Онассиса на острове Скорпинос. Вдова приняла предложение руки и сердца «золотого грека». Детям Онассиса она сообщила: «Не беспокойтесь, я люблю моего бедного первого мужа. А ваш папа любит только вашу маму». Александр отрезал: «Лично я не нуждаюсь в приемной маме, но отцу нужна жена». Познакомившись ближе с мачехой, добавил: «Жаклин — деловая женщина в матримониальных делах».

Она знала, на что шла — вступление в брак лишало ее 150 тысяч долларов ежегодного дохода от семьи Кеннеди. Онассис на первый случай подарил ей 3 миллиона долларов, и по 1 миллиону долларов сыну и дочери. По завещанию Онассис определил им троим доход в 150 тысяч долларов в год пожизненно, то есть компенсировал потерю средств от семьи Кеннеди.

В сентябре 1968 года вдова президента Кеннеди обвенчалась с Аристотелем Онассисом на острове Скорпинос.

Двести охранников Онассиса при поддержке кораблей греческого флота отбили десант журналистов, на семи катерах штурмовавших остров. Отогнали и вертолеты с газетчиками. Церемонию бракосочетания провели просто, по-семейному, издержали только 10 миллионов долларов. Она получила от супруга свадебный подарок. Серьги и кольцо. Стоимость — миллион долларов. 39-летняя Жаклин и 69-летний Онассис начали семейную жизнь.

В первый год брака с Онассисом Жаклин истратила на покупки, преимущественно одежды, 1250 тысяч долларов. Супруг безропотно оплатил счета [113].

Американская печать выразила мнение, что «королева

покинула свое царство, а многие считают — и репутацию». Парижские газеты комментировали: «Последняя трагедия в семье Кеннеди».

ПРОЦЕССЫ, ПРОЦЕССЫ...

Ранней весной 1969 года Дж. Гаррисон закончил свое расследование. Он много поработал и получил помощь от самых различных людей. Среди тех, кто пришел на подмогу окружному прокурору, был известнейший эстрадный комик Морт Сал. В свое время за шуточки в адрес администрации Кеннеди он попал в «черный список» и фактически лишился заработка. Сал не держал обиды. Когда Гаррисон вышел на поиск убийц президента, сатирик приехал в Нью-Орлеан и помогал чем мог.

На пресс-конференции М. Сал объявил: «Я знаю, кто убил Кеннеди. Но могу сказать вам только, что здесь замешаны некие влиятельные внутренние силы и что, когда Гаррисон сообщит то, что ему известно, это потрясет страну до основания. Америке придется заняться уборкой своего дома». Сатирик профессионально разбудил любопытство и с эстрады подлил масла в огонь, начав высмеивать доклад комиссии Уоррена. Предстоящему в Нью-Орлеане процессу было обеспечено великолепнейшее «паблисити». На сцене неизбежно появились предприимчивые журналисты из цитадели нравственности — «Плейбой», впечатляющими методами поднимающие тираж журнала. Они по своему обыкновению взяли обширное интервью у М. Сала.

Вопрос: Вы считаете, что положение у нас в стране было бы иным, если бы Джон Кеннеди не был убит?

Сал: Да. Он подписал свой смертный приговор, смягчив напряжение между Россией и Соединенными Штатами и гарантировав суверенитет Кубы. Уолтер Липпман говорит, что Кеннеди не был очень хорошим президентом. Он сделал только одно: попробовал положить конец холодной войне с Россией, что было отнюдь не так уж плохо, если подумать. Но, к несчастью, он умер. И причиной его смерти было именно это лучшее из его начинаний.

Вопрос: Эту версию выдвинул нью-орлеанский окружной прокурор Джим Гаррисон, для которого вы в 1967 году производили некоторые расследования. Каким образом вы оказались к этому причастны?

Сал: Главным образом потому, что я прочел все 26 томов доклада комиссии Уоррена и, как внимательный читатель, обнаружил в нем массу невероятнейших пробелов...

Я приехал в Нью-Орлеан примерно в то время, когда Гаррисон устроил свою первую пресс-конференцию — ту, на которой он сказал, что некоторые лица, замешанные в этом преступлении, были связаны с ЦРУ. Кто-то из репортеров

спросил его: «А вы подумали, какой вред вы наносите стране, если вы ошибаетесь?» Гаррисон ответил: «Я не ошибаюсь». Тогда тот же репортер сказал: «А вы подумали о том, какой вред нанесете стране, если вы правы?» Гаррисон ответил: «Как сказал Вергилий, пусть падут небеса, лишь бы восторжествовала справедливость». Тогда репортер спросил: «А как фамилия этого Вергилия?» И тут я понял, что нам предстоит. В конце концов я записал на пленку полуторачасовое интервью с Гаррисоном для своей радиопрограммы. Вскоре после этого я лишился программы и на радио, и на телевидении и уехал в Нью-Орлеан. Там по утрам я писал, а днем вел расследование по официальному поручению Гаррисона. Какой-то репортер спросил: «Как может Гаррисон объяснить включение комика в число своих сотрудников?» Ответ был: «Точно так же, как Джонсон объясняет включение семерых комиков в комиссию Уоррена».

Вопрос: Вы ведь используете доклад этой комиссии в своих выступлениях на эстраде?

Сал: Да. Это позволяет мне объяснить сущность доклада тем, кто не имел случая его прочесть. Я сообщал своим слушателям, что на переплете доклада комиссии Уоррена красуется орел, означающий, что мы можем верить ему непоколебимо. Затем мы узнаем, что согласно анкете Гэллапа 88 процентов американцев не верят в точность его данных. Поэтому я добавляю, что не буду критиковать доклад, дабы не подорвать остальных 12 процентов, а затем я излагаю выводы доклада...

Памятуя о профессии Сала, можно представить, что и как он рассказывал с эстрады о докладе. Он неутомимо высмеивал самодовольных расследователей, настаивая, что доклад находится в кричащем противоречии не только с истиной, но и здравым смыслом. Один пример: «Джек Руби застрелил Освальда, пока он находился под охраной 70 полицейских чинов — или даже 71 чина, если считать Джека Руби. Невероятно». Журналисты задали Салу коварный вопрос: «Ваше сотрудничество с Гаррисоном, ваши намеки на то, что вас включили в черный список, — все это, вместе взятое, навело многих ваших друзей на мысль, что вы стали параноиком, другими словами, что вам всюду чудятся заговоры. Вам они чудятся?»

Сал категорически ответил: «Я, безусловно, верю в существование одной группы заговорщиков — можете назвать их «бюро политических убийств», — которая была замешана в убийствах президента Кеннеди, доктора Мартина Лютера Кинга и Бобби Кеннеди».

Вопрос: Вы можете подтвердить это документальными данными?

Сал: Не собираюсь и пробовать. Я — эстрадный артист, я привлекаю общественное мнение к этим вопросам с помощью сатиры, а не документов, которыми пусть занимаются

те, кто лучше для этого подготовлен. Я могу сказать только, что ваши читатели знакомы со многими доказательствами, если они читали ваше интервью с Гаррисоном («Плейбой», октябрь 1967 года), а со временем их будет представлено еще больше. Они уже стали бы известны, если бы наше правительство столь упорно не затягивало процессы над виновными.

Когда Сал беседовал с сотрудниками «Плейбой», в США произошли изменения, демократы потерпели поражение на выборах 1968 года. Правительство приобретало иную политическую окраску. Л. Джонсон — мишень № 1 комика и прокурора, превратился в частное лицо. На личной судьбе Сала это отозвалось самым непосредственным образом. Он сказал: «Когда президентом был Эйзенхауэр, я пользовался бешеным успехом. Я мог высмеивать все, что он делал... Но когда был избран Кеннеди и я начал прохаживаться на его счет, мне это с рук не сошло... Мне было сказано, чтобы я оставил в покое правительство, или я потеряю работу... Говорили, что я устарел, отстал от времени и мне следовало бы переменить профессию — пойти, например, в столяры,— ну, что угодно, лишь бы я не выходил на эстраду и не отпускал шутки по адресу всеобщих идолов и героев...

Еще до того, как Никсон был избран, один ведущий на телевидении сказал мне: «Ну, в ближайшие четыре года вы будете как сыр в масле кататься». Я ответил: «Если вы это делаете для меня, то не стоит». В любом случае теперь, когда произошла смена мест слагаемых, я работаю постоянно, и вопрос о черном списке стал академическим. Задайте мне его снова через четыре года» [114].

Действительно, 20 января 1969 года в Вашингтоне приняла власть республиканская администрация. Те, кто был, если верить Гаррисону, прямо заинтересован в сокрытии истины в деле убийства президента, больше не держали рычаги правления. Страна с напряженным вниманием ожидала, как окружной прокурор в суде приоткроет завесу над леденящими кровь ужасами, а правосудие воздаст долг по заслугам душегубам, затаившимся под мантией администрации, отвергнутой избирателями. И вот день пришел. В начале февраля 1969 года в суде Нью-Орлеана начался процесс.

Прокуратура вывела перед присяжными заседателями сначала П. Россо, который произвел странное впечатление сбивчивыми показаниями. Вспомнили — на предварительном следствии Россо охотно говорил, но под гипнозом, получив укол с изрядной дозой «сыворотки правды». Объявили, что прокуратура вводит в действие «таинственного свидетеля». В зале появился сборщик налогов из штата Нью-Йорк Г. Спизел. Он рассказал, что в июне 1963 года во французском квартале Нью-Орлеана слышал, как Ферри и Шоу говорили об убийстве Кеннеди. Сенсационное заявление! Защита поинтересовалась, не может ли свидетель указать, где

зловещий дом, под крышей которого велись преступные разговоры.

Спизел согласился. Из здания суда валом повалил народ — свидетель повел за собой присяжных, судью, адвокатов, подсудимого, журналистов и зевак. Толпа более 350 человек. Под водительством Спизела они обследовали два дома, свидетель сообщил, что один из домов «похож, если не тот именно». Защита выяснила личность драгоценного свидетеля, который предстал великим склочником. Во время двухчасового перекрестного допроса он охотно рассказал, как его притесняют власти: он судился с городом Нью-Йорком, психиатрами, частным сыскным агентством и несколькими полицейскими за то, что они подвергли его гипнотическим «чарам» [115].

Перед судом прошли свидетели защиты, прозвучали доводы обвинения. Утверждения Гаррисона никак не подтверждались фактами. Подсудимый категорически отрицал обвинения. В заключительном слове Гаррисон с большим чувством настаивал, что для сокрытия правды мобилизован весь аппарат федерального правительства. На это защита возразила: единственная цель пребывания Шоу на скамье подсудимых — «создать форум для нападок на комиссию Уоррена». Адвокаты Шоу были очень красноречивы и деятельны. Их пыл подогревался осознанием справедливости дела подзащитного, уплатившего им около 100 тысяч долларов [116].

После шестинедельного судебного разбирательства присяжные менее чем за час единогласно оправдали Шоу, обвинявшегося в участии в заговоре с целью убийства президента. Гаррисон растолковал: «Вердикт присяжных просто указывает, что американский народ не желает выслушать правду». Прокурор заявил, что привлечет Шоу к ответственности за лжесвидетельство. В ходе судебного следствия выяснилось, что Шоу знал Освальда и Ферри, но отрицал это. Оправданный 60-летний делец заявил, что ему придется расстаться с пенсией и вернуться к работе, иначе не оплатить прошлые и будущие судебные издержки. Кроме того, Гаррисон привлек к ответственности сотрудника окружной прокуратуры Т. Белла за выдачу защите плана обвинения, что дало ей возможность выяснить прошлое свидетелей и скомпрометировать их.

Гаррисон провалился в суде со своей версией о заговоре. Журнал «Нэйшн» в передовой статье подвел итог: «Единственная загадка по поводу вердикта «невиновен» в процессе Клея Шоу — почему присяжным потребовалось 50 минут для вынесения его. В суде не были представлены доказательства, а наличные доказательства исходили от сборища нелепых свидетелей, большинство из которых явно нуждаются в психиатрическом лечении... Однако было бы серьезной ошибкой заключить, как это сделали многие, что вердикт подтверждает выводы комиссии Уоррена. Во-первых, эти вы-

воды не священны, могут быть раскопаны новые факты, которые подорвут их. Но, к сожалению, «факты» не нужны, чтобы жило широкое желание верить, которое и создало выгодный рынок для различных теорий «заговора». Что касается самого убийства, то достаточно сплетен, выдумок, совпадений и предположений для запуска новых поразительных теорий; в сущности, количество теорий ограничивает только воображение их творцов».

Журнал сурово спросил: «Единственный вопрос — останется ли Гаррисон безнаказанным?», а также сообщил, что Американская ассоциация юристов обратилась с просьбой к ассоциации юристов Луизианы расследовать мотивы Гаррисона [117]. Поворот дела озадачил и распугал множество «расследователей», толпившихся около Гаррисона и сочинявших бесконечные статьи со ссылками на «секретные сведения», которые-де окружной прокурор собрал для процесса. Стремительно распространился слух: Гаррисон ни больше, ни меньше, как провокатор ЦРУ!

20 апреля 1969 года в сверхреспектабельном «Нью-Йорк таймс мэгэзин» появилась статья под хлестким заголовком «Последняя глава в споре по поводу убийства?». Автор, прекрасно знавший вопрос, с очевидным удовольствием констатировал: «Публицисты Гаррисона, которые до суда так много говорили о «секретных доказательствах», исчезли из виду. После лопнувшего дела Гаррисона печать по понятным причинам постаралась поскорее забыть обо всем этом». Написал статью тот самый Эпштейн, успевший после книги «Расследование» сочинить еще одну — «Антизаговор», направленную против Гаррисона. Он, несомненно, чувствовал великое облегчение — конкуренты, в первую очередь М. Лейн, сбежали с поля битвы.

Во всеоружии опыта, скрепленного вердиктом суда в Нью-Орлеане, Э. Эпштейн в своей статье авторитетно разъяснял, что все противники доклада Уоррена — сочинители, почти все скверные люди, а некоторые отъявленные бездельники и врали. Он клеймил Гаррисона и К°: «Ввиду позора, который Гаррисон навлек на всех них, нет ничего удивительного, что некоторые теперь недовольные критики (доклада Уоррена. — *Н. Я.*) даже выдвинули теорию, что Гаррисон провокатор ЦРУ. Конечно, многие из критиков были повинны, по меньшей мере, в легковерии, а по большему счету — в сознательной лжи». А как же насчет собственной книжки? В большой статье он уделил своему шедевру абзац, походя заметив, что сам «отчасти» повинен в раздувании слухов по поводу работы комиссии Уоррена.

Но если судить по позднейшей работе Эпштейна «Антизаговор» и принять в соображение тот факт, что теперь он печатался в «Нью-Йорк таймс мэгэзин», то его раскаяние, очевидно, и должным образом оценено. Бойкий ученый, переменивший фронт, закончил свою статью: «Урок, преподан-

ный нам Гаррисоном, совершенно ясен — нельзя отделять добросовестность доказательств от добросовестности лица, представляющего их. Поскольку в ближайшем будущем едва ли будет новое расследование, а многие критики были дискредитированы в роли расследователей в нью-орлеанском эпизоде, представляется вероятным, что дело Гаррисона может оказаться последней главой в споре об убийстве» [118]. В этом он, как показало будущее, ошибся.

В ноябре 1969 года население Нью-Орлеана определило свое отношение к Дж. Гаррисону, а следовательно, и к его расследованию. Он выставил свою кандидатуру для переизбрания окружным прокурором на третий четырехлетний срок. Во время кампании он поносил самого сильного соперника Г. Конника как «кандидата федерального правительства». Хотя противники Гаррисона особенно упирали на то, что своим расследованием он выставил Нью-Орлеан на посмешище всей страны, эти доводы не подействовали. Прокурора переизбрали. Г. Конник объяснил итоги выборов так: «Гаррисон победил, ибо бросил вызов федеральному правительству». Сам Гаррисон отнес свою победу за счет «личного обаяния» [119]. Ровно через год после оправдания в марте 1970 года К. Шоу предъявил иск Гаррисону, требуя возместить ущерб в 5 миллионов долларов. В иске Шоу сказано, что прокурор затеял процесс против него, чтобы «провести противозаконное, бесполезное и мошенническое расследование убийства президента Кеннеди... и собрать материалы для нападок на комиссию Уоррена». Шоу не преуспел.

Вероятно, эпитафию к свершениям Гаррисона написал его земляк публицист Н. Леман в 20-летнюю годовщину со дня трагедии в Далласе: «Из-за моего места жительства я чаще соприкасался с фактами, касавшимися убийства Кеннеди, чем большинство людей. В 1967 году наш молодой прокурор в Нью-Орлеане Джим Гаррисон, склонный к реформаторству, объявил, что занят расследованием смерти президента. В течение ряда лет Гаррисон, который был либо ненормальным, либо циником, а возможно, тем и другим, доминировал в общественной жизни нашего города. Он владел мастерством оставаться в заголовках новостей, даже не раскрывая своих карт, и магнитом, по-видимому, притягивавшим к себе весь запас теоретиков заговоров и журналистов, заинтересованных в описании мрачной стороны Америки».

Леман сообщил, что затеянный Гаррисоном «процесс поставил в затруднительное положение всех имевших касательство к нему, если допустить, что сам Гаррисон способен попасть в такое положение... После оправдания Шоу цирк распустили. Но Гаррисон по сей день популярный политик в Нью-Орлеане... С моей точки зрения, странный склад мышления, в самой крайней и отвратительной форме продемонстрированный Гаррисоном, стал довольно обычен в Амери-

ке. Теперь США больше не считают разумной и солнечной страной. Заговоры, шпионы — неотъемлемая часть нашей жизни: взгляните на Уотергейт, взгляните на ФБР... Доктрина Американского Века, изначально туманная, скончалась в день смерти Кеннеди» [120].

До этих претенциозно-философских обобщений еще должно было пройти время, а тогда в 20-х числах апреля 1969 года, когда «Нью-Йорк таймс мэгэзин» ставил точку в процессе Гаррисона, в Лос-Анджелесе закончился другой процесс — над убийцей Р. Кеннеди Сирханом. Суд на Тихоокеанском побережье, продолжавшийся три месяца, начался раньше, чем слушание дела Шоу в Нью-Орлеане, а закончился позднее. Оба процесса, проходившие одновременно, заставляли вновь и вновь возвращаться к судьбе братьев Кеннеди. Хотя исход в них был противоположным, доказательства, принятые присяжными на юге и западе страны, сводились к одному — никогда не существовало заговоров против погибших от пуль убийц государственных деятелей.

С. Сирхан предстал перед судом 7 января. Трое адвокатов, защищавших его, немедленно предложили суду сделку — Сирхан признает себя виновным в обмен на сохранение жизни. В штате Теннесси таким путем получил 99 лет тюремного заключения убийца Мартина Лютера Кинга. Судья Г. Уокер отверг просьбу защиты, а подсудимый заявил, что невиновен в умышленном убийстве.

Защита была построена на попытках доказать, что Сирхан был невменяемым в момент совершения преступления. Ему было три года, патетически начал защитник, когда на Ближнем Востоке разразилась война между израильтянами и арабами. «На глазах у Сирхана бомба оторвала ногу у крошечной девочки». Когда семья иммигрировала в США, подросток был одинок. Он хотел быть жокеем, но лошадь сбросила его. После падения Сирхан стал задумываться, впал в мистицизм. Обвинение высмеяло утверждения защиты, представив суду свидетелей, которые говорили о хладнокровном поведении Сирхана во время покушения.

Суду была предъявлена записная книжка Сирхана, пестревшая такими записями: «Я стою за низвержение нынешнего президента США...» Разные глупости, и наконец фраза: «Так называемый президент США в конце концов будет повергнут пулей убийцы». Бесконечные угрозы в адрес Роберта Кеннеди: «РФК должен умереть, с ним нужно покончить. Роберт Кеннеди должен умереть, умереть, умереть...» (и так много раз). Под датой 18 мая 1968 года запись: «Моя решимость покончить с РФК становится непоколебимой». Чтение записей в суде, а также показания инспектора школ о том, что Сирхан был неспособным учеником, вывело его из себя.

Он начал буйствовать на скамье подсудимых, требуя рассчитать адвокатов. Сирхан обратился к Уокеру.

— Сейчас, сэр, я хочу отказаться от моего первопачального заявления «невиновен».

— Следует мне понимать, что вы хотите признать себя виновным по всем пунктам обвинения?

— Да, сэр.

— Какое наказание вы хотите понести?

— Прошу казнить меня. Я убил Роберта Кеннеди умышленно, думал об этом двадцать лет.

Судья улыбнулся:

— Ну, это нужно еще доказать здесь, в суде[121].

Прокуратура не собиралась подкреплять доказательствами столь далеко идущие претензии, но проявила необычайное рвение в другом: делалось все, чтобы не оставить и тени сомнения в том, что Сирхан действовал один. Это потребовало определенных усилий. Несмотря на то, что в судебном заседании давались разноречивые показания о расстоянии, с которого Сирхан стрелял в Р. Кеннеди, вину закрепили за ним одним. Между тем из материалов судебно-медицинской экспертизы, проведенной д-ром Т. Ногучи, следовало: дуло пистолета в момент рокового выстрела было в 2—7 сантиметрах от затылка Р. Кеннеди. Сирхан, разумеется, не подходил на такое расстояние, да еще сзади, к сенатору. Тогда кто? Через несколько минут после убийства Р. Кеннеди свидетели видели и слышали, как молодая женщина, одетая в пестрое платье, выскочила из отеля «Амбассадор», восклицая: «Мы застрелили его! Мы застрелили его!» 7 июня 1968 года танцовщица из ночного клуба Кэти Фулмер явилась в полицию, заявив, что это была она. Полиция, допросив танцовщицу, отпустила ее, презрительно прокомментировав: «Она домогалась известности». 10 апреля 1969 года Кэти покончила с собой.

Прокуратура нашла и вызвала женщину в пестром платье. В суде она показала, что работала для Р. Кеннеди в избирательной кампании и, конечно, была потрясена убийством. Заместитель окружного прокурора Л. Комптон заявил прессе: «ФБР и полицейское управление Лос-Анджелеса опросили буквально тысячи людей, проследив все предположения и возможности. Не обнаружено связей Сирхана с кем-нибудь еще».

Наконец, показания Сирхана. Он объяснил: «Я устал быть иностранцем, одиноким». Сирхан рассказал, что увлекся оккультными науками — долгими часами он гипнотизировал себя, глядя в зеркало между двумя горящими свечами. Подсудимый рассказал, что сначала любил Роберта Кеннеди, однако изменил отношение к нему, узнав, что тот стоит за поддержку Израиля. В мае он предавался обычному занятию — таращил глаза перед зеркалом. Тут он услышал — по радио передали, что Кеннеди стоит за передачу Израилю 50 самолетов «Фантом». «Я понял, — монотонно объяснял подсудимый, — Кеннеди не такой хоро-

ший парень, как о нем говорят. Я взглянул в зеркало и увидел его, а не мое лицо». В день убийства Сирхан напился, хотел ехать домой — его машина стояла в трех кварталах от отеля «Амбассадор». Он сел в машину, но побоялся ехать нетрезвым. Тогда он пошел в отель, пил там кофе, а затем обнаружил, что его душат полицейские после убийства Роберта Кеннеди.

Шесть психиатров, приглашенных защитой, выяснили, что все это закономерно — Сирхан шизофреник, страдает от навязчивых идей. На присяжных научные разъяснения не произвели впечатления, они пропустили мимо ушей и странные рассказы психиатров — в тюрьме им удалось загипнотизировать Сирхана и воспроизвести сцену покушения. Адвокат Парсонс воскликал: «Разве мы казним таких людей в Калифорнии? Что, мы пойдем за Гитлером, убивавшим убогих, сирых и больных?» Сирхан еще в школе в 1962—1963 годах подчеркивал в учебниках места, где говорилось о политических убийствах. На полях книги, повествующей об убийстве президента Маккинли в 1901 году, он приписал: «За ним последуют многие». Прокурор подытожил: все доказывает, что «это хладнокровное и рассчитанное решение взять жизнь Роберта Ф. Кеннеди было принято значительно раньше появления подсудимого в отеле «Амбассадор»».

17 апреля, прозаседав почти 18 часов, присяжные вынесли вердикт — Сирхан виновен в убийстве первой степени. По закону штата Калифорния потребовалось еще решение присяжных для определения меры наказания. 23 апреля в ходе 12-часового заседания, после четырех голосований присяжные решили — смертная казнь, и, как принято в солнечном штате, в газовой камере.

Тут на имя судьи Г. Уокера пришло письмо, написанное изящным почерком. Э. Кеннеди от имени всей семьи просил не казнить убийцу. Он писал: «Мой брат был любвеобильным человеком, полным высоких чувств и сострадания. Он бы не хотел, чтобы его смерть стала причиной смерти другого. Припомните, что он говорил, узнав о гибели Мартина Лютера Кинга. Тогда он сказал: «Нам в США пужны не разногласия, не ненависть, не насилия и беззакония, но мудрость и сострадание в отношениях между нами»... Сказанное им должно быть брошено на чашу весов в пользу сострадания, милосердия и дара бога — жизни».

Э. Кеннеди пришел к этому решению по многим причинам. Как заметил журнал «Тайм»: «Близкие сотрудники Кеннеди стали говорить о возможных последствиях смертного приговора. Борцы за гражданские права могут начать кампанию за спасение Сирхана от газовой камеры. Друзья ожидали демонстраций перед канцелярией Теда в сенате и домом Этель в Хикори Хилл» [122].

Судья Г. Уокер по достоинству оценил альтруистические

мотивы семьи Кеннеди. 21 мая 1969 года он отверг ходатайства о замене смертной казни тюремным заключением. Сирхана отправили в камеру смертников тюрьмы Сан Кентин. Защита подала апелляцию. «Теперь и начинается настоящая борьба», — оптимистически заявил приговоренный к смерти. Оптимизм, как оказалось, был не напрасным.

СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ

Случившееся в семье Кеннеди в 60-е, наложило отчетливый отпечаток по крайней мере на 70-е годы в Соединенных Штатах. Пришло к логическому концу некоторое из обозначенного ранее, но по очень считанным делам, и нагромоздились новые загадки. Интерес к клану Кеннеди никогда не иссякал, поддерживаемый и привходящими обстоятельствами. В первую половину семидесятых тщеславие стремительно старевшего А. Онассиса как лакмусовая бумажка прояснила мораль высшего света США. На впечатляющем примере Жаклин Кеннеди.

Сначала журналисты судачили разве о внешней несовместимости супругов, Жаклин на пять сантиметров выше Ари, впрочем, добавляли ядовито, «он выше, когда стоит на деньгах». Сын Онассиса Александр от всего сердца именовал Жаклин «гейшей», дочь Кристина величала вежливо «мадам». Но никто не ставил под сомнение очевидную страсть супругов — запойное курение. Пожалуй, на этом начинались и кончались их общие вкусы.

О мотивах Онассиса, взявшего в жены вдову президента США, судить нетрудно, памятуя о его предшествовавшей жизни — выбившийся из низов мультимиллионер демонстрировал: все покупается и продается в том мире. Только очень скоро он сообразил, издержки не то что не по карману, а нужна ли для доказательства давно известной истины эскапада с Жаклин? Власти предержащие в США, пожалуй, даже усилили давнюю борьбу с Онассисом в деловых предприятиях, за ней стоял не кто другой, как президент Р. Никсон, поддерживавший войну американских монополистов против энергичного Ари еще в свою бытность вице-президентом США при Д. Эйзенхауэре. Подключились и люди из ЦРУ. Наверное, помимо веских деловых соображений, всеми ими руководили еще очень понятные побуждения — примерно покарать человека, оскандалившего американскую элиту. Тем самым подводилась, пожалуй, даже некая «этическая» база под жестокую схватку конкурентов. Продолжателем своего дела Онассис, естественно, видел сына Александра.

22 января 1973 года легкий гидросамолет Александра взлетел в воздух в аэропорту Афин. Предстоял долгий полет в Лондон к Феоне. Но, поднявшись на каких-нибудь

тридцать метров, пилот по команде с контрольной башни «довернуть влево», повернул круто вправо, самолет ударился о землю и разбился. Александр погиб, пилот, хотя и выживший, в результате увечья потерял память, третий пассажир, сидевший сзади, ничего не понял. Безутешный Онассис с Жаклин прилетели из США, сестра Кристина из Бразилии, мать — Тина — из Швейцарии. Ари являл собой само воплощение горя, с трудом удалось уговорить его согласиться на похороны сына. Он все бормотал, что труп нужно заморозить до тех пор, когда успехи нейрохирургии дадут возможность вернуть сына к жизни.

Расследование показало — тяги к элеронам на крыльях были подключены к механизму управления в обратном порядке, то есть когда пилот, повинуясь команде, повернул влево, самолет неожиданно пошел вправо, а его инстинктивное усилие исправить дело усугубило ошибку. Исследователь американских спецслужб Дж. Хуган, подробно рассказав о кознях против Онассиса ЦРУ и прочих, замечает: «Несомненно, шпионская рать была в это время на уме Онассиса. Вскоре после гибели сына Александра в 1973 году Онассис выступил с обвинениями, что его смерть — предумышленное убийство. Были данные, что катастрофа подстроена, хотя Онассис не мог быть уверенным, кто был целью заговора — он сам или его сын. Он предложил награду в миллион долларов тому, кто укажет виновника, и потратил громадные средства на частное расследование. Както Онассис заявил журналистам: он полагает, что знает, кто убийца и кому служит. Но эти подозрения все еще нуждались в подтверждении к моменту смерти Онассиса в 1975 году» [123]. Список подозреваемых Онассисом открывало ЦРУ. Отец пережил сына на два года...

Сумерки жизни, заполненные автоматически привычным — управлением империей бизнеса, попытками обучить этому ремеслу дочь Кристину, бессонными ночами у могилы сына на острове Скорпинос, подготовкой развода с Жаклин и вспышками добрых чувств к Марии Каллас. Если до смерти сына, по крайней мере с 1971 года, он довольно сдержанно отзывался о своем браке «боже, какого дурака я свалял», Жаклин «жестокосердная и пустая», то после трагедии он решительно повел дело к разрыву. Как подобает бизнесмену, по-деловому. Он нанял частных детективов следить за Жаклин и договорился с тем самым американским юристом Р. Копом, работавшим в комитете Дж. Маккарти в 50-е годы. Тогдашний конфликт с Р. Кеннеди гарантировал в глазах Онассиса рвение Кона в бракоразводном процессе против Жаклин, она все же имела отношение к клану Кеннеди.

Осенью 1974 года известнейший американский журналист Дж. Андерсон, специалист по сенсациям, был избран как автор предстоявших нелестных статей о Жаклин. Она-

сис объяснил ему, что писать придется для начала о ее мотовстве: «Что она делает с (купленной) одеждой, — жаловался Онассис Андерсону, — ума не приложу. Я вижу ее только в синих джинсах». Андерсону дали понять, что скоро он получит массу материала для своих хлестких статей. Ничего из этого не вышло. В начале февраля 1975 года Онассис был внезапно помещен в американский госпиталь в Париже по поводу болезни печени, 15 марта он скончался от пневмонии. На следующий день в Париж прилетела Жаклин [124]. Стоит ли говорить, что прожектора средств массовой информации ни на день не выпускали Жаклин и Ари из фокуса.

Торопя уход в прошлое одного сюжета, поступали известия из тюремной камеры, где томился Сирхан. С ним доверительно толковал достаточно популярный в США публицист Р. Кайзер, обобщивший свои наблюдения в книге «РФК должен умереть!». Когда узник узнал, что написано в книге, он поручил своим адвокатам добиться через суд запрещения ее публикации. Последовали схватки в судах. В Калифорнии судья Р. Шауэр отверг иск адвокатов Сирхана, мудро заметив: «Кот-то выпущен из мешка!» В 1970 году книга увидела свет.

Сирхан, по-видимому, возражал против рассуждений Кайзера: «Кто же использовал Сирхана? Не знаю. Но у полиции и ФБР теперь есть данные, что Сирхан был связан как с правыми, так и левыми экстремистами, а также с миром подполья. Полиция и ФБР уполномочены законом и имеют возможности для проведения расследований, если, конечно, захотят сделать это. Могу только надеяться, что они негласно сделают это, употребив все свои интеллектуальные ресурсы и воображение» [125].

Не дожидаясь, пока эти органы проявят похвальные качества, журналисты копали на свой страх и риск. Постепенно распространилось представление, что в Роберта Кеннеди стреляли по крайней мере двое. Фильм «Второй пистолет» прошел по экранам Нью-Йорка в 1972—1973 годах. Во время выборов губернатора в штате Калифорния в 1974 году провели публичное расследование убийства Р. Кеннеди. Пригласили Т. Ногучи и ряд судебно-медицинских экспертов. Один из них, знаток баллистики Г. Макдонелл, на основе экспертизы пуль, изъятых из тела Р. Кеннеди и раненых в тот роковой день, свидетельствовал — пуля, поразившая Р. Кеннеди в шею, выпущена не из пистолета Сирхана. Если так, тогда группа журналистов потребовала от верховного суда штата Калифорнии проверить материалы дела. Суд назначил комиссию в составе семи экспертов.

Комиссия трудилась с августа по октябрь 1975 года, указав в своих выводах: «Нет данных о том, что пули были выпущены более чем из одного пистолета». Однако, не переводя дыхания, она записала: нет также данных, доказы-

вающих, что пуля, поразившая Р. Кеннеди, и пули, ранившие еще троих, выстрелены из пистолета Сирхана![126]. Эксперты по баллистике определенно зашли в тупик или не стремились преодолеть его. А тем временем в тюрьме над Сирханом трудились судебно-медицинские эксперты. Они все домогались диагностировать душевное состояние заключенного, дабы экстраполировать диагностированное в прошлое — до и во время убийства сенатора. Времени хватало, смертная казнь была практически заменена пожизненным заключением.

Исследовался, собственно, один вопрос — был ли Сирхан загипнотизирован и в этом состоянии сделал роковые выстрелы. На процессе эксперт обвинения психиатр Б. Даймонд показывал, что Сирхан — рядовой шизофреник. Он установил это, проведя обстоятельные исследования обвиняемого. Когда осужденный оказался в Сан-Кентин, за него взялся главный психиатр тюрьмы Э. Саймон-Каллас. Он более двадцати раз встречался с Сирханом. «Я не знаю, что произошло, — объяснил осужденный, когда психиатр вошел к нему в доверие, — я знаю, что был там. Мне говорят, что я убил Кеннеди. Я не помню точно, что сделал, но я знаю — я не был сам собой. Помню девушку, которая хотела выпить кофе... Я отдал ей свою чашку и налил еще одну для себя. Последнее, что я помню, — я задыхаюсь, меня избивает толпа».

Сирхан попросил Саймона-Калласа помочь загипнотизировать его. Администрация тюрьмы отказала. Тогда Саймон-Каллас ушел в отставку со своего поста тюремного психиатра. Он рассказал журналистам, что Сирхан был «запрограммирован». Ход рассуждений Саймона-Калласа выглядел примерно так: «Даймонд, которого я не уважаю, должен был отвести себя как эксперт, ибо он еврей, а его дети живут в Израиле. Диагноз Даймонда — Сирхан шизофреник — насторожил меня. Шизофреников нельзя загипнотизировать, тем не менее Сирхан мог гипнотизировать себя! Что-то неладно с диагнозом»[127].

В 1973 году он обратился с иском в суды Калифорнии провести новый суд над Сирханом. В исковом заявлении он указывал: судебные психиатры во время процесса Сирхана «не оценили факты объективно и не исследовали альтернативу, ясно указанную баллистической экспертизой и собственными показаниями Сирхана — вероятно, не он убил Роберта Ф. Кеннеди... Процесс Сирхана был и войдет в историю как самый крупный промах психиатров в нашем столетии». Истец еще добавил: «Из восьми допросов Сирхана Даймонд на шести прибегал к гипнозу. В чем была его цель? Внушить ему идеи, которых у него не было? Заставить его смириться с мыслью, что он убил Роберта Ф. Кеннеди».

Суд так и не состоялся. В 1975 году бывший высокопос-

тавленный офицер американских спецслужб У. Манкипстоун прокрутил магнитофонные записи допросов Сирхана психиатрами через «Измеритель психологического стресса» (ИПС). В отличие от известного «детектора лжи» этот прибор не нужно подсоединять к испытуемому, а анализируются микроколебания звука голоса. Макинстоун, один из изобретателей ИПС, заключил: «Анализ записей убедил меня, что Сирхан не осознавал свои поступки. Он был в гипнотическом трансе, когда нажал курок и убил сенатора Кеннеди... Все данные ИПС указывают — Сирхан был запрограммирован на убийство РФК» [128].

Хотя эти догадки и гипотезы остались без последствий для судебных и следственных инстанций, в США все чаще и настойчивей требовали снова вернуться к исходной точке всего — обстоятельствам убийства Джона Ф. Кеннеди. Иные ожидали, что в этой связи разъяснится и причина покушения на Р. Кеннеди. Именно в середине 70-х в Вашингтоне прошли расследования американских спецслужб, в том числе сенатской комиссией Ф. Черча. О братьях Кеннеди — Джоне и Роберте — было сказано и написано во время этих расследований немало. Не все, конечно, предано гласности.

В сильно нашумевшей в 1987 году в США книге о тайных операциях ЦРУ в эпоху Рейгана автор Б. Вудворд напомнил: «Комиссия Черча ...был представлен отчет о заговорах ЦРУ с целью убийств в 50-х и 60-х годах, особенно против Кастро. Доклад занял 8000 страниц. То была мрачная история: Джон и Роберт Кеннеди запутались в постыдных тенетах «правдоподобных отрицаний». Описывался мир, где не оставлялись документы в архивах о планировании, утверждении и выполнении операций или их полном провале. Но даже сообщавшееся в докладе потрясало и буквально вызывало тошноту». Выяснялось и другое, что испытал на собственной шкуре Р. Хелмс (одно время директор ЦРУ): «Братья Кеннеди требовали результатов. Они хотели расправиться с Кастро — он должен был умереть, хотя не распространялись об этом многословно. Если бы Хелмс, руководивший тогда тайными операциями, ответил, что этого нельзя сделать, его бы выставили вон» [129].

Рассуждавшие о таинственных аспектах гибели братьев, не могли не припомнить простую истину — занимающиеся такого рода делами (хотя бы судьбы Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме и Трухильо в Центральной Америке) обязаны ожидать аналогичных ответных мер. Припомнили в свете постепенно становившихся достоянием фактов «крестовый поход» Р. Кеннеди, опиравшегося на Дж. Кеннеди, против мафии. В год кануна президентства ДФК было осуждено 35 членов мафии, в 1963 году — 288, а в последующий год вдвое больше. Отсюда испепеляющая ненависть мафии к братьям Кеннеди. Преступные синдикаты следили за ними. Президент, как выяснилось, поддерживал с начала 1961 года

по март 1962 года, скажем, сердечные отношения с Юдифь Экснер, одновременно одаривавшей своими ласками главаря чикагской мафии С. Джинкано. Хоффа и другие ненавистники братьев Кеннеди в своем кругу похвалялись, что сумели заслать «шпионку» в самый Белый дом. Не из пустой прихоти — преступная империя Джинкано, приносившая мафии ежегодно два миллиарда долларов, была на прицеле у Р. Кеннеди, который в бытность министром юстиции готовил ее разгром. И еще основание для ненависти мафии к Роберту, он раскрыл глаза Джона на то, кем была Юдифь, «теперь младший брат выполнил роль, когда-то сыгранную отцом (имеется в виду история 1941 года с Ингой Арвад. — *Н. Я.)*, добившись разрыва с женщиной, являвшейся любовницей гангстера» [130].

В начале 1988 года 54-летняя Юдифь вдруг заговорила о своих отношениях с ДФК. Женщина пожаловалась в интервью журналу «Пипл» на свою судьбу — она больна раком в последней стадии, конец предрешен, «посему я привожу свои дела в порядок с тем, чтобы спокойно умереть». По словам Юдифь, она солгала в 1975 году комитету конгресса, заявив, что Дж. Кеннеди-де не знал о ее связях с гангстерами Джинкано и Розелли. В действительности Кеннеди сделал ее связной с ними, она присутствовала на одной из по крайней мере десяти его встреч с Джинкано. Этот гангстер похвалялся, что без помощи мафии Кеннеди «никогда бы не был избран президентом». Экснер получила за интервью 50 тысяч долларов, а газеты попытались доискаться до истины.

Юдифь бесхитростно объяснила свою ложь 1975 года комитету конгресса: «Если бы я тогда сказала правду, меня бы прикончили». Как известно, 19 июня 1975 года, накануне вызова в этот комитет для показаний, Джинкано был застрелен в собственном доме, а Розелли, начавший было давать показания, тут же исчез. Его тело нашли в воде у берегов Флориды в бочке из-под бензина, набитой для веса тяжелыми цепями. Профессор Р. Блэкли, руководивший расследованием убийства Дж. Кеннеди комитетом палаты представителей в 1978 году, не исключал, что президент пал жертвой мафии. Откровениям Экснер, однако, он не поверил. Отставной агент ФБР Б. Ромер припомнил, что Джинкано действительно хвастался вкладом мафии в победу Кеннеди на выборах 1960 года, но не допускал возможности их встречи и т. д. Но вернемся в шестидесятые годы.

По-видимому, и даже наверняка комплекс причин, приведших к убийству президента Дж. Кеннеди, вызывал у Р. Кеннеди, мягко говоря, смятение. По должности он знал о С. Джинкано, докопался, что Юдифь поддерживала дивные отношения, помимо президента и Джинкано, еще с одним гангстером — Дж. Розелли. Плюс ЦРУ договорилось с ними, что они организуют убийство Ф. Кастро. По должности Р. Кеннеди докладывали о ненависти главарей мафии к нему и

Джону. Близкий соратник братьев Кеннеди Х. Воффорд, рассмотрев на многих десятках страниц разные версии, замечает: «Учитывая факты, которые Роберт Кеннеди узнал до и после (убийства президента Дж. Кеннеди. — *Н. Я.*), он не хотел, чтобы комиссия Уоррена или любая другая официальная организация расследовала все вопросы, возникшие в связи с убийством. Это была одна из причин, если не главная, по которой он не принимал участия в новых расследованиях».

Когда Р. Кеннеди стало известно об усилиях Гаррисона в Нью-Орлеане, он попросил сообщить — что там есть у Гаррисона. Ему начали докладывать, тот прервал говорившего. Больше «не надо, я не хочу знать» [131]. В пьянящем угаре избирательной кампании в Калифорнии в июне 1968 года Р. Кеннеди переменил фронт и проговорился группе студентов: «Только теперь я осознал — лишь обладая полномочиями президента, можно раскрыть тайну смерти моего брата» [132]. Признание в эйфории успеха и пули Сирхана через два дня...

Во второй половине 70-х годов к обстоятельствам убийства президента Дж. Кеннеди обратилась специально созданная комиссия палаты представителей под председательством конгрессмена Л. Стокса, расследовавшая одновременно и убийство Мартина Л. Кинга. Акустическая экспертиза доказала — 22 ноября 1963 года в Далласе раздалось не три, а четыре выстрела. Материалы, собранные в 12 томах, дали возможность комиссии в своих выводах в 1979 году указать — если раньше вероятность заговора была «50 на 50», то теперь соотношение 95 к 5. Заключение комиссии: «Научные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, указывают, что в убийстве президента принимал участие не один человек. Этот факт требуется принять во внимание. Следовательно, нужно пересмотреть все, что считалось правильным в прошлом. Более того, изучение комиссией личностей Освальда и Руби вскрыло их различные связи, из которых мог вырасти заговор с целью убийства. Оказалось, что ни Освальд, ни Руби не являются «одиночками», как их изображали в расследованиях в 1964 году. Тем не менее, комиссия откровенно признает, что она не смогла ни обнаружить другого человека, который стрелял, ни вскрыть суть и размах заговора» [133].

ФБР энергично указало в ответ, что акустические эксперты комиссии Л. Стокса никуда не годятся и т. д. В октябре 1981 года лопнула еще одна версия: многие годы в США муссировались слухи, что в могиле захоронен не Освальд, а «советский агент-двойник». На кладбище в Далласе под наблюдением судебных властей и в присутствии родственников провели эксгумацию трупа Освальда. Как и следовало ожидать, экспертиза показала: в могиле захоронен не кто другой, как Освальд [134]. Историки подсчитали — к моменту работы комиссии Л. Стокса библиография книг и статей об убийстве Дж. Кеннеди насчитывала около тысячи названий. Библиог-

рафия вопроса, увидевшая свет в США в 1980 году заняла 442 страницы [135].

В 1983 году в США довольно широко отметили 20 лет со дня смерти Дж. Кеннеди. В Вашингтоне семья Кеннеди побывала на Арлингтонском кладбище, а затем собрались в величественном соборе Святой Троицы вместе с четой Рейганов, членами кабинета, соратниками Дж. Кеннеди. Дочь Каролина продекламировала отрывки из речей отца, аудитория откликнулась псалмами, затянув «Боже, услышь нашу молитву». Сенатор Эдвард Кеннеди выразил благодарность президенту Рейгану, «по-видимому, за дарование медали конгресса семье Кеннеди президентом Рейганом, эту медаль семья в свое время надеялась получить от президента Картера». Вдова Жаклин Кеннеди-Онассис не присутствовала на церемонии, она сидела в доме в Хайниспорте с 93-летней матерью Джона [136].

Надо думать, хорошо разменяв уже в том году шестой десяток лет, Жаклин вживалась в роль, которую ждали от нее сразу после убийства Дж. Кеннеди. Из примерно 900 страниц большого формата исполинского тома, изданного конгрессом в память павшего президента, немало было посвящено вдове. Сенаторы, конгрессмены и, конечно, служители культа хотели увидеть в ней некий символ. Ведь вот что узрел отец Дж. Макдональд из церкви «Звезда Моря» в Гонолулу, о чем довел до сведения издателей тома сенатор Д. Иноуэ от штата Гаваи:

«Я извлек личную пользу из ужаса, разразившегося в пятницу (22 ноября 1963 года. — *Н. Я.*), — повествовал в проповеди преподобный Макдональд, — и я хочу поделиться этим благом с вами. Из истории известно — где-то 2000 лет тому назад у стены Иерусалима стояла женщина и смотрела, как жизнь уходила в страшных муках из ее сына, ибо он мыслил, как и Джон Кеннеди, выше и шире, чем маленькие люди. Сотни раз я пытался понять, что же она чувствовала и говорила, и все безуспешно. И только утром в субботу я наконец проникся, прочитав: Жаклин Кеннеди склонилась над телом ее павшего мужа и прошептала: «О, нет!» Именно это чувствовала и сказала Мария у подножья креста» [137].

Итак, Жаклин в восьмидесятые вернулась в клан Кеннеди, в представлении многих к изначальному облику в той трагедии — вдова президента. Она изменилась, изменилась и другая женщина — вдова Освальда. Теперь она придерживается иного мнения о той же трагедии.

«Нью-Йорк таймс» напомнила, что до самой смерти в 1981 году мать Освальда настаивала, что он ни в чем не повинен. «В Далласе 42-летняя вдова убийцы Марина Освальд Портер заявила, что изменила мнение о вине мужа. Сначала она согласилась с выводами комиссии Уоррена, но теперь она сомневается в них». Марина в 1965 году вышла замуж за плотника и живет в окрестностях Далласа. В 1983 году обе дочери Освальда учились в Техасском университете в Ости-

не. К 20-летней мрачной годовщине, подсчитала газета, в США вышло восемь новых книг о Дж. Кеннеди. Н. Майлер, написавший предисловие к одной из новейших — книге Джейн Дависон «Игра Освальда», подчеркнул: убийство Кеннеди останется «величайшей тайной Америки» [138].

Надо думать, издание работ о смерти Дж. Кеннеди будет продолжаться. Не иссякает и не может иссякнуть спрос на новые объяснения и интерпретации, ибо прошлые, по-большому счету, неудовлетворительны. Одна из причин — немало известного об обстоятельствах убийства обоих братьев Кеннеди остается засекреченным: 5 процентов материалов комиссии Уоррена, как и многие документы комиссии Л. Стокса. Просьба Стокса к министерству юстиции, ЦРУ, другим правительственным ведомствам считать эти материалы «закрытыми» удовлетворена [139].

Рецензент «Вашингтон пост», оценивая самую обстоятельную на сегодняшний день биографию Дж. Кеннеди Г. Пармета, точно указал: «Книга по необходимости не завершена. Перед нами серьезная попытка рассказать объективно о президентстве Кеннеди. Однако работу нельзя считать завершенной, ибо далеко не все архивы открыты. Любой работающий над историей президентства Кеннеди должен временами полагаться на второстепенные источники». Рецензент, тем не менее, ставит в заслугу Пармету то, что он «уделил значительное внимание» погоне ДФК за женщинами. Если бы, например, во время его президентства стало известно, что он разделяет любовницу с двумя гангстерами, «это могло бы привести к требованию импичмента». И тем не менее: «Писал ли Джон Кеннеди письма? Или он решал все дела по телефону? Раньше биографы президентов широко использовали их письма. Увы, историки в случае с Кеннеди пока не имеют доступа к этим досье» [140].

Эти споры происходят на фоне постепенно тускнеющего в целом ореола президентства Дж. Кеннеди. С десятилетиями в США находят все меньше выдающегося как в нем, так и во всей семье. Конечно, не бог весть какое значение имеют периодические напоминания, например, на исходе 1985 года — Джон и Роберт делили ласки Мэрилин Монро. Несколько серьезнее — свидетельства, что Роберт Кеннеди был у Мэрилин 4 августа 1962 года, на следующий день она покончила с собой [141]. Куда значительнее признание, скажем, Т. Соренсена в середине 80-х: «Кеннеди никогда не считал себя либералом, только после его смерти либералы признали его своим». Или мнение вдумчивого публициста Р. Уолтона также в это время: «Кеннеди был опаснейшим президентом во внешних делах, посредственным и неинтересным во внутренней политике» [142].

В связи с выходом в 1987 году монументальной книги Д. Гудвин «Фицджеральды и Кеннеди: Американская Сага», еженедельник «Ю. С. Ньюз энд уорлд рипорт» описал танта-

ловы муки исследователей: «Они встречают громадные трудности, пытаясь проникнуть в мистику Кеннеди». Автор двухтомной биографии ДФК Г. Пармет говорит: «Я беседовал с Тедом Кеннеди только раз и по телефону, он не захотел сказать что-либо о Джэке». Дэвид Горовиц, соавтор книги «Кеннеди: Американская Драма», которую осудила семья из-за внимания, уделенного им наркомании некоторых молодых отпрысков Кеннеди (имеется в виду прежде всего смерть 25 апреля 1984 года 28-летнего сына Роберта Дэвида от сверхдозы героина. — *Н. Я.)*, указывает, что члены семьи Кеннеди, согласившиеся беседовать с ним, изменили свое намерение в последнюю минуту. Горовиц, только что закончивший книгу о династии Генри Форда, указывает: «Доступ к архиву Форда невероятно легок по сравнению с тоталитарным контролем Кеннеди над своими архивами». С течением времени и по мере того как династия Кеннеди будет уменьшаться, семья Кеннеди будет иметь все меньше возможностей отзываться о том, как ее описывают. Ученые согласны: по мере появления новых исследований они будут во все возрастающей степени нелестными к Кеннеди» [143].

По всей вероятности, за точку отсчета будет приниматься все же Джозеф Кеннеди, от которого нетрудно перебросить мостик к сыну — президенту США Дж. Кеннеди. Да и феномен этот, видимо, общий для Запада. Что дело обстоит именно так, убеждает выпущенный в 1987 году первый том биографии У. Черчилля, принадлежащий перу чрезвычайно плодовитого и в высшей степени влиятельного английского историка Д. Ирвинга. По понятным причинам в фокусе его внимания в основном лондонский период Джозефа Кеннеди (1938—1940 годы) в бытность послом в Англии. Поразительно, но факт — осенью 1939 года Кеннеди все пытался доискаться до причин, «почему Англия не объявила войны России», даже в мае 1940 года в выступлении перед студентами университета Нотр Дам в штате Индиана настаивал, что «Гитлер величайший гений столетия»! Коллекцию подобного рода колоритных фактов венчает замечание Д. Ирвинга — «дневник» Джозефа Кеннеди за те эпохальные годы «закрыт» [144]. Так что можно разумно ожидать появления новых фактов в том же ключе. Во всяком случае в серьезных исторических сочинениях и основательной публицистике, в которых наверняка в конце концов будет исследована идеологическая преемственность взглядов отца и сыновей Кеннеди.

Наука, публицистика да, но эволюция в этой области едва ли поколеблет то, что считают вечным и полезным в наследии Дж. Кеннеди власть имущие в США. В 1986 году была отчеканена памятная медаль в честь 25-летней годовщины его инагурации. В серебре и бронзе, диаметром 7 сантиметров. На лицевой стороне выгравировано изображение Дж. Кеннеди в профиль, на обороте цитата из инагурационного послания: «Не спрашивайте, что ваша страна может

сделать для вас, спрашивайте, что вы можете сделать для нее»[115]. Служите, сограждане, как велено свыше!

На президентских выборах 1988 года кандидат демократической партии М. Дукакис пообещал отслужить в духе ДФК. Губернатор штата Массачусетс, он «месяцами опутывал себя мистикой Джона Кеннеди, взывал к его памяти... использовал наследие Кеннеди как боевой клич, источник ораторских метафор» и проиграл выборы, ибо, по сути, связал себя с «либерализмом», ныне в США «почтенной, но двусмысленной традицией»[146]. Итак, кеннедизм не сработал, хотя на 1988 год пала еще и печальная годовщина— 25 лет со дня убийства президента Кеннеди. Почему?

Влиятельный и красноречивый историк Д. Бурстин все же скользнул по поверхности, заключив в связи с этой датой: «Тем, кому довелось умереть молодыми, история предопределила роль вдохновителей. Их магия — красноречие». Американцы в день президентских выборов 7 ноября 1988 года, по словам «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт», все еще не решили: кто «ДФК —икона или поддельный идол»[147]. Так чем же был кеннедизм для Америки и будет в обозримом будущем? Серьезность вопроса требует отдельного, итогового рассмотрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Случилось это еще в начале 1967 года. На великосветском рауте в Вашингтоне А. Гарриман высмотрел в толпе гостей английского журналиста, представлявшего в США респектабельную лондонскую газету. Убеленный сединами беспощадный политический гладиатор подошел к англичанину и изрек: «Сэр Уинстон Черчилль сказал: «Лишь немногие понимают политику своей страны, но никто не может понять политику другой страны». Я считаю, что это наименьший из ваших пороков. Вы — журналист, неспособный на правдивое признание фактов и не испытывающий ни малейшей симпатии ни к народу, ни к институтам, которые дороги нашей стране. Отныне я вас не приму ни дома, ни на работе». «Премного благодарен, сэр», — нашелся невозмутимый англичанин.

Что, собственно, натворил этот журналист Генри Ферли из лондонской «Санди телеграф»? Он только проехал в Гарвард, прошелся по аспирантуре имени Джона Ф. Кеннеди и заглянул в Институт политики. Журналист подивился метаморфозе денег в орудие политической власти и рассказал об этом в статьях, появившихся 15 января 1967 года в английской «Санди телеграф» и американской «Вашингтон пост». Первая из этих газет не преминула злорадно прокомментировать в редакционной статье:

«Тревожный рассказ Генри Ферли о том, как семья Кеннеди использует громадное богатство, находящееся под ее контролем, чтобы добиться политического влияния и в конечном итоге вновь захватить Белый дом, напоминает больше нравы Англии XVIII столетия, чем Америку XX столетия. В прошлом у нас ведущие аристократические семьи монополизировали таланты, образовывали личные фракции и клики, надеясь захватить власть, пока развитие демократии не положило конец этой практике.

Поразительно, как аристократическое зло, выкорчеванное в Англии более ста лет назад, растет в демократической Америке при горячей поддержке цвета американского либерализма. Что давно запретили делать Сесилям и Кавендишам у нас, то семейство Кеннеди начинает безнаказанно проделывать в Америке».

Лондонская газета, в общем, подтвердила правильность приведенного суждения Черчилля, хотя политическая действительность Америки в передовице предстала в карикатурном виде. Ее авторы или автор упустили из виду существенное обстоятельство — связь между деньгами и властью носит куда более сложный характер. Кеннеди сказочно богаты. Трумэн и Эйзенхауэр были людьми с более чем скромными средствами. Но никто не бросил им упрека в том, что они не выполняли воли поставившего их у власти класса. Что

до братьев Кеннеди, то за привилегию заниматься политикой по своему усмотрению они отдали не только жизни, но и значительные финансовые средства, почерпнутые из фондов семьи. Конгрессмен, сенатор и президент Джон Ф. Кеннеди не стоил американскому налогоплательщику и полушки. Как уже говорилось, все свое жалованье он отдал на благотворительные цели, а жил на средства, собранные отцом.

Дело идет о другом — о власти, ее границах и способах ее применения. Здесь деньги играют очень вспомогательную роль. Водораздел в США в отношении Джона Кеннеди проходил не из-за богатства семьи (в глазах среднего американца это скорее достоинство, отнюдь не недостаток), а был создан методами осуществления им президентской власти. Короче говоря, вопрос при оценке как братьев Кеннеди, так и Вильсона упирается в концепцию своевременности и целесообразности «сильного президента». Нужен ли он тем, кто считает себя американским обществом и берет смелость говорить от лица всего народа. Избрание Вильсона и Кеннеди президентами, казалось, дает положительный ответ, их конец — антиклимакс.

Что касается Р. Кеннеди, то, хотя он не достиг вожделенной цели — Белого дома — и на день гибели всего сенатор, по честолюбивым помыслам он никак не уступал высшим должностным лицам республики. Причем Р. Кеннеди и не скрывал их. Запомнили — во время одной из своих поездок, выскочив как-то из душа в многолюдной гостинице, он пробежал через холл мокрый, только с полотенцем на бедрах, возглашая серьезно-шутливо: «Дорогу, дорогу будущему президенту Соединенных Штатов!» Пришедшаяся на лето 1988 года 20-летняя годовщина смерти Р. Кеннеди послужила поводом для ретроспективного взгляда на возможное будущее Р. Кеннеди.

Еженедельник «Ньюсуик» в майском номере предварил очерк «Помня о Бобби» сентенцией: «В мемуарах, исторических сочинениях, на горячих обсуждениях РФК превратился в легенду, человек с таким количеством лиц, голосов, обликов, что никто не может представить себе их в совокупности». Но все же журнал счел, что, «если бы Бобби пошел бы через другую дверь в отеле «Амбассадор», у него состоялась бы жаркая схватка с Хэмфри» и Р. Кеннеди скорее всего стал бы президентом США. «Демократическая партия была бы непобедимой. Никсон не был бы президентом, ибо на ноябрьских выборах он победил всего 500 000 голосов. Не было бы ни Уотергейта, ни реформации Джимми Картера, ни контрреволюции Рональда Рейгана» [1]. Экскурс в футурологию, обращенную в прошлое.

Юбилейный том «Роберт Кеннеди о себе. Неопубликованные воспоминания о годах Кеннеди», выпущенный к печальной дате, собственно, закрепил то, что уже знали о нем. «Он умеет ненавидеть так, как ненавижу я», напомнили слова

отца Дж. Кеннеди, а У. Манчестер, примиренный смертью с Робертом, восхищенно написал: «Хотя ему никогда не удалось достичь такого накала ненависти, которая, как радиоактивность, исходила от его отца, ненависть Роберта хотя бы к Линдону (Джонсону) была вещь!» Обозревая содержание этого тома, У. Манчестер подтвердил: «Боб панес бы (в 1968 году) поражение Никсону. Тогда война во Вьетнаме была бы закончена в кратчайший срок, а помощь Латинской Америке шла бы не на пушки, а на земельную реформу». Все это мог бы сделать только «сильный президент», которым был бы Р. Кеннеди. Наверное, у него нашлись бы сторонники.

У. Манчестер заключил свой разбор юбилейного издания очень личным воспоминанием. В один из погожих июньских дней 1988 года стояла «кеннедевская погода», вдова Роберта Этель пригласила друзей покойного на мессу на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне. Собрались избранные, небольшой кружок, многие из которых не виделись двадцать лет. Они углубились в воспоминания и молитву, а когда «мы подняли головы,— написал Манчестер,— у нас перехватило дыхание. Насколько хватал глаз, склоны окружающих холмов были черны от народа, которого не остановила длинная дорога к кладбищу. Их собралось свыше десяти тысяч. Журналисты зовут это молчаливым свидетельством. Они знали, что Бобби значил для них. Он лежал в могиле двадцать лет, а они пришли продемонстрировать — помним»[2].

Динамизм Роберта, за которым стояла тень Джона, а для знающих и помнящих историю фигура В. Вильсона. Значит, хотя бы для этих десяти тысяч кеннедизм отвечал сокровенным мечтам. Однако, то было «молчаливое свидетельство», по словам У. Манчестера.

Так, как и что думать людям, для которых Соединенные Штаты — «другая страна»? Придется выслушать мнение американца, причисляющего себя к немногим, кто понимает политику отчизны. В который раз обратимся к проф. А. Шлезингеру.

В 50-х годах беспокойный историк установил: США прозябают в эре беспечности, пассивности и фатализма. На исходе десятилетия он диагностировал причину — американцы забыли, что историю двигают вперед сильные, талантливые личности. Артур Шлезингер обобщил свои наблюдения в исследовательских статьях: «Упадок величия» («Сатердей ивнинг пост», 1 ноября 1958 г.) и «О героическом руководстве» («Энкаунтер», декабрь 1960 г.). Он попытался доказать — а именно тогда Джон Ф. Кеннеди вырастал в национальную фигуру, — что стране нужен Цезарь, как хлеб и даже воздух, ибо сам Шлезингер задыхался в атмосфере самодовольства администрации Д. Эйзенхауэра.

Шлезингер открыл: «Демократия как форма правления принимала, более того, регулярно требовала и выдвигала

героическое руководство». В подтверждение своей точки зрения Шлезингер вызвал тени «отцов-основателей» республики, которые, заверял профессор, всегда стояли за сильное руководство. Им было предоставлено соответствующее слово — А. Гамильтону и Т. Джефферсону. Он вдребезги разбил по своему усмотрению концепцию, в которую имели несчастье верить законопослушные американцы — они-де живут в условиях демократии.

Профессор, развивая мысль весьма замысловато, делал попытку синтезировать совершенно разнородные элементы. Шлезингер благочестиво настаивал, что верно следующее положение В. Вильсона: «Просвещенные немногие могут быть хорошими лидерами только в том случае, если они донесли свое кредо до многих, только если они сумели превратить свое мышление в массовое, популярное мышление». Просто классика, а спустя две страницы Шлезингер заявил: «Настоятельно необходимо реконструировать демократическую теорию. Классическая теория демократии служит питательной почвой для всех нас, однако в своей строгой чистоте она была источником бесконечных бед. Отказывая позитивному руководству в надлежащей роли, эта теория связала руки демократических обществ. Классическая идеология ввела в заблуждение народ не только относительно своих лидеров, но и относительно его самого. Гражданин в демократическом обществе просто не может играть роль, предусмотренную для него классической философией. Теоретически он наделен властью и инициативой, которыми не располагает на практике» [3].

Шлезингер единым махом перечеркнул все, чему на людях поклоняется американская политическая наука. Вероятно, он полагал, что его предложения — ужасное новаторство. На деле он перелицевал дряхлую теорию героя и толпы, достаточно реалистически показав, что в хваленой «демократии» в США права гражданина — пустой звук. Рассуждения А. Шлезингера поразительно напоминают парадоксы Великого инквизитора Ф. М. Достоевского. В собирательном образе мрачного старца, вызванного к жизни гением великого русского писателя, можно легко рассмотреть мелкотравчатого заокеанского профессора. Великий инквизитор задолго до Шлезингера разрешил проблему вождя и народа, презрительно именуя последний стадом.

В его уста и в куда более совершенной художественной форме Ф. М. Достоевский вложил изуверское поучение, что люди счастливы лишь тогда, когда передоверяют свою судьбу вождям. «О, мы убедим их, что они только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас... Стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже раз и навсегда. Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы... и все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управ-

ляющих ими. Ибо лишь мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла» [4]. Но вернемся к несчастному Шлезингеру, по роду занятий погруженному в поиски истины.

Он с глубокой печалью озирался вокруг — в мире не осталось великих людей, вершивших судьбы человечества совсем недавно, в 40-х годах. «Нигде нет колоссов, нигде нет гигантов». Мелки в наш век пошли людишки, «наш век не имеет героев; хорошо это или плохо для нас и для цивилизации, заслуживает тщательного рассмотрения». Изучив под разными углами зрения поставленную проблему, Шлезингер пришел к выводу — очень плохо вообще и особенно скверно для Америки. Пришло время торжества посредственности. В результате общество обкрадывает себя, девальвирует таланты, что необычайно пагубно для политической сферы. Стране, требовал Шлезингер, нужны Прометеи в политике.

Профессор закончил свои рассуждения в героическом духе: «Век без великих людей тащится в хвосте истории... Мы не должны самодовольно относиться к нашей кажущейся способности обходиться без великих людей. Если наше общество утратило желание иметь героев и способность выдвигать их, вероятно, мы утратим все» [5]. Итак, скорее на колени, дайте только вождя!

Шлезингер ради доказательства тезиса пустил в ход все, мобилизовал до конца теоретические ресурсы американской политической науки. Он усиленно вербовал себе сторонников, записав в число их другого профессора — С. Хука, еще в 1943 году выпустившего исследование «Герой в истории». Он приписал своему коллеге мнение, что «великие люди могут оказать решающее воздействие [6]. Только в упомянутой книге С. Хук применительно к политической системе США, напомнив старую китайскую пословицу — «великий человек — несчастье для страны», заявил: «Великие люди могут быть хорошими людьми. Но демократия должна относиться к ним с подозрением!» Более того, от них нужно защищаться, а место великим только в «Пантеоне мысли, идей, социальной деятельности, научных достижений и изобразительного искусства» [7].

Вероятно, все же не А. Шлезингер, а С. Хук выразил превалирующий в США взгляд на значение великих людей для заокеанской республики. Собрать доказательства в пользу этого большого труда не составляет. В июне 1969 года сенатор Дж. Фулбрайт собрал свой комитет для очередного обсуждения «психологических аспектов внешней политики». Фулбрайт, по-видимому, верил, что общение с учеными повысит интеллектуальный уровень законодателей, и время от времени практиковал такие заседания-семинары. Говорили о всякой всячине и, наконец, вышли на интересующую нас

тему. Фулбрайт затеял поучительный разговор с профессором К. Меннингером и д-ром Л. Уилоком:

Фулбрайт: Но, д-р Меннингер, разве не является фактом, что наша система правления задумана так, что в случае необходимости может функционировать без великого лидера? ...Разве основатели нашего государства не задумали ее так — не в том смысле, что они не хотели иметь наверху мудрых людей, а в том, чтобы система функционировала в соответствии с принципом разделения трех властей, равно как разделения функций между федеральным правительством и властями штатов? В этой чрезвычайно сложной системе главным и хорошим элементом, на мой взгляд, является взаимодействие многих умов, ни один из которых не является великим.

Уилок: Я думаю, что великого лидера могут создать в своей совокупности руководители различных министерств и ведомств. Ваша точка зрения отвечает великой американской концепции — страха перед господствующим лидером, который может стать слишком господствующим, подавить все другие отрасли правления и нарушить баланс в правительстве. Этот страх перед тем, что мы называем ныне диктаторским правлением, возник в первые дни существования республики.

Фулбрайт: Могу ли я прервать вас, указав, что этот страх в значительной степени был связан с личностью человека, о котором говорил д-р Меннингер, — Георгом III, оказавшимся психопатом?

Меннингер: Не говорите «оказавшимся».

Фулбрайт: Но он был таковым.

Меннингер: К концу жизни, конечно, но до этого он успел натворить массу вещей.

Фулбрайт: Ладно, я просто сказал это, я хотел заметить, что все это относительно. Продолжайте.

Уилок: Наша надежда на то, что руководство существует во всех отраслях правления. Ваше руководство, сенатор, было чрезвычайно важно для страны, исполнительной и юридической власти и т. д. Вы же имеете в виду культ личности, который иногда, по-видимому, уничтожает другие виды руководства. Благо страны в том, что вы, ваши коллеги и ваши предшественники сделали много, чтобы не допустить полного господства культа личности над правительством[8].

На заседании комитета по иностранным отношениям в 1969 году при благосклонном внимании снова прозвучали еретические речи, ненавистные Вудро Вильсону еще в конце XIX столетия. Против этих идей он боролся всю жизнь, против них ополчились братья Кеннеди, и они, несомненно, идут вразрез с описанными взглядами их подголоска А. Шлезингера. Но они существуют и, вероятно, не теряют жизнеспособности.

Они наложили отпечаток на Уотергейт, хотя Р. Никсона

никоим образом нельзя поднять до уровня В. Вильсона и Дж. Кеннеди. Спустя и двадцать лет бывший губернатор штата Техас Дж. Коннэли припоминал боль 22 ноября 1963 года именно в связи с этими идеями. «Кеннеди был пригожим, молодым, несметно богатым человеком... В наше время он больше, чем кто-либо другой, олицетворял короля в нашей стране. С самого возникновения США мы так и не можем решить — хотим ли мы иметь короля или президента. В конце концов мы решили, что у нас не будет править король, но немало людей все же жаждут короля. На мой взгляд, Дж. Кеннеди вырос в глазах народа как некий символ, вероятно, далеко превосходящий его вклад в политику. Теперь осадок всего этого — что могло бы быть. Народ и создал в своем воображении — что бы могло быть» [9]. Для Коннэли идейная борьба, чуть не стоившая ему жизни, конечно, не была абстракцией.

В 1966—1987 годах — на праздновании 200-летнего юбилея США и американской конституции, община историков заокеанской демократии сокрушалась — почему до сих пор не оценено сверхочевидное: «отцы-основатели» в конце XVIII века попытались построить эту страну по модели античного Рима. На берегах Потомака возвести величественное здание республики, существовавшей до нашей эры на берегах Тибра. Наверное, со временем пробел этот будет заполнен. Но, очевидно, уже в наше время без научных разработок — правящая элита США твердо усвоила: падение Рима началось тогда, когда Республика превратилась в Империю, то есть правление цезарей.

В год каждых президентских выборов американские политологи и публицисты, склонные к философским обобщениям, нет-нет да и обращаются к теме республиканизма и цезаризма. Разумеется, за материалами для очередного исследования не ныряют в глубину веков, а черпают их в повседневной политической жизни нынешних Соединенных Штатов. Механизм прост — современных деятелей и новейшие факты вписывают в жесткие рамки концепций, восходящий к буйной весне человечества — античным цивилизациям прекрасного Средиземноморья, вновь вызванной-де к жизни волей «отцов основателей» США на Американском континенте. Год 1988-й в этом отношении не явился исключением.

На исходе лета в августовское воскресенье 1988 года Дж. Уилл предложил на страницах «Вашингтон пост» столичному читателю поразмышлять на досуге о политической динамике своей страны. Как подобает в таких случаях, он помянул классиков — Т. Джефферсона и А. Гамильтона и объявил (экспроприировав термин у В. Вильсона), ныне и в будущем США живут и будут жить пока при «правлении конгресса». В первой главе этой книги показано: как и почему В. Вильсон ненавидел пресловутое «правление конгресса». Теперь, по словам Уилла, то, что Вильсон осуждал почти

ровно сто лет назад в 1885 (год выхода книги В. Вильсона «Правление конгресса») вновь расцвело пышным цветом на вершине государственной власти в США, а именно — «правление фракционным комитетом в составе 535 членов (численность конгресса США. — *Н. Я.*)...

Само президентство занимает такую видную роль в национальной жизни, что существует сильнейшая тенденция путать внешнюю сторону с властью. Американцы забывают, что институт президентства имманентно (имеется в виду конституционность) слаб. Сам по себе президент может сделать мало. Он может поднять страну силой Слова или воздействием своей личности и тем самым двинуть или по крайней мере подтолкнуть конгресс. Сила института президентства крайне изменчива (куда больше, чем, например, возможности премьера в Англии). А власть конгресса быть инициатором действий или блокировать их, власть, воплощенная в последних законах, все расширяется. Причем расширяется тем быстрее, чем сильнее чахнет влияние президента». Вот так, замечает Уилл, и приходит «правление конгресса». Те, кто, по его словам, «опечалены» этим, могут найти утешение, конечно, в классике, на этот раз у Чарльза Диккенса.

«Быть может, они могут рассудить, — насмешничает Уилл,— вместе со слугой мистера Пиквика Сэмом Уилером — «теперь говорить об этом бесполезно. Все в прошлом и не поддается изменению. Так и говорят в Турции отрубив голову не тому человеку». В Соединенных Штатах голов рубить не принято, обходятся более цивилизованными средствами и лишь в крайних случаях прибегают к пулям...

В целом, резюмирует Уилл, для США «типично» именно «правление конгресса», а не «эра Кеннеди» [10].

Власть имущие в США с большим подозрением относятся к тем, кто потенциально может ограничить их власть в свою пользу. Не туманные идеи, а простой расчет — 24 года правления (Джон, Роберт, Эдвард по два срока), — видимо, сыграл немалую роль в антипатии к занятию кем-то из Кеннеди Белого дома. Не будет преувеличением поэтому заметить, что из ныне взрослых 29 внуков, внучек Джозефа и Розы Кеннеди (дети Джона, Роберта, Эдварда, Патриции, Энис и Джоан), по словам журнала «Парейд», в январе 1986 года «только немногие избрали политическую карьеру. Но все они филантропы, а ряд из них заняты деятельностью в конечном счете для облегчения положения бедных в США». Корреспондент журнала прямо спросил Тедди, сына Э. Кеннеди, не собирается ли он заняться политикой. «Печать всегда ищет политические мотивы, когда кто-либо из нашей семьи что-нибудь делает», — рассмеялся Тедди [11]. Но он сам именно в 1986 году собрался было баллотироваться в том же округе в штате Массачусетс, в котором в 1946 году начал восхождение в политике Дж. Кеннеди. Вместо Тедди

в 1986 году в округе избрался двоюродный брат Джозеф, сын Р. Кеннеди.

Нынешний глава клана Эдвард Кеннеди, по всей вероятности, запомнил страшные уроки шестидесятых. К президентской кампании 1988 года угасли, наконец, разговоры о том, что Э. Кеннеди все же претендует на Белый дом. В апреле 1988 года «Ю. С. Ньюз энд уорлд рипорт» назвал очерк о нем «Король на Капитолийском холме», повествуя о спокойном, стареющем политике. Большой вес в сенате, выполнение кой-каких поручений правительства за рубежом. В публикации Американского Института Предпринимательства об Эдварде сказано: «он станет одним из величайших сенаторов нашего столетия». Журнал добавил, «по словам друга, Эдвард в жизни и работе сибарит, как подобает любому холостяку с состоянием в 400 миллионов долларов» [12].

Однако Эдвард, как и подрастающие в династии Кеннеди, не устает подчеркивать, что они живут в самой толще американского народа. Когда сенат проголосовал за то, чтобы объявить розу «национальным цветком» США, Э. Кеннеди, выступая в Капитолии 17 сентября 1985 года, напомнил: «Розой зовут прекрасный цветок и также зовут прекрасную мать. Вчера я позвонил матушке, сообщив эту весть. В июле ей исполнилось 95 лет, и вчерашнее решение сената обрадовало ее». Розой звали прабабушку Э. Кеннеди, ту, которая в сороковые годы XIX века переплыла «чашу слез» — Атлантику, эмигрировав из Ирландии в США. «Мы все — нация иммигрантов, — закончил Э. Кеннеди... и будем помнить об этом великом наследии» [13]. Значит, хотя бы в этом отношении семья ничем не отличается от миллионов.

Скромность? Все же, наверное, торжество или падение концепции Вильсона — Кеннеди зависит не столько от возможностей политических лидеров в самих США, сколько от тенденций в окружающем мире. Ответ даст не американская, а всемирная история.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

1. Leuchtenburg, W., In the Shadow of FDR. N. Y. 1983, p. 241.
2. Schlesinger A., The Cycles of America History, Boston 1986, p. 408, 418.
3. «The New York Times», Sept. 27, 1987.

Парализованный пророк

1. Hofstadter R. The American Political Tradition. N. Y., 1948, p. 251.
2. Wilson W. The New Freedom, Leipzig, 1913, p. 18, 22, 31, 34, 36, 40.
3. Williams W. The Contrours of American History, N. Y., 1961, p. 422.
4. Hofstadter R, The American Political Tradition, p. 239.
5. Baker R., Woodrow Wilson, Life and Letters, v. I, N. Y., 1927, p. 37.
6. Wilson W., Congressional Government: A Study in American Politics, N. Y., 1956, p. 22.
7. Wilson W. Constitutional Government in the United States, N. Y., 1908, p. 68
8. Wilson W., The New Freedom, p. 266—267.
9. Wilson W. Constitutional Government in the United States, p. 70—71.
10. Woodrow Wilson and the World of Today, Philadelphia, 1957, p. 17.
11. Gwynn S, The Letters and Friendships of Sir Cecil Spring-Rice, v. 2, Boston, 1929, p. 356.
12. Williams W., The Contours of American History, p. 412, 419.
13. Documents of American History, Ed. by H. Commager, v. 2, N. Y., 1962, p. 127—128.
14. Peterson H. and Fite G., Opponents of War 1917—1918, Madison, 1957, p. 11.
15. Roche J., The Quest for Dream. N. Y., 1963, p. 43—44.
16. Woodrow Wilson and the World of Today, p. 61—63.
17. Link A., Wilson: The New Freedom, Princeton, 1956, p. 63.
18. Thompson J., Russia, Bolshevism and the Versailles Peace, Princeton, 1967, p. 385.
19. Palmer F., Newton D. Baker, America at War, v. 2, N. Y., 1931, p. 318—319.
20. F. R., Russia, 1918, v. 2, p. 288—289.
21. Документы внешней политики СССР, т. I. М., 1957, s. 533.
22. Thompson J., Russia, Bolshevism and the Versailles Peace, p. 14, 204.
23. Dunlop R. Donovan. America's Master Spy, N. Y., 1982, p. 117—118, 122.
24. Brown A., Wild Bill Donovan. The Last Hero. N. Y., 1982, p. 75.
25. Документы внешней политики СССР, т. II. М., 1958, с. 387.

26. Woodrow Wilson and the World of Today, p. 63.
27. Dictionary of American Biography, v. XX. N. Y., 1936, p. 362.
28. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 42, с. 67.
29. Hofstadter R., The American Political Tradition, p. 277—278.
30. Архив полковника Хауза, т. 4. М., 1944, с. 219—220, 334.
31. Beard C., The Idea of National Interest, N. Y., 1934, p. 126.
32. Архив полковника Хауза, т. 3. М., 1939, с. 46—47.
33. Houston D., Eight Years with Wilson's Cabinet, v. 2, N. Y., 1926, p. 17.
34. Архив полковника Хауза, т. 4, с. 399.
35. Schlesinger A., The Cycles of American History, p. 16.
36. Wilson E., My Memoir, Indianopolis, 1936, p. 289.
37. Bailey T. A Diplomatic History of the American People, N. Y., 1958, p. 625.
38. Kennan G. American Diplomacy 1900—1950, Chi., 1951, p. 69.
39. Lippmann W., Isolation and Alliances, Boston, 1952, p. 26.
40. Osgood R., Ideals and Self-Interest in American Foreign Policy, Chi., 1953, p. 304.
41. Schlesinger A., Op. cit., p. 75.
42. «The Leaders of Men», Ed. by T. Vail, Princeton, 1952, p. 211.
43. Bedell G., Sandon L., Wellborn Ch., Religion in America, N. Y., 1982, p. 54.
44. Bailey T. Woodrow Wilson and the Great Betrayal, N. Y., 1954, p. 350.

Интермедия. Разговор о «нации иммигрантов»

1. Kennedy J., A Nation of Immigrants, N. Y., 1964, p. 40, 9.
2. Parmet H., Jack: The Struggles of John F. Kennedy, N. Y., 1980, p. 4.
3. Whalen R., The Founding Father: The Story of Joseph P. Kennedy, N. Y., 1964, p. 347.
4. Whalen R., Joseph P. Kennedy. A Profile in Power, «Saturday Evening Post», Oct. 10, 1964, p. 27.
5. Parmet H., Jack.., p. 11.
6. McCarthy J., The Remarkable Kennedys, N. Y., 1960, p. 58—60.
7. «The Kennedy Years», N. Y., 1964, p. 33.
8. Leuchtenburg W., In the Shadow of FDR, p. 68.
9. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, N. Y., 1968, p. 49.
10. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, N. Y., 1963, p. 46.
11. Burns J., John Kennedy. A Political Profile, N. Y., 1960, p. 94.
12. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, Boston, 1965, p. 79.
13. См., например, «Boy's Story of John F. Kennedy», N. Y., 1961, p. 20; Lee B., JFK: Boyhood to White House, N. Y., 1964, p. 20.
14. Lasky H. The American Democracy. A Commentary and Interpretation, N. Y., 1948, p. 105.
15. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 48.
16. «Documents of German Foreign Policy», Series, D., v. 1, p. 713; v. 4, p. 633.
17. Parmet H., Jack.., p. 59.
18. Blum I., From the Morgenthau Diaries: Years of Crisis 1928—1938, Boston, 1959, p. 518.

19. Lane T. The Leadership of President Kennedy, N. Y., 1964, p. 10.
20. Burns J., John Kennedy. A. Political Profile, p. 54.
21. Parmet H., Jack.., p. 75.
22. Langer W. and Gleason S., Challenge to Isolation 1937—1940, N. Y., 1952, p. 466.
23. Stevenson W., A Man Called Intrepid, London 1979, p. 121, 180, 182.
24. Lasky V. JFK. The Man and the Myth, p. 90.
25. Parmet H., Jack.., p. 89—91, 96.
26. Stafford E., The Big E. The Story of USS Enterprise, N. Y., 1962, p. 116.
27. Strousse F., John Fitzgerald Kennedy. Man of Courage, N. Y., 1964, p. 77.
28. Donovan D., PT-109, John F. Kennedy in World War II, N. Y., 1965, p. 61.
29. Bulkley R., A History of Motor Torpedo Boats in the Navy, v. 2, Wash., 1955, p. 781.
30. Впоследствии, после войны, Ханами крепко поссорился со своим подчиненным офицером Ямасиро. «Спустя много лет Ямасиро, — пишет Д. Донован, — заявил, что он отдал команду «отвернуть!» — и то, что произошло вслед за этим, было делом случая. Это вызвало большие споры в Японии после избрания Кеннеди президентом, а также, разумеется, создало весьма напряженные отношения между Ханами и Ямасиро. На основе подробных заявлений, сделанных мне членами экипажей ПТ-109 и «Амагири», трудно поверить, что катер был протаранен случайно. Как заметил рулевой «Амагири» Дон: «Я почти не помню о Ямасире».
31. Donovan D., PT-109, John F. Kennedy in World War II, p. 100.
32. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 84.
33. Leuchtenburg W., Op. cit., p. 72—73.
34. Strousse F., John Fitzgerald Kennedy. Man of Courage, p. 96—98.
35. Parmet H., Jack.., p. 130.
36. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 87.

Сын Массачусетса

1. «The Kennedy Years», p. 29.
2. Lane T., The Leadership of President Kennedy, p. 12.
3. «The Kennedy Years», p. 71.
4. Parmet H. Jack. — p. 141.
5. «Partisan Review», May — June 1947, pp. 13—17.
6. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, pp. 118—121.
7. Sorensen T., Kennedy, N. Y., 1966, p. 27.
8. Parmet H., Jack.., p. 167—168; 173—174.
9. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 81.
10. Lane T., The Leadership of President Kennedy, p. 17.
11. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», Ed. by J. Meyers, N. Y., 1965, p. 58.
12. Adams S., Firsthand Report. The Story of the Eisenhower Administration, N. Y., 1961, p. 46, 77.

13. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 140.
14. «Saturday Evening Post», Oct. 17, 1964, p. 31.
15. Laing M., Robert Kennedy, L., 1968, p. 97—98.
16. Parmet H. Jack.., p. 179—181, 250.
17. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 142.
18. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 54.
19. Burns J., John Kennedy. A Political Profile, p. 118.
20. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 42.
21. Lincoln E., My Twelve Years with John F. Kennedy, N. Y., 1965, p. 40.
22. Sorensen T., Kennedy, p. 71.
23. Olsen J. The Bridge at Chappaquiddick, N. Y., 1970, p. 17.
24. «Hearings before the Committee on Education and Labor, House of Representatives. 80th Congress, Ist Session», v. 5., Wash., 1947, p. 3577—3583.
25. Sorensen T., Kennedy, p. 27.
26. Drew Pearson's Diaries, 1949—1959, Ed. by T. Abell, N. Y., 1974, p. 248.
27. Laing M., Robert Kennedy, p. 103—105.
28. Burns J., John Kennedy. A Political Profile, p. 144.
29. Schlesinger A., Robert Kennedy and His Times, N. Y., 1978, p. 124.
30. Из предисловия Р. Кеннеди к мемориальному изданию книги: I. Kennedy, Profiles in Courage, N. Y., 1964, p. IX.
31. Игра слов: название книги по-английски «Profiles in Courage» в буквальном переводе «Мужественные профили». Краткий биографический очерк по-английски «Profile».
32. Sorensen T., Kennedy, p. 74—77.
33. Kennedy J., Profiles in Courage, p. 240.
34. Ibid., p. 16—19.
35. Burns J., John Kennedy. A Political Profile, p. 158—159.
36. Manchester W., Portrait of a President, N. Y., 1967, p. 126.
37. Parmet H., Jack.., p. 333
38. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 14.
39. В изложении биографа Э. Рузвельт, между ней и Дж. Кеннеди произошел такой диалог:

Г-жа Рузвельт: Я обеспокоена тем, что вы не заняли определенной позиции в отношении Маккарти.

Кеннеди: При моем избрании в сенат было политически необходимо не высказываться против него.

Г-жа Рузвельт: Но с момента вашего избрания уже прошло достаточно времени.

Кеннеди: Помимо всего прочего, то было прошлое дело.

Г-жа Рузвельт: Лучшие сенаторы — те, кто не преуспевает в проведении биллей, а обладает твердыми убеждениями... (Steinberg A., Mrs. R.: The Life of Eleanor Roosevelt, N. Y., 1958, p. 264.)

40. Burns J., John Kennedy. A Political Profile, p. 195, 208.
41. Galbraith Y., Ambassador's Diary, Boston 1969, p. 2.
42. Parmet H., Jack.., p. 479—480.
43. Schlesinges A., 1000 Days. John Kennedy in White House, p. 109.
44. Kennedy J., The Strategy of Peace, N. Y., 1960, p. 14.
45. Ibid., p. 44.
46. Laing M., Robert Kennedy, p. 91.

47. Harris L., The Fine Art of Political Wit, N. Y., 1966, p. 261.
48. Sorensen T., Kennedy, p. 76.
49. Parmet H., Jack.., p. 511, 522—523.
50. Galbraith J., The Affluent Society, N. Y., 1958, p. 138—139, 142—143, 272, 274.
51. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 304.
52. «Informal meeting with George F. Kennan. Hearings before the Committee on Foreign Relation. United States Senate May 12, 1959», Wash., 1959, p. 7, 11, 16.
53. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 305—306.
54. Monsen P., Cannon M., The Makers of Public Policy, N. Y., 1965, p. 196.
55. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 310, 318, 324.
56. Sorensen T., Kennedy, p. 135.
57. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 345—349.
58. Sherill R. and Ernst H., The Drugstore Liberal, N. Y., 1968, p. 151.
59. Fuchs L., John F. Kennedy and American Catholicism, N. Y., 1967, p. 164, 169.
60. Beschloss M., May-Day, N. Y., 1986, p. 319.
61. White T., The Making of the President 1960, N. Y., 1962, p. 160—161.
62. Kennedy J., The Strategy of Peace, p. 1—9.
63. «The Kennedy Years», p. 22.
64. White T., The Making of the President 1960, p. 411—415.
65. Salinger P., With Kennedy, N. Y., 1966, p. 46.
66. Parmet H., JFK. The Presidency of John F. Kennedy, N. Y., 1984, p. 22, 29.
67. Whalen R., Joseph P. Kennedy. The Days of Triumph and Tragedy, «Saturday Evening Post», Oct. 17, 1964, p. 38.
68. White T., The Making of the President 1960, p. 397—399.
69. Michener J., Report of the County Chairman, N. Y., 1966, p. 160.
70. Nixon R., Six Crisis. Garden City, 1962, p. 421.
71. White T., The Making of the President 1960, p. 359.
72. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 73.
73. White T., The Making of the President 1960, p. 394.
74. Lasky V., Robert F. Kennedy, The Myth and the Man, p. 126.
75. Nixon R., Six Crisis, p. 413.
76. «Observer», Nov. 24, 1968.
77. Sorensen T., Kennedy, p. 251.

Тридцать пятый президент

1. Schlesinger A., 1000 Days, John F. Kennedy in White House, p. 126.
2. Lane T., The Leadership of President Kennedy, p. 22.
3. Olsen Y., The Bridge at Chappaquiddick, N. Y., 1970, p. 29—30.
4. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 161.
5. Parmet H., JFK. The Presidency of John F. Kennedy. N. Y., 1984, p. 79.

6. «The Washington Post Magazine», Aug. 31, 1987, p. 8.
7. Schlesinger A., Robert Kennedy and His Times, N. Y., 1978, p. 452—454.
8. «Newsweek», June 8, 1987.
9. «The Washington Post», May 29, 1987.
10. Sorensen T., Kennedy, p. 293.
11. Ranelagh J., The Agency. The Rise and Decline of the CIA, N. Y., 1986, p. 362.
12. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 229.
13. Sorensen Thomas, The Word War. The Story of American Propaganda, N. Y., 1968, p. 141.
14. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 316.
15. Sidey H., J. Kennedy: a Portrait of a President, N. Y., 1964, p. 161—162.
16. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 338.
17. Sidey H., J. Kennedy: a Portrait of a President, p. 276.
18. Kennedy J., To Turn the Tide, N. Y., 1962, p. 200.
19. Lafeber W., America, Russia and the Cold War 1945—1966, N. Y., 1967, p. 229.
20. Sorensen T., Kennedy, p. 375.
21. Hofstadter R., Anti-intellectualism in American Life, N. Y., 1964, p. 228.
22. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 617.
23. Sidey H., J. Kennedy: A Portrait of a President, p. 68, 120, 127, 131.
24. Rosenberg D., The Origins of Overkill. «International Security», Spring 1983, p. 66.
25. Alsop S., Kennedy's Grand Strategy, «Saturday Evening Post», March 31, 1962, p. 14—16.
26. Beschloss M., May-Day, p. 156.
27. Rostow W., View from the Seventh Floor, N. Y., 1964, p. 18.
28. Draper T., Abuse of Power, N. Y., 1967, p. 50—51.
29. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 547.
30. Salinger P. With Kennedy, p. 324.
31. Mecklin J. The Making of a Quagmire, N. Y., 1964, p. 204—205.
32. Mecklin J. The Making of a Quagmire, p. 278.
33. Parmet H., Jack, p. 334—335.
34. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 182—183.
35. Sorensen T., Kennedy, p. 487.
36. Heller W., New Dimensions of Political Economy, Cambridge 1966, p. 26.
37. Parmet H., Jack, p. 94.
38. Хрущев Н. С., Коммунизм — мир и счастье народов. М., 1962, т. 2, с. 232—233, 170, 72—73.
39. Galbraith J. The New Industrial State, Boston, 1967, p. 256.
40. Manchester W., Portrait of a President, p. 150.
41. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 160.
42. Brown S., The American Presidency, N. Y., 1966, p. 54.
43. Manchester W., Portrait of a President, p. 77.

44. Sorensen T., Kennedy, p. 401.
45. Furnisse F., Communism Today: theory and practice, N. Y., 1962, p. 192.
46. Wofford H., Of Kennedys and Kings. Making Sense of the Sixties, N. Y., 1980, p. 204, 216—217.
47. Schlesinger A., Op. cit., p. 411.
48. Tuchman B., The Guns of August, N. Y., 1962, p. 488—489.
49. Sorensen T., Kennedy, p. 578.
50. Cline R., The CIA Under Reagan, Bush and Casey, Washington 1981, p. 219—220.
51. Kennedy R. Thirteen Days. A Memoir of the Cuban Missile Crisis, N. Y., 1969, p. 33.
52. «Newsweek», Oct. 28, 1968, p. 23.
53. Sorensen T., Decision-Making in the White House, Columbia University Press, 1963, p. 76.
54. Schlesinger A., Robert Kennedy and His Times, p. 508.
55. Kennedy R. Thirteen Days, p. 35—36, 38, 52.
56. Sorensen T., Kennedy, p. 3.
57. Kennedy R., Thirteen Days, p. 119, 127.
58. Lukas A., Class Reunion. Kennedy's Men Relive the Cuban Missile Crisis, «The New York Times Magazine», August 30, 1987, p. 27, 51.
59. «The New York Times», August 27, 1987.
60. «The New York Times Magazine», August 30, 1987, p. 27.
61. Schlesinger A., 1000 Days. John F. Kennedy in White House, p. 883.
62. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 196.
63. «Toward a Stategy of Peace», Ed. by W. Clemens, N. Y., 1965, p. XIII.
64. Schlesinger A., 1000 Days, p. 920.
65. Wynne G., The Man from Odessa, London 1981, p. 202—203.
66. Ranelagh J., The Agency. The Rise and Decline of the CIA, N. Y., 1986, p. 378—379.
67. Wofford H., Op. cit., p. 362.
68. Ranelagh J., Op. cit., p. 382.
69. Halberstam D. The Best and the Brightest, Greenwich 1973, p. 122—123.
70. Final Report, v. 4, p. 73.
71. Cline R., The CIA Under Reagan, Bush and Casey, p. 219.
72. Ranelagh J., Op. cit., p. 415, 401, 386.
73. Powers T., The Man Who Kept the Secrets. Richard Helms and the CIA, N. Y., 1981, p. 6—7.
74. Clarfield G. and Wiecek W., Nuclear America. Military and Civilian Nuclear Power in the United States 1940—1980, N. Y., 1984, p. 246—247.
75. Zuckerman S., Nuclear Illusion and Reality, N. Y., 1983, p. 46—47.
76. Parmet H., Op. cit., p. 95.
77. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 580—581.
78. Brown S., The American Presidency, p. 262—263.
79. Burns J., Presidential Government. N. Y., 1967, p. 316—317.
80. Sidey H., J. Kennedy: a Portrait of a President, p. 223.
81. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 221—222.
82. Sorensen T., Decision-Making in the White House, p. IV.
83. Manchester W., Portrait of a President, p. 41.
84. Salinger P., With Kennedy, p. 308.

85. Sorensen T., Kennedy, p. 4.
86. Sorensen T., Decision-Making in the White House, p. 75.
87. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 51.
88. Bishop J., The Day Kennedy was shot, N. Y., 1968, p. XI.
89. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 214.
90. White T., The Making of the President 1964, N. Y., 1965, p. 41—45.
91. Beichman A., Pipeline to the President, «New York Herald Tribune Sunday Supplment», Jan. 17, 1965.
92. Powers T., Op. cit., p. 256.
93. Wofford H., Op. cit., p. 215.
94. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 185, 187, 190.
95. Parmet H., Op. cit., p. 304.
96. «U. S. News and World Report», February 9, 1987, p. 72.
97. Schlesinger A., The Cycles of American History, p. 407.
98. «Time», September 28, 1962, p. 38.
99. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 121.
100. Sorensen T., Kennedy, p. 438—439.
101. Bishop J., The Day Kennedy was shot, p. 24.
102. Ibid., p. 182.
103. Stone I. F., In a Time of Torment, N. Y., 1968, p. 15.

Неоконченная глава

1. Manchester W., The Death of a President, N. Y., 1967, p. 456.
2. Bishop J., The Day Kennedy was shot, p. 651, 653.
3. Linn E., The Untold Story of Jack Rubi, «Saturday Evening Post», Aug. 1, 1964, p. 26.
4. Manchester W., The Death of a President, p. 634.
5. «Saturday Evening Post», Aug. 1, 1964, p. 40.
6. Josten J., Oswald: Assassin or Fall guy?, N. Y., 1964, p. 119.
7. «Alleged Assassination Plots Involving Foreign Leaders», Washington 1975, p. 89.
8. Schlesinger A., Robert Kennedy and his Times, p. 665.
9. Ranelagh J., Op. cit., p. 389—390.
10. «Report of the President's Commission on the assassination of President Kennedy», N. Y., 1964, p. 39, 42.
11. Bishop J., The Day Kennedy was shot, p. 162.
12. Machester W., The Death of a President, p. 278.
13. McMillan P., Marina and Lee, N. Y., 1977, p. 618, 620, 628, 534.
14. «The New York Times», Sept. 28, 1964.
15. Buchanan T., Who killed Kennedy, N. Y., 1964; Josten J., Oswald: Assassin or Fall guy?
16. Ford G. Portrait of the Assassin, N. Y., 1965, p. 13—14, 20, 491—492.
17. Ford G., A Time to Heal, N. Y., 1980, p. 74.
18. Epstein E., Inquest, N. Y., 1966, p. 25, 34, 54—55.
19. «За рубежом», 1966 г., № 32, с. 27.
20. Popkin R., The Second Oswald, L., 1967, p. 66—67.
21. Lane M., Rush to Judgement. N. Y., 1966, p. 91—92, 395, 398.
22. «The New York Times», Sept. 1, 1966.
23. «The New York Times», Sept. 25, 1966.

24. Truth about Kennedy Assassination, «U. S. News and World Report», Oct. 10, 1966, p. 47, 63.
25. «U. S. News and World Report», Nov. 14, 1966, p. 81.
26. Ford G., A Time to Heal, p. 73.
27. A Letter from Jail by Jack Rubi, «Ramparts», Febr. 1967, p. 20—21.
28. Скандал в США в начале 20-х годов в связи с разворовыванием монополиями нефтеносных земель, зарезервированных за государством. В результате последовали самоубийства должностных лиц, а министр внутренних дел США Фолл сел в тюрьму.
29. «Playboy», Febr. 1967, p. 48, 56, 63, 66, 68.
30. Lewis R., Schiller L., The Scavengers and Critics of the Warren Report, N. Y., 1967, p. 48, 53, 120.
31. «Look», July 10, 1966, p. 66.
32. Lewis R., Schiller L., Op. cit., p. 49—50.
33. Belin D., November 22, 1963: You are the jury, N. Y., 1973, p. 503, 479, XI.
34. Wicker T., Biographer's Hero, «New York Times Book Review», Sept. 30, 1962.
35. William Manchester's Own Story, «Look», Apr. 4, 1967, p. 68.
36. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 359—360.
37. Cory I., The Manchester Affair. N. Y., 1967, p. 19.
38. Bishop J., The Day Kennedy was shot, p. XV.
39. Manchester W., The Death of a President, p. XI.
40. Lewis R., Schiller L., Op. cit., p. 18.
41. «Time», May 24, 1968, p. 10.
42. «Nation», June 15, 1960, p. 7.
43. Kennedy R., To Seek a Newer World, N. Y., 1968, p. 232—233.
44. Laing M., Robert Kennedy, p. 71—72.
45. Nicolas W., Bobby Kennedy Nobody Knows, N. Y., 1967.
46. Laing M., Robert Kennedy, p. 83—86.
47. Schlesinger A., Robert Kennedy and His Times, p. 89—90.
48. «U. S. News and World Report», May 6, 1968, p. 50.
49. Cohn R., McCarthy, N. Y., 1968, p. 71.
50. Lasky V., Robert Kennedy. The Myth and the Man, p. 93.
51. Молленгоф К., Пентагон. М., 1969, с. 111—115.
52. Nicolas W., Bobby Kennedy Nobody Knows.
53. Ross D., Robert F. Kennedy: Apostole od Change, N. Y., 1968, p. 213.
54. Laing M., Robert Kennedy, p. 163, 165.
55. «U. S. News and World Report», June 3, 1968, p. 16.
56. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 356.
57. The Assassinations. Dallas and Beyond, Ed. by P. Scott, P. Hoch, R. Stetler, Bungay 1978, p. 284.
58 «Esquire», March 1963, p. 58.
59. Schlesinger A., Robert Kennedy and his Times, p. 642.
60. Wofford H., Op. cit., p. 386.
61. «Look», Apr. 16, 1968, p. 78.
62. Ross D., Robert F. Kennedy: Apostole of Change, p. 7.
63. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 291.
64. «Time», June 14, 1968, p. 13.
65. Thimmisch N. and Johnson W., R. F. K. at 40, Boston, 1965, p. 22.

66. White T. The Making of the President 1968. N. Y., 1969, p. 151, 155.
67. Thimmisch N. and Johnson W., R. F. K. at 40, p. 26.
68. Goldman E., The Tragedy of Lyndon Johnson, N. Y., 1969, p. 79, 199—200.
69. Nicholas W., Bobby Kennedy Nobody Knows.
70. Ross D., Robert F. Kennedy: Apostole of Change, p. 28.
71. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 42.
72. Goldman E., The Tragedy of Lyndon Johnson, p. 417.
73. Schlesinger A., Robert Kennedy and His Times, p. 750—751.
74. См.: Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 21—22.
75. Kennedy R., The Pursuit of Justice, N. Y., 1967, p. 110, 129—130.
76. «Ramparts», Febr. 1967, p. 16.
77. Kennedy R., Just Friends and Brave Enemies, N. Y., 1962, p. 10.
78. Laing M., Robert Kennedy, p. 222.
79. Newfield J., Robert Kennedy. A Memoir, N. Y., 1969, p. 181.
80. Goldman E., The Tragedy of Lyndon Johnson, p. 19.
81. White T., The Making of the President 1968, p. 74.
82. «U. S. News and World Report», Nov. 7, 1966, p. 40.
83. Kennedy R., Just Friends and Brave Enemies, p. 160.
84. Ross D., Robert F. Kennedy: Apostole of Change, p. 313.
85. White T., The Making of the President 1968, p. 152.
86. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 22.
87. Kennedy R., To Seek a Newer World, p. 76, 102, 114—115, 144—145, 167, 168, 186, 229, 232—233.
88. «Time», May 24, 1968, p. 13.
89. Kernes D., Lyndon Johnson and the American Dream, N. Y., 1976, p. 343.
90. White T., The Making of the President 1968, p. 172, 174, 179.
91. «Time», June 14, 1968, p. 14.
92. «The New York Times», June 6, 1968.
93. «Life», June 23, 1968, p. 22, 33.
94. «Time», Apr. 25, 1969, p. 43.
95. Halberstam D., The Unfinished Odyssey of Robert Kennedy, N. Y., 1969; Witcover J., 85 Days, the Last Campaign of Robert Kennedy, N. Y., 1969; Newfield J., Robert Kennedy. A Memoir, N. Y., 1969.
96. Lasky V., Robert F. Kennedy. The Myth and the Man, p. 12—13.
97. Kirkwood J., So here you are, Clay Show, «Esquire», Dec. 1968, p. 221.
98. Flammonde P., The Kennedy Conspiracy. An Uncommissioned Report on the Jim Garrison Investigation, N. Y., 1969, p. 5—7.
99. James R., Wardlaw J., Plot or Politics? New Orleans, 1967, p. 30.
100. «Playboy», Oct. 1967, p. 56, 58, 73, 75.
101. Flammonde P., The Kennedy Conspiracy. An Uncommissioned Report on the Jim Garrison Investigation, p. 269.
102. «Ramparts», Jan. 1968.
103. Flammonde P., The Kennedy Conspiracy. An Uncommissioned Report on the Jim Garrison Investigation, p. 277.
104. «The New York Times», July 12, 1968.

105. Flammonde P., The Kennedy Conspiracy. An Uncommissioned Report on the Jim Garrison Investigation, p. 277—281.
106. Ibid., p. 109, 291.
107. «John Fitzgerald Kennedy... as we remember him», p. 26.
108. «Newsweek», Oct. 28, 1968, p. 21.
109. «McCall's», Apr. 1969, p. 81.
110. Lasky V., JFK. The Man and the Myth, p. 546—547.
111. Bradlee B., Conversation with Kennedy, 1976, p. 114, 176, 216—217.
112. Bishop J., The Day Kennedy was shot, p. XII—XIII, 678.
113. Fraser N., Jacolson Ph., Ottaway M., Chester L., Aristotle Onassis, N. Y., 1977, p. 316, 434, 362.
114. Цит. по «Иностранная литература», 1969 г., № 8, с. 256—259.
115. «Time», Febr. 14, 1969, p. 31.
116. «Time», March 14, 1969, p. 27.
117. «Nation», March 17, 1969, p. 324.
118. «The New York Times Magazine», Apr. 20, 1969, p. 30, 117, 120.
119. «International Herald Tribune», Nov. 10, 1969.
120. «Washington Post», Nov. 20, 1983.
121. «Time», March 17, 1969, p. 17.
122. «Time», May 30, 1969, p. 19.
123. Hougan Y., Spooks, N. Y. 1980, p. 301.
124. Fraser N., Jacobson Ph., Ottaway M., Chester L., Op. cit., p. 398, 443—444, 447—449.
125. The Assassinations... p. 319, 317.
126. «The Los Angeles Times», Oct. 7, 1975.
127. Scheflin A., Opton E., The Mind Manipulators, N. Y., 1978, p. 339—340.
128. Bowart W., Operation Mind Control, N. Y., 1978, p. 224—225.
129. Woodword B., Veil. The Secret Wars of the CIA 1981—1987, N. Y., 1987, p. 271, 44.
130. Wills G., Reagan's America. Innocent at home, N. Y., 1987, p. 204.
131. «The New York Times», Feb., 22, 1988; «The Washington Post», Feb. 23, 1988, Wofford H., Of Kennedys and Kings, p. 385, 416.
132. Summers A., Conspiracy. Who killed President Kennedy? Glasgow, 1980, p. 522.
133. Report of the House Select Committee on Assassinations. Washington 1979, p. 161, 179—180.
134. «The New York Times», Oct. 5, 1981.
135. Parmet H., Op. cit., p. 349.
136. «The New York Times», Nov. 23, 1983.
137. Memorial Addresses in the Congress of the United States and Tributes in Eulogy of John Fitzgerald Kennedy. Late a President of the United States, Washington 1964, p. 618.
138 «The New York Times», Nov, 19, 1983.
139 «The Washington Post», Nov. 25, 1983.
140. «The Washington Post Book World», March 20, 1983, p. 6, 11.
141. «Newsweek», Oct. 14, 1985, p. 43.
142. Ibid. Nov. 28, 1983, p. 40, 42.
143. «U. S. News and World Report», May 13, 1987, p. 68.
144. Irving D., Churchill's War. The Struggle for Power, Veritas Publishing Company, 1987, p. 193, 446, 152.

145. «The New York Times», Jan. 5. 1988.
146. «The New York Times», Oct. 5, 1988; Ibid., Nov. 7, 1988.
147. ;U. S. News and World Report», Oct. 24, 1988, p. 31; Ibid., Nov. 7. 1988, p. 4.

Заключение

1. «Newsweek», May 9, 1988, p. 34, 37.
2. «The New York Times Book Review», Aug. 7, 1988, p. 23.
3. Schlesinger A., The Politcs of Hope, Boston, 1962, p. 6, 21.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы, т. 1. М., 1959, с. 340—342.
5. Schiesinger A., The Politics of Hope, p. 23, 24, 33.
6. Ibid., p. 30.
7. Hook S., The Hero in History, Boston, 1960, p. 230, 237.
8. «Psycological Aspects of Foreign Policy. Hearings before the Committee of Foreign Relations U. S. Senate, 91 st Congress Ist Session», June 5, 19, 20, Wash., 1969, p. 80—81.
9. «Newsweek», Nov 28, 1983, p. 37.
10. Will G., Vacuous Election No. 2, «The Washington Post», Aug. 28, 1988.
11. «Parade», Jan. 12, 1986, p. 4—5.
12. The King of Capitol Hill. «U. S. News and World Report», April 4, 1988, p. 21.
13. «Congressional Record», Sept, 17, 1985, p. S11560.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАШИНГТОН 5

И у него были детство и юность 6
Солдат границы 34
Плантатор и патриот 60
Генерал Вашингтон 87
Почему не диктатор? 172
Президент США 201
Теперь о легенде 228
Краткая библиография 264

ПРЕСТУПИВШИЕ ГРАНЬ 265

ОТ АВТОРА 266

ПАРАЛИЗОВАННЫЙ ПРОРОК 271

«Дорога от революции» 271

Президент «архангельского набега и сибирского вторжопия» 285
Падение с пьедестала 293

ИНТЕРМЕДИЯ. РАЗГОВОР О «НАЦИИ ИММИГРАНТОВ» 302

Откуда пошли Кеннеди? 304
Джозеф П. Кеннеди в бизнесе и политике 307
Воспитание по уолл-стритски 311
«Почему Англия спала?» 319
Так становятся героями 325

СЫН МАССАЧУСЕТСА 337

Политические будни 340
Лодж 347
Зрелость: семья и прощание с маккартизмом . . . 351
О политическом мужестве 357
Дж. Кеннеди в президенты! 363
Поиски и находка «дела» 367
Профессора Гелбрейт, Шлезингер, Кеннан и другие . 375
Первый раунд: избиение Хэмфри 384
Как и за что выбирали Джона кандидатом в президенты 388
Победа! 393

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ПРЕЗИДЕНТ 403

Выход на «новые рубежи» 410
Залив Свиней 415
Проба политического почерка 421
Бомбоубежища и интеллигенция 426
Космос зовет 430

Доктрина «гибкого реагирования» в действии . . . 433
Мировой революционный процесс и Кеннеди . . . 440
Что такое «позитивный антикоммунизм»? 443
Октябрьские ракеты 455
Речь в Американском университете 462
О генезисе кеннедизма 467
Кем он был как человек? 472
Это случилось в Далласе 486

НЕОКОНЧЕННАЯ ГЛАВА 492

Комиссия Уоррена: против и за 499
У. Манчестер и «Смерть президента» 511
Еще о Роберте Кеннеди 517
«Я не боюсь бояться» 528
Неизбежность Кеннеди 543
Крестный путь окружного прокурора 552
Еще трагедия в семье Кеннеди 560
Процессы, процессы... 565
Следы остаются 574

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 585

ПРИМЕЧАНИЯ 594

Яковлев Н. Н.

Я 47 Избранные произведения. — М. : Мол. гвардия, 1989. — 606[2] с.

ISBN 5-235-00378-0

В 1987 г. в США праздновалось 200-летие американской конституции, разработанной под руководством Вашингтона. Живо написанная книга «Вашингтон» возвращает нас в XVIII век, прослеживает истоки нынешнего американизма. «Преступившие грань» — книга о трех политических деятелях США — президентах В. Вильсоне, Дж. Кеннеди и сенаторе Р. Кеннеди. Их постигла одна судьба: они не добились своих целей в политике, жизнь братьев Кеннеди трагически оборвалась, Вильсона разбил паралич. Исследуя политический почерк этих людей, автор пытается дать ответ — почему они не пришлись по вкусу собственность и властьдержащим в США. В книге масса биографических подробностей, разбираются различные версии мотивов убийства братьев Кеннеди. При подготовке к переизданию книги тщательно доработаны с учетом новейшей американской литературы. В книге использованы фотодокументы, свидетельства прессы, имеющие историческую и научную ценность

Я $\frac{4702010201-065}{078(02)-89}$ КБ—040—039—88 ББК 63.3 (7США)

ИБ № 5977

Яковлев Николай Николаевич

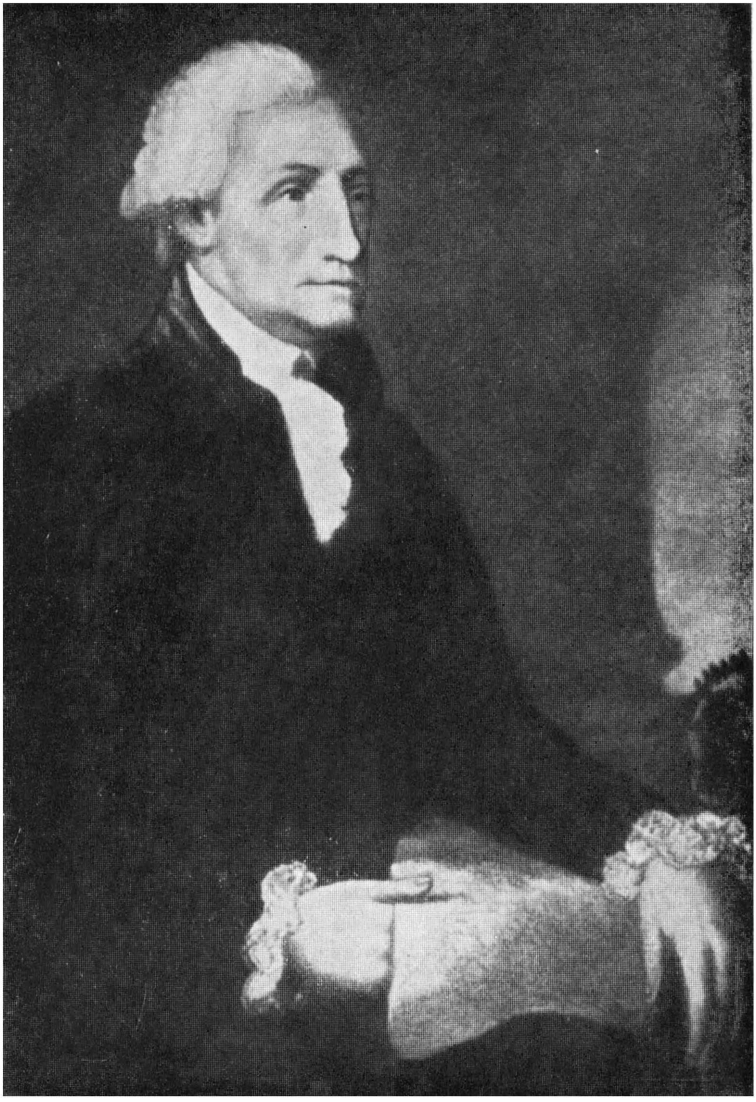
ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Заведующий редакцией **С. Лыкошин**
Редактор **Г. Сальникова**
Художник **Б. Казаков**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **Т. Пескова, Н. Овсяникова**

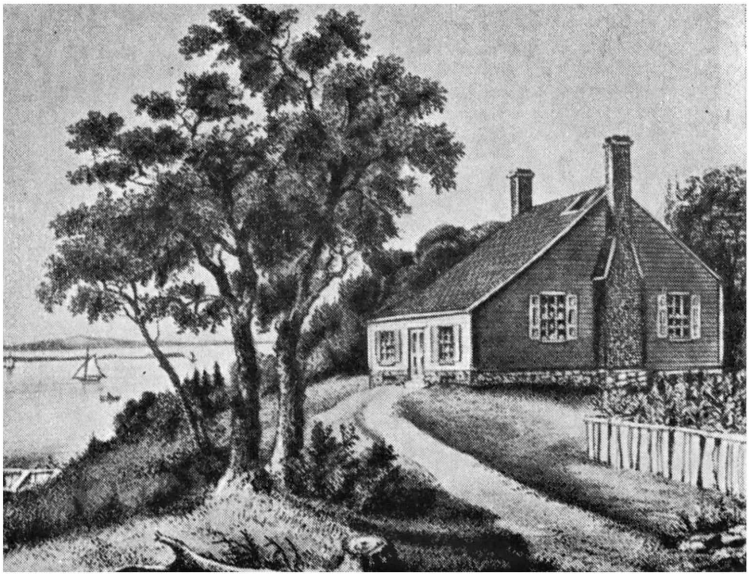
Сдано в набор 20 07.88 Подписано в печать 29.11 88. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая» Печать высокая. Условн печ. л. 31,92+ +1,68 вкл. Усл. кр -отт. 33,6 Учетно-изд. л. 42,9 Тираж 100 000 экз Цена 3 р 10 к Заказ 1887

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-00378-0



G. Washington



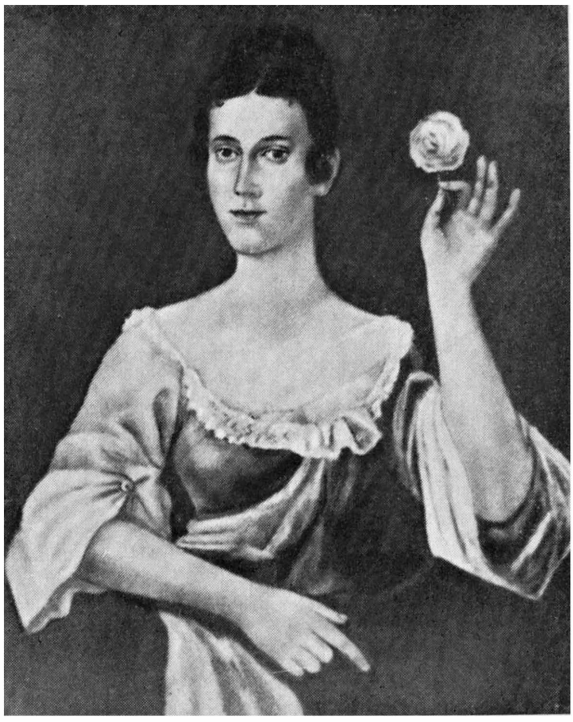
Так примерно выглядел дом, в котором родился Джордж Вашингтон. Сгорел в 1779 году и был восстановлен в 1931 году по скудным документам.

1754 год. Возвращение с Джистом из поездки в форт Лебеф.

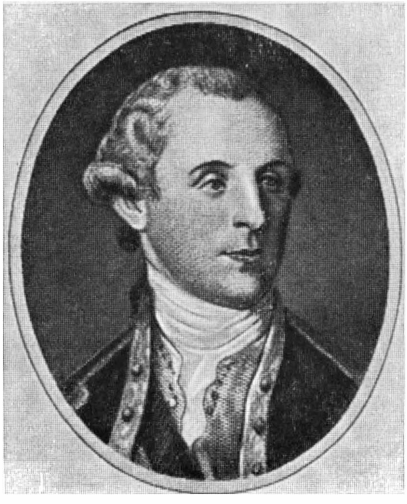
Молодой Вашингтон-землемер. *Рисунок Р. Холла.*

Травля лис. Лорд Фэрфакс и Вашингтон.

Джордж Вашингтон предлагает руку Марте Кастис. *Картина Л. Ферриса, создавшего в 1785 году серию картин о жизни Вашингтона.*

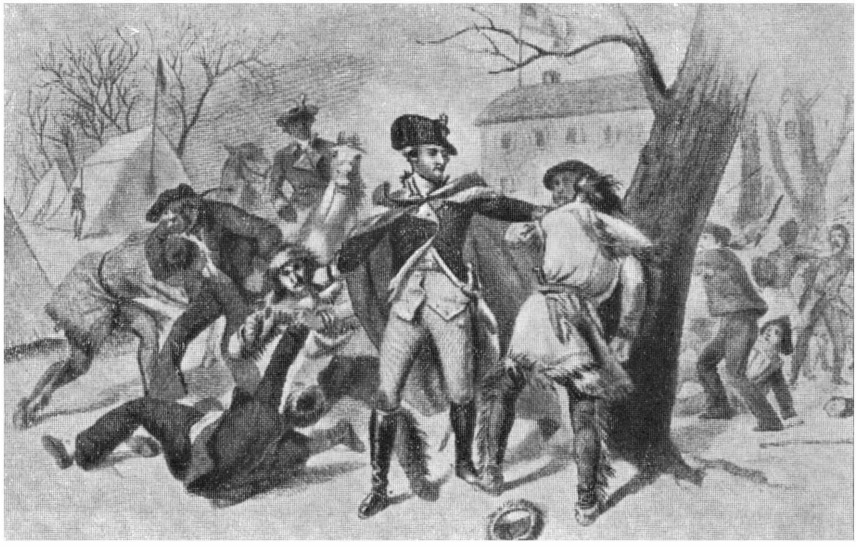


Он пронес ее образ через всю жизнь. Тот самый единственный примитивный портрет Салли Фэрфакс.



Вашингтону 25 лет.

Джордж Вашингтон отправляется на войну. *Картина Л. Ферриса «Перед рассветом».*



Дисциплину приходилось поддерживать и так.

Зима в Вэлли-Фордж.

▲ Через реку.
Впереди Трентон.

▶ Объяснение
с генералом Лп.

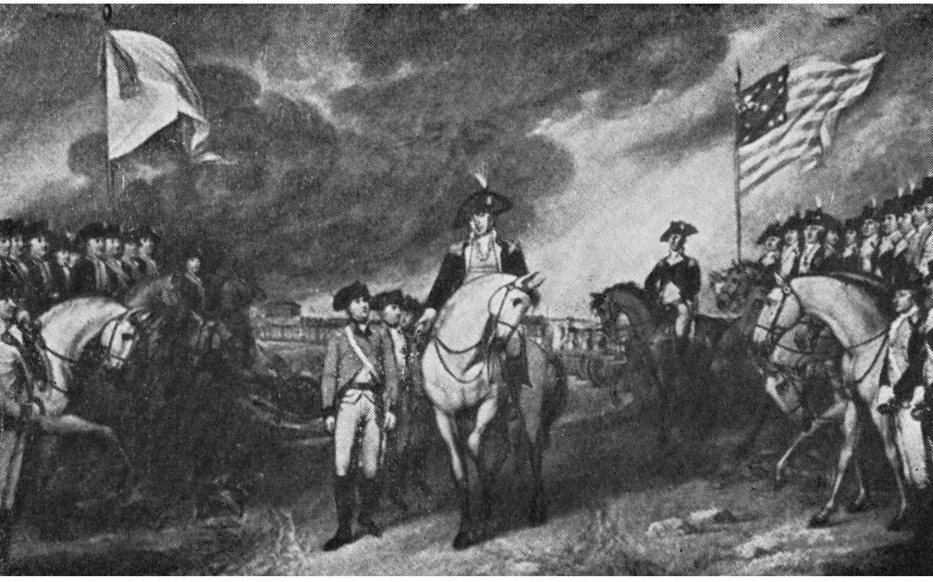
Битва при Джермантауне.

Пегги Шеппард.

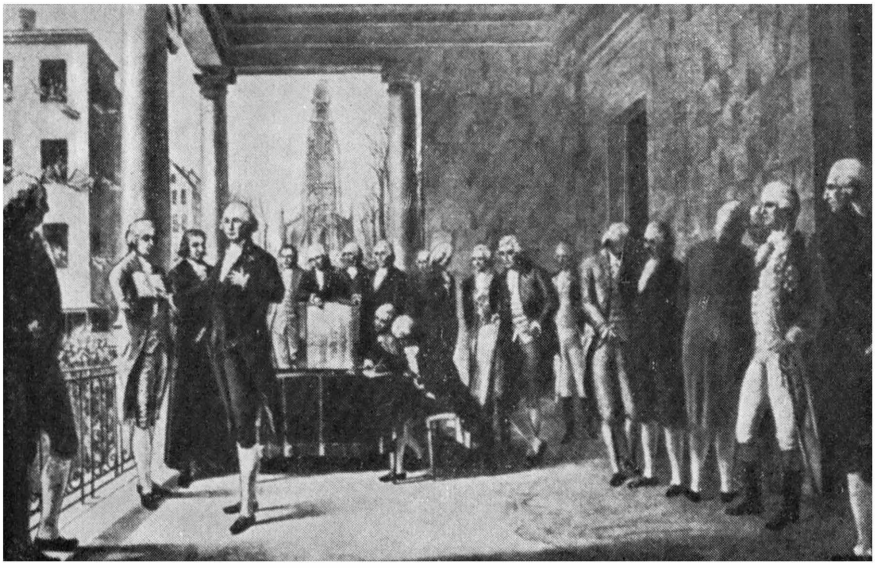
Бенедикт Арнольд.

Прощание с офицерами.
Таверна Фрэнсис, ▶
Нью-Йорк.

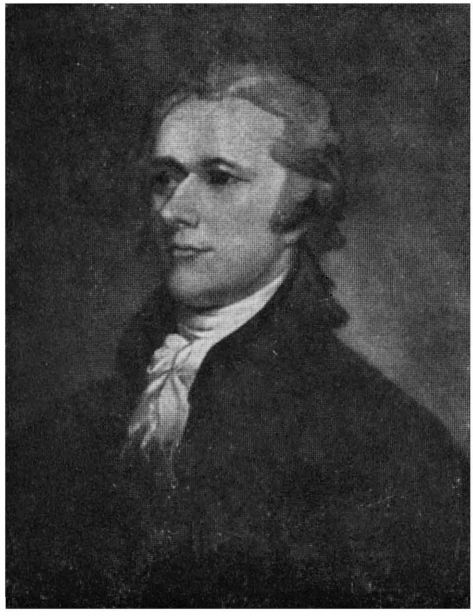
Майор Андре.



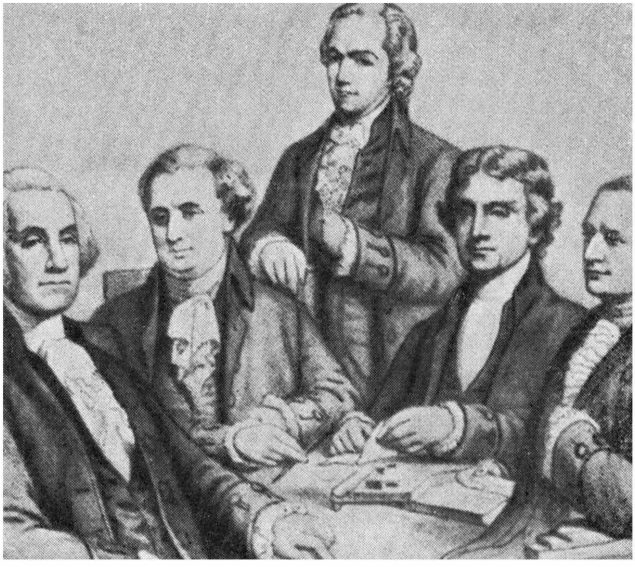
Капитуляция англичан при Йорктауне. 1781 г.



Принятие присяги президента.



Александр Гамильтон.

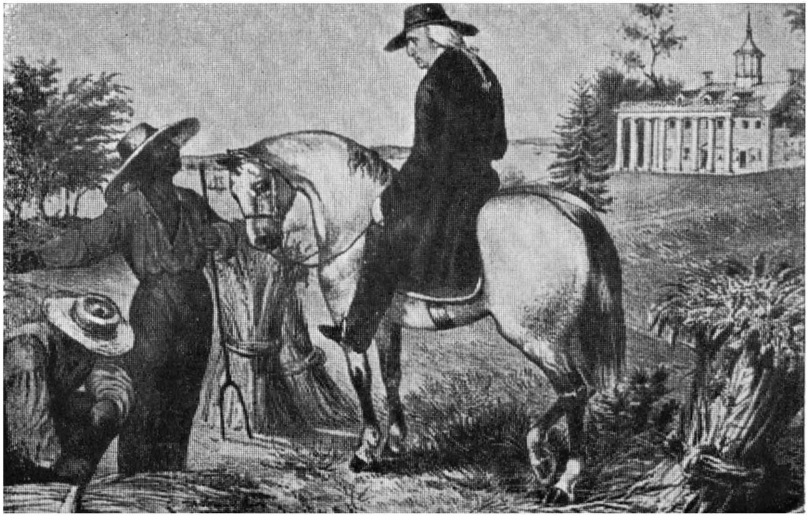


Кабинет Вашингтона.

Нравы конгресса. *Карикатура, появившаяся вскоре после вступления Вашингтона на пост президента.*

Кому трофей — «лисий хвост». 53-летний Вашингтон.
Картина Л. Ферриса.

Прием у президента Вашингтона.



На склоне лет Вашингтон объезжает плантацию.

Семейный склеп Вашингтонов в Маунт-Верноне. Над входом надпись: «Здесь покоится прах генерала Джорджа Вашингтона».

Монумент Вашингтона в столице США.

Президент Джон Кеннеди.

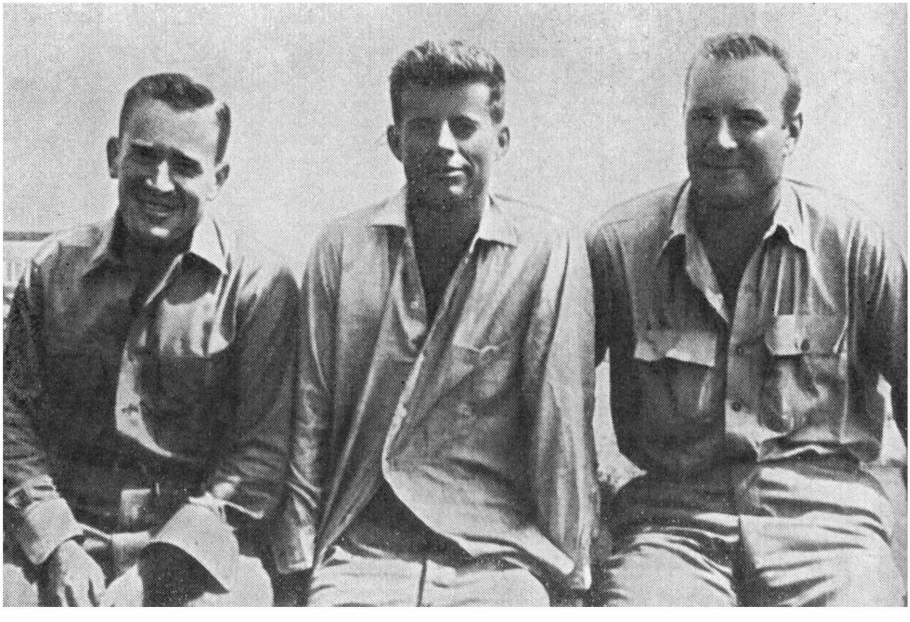
Энис, Джэк, Джо, Розмари, Катлин Кеннеди. 1923 г.

Лейтенант Дж. Кеннеди с друзьями из экипажа РТ-109.

Джо, Катлин, Джоп. 1979 г.

Инга Арвад.

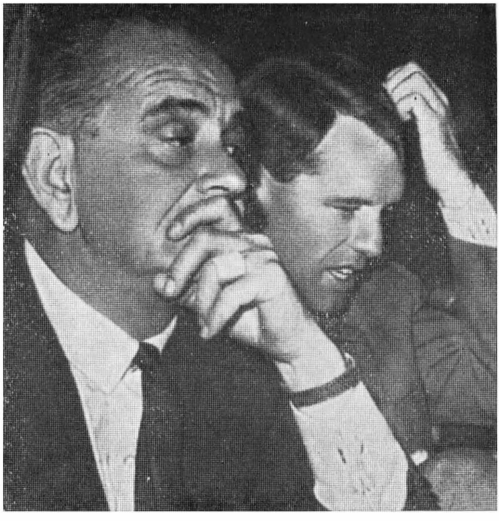
Посол США в Лондоне Дж. Кеннеди на приеме с Джоном. 1979 г.



Дедушка и бабушка сопровождают Джона Кеннеди на выборы. 1946 г.

Клан Кеннеди. Слева направо: Джон, Джоан, Роза, Джозеф, Роберт, Энис, Эдвард. 1946 г.

Жаклин Кеннеди
с сестрой княгиней
Радзивилл. Индия.
1962 г.



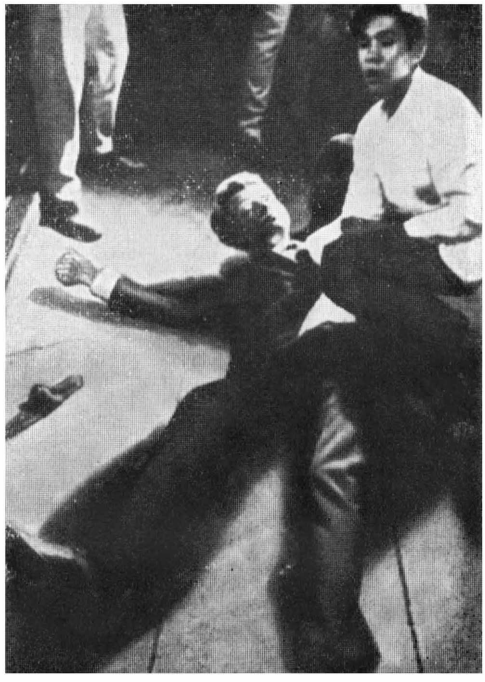
Министр юстиции
Р. Кеннеди.

Ностальгия «Ньюсуик». Май, 1987 г. Дж. Кеннеди и Дж. Экснер.

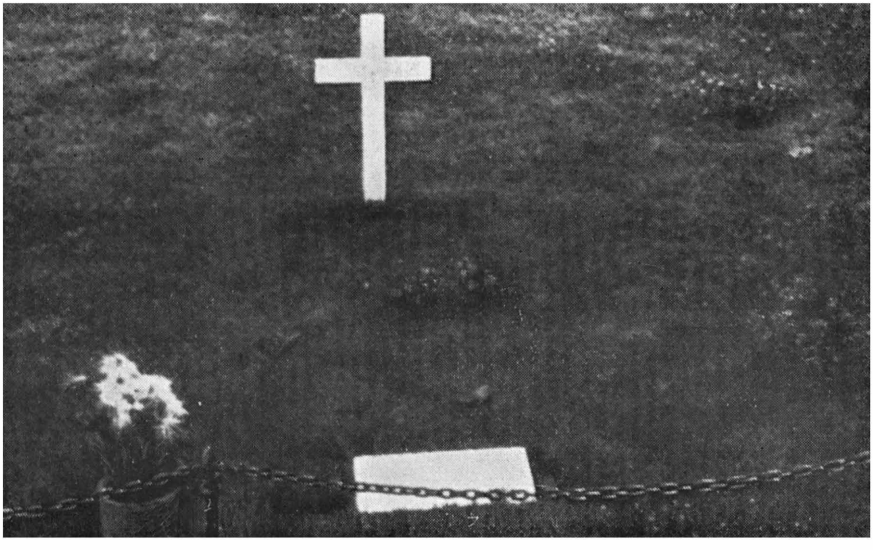
На предвыборном митинге в штате Калифорния. 1968 г.

Ли и Марина Освальд.

Роберт Кеннеди
убит.



Могила
Р. Кеннеди
на Арлингтонском
кладбище.



Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Избранные произведения